Москва, Ермолаевская Садовая, 175.
Петербургъ, кн. маг. И. И. Глазунова.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882

5.

Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1883 году.

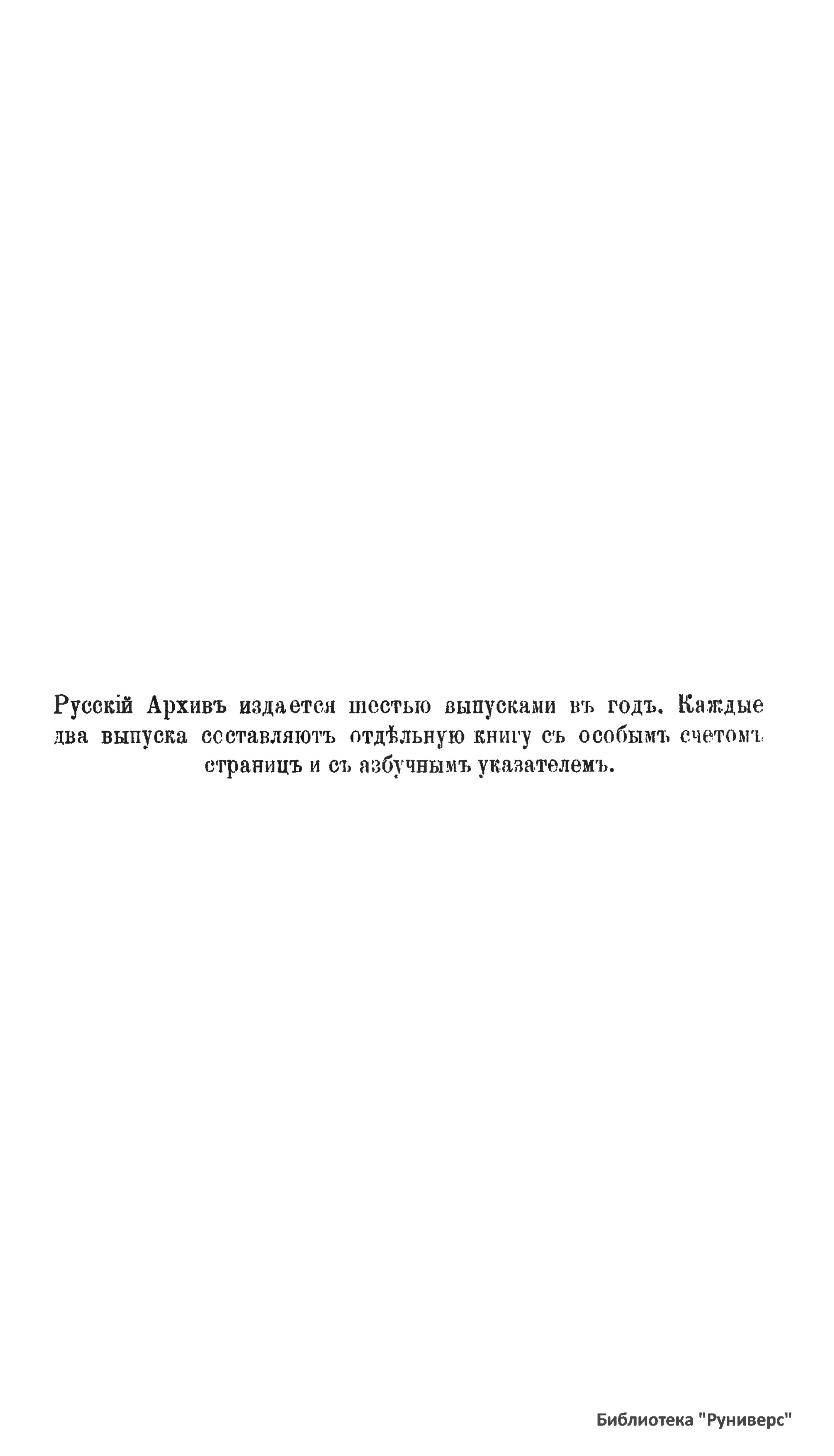
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882.

3.

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и съ азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

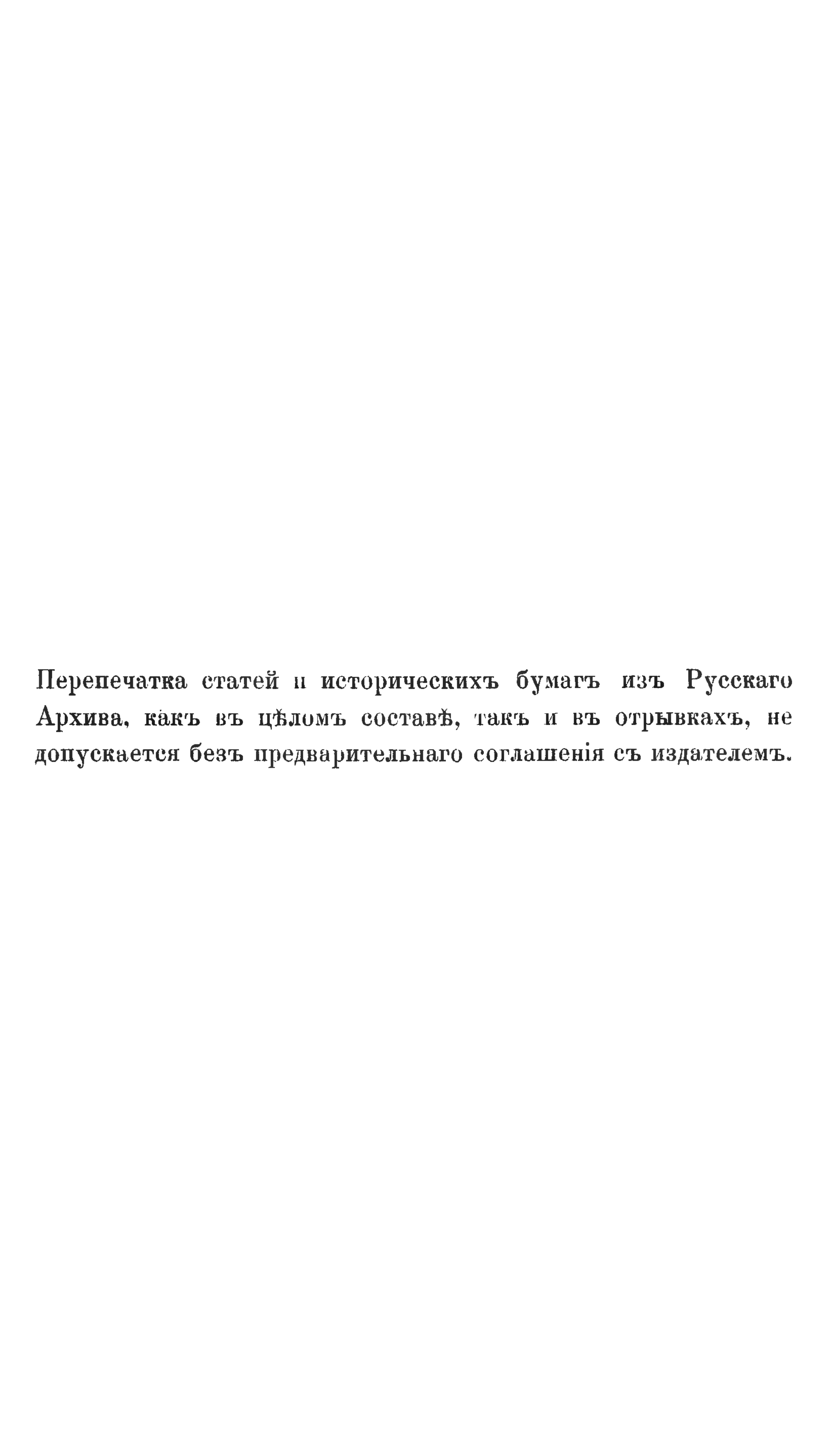
ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

ПОТѢШНЫЕ ПОЛКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Вопросъ о происхожденіи молодаго потѣшнаго Петровскаго войска не одинъ разъ затрогивался нашими историками; но, по какой-то непонятной случайности, розысканія ихъ ограничивалось весьма поверхностною разработкою этого вопроса. Лучшее, по этому предмету, изслѣдованіе мы находимъ у Погодина („Семнадцать первыхъ лѣтъ Петра Великаго").

Пробѣлъ этотъ, въ нашей исторической литературѣ, теперь становится тѣмъ болѣе ощутителенъ, что приближается время, когда первымъ гвардейскимъ полкамъ, Преображенскому и Семеновскому, исполнится 200 лѣтъ со времени ихъ существованія. Но помимо того интереса, какой можетъ представлять для одного военнаго круга вопросъ о зарожденіи потѣшныхъ полковъ, онъ имѣетъ еще болѣе значенія въ глазахъ тѣхъ, которые слѣдятъ за послѣдовательнымъ ходомъ историческихъ событій, ихъ проявленіемъ въ самомъ зародышѣ и, наконецъ, за тѣмъ вліяніемъ, которое имѣло на нашу жизнь учрежденіе постояннаго войска. Почти навѣрное можно сказать, что не будь потѣшныхъ, не было бы того громаднаго переворота въ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи, какой мы видимъ въ началѣ XVIII столѣтія, и Богъ знаетъ, сколько времени Россіи пришлось бы еще вести замкнутую жизнь, если бы геній Петра не стряхнулъ съ нея отжившіе порядки древней Руси и не вывелъ ея на новый жизненный путь. Переворотъ совершился, благодаря опорѣ и сочувствію, которыя Петръ Великій нашелъ въ своихъ потѣшныхъ.

Въ предлагаемой читателю статьѣ мы задались цѣлью прослѣдить начало и происхожденіе молодаго Петровскаго войска.

Матеріалы, которыми мы пользовались, раздѣляются на два рода. Выводы хронологическіе мы дѣлаемъ на основаніи современныхъ и несомнѣнныхъ бумагъ; сюда относятся: выписки изъ столбцовъ, книги приходо-расходныя (денежная и товаровъ) царской Мастерской Палаты, дѣла Семеновскаго приказа (Архивы дворцовый Московскій и Оружейной Палаты), дѣла приказныя, дворцовые разряды (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), дѣла Преображенскаго приказа (Архивъ Министерства Юстиціи) и дѣла архива лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Часть описательная составлена на основаніи матеріаловъ втораго рода, какъ то записокъ современниковъ, Гордона, Желябужскаго, Матвѣева, Крекшина, Ѳеофана Прокоповича, и позднѣйшихъ историковъ, Дмитрія Ѳеодози (изд. въ Венеціи), Миллера (рукопись хранящаяся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), Устрялова (Исторія царствованія Петра Великаго, т. II), Погодина (17 перв. лѣтъ царствованія Петра Великаго) и, наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія заимствованы у Бѣляева (Кабинетъ Петра Великаго) и у Висковатаго (Одежда и вооруженіе Русскихъ войскъ).

Потѣшные образовались не вслѣдствіе высочайшаго указа или по заранѣе опредѣленной системѣ, по штатамъ и съ опредѣленными окладами, какъ формируются вообще какія бы то ни было войсковыя части; но они возникли сами собой, незамѣтно для себя и для всего Московскаго люда. 1683 годъ, на знамённыхъ лентахъ Петровскихъ полковъ, точно опредѣляетъ годъ, когда начались потѣшные, и дѣйствительно годъ этотъ по мнѣнію большинства историковъ составилъ эпоху въ жизни царевича Петра Алексѣевича. Но болѣе точнаго опредѣленія мы нигдѣ не находимъ. Принять какой-нибудь мѣсяцъ, а тѣмъ болѣе число, для опредѣленія начала потѣшныхъ, возможно только условно, прослѣдя постепенно ходъ предшествовавшихъ событій, впечатлѣнія какія они могли произвести на царевича и подъ ихъ вліяніемъ перемѣну въ свойствѣ его занятій и требованій; наконецъ, познакомившись съ личностями, которыя его окружали въ описываемую эпоху, какую они играли при немъ роль и каковы были отношенія къ нимъ будущаго Преобразователя Россіи.

Припомнимъ, что въ 1682 г. Петру Алексѣевичу пошелъ одинадцатый годъ. Живя неразлучно съ матушкой своей Натальей Кирилловной, онъ проводилъ дѣтство, какъ и всѣ царственныя дѣти, въ теремахъ, окруженный няньками, мамками, дядьками, стольниками, спальниками и прочими прислужниками. Царевича любили, холили и, какъ говорится, держали въ ватѣ. На третьемъ году начали его учить грамотѣ, но далѣе чтенія Псалтыря, Часослова и Евангелія онъ не шелъ; писать же началъ только на седьмомъ году. Единственными его развлеченіями были—разсматриваніе картинокъ и игрушки, которыя для

него дѣлались: деревянныя лошадки, разнаго рода потѣшное оружіе и въ особенности много барабановъ, до которыхъ, какъ видно, онъ былъ большой охотникъ. Такъ проходили годы, ребенокъ росъ и развивался быстро, не по днямъ, а по часамъ, но изъ теремовъ не выходилъ. Выходы его ограничивались, кромѣ слушанія богослуженій, поѣздками въ дворцовыя села: Коломенское, Преображенское, Воробьево и богомольями къ Троицѣ - Сергію, въ Савинъ монастырь, къ Іосифу Волоколамскому и др. [1])

Но 27 Апрѣля 1682 года умираетъ царь Θеодоръ Алексѣевичъ и завѣщаетъ престолъ, мимо роднаго своего старшаго брата, «недостаточнаго въ разумѣ и хилаго Іоанна», младшему брату (отъ мачихи) Петру: «ибо благоразумный и отечество-любящій государь Θеодоръ просматривалъ болѣе съ разсужденіемъ удивленія взыскующую физіономію Петрову, которая изъ взора быстротекущихъ очесъ, изъ остроты ума, изъ дерзновенныхъ бесѣдъ и изъ маестетическихъ ухватокъ доказывала въ самомъ отрочествѣ его, что въ немъ находится духъ, который токмо къ царствованію сотворенъ» [2])

Патріархъ Іоакимъ, испросивъ согласіе государственныхъ чиновъ, объявляетъ Петра «великимъ государемъ, царемъ и самодержцемъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи». За государственными чинами присягаетъ юному царю Москва, а за нею вся Россія. Не такъ отнеслась къ воцаренію Петра его сводная сестра Софія Алексѣевна. Она, еще при жизни Θеодора Алексѣевича, расчитывая на наслѣдіе Іоанна и на его слабое здоровье, не покидала мысли объ участіи въ правленіи. Но признаніе Петра единодержавнымъ разстроило замыслы Софіи. Она ищетъ средствъ ослабить Петра и вліяніе Нарышкиныхъ; средство представляется ей въ видѣ двоевластія. Мысль ея основывается на томъ, что Петръ, какъ младшій, уступалъ-бы въ дѣлахъ старшему брату Іоанну, а этотъ, какъ болѣзненный и неразвитой, не могъ бы справиться съ дѣлами, и принужденъ былъ бы прибѣгать къ сестрѣ за совѣтомъ, а она могла бы такимъ образомъ мало по малу забрать всю власть въ свои руки и сдѣлаться правительницей. Мысль эта, на первыхъ порахъ, показалась для гордой, властолюбивой и предпріимчивой Софіи весьма легко осуществимой; препятствіе было только въ семьѣ Нарышкиныхъ, но и тутъ двоюродный братъ ея, бояринъ Милославскій, выручилъ ее совѣтомъ: привлечь стрѣльцовъ на свою сторону и избавиться отъ Нарышкиныхъ; тогда цѣль

[1]) Сборникъ выписокъ изъ столбцовъ дворцовыхъ приказовъ Г. В. Есипова.—Дворцовые разряды.—Опыты изученія Русскихъ древностей Забѣлина.—Погодинъ.

[2]) Дмитрій Θеодози, стр. 155.

будетъ достигнута. Софія не теряла времени: 15 Мая того же 1682 года взбунтовавшіеся стрѣльцы стояли уже въ Кремлѣ и требовали мнимыхъ убійцъ царевича Іоанна. Несмотря на то, что царевича показываютъ всему народу съ Краснаго Крыльца здравымъ и невредимымъ, стрѣльцы врываются въ царскіе хоромы, неистовствуютъ, богохульствуютъ, оскорбляютъ, въ присутствіи Петра, его мать и всѣхъ близкихъ и дорогихъ сердцу, грабятъ царское имущество и, наконецъ, заканчиваютъ день умерщвленіемъ приверженцевъ и родственниковъ молодаго царя, Нарышкиныхъ. Въ продолженіи трехъ сутокъ Петръ съ матерью ежеминутно ожидали, что ихъ постигнетъ таже участь. На третій день стрѣльцы, вырвавъ изъ рукъ Натальи Кириловны любимаго ея брата Ивана Кириловича, сбросили его съ крыльца и, насытившись вдоволь невинною кровью, разошлись, но оцѣпили весь Кремль караулами.

Слѣдствіемъ перваго стрѣлецкаго бунта было избраніе на царство Іоанна вмѣстѣ съ Петромъ, и по молодости ихъ правленіе передано въ руки Софіи. Цѣль Софіи была достигнута, но испытанія царственной семьи этимъ еще не закончились. Вслѣдъ за стрѣлецкимъ бунтомъ Кремлевскіе соборы и палаты были поруганы наглой толпой раскольниковъ, ученья Аввакумова, предводимыхъ княземъ Хованскимъ и Никитою-Пустосвятомъ. Оставаться долѣе въ Москвѣ было невыносимо. Наталья Кириловна, вмѣстѣ съ дѣтьми, покидаетъ столицу, ищетъ убѣжища въ с. Коломенскомъ и, наконецъ, въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ за монастырскою стѣною надѣется найти защиту и покой. Но и здѣсь недолго пришлось ей пользоваться безопасностью. Народъ, взволнованный ея удаленіемъ, требуетъ ея возвращенія для собственнаго спокойствія. Наталья Кириловна сдается на просьбы и возвращается въ Москву, вмѣстѣ съ сыномъ. Но присутствіе ея, и въ особенности юнаго Петра, не даютъ покоя Софіи. Подъ видомъ попеченія о братѣ, она даетъ ему вольность и въ Маѣ 1683 г. высылаетъ изъ Москвы въ подгородное село Воробьево.

Легко себѣ представить то нравственное состояніе, въ которомъ долженъ былъ находиться въ это время мальчикъ-царь. Одаренный необычайными по лѣтамъ способностями, превосходившій по своему развитію многихъ изъ окружавшихъ его лицъ престарѣлыхъ, самолюбивый и пылкій, нѣжный сынъ и проникнутый, благодаря внушеніямъ материнскимъ, сознаніемъ добра и благочестіемъ, онъ, сознавая себя царемъ, на всякомъ шагу подвергался оскорбленіямъ, клеветамъ, въ собственныхъ хоромахъ не былъ безопасенъ и выплакалъ свою долю горькими слезами. Въ такомъ настроеніи, 6 Мая 1683 года въ 12 ча-

су дня, Петръ выѣхалъ изъ Москвы въ Воробьево [3]) и прожилъ тамъ все лѣто до половины Августа, отлучаясь изрѣдка на нѣсколько часовъ, то въ ближній Новодѣвичій монастырь ради крестнаго хода (28 Іюля), то въ самую Москву по случаю церковныхъ торжественныхъ службъ и для пріема Польскаго посланника Яна Зембоцкаго [4]).

И такъ, три съ половиною мѣсяца, время бѣдствій народныхъ и семейныхъ и первый годъ своего царствованія, молодой царь проводитъ съ матерью внѣ столицы, въ Воробьевѣ. Недавнее воспоминаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ кровавыхъ сценъ, не вполнѣ еще окрѣпнувшая увѣренность въ личной безопасности своей и своихъ ближнихъ, не могли не оказать вліянія на образъ жизни и на потребности Петра. Дѣйствительно, слѣдя за его занятіями въ Воробьевѣ, видно, что характеръ ихъ измѣнился. О занятіяхъ учебныхъ ни въ какихъ документахъ не упоминается; въ государственныя дѣла онъ еще не входилъ, охота не занимала его, остается что же? Потѣхи? До нихъ ли было теперь!

Трудно предположить, чтобы богобоязненная, удрученная горемъ Наталья Кириловна равнодушно смотрѣла на родъ занятій и образъ жизни своего сокровища и допускала бы его безпечно относиться къ своему тяжелому положенію. А вмѣстѣ съ тѣмъ, родъ занятій его вполнѣ обрисовывается постоянными требованіями и присылками разныхъ предметовъ снаряженія и вооруженія.

„Въ нынѣшнемъ въ 191 году Мая въ 7 день присланъ въ Оружейную Палату отъ в. г. ц. и в. к. Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, изъ походу изъ села Воробьева потѣшный большой барабанъ, верхняя кожа во многихъ мѣстахъ пробита, и снуры изорваны, а велѣно на тотъ барабанъ кожу положить и струны сдѣлать новыя“ (ст. 191 г. № 623).

„Мая въ 9 день изъ похода, изъ села Воробьева привезъ лучникъ Емелька Деревягинъ два барабана потѣшныхъ, росписаны разными красками, кожи пробиты; а сказалъ: выдалъ-де тѣ барабаны отъ великаго государя изъ хоромъ окольничей Т. Н. Стрешневъ, а приказалъ у тѣхъ баробановъ кожи, которыя пробиты, снять и въ то число положить новыя, и струны сдѣлать новыя пеньковыя“ (ст. 191 г. № 623).

[3]) М. П. Погодинъ сказывалъ намъ, что въ молодости своей онъ еще видѣлъ на Воробьевыхъ горахъ остатки дворца Іоанна Грознаго. При Петрѣ память объ этомъ необыкновенномъ государѣ могла быть еще довольно свѣжа, и жизнь въ Воробьевѣ несомнѣнно заставляла Петра думать о Грозномъ, съ которымъ впослѣдствіи онъ обнаружилъ такъ много сходства. П. Б.

[4]) Дворцовые разряды 1683 года.

„Мая 30-го бояринъ и оружейничій Петръ Васильевичъ большой Шереметьевъ приказалъ сдѣлать къ нему великому государю въ хоромы 12 копей желѣзныхъ потѣшныхъ, прорѣзныхъ, трубки съ граньями, надъ трубками и по концамъ на которыхъ яблоки; въ томъ числѣ ушки копей, трубки и яблочки надъ трубки и по концамъ копей позолотить, а межъ позолоты перья присинить, а ушки копей. одни среднія яблоки позолотить, а по концамъ яблоки же и трубки и перья присинить» (ст., 191 № 615) [5].

Въ день рожденія Петра Мая 30-го 1683 г. на Воробьевѣ сверкнулъ въ первый разъ и настоящій огонь: Пушкарскаго Приказа гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла Русскими мастерами и учениками произведена была потѣшная огнестрѣльная стрѣльба подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Семіона Зоммера. Объ этой значительной потѣхѣ узнаемъ мы изъ награды Зоммеру съ товарищами: «что они стрѣльбы дѣлали въ походѣ въ селѣ Воробьевѣ передъ великимъ государемъ, Мая 30-го дня стрѣляли» [6].

Дошло дѣло и до пушекъ, не деревянныхъ, какія были въ хоромахъ маленькаго царевича Петра, а до мѣдныхъ и желѣзныхъ.

„4 Іюля (1691) выдалъ изъ хоромъ отъ вел. государя и великаго князя Петра Алексѣевича в. в. и м. и б. Р. с. стольникъ Гаврило Ивановъ Головкинъ 16 пушекъ малыхъ, и въ томъ числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большія на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменьше тѣхъ на полковыхъ же станкахъ; 3 пушки верховыя со станками, 2 пушки безъ станковъ большія, пушка малая безъ станку, 3 пушки на волоковыхъ станкахъ—мѣдныя двѣ пушки желѣзныя безъ станковъ и приказалъ“.... и т. д. (ст. 192, № 385).

Іюля 20-го 1691 г. великій государь указалъ къ себѣ въ хоромы сдѣлать 25 сипокъ (дудокъ) деревянныхъ точеныхъ, кленовыхъ, совсѣмъ въ отдѣлкѣ (ст. 192 г., № 731).

Вотъ предметы, которые тѣшили Петра во время пребыванія его въ Воробьевѣ; въ занятіяхъ съ ними онъ провелъ цѣлыхъ три мѣсяца. Конечно, еще раньше, до Воробьева, было у него игрушечное оружіе: сабли, пищали, луки и стрѣлы; но присылались они въ хоромы изрѣдка, съ большими промежутками и большею частію поштучно [7]. Здѣсь же требованія присылки оружія какъ будто становятся до нѣкоторой степени послѣдовательными. Начинается съ барабановъ, затѣмъ высылаются копья, наконецъ пушки, оружіе очевидно не игрушечное. Вмѣстѣ съ тѣмъ для пушекъ требуется и порохъ; оружіе высылается уже

---

[5]) Столбцы дворцовыхъ приказовъ.
[6]) Погодинъ.
[7]) Столбцы съ 1674 по 1682 годъ.

не поштучно для царя, а партіями, хотя незначительными, но достаточными, чтобы предположить, что при царѣ была уже хоть какая-нибудь команда; наконецъ, указывается прямо, что стрѣльбою занимались не дѣти, не сверстники Петра, но люди взрослые — гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла мастера, подъ руководствомъ спеціалиста огнестрѣльнаго дѣла, капитана выборнаго полка Аггея Шепелева, Зоммера.

Что же это была за команда? Какіе люди входили въ составъ ея? И смотрѣлъ ли на нее Петръ, какъ на игру въ солдатики, или какъ на возникновеніе новаго войска? Наконецъ, это ли были первые потѣшные, родоначальники гвардейскихъ полковъ? Вотъ вопросы, которые невольно просятся въ голову. Трудно конечно предположить, чтобы одиннадцатилѣтній юноша, несмотря на всю свою развитость, могъ самостоятельно составить планъ такой коренной государственной реформы, какъ учрежденіе постояннаго войска. Но весьма вѣроятно, что Петръ, можетъ быть и несамостоятельно, но подъ вліяніемъ постороннихъ разговоровъ «въ верху», и отчасти подъ вліяніемъ близкихъ къ нему, а можетъ быть даже самихъ Нарышкиныхъ, въ виду смутнаго времени и боясь за личную свою безопасность, возъимѣлъ намѣреніе создать себѣ отрядецъ для собственной охраны. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что царская команда состояла, какъ мы ниже увидимъ, не изъ сверстниковъ его и не изъ приближенныхъ къ нему бояръ и дворянъ, а изъ людей взрослыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ низшихъ сословій. Была ли эта команда началомъ потѣшныхъ? Можно положительно сказать, что да. Эти самыя потѣшныя стрѣльбы, эти воинскія упражненія (по всѣмъ вѣроятіямъ они производились, коль скоро было вооруженіе и снаряженіе) положили начало тѣмъ самымъ потѣшнымъ, которые въ послѣдствіи, въ Преображенскомъ и Семеновскомъ селахъ, умножились, усовершенствовались въ ратномъ дѣлѣ и, наконецъ, положили основаніе гвардейскимъ полкамъ. Предположеніе это подтверждается еще тѣмъ, что изъ числа лицъ раздѣлявшихъ въ Воробьевѣ потѣхи Петра были люди, которые прошли всѣ перемѣны въ образованіи потѣшнаго войска и въ послѣдствіи вошли въ составъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Къ сожалѣнію, подробные списки лицъ, состоявшихъ въ Воробьевѣ при Петрѣ, у насъ не имѣются; но, сличая столбцы дворцовыхъ приказовъ съ полковыми списками, находимъ будущихъ Преображенцевъ Сергѣя Бухвостова и Якима Воронина въ Воробьевѣ въ числѣ стряпчихъ конюховъ [8]); будущаго Семеновца Никиту Селиванова—стольникомъ. Ему: «по указу великихъ государей, царей и

---

[8]) Столбецъ 191 г. 15 Августа № 715. Роспись стряпчимъ конюхамъ.

в. к. Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича в. в. и м. и б. Р. с., указали сдѣлать кафтанъ суконный кармазиновый; исподъ подъ нимъ подшить бѣличій хребтовый, опушикъ пуховый, вмѣсто узловъ нашить снуры золотные, и этотъ образцовый кафтанъ прислать къ великимъ государямъ царямъ» (на смотръ) [9]). Наконецъ, люди Семеновскаго села, уже во время бытности Петра въ Воробьевѣ, принимаютъ участіе въ образованіи потѣшнаго войска и въ его вооруженіи. Такъ: «1683 года Іюля 4-го отданы дѣлать вновь къ четыремъ пушкамъ станки, да три станка починивать вновь же Семеновскія слободы тяглецу Гришкѣ Тихомірову и т. д.» [10]). Семь рублей обѣщанныя ему за работу выданы 30-го Декабря [11]).

И такъ, если относить зарожденіе потѣшныхъ къ 1683 году, то приходится признать и то, что *начало имъ было положено въ селѣ Воробьевѣ, въ день рожденія Петра, т.-е. 30-го Мая*, когда впервыя раздался потѣшный выстрѣлъ.

Въ половинѣ Августа, Петръ изъ Воробьева переѣхалъ на другой конецъ Москвы, въ с. Преображенское, опять въ сопровожденіи матушки своей Натальи Кирилловны и ближнихъ къ нему окольничихъ, бояръ, дворянъ, дьяковъ, стольниковъ, спальниковъ, истопниковъ и конюховъ. Въ Преображенскомъ Петръ усиленно и настойчиво продолжаетъ начатое въ Воробьевѣ. Хотя осень приближалась къ концу, и переѣздъ въ Москву на время прервалъ его занятія, но въ Январѣ 1684 г., по возвращеніи въ Преображенское, требованія его постоянно учащаются и усложняются. Вооруженіе его команды со дня на день увеличивалось и по числительности, и по составу оружія, что даетъ право предполагать, что и наличный составъ потѣшныхъ увеличивался постоянно, самъ собою, охотниками поступить въ ряды царскіе. Только что Петръ переѣхалъ изъ Москвы, какъ уже въ Январѣ требуются пратазаны обтянутые малиновымъ бархатомъ и перевитые золотымъ галуномъ [12]), пищали винтованныя и къ нимъ всѣ принадлежности, шомпола, затравки, принадлежности для чистки, огнестрѣльные припасы, порохъ, свинецъ, пулелейки, дробь и пищаль скорострѣльная о десяти зарядахъ. Годъ

---

[9]) 192 г. 19 Сентября № 32.

[10]) Ст. 192 г., № 385.

[11]) Тамъ же.

[12]) Пратазанъ, знакъ офицерскаго достоинства, имѣлъ видъ копья, насаженнаго на трехаршинное древко. Подъ копьемъ прикрѣплялась кисть въ $^1/_4$ аршина длиною; въ послѣдствіи кисть установлена была для оберъ-офицеровъ серебрянная, а для штабъ-офицеровъ золотая. На остріѣ копья было съ одной стороны золотое изображеніе Андреевскаго креста, а съ другой—двуглаваго орла. Офицеры въ строю носили ихъ въ рукахъ.

спустя, къ вооруженію потѣшныхъ прибавляются алебарды, палаши, кончеры, шпаги, посольскіе булатные мечи и топоры, бердыши и мушкеты; каждая отправка изъ Москвы въ Преображенское настолько уважительныхъ размѣровъ, что требуетъ на перевозку сразу по нѣскольку подводъ.

Приводимъ подробный перечень всѣхъ предметовъ вооруженія и снаряженія, вытребованныхъ Петромъ изъ Оружейной Палаты за первые два года для своихъ первыхъ потѣшныхъ.

Годъ			Число предметовъ.
1684	Древокъ для пратазановъ (192 г. № 385)............		2
	Барабановъ (№ 506—536—742)...................		13
	Сабель (655).................................		10
	Пратазаны..............................	№ 273	Всего 70 мѣстъ.
	Алебарды...............................		
	Пальники...............................		
	Палаши.................................		
	Кончеры................................		
	Шпаги..................................		
	Пищали золоченыя, винтованныя и духовыя..		
	Пищаль скорострѣльная о десяти зарядахъ...		
	Мушкеты................................		
	Посольскіе булатные топоры.............		
	„ „ мечи.................		
	Бердышъ съ пищальнымъ стволомъ................		1
	Бунчукъ Крымскій съ хвостомъ..................		1
1685	Карабиновъ (193 г. № 785—26—194 г. № 62)......		32
	Мушкетовъ (193 г. № 26—194 г. № 126)...........		46
	Пистолей (193 г. № 789—820) паръ..............		23
	Самопаловъ (193 г. № 856).....................		5
	Фузей (193 г. № 864)..........................		3
	Пищалей (193 г. № 864—938—194 г. № 235)......		5
	Знаменъ (194 г. № 40—126—139)................		3
	Барабановъ (194 г. № 29—139).................		16
	Пратазановъ и алебардъ (194 г. № 126)...........		11
	Службъ банделеръ (194 г. № 126)................		30
	Луковъ со стрѣлами и гнѣздами (193 г. № 834—853—856—858—850)............................		26
	Свинцу.................................около		20 ф.
	Пороху................................ около		15 ф.

Изъ этого перечня можно заключить, насколько потѣшные увеличивались быстро численностью и насколько самый родъ подвозовъ изъ Москвы подходилъ къ требованіямъ военнымъ. Уже въ 1685 году появляются у потѣшныхъ карабины, мушкеты, пистоли, въ послѣдующіе за тѣмъ годы стрѣльба изъ пушекъ учащается, и начинаются упражненія въ пѣшемъ и конномъ строю.

Современникъ Петра Великаго, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, такъ описываетъ первыя занятія потѣшныхъ: «Въ 1684 году его царское величество повелѣлъ набрать, изъ разныхъ чиновъ, людей молодыхъ и учить ихъ пѣхотнаго и коннаго упражненія во всемъ строю, а съ нѣкоторыми и самъ повсевременнымъ тѣмъ обученіемъ и трудами своими, какъ Россійскихъ, такъ и окрестныхъ государствъ военнымъ наукамъ и хитростямъ преизрядно изучася уже навыкъ. Оныхъ молодыхъ солдатъ, не по лѣтамъ своимъ, всему воинству строго обученныхъ, повелѣлъ мундиромъ темно-зеленаго цвѣту убрать и всѣмъ надлежащимъ ружьемъ въ самомъ прямомъ порядкѣ честно учредить, и назвать ихъ въ то время потѣшными, къ которымъ приставлены были тогда штабъ и оберъ-офицеры и унтеръ-офицеры изъ фамилій изящныхъ, комнатные его царскаго величества люди, для содержанія ихъ всегдашняго въ добромъ томъ воинскомъ обученіи, какъ бы къ прямой какой впредъ ожидаемой съ непріятелемъ войнѣ. И не токмо его высокопомянутое величество неусыпно отъ тѣхъ молодыхъ своихъ ногтей оный корпусъ молодыхъ тѣхъ солдатъ самъ всегда назиралъ, но и всѣ тѣ, начавъ отъ барабанщичья чина, солдатскіе чины прямыми своими заслугами прошелъ. Въ селѣ жъ своемъ Преображенскомъ, въ рощахъ, во всегдашнихъ обученіяхъ тѣхъ воинскихъ ихъ солдатъ потѣшныхъ не оставилъ. Притомъ же его царское величество, чтобы они солдаты его и приступомъ къ осадѣ крѣпостей, въ томъ же обученіи своемъ воинскомъ, со временемъ навыкли, того ради повелѣлъ въ томъ же селѣ при рѣкѣ Яузѣ сдѣлать потѣшную регулярнымъ порядкомъ фортецію или крѣпостцу, назвавъ Пресбургомъ, который городъ въ Венграхъ столицею есть. И дѣйствительно, по временамъ къ осадѣ той приступалъ съ притворными изъ мортировъ бомбами, которому искусству они потѣшные солдаты прямо изучались; и со дня на день оный корпусъ тѣхъ потѣшныхъ умножался, которые уже потомъ всѣ въ гвардію употреблены на два Преображенскій и Семеновскій полки, и поселены были слободами въ тѣхъ же селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, о чемъ всѣмъ извѣстно есть».

Слова Матвѣева заслуживаютъ особаго уваженія. Онъ ближе всѣхъ стоялъ къ семейству Нарышкиныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство его есть первое, наиболѣе обстоятельное и наиболѣе прав-

доподобное объ устройствѣ и образованіи потѣшныхъ. Хотя онъ писалъ свои записки въ позднѣйшее время, по воспоминаніямъ, которыя и не всегда могли быть точными, тѣмъ не менѣе они оправдываются почти во всѣхъ отношеніяхъ. Еще въ 1683 году 20-го Ноября великій государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ роздать 57 аршинъ сукна кармазину свѣтло-зеленаго своимъ комнатнымъ спальникамъ на кафтаны [13]), да 21-го Ноября на кафтаны же имъ же такого же сукна 13 аршинъ [14]). Не можемъ утверждать, было-ли это дѣйствительно первое обмундированіе потѣшныхъ, но это весьма возможно, такъ какъ прежде никогда не приходилось встрѣчать такихъ царскихъ дачъ сразу нѣсколькимъ человѣкамъ, а тѣмъ болѣе зеленаго сукна, которое въ послѣдствіи шло на одежду потѣшныхъ.

Въ какомъ родѣ состояли воинскія упражненія, сказать трудно. такъ какъ указаній нѣтъ никакихъ; извѣстно только то, что главными занятіями была стрѣльба изъ ружей и пушекъ, «стройные походы, приступы и бои мнимые, наступательной и заступательной войны дѣйствія» [15]). Походы эти совершались ежегодно, по нѣскольку разъ, въ ближайшія села или монастыри, иногда на нѣсколько дней, иногда же на цѣлую недѣлю и больше. Тутъ конечно довелось ближе познакомиться съ Нѣмецкою Слободой, которая находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ с. Преображенскимъ. Семіонъ Зоммеръ, такъ угодившій Петру еще въ Воробьевѣ своею стрѣльбою, судя по наградамъ, которыя онъ получалъ, не могъ оставаться безъ участія и въ новыхъ потѣхахъ.

Изъ сосѣдней Нѣмецкой Слободы являлись, безъ сомнѣнія охотники, званые и незваные, предлагать свои услуги молодому царю и старались забавлять его на разныя манеры, въ надеждѣ получить такія же награды сукномъ и деньгами какъ Зоммеръ. Они пріѣзжали въ Россію для наживы; непредвидѣнный и вѣрный теперь источникъ доходовъ самъ давался имъ въ руки.

Съ 1684 года число потѣшныхъ умножилось. Любо было Петру видѣть передъ собою преданную дружину; но въ ней не доставало порядка, а чтобы завести его, надо было учредить начальство. Извѣстіе Матвѣева о томъ, что уже въ 1684 году у потѣшныхъ были штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры «изъ фамилій изящныхъ, комнатныхъ его величества людей», врядъ ли заслуживаетъ довѣрія. Петру при образованіи потѣшныхъ не столько нужна была іерархическая лѣстница начальствующихъ лицъ, сколько люди, которые бы сумѣли разобраться

---

[13]) Столбецъ 192 г.. № 201.

[14]) Столбецъ 192 г. № 204.

[15]) Ѳеофанъ Прокоповичъ.

въ сыромъ матеріалѣ, какой представляли потѣшные, привести ихъ въ порядокъ, опредѣлить ихъ права и обязанности. Самъ же онъ, не смотря на всю любовь и привязанность къ затѣваемому имъ дѣлу, очевидно сознавалъ свою неопытность и нуждался въ людяхъ болѣе привычныхъ, уже насмотрѣвшихся и подготовленныхъ къ службѣ въ правильно устроенныхъ войскахъ. Вѣроятно, еслибы онъ смотрѣлъ на дѣло со стороны забавы, поверхностно, то самъ бы лично принялся за воинское устроеніе; но мы видимъ противное: онъ не только не становится во главѣ дружины, но принимаетъ на себя должность простаго барабанщика и тѣмъ доказываетъ желаніе ознакомиться самому съ дѣломъ и пройти всѣ служебныя ступени. Кому же, если не себѣ, онъ могъ поручить устроеніе своей дружины? Одно можно сказать навѣрное, что только не ближнимъ ему людямъ, стольникамъ и спальникамъ, которые не говоря уже о томъ, что и по лѣтамъ не подходили, да и были еще менѣе опытны, чѣмъ онъ самъ.

Въ началѣ, походы, или какъ они иногда назывались «объѣзды», предпринимались вѣроятно съ цѣлью потѣшиться на свободѣ, погулять на распашку, подальше отъ матери и всякаго надзора. Вездѣ мы видимъ Петра одного; онъ такъ потѣшался, какъ ему было угодно, и такимъ образомъ пріучался къ полному, неограниченному во всемъ произволу и безпрекословному исполненію всѣхъ своихъ желаній.

Въ началѣ 1685 года предпринятъ какой-то особенный походъ, или сдѣлано особое распоряженіе, по которому велѣно «за государемъ царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ быть въ походѣ, съ 13-го Февраля, великому множеству всякихъ чиновъ». Въ числѣ этой свиты находились многіе будущіе Преображенцы и Семеновцы [16]). Въ этомъ же году началась постройка потѣшнаго городка Пресбурга.

Итакъ вотъ свѣдѣнія какія существуютъ о зарожденіи потѣшныхъ. Проявивъ первые признаки своего существованія въ Воробьевѣ въ Маѣ 1683 г., они, въ продолженіи слѣдующаго года, совершенствовались въ ратномъ дѣлѣ, а въ 1685 году обрисовались уже совершенно ясными очертаніями. Остается выяснить, отчего родоначальники полковъ гвардіи получили прозваніе потѣшныхъ, изъ кого они состояли и съ какого времени стали именоваться именами мѣстными. Трудно опредѣлить, что̀ побудило царя Петра Алексѣевича набирать свою маленькую дружину: было ли то преднамѣренное желаніе устроить новаго рода войско, на подобіе иностраннаго и противупоставить его безпо-

---

[16]) Ст. 193 г. № 495.

койнымъ и разнузданнымъ стрѣльцамъ, или это были только товарищи его дѣтскихъ игръ и забавъ, или же ихъ назначеніе, если не гласное, то скрытное, было охранять личную безопасность Петра. Мы скорѣе склонны согласиться съ послѣднимъ, и если это предположеніе вѣрно, то прилагательное *потѣшные*, данное Петромъ своей тѣлохранительной дружинѣ, не точно. Оно могло произойти вслѣдствіе того, что они получили начало въ потѣшныхъ селахъ. Дѣйствительно, оба села, Преображенское и Семеновское, еще задолго до образованія Петровской дружины, назывались потѣшными.

Село Семеновское считалось потѣшнымъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и сохранило за собою это названіе до смерти Петра Великаго, благодаря тому, что здѣсь были царская охота, конюшни царскія и звѣринецъ, содержался цѣлый штатъ охотниковъ и охотничьихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ и ястребовъ. Прилагательное «потѣшный» переходило и на жившихъ въ этихъ селахъ людей. До 1682 года въ столбцахъ мы постоянно находимъ, что дано жалованье или сдѣланы кафтаны для потѣшныхъ конюховъ, ястребниковъ, сокольниковъ (охотниковъ), или купленъ фуражъ для потѣшныхъ лошадей и т. д. Неудивительно, что если тамъ появились солдаты, то, по привычкѣ, прозваніе это перешло и на нихъ, и наравнѣ съ потѣшными конюхами они стали прозываться потѣшными солдатами.

Кто были первые потѣшные? На этотъ вопросъ Матвѣевъ отвѣчаетъ: «Петръ велѣлъ набрать молодыхъ людей изъ разныхъ чиновъ». Эти молодые люди оказываются ни болѣе ни менѣе какъ стряпчіе конюха; но были между ними и спальники, и стольники, и стряпчіе, комнатные и постельные истопники. Были вѣроятно въ числѣ ихъ и люди «изящныхъ фамилій», о которыхъ упоминаетъ Матвѣевъ. До самаго 1686 года другихъ названій мы не встрѣчаемъ. Потѣшные солдаты могли служить только частнымъ, такъ сказать, образомъ, въ угожденіе молодому царю, а служба ихъ со своими окладами шла сама по себѣ. Потѣшная служба у Петра и придворная служба, по спискамъ, шли одновременно. Царскій конюхъ могъ быть и былъ въ тоже время потѣшнымъ солдатомъ, могъ быть пожалованъ въ капралы безъ всякаго отношенія къ приказнымъ бумагамъ, по которымъ онъ продолжалъ значиться по прежнему.

Замѣтимъ при томъ, что Петру нечѣмъ было бы содержать потѣшныхъ солдатъ изъ постороннихъ, чужихъ людей; да и откуда ихъ брать, какъ скликать? Онъ могъ набирать сначала только изъ своихъ придворныхъ служителей, которые, поступая къ нему на потѣшную

службу, продолжали числиться въ прежнихъ своихъ должностяхъ придворныхъ и получать прежніе опредѣленные имъ оклады [17]).

Вслѣдствіе этого, первые Преображенцы, Сергѣй Бухвостовъ и Якимъ Воронинъ, назывались, въ тогдашнихъ бумагахъ, стряпчими конюхами, Лука Хабаровъ въ 1687 году называется постельнымъ истопникомъ, а въ 1691 году потѣшнымъ конюхомъ, будучи между тѣмъ много лѣтъ до 1689 года уже «фатермистромъ Преображенскаго полка». Точно также и Семеновецъ Никита Селивановъ называется стольникомъ [18]). Поэтому предположеніе, будто Петръ для созданія своихъ потѣшныхъ «кликнулъ кличъ къ охочимъ людямъ» и что по этому кличу первымъ явился къ нему Бухвостовъ намъ кажется совершенно неправдоподобнымъ. Во первыхъ, ни въ какихъ бумагахъ нѣтъ нигдѣ и намека о подобномъ вызовѣ; а во вторыхъ Петру не было никакой надобности приглашать желающихъ: онъ могъ прямо приказать служащимъ при немъ дѣлать то или другое, если не чистить конюшню и лошадей, то заняться военнымъ ученіемъ. Мы на дѣлѣ въ этомъ и убѣждаемся: всѣ первые потѣшные солдаты были взяты не со стороны, а изъ чиновъ придворнаго вѣдомства, состоявшихъ при особѣ его царскаго величества. Что же касается до Сергѣя Бухвостова, то съ достовѣрностью можно сказать, что онъ въ 1686 году не былъ солдатомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а продолжая быть стряпчимъ конюхомъ до 1686 года, являлся только для такъ называемыхъ потѣхъ. 31-го же Марта 1686 года, онъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ высочайшимъ приказомъ назначенъ «въ верхъ въ потѣшные пушкари», въ подтвержденіе чего считаемъ не лишнимъ привести столбецъ 7194 года, № 547, хранящійся въ Архивѣ Московскихъ дворцовъ:

Лѣта 7194 (1684 года) Марта въ 24 день по указу в—ихъ г—рей царей и в. к. Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, в. в. и м. и б. Р. с., постельничимъ Кирьяну Ивановичу Самарину, да Ивану Семеновичу Головкину съ товарищи. Въ нынѣшнемъ въ 194 году въ указѣ великихъ государей изъ ихъ государевы Мастерскія Палаты въ Конюшенный Приказъ къ боярину къ Ивану Тимофѣевичу Кондыреву съ товарищи писано, велѣно изъ Конюшеннаго Приказа въ тоѐ ихъ государеву Мастерскую Палату прислать *стряпчихъ конюховъ: Якима Воронина, Сергѣя Бухвостова*, Данилу Картина, Ивана Нагибина, Ивана Іевлева, Сергѣя Черткова, Василія Бухвостова, а что̀ имъ великихъ государей жалованья денегъ и хлѣба по окладамъ, и о томъ изъ Конюшеннаго Приказу въ тоѐ ихъ великихъ государей Мастерскую Палату

---

[17]) Погодинъ.
[18]) Столбцы 7192—7205 годъ.

къ вамъ постельничимъ къ Кирьяну Ивановичу да къ Ивану Семеновичу съ товарищи, велѣно отпускать. А безъ имяннаго ихъ в. г. указу изъ Конюшеннаго Приказу въ ихъ в. г. Мастерскую Палату тѣ *стряпчіе конюхи Сергѣй Бухвостовъ, Якимъ Воронинъ,* Данило Картинъ, Сергѣй Чертковъ, Иванъ Нагибинъ, Иванъ Іевлевъ, Василій Бухвостовъ, посланы Конюшеннаго Приказу съ подъячимъ съ Семеномъ Богдановымъ. А *по окладному списку конюшеннаго чину людей прошлаго 193 году тѣмъ стряпчимъ конюхамъ, Сергѣю Бухвостову, Якиму Воронину,* Данилу Картину, Сергѣю Черткову ихъ в. г. жалованья оклады были: денегъ по 5 р., хлѣба по пяти чети ржи, овса тожъ. И *Марта въ 31-й день того же году онъ Сергѣй Бухвостовъ, Якимъ Воронинъ,* Данило Картинъ, Сергѣй Чертковъ *изъ мѣстныхъ стряпчихъ конюховъ взяты вверхъ въ потѣшные пушкари,* да изъ безмѣстныхъ Иванъ Нагибовъ, Иванъ Іевлевъ, Василій Бухвостовъ, и т. д. (194 г. Марта 24, № 547).

Такимъ образомъ подпись, означенная подъ портретомъ Бухвостова Михѣевымъ, по разсказамъ самаго Бухвостова, о поступленіи его на службу, подпись, на которой Погодинъ строитъ свои предположенія о началѣ Преображенскаго полка, теряетъ всякую правдоподобность. Сергѣй Бухвостовъ вѣроятно и былъ однимъ изъ первыхъ поступившихъ въ постоянный составъ потѣшныхъ, иначе Петръ Великій не повелѣлъ бы вылить его «персону» изъ бронзы; но во всякомъ случаѣ въ 1686 году онъ еще не былъ солдатомъ, а былъ только стряпчимъ конюхомъ и явился не добровольцемъ, а былъ переведенъ изъ придворнаго вѣдомства. Неточность разсказа Бухвостова и подпись Михѣева легко объясняются тѣмъ, что они относятся уже къ той эпохѣ, когда потѣшные полки не только что существовали, но уже достигли полнаго своего развитія, и тридцати лѣтъ достаточно было, чтобы нѣсколько изгладить въ памяти подробности первоначальнаго наименованія, которымъ по всему вѣроятію въ концѣ царствованія Петра Великаго и не придавалось особеннаго значенія.

Вышеприведенный указъ великихъ государей и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ и времени набора людей въ пушкари, давшимъ впослѣдствіи начало бамбардирской ротѣ.

Обратимся къ другому вопросу: какъ и когда происходило раздѣленіе потѣшныхъ на Преображенскихъ и Семеновскихъ; вопросъ представляющій наиболѣе затрудненія вслѣдствіе совершеннаго отсутствія всякихъ достовѣрныхъ указаній. Преданіе и составившееся мнѣніе гласятъ, что когда въ селѣ Преображенскомъ недостало мѣста для помѣщенія всѣхъ потѣшныхъ, то часть была переведена въ сосѣднее

село Семеновское, и съ этого времени они стали называться его именемъ. Но вѣрно ли такого рода предположеніе? На чѣмъ оно основано? На одно преданіе положиться нельзя. Будь какіе нибудь документы о формированіи полковъ, вопросъ этотъ былъ бы навѣрно рѣшенъ уже давно, но за неимѣніемъ ихъ приходится ограничиваться одними предположеніями на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній.

Сличимъ показанія первыхъ потѣшныхъ:

1) Генералъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ на запросъ кабинетъ-секретаря Макарова о его службѣ въ 1720 году отвѣчалъ: «Въ 195 году (1687) изъ комнатныхъ стольниковъ взятъ въ Семеновскій полкъ въ солдаты и за малолѣтствомъ былъ въ наукѣ барабанной».

2) Первый офиціальный послужной списокъ Преображенскаго полка, по которому Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ считается маіоромъ, относится къ 1687 году.

3) Въ кабинетныхъ дѣлахъ (отд. II, кн. 54) есть еще свѣдѣніе о службѣ л. гв. Семеновскаго полка маіора Волкова. О немъ сказано: «съ 196 (т.-е. съ 1687 или 1688 г.) въ солдатствѣ и въ унтеръ-офицерахъ 12 лѣтъ».

4) Степанъ Бужаниновъ, который пользовался особеннымъ благоволѣніемъ государя, судя по частымъ ему наградамъ, упоминается въ спискахъ полка служившимъ съ 1687 г. однимъ изъ старшихъ.

Наконецъ, 5) какъ бы въ подтвержденіе всѣхъ показаній, Өедоръ Шакловитый на допросѣ его въ 1689 году показалъ: «Въ прошломъ-де въ 195 году (1687) въ великій постъ объявилось письмо на Лубянкѣ (подметное съ угрозами Софіи), а въ то время у великаго государя Петра Алексѣевича учали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе».

И такъ вотъ пять показаній совершенно разнообразныхъ, составленныхъ въ разное время, и во всѣхъ упоминается одинъ только годъ 1687-й. Можно предположить, что въ этомъ году усиленный наборъ потѣшныхъ былъ слѣдствіемъ возраставшаго своевольства стрѣльцовъ и надменности Софіи относительно Петра. Хотя она въ началѣ года еще не приводила замысловъ своихъ о единодержавіи въ исполненіе, тѣмъ не менѣе потѣшная стукотня и грохотня возбудили не на шутку ея вниманіе. Что за полки тамъ собираются? Это уже не шуткою пахнетъ. Игры и потѣхи принимали видъ настоящаго дѣла. Вниманіе было возбуждено, и опасеніе увеличилось. Надо поближе развѣдать, что̀ тамъ дѣлается; не затѣвается ли что̀ недоброе? Нашлись предательницы, двѣ постельницы царицы Натальи Кириловны: онѣ начали переносить къ царевнѣ Софіи вѣсти и разсказывали, какъ ее тамъ бранятъ и желаютъ всякаго лиха. Шакловитый говорилъ: «Чѣмъ

тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извести»; а князю В. В. Голицыну приписывали даже такія слова:« Для чего ее прежде съ братьями не уходили! Ничего бы теперь не было». Съ другой стороны, двусмысленное поведеніе Софіи относительно брата, постоянныя сношенія и потворствованія стрѣльцамъ, не могли проходить незамѣченными и не безпокоить Петра. Событія 1683 года были еще свѣжи въ памяти. На кого можно было ему положиться и ждать опоры, какъ не на потѣшныхъ? Къ стрѣльцамъ, преданнымъ Софіи, Петръ чувствовалъ полное презрѣніе, и на нихъ, какъ на войско, могъ ли онъ разсчитывать, пока они оставались въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ихъ Петръ при воцареніи?

Вѣроятно, продолжая преслѣдовать первоначальную цѣль, Петръ видѣлъ, что при настоящемъ усложненіи обстоятельствъ маленькая его дружина не будетъ въ состояніи выполнить своего назначенія, и тогда-то онъ, по выраженію Шакловитаго, «учалъ прибирать потѣшныхъ конюховъ» и уже далъ имъ нѣкоторое устройство. Если это и вѣрно, то тѣмъ не менѣе въ то время еще нигдѣ не упоминалось названія ни «полка», ни «Преображенскаго», ни «Семеновскаго»; напротивъ того, дружинники продолжаютъ называться по своимъ придворнымъ должностямъ до 1692 года, съ прибавленіемъ только прилагательнаго «потѣшный». Такъ напримѣръ «1) по книгѣ» приходной всякихъ товаровъ, которые въ пріемѣ изъ Приказа про обиходъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича 7195 г. (1687) № $^{777}/_{262}$, сказано: «Апрѣля 9-го принято съ казеннаго двора $1^{1}/_{2}$ аршина сукна, кармазину малиноваго, на дачу конюхамъ потѣшнымъ, на шапочные вершки». 2) По расходной книгѣ деньгамъ и разнымъ вещамъ царской Мастерской Палаты 7195 го № $^{803}/_{510}$ Мая 11-го, выдано постельному истопнику Лукѣ Хабарову на провозъ отъ Москвы до села Преображенскаго 10 алтынъ, свозилъ онъ луки, ружья и пищали. 3) Въ расходной книгѣ царской Мастерской Палаты 7199 г. (1691 г.) № $^{860}/_{565}$ Ноября 17-го, дано жалованья потѣшному конюху Степану Бужанинову аршинъ тафты бѣлой. 4) Бужаниновъ зовется потѣшнымъ конюхомъ и въ Январѣ 1691 года. 5) Одинъ изъ первыхъ офицеровъ л. гв. Преображенскаго полка князь Андрей Михаиловичъ Черкаскій въ 1691 г. называется еще комнатнымъ стольникомъ и т. д.

Въ 1687 году наборъ въ потѣшные былъ весьма значителенъ. Однихъ конюховъ и служилыхъ для Петра оказывается недостаточно; въ особенности чувствуется недостатокъ въ людяхъ на должности, требующія спеціальной подготовки, какъ напримѣръ барабанщиковъ. Поэтому Петръ требуетъ ихъ изъ солдатскихъ полковъ и въ особенности изъ Бутырскаго. Гордонъ такъ описываетъ въ своемъ журналѣ это обстоятельство: «7 Сентября 1688 года государь, изъ Преображенскаго, прислалъ въ полкъ, требуя пятерыхъ молодыхъ бара-

банщиковъ и флейщиковъ, о чемъ какъ доложено было князю Василію Васильевичу (Голицыну), то сей мнилъ, что надлежало было оныхъ требовать отъ него, а что того не учинилось, въ томъ оказалъ свое неудовольствіе. По второй того же числа присылкѣ послано къ государю въ Преображенское барабанщиковъ и флейщиковъ въ Нѣмецкомъ платьѣ. Государь указалъ дать каждому по рублю и на пару платья. Того же Сентября 8 дня государь прислалъ къ боярину по достальныхъ барабанщиковъ и флейщиковъ, и бояринъ ихъ отпустилъ къ государю съ капитаномъ, не удержавшись опять отъ оказанія своего неудовольствія. Сомнѣваться не можно, чтобъ не для потѣшныхъ молодые барабанщики и флейщики требованы и посланы были».

«Потомъ, Ноября 13 дня, государь приказалъ прислать къ себѣ всѣхъ Бутырскаго полку барабанщиковъ, изъ которыхъ въ Преображенскомъ оставлено 10 человѣкъ, чтобы служить на коняхъ, какъ то и часть потѣшныхъ изъ конницы состояла».

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ можно заключить: 1) что въ 1691 году еще не существовало офиціальныхъ названій не только мѣстныхъ, но даже полковъ. 2) Потѣшные продолжали одновременно съ службою солдатскою числиться и нести службу придворную. 3) Настоящаго полковаго устройства не было, а слѣдовательно не было и расквартированія.

Потѣшные, какъ не составлявшіе какой нибудь отдѣльной части или единицы, не бывали (въ часы свободные отъ службы потѣшной, строевой) въ сборѣ, а расходились по своему прежнему назначенію: одни въ царскіе хоромы, другіе по конюшнямъ. Значитъ, преданіе о раздѣленіи потѣшныхъ, за недостаткомъ помѣщенія, на двое не основательно; а соображаясь съ позднѣйшими данными, можно убѣдиться, что до 1687 года не было ни Преображенцевъ, ни Семеновцевъ, а были одни потѣшные, которые, какъ мы ниже увидимъ, въ 1692 году одновременно переименовались въ потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій. Утверждать, что одинъ полкъ формировался раньше или позже другаго, не болѣе какъ одна игра словъ. Возможно было бы, пожалуй, построить такого рода предположеніе, еслибы первые потѣшные комплектовались исключительно тяглецами одного какого-либо села; но мы уже видѣли, что этаго не было. Если тяглецы Преображенскіе и Семеновскіе и принимали какое либо участіе въ образованіи потѣшныхъ, то только косвенное, составъ же ихъ принадлежалъ исключительно придворному вѣдомству, въ которомъ они продолжали числиться. Но съ 1687 года они несутъ службу уже чисто-строевую и съ этихъ поръ пріобрѣтаютъ чины и должности войсковые. Этому предположенію повидимому противорѣчитъ показаніе князя Михаила Миха-

иловича Голицына и список о службѣ Ивана Ивановича Бутурлина; но не забудемъ, что князь Голицынъ давалъ свое показанiе 33 года спустя и, прослуживъ въ Семеновскомъ полку всю почти свою жизнь, очень легко могъ считать себя въ немъ съ того времени какъ былъ зачисленъ, не вдаваясь въ мелкiя подробности. Относительно же маiорскаго чина Бутурлина въ 1687 году, который можетъ навести на мысль, что прежде чѣмъ дослужиться до него ему слѣдовало начать службу раньше, мы нигдѣ не видимъ, чтобы до 1687 года существовали какiе бы то ни было чины, и очень возможно, что съ этого года люди болѣе ретивые и болѣе принимавшiе къ сердцу занятiя Петра, какимъ былъ Бутурлинъ, прямо были назначены на высшiе чины.

Занятiя въ Преображенскомъ продолжались безпрерывно до конца 1688 года. Съ этихъ поръ вниманiе Петра было на нѣкоторое время отвлечено отъ потѣшныхъ, строенiемъ судовъ и плаванiемъ по Плещееву озеру. Кромѣ того, въ Январѣ слѣдующаго года была сыграна свадьба царя Петра Алексѣевича съ Евдокiею Ѳедоровною Лопухиною; но за тѣмъ лѣтомъ онъ снова вернулся къ своимъ занятiямъ, въ которыхъ проводилъ время то въ Преображенскомъ, то въ Коломенскомъ.

Въ это время царевна Софья Алексѣевна убѣдилась, что потѣхи брата съ конюхами принимаютъ значенiе гораздо важнѣе того, чѣмъ она предполагала. Она увидѣла, что создаваемое войско ростетъ, крѣпнетъ силами и будетъ ей служить главною помѣхою для достиженiя ея цѣлей самодержавiя. Она замыслила принять страшное рѣшенiе: убить царственнаго брата и его мать и сжечь потѣшныя села. Поддержку она разсчитывала найти въ преданныхъ ей стрѣльцахъ. И вотъ въ Августѣ 1689 года Шакловитый уже пишетъ челобитную на имя Софiи отъ имени всѣхъ чиновъ Россiйскаго гусударства о вѣнчанiи царевны царскимъ вѣнцомъ. Челобитная произвела свое дѣйствiе: много нашлось между стрѣльцами изувѣровъ, съ радостiю отозвавшихся на воззванiе постоять за царевну и извести потѣшныхъ конюховъ. Но нашлись въ Стремянномъ полку и такiе, которые, прослышавъ про намѣренiе убить Петра Алексѣевича съ матерью, поклялись спасти царя и тотчасъ же поскакали извѣстить его объ угрожавшей бѣдѣ.

Далекiй всякой мысли объ опасности, Петръ жилъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, предаваясь любимымъ своимъ занятiямъ съ потѣшными, когда въ ночь съ 7 на 8 Августа 1689 года онъ узналъ о новомъ заговорѣ стрѣльцовъ и о покушенiи на свою жизнь. Вставъ съ постели, царь бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и ускакалъ въ Троицкую Лавру. Но не заставили потѣшные себя звать: чуть свѣтъ, провѣдавъ объ удаленiи царя и о причинѣ его бѣгства, они бросились въ Троицкую Лавру защищать Петра. По прибытiи ихъ, обрадован-

ный Петръ тотчасъ же приступилъ къ оборонѣ монастыря. Потѣшными же, скрытно отъ стрѣльцовъ, провезены были ночью, лѣсами, пушки, служившія до сихъ поръ одною забавою, но отъ которыхъ теперь ожидалось спасеніе царской семьи. За потѣшными послѣдовалъ Сухаревъ стрѣлецкій полкъ, бояре и дворъ. Дѣло Софіи было проиграно. Участь ея извѣстна: она пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а соучастники ея въ заговорѣ казнены.

Участіе потѣшныхъ въ этомъ событіи не имѣло значенія въ смыслѣ военномъ; но тѣмъ не менѣе оно дало имъ возможность въ первый разъ доказать преданность царю, противостать крамольникамъ, поддержать власть законную и спасти для Россіи Петра Великаго.

Въ числѣ лицъ послѣдовавшихъ за государемъ въ Троицкую Лавру былъ и генералъ Гордонъ. Въ запискахъ своихъ онъ очень скромно отзывается объ оказанной имъ царю службѣ, но говоритъ, что царь, по устраненіи безпорядковъ, предпринялъ на нѣсколько дней поѣздку въ Александрову слободу и въ Лукьянову пустынь, приказавъ ему (Гордону) чинить воинскія экзерциціи конныя всякаго рода и со стрѣляніемъ изъ ружей. По возвращеніи государевомъ изъ Москвы, онъ былъ 14 Декабря принятъ царемъ на потѣшномъ дворѣ весьма милостиво.

Изъ этого можно заключить, что первое время вѣроятно Гордонъ не оставался безучастнымъ въ потѣшныхъ занятіяхъ Петра и можетъ быть даже до нѣкоторой степени руководилъ обученіемъ потѣшныхъ, что́ ясно высказано въ тѣхъ же запискахъ, во время поѣздки Петра въ Архангельскъ, когда Гордонъ оставался какъ бы начальствующимъ лицомъ надъ потѣшными.

Въ это же время былъ окончательно построенъ потѣшный городокъ, и около него сосредоточились воинскія упражненія потѣшныхъ. Это первое, такъ сказать, военное поле потѣшныхъ и мѣсто устроенія и обученія ихъ. Поэтому считаемъ не лишнимъ привести краткое его описаніе. Хотя городокъ входилъ въ черту села Преображенскаго, но такъ какъ различія между потѣшными не существовало, и вся дѣятельность ихъ была сосредоточена около царскаго дворца, то и воспоминанія о селѣ Преображенскомъ, какъ колыбели потѣшныхъ, одинаково относятся до обоихъ полковъ.

На берегу Яузы раскинулось село, съ церковью во имя Преображенія Господня; а около него, на берегу же, стоялъ домъ Петра, деревянный, двухъэтажный, на каменномъ фундаментѣ, близъ котораго были конюшни и амбары для склада вещей и оружія. Противъ царскаго дома, по ту сторону Яузы, стоялъ потѣшный городокъ, названный Пресбургомъ, между рощами Лосинной и Лебяжьей. Потѣшный го-

родокъ былъ родъ маленькой крѣпости, жилаго помѣщенія было въ немъ только двѣ избушки по три сажени длиною, съ сѣнями крытыми тесомъ. Городокъ былъ обнесенъ бревенчатымъ заборомъ, посреди возвышалась деревянная башня, на переди забора, обращеннаго къ Коломенскому полю, стояло довольно высокое, изъ дерну сложенное, возвышеніе въ родѣ большаго барбета, обшитаго снаружи бревнами сложенными въ вѣнецъ. Возвышеніе это предназначалось для постановки на него орудій. Черезъ Яузу перекинуто два моста, одинъ къ селу, другой къ конюшнямъ. Для перевозки же черезъ рѣку каретъ и рыдвановъ, устроены пловучіе плоты и тарасы. Если присоединить къ этому на рѣкѣ рыбный садокъ, то этимъ закончится картина [19]).

Первые годы потѣшные проводили въ военныхъ упражненіяхъ; но кромѣ занятій фронтовыхъ, на нихъ лежали обязанности гарнизонной и отчасти полицейской службы въ мѣстахъ пребыванія Петра: они были его тѣлохранителями и безотлучно находились при немъ во время его поѣздокъ и во время стрѣлецкаго бунта. Царь, видя въ потѣшныхъ свое созданіе, сроднился съ ними какъ съ членами своей семьи и полюбилъ ихъ всею силою своей молодой, пылкой души. Въ дни свободные отъ службы, онъ предавался вмѣстѣ съ товарищами своихъ трудовъ шумному веселью. Долго за полночь раздавались звуки музыки, пѣсенъ и пляски около мѣста пирушки; царь гулялъ, потѣшные ему вторили, круговая чаша вина нерѣдко изъ его рукъ доходила до рукъ рядоваго, и Ивашка Хмѣльницкій вступалъ въ свои права. Царь былъ душою пировавшихъ, придумывалъ замысловатыя потѣхи, обходился со всѣми запросто, дружелюбно, не сердился за прекословіе и не переносилъ лести. Настроивъ и воодушевивъ свое общество, онъ по большей части удалялся незамѣченнымъ, чтобы на слѣдующее утро съ разсвѣтомъ приняться за работу, и предоставлялъ потѣшнымъ веселиться всласть. Особенно весело проводили святки и масляницу. Дни имянинъ и рожденія Натальи Кириловны были общимъ праздникомъ. Непремѣннымъ условіемъ каждаго празднества были потѣшные огни и пальба залпами изъ ружей и пушекъ [20]).

Такимъ образомъ потѣшные, живя жизнью Петра, росли, въ рощахъ и на поляхъ дворцовыхъ селъ, увеличивались числомъ и исподволь обучались и совершенствовались въ ратномъ дѣлѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ люди, стоявшіе близко ко двору, сознавали, что потѣшные далеко не подходятъ подъ свое прозвище, но продолжали ихъ именовать такъ, потому что и самъ царь звалъ ихъ не иначе. Но въ

---

[19]) Азанчевскій и сборникъ Есипова.

[20]) Устряловъ.

1692 году названіе потѣшныхъ измѣняется. Хотя никакого царскаго указа не было, но съ этого времени потѣшные въ бумагахъ признаются уже полками; да кромѣ того они подраздѣляются еще на Преображенскихъ и Семеновскихъ. Въ приказныхъ столбцахъ мы находимъ въ первый разъ слѣдующее:

„7200 г. Ноября 15 дано великихъ государей изъ Мастерскія Палаты Преображенскаго потѣшнаго полку барабанщику Петру Доброму ихъ великихъ государей жалованья, въ приказъ, денегъ 10 р. (ст. 200 г. № 72).

„Того же году Апрѣля 22 куплено въ Мастерскую Палату тафты бѣлой 30 арш., черной 15 арш., всего 45 арш. цѣною 23 алтына 2 д. аршинъ; шолковой скани зеленой, бѣлой, черной по десяти золотниковъ по 6-ти денегъ золотникъ, а тѣ тафты и шолки отданы въ Семеновскій потѣшный полкъ на дѣло знамёнъ“.

Но въ этомъ году измѣняется не только наименованіе полка, но и его устройство, потому что при новыхъ полкахъ учреждаются съѣзжія, имѣвшія отчасти значеніе теперешней полковой канцеляріи, а въ слѣдующемъ уже пропадаетъ и прилагательное «потѣшныхъ».

И такъ, проявивъ первые признаки своего существованія весною 1683 года въ Воробьевѣ, черезъ десять лѣтъ Петровскіе потѣшные являются уже въ видѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, а въ 1700 году они получаютъ наименованіе *гвардіи*.

П. Диринъ.

21 Августа
1882 года.

Не вдаваясь въ подробности и слѣдя только за общимъ ходомъ дѣлъ, можно придти къ убѣжденію, что первоначальнымъ и главнымъ поводомъ къ образованію новаго войска въ исходѣ XVII вѣка были недостаточность и непригодность войска стараго и прежнихъ способовъ къ охраненію царской безопасности. Сначала мятежъ 1682 года, въ которомъ погибли Нарышкины, а черезъ семь лѣтъ покушеніе на жизнь царя заставили прибѣгнуть къ особому роду царской охраны, которая и послужила основаніемъ нынѣшней гвардіи. П. Б.

БЛАГОВѢРНАЯ ЦАРЕВНА ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРѲА АЛЕКСѢЕВНА.

(Род. 26 Августа 1652 г., сослана въ Успенскій дѣвичій монастырь, что̀ въ Александровской Слободѣ въ 1698 г., пострижена въ монашество съ именемъ Маргариты 29 Мая 1699 г., скончалась Іюня 19 дня 1707 года и погребена тамъ же).

Въ 1698 году, т.-е. восемь лѣтъ послѣ того какъ бывшая правительница Московскаго государства царевна и великая княжна Софія Алексѣевна заключена была въ Новодѣвичій монастырь, въ Кремлевскомъ царскомъ теремѣ жило шесть царевенъ: престарѣлая и богомольная царевна Татьяна Михаиловна († 1706 Августа 24-го) и пять ея племянницъ, дочерей царя Алексѣя Михаиловича отъ брака его съ Маріею Ильиничной Милославской *). Между ними выдавалась по своему значенію и вліянію въ теремѣ царевна и великая княжна Марѳа Алексѣевна. Царь Петръ Алексѣевичъ былъ за границею и готовился изъ Вѣны проѣхать въ Венецію, когда получилъ извѣстіе отъ князя-кесаря Ромодановскаго, что стрѣльцы опять взбунтовались и идутъ изъ окраинъ, гдѣ были на сторожевой службѣ, къ Москвѣ. Петръ отвѣчалъ Ромодановскому: „Пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) ростетъ, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно“. За крѣпкимъ словомъ, не замедлило послѣдовать также и дѣло: 26 Августа 1698 г. Москва узнала, что царь наканунѣ прибылъ въ свою столицу и уѣхалъ ночевать въ Преображенское, гдѣ вскорѣ и начались допросы, розыски и казни.

---

*) Дочерей царя Алексѣя Михайловича было шесть:

1) Евдокія Алексѣевна, род. 1650 г. Февраля 10 † 1712 г. Мая 10.

2) Марѳа, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

3) Софія (въ монашествѣ Сусанна, въ схимѣ опять Софія) Алексѣвна, род. 1657 г. Сентября 17, пострижена 1689 г. Октября 21 † 1704 Іюля 3.

4) Екатерина Алексѣевна, род. 1658 г. Ноября 26 † 1718 г. Мая 1.

5) Марія Алексѣевна, род. 1660 г. Января 18 † 1723 г. Марта 9.

6) Ѳеодосія Алексѣевна, род. 1662 г. Мая 28 † 1713 г. Декабря 14, погребена, какъ и сестра ея Марѳа, въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Остальныя сестры покоятся въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Петръ самъ допросилъ обѣихъ сестеръ, замѣшанныхъ въ дѣло: Марѳу и Софію. Марѳа волей - неволей призналась, что говорила Софьѣ о приходѣ на Москву стрѣльцовъ, объ ихъ желаніи видѣть ее Софью на царствѣ, но заявила, что никакого письма она не передавала стрѣльчихѣ. Софья, спрошенная про письмо, переданное стрѣльцамъ отъ ея имени, отвѣчала: „Такова письма, которое къ розыску явилось, отъ нея въ стрѣлецкіе полки не посыловано. А что они стрѣльцы говорятъ, что, пришедъ было имъ къ Москвѣ, звать ее царевну по прежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она съ 190 (1682 по 1689 г.) была въ правительствѣ".

Послѣ допроса, Софья, хотя и была оставлена на жительствѣ въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изо ста солдатъ, но чтобы впредъ никто не могъ желать ея на правительство, была пострижена въ монашество подъ именемъ Сусанны 21 Октября того же 1698 года. А царевну Марѳу, которая сама призналась, что сообщила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и желаніи ихъ видѣть ее Софью правительницею (ея постельница сверхъ того оговорила ее, что царевна Марѳа будто бы получила челобитную отъ стрѣльцовъ, и отъ нея шло письмо къ Тулѣ), отправили на жительство (въ Октябрѣ же 1698 г.) въ Успенскій дѣвичій монастырь, что̀ въ Переяславскомъ уѣздѣ въ Александровой Слободѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время опричины (1565—1582 г.) жилъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Тамъ царевна также была пострижена въ монашество съ именемъ Маргариты 29 Мая 1699 года.

Инокиня Маргарита Алексѣевна прожила въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 8 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 22 дня въ подвигахъ покаянія и смиренія. „Для нея только и радости было, что церковь Божія". Она скончалась мирно и тихо 19 Іюня 1707 года на 56 году отъ рожденія. Погребена она въ монастырской усыпальницѣ, что̀ подъ Срѣтенскою кладбищенскою церковію. Рядомъ съ ней пожелала быть погребенною и любимая сестра ея, младшая изъ нихъ, царевна Ѳеодосія Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 1713 г. Декабря 14 дня.

На гробницѣ царевны Маргариты слѣдующая надпись: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 7215 года, въ лѣто же отъ воплощенія Спаса Христа Господа нашего 1707 года Іунія мѣсяца въ 19 день, на память св. Апостола Іуды брата Господня по плоти, въ 12 часу дни преставися отъ маловременнаго житія сего къ безконечной жизни раба Божія, великаго государя царя и великаго князя Алексія Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца дщерь его, великая государыня, благородная царевна и великая княжна монахиня Маргарита Алексіевна, жившая въ сей обители въ монашескомъ образѣ 8 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 22 дни, а отъ рожденія всего житія ея 55 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 11 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествіи, не восхотѣ, якоже достоитъ ей, въ церкви особливо положитися, но

изволи и заповѣда съ любовію, смиренія ради своего, въ сей усыпальницѣ со убогими монахини, во общей гробницѣ почивати до дне страшнаго пришествія Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенія. По изволенію сестеръ ея благовѣрныхъ государынь царевенъ Маріи Алексіевны и Өеодосіи Алексіевны перенесены мощи благовѣрныя государыни царевны монахини Маргариты Алексіевны подъ церковь Срѣтенія Господня".

На гробницѣ царевны Өеодосіи Алексіевны слѣдующая надпись: „Въ лѣто отъ сотворенія свѣта и отъ созданія міра 7221 году, отъ воплощенія же Бога Слова 1713 году мѣсяца Декембрія въ 14 день, на память св. мученикъ Өирса и Левкія въ 13 часу нощи въ послѣдней четверти, преставися отъ маловременнаго житія сего къ безконечной жизни раба Божія великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца дочь, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Өеодосія Алексіевна, отъ рожденія житія ея 51 годъ 7 мѣсяцевъ и 15 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествіи не восхотѣ, якоже достоитъ ей, въ церкви въ Москвѣ положитися, но изволи и заповѣда съ любовію, смиренія ради своего и малости, во убогую пустыню сію. По изволенію же ея, сестра благовѣрная государыня царевна и великая княжна Марія Алексіевна изволила привезти тѣло государыни царевны Өеодосіи Алексіевны и положи подъ церковь Срѣтенія Господня, у сестры ихъ благовѣрныя государыни царевны и великія княжны монахини Маргариты Алексіевны въ общей гробницѣ почивати, до дне страшнаго и втораго пришествія Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенія".

Въ ризницѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря, кромѣ разныхъ келейныхъ вещей, принадлежавшихъ обѣимъ царевнамъ Марөѣ и Өеодосіи, сохранились противни (т.-е. копіи) съ подлинныхъ писемъ царевны инокини Маргариты Алексѣевны, писанныхъ ею изъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря съ 1699 по 1707 г. въ Москву къ теткѣ Татьянѣ Михаиловнѣ, къ сестрамъ царевнамъ Наталіи, Маріи и Өеодосіи Алексѣевнамъ и къ нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ въ правительствѣ лицъ, какъ-то къ Л. К. Нарышкину, къ князю П. И. Прозоровскому, Ө. Ю. Ромодановскому, графу А. И. Мусину-Пушкину. Письма эти (по содержанію своему „просительныя"), сохранились худо. Первоначально они были наклеены на картонъ, потомъ сняты съ него такъ неискусно, что почти всѣ по мѣстамъ прорваны, притомъ у однихъ не достаетъ начала, у другихъ конца, у нѣкоторыхъ боковыхъ писанныхъ полосъ. Приводя ихъ въ порядокъ, мы сдѣлали, что̀ можно было сдѣлать для сохраненія ихъ въ пользу исторіи: ибо, не смотря на ихъ одностороннее повидимому содержаніе, все-таки письма эти составляютъ единственный матеріалъ для характеристики царевны Марөы Алексѣевны, неосторожной соучастницы въ замыслахъ самой честолюбивой, но и самой даровитой и умной

изъ пяти сестеръ, которыхъ царь Петръ въ праведномъ гнѣвѣ своемъ на ихъ теремные происки называлъ „злымъ сѣменемъ Милославскаго", прибавляя, что „окромѣ какъ крѣпостію, ничѣмъ сей огнь угасить не можно". Противная сторона, негодуя на эту „крѣпость" (т.-е. строгость), не столько жалуется на самое наказаніе (заключеніе въ монастырѣ и насильственное постриженіе), молчаливо признавая его заслуженнымъ, сколько на ненужное уже за тѣмъ стѣсненіе, съ забвеніемъ правъ по родству и человѣчеству. Это негодованіе высказано, и довольно ясно, царевною инокинею Маргаритою Алексѣевною въ одномъ изъ ея писемъ (№ 7) къ единокровной сестрѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, которая пользовалась, какъ извѣстно, полнымъ расположеніемъ своего единокровнаго и единоутробнаго брата царя Петра Алексѣевича: „Вѣдь я того же отца дочь, такая же *Алексѣевна*!" восклицаетъ больная царевна, жалуясь на невниманіе къ ея усильнымъ просьбамъ о присылкѣ ей въ монастырь доктора; и это не вопль отчаянія, но живой голосъ лица измученнаго разными мелкими уколами, но не потерявшаго сознанія своего царственнаго достоинства. Если и при одномъ чтеніи, этотъ протестъ способенъ возбудить состраданіе къ безцѣльному (послѣ заточенія и постриженія) стѣсненію царевны, то понятно, что онъ не могъ остаться безъ вниманія со стороны ея современниковъ.

Слѣды этого вниманія и сочувствія къ судьбѣ царевны-инокини остались въ нашей древней письменности. Такъ въ книгѣ глаголемой „Описаніе Россійскихъ святыхъ" (въ бывшемъ древне-хранилищѣ М. П. Погодина), въ числѣ Русскихъ неканонизованныхъ церковію святыхъ упоминается и „благовѣрная царевна великая княжна Маргарита Алексѣевна, дщерь царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича". Мѣстно (въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ) память ея и понынѣ чтится служеніемъ панихидъ на ея гробницѣ. Извѣстно также, что родная ея племянница, императрица Анна Іоанновна, въ бытность свою въ Москвѣ, посылала нарочнаго въ Александровскій Успенскій дѣвичій монастырь достать ей масла отъ неугасимой лампады, теплящейся въ монастырской усыпальницѣ надъ гробомъ царевны-инокини Маргариты Алексѣевны. Масло было доставлено ея величеству за кабинетскою печатью.

Архимандритъ Леонидъ.

Св. Троицкая Сергіева Лавра,
Іюль 1882 года.

Письма царевны Мароы Алексѣевны.

А) О присылкѣ ей въ монастырь доктора по случаю ея болѣзни.

1.

Свѣту моей милостивой матушкѣ, сестрицѣ родной, царевнѣ великой княжнѣ Наталіи Алексіевнѣ, сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля и челомъ бью: многолѣтствуй, мой свѣтъ, сестрица, о Господѣ Богѣ на многія лѣта. Милости у тебя, свѣтъ мой сестрица, прошу: пожалуй, радость моя, умилосердись, Господа ради, изволь отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья [1]), ради моей великой болѣзни. А я, свѣтъ мой, сестрица, отъ болѣзни зело изнемогаю, насилу отъ болѣзни нужды ради.... хожу, и ѣсть ротъ не даетъ, и нёбо все напухло, и зубы напухли, всѣ такъ напухли, что всѣхъ насилу знать, что зубы, и часъ отъ часу прибываетъ, и я того опасаюсь, чтобы нёбо не прогнило. И языкъ говорить не даетъ, зѣло косенъ. И животъ весь боленъ, что и дохнуть не даетъ; а ноги обѣ по колѣно въ рожѣ, и такъ распухли, что насилу переступаю, нужды ради. И ты, свѣтъ мой, сестрица, будь такова милостива ко мнѣ, какова мать твоя ко мнѣ милостива была, Наталія Кириловна........ [2]) Помилуй, въ таковыхъ болѣзняхъ не дай напрасною смертію умереть, аще и дохтуръ ни хочетъ ѣхать въ нынѣшней...... и ты его принудь, чтобы онъ поѣхалъ. Пожалѣй и учини милость надо мною, пришли дохтура по своей милости, а онъ не хочетъ меня лечить и ко мнѣ ѣздить. За симъ, свѣтъ мой, здравствуй о Господѣ Бозѣ на многія лѣта.

2.

Свѣту моей милостивой сестрицѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля, челомъ бью: здравствуй, свѣтъ мой сестрица, о Господѣ Бозѣ на многія лѣта. Милости у тебя, свѣтъ мой, сестра, прошу: пожалуй, Господа ради, умилосердися, не презри моего прошенія, изволь

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о сынѣ того доктора „Лаврентія Ринцберга“, который упоминается въ сказаніи Адольфа Лизека о посольствѣ въ Россію отъ Римскаго Цесаря Леопольда къ царю Алексѣю Михаиловичу въ 1675 г.“ По сказанію Лизека этотъ докторъ, бывшій до того уже два раза въ Московіи, при возвращеніи посольства въ Вѣну въ 1676 г., остался навсегда въ Москвѣ и состоялъ переводчикомъ при царѣ. Сынъ его наслѣдовалъ профессію своего отца, и въ отличіе отъ него назывался въ письмахъ царевны „Лаврентіемъ молодымъ“ т.-е. младшимъ.

[2]) Царица Наталья Кириловна скончалась въ 1694 г. Янв. 25 дня.

приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца, а мнѣ прежняя болѣзнь. Пожалуй, свѣтъ мой, сестрица, не учини забвенія, о чемъ я у тебя милости прошу: изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья не помѣшкавъ; а будетъ, сестрица, свѣтъ мой, изволитъ дохтура Лаврентья держать тетушка царевна Татіяна Михаиловна, своей ради болѣзни, и ты, свѣтъ мой, изволь ей побить челомъ, чтобы она изволила ко мнѣ отпустить дохтура Лаврентья молодова...

3.

Государынѣ моей матушкѣ и тетушкѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Татіанѣ Михаиловнѣ [3]) я, племянница твоя, монахиня Маргарита, Бога моля, челомъ бью. Здравствуй, государыня тетушка о Бозѣ на многія лѣта. Милости у тебя, радость моя, государыня тетушка, прошу: пожалуй, Господа ради, умилосердися, не презри моего прошенія, изволь пожаловать приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца. Я нынѣ немогу, старая болѣзнь поднялася. Пожалуй государыня тетушка, не учини въ забвеніи, о чемъ у тебя милости прошу: изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова, не помѣшкавъ на два мѣсяца, того ради, что моя болѣзнь такая тяжка, и скорымъ временемъ излечить невозможно.

4.

Примѣч. Отъ письма къ царевнамъ Марьѣ и Ѳедосьѣ Алексѣвнамъ уцѣлѣлъ лишь конецъ. Подъ этимъ письмомъ слѣдуетъ письмо съ просьбой о томъ же самомъ къ боярину Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому.

..... лечиться у другова..... а я того ради о немъ вамъ бью челомъ, что онъ къ моей болѣзни признался, и чтобъ ему у меня пожить больше, да меня полѣчить хорошенько, того ради, что моя болѣзнь такая тяжкая и скорымъ временемъ излѣчить невозможно.

Отъ благородныя государыни царевны и великія княжны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳеодору Юрьевичу [4]). Князь Ѳе-

---

[3]) Царевна Татьяна Михайловна скончалась въ 1706 г. Августа 24 дня.

[4]) Извѣстный князь Кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромадоновской, спеціально вѣдавшій страшный „Преображенскій Приказъ“, а въ отсутствіи Петра I за границу управлявшій цѣлымъ государствомъ.

доръ Юрьевичъ, отпусти ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца не помѣшкавъ; у меня старая болѣзнь поднялася. Пожалуй Бога ради, отпусти тотчасъ, не помѣшкавъ ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова, не ослушайся меня, а я зѣло немогу. Да еще я къ тебѣ пишу, князь Θедоръ Юрьевичъ, прикажи отпустить ко мнѣ дохтура на ямскихъ лошадяхъ, а намъ по него прислать не на чемъ: лошадей нѣтъ; да и лекарства прикажи съ нимъ отпустить побольше, чего онъ станетъ просить.

5.

Письмо царевны къ доктору Лаврентію Ринцбергу младшему.

Пожалуй Лаврентій Лаврентьевичъ, не учини того, что тебѣ ко мнѣ не быть и лечить (ся мнѣ у друго)ва: у меня пуще стало, и всю болѣзнь растрогалъ. Пожалуй, непомѣшка въ пріѣзжай, аще отпустятъ, и я письмо послала къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ о тебѣ.

Примѣч. Эти письма были отправлены съ строителемъ Успенскаго дѣвичья монастыря старцемъ Геронтіемъ, которому было притомъ поручено и лично просить царевенъ, чтобы просьба Маргариты Алексѣевны была удовлетворена. Сохранилась его отписка царевнѣ, слѣдующаго содержанія:

«Государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ монахинѣ Маргаритѣ Алексѣевнѣ строитель старецъ Геронтій челомъ бьетъ. Подалъ государынямъ царевнамъ Марьѣ Алексѣевнѣ, и Θедосьѣ Алексѣевнѣ, Натальѣ Алексѣевнѣ, о дохтурѣ билъ челомъ. Царевна Наталья Алексѣевна изволила сказать: отпускъ . . . . . дохтору, послѣ походу, изволитъ итти . . . . (до Пути)вля [5]). Царевны Марья Алексѣевна и Θедосья Алексѣевна сами говорили ей . . . . . изволила имъ сказать: отпущу (какъ вернусь) изъ походу. Царевны Марья Алексѣевна и Θедосья Алексѣевна изволили сказать . . . . . дастъ Богъ здоровья, мы и сами въ великомъ посту побываемъ, ... у дохтура» . . . . .

Примѣч. Это увѣдомленіе, какъ видно, глубоко огорчило больную. Послѣдовалъ новый рядъ писемъ: къ сестрамъ Марьѣ и Θедосьѣ Алексѣевнамъ, къ князю Θедору Юрьевичу Ромодановскому и къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, въ которыхъ, рядомъ съ повтореніемъ просьбы, есть и укоры, на „забвеніе и оставленіе“.

---

[5]) Если наша догадка вѣрна, что слѣдуетъ читать: „до Путивля“, то письмо это и прочія слѣдуетъ отнести къ Маю мѣсяцу 1705 г., въ которомъ великая княжна Наталья Алексѣевна провожала до Путивля брата своего царя Петра Алексѣевича, отправлявшагося въ семъ году къ войскамъ въ Полоцкъ.

6.

Свѣты мои, матушки сестрицы, умилосердитесь Господа ради, побейте челомъ сестрѣ царевнѣ Наталіи, чтобы она отпустила дохтура, хотя бы онъ моей болѣзни посмотрѣлъ, да лекарства далъ. А жить не надобно, когда вашей милости не стало до меня, и я вамъ не надобна. А у меня такія болѣзни, что невозможно........ сказать: ноги не дадутъ и ступить, въ рожѣ; и въ животѣ рожа, а нёбо все опухло; и цынга одолѣла, и ниже зубовъ опустилось, и языкъ становится косенъ, а сукровица безпрестанно изо рта идетъ, и я боюся тово, чтобы...

7.

Свѣтъ моя сестрица матушка царевна Наталія Алексѣевна, за что ты такова ко мнѣ немилостива явилася? Развѣ за то, что я отъ вашей милости ушла, и я тѣмъ не виновата: хотя бы я невѣдомо гдѣ, да и я тово же отца дочь, такая же Алексѣевна. Ты изволишь сказывать: царевна не домогаетъ Евдокія [6]); воистину мнѣ и самой ея жаль, и я его (дохтура) не прошу, чтобы ему у меня жить, хотя бы только пріѣхалъ, посмотрѣлъ моей болѣзни....

8.

Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому.

......Приказала (просить) государыня царевна монахиня Маргарита Алексѣевна: пожалуй князь Ѳедоръ Юрьевичъ, умилосердитесь.... отпустите ко мнѣ дохтура, Христа ради, что отъ болѣзни изнемогаю, что чуть духъ мой держится, ноги и ступить не дадутъ, всѣ въ рожѣ, и въ животѣ рожа, и жаръ во всей, нёбо опухло, и цынга одолѣла, и ниже зубовъ спустилось, и сукровица безпрестанно идетъ, и языкъ косенъ становится, и я того опасаюсь, что станетъ во рту. Пожалуй умилосердись, отпусти ко мнѣ дохтура, хотя бы посмотрѣлъ мою болѣзнь и лекарства бы далъ, чемъ пользоваться. И сказываете, будто за тѣмъ его не пущаете, что сестра (больна) царевна Евдокія, и я его не задержу, только бы мнѣ онъ лекарства (далъ) и отъ рожи, и отъ цынги. Пожалуй не (учини) забвенно.....

Примѣч. Усиленныя просьбы царевны взяли свое: докторъ былъ къ ней отпущенъ, по ходатайству боярина Льва Кириловича Нарышкина, какъ это видно изъ приписки царевны въ одномъ изъ писемъ къ нему (см. ниже).

---

[6]) Царевна Евдокія Алексѣевна скончалась 1712 г. на 63-мъ году отъ рожденія.

Было (какъ указалъ К. Тихонравовъ) благодарное письмо къ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ за присылку доктора, и съ просьбою объ отпускѣ полтретьи тысячи изъ столоваго запаса единовременно (а не по частямъ).

Б) Письма съ жалобами на несвоевременное доставленіе заказовъ и денегъ, и на худое качество доставляемыхъ столовыхъ запасовъ.

9.

Къ царевнѣ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

.....Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, изволь приказать въ тѣ монастыри послать, чтобы везли ко мнѣ деньги не мѣшкавъ, или изволишь приказать мнѣ отъ себя къ нимъ кого послать, что мнѣ великая нужда: ни запасу, ни денегъ; а когда и привозили мнѣ съ Москвы запасы, и всё гнилое, да вонючее. И я, свѣтъ мой, сестрица, какъ пришла съ Москвы, щучины и стерлядины и въ ротъ не бирала: всё привозили вонючую. И окуней тоже въ ротъ не бирала: зимою привозили промерзлые, а лѣтомъ протухлые. Масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, что ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и муку затхлые. Бражки и кислыхъ штей сдѣлаютъ, испить нельзя: все безъ питья животъ свой мучу. Да и то, сестрица, привозили всё гнило, да худо, и то всё во всемъ недовозы. И я къ вамъ писала, что мнѣ было ни до чево, только самой до себя; только я вамъ била челомъ болѣзни своей ради, про дохтура, а къ ключникамъ многажды писала, а они и не глядятъ. А нынѣ, свѣтъ мой, сестрица, прикажи ко мнѣ деньги отпустить не мѣшкавъ, что мнѣ великая нужда нынѣ, свѣтъ мой сестрица. И ангелъ мой былъ, Богъ вѣстъ, каково мнѣ печально, да скудно было. Пожалуй, свѣтъ мой, сестрица, не презри моего прошенія: изволь приказать ко мнѣ отпустить деньги не помѣшкавъ, чтобы мнѣ въ скудости не быть. За симъ многолѣтствуй, радость моя, государыня сестрица, о Господѣ Бозѣ на многія лѣта.

10.

Отъ благородныя государыни царевны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳедору Юрьевичу почтеніе.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ. Доложи Государю, чтобы пожаловалъ изволилъ приказать послать въ тѣ монастыри грамоты, чтобы мнѣ отпустили деньги за столовые запасы полтретьи тысячи на годъ, да чтобы мнѣ всё вдругъ привозили съ году на годъ. А нынѣ мнѣ при-

слана грамота, съ какихъ мнѣ монастырей брать деньги, и срокъ поставленъ, какъ деньги привозить, к срокъ давно вышелъ, а денегъ ко мнѣ еще не приваживали по се время ни деньги. И мнѣ нынѣ великая нужда въ кушаньѣ, того ради что ни денегъ, ни запасовъ. А когда мнѣ и съ Москвы привозили запасы, и то все гнилое, да вонючее. И я какъ и пришла съ Москвы, щучины и стерлядины въ ротъ не бирала, окуней также въ ротъ не бирала, того ради что зимою привозили перемерзлые, а лѣтомъ протухлые, масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлые: бражки и кислыхъ штей, какъ сдѣлаютъ, испить нельзя; всё безъ питья животъ свой мучу, да и то привозили все гнилое, да худое, и во всемъ педовозы, и я къ вамъ и не писала, все терпѣла Бога ради, а къ ключникамъ многажды писала, а они не глядятъ......

Пожалуй, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, Бога ради, умилосердися, въ честь тебѣ бью челомъ; доложи Государю, и самъ порадѣй, чтобы мнѣ не быть во великой нуждѣ; прикажите мнѣ деньги привезть всѣ вдругъ полтретьи тысячи, что̀ за столовые запасы. Ей, великая нужда мнѣ нынѣ въ кушаньѣ.

11.

Такого же содержанія письмо послано царевною къ боярину Льву Кириловичу Нарышкину, съ припискою: „Да спасетъ Богъ тебя, Левъ Кириловичъ, что отпустилъ ко мнѣ дохтура; мнѣ нынѣ тебѣ за твои труды воздать нечѣмъ, только я должна за тебя Бога молить вѣчно, и Богъ тебѣ воздастъ вся благая. За симъ здравствуй о Христѣ на вѣки“.

12.

В) Къ царевнамъ Татьянѣ Михайловнѣ и Маріи Алексѣевнѣ съ просьбою о ссудѣ денегъ въ займы.

Свѣту моей любезной сестрицѣ благородной царевнѣ и великой княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ. Сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля, и челомъ бью: многолѣтствуй, свѣтъ мой сестрица, о Господѣ на многія лѣта. Пожалуй, Господа ради, умилосердися, одолжи пожалуй мнѣ въ займы до Семена дни пятьсотъ рублевъ денегъ; я тебѣ, ей, сестрица заплачу. На Семенъ день велю, и къ себѣ не возя, къ тебѣ взнести то что̀ намъ выдаютъ на Семенъ день пятьсотъ рублёвъ. Пожалуй, радость моя сестрица, ссуди меня, Господа ради, для того, что

мнѣ великая нужда. А будетъ у тебя сестрица пятисотъ нѣтъ, а ты.... побей челомъ тетушкѣ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, хотя пожалуйте по половинѣ меня ссудите, по полутретьясту. Пожалуй, радость сестрица, не презри моего прошенія; ссудите, меня въ сіе нужное время. У меня только и вся надежда, что на Господа Бога и на Святую Богородицу, да на ваше милосердіе. Пожалуй, радость сестрица, хотя меня симъ утѣшьте въ такомъ дальнемъ разстояніи; и такъ я у васъ оставлена отъ единыхъ. За симъ, свѣтъ мой сестрица, многолѣтствуй о Христѣ на вѣки.

Примѣч. Одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ (Владим. губ.) покойный К. Тихонравовъ въ статьѣ своей объ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ (см. Владимирскій сборникъ, Москва 1857 г.) передаетъ *содержаніе* видѣннаго имъ письма царевны Маргариты Алексѣевны къ теткѣ ея в. княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ. „Маргарита Алексѣевна, говоритъ онъ, пишетъ о томъ, что она въ печаляхъ своихъ и болѣзняхъ чуть жива и проситъ умилосердиться пождать у нея своихъ денегъ 250 рублей до Васильева вечера; о томъ же проситъ и сестру свою в. к. Марію Алексѣевну о подожданіи долга на ней Татьяны Михайловны, гдѣ проситъ ее доставлять деньги вдругъ полтретьи тысячи на годъ за столовый запасъ, а жалуется на недостатокъ запасовъ, а именно на несвѣжую рыбу и масло порченое, солодъ и муку затхлые.

13.

Государынѣ моей милостивой матушкѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ племянница твоя монахиня Маргарита Алексѣевна челомъ бью: многолѣтствуй, мой свѣтъ, государыня тетушка. Прошу, пожалуй государыня, умилосердися, Господа ради, одолжи меня, пожалуй мнѣ въ займы до Семена дни пятьсотъ рублевъ денегъ, я тебѣ заплачу. За симъ, радость моя, государыня милостивая тетушка, многолѣтствуй о Христѣ на многія лѣта.

14.

Г) Письмо царевны Маргариты Алексѣевны къ брату царю Петру Алексѣевичу просительное и къ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому о томъ же.

.....Татьянѣ Михайловнѣ, вмѣсто кушанья дворцовыхъ запасовъ, давали деньги изъ Приказу Большой Казны. А мнѣ, Государь, по твоему же Великаго Государя указу, вмѣсто кушанья дворцовыхъ запасовъ, деньги даютъ изъ Монастырскаго Приказа......

Прошу твоего величества, прикажи, Государь, послѣ тетушки государыни царевны Татіаны Михайловны деньги давать изъ Приказу Большой Казны; а въ тѣхъ, которыя мнѣ давали изъ Монастырскаго Приказа, какъ ты, Великій Государь, изволишь, для того, что они сбираются съ монастырскихъ вотчинъ и присылаются ко мнѣ медленно и недружно. Вашего Величества сестра царевна монахиня Маргарита Алексѣевна. Сентября въ.... 1706 года.

Примѣч. К. Тихонравовъ въ упомянутой статьѣ также говоритъ о письмѣ царевны Петру и приводитъ его *содержаніе:* „Письмо ц. М. А. къ брату царю Петру Алексѣевичу, гдѣ проситъ, чтобы удостоиться видѣть пресвѣтлыя очи его и сына его царевича Алексѣя Петровича; проситъ также за столовые запасы противъ сестеръ выдавать и ей изъ Большой Казны деньги блаженной памяти тетушкины; а то назначенныя ей изъ Монастырскаго Приказа деньги привозятъ, когда 500 рублей, когда 100 къ Семенову дню несвоевременно, когда всякіе запасы дороги, и тѣ деньги присылать ей съ старцемъ Геронтіемъ. На другой сторонѣ того же отрывка письмо къ сестрѣ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ, гдѣ проситъ о томъ же, о чемъ и брата своего царя Петра Алексѣевича“. (Нынѣ этихъ писемъ нѣтъ).

15.

Отъ благородныя государыни царевны и великія княжны Маргариты Алексѣевны. Пожалуй, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, послала я къ тебѣ письмо, пошли его къ Государю не мѣшкавъ черезъ почту; тебѣ вѣстно о чемъ къ нему Государю била челомъ, и то вѣдомо и царевнѣ.... Еще била челомъ, чтобъ мнѣ пожаловалъ деньги столовыя блаженныя памяти тетушки нашей Татьяны Михайловны изъ Большой Казны Петра [7]), а мнѣ за столовой запасъ денегъ (назначено) изъ Монастырскаго Приказа, и мнѣ медленно и убыточно деньги возятъ по пятьсотъ, а когда и сто на весь годъ на силу къ Семенову дню; запасъ продаютъ, а денегъ нѣтъ, а когда деньги есть, то запасовъ въ продажѣ нѣтъ.

---

[7]) Бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровской управлялъ въ то время Приказомъ Большаго Дворца.

16.

Д) Просительныя письма къ боярамъ Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину и князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому и къ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ.

Отъ благородной царевны и великой княжны монахини Маргариты Алексѣевны боярину Ивану Алексѣевичу [8]).

Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ, прикажи прислать въ Успенскій дѣвичь монастырь мастера, которой на церквахъ кресты ставитъ; потому что на соборную церковь крестъ сдѣланъ новой, а нынѣ за мастеромъ остановка учинилась, а подъ твоею областію такой мастеръ есть, что̀ на церквахъ кресты ставитъ. И ты, бояринъ Иванъ Алексѣевичъ, вышеписаннаго мастера прикажи послать не замѣшкавъ, потому что за тѣмъ остановка....

17.

Отъ благородныя государыни царевны и великой княжны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳедору Юрьевичу.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, зѣло ты меня опечалилъ, что писанія моего не послушалъ. Я пекуся о церкви Божіей, того ради, что у меня только и радости, что церковь Божія, а ты мнѣ въ семъ дѣлѣ не способствовалъ, что не посвятили ни священника, ни дьякона. Я видѣть не могу, что церковь Божія многажды безъ службы бываетъ, какъ ты меня въ семъ не послушалъ, что сихъ двухъ человѣкъ не посвятили: дьякона Логина во священника, и дьячка Іакова въ дьяконы. Пожалуй послушай меня, самъ сходи къ архіерею, да возвѣсти ему, чтобы онъ благословилъ посвятить сего человѣка Никиту во священника въ ту церковь, что̀ я хожу, къ чудотворцу Сергію; а сей человѣкъ Никита смиренный и добрый и взросъ въ обители. Пожалуй, князь Ѳедоръ, послушай меня въ семъ дѣлѣ, чтобъ сего человѣка Никиту посвятили во священника. А ты, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, о семъ не раздумывай, что будетъ изъяну священникамъ: я и всѣхъ священниковъ жалованьемъ жалую, того ради, что въ монастырѣ никакова государева жалованья не даютъ, только пожалуй......

---

[8]) Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ завѣдывалъ съ 1701 года Монастырскимъ Приказомъ, который былъ возстановленъ при Петрѣ.

18.

Государынѣ моей милостивой сестрицѣ царевнѣ и великой княжнѣ Наталiи Алексѣевнѣ сестра ваша монахиня Маргарита..... и челомъ бью: здравствуй свѣтъ мой, о Господѣ Бозѣ на многiя лѣта. Милости моя сестрица, прошу: пожалуй изволь сказать князь Ѳедору, чтобы велѣлъ сего человѣка Никиту во священники посвятить къ церкви къ чудотворцу Сергiю, что́ я хожу; зѣло печально, что у моей церкви нѣтъ священника. Пожалуй свѣтъ мой, умилосердися, не презри моего прошенiя посвятить во священника сего Никиту; человѣкъ онъ добрый и смирный, взросъ въ обители. За симъ, свѣтъ мой, сестрица здравствуй на многiя лѣта.

19.

E) Изъ домашней переписки царевны монахини Маргариты Алексѣевны съ исполнителемъ ея порученiй по хозяйству строителемъ Алексѣевскаго Успенскаго дѣвичья монастыря старцемъ Геронтiемъ.

.....Монахини Маргариты Алексѣевны строителю старцу Геронтiю.

Послала я къ тебѣ....... для покупки, и ты пригласи къ себѣ (стряпчаго) Кочугова [9]), что онъ знаетъ, какъ покупать, чтобы купить: 10 бѣлугъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, непотрошенныхъ; 30 осетровъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ.... лососей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, стерлядей мерзлыхъ по аршину съ четвертью..... мѣры и по аршину, самыхъ добрыхъ..... а бѣлуги и осетры и стерляди чтобы...... яныя, яловыя; 20 лещей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, 20 стерлядей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ жирныхъ, чтобы были колотыя; щукъ мерзлыхъ двѣстѣ, мѣрою по аршину; 3 пуда семги соленой, 3 пуда икры самой доброй зернистой, прѣсной; 300 пучковъ визиги бѣлужьихъ, двѣ четверти снятковъ сухихъ Псковскихъ, самыхъ добрыхъ, окуней 500 ушныхъ и одноблюдныхъ, 300 язей хорошихъ, 200 карасей одноблюдныхъ и ушныхъ, 2 пуда воску, 2 пуда меду..... бѣлова, хорошаго, до 30 тёшъ двойныхъ, самыхъ хорошихъ, жирныхъ; 50....... А послано денегъ 30 рублей. А будетъ денегъ не будетъ, и ты изъ тѣхъ денегъ прибавь, что́ на заказы послано; а чего не будетъ, и ты на всѣ купи, что̀ писаны покупки. И ты всё искупи вскорѣ и пришли, а въ кой часъ прiѣдетъ почта, и ты въ тотъ часъ не мѣшкавъ сходи къ

---

[9]) Петръ Лукьяновичъ Кочуговъ—стряпчiй Кормоваго Дворца. Его вклады въ Лукьяновскую пустынь по надписи относятся къ 1693 году.

доктуру Лаврентью молодому, и ты навѣдайся подлинно, за чѣмъ не ѣдетъ, отпущенъ ли или нѣтъ. Провѣдавъ подлинно и отписавъ про всё пиши мнѣ не мѣшкавъ; да, пожалуй порадѣй, сходи, къ Ѳедору Юрьевичу, чтобы пожаловалъ отпустилъ дохтура.......

20.

Благородной государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ монахинѣ Маргаритѣ Алексѣевнѣ строитель старецъ Геронтій челомъ бью.

Казанскаго митрополита рыба послана твоей государской милости: бѣлужка, осетръ, сазанъ, а коробокъ за печатью отдалъ боярину Ивану Алексѣевичу; хотѣлъ и чаетъ то дѣло управить Божіею милостію.

Бояринъ приказалъ деньги готовить дьяку и подъячимъ. Изволь, государыня, приказать, чтобы прислали ко мнѣ Алексѣя подъячаго..... съ кѣмъ тѣ деньги считать и принять, да Гаврюху Лукьянова для сбереженія денегъ, да Семена Климова, въ нынѣшнемъ числѣ немедливши.

21.

Государю моему любезному племяннику, благородному царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу тетка твоя Маргарита, Бога моля, челомъ бью. Здравствуй о Господѣ Бозѣ на многія лѣта и со своимъ батюшкомъ.

ЗАПИСКА С. А. ХРУЛЕВА О ПОХОДѢ ВЪ ИНДІЮ.

Писана въ 1863 г., во время Польскаго мятежа.

Въ 1856 году 7 Января была представлена мною бывшему военному министру князю В. А. Долгорукову записка о необходимости похода въ Афганистанъ для уничтоженія владычества Англичанъ въ Индіи. Вскорѣ за тѣмъ заключенъ былъ 19 Марта Парижскій миръ, которымъ удовлетворилось славолюбіе Наполеона III, но не удовлетворилось корыстолюбіе Англіи, и наше вліяніе на политику Европы и на торговлю Средней Азіи не уничтожилось. Можетъ ли допустить Англія, чтобы такое соперничество выросло? Можетъ ли не замышлять она уничтожить это препятствіе вредное ея барышамъ? Ибо у насъ одинаковые предметы мануфактурной промышленности, а сбытъ произведеній есть Азія. Намъ и Англіи нужны милліоны потребителей. Англія считаетъ Азію своимъ рынкомъ, а наши товары тамъ контробандою; каждый шагъ Россіи къ политическому сближенію съ ханствами Средней Азіи она называетъ завоевательнымъ преобладаніемъ Россіи. Вотъ яблоко раздора ея съ Россіею. Болѣе 50 лѣтъ Англія съ коварствомъ пользуется нашею снисходительною, уступчивою политикою; но долженъ же быть когда-нибудь конецъ этому. При такихъ отношеніяхъ, тревожащихъ ея будущность, можетъ ли Англія допустить, чтобы Россія въ покоѣ развивала свою мануфактурную и вообще торговую дѣятельность? Нѣтъ, она заботится ослабить Россію и возбудить войну во имя самобытности Польши. Я писалъ въ 1856 году, что Англія будетъ насъ ссорить съ Франціею; предсказаніе мое сбылось въ 1863 году. Мнѣніе мое было изложено въ четырехъ запискахъ: 1) Столкновеніе Россіи съ Англіею за Среднюю Азію неизбѣжно; надо быть къ тому готовымъ. 2) О значеніи Астрахани. 3) О военныхъ предпріятіяхъ въ Средней Азіи. 4) О товариществѣ для торговли съ Средней Азіей на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Эти четыре записки представлены были мною въ 1856 году, въ министерства военное и иностранныхъ дѣлъ.

Не прошло семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, и вотъ снова грозитъ намъ война съ Англіею, которая изыскиваетъ всевозможные способы и хватается за всякій поводъ вредить Россіи, подстрекая къ тому другія державы, подъ предлогомъ будто-бы защиты Польши. Къ такому образу дѣйствій поощряетъ Британское правительство крайняя осторожность, чтобы не сказать предосудительная робость нашей Средне-Азіатской политики. Кто отступаетъ, на того напираютъ. Чтобы Англичане опасались затрогивать насъ, необходимо изъ коснѣнія перейти къ дѣятельности, изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе; надо показать Англичанамъ, что они вывели насъ изъ терпѣнія, и что мы готовы отплатить за ихъ козни самымъ чувствительнымъ для нихъ образомъ—лишить ихъ Индіи.

Походъ къ предѣламъ Индіи, независимо отъ того, что заставитъ Англію отдѣлить значительную часть силъ для охраненія сей послѣдней отъ возстанія (чѣмъ необходимо уменьшатся силы, которыми можетъ располагать она для дѣйствій противу насъ въ Россіи), будетъ имѣть огромное нравственное значеніе въ Европѣ, для насъ очень выгодное: ибо послужитъ ей свидѣтельствомъ, что мы далеко не такъ безсильны, какъ ей угодно предполагать.

Видя, что, съ страшною Европейскою войною на плечахъ, Русскіе не только не упадаютъ духомъ, а сами наступаютъ на враговъ съ другаго конца Имперіи, Европейскіе кабинеты и народы должны вывести изъ этого выгодныя для насъ заключенія о средствахъ и характерѣ Русскаго правительства и его подданныхъ. Слабостію никого не удивимъ и не задобримъ, самоуниженіемъ ничего и ни въ какомъ случаѣ не выиграемъ. Пора намъ убѣдиться въ этомъ, какъ и въ томъ, наоборотъ, что чѣмъ больше обнаружимъ мы духа и рѣшимости въ трудныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ благопріятнѣе для насъ будетъ исходъ изъ нихъ. Не говорю уже о томъ, что твердая рѣшимость наша дѣйствовать къ ниспроверженію Англійскаго владычества въ Индіи можетъ имѣть такое вліяніе на политику Наполеона, что онъ изъ врага обратится намъ въ союзника. По существу идей Наполеона I-го, которымъ Наполеонъ III-й слѣдуетъ, уничтоженіе Англіи для него, да и для всего народа Французскаго, нужнѣе ослабленія Россіи [1]).

Экспедиція къ предѣламъ Индіи, какъ я понимаю ее, дѣло не только возможное, но и далеко не сопряженное съ такими страшными трудностями, какъ многіе думаютъ.

---

[1]) См. Приложеніе 1-е.

Цѣлью экспедиціи, конечно, должно быть не завоеваніе нами этой страны, а лишь уничтоженіе тамъ Англійскаго владычества и возстановленіе независимыхъ туземныхъ владѣній.

Возстаніе туземцевъ въ Индіи, вслѣдствіе слуха о движеніи туда Русской арміи, съ цѣлью очищенія страны отъ Англичанъ, я считалъ и считаю необходимымъ условіемъ успѣха экспедиціи. Другимъ условіемъ успѣха въ замышляемомъ предпріятіи я полагалъ и полагаю союзъ съ Афганами, черезъ земли которыхъ долженъ проходить экспедиціонный корпусъ. Афганцы въ 1837 и 1838 годахъ просили Россію о защитѣ противъ Англичанъ, но, получивъ отказъ, напрягли всѣ силы, чтобъ истребить вторгнувшееся въ предѣлы ихъ Индо-британское войско. Пройдетъ нѣсколько поколѣній послѣ опустошеній, произведенныхъ Англичанами въ Афганистанѣ, и новыя поколѣнія будутъ хранить воспоминаніе о нихъ, какъ священный залогъ мести, въ сердцахъ своихъ. Съ увлеченіемъ ринутся они за всякимъ завоевателемъ, который поведетъ ихъ пожинать неистощимыя богатства Индіи и разливать мщеніе на Англичанъ. Достъ-Магометъ Кабульскій, сторонникъ Англичанъ въ послѣднее время, если не умеръ еще, то долго не проживетъ; а смерть его произведетъ анархію и представитъ намъ несомнѣнную возможность привлечь къ себѣ того или другаго, или и многихъ изъ претендентовъ на его наслѣдство, и пріобрѣсти въ Афганистанѣ сильную партію. Завоеватель Индіи не долженъ потому ожидать непріязненной встрѣчи отъ Афгановъ. Нѣтъ, они съ восторгомъ примутъ мстителя, который будетъ вызывать ихъ на союзную войну, напомнитъ имъ о поруганіи, которому подвергли Англичане важнѣйшіе города ихъ, о разрушеніи и оскверненіи Газны, о разореніи всей земли ихъ въ сороковыхъ годахъ. На эту вражду Афганцевъ къ Англичанамъ и слѣдуетъ преимущественно разсчитывать.

Въ теченіе семи лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я писалъ о возможности произвести возстаніе туземцевъ за Индомъ [2]) и пріобрѣсти союзъ Афгановъ, обстоятельства если и перемѣнились, то далеко не къ худшему для насъ. Бунтъ сипаевъ обнаружилъ, какъ непрочно владычество Англичанъ за Индомъ, и какъ легко можетъ вспыхнуть тамъ, при толчкѣ и поддержкѣ извнѣ, возмущеніе противу нихъ, и со стороны Мусульманъ, и со стороны Индусовъ. Вступленіе въ Афганистанъ давно ожидаемаго тамъ Русскаго войска подыметъ національную ненависть Афгановъ къ Англіи, и потрясетъ ея могущество за Индомъ.

---

[2]) Предположеніе, высказанное мною въ 1856 году, сбылось въ продолженіе тогоже года; возстаніе возгорѣлось безъ взякаго посторонняго вмѣшательства и если было подавлено, то лишь по отсутствію поддержки извнѣ.

Проснется и тамъ чувство свободы и воззоветъ народы къ мщенію. Храбрые Сейки, жители недавно покореннаго Англичанами Пенджаба, снова подымутся за свою независимость и вѣру; союзъ ихъ съ Афганами можетъ возобновиться по примѣру 1848 года. Въ этомъ году не смотря на дружескій трактатъ съ Англіею, 16 т. Афгановъ пришли на помощь Сейкамъ. Даже Индійскія войска Англичанъ перешли къ возставшимъ. Тоже съ бо́льшимъ успѣхомъ можетъ повториться при содѣйствіи нашихъ войскъ.

Отношенія наши къ Персіи въ настоящее время тоже хороши; да если-бы они были и не таковы, можно пробраться до Индіи и безъ помощи шаха, даже противу воли его, когда Афганцы не противу насъ [3]).

Дорога въ Индію, отъ Астрахани, чрезъ Астрабадъ до Герата не представляетъ затрудненій; она удобна для движенія артиллеріи и обоза, имѣетъ довольно воды и можетъ доставить въ изобиліи рисъ, ячмень и овесъ; пастбища вездѣ хорошія. Походы Мохаммедъ-шаха Персидскаго въ 1835 году свидѣтельствуютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ войска находили провіантъ по дорогѣ въ Бундипуръ, Кучанъ, Мешгедъ и Гератъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій.

Отъ Мешгеда до Герата представляются намъ удобныя средства къ перевозкѣ, по причинѣ большаго стеченія каравановъ въ Мешгедѣ. Окрестности Герата славятся плодородіемъ.

Далѣе, путь отъ Герата до Кабула тоже совершенно удобенъ, по тому что́ показало движеніе Англійскихъ войскъ въ Афганистанѣ: при появленіи ихъ даже врагами въ эту сторону, продовольствіе и фуражъ доставлялись мѣстными жителями для ихъ арміи. Можно навѣрное полагать, что и мы не встрѣтимъ тамъ затрудненій въ продовольствіи.

---

[3]) 1) Въ случаѣ непріязненности, или даже только холодности къ намъ Персовъ путь экспедиціоннаго корпуса до Герата, можетъ миновать ея земли, слѣдуя по берегамъ Атрека и сѣвернымъ скатомъ Эльбурса, чрезъ Туркменію, гдѣ огромныя стада верблюдовъ доставляютъ удобныя средства для транспортированія тяжестей; но если мы будемъ съ Персами въ дружбѣ, тогда походъ экспедиціоннаго корпуса въ Индію можетъ совершиться по двумъ направленіямъ: и по сѣверной, и по южной покатостямъ Эльбурскаго хребта. И тамъ, и тутъ разстояніе одинаковое.

2) Въ томъ случаѣ, еслибы Турція, изъ за Польши, также объявила намъ войну, дружба Персіи можетъ еще болѣе быть упрочена уступкою ей отъ Турціи г. г. Кербелы и Неджефы по р. Ефрату. Города эти священны для народа Персидскаго не менѣе Мекки и Медины: здѣсь погибли мучительною смертію сыновья Алія, Гассанъ и Гуссеинъ. Важность этихъ городовъ для Персіи доказывается также и тѣмъ, что тяжкая пошлина по дорогѣ изъ Багдада въ эти города (около 6 р. съ человѣка) не прекращаетъ пилигримства туда набожныхъ Персовъ-шіитовъ.

Продолжительность похода Русскаго войска.

	Версты.	Дни марш.	Дневки.
Отъ Астрахани до Астрабада моремъ..		6	—
„ Астрабада „ Мешгеда	469	16	7
„ Мешгеда „ Герата	342	12	5
„ Герата „ Кандагара	495	17	7
„ Кандагара „ Кабула	556	18	7
„ Кабула „ до границы Индіи....	200	8	3
„ границы „ Пешавера, перваго гор. на пути въ Индію.	38		
„ Пешавера „ Аттока, гдѣ переправа черезъ р. Индъ.	77	2	1
Итого...	2177	79	30

А всего походу, если выступимъ 15 Апрѣля, по 4 Августа, 109 дней.

По проекту Наполеона I-го, продолжительность похода Французскаго войска.

	Версты.	Дни. марш.	Дневки.
Отъ Астрахани до Астрабада моремъ..	—	10	—
Отъ Астрабада до Аттока	2177	45	—
Итого...		55 дней.	

Многочисленность экспедиціоннаго корпуса послужила бы лишь къ увеличенію затрудненій въ продовольствіи на пути; надо стараться образовать туземныя войска, наши же должны составлять только резервъ. Нуженъ лишь первый успѣхъ, нужно только раздѣлить первую пріобрѣтенную добычу, и легіоны туземнаго войска наберутся мигомъ; стоитъ овладѣть однимъ округомъ, и доходы съ этого округа дадутъ возможность набрать порядочный отрядъ. Съ этимъ отрядомъ пріобрѣтается обладаніе цѣлою провинціею, которая, въ свою очередь, доставляетъ средства сформировать и содержать еще болѣе значительное войско, и такъ далѣе [4]). Мы обязаны научить жетелей своими средствами противиться гнету Англичанъ, силы которыхъ въ Индіи состоятъ изъ войскъ 35 т. Европейскаго и изъ 250 т. Индійскаго, раздѣленныхъ на пространствѣ 1076590 кв. Англ. миль, которые обязаны

[4]) Въ Индіи таковъ обычай съ незапамятныхъ временъ: начиная съ маленькаго мѣстечка до провинціи вездѣ на содержаніе войска платится особая отъ поземельныхъ податъ.

защищать границу на 707 геогр. миляхъ и поддерживаться только Европейскими офицерами, число которыхъ въ 1847 году доходило до 7434. Много есть примѣровъ, что войско это бѣжало предъ нестройными толпами туземныхъ враговъ Англіи, когда офицеры Англійскіе были перебиты. При моральномъ впечатлѣніи, какое бы могло быть произведено нашествіемъ Русскихъ, войско Англо-Индійское будетъ совершенно недостаточнымъ, ибо Англія не могла бы оставить безъ защиты Европейскаго войска главные пункты своихъ владѣній внутри Индіи, опасаясь какъ жителей, такъ и самаго войска изъ туземцевъ.

Числительность Русскаго экспедиціоннаго отряда должна простираться до 35 тысячъ строевыхъ. Съ меньшимъ числомъ силъ нельзя ничего сдѣлать.

Для обезпеченія дороги въ Индію и продовольствія войскъ на пути необходимо оставить тысячу человѣкъ для возведенія укрѣпленія между рѣками Карасу и Гургенемъ, въ 14 верстахъ отъ Астрабада и въ 20 отъ Каспійскаго моря, на развалинахъ крѣпости Ахкале, въ мѣстности принадлежащей Трухменамъ и весьма благопріятной по здоровому климату, плодородію и обилію лѣса, удобнаго для постройки домовъ и судовъ. Укрѣпленіе это будетъ служить экспедиціонному отряду обезпеченіемъ сообщеній его съ Закавказскимъ краемъ, чрезъ Баку, и съ Россіею, чрезъ Астрахань. Островъ Ашураде, въ 30 верстахъ отъ Астрабада, гдѣ нынѣ гавань для стоянки нашего флота, также представляетъ легкое трехдневное сообщеніе съ Баку и шестидневное съ Астраханью. Укрѣпленіе это доставитъ пользу и Персіи: оно защититъ Астрабадъ отъ грабительскихъ набѣговъ Туркменовъ. Сверхъ того нужно оставить гарнизоны: въ Мешгедѣ, Гератѣ и Кандагарѣ и затѣмъ явиться на Индъ съ 30 тысячнымъ войскомъ.

Въ составъ экспедиціоннаго корпуса должна войти почти исключительно пѣхота съ соразмѣрнымъ числомъ артиллеріи и саперовъ; кавалерію трудно и дорого продовольствовать, да при томъ ее можно будетъ сформировать изъ союзниковъ и наемниковъ, Афгановъ и другихъ народовъ, землями которыхъ будетъ слѣдовать экспедиція; эти союзники и наемники будутъ служить вмѣстѣ и заложниками вѣрности тѣхъ родовъ, изъ коихъ будутъ взяты, такъ что конницы Русской полагалъ бы я нужнымъ имѣть въ экспедиціонномъ корпусѣ всего тысячи три: сотни четыре казаковъ Уральскихъ, столько же Кавказскихъ линейцевъ и три полка Донскихъ.

Разсчитанное нами число войскъ сравнительно съ планомъ похода въ Индію Наполеона, предложеннымъ императору Павлу I-му, вдвое менѣе; ибо въ то время императоръ встрѣтилъ бы затрудненія, нынѣ не существующія. Важнѣйшимъ изъ нихъ были бы мѣстность и населе-

ніе Афганистана, географія котораго была тогда неизвѣстна и котораго негостепріимныя племена выслали бы тогда со всѣхъ сторонъ герильясовъ своихъ противъ наступающей арміи; между тѣмъ какъ въ настоящее время всѣ эти племена возстанутъ какъ одинъ человѣкъ, по призыву мстителя, будетъ ли то Наполеонъ или кто другой. Сверхъ того на Индостанскомъ полуостровѣ существовали тогда независимыя государства, которыя Англо-Индійское правительство умѣло бы искусно поставить между своимъ опаснымъ положеніемъ и новымъ грознымъ непріятелемъ и которыя, находясь между этими двумя крайностями, истощились бы въ пользу Англіи. Нынѣ всѣ эти государства разрушены, и обломки ихъ превратились въ прахъ. Правительство Англійской Индіи на всемъ обширномъ пространствѣ своихъ владѣній не оставило никакого оплота своему величію, и отнынѣ должно само собою держаться въ равновѣсіи на сыпучихъ пескахъ народной ненависти.

Если, при составѣ корпуса въ 35 т. войска, издержки на содержаніе его опредѣлить приблизительно въ 1 р. с. на человѣка (вмѣстѣ съ жалованьемъ) ежедневно, а продолжительность похода, взадъ и впередъ, предположить полтора года: то содержаніе экспедиціи обойдется въ двадцать милліоновъ р. с. Полагая затѣмъ пять милліоновъ р. с. на снаряженіе корпуса, на подарки Азіятскимъ властямъ и другіе расходы, все предпріятіе будетъ стоить Россіи милліоновъ двадцать пять р. с. Сумма порядочная, но совершенно незначительная въ сравненіи съ огромностію полезныхъ для насъ результатовъ, если экспедиція увѣнчается успѣхомъ [5]). Впрочемъ, вытѣснивъ Англичанъ изъ Индійскаго материка и возстановивъ тамъ туземныя династіи, можно возвратить и самыя издержки по экспедиціи: благодарные туземцы уплатятъ намъ ихъ изъ своего кармана.

Настоящая минута также какъ нельзя болѣе удобна, чтобы воспользоваться дѣятельностію и капиталами частныхъ людей для водворенія Русской торговой колоніи на восточномъ берегу Каспійскаго моря въ Балхашскомъ заливѣ.

Проектъ мой объ этомъ напечатанъ въ Журналѣ Промышленности въ Январской книжкѣ сего года, и на проектъ этотъ откликнулся г. Шаншіевъ статьею помѣщенною въ № 63 Сына Отечества (13 Марта) на сей годъ. Въ статьѣ этой г. Шаншіевъ предлагаетъ содѣйствіе свое къ составленію значительнаго капитала, для осуществленія ска-

---

[5]) Мексиканская экспедиція, по сію пору не имѣющая еще результата, стоитъ Франціи уже вдвое болѣе этого.

занной мысли. Вотъ что̀ говорится въ моемъ проектѣ на счетъ торговыхъ путей сообщенія (стр. 8 и 34):

«Волжскій бассейнъ обнимаетъ 23 самыя производительныя губерніи Имперіи, соединяется съ Балтійскимъ и Бѣлымъ морями, сближается съ Сибирью».

«Желѣзныя дороги и пароходы соединили уже Европу съ Петербургомъ, Москвою, Нижнимъ и Астраханью, съ Каспійскимъ моремъ. Желѣзная дорога отъ Волги до Дона открыла путь къ Азовскому и Черному морямъ».

«Отъ Балхашскаго залива открывается ближайшая дорога внутрь Средней-Азіи, до Хивы 415 верстъ, изъ Хивы водяной сплавъ вверхъ по р. Аму до Бухары и Балха, а внизъ по рѣкѣ до Кунграда, откуда суда могутъ подниматься въ Аральское море, по рѣкѣ Сыру до Форта Перовскаго, г. Туркестана, Ташкента, Кокана и далѣе до западныхъ областей Китая».

«Значитъ, для торговли съ Средне-Азіятскими владѣніями кратчайшимъ путемъ, необходимо установить удобное сообщеніе отъ Балхашскаго залива до р. Аму. Тогда товары изъ Франціи и Германіи направятся въ Россію и по желѣзной дорогѣ до Нижняго будутъ доставляться на Волгу, затѣмъ, чрезъ Каспійское море въ Балхашскій заливъ, а оттуда 415 верстъ на верблюдахъ къ р. Аму. Такимъ образомъ товары Европейскіе дойдутъ въ Среднюю Азію изъ мѣста отправленія чрезъ 22 дня [6]), тогда какъ тѣже товары чрезъ Суэзскій перешеекъ идутъ 100 дней, а огибая мысъ Доброй Надежды—200 дней. Франція, Германія, Бельгія и Швейцарія получатъ чрезъ это со временемъ возможность производить торговлю на всѣхъ рынкахъ Средней Азіи».

«Самая Англія, пользуясь нашими желѣзными дорогами, признàетъ гораздо выгоднѣе везти товары свои въ Индію и произведенія Индіи въ Европу чрезъ Россію въ совершенной безопасности, не подвергая свои богатства случайностямъ плаванія вокругъ свѣта, съ постояною потерею таковыхъ на огромныя суммы, вслѣдствіе кораблекрушеній; Россія же, отъ транзита Европейскихъ товаровъ въ Индію и Индійскихъ въ Европу, должна пріобрѣсти выгоды, которыя значительностію своею

---

[6]) От Парижа до Нижняго 6 дней желѣзной дорогой.

Отъ	Парижа	до	Нижняго	6 дней	желѣзной дорогой.
„	Нижняго	„	Балхашскаго залива	4 „	пароходомъ.
„	Балхашск. зал.	„	рѣки Аму	10 „	на верблюдахъ.
„	рѣки Аму	„	гор. Балха	2 „	пароходомъ.

Если отъ Балхашскаго залива до р. Аму устроить почтовыхъ лошадей, тогда это разстояніе сократится 8-ю днями, а при устройствѣ желѣзной дороги на 9 дней.

не уступятъ выгодамъ отъ собственной ея торговли съ Средней Азіей.

Дорога въ Индію изъ Астрахани на Хиву.

Въ военномъ отношеніи существуетъ еще другой путь въ Индію изъ Астрахани до Балхашскаго залива чрезъ Хиву и Балхъ на Кабулъ. Этотъ путь удобнѣе, нежели путь чрезъ Персію, по маршруту Наполеона I-го: въ его время Аральское море еще не было во владѣніяхъ Россіи.

Для осуществленія этого пути необходимо, какъ мы сказали выше, установить только удобное сообщеніе отъ Балхашскаго залива до р. Аму, что можно исполнить слѣдующимъ образомъ:

1) Въ Балхашскомъ заливѣ на тысячу человѣкъ гарнизона возвести укрѣпленіе и построить дома изъ лѣса, обильно растущаго въ Балхашскихъ горахъ, изъ котораго можно сдѣлать деревянные рельсы для своза тяжестей на берегъ.

2) На перешейкѣ между Балхашскимъ заливомъ и р. Аму близъ г. Хивы, устроить этапы на каждыя 50 верстъ. Всего нужно семь этаповъ, ибо разстояніе это 415 верстъ. На каждомъ этапѣ поставить двѣ роты пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и учредить семь магазиновъ для продовольствія войскъ.

3) Слѣдуя на Хиву, такъ сказать мимоходомъ, подчиняемъ ее нашему вліянію, и хана можно оставить временно на жалованьи, въ видѣ вассала Россіи. Это намъ необходимо сдѣлать и для нашей Средне-Азіятской торговли, увеличивать же территорію Россіи на счетъ ханства было бы излишне. Для пріученія же хана и жителей къ цивилизаціи, нужно поставить гарнизоны, для которыхъ построить отдѣльныя укрѣпленія, вблизи избранныхъ пунктовъ, такъ чтобы города эти были подъ выстрѣлами артиллеріи и держались посредствомъ сей угрозы въ почтеніи: а) въ г. Кунградѣ близъ устья р. Аму; б) въ Хезараспѣ, на лѣвомъ берегу Аму, гдѣ и переправа; отсюда начинаются каналы для оплодотворенія земель; воды по желанію могутъ быть удержаны: это также средство удержать Хиву въ послушаніи; и в) въ Хивѣ, какъ въ центрѣ, изъ котораго должно исходить наше вліяніе на ханство. Для трехъ этихъ пунктовъ достаточно будетъ трехъ баталіоновъ пѣхоты и шести сотенъ казаковъ изъ войскъ Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

4) Чрезъ Аральское море ввести въ р. Аму Сыръ-Дарьинскіе пароходы.

Теперь разсмотримъ марштрутъ отъ Балхашскаго залива до Хивы: 8 переходовъ и 2 дневки [7]), дорога степью 415 верстъ совершенно подобна той, какая находится отъ Орска (на линіи Оренбургской) до Аральскаго моря; на разстояніи этомъ 700 верстъ и *одно дерево.* Въ походѣ на Акмечеть войска варили себѣ пищу, собирая для топлива во множествѣ верблюжій калъ, который горитъ лучше, чѣмъ Малороссійскій кизякъ; сверхъ того мы шли по берегу песчаной пустыни Кара-Кумовъ 300 верстъ, гдѣ пили зеленую, горько-соленую воду, потому что другой воды не имѣлось, и больныхъ однакоже не было; а въ степяхъ Трухменскихъ, гдѣ пасутся тысячные табуны разнаго скота, въ водѣ недостатка быть не можетъ [8]). Трава для лошадей и верблюдовъ на видъ совершенно негодная, но питательна до такой степени, что лошади подъ артиллеріей и обозомъ не получали болѣе одного гарнца овса и не имѣли сѣна, питаясь подножнымъ кормомъ. Въ верблюдахъ для перевозки тяжестей недостатка нѣтъ. Мясо барановъ питательно и до такой степени вкусно, что туземцы ѣдятъ его безъ соли, потому что бараны питаются соленою травою, а копи каменной соли на берегу Балхаша лежатъ готовые; для питья есть здѣсь здоровый напитокъ—кумысъ.

Дойдя до Хивы, мы слѣдуемъ далѣе торною караванною дорогою, по лѣвому берегу р. Аму, и достигаемъ г. Балха, не нуждаясь въ продовольствіи въ этой плодородной мѣстности.

Для обезпеченія дороги отъ Хивы до Кабула, нужно оставить гарнизоны: одинъ близъ г. Чарджуй, мимо котораго проходитъ поперечный трактъ изъ Бухары на Мервъ, а другой этапъ близъ г. Балха.

Продолжительность похода Русскаго войска:

						Версты.	Дни марш.	Дневки.
Отъ	Астрахани	до	Балхашск. зал.	моремъ		—	2	»
»	Балхана	»	Хивы	»	»	415	8	4
»	Хивы	»	Балха	»	»	750	25	10
»	Балха	»	Кабула	»	»	430	14	5
»	Кабула	»	Пешавера	»	»	238	8	3
»	Пешавера	»	Аттока	»	»	77	2	1
				Итого. . .		1,900	59	23

[7]) Въ путешествіи Н. Н. Муравьева въ Хиву и по Туркменіи говорится: „что „Трухмены отъ Балхашскаго залива до Хивы проѣзжаютъ это разстояніе на одномъ и томъ же аргамакѣ въ трое сутокъ".

[8]) Оренбургское начальство, за исключеніемъ А. А. Катенина, смотрѣло на путь отъ Балхана на Хиву враждебно, опасаясь, что Оренбургъ утратитъ свое вліяніе на ханства Средней Азіи; ибо тогда вліяніе это въ отношеніи скораго сообщенія пріобрѣтаетъ Астрахань или даже Тифлисъ.

А всего походу, если выступимъ 15 Апрѣля по 7 Іюля—82 дня.

При сравненіи этого пути на Хиву съ маршрутомъ черезъ Персію, оказываются въ пользу Хивинскаго пути еще слѣдующія выгоды:

1) Путь чрезъ Хиву менѣе продолжителенъ, чѣмъ чрезъ Персію, а именно 27 дней разницы.

2) Отъ Астрахани до Балхашскаго залива моремъ 2 дня; а отъ Астрахани до Астрабада моремъ же 6 дней; въ это время можно сдѣлать къ Балхашскому заливу если не три, то два рейса.

3) Занявъ Хиву, мы въ тоже время входимъ въ связь съ нашими укрѣпленіями на Сыръ-Дарьинской линіи.

4) Сыръ-Дарьинскіе пароходы подвозятъ намъ на буксирѣ все нужное до самаго Балха.

5) Экспедиціонный корпусъ, слѣдуя на Хиву по ровной мѣстности, не утомитъ солдатъ такъ походомъ, какъ по горамъ и ущельямъ, которыя начинаются по дорогѣ отъ самаго Астрабада.

6) По дорогѣ Персидской много переходовъ черезъ горныя рѣчки, а по Хивинской—равнина.

7) По дорогѣ отъ Хивы войска имѣютъ въ изобиліи одну и туже здоровую воду въ р. Аму; а отъ Астрабада вода перемѣнная въ ключахъ, очень холодная, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣтится недостатокъ въ водѣ.

8) Слѣдуя на Хиву, не нужно заискивать расположенія Персіи.

9) Сверхъ того, мы станемъ твердою ногою въ Средней Азіи, и это преобладаніе для торговли нашей останется съ той минуты постоянное.

10) Этапы, учрежденные нами въ Средней Азіи, останутся навсегда собственностію Россіи; а въ Персіи только временныя издержки на такіе-же этапы.

11) По всѣмъ соображеніямъ путь на Хиву обойдется дешевле.

Такимъ образомъ сообщеніе съ Кабуломъ будетъ возстановлено и чрезъ Астрахань, и чрезъ Оренбургъ.

Вотъ все, чѣмъ въ настоящую минуту счелъ я нужнымъ дополнить мои прежнія записки о походѣ на Индусъ. Дальнѣйшія же частности могутъ быть обсуждены, когда одобрится самая мысль предпріятія и рѣшено будетъ привести его въ исполненіе.

Касательно дѣйствій въ Индіи, предположенія о таковыхъ я не замедлю представить, если бы это потребовалось.

Путь въ Индію, изъ Сибири на Кашміръ.

Для лучшаго успѣха экспедиціи вообще и для разобщенія Англійскихъ силъ въ Индіи, полезнымъ бы казалось, одновременно съ походомъ на Индію чрезъ Афганистанъ, направить небольшой отрядъ изъ Сибирской степи на Кашмиръ чрезъ Китайскій Туркестанъ. Разумѣется, что для этого необходимо согласіе Пекинскаго правительства. Возможно ли добыть это согласіе и, добывши его, возможно ли пробраться до Кашмира означеннымъ путемъ, я не знаю, не изучивъ спеціально вопроса. Пусть рѣшатъ его ближе меня знакомые съ географіею Китайскаго Туркестана и горныхъ странъ, отдѣляющихъ этотъ край отъ Кашмира. Упоминаю объ экспедиціи изъ Сибири не какъ о дѣлѣ несомнѣнно возможномъ, а какъ о желаемомъ, если оно осуществимо.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Я сказалъ, что наступательныя дѣйствія съ нашей стороны противъ Англичанъ въ Индіи могутъ обратить Наполеона III-го изъ врага намъ въ союзника. Равно и наоборотъ, если Наполеонъ III-й объявитъ намъ войну, и мы, вмѣсто обороны, перейдемъ къ наступленію, причемъ Россія объявитъ, что до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока не заключитъ мира въ Парижѣ: какъ поступитъ тогда Англія?

Англія сдѣлается тогда нашей союзницей, удержитъ Турцію и Швецію отъ вмѣшательства въ войну и не допуститъ Французскій флотъ бомбардировать наши приморскіе города. Въ такомъ случаѣ наступательная война можетъ быть поведена весьма просто черезъ Австрійскія владѣнія, потому что съ Австріей Россія имѣетъ полное право не церемониться за всѣ ея политическія противу насъ козни; для полнаго же успѣха слѣдуетъ объявить, что имперія Австрійская раздѣляется на отдѣльныя королевства: Венгерское и нѣсколько Славянскихъ, Римъ и Венеція присоединяются къ Италіи, эрцгерцогство Австрійское къ Пруссіи, а Галиція къ Россіи. Такимъ образомъ дѣйствій угодимъ мы на всѣхъ и пріобрѣтемъ себѣ надежныхъ союзниковъ, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Италіи, не говоря уже о Южныхъ Славянахъ. При національности войны съ Австріей войска наши проникнуты будутъ наилучшимъ духомъ, и побѣда неизмѣнно сопровождать будетъ наши знамена отъ самаго вступленія въ предѣлы Австрійскихъ владѣній.

Пруссія будетъ необходимо нашей союзницей, ибо иначе лишится Рейнскихъ своихъ провинцій.

Когда мы послѣ 1812 года могли заключить миръ въ Парижѣ, то въ настоящее время наступательная война представитъ для Россіи еще менѣе затрудненій и нисколько не разоритъ нашего отечества.

Который же изъ этихъ двухъ союзовъ выберетъ для себя Россія? Котораго изъ двухъ настоящихъ враговъ своихъ должна она предпочесть, и обратить его въ союзника, Францію или Англію? Международные вопросы должны быть обсуживаемы съ точки зрѣнія относительныхъ интересовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Англія.

Можетъ ли быть прочен миръ въ Европѣ, когда не положено границъ корыстолюбію и зависти морскаго деспота? Жадность барышей заглушаетъ въ Англичанахъ всѣ чувства чести и международныхъ правъ. У нихъ одна цѣль: уничтожить всякое совмѣстничество въ торговлѣ, и для достиженія этой цѣли всѣ средства для нихъ хороши. Властолюбіе можетъ быть удовлетворено славою, корыстолюбіе ненасытно.

Въ Англіи верховная власть биржа, а правители торгаши; но это торгаши высшей геніальности, у которыхъ главная цѣль—торговыя выгоды отечества, стало быть рычагомъ политики служитъ тамъ корысть одной касты. Что̀ за дѣло ей, этой кастѣ, что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, умираетъ съ голоду? По ея мнѣнію народъ машина, рабочій скотъ, не болѣе. Такъ она относится къ собственному своему народу. Что-же послѣ этого въ глазахъ Англіи другіе народы? Не болѣе какъ или средства, или препятствія.

При такомъ направленіи можетъ быть только одна цѣль дѣйствій: средства употребить въ свою пользу, препятствія уничтожить. Вотъ основная пружина Англійской политики.

Было время, когда Англія постоянно смотрѣла на Россію, какъ на средство. Это было до Петра Великаго, когда Англія искала путей въ Индію чрезъ Россію, заводила факторіи въ Архангельскѣ и Астрахани; но Русскіе воспользовались уроками Британцевъ и сбросили ихъ ярмо.

Петръ Великій воинственными замыслами своими возбудилъ бдительность Англійской политики; съ тѣхъ поръ Англія стала смотрѣть на Россію какъ на препятствіе, вредное ея торговой монополіи. Подозрѣнія ея и недовѣрчивость къ Россіи росли вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ и могущества этого государства. Но рѣшительное направленіе политика Англіи получила лишь съ открытія проекта Наполеона I-го

о нашествіи на Индію за одно съ Россіею. Этотъ проектъ указалъ Англіи положительную, неотразимую опасность; она убѣдилась, что Русскія войска могутъ потрясти ея владычество въ Индіи, а чрезъ то и самостоятельность метрополіи. Подъ коварною личиною дружбы съ Россіею она предписала своимъ политическимъ агентамъ въ непремѣнное правило, чтобы они всѣми средствами, угрозами, хитростями, подкупами—дѣйствовали во вредъ Россіи, отвлекая ея силы и дѣятельность отъ Средней Азіи [8]).

Не подчиняясь никакой политической отчетности, Англія сама постоянно распространяла въ Азіи не только нравственное, но и матеріальное свое владычество, а между тѣмъ неусыпно слѣдила за каждымъ шагомъ и словомъ нашихъ дипломатовъ, чтобы парализировать малѣйшее ихъ преимущество.

Въ видахъ поддержанія мира и дружбы къ Англіи, Россія, напротивъ, дѣйствовала чистосердечно и уступчиво. Но не этого хотѣла Англія: для торговли ея необходимо уничтожить въ Азіи всякое постороннее вліяніе, и преимущественно вліяніе Россіи, которая тѣмъ опаснѣе для нея, что во Франціи снова могутъ возродиться замыслы Наполеона І-го. И вотъ, дѣйствуя въ духѣ дальновидной и вѣрноразсчитанной политики, она усиливаетъ свое противоборство, ссоритъ Россію съ Франціею и явно изыскиваетъ предлоги къ войнѣ.

Въ 1812 году Британія воспользовалась силами Россіи, какъ средствомъ къ низложенію Наполеона І-го; въ 1854 году вооружила Францію для ослабленія Россіи. Политика таже, только Франція и Россія помѣнялись ролями.

Война Персіи съ владѣтелемъ Герата въ 1835 году разоблачила дипломатическое соперничество Сентъ-Джемскаго и С.-Петербургскаго кабинетовъ, хотя и до этого нельзя уже было сомнѣваться въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ къ намъ Англичанъ. Дружба Россіи нужна была Британцамъ, чтобъ укрѣпить власть свою и вліяніе въ Азіи. Когда же они нашли, что преобладаніе Англіи утвердилось, и Россія потеряла политическое значеніе въ странахъ, изъ коихъ могла угрожать Индіи, Англія сняла маску и начала дѣйствовать открыто.

Развязка восточнаго вопроса показала, что знамя, поднятое въ 1855 году за спасеніе Турціи отъ мнимаго нашествія Русскихъ, прикрывало единственно личныя выгоды Англіи, а Турція была только

---

[8]) Читатели наши знаютъ, что походъ въ Индію при Павлѣ Петровичѣ былъ уже начатъ. Гибель Павла и гибель султана въ наши дни суть явленія одного значенія. Мы помнимъ, какъ достояніе чистой науки, Санскритскія изданія К. А. Коссовича подали Англійскому правительству поводъ къ особой перепискѣ съ канцлеромъ Нессельроде. П. Б.

предлогомъ. И стала ли бы Англія приносить такія жертвы изъ сочувствія къ Османамъ, если бы не разсчитывала на барыши? Ей нужно было отвлечь дѣятельность и силы Россіи отъ Средней Азіи, ослабить Россію и предупредить распространеніе ея вліянія и торговли на Востокѣ. Англія увѣрила Европу, что Турція въ опасности, что политическое равновѣсіе нарушено, и вооружила полъ-Европы на Россію.

Прямодушная уступчивость Россіи удовлетворила славолюбію Наполеона III-го и остановила осуществленіе замысловъ Англіи; но это не значитъ, чтобы Англія отказалась отъ своихъ предначертаній.

Послѣ такихъ убѣдительныхъ фактовъ ея предательства, можно-ли помышлять, чтобы она оставила Россію въ покоѣ? Нѣтъ! Смѣло можно сказать, что Англія употребитъ всѣ средства своей политики, явныя и тайныя, позволительныя и непозволительныя; можетъ быть даже снова предложитъ свою коварную дружбу, чтобъ только поставить своего соперника въ невозможность ей вредить.

Особенная дѣятельность Англійской политики въ настоящее время показываетъ, что для нея возникаетъ какая либо опасность, или замыслы ея встрѣчаютъ сильное препятствіе.

Послѣдняя война не оправдала ея разсчетовъ на Дунай и Черное море: Россія удержала свое положеніе. Вотъ почему Англія стремится удалить Россію отъ всякаго вліянія на политическія дѣла Европы и принимаетъ мѣры къ предупрежденію всякаго дѣйствія ея въ Средней Азіи. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, если прослѣдить разныя нити Англійскихъ интригъ. Такъ Англія вынуждаетъ у Турціи право на постройку Евфратской желѣзной дороги, потому что этимъ не только пріобрѣтаетъ средства къ быстрому передвиженію своихъ войскъ въ Индію и отвлечетъ отъ Россіи торговлю Малой Азіи въ Багдадѣ, но и откроетъ новыя военныя дороги Туркамъ и Персамъ въ Закавказскія провинціи наши.

Средиземное море ускользаетъ изъ подъ исключительнаго господства Англіи. Россія вступаетъ на это торговое поприще, пользуясь свободою плаванія, приготовленною Англичанами для себя.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Россія будетъ покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Подъ эгидою мира мануфактурная промышленность наша должна сдѣлаться соперницей Англійской въ Средней Азіи, ибо у нихъ одинаковые предметы мануфактурной производительности.

Для жизни нашихъ мануфактуръ намъ нуженъ сбытъ произведеній въ Среднюю Азію, такъ какъ Европа снабжается работою собственныхъ своихъ фабрикъ.

Въ этомъ сталкиваемся мы съ Англіей помимо военныхъ замысловъ. Той и другой странѣ нужны милліоны потребителей, населяю-

щіе Азію; Англія не хочетъ размежеваться съ Россіею полюбовно, поставя Гималай и Гиндукушъ торговою границею обоюдныхъ владѣній. Англія, эта всемірная фабрика, не хочетъ допустить, чтобы такое торговое соперничество выросло; можетъ ли не замышлять она уничтоженія такого препятствія своей монополіи?

Расширеніе внѣшней торговли и внутреннее обогащеніе Россіи опаснѣе для Англіи нашихъ завоеваній. Миръ Россіи будетъ ее тревожить болѣе, чѣмъ военное положеніе; слѣдственно она будетъ заботиться, чтобы возбудить это положеніе, какъ болѣе для нея выгодное.

Англія считаетъ всю Азію своимъ рынкомъ, а наши товары тамъ—контрабандою; она хочетъ хозяйничать тамъ одна, и потому лишній кусокъ ситцу, проданный Русскими въ Средней Азіи, по мнѣнію Англіи, нарушаетъ ея права. Каждый шагъ Россіи къ политическому сближенію съ Среднеазіятскими ханствами она называетъ завоевательнымъ преобладаніемъ Россіи.

Вотъ точка, въ которой сталкиваются существенныя выгоды обоихъ народовъ, вотъ чувствительная струна Британской биржи, яблоко раздора ея съ Россіею; потому что естественныя преимущества Россіи въ торговлѣ съ Азіятцами и необходимость этой торговли ставятъ ихъ лицомъ къ лицу въ непосредственное противоборство.

Остъ-Индія нынѣ не собственность частной компаніи торгашей. Это Азіятская колонія Британской монархіи; да если бы она и была частною собственностію, все равно: акціонеры компаніи и двигатели Британскаго кабинета одни и тѣже лица.

Проникнемъ ли мы въ Среднію Азію съ нашими товарами, достигнемъ ли вліянія надъ ея ханствами, Англійская Индія будетъ постоянно страшиться, что мы, овладѣвъ Туркестаномъ, перешагнемъ чрезъ Гималай или Гиндукушъ и, столкнувшись съ нею, можемъ при удобномъ случаѣ потрясти до основанія ея непрочное владычество надъ Индіей.

При такихъ отношеніяхъ, тревожащихъ ея будущность, можетъ ли Англія допустить, чтобы Россія въ покоѣ развила торговую дѣятельность свою и народное богатство?

Наше правительство, чуждаясь кровопролитія, жертвуя выгодами своими миру, не разъ уступало требованіямъ Англіи до того, что прерывало даже сношенія съ Азіей вовсе не касавшіяся Англійскихъ владѣній въ Индіи; но и въ этомъ случаѣ оно не ушло отъ зависти и подозрѣній Англіи. Уступчивая политика наша въ ханствахъ Средней Азіи не остановила Англію дѣйствовать намъ во вредъ; Крымская война есть фактъ совершившійся, а чрезъ семь лѣтъ она возбуждаетъ новую войну.

Всякая уступчивость наша только расширяетъ свободу дѣйствій завоевательной политикѣ Англіи, тогда какъ преобладающее господство ея опасно Россіи не въ одномъ торговомъ отношеніи. Но долженъ же когда нибудь быть конецъ этому.

Намъ нельзя уступить Британцамъ Среднею Азію: это было-бы противно всѣмъ государственнымъ интересамъ Имперіи. Англія же никогда добровольно не согласится признать торговой границей нашей Гиндукушъ и Гималай; такое сосѣдство ей не по нраву, оно вредно ея барышамъ. Стало быть, какую бы мы дорогу ни избрали къ укрѣпленію нашихъ сношеній и торговли въ Средней Азіи, мы не избавимся отъ преслѣдованій ея политики, а мы уже убѣдились опытомъ, на что̀ способна эта коварная политика и на какія мѣры можетъ она рѣшиться.

Въ настоящее время Англія возбудила Польскій вопросъ, въ чемъ содѣйствуетъ ей и Франція съ Австріей; но разсчеты и виды, которые имѣются при этомъ, не обозначились еще яснымъ образомъ.

Австрія вынуждена придерживаться политики Англіи, потому что чувствуетъ свое одиночество и знаетъ, что лишилась сочувствія Россіи, которой, за свое спасеніе въ 1849 году, сдѣлала столько вреда двуличнымъ поведеніемъ своимъ въ послѣднюю войну. Зная, что ее ожидаетъ, еслибъ Венгрія снова подняла оружіе, Австрія явно стремится расширить свои границы на Востокѣ, и какъ въ этомъ можетъ съ ней соглашаться одна Англія, то она и присоединяется къ ея политической системѣ—вредить Россіи.

Средняя Азія пока состоитъ еще мирною гранью между Россіей и Индіей; чтобъ перейти Гиндукушскій хребетъ, Англичанамъ надо предварительно покорить Афганцевъ. Раньше или позже, они непремѣнно овладѣютъ Афганистаномъ и затѣмъ наложатъ руку на Туркестанъ и придвинутся непосредственно къ нашимъ границамъ.

Эта мысль ихъ выразилась на дѣлѣ, еще во время Афганскаго похода. При успѣшномъ началѣ этой войны, компанейскіе агенты, будущіе президенты ханствъ, дѣйствовали уже по сю сторону Гиндукуша, замышляя походы на Бухару и Самаркандъ; только зима, гибельная въ Баміянскихъ ущельяхъ и общее возстаніе Афганцевъ остановили эти замыслы.

Стало быть, ханства Средней Азіи не въ безопасности, и подпаденіе ихъ подъ власть Англіи коснется прямо интересовъ Россіи.

Не говорю уже о паденіи Среднеазіятской торговли нашей, которую заберутъ тогда въ свои руки Англичане; они могутъ простирать свои виды гораздо далѣе: столкновеніе съ Англіею со стороны Средней Азіи можетъ произойти на нашихъ коренныхъ границахъ, и тогда

мы должны будемъ стать въ оборонительное положеніе, всегда невыгодное и разорительное.

Возможности этаго отвергать нельзя, и опасныя отъ того для Россіи послѣдствія очевидны. Англія къ окончательному утвержденію своего владычества надъ цѣлою Азіею, въ видахъ обезпеченія Остъ-Индскихъ владѣній, можетъ принять мѣры, чтобъ на всегда уничтожить въ Средней Азіи то угрожающее положеніе въ отношеніи къ Остъ-Индіи, которое занимаетъ Россія, и обезпечить себѣ полную свободу дальнѣйшихъ дѣйствій. И Англія принимаетъ уже эти мѣры: покровительствуемый ею Достъ - Мохаммедъ Кабульскій расширяетъ насчетъ земель Герата и сосѣднихъ земель, прилегающихъ къ верховьямъ Аму-Дарьи, свое владѣніе, въ которомъ Англичане будутъ распоряжаться какъ у себя дома. Есть слухи, что они хотятъ завести на Аму свои пароходы и предлагаютъ построить таковые-же Бухарскому эмиру. Тѣмъ или другимъ способомъ, Бухара и Хива сдѣлаются въ непродолжительномъ времени Британскими вассалами. При посредствѣ Афганцевъ, Балкъ и Мервъ сдѣлаются скоро достояніемъ Англичанъ, и случится это,—дорога для насъ въ Индію будетъ заперта. Наконецъ, Англія можетъ устроить для Персіянъ пароходы на Каспійскомъ морѣ; объ этомъ уже говорятъ въ Персіи; не трудно также будетъ убѣдить ей Персію занять и укрѣпить Юго-Восточный берегъ Туркменіи, представивъ опасность, угрожающую отъ водворенія здѣсь Русской власти, для ближайшихъ Персидскихъ провинцій; тѣмъ болѣе, что Персія давно уже считаетъ Туркменію своимъ леннымъ владѣніемъ. Тогда Персія запретъ намъ путь въ Индію, лишитъ насъ опорныхъ пунктовъ въ Туркменіи и устранитъ всякое вліяніе наше на Туркменцевъ, необходимое намъ для успѣховъ Среднеазіятской торговли и политическаго значенія въ Азіи. Вотъ еще точка, гдѣ можетъ быть вооруженное столкновеніе, если мы не упредимъ этого.

Все это убѣждаетъ насъ, что занятіе Балхашскаго залива, устройство сообщенія оттуда къ Хивѣ и занятіе устья Аму-Дарьи суть существеннѣйшія потребности политическаго положенія нашего въ Азіи, не допускающія въ осуществленіи ихъ никакого отлагательства. Тогда только между Россіей и Англіей можетъ быть заключенъ прочный миръ, ибо Россія тогда будетъ находиться въ такомъ положеніи, что можетъ говорить съ достоинствомъ съ Англіей, и она ее выслушаетъ съ почтеніемъ—признаетъ торговой и политической границей нашей Гиндукушъ и Гималай; а мы обяжемся не тревожить Англію въ Индіи. Афганистанъ останется нейтральнымъ владѣніемъ между союзными монархіями. Въ противномъ случаѣ, ранѣе или позже, въ томъ или другомъ мѣстѣ Средней Азіи, не избѣжимъ мы столкновенія съ Англіей.

Это вытекаетъ изъ ея политики: такъ или иначе, она непременно вызоветъ это столкновеніе, избравъ удобный случай. Слѣдовательно собственная безопасность наша въ будущемъ должна вынуждать насъ къ принятію мѣръ предосторожности заблаговременно.

Каждый шагъ Россіи въ Средней Азіи электрическимъ ударомъ отзывается въ Остъ-Индіи и разрѣшается напряженными усиліями Англійской политики, постоянная система которой—ослаблять опаснаго противника, какими бы то ни было средствами.

Всѣ эти нити интригъ, нарушающія трактатъ 19 Марта, сводятся къ одной цѣли ослабить и уничтожить угрожающее положеніе Россіи, какъ препятствіе Англійскому преобладанію въ Средней Азіи.

Доходы съ Индійскихъ владѣній составляютъ для Англіи въ годъ до 120 милліоновъ р. с. Если большая часть доходовъ и издерживается на расходы по управленію, то самыя эти издержки обращаются въ пользу Англичанъ; ихъ правительство, предоставляя чрезъ жалованье воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, чрезъ обмѣнъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій и чрезъ торговую дѣятельность вообще, всю выгоду отъ владѣній Индійской колоніи своимъ подданнымъ, доставляетъ имъ чрезъ сіе средства не только къ обогащенію, но и къ существованію. Основываясь на Англійскихъ источникахъ, графъ Біорнштерна, въ сочиненіи своемъ полагаетъ чистую для жителей Великобританскихъ острововъ пользу отъ участія въ Индійскомъ управленіи и Индійской торговлѣ ежедневно до $6\frac{1}{2}$ милліоновъ фунт. стерлинг., т. е. до 50 милліоновъ р. сер.

Лишившись Индіи—источника частнаго богатства и главнѣйшаго рынка промышленной дѣятельности, метрополія, завлеченная въ несмѣтныя издержки, неминуемо почувствуетъ разстройство дѣлъ своихъ; разстройство же не только государственныхъ, но и частныхъ интересовъ повлечетъ за собою безпокойства и внутреннія смуты, столь легко пораждаемыя при всякихъ торговыхъ и промышленныхъ кризисахъ. А тогда Англія, волнуемая внутреннимъ безпокойствомъ, лишится къ веденію войны и усмиренію народа средствъ, въ коихъ нуждается въ огромныхъ размѣрахъ. Безъ средствъ она ослабнетъ въ силѣ и могуществѣ, и пагубное вліяніе ея на политику и дѣла другихъ странъ прекратится, какъ естественное послѣдствіе собственной ея слабости.

И такъ потрясеніе владычества Англичанъ въ Индіи не только причинитъ вредъ и ослабить врага нашего, но можетъ даже вполнѣ уничтожить политическое значеніе Англіи. Не только Россія, но и вся Европа избавится тогда врага, не щадившаго никогда, ни спокойствія,

ни благоденствія какой-бы то ни было страны, если спокойствіе и благоденствіе это не соотвѣствовали торговымъ интересамъ Англіи.

Англоманы будутъ возражать, что если достигнется цѣль—изгнаніе Англичанъ изъ Индіи, тогда на мѣсто Англійскихъ цивилизованныхъ учрежденій будетъ поставленъ Исламъ съ его нетерпимостью, угнетеніе мирныхъ и безтолковыхъ Индусовъ, торжество деспотизма, сожженіе вдовъ и подобныя прелести Индусской цивилизаціи. На это мы отвѣчаемъ сочиненіемъ Варрена, предлагая прочесть хотя главы IV, XI и XIV тома 3-го. Вотъ до какой степени въ Россіи не знаютъ положенія дѣлъ въ Индіи и боятся затрогивать этотъ вопросъ! Недавно было напечатано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «Послѣ «трагической развязки предпріятія поручика Витковича, по милости «Англійскихъ интригъ, никому не придетъ охоты заниматься Англо-«индійскимъ вопросомъ, хотя у России и найдется жилка проникающая «въ самую Индію, напримѣръ Армянское населеніе Индіи, духовная «глава котораго живетъ въ Русскихъ предѣлахъ». Армяне, народъ вообще разумный, промышленный и дѣятельный, будутъ очень полезны для Россіи во время нашествія на Индію.

Важнѣйшія же опасенія противниковъ предпріятія о нанесеніи вреда Англичанамъ въ Индіи, состоятъ въ томъ, что предпріятіе это будетъ имѣть послѣдствіемъ возстаніе всей Европы противъ Россіи. Что касается сего опасенія, то если предположить, что всеобщее противъ Россіи возстаніе можетъ когда либо въ дѣйствительности осуществиться, то оно исполнится не вслѣдствіе похода войскъ нашихъ въ Индію, а вслѣдствіе предположенія Англіи достигнуть постоянной своей цѣли потрясти могущество, спокойствіе и благоденствіе Россіи. И такимъ образомъ мы дождемся того, чего опасаемся отъ похода на Индію, упустивъ только время къ принятію съ нашей стороны дѣйствительныхъ мѣръ къ нанесенію вреда Англіи.

Развѣ не видимъ мы и теперь нѣкоторый успѣхъ Англіи въ вооруженіи Европы противъ Россіи? Развѣ не съ той же цѣлью слѣдуетъ смотрѣть на конвенцію Австріи съ Англіею и Франціею? И наконецъ, развѣ Англія не требовала уже оффиціально отъ всей Европы вооруженія противъ Россіи для защиты Польши?

Развѣ экспедиція въ Индію измѣнитъ политическое расположеніе къ намъ тѣхъ государствъ, которыя нынѣ отказали Англіи въ содѣйствіи противъ Россіи? Развѣ утрата Индіи, изъ которой Англія почерпаетъ свою силу и свое могущество, сдѣлаетъ Англію страшнѣе прежняго другимъ государствамъ? Всякое ослабленіе Англіи во власти и въ матеріальныхъ средствахъ ея должно быть благопріятно каждому другому государству, ибо соразмѣрно съ утратою матеріальныхъ силъ

Англіи, уменьшится и степень политическаго ея первенства предъ другими державами, и тогда они не подчинятся тѣмъ требованіямъ, которымъ подчиняются нынѣ.

Сколько нашъ походъ въ Индію и ни кажется дѣйствіемъ необыкновеннымъ, мыслію новою, несбыточною по трудности исполненія и по количеству необходимыхъ къ тому пожертвованій, для Англіи походъ нашъ въ Индію не будетъ дѣломъ, въ сбыточности коего она сомнѣвается; напротивъ того, положительные факты этихъ опасеній печатно доказываютъ Варренъ, Жансиньи, Циммерманъ, Американскій генералъ Хорлонъ, образовавшій войска Достъ-Мохаммедъ-Хана; наконецъ, Англійскіе журналы и мѣстныя Индійскія газеты во время Восточной войны должны убѣдить насъ въ томъ, что Англійское правительство ожидаетъ нападенія нашего на Индію.

По словамъ Наполеона І-го, тамъ, гдѣ громадныя массы войскъ древнихъ и позднѣйшихъ полководцевъ свободно проходили съ своими громоздкими вооруженіями и безчисленными транспортами, тамъ безспорно можетъ пройти Европейскій корпусъ съ своею артиллеріею и обозомъ, и то, чтó могло совершить Македонское или Персидское войско, то, конечно, еще возможнѣе для Русской и Французской армій.

ФРАНЦІЯ.

Сообразимъ теперь, какую роль принимала Франція относительно Россіи и чего можемъ мы ожидать со стороны Наполеона III-го въ настоящемъ положеніи обстоятельствъ.

Англія въ покоренныя ею земли вноситъ нищету и униженіе, думая только о своемъ обогащеніи; войны Франціи вездѣ сѣютъ просвѣщеніе, сообщаютъ знанія. Фабричная производительность первой—вредная, завистливая монополія; промышленность послѣдней—искусство, вызывающее каждаго на подражаніе и соревнованіе. Отъ этого Британцы навязываютъ свои товары силой, интригами изыскиваютъ себѣ потребителей, а Французы не успѣваютъ удовлетворять требованіямъ одной Европы. Слѣдовательно, вліяніе Франціи благодѣтельнѣе дѣйствуетъ на развитіе торговой промышленности, а Англія подавляетъ все чужое и стремится уничтожить всякое совмѣстничество.

Эти начала проникли и въ политику обоихъ государствъ. Основаніе Англійской политики одни барыши, между тѣмъ какъ политикой Франціи прежде всего руководитъ личное достоинство.

Вотъ причина ихъ вѣковаго разногласія и національной ненависти.

Въ прошедшемъ столѣтіи, изъ корыстныхъ видовъ своихъ, Англія лишила Францію ея колоній; Франція отомстила ей отторженіемъ Американскихъ штатовъ, не имѣя другихъ видовъ, какъ только уничтожить соперника.

Наполеонъ I-й, спасшій Францію отъ безначалія, грозившаго ей паденіемъ, зналъ, какое участіе принимала Англія въ этомъ гибельномъ положеніи: онъ былъ убѣжденъ, что если Англіи будетъ дозволено безпрепятственно развивать свою систему всемірной монополіи и слѣдственно матеріальной силы,—Франція и Европа никогда не будутъ спокойны.

Лишившись Американскихъ колоній, Англія, во время Французскихъ смутъ, закинула сѣть на Индію. Правитель Франціи тогда же предугадалъ, что Азія будетъ въ рукахъ Англіи, и Англія будетъ всемірнымъ деспотомъ не однихъ морей, если ей дадутъ волю.

Вотъ почему всѣ походы, войны, политика Наполеона I-го имѣли одну цѣль—низложить царицу морей и открыть эти моря всѣмъ народамъ, какъ общее достояніе ихъ. Его великой нравственной идеи міръ не понялъ. Въ немъ видѣли честолюбца. Дѣйствительно, его честолюбіе не имѣло границъ, но иначе онъ не могъ достичь своей высокой цѣли. Ему надобно было вынудить Европейскія державы дѣйствовать съ нимъ единодушно, чтобъ исполнить мысль объ уничтоженіи морскаго владычества Англіи. Испытавъ, что эта держава недоступна въ своей метрополіи, подъ обороной громадныхъ морскихъ силъ, онъ хотѣлъ нанести ей ударъ въ колоніяхъ; онъ замыслилъ, обдумалъ и предложилъ императору Павлу I-му раздѣлить съ нимъ славу похода въ Индію во имя спокойствія и блага цѣлой Европы. Великій стратегикъ избралъ путемъ Дунай, Черное море, Царицынъ, Астрахань, Каспій и сборнымъ пунктомъ Русско-Французской арміи въ 70 т. человѣкъ назначилъ Астрабадъ; въ 120 дней онъ разсчитывалъ отъ береговъ Дуная быть съ арміей на берегахъ Индуса. Переписка объ этомъ и исполненіе проекта остановились съ кончиною Русскаго Императора. Между тѣмъ Англія, проникнувъ тайну угрожаемой ей опасности, подъ коварной личиной вѣчной дружбы поставила Россію во враждебное положеніе съ Франціей *).

Чтобы избавить Европу отъ такого правительства, которое для выгодъ своей монополіи не щадитъ ни чести, ни общенародныхъ правъ, возбуждаетъ и питаетъ войны и бунты, тревожитъ міръ своими происками и дѣйствуетъ путями, которые безчестятъ и войну и миръ, Напо-

---

*) Графъ П. А. Толстой разсказывалъ, что въ Мартѣ 1801 г. онъ видѣлъ у графа П. А. Палена цѣлые свертки Англійскихъ гиней. Кончина Павла совпадаетъ съ походомъ атамана Платова въ Индію. П. Б.

леонъ I-й задумывалъ геніальную мысль поставить Англію внѣ законовъ, исключить предательницу изъ семьи народовъ, заклеймить ее позоромъ отчужденія.

Средство на это—континентальная система.

Мысль столько же великая сколь неисполнимая.

Европа не соглашается, вынуждаетъ этимъ Наполеона на новыя войны, и онъ надаетъ жертвою того предательства, противъ котораго возставалъ. Англія натѣшилась надъ нимъ. Мученическая смерть Сентъ-Еленскаго узника—вѣчное клеймо для Англіи. Оскорбленіе Франціи еще не отомщено.

Паденіе Наполеона I-го возвратило Европѣ первобытное ея состояніе. Франція взошла въ свои границы, Англія воспользовалась этимъ, чтобъ усилить свою дѣятельность. Мысль о низложеніи ея морскаго могущества потонула во внутреннихъ переворотахъ Франціи, духъ народной славы сего государства устремился на берега Африки, родились новые виды: по этимъ берегамъ достигнуть Египта, монумента военной и политической славы Наполеона I-го, сдѣлать Средиземное море своимъ озеромъ, и предоставить Россіи бороться съ Англіей за преобладаніе въ Средней Азіи.

Не одна Франція, но цѣлая Европа взяла за основаніе своей безопасности, чтобъ нравственныя силы Англіи были отвлечены на крайній Востокъ опаснымъ соперничествомъ Россіи.

Тутъ таилась и обратная мысль: личныя опасенія, чтобъ Россія, при возрастаніи своего могущества, обезпеченная съ Востока, не налегла всею тяжестію силъ своихъ на Западъ. Такимъ образомъ политическая борьба двухъ гигантовъ служила обезпеченіемъ для неприкосновенности Европы.

Франція и съ нею Европа не видѣли для себя никакой опасности, если Россія овладѣетъ Среднею Азіею; онѣ признавали за нею законное право на это, по необходимости для нея изливать туда избытокъ своихъ производительныхъ силъ, а торговлю обезпечить смиреніемъ ханствъ.

Съ тѣхъ поръ какъ народы стали измѣрять дружбу и отношенія выгодами, Франція очень хорошо сознавала, что Россія ей не будетъ помѣхой въ ея интересахъ.

Дѣйствительно, Россія не препятствовала ей въ завоеваніи Африки, не исключая и Египта; она равнодушно приняла бы извѣстіе, что станціи Средиземнаго моря Мальта, Іоническіе острова и проч. перешли въ руки Франціи, и море это сдѣлалось Французскимъ озеромъ.

Россія могла даже дозволить Франціи возвратить себѣ при-Рейнскія провинціи. Всего этого не можетъ сдѣлать Англія, соперница

Франціи на Средиземномъ морѣ, и въ ея политическихъ видахъ на Испанію и Италію.

Вотъ основныя нача̀ла прежнихъ дружескихъ отношеній Франціи и Россіи; интересы ихъ нигдѣ не сталкивались, они шли разными дорогами и были нужны другъ другу на вѣсахъ политическаго равновѣсія.

Не говоря о правительствахъ, народъ даже питалъ постоянно взаимное расположеніе и уваженіе, тогда какъ Англичане были предметомъ насмѣшекъ и ненависти Французовъ, которые не могли забыть кровавыхъ оскорбленій, нанесенныхъ ими старой Франціи.

Эти чувства народовъ высказывались явно даже въ Крымскую войну.

Англія также понимала опасность своего положенія при дружбѣ Россіи съ Франціею и воспользовалась новыми смутами Франціи, чтобъ открыть широкое поле своимъ интригамъ. Чтобъ царствовать надъ такимъ народомъ, какъ Французы, нужна военная слава; Англіи тоже нужна война, чтобъ отвлечь Россію отъ Индіи, ибо она боится, что Русскіе, при содѣйствіи Европы, могутъ овладѣть всею торговлею въ Средней Азіи. И вотъ Англія возбуждаетъ изъ-за Польши войну съ Россіей для своихъ выгодъ во славу Наполеона III. Въ ея арсеналѣ интригъ и низостей есть зажигательные снаряды. Что̀ для нея значитъ исказить факты? Франція подозрѣвала Сентъ-Джемскій кабинетъ въ намѣреніи посягнуть на самобытность Турціи, безъ ея участія; это кровная обида, которой никому не простила бы Франція; Англія слагаетъ всю вину на Русскаго Императора, возбуждаетъ ослѣпленнаго султана къ войнѣ и вызываетъ честолюбивую Францію на крестовый походъ во имя Турціи противъ Россіи.

Россія прямодушными уступками доказала Франціи всю несправедливость этихъ обвиненій, оружіе Франціи покрылось славою, цѣль Наполеона достигнута, и онъ устроиваетъ миръ съ Россіею.

Но не этого хотѣла Англія! Россія удержала свое политическое значеніе: слѣдственно Англія не успокоилась. Между тѣмъ маска съ ея политики спала. Россія больше не ввѣрится измѣннической дружбѣ; вотъ очевидная причина, по которой Англія возбуждаетъ новые вопросы, чтобъ поселить раздоры и зажечь войны противъ Россіи.

Франція убѣдилась, что за всѣ военныя потери она не пріобрѣла матеріальныхъ выгодъ отъ войны съ Россіей: трактатъ не усилилъ ея власти на Средиземномъ морѣ, не отдалъ ей при-Рейнскихъ провинцій, не бросилъ въ ея объятія Италіи; напротивъ, во всѣхъ этихъ вопросахъ она встрѣтила энергическое противодѣйствіе своей союзницы Англіи, тогда какъ со стороны Россіи могла имѣть прямое содѣй-

ствіе. Россія и Франція имѣютъ вездѣ общіе интересы и нигдѣ не сталкиваются въ своихъ видахъ, поэтому политика ихъ должна сойтись въ своихъ нравственныхъ основахъ.

Но политика Наполеона (а не Франціи, народъ Франціи всегда былъ противъ войны съ Русскими), политика Наполеона, говоримъ мы, еще не подняла покрывала тайныхъ его намѣреній.

Дѣйствительно ли онъ омраченъ мыслію, что можетъ раздѣлить міръ съ Англіею, или онъ хотѣлъ испытать и ослабить ея силы, чтобъ вѣрнѣе нанести ударъ, въ отмщеніе за вѣковыя оскорбленія и бѣдствія Франціи?

Мы можемъ положительно сказать только то, что Франція также смотритъ на Индію и уже не устранитъ отъ себя правъ вмѣшательства. Въ чемъ будутъ заключаться это вмѣшательство и участіе, съ какой точки будетъ смотрѣть Франція и чего мы должны ожидать отъ нея? Вопросъ рѣшить не трудно. Наполеонъ III будетъ нашимъ союзникомъ.

Франція протянетъ по прежнему дружескую руку Россіи, и тогда эти два государства, политическій лозунгъ которыхъ—честность, пойдутъ объ руку, каждое къ своей цѣли, для благоденствія Европы, возстановятъ достоинство и неприкосновенность правъ другихъ государствъ и уничтожатъ всякое вредное преобладаніе. Для Франціи съ Россіей это дѣло возможное, съ Англіею никогда: эта система противна барышамъ послѣдней.

Достичь этого и возвратить Францію къ идеямъ Наполеона I-го дѣло дипломатовъ; матеріальное пособіе Франціи намъ не нужно, а при успѣхахъ нашихъ ея собственные интересы останутся неприкосновенными.

ПИСЬМА М. П. ПОГОДИНА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Съ предисловіемъ и объясненіями Н. П. Барсукова.

„Сколько благородныхъ и заслуженныхъ дѣятелей всякаго рода сошло у насъ въ могилу, не вызвавъ своею смертію признательной и безпристрастной оцѣнки совершенныхъ ими трудовъ! Люди близкіе какъ будто совѣстятся говорить о дорогомъ для нихъ покойномъ; посторонніе, которымъ нечего бояться упрека въ лицепріятіи, при самомъ искреннемъ желаніи сказать что нибудь, должны молчать по недостатку свѣдѣній. А между тѣмъ, ничто не даетъ человѣку такой твердости въ исполненіи своихъ обязанностей, ничто такъ не укрѣпляетъ его въ трудѣ и честной борьбѣ, какъ увѣренность въ томъ, что по смерти ему воздано будетъ должное и что посильная дѣятельность найдетъ благодарныхъ цѣнителей“.

Вотъ завѣтъ Т. Н. Грановскаго, освященный завѣтомъ апостольскимъ: „Братіе, поминайте наставники ваша“ (Евр. 13, 7). „И мало ли великихъ людей“, говорилъ Погодинъ, „представитъ наша Святая Русь, если только мы будемъ читать Русскую Исторію больше, чѣмъ Journal des Débats, и углубляться въ ея задачи глубже, чѣмъ въ National“.

Но намъ теперь проповѣдуютъ другое: намъ говорятъ, что наша мысль витаетъ въ призрачномъ мірѣ, что она не есть настоящая живая мысль, а только подобіе мысли; что мы подражатели, что вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ нашей почвы, что все наше историческое движеніе получило какой-то фантастическій видъ, что наши разсужденія не соотвѣтствуютъ нашей дѣйствительности, что наши желанія не вытекаютъ изъ нашихъ потребностей, что наша злоба и любовь устремлены на призраки, что наши жертвы и подвиги совершаются ради мнимыхъ цѣлей.

Для исцѣленія же нашего отъ этого недуга требуется ни болѣе ни менѣе какъ, легко сказать! измѣнить характеръ нашего просвѣщенія, внести въ него другія основы, другой духъ; а для сего намъ слѣдуетъ „проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ *нашемъ народѣ*“ (Страховъ, „Борьба съ Западомъ“, Спб. 1882). Эти новые проповѣдники забываютъ, что Слово Божіе

воспрещаетъ возлагать „на плеща человѣческа бремена тяжка и бѣднѣ носима“ (Матѳ. 23, 4).

Но если мы, внимая завѣту отшедшаго отъ насъ учителя, не мудрствуя лукаво, станемъ изучать жизнь и труды нашихъ „благородныхъ и заслуженныхъ дѣятелей“, то увидимъ, что мысль ихъ не витала въ призрачномъ мірѣ, и они владѣли живою мыслію, а не подобіемъ ея, и что вліяніе на нихъ Европейскаго просвѣщенія не отрывало ихъ отъ нашей Русской почвы. Желанія ихъ прямо вытекали изъ нашихъ потребностей. Любовь и злоба ихъ устремлены были не на призраки. Жертвы и подвиги ихъ совершались не ради мнимыхъ цѣлей. „Перечитайте“, говорилъ нѣкогда Погодинъ, „Біографическій Словарь Московскаго университета. Двѣсти пятьдесятъ человѣкъ трудилось на нашемъ полѣ. Укажите мнѣ, кто прошелъ путь свой по цвѣтамъ? Кто не плакалъ, не страдалъ? Бѣдность — вотъ наша общая милая мать; нужда — вотъ наша вѣрная, любезная кормилица; препятствія, огорченія, оскорбленія, болѣзни, удары — вотъ наши неотлучные, дорогіе спутники, которые воспитываютъ душу, трезвятъ умъ, напрягаютъ способности“.

Неужели, спросимъ мы, всѣ эти достолюбезные трудолюбцы и добрые страдальцы были только жалкіе подражатели, а жертвы и подвиги ихъ въ священной оградѣ Русскаго просвѣщенія совершались „ради мнимыхъ цѣлей!“ Нѣтъ, даже краткое знакомство съ жизнью ихъ обличитъ во лжи ту несчастную и очень вредную теорію, которая дерзаетъ, на перекоръ Исторіи, разсѣкать живое тѣло Россіи и противопоставлять *народъ* какому-то *не народу*, бѣлый жилетъ армяку и лаптямъ (Достоевскій, „Дневникъ Писателя“, Январь 1881). И это проповѣдуется въ странѣ, гдѣ крашенинныя ризы преподобнаго Сергія составляютъ предметъ всеобщаго поклоненія, гдѣ мракъ Кіевскихъ пещеръ почитается выше и краше царственныхъ палатъ, гдѣ лохмотья юродиваго уважаются всѣми безъ различія, болѣе золотой парчи придворнаго; въ странѣ, которой Исторія не завѣщала ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. „Помилуйте!“, восклицалъ въ 1861 году Погодинъ (происходившій самъ изъ крѣпостныхъ людей), „развѣ дворяне не Русскіе люди? Развѣ они не дѣти одной съ нами матери Святой Руси? Подъ Севастополемъ, не заходя уже далеко въ старь, что же, дворяне оставались позади? Прильпни языкъ къ гортани у того, кто въ эту священную минуту Русской Исторіи подумаетъ, не только скажетъ, какое нибудь противное о нихъ слово!“ А наши новые проповѣдники *Русскихъ началъ*, по слову Св. Апостола Павла, хотятъ „быти законоучители, не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ“ (1 Тимѳ. 1, 7).

Мы очень благодарны издателю *Русскаго Архива*, давшему намъ поводъ помянуть Погодина и его неизмѣннаго друга Шевырева. Предлагаемыя здѣсь письма Погодина къ Шевыреву обнимаютъ, съ перерывами, время съ 1829 по 1864 годъ, т.-е. до года кончины Шевырева.

Въ посвятительномъ письмѣ, при поднесеніи Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига императору Александру Второму, Погодинъ торжественно заявилъ: „Ведя свой родъ изъ крѣпостнаго крестьянства, спѣшу принесть Освободителю дань сердечной, глубокой благодарности". Такое скромное происхожденіе не воспрепятствовало Погодину поступить въ гимназію, а затѣмъ и въ Московскій университетъ. Оно же не помѣшало ему сойтись съ княжескимъ семействомъ Трубецкихъ и каждое лѣто проводить въ ихъ подмосковномъ селѣ Знаменскомъ; а съ молодымъ поколѣніемъ этого семейства, по свидѣтельству самаго же Погодина, даже „связаться чувствомъ нѣжнѣйшей дружбы". Въ послѣдствіи онъ самъ писалъ: „У насъ нѣтъ зависти, злобы, ненависти между сословіями; нѣтъ также и сословной гордости, и мнѣ столько же легко, даже лестно, почетно признать свое крестьянское происхожденіе, сколько разсіяющему князю не трудно обходиться со мною по пріятельски, за панибрата, и подчасъ подождать меня въ пріемной комнатѣ. А почитайте-ка вы, какъ герцогу Кумберландскому долженъ былъ кланяться въ поясъ Гиббонъ, слышете кто Гиббонъ, и какъ геніальный Гёте кичился званіемъ тайнаго совѣтника великаго герцогства Веймарскаго, которое помѣстится просторно въ любомъ нашемъ уѣздѣ".

По сосѣдству съ Знаменскимъ, въ селѣ Троицкомъ, жилъ молодой товарищъ Погодина Ѳ. И. Тютчевъ, который посвятилъ его въ таинства Нѣмецкой литературы. Кромѣ Тютчева изъ университетскихъ товарищей, имѣвшихъ вліяніе на Погодина, были: Загряжскій, который въ какую-то благую минуту, указалъ ему со властію на нѣкоторые тексты Евангелія, врѣзавшіеся ему на всегда въ голову, и Кубаревъ, познакомившій его съ Шлецеровымъ коментаріемъ къ Нестору. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ Русская Исторія была любимымъ чтеніемъ Погодина. Ребенкомъ еще былъ онъ пораженъ слѣдующимъ замѣчаніемъ Карамзина: „Хотя историкъ судитъ безъ свидѣтелей, хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ; однако же истина всегда зараниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ, и тогда происшествіе объясняется". Въ университетѣ кромѣ Карамзина, явился ему, какъ мы уже сказали, другой учитель, это—Шлецеръ. Онъ овладѣлъ умомъ его, и онъ погрузился въ его изслѣдованія, которыя сдѣлались для него „занимательнѣе всѣхъ романовъ"; имена св. Кирилла и Меѳодія, Нестора стали для него священными. Дисертацію свою *О происхожденіи Руси* онъ посвятилъ Карамзину, сказавъ въ письмѣ: „у васъ началъ я учиться и добру, и языку, и Исторіи". Вскорѣ поручено было Погодину преподавать исторію въ университетѣ (1826 г.), сперва Всеобщую, потомъ Русскую. По отзыву слушателей, Погодинъ читалъ съ своими студентами источники; онъ воскрешалъ передъ ними изъ темныхъ сказаній лѣтописи давно отжившее прошедшее. Онъ любовно переносился въ это прошедшее, дружился съ лѣтописцемъ XII вѣка, какъ съ своимъ современникомъ и чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ въ

сообществѣ съ Ольговичами и Мономаховичами. Погодину недостаточно было только сказаній лѣтописей, чтобы всецѣло перенестись въ любезное его сердцу прошедшее: ему надобно было обставить себя цѣлою библіотекою старинныхъ рукописей, цѣлымъ музеемъ иконописи, оружія и другихъ вещественныхъ памятниковъ Русской Исторіи. Его кабинетъ превратился въ древлехранилище, и онъ, окруженный рукописями и всякими древностями, неутомимо работалъ надъ этими останками и развалинами, созидая изъ нихъ стройное зданіе науки. Древлехранилище Погодина не оставалось безъ вліянія на слушателей его. „И доселѣ живо осталось въ моей памяти", пишетъ Ѳ. И. Буслаевъ, „какъ бывало, будучи студентомъ, по праздничнымъ днямъ, иду я по Дѣвичьему полю въ это древлехранилище списывать знаменитую Евгеніевскую псалтырь, рукопись XI вѣка, на которой я впервыя познакомился съ юсами и другими премудростями древняго письма". Среди этихъ занятій Погодинъ наконецъ возымѣлъ мысль писать Исторію Россіи, и съ этою цѣлію мечталъ онъ поселиться гдѣ нибудь на берегу Балтійскаго моря, въ Даніи или Швеціи, и тамъ описывать подвиги нашихъ Варяговъ, потомъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ для удѣльнаго періода, а наконецъ въ Кяхтѣ, чтобы познакомиться съ Монгольскими степями и ихъ обитателями. Въ 1844 году, всѣ эти мечты рушились постигшими его семейными и другими несчастіями. Оправясь, онъ обратился къ Исторіи, какъ старому другу-утѣшителю; но другія занятія постоянно отвлекали его отъ главнаго предмета. „Сколько я себя помню", пишетъ Ѳ. И. Буслаевъ, „представленіе о Погодинѣ, какъ профессорѣ, всегда соединялось въ моихъ мысляхъ съ представленіемъ какъ о журналистѣ". Въ послѣдствіи самъ Погодинъ съ раскаяніемъ сознавался въ своемъ уклоненіи отъ главнаго предмета жизни. „Мнѣ казалось", писалъ онъ въ 1871 году, „что я работалъ въ журналѣ между дѣлъ, не отнимая времени у Исторіи; но теперь я вижу, что обманывалъ себя, что силы тратились, духъ возмущался, и историческое занятіе терпѣло ущербъ". Крымская война, Славянскіе и многое другое отклоняли Погодина отъ Исторіи, и она писалась медленно. Между тѣмъ время текло, и вотъ черезъ 45 лѣтъ послѣ разсужденія о происхожденіи Руси, Погодинъ Древнюю Русскую Исторію до Монголовъ и съ щемящею грустью въ 1871 г. выпустилъ ее въ свѣтъ. „Меня тревожитъ грусть, писалъ онъ, что я далеко не дошелъ до того идеала, который съ молоду составилъ для себя; меня тревожитъ грусть, что я и думать даже не могу теперь объ исполненіи тѣхъ задачъ, которыя въ послѣднее время представлялись мнѣ; меня тревожитъ грусть, что я не сдѣлалъ даже того, что̀ могъ, кажется, сдѣлать; что я послѣ такихъ трудовъ представляю соотечественникамъ не ту исторію, которую воображалъ, а только ея корректуру".

Но печаль Погодина преложилась на радость, когда, въ томъ же 1871 году, всѣ сословія Россійской Имперіи, отъ министровъ до хоругвеносцевъ Московскихъ соборовъ, чествовали юбилейный годъ его и когда Московскій

градской голова отъ имени всей Москвы торжественно заявилъ ему; „Вы Москвѣ свой. Рожденіемъ, воспитаніемъ, жительствомъ, службою, направленіемъ мыслей, убѣжденіями, чувствомъ, самымъ своеобразнымъ характеромъ вашей дѣятельности, вы принадлежите Москвѣ: Мо́сквѣ исторической, Москвѣ современной, Москвѣ народной, земской; Москвѣ—городу, бѣлокаменной, златоглавой, съ ея Кремлемъ и ея ширью. Москва вдохновила васъ съ дѣтства, вы жили и оставались Москвичемъ, или, по любимому вашему выраженію, *Москвитяниномъ*. Не опредѣляю навѣрное, когда засѣли вы на вашемъ Дѣвичьемъ полѣ; но вѣрно то, что нѣтъ въ Москвѣ ни единаго изъ старыхъ, ни изъ молодыхъ коренныхъ обывателей, кто бы не зналъ на Дѣвичьемъ полѣ длиннаго тѣнистаго сада, Русской избы и дома подъ зеленой крышей; кто-бы не сказалъ, что это осѣдлость М. П. Погодина,—человѣка всѣмъ доступнаго, всякому близкаго". Ровно черезъ четыре года, послѣ этого торжества, судомъ Божіимъ, Погодинъ былъ взятъ отъ насъ въ лучшій свѣтъ, гдѣ „все свѣтло несвѣтлое здѣсь, гдѣ просвѣтлѣетъ все загадочное и тайное, и гдѣ испытаніямъ нашимъ писаній и хартій нѣтъ болѣе мѣста". Прахъ его покоится въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ виду длиннаго тѣнистаго сада, Русской избы и до́ма подъ зеленою крышей, въ которомъ прошла большая часть его жизни. Кедры на его могилѣ посажены В. А. Кокоревымъ.

Съ именемъ Погодина соединяется неразрывно имя Степана Петровича Шевырева, дѣлившаго съ нимъ ученые труды и житейскія треволненія.

Шевыревъ принадлежалъ къ тому древнему Русскому коренному дворянству, которое „жило изъ рода въ родъ въ провинціи, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному разсчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ жила преданность престолу, тѣсно связанная съ его религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству. Подобно крѣпостному сословію, оно оставалось въ сторонѣ отъ политическихъ потрясеній, не выторговывало для себя у царей ни льготъ, ни наградъ" (Ковалевскій, „Графъ Блудовъ и его время". Спб. 1866). Для дополненія характеристики быта, окружавшаго дѣтство и отрочество знаменитаго профессора Московскаго университета и историка древней Русской словесности, приведемъ свидѣтельство другаго писателя, безпристрастно отнесшагося къ отшедшему быту. „Страстно желая", пишетъ онъ, „освобожденія крестьянъ, мы относились къ помѣщичьему быту съ полнѣйшимъ отрицаніемъ его историческихъ заслугъ. Мы образованные люди, забывали, что въ помѣщичьей средѣ хранились историческія преданія, росла и крѣпла наша цивилизація и было, право, много хорошаго". Образованные, или точнѣе пишущіе, люди также забывали, что въ этой средѣ были „тысячи истинно-Русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, но глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ", что эти тысячи „были разсѣяны по нашимъ де-

ревнямъ въ эпоху предшествующую эмансипаціи" (Де-Пуле, „біографія Никитина", Воронежъ 1869).

Отецъ Шевырева былъ Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и совѣстнымъ судіею, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою справедливость и безкорыстіе; а мать Шевырева представляла образецъ всяческихъ добродѣтелей. Почтенный типъ подобныхъ семей съ каждымъ почти днемъ исчезаетъ съ лица Русской земли, и самое воспоминаніе о нихъ уже переходитъ въ область Археологіи. И мы, безпощадно разрывая всякую связь съ прошлымъ, въ тоже время изумляемся, откуда берутся эти *рвущіе?* Въ родительскомъ домѣ были положены въ Шевыревѣ тѣ начала, которымъ онъ остался вѣренъ до могилы. Будучи шестилѣтнимъ мальчикомъ, онъ читалъ шестопсалміе за домашнею всенощною. Въ родительскомъ же домѣ онъ перечелъ Сумарокова, Хераскова и повѣсти Карамзина. Высшее образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ подъ руководствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. Давно уже нѣтъ этого знаменитаго заведенія, о которомъ питомецъ его П. М. Строевъ до конца своей жизни хранилъ глубоко-признательное воспоминаніе. По его отзывамъ, единственно-правильныя падагогическія начала для воспитанія Русскаго юношества были примѣняемы въ этомъ учебномъ заведеніи. Любимымъ воспоминаніемъ, которое П. М. Строевъ не уставалъ передавать, было то, что въ двадцатыхъ годахъ, на какомъ-то литературномъ обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ цвѣтъ Московскаго ученаго міра, Прокоповичъ-Антонскій, оглядѣвъ присутствующихъ, сказалъ: *а вѣдь это все наши!* Принадлежать къ числу этихъ *нашихъ* Прокоповича-Антонскаго для питомцевъ пансіона было величайшею честью. Паденіе пансіона горько оплакалъ другой его питомецъ М. А. Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи *Проданный Домъ.*

Въ тѣ дни, когда добро и знанье
Цѣнились выше серебра,
Здѣсь было мѣсто воспитанья,
Былъ домъ науки и добра!...
И вотъ проломанныя стѣны
Дверей и крылецъ кажутъ рядъ!
Тайникъ святыни воспитанья
Непосвященному открытъ
И оскверненъ рукой стяжанья...
Здѣсь роскошь нѣкогда разложитъ,
Прельщая очи, свой товаръ;
За деньги зрѣлище, быть можетъ,
Раздуетъ сладострастный жаръ;
Иль будетъ тамъ вертепъ веселья,
Куда обжорство заманитъ,
И гдѣ народное похмѣлье
Въ разгульныхъ пѣсняхъ загремитъ.

Въ 1821 году вступилъ въ университетскій пансіонъ учителемъ географіи Погодинъ. „И какъ теперь помню", пишетъ онъ, „увидѣлъ я миловиднаго мальчика, въ темнозеленомъ сюртучкѣ, идущаго съ книгами въ рукахъ, изъ одной двери въ другую, между тѣмъ какъ я всходилъ по лѣстницѣ. Не знаю почему, онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я спросилъ: кто это?—Это Шевыревъ, первый ученикъ старшаго класса". По окончаніи курса въ пансіонѣ, Шевыревъ опредѣлился въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностр. Дѣлъ. Здѣсь, разбирая старинные столбцы, онъ пріобрѣлъ навыкъ къ чтенію древнихъ рукописей. Архивная библіотека, обильная старыми книгами, была также ему полезна. Знакомство съ К. Ѳ. Калайдовичемъ имѣло значительное на него вліяніе. Отличное товарищество Архива, увѣковѣченные Пушкинымъ „архивные юноши", предлагали Шевыреву благородную сферу постоянныхъ умственныхъ и литературныхъ занятій. Въ это же время, Шевыревъ еженедѣльно посѣщалъ литературные вечера С. Е. Раича, куда сходились Погодинъ, Ознобишинъ, А. Н. Муравьевъ, В. П. Титовъ и другіе и дѣлились опытами своими въ литературѣ и бесѣдою. Здѣсь Шевыревъ читалъ свои переводы съ Греческаго. Эти вечера привлекли просвѣщенное вниманіе градоначальника Москвы, князя Д. В. Голицына, и одинъ изъ этихъ вечеровъ былъ данъ публично въ присутствіи князя. Къ этому времени относится дружеское сближеніе Шевырева съ Погодинымъ, и они начали работать въ запуски, читали, писали, переводили. Нѣмецкая литература и Шеллингова философія были главнымъ предметомъ ихъ занятій. Вмѣстѣ перевели они съ Латинскаго Славянскую Грамматику Добровскаго, вмѣстѣ издавали Уранію, Московскій Вѣстникъ и впослѣдствіи Москвитянинъ. Въ это же время процвѣталъ въ Москвѣ домъ княгини Зинаиды Волконской. Въ этомъ домѣ, по свидѣтельству А. Н. Муравьева, можно было встрѣтить все что только было именитаго на Русскомъ Парнассѣ: Пушкинъ и князь Вяземскій, Баратынскій и Веневитиновъ были постоянными его посѣтителями. Князь Одоевскій не пропускалъ ни однаго ея вечера; бывалъ тутъ и пріятный авторъ отечественныхъ романовъ М. Н. Загоскинъ; степенные Раичъ, Погодинъ и Шевыревъ, хотя и не любители большаго свѣта, не чуждались однако ея блистательнаго круга. Въ 1829 году княгиня Волконская предложила Шевыреву ѣхать съ нею въ Италію, для воспитанія ея сына. Трехлѣтнее пребываніе Шевырева въ Римѣ образовало въ немъ истиннаго ученаго. Обогащенный познаніями, возвратился онъ въ Москву и вскорѣ занялъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Шевыревъ никогда не могъ забыть того впечатлѣнія, которое произвелъ на него университетъ при первомъ въ него вступленіи. „Взглядъ на самое это зданіе", писалъ онъ впослѣдствіи, „которое еще въ отроческія лѣта внушало мнѣ уваженіе, видъ цвѣтущаго, оживленнаго юношества, стремившагося въ аудиторіи, какое-то неясное предчувствіе и надежда связать свою участь съ судьбою этого великаго образовательнаго учрежденія въ Россіи, все это на-

полняло душу мою трепетомъ какого-то неизъяснимаго восторга". Вступленіемъ Шевырева на каѳедру былъ очень доволенъ и самъ тогдащній министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ. По этому поводу онъ писалъ Окуловой: „Я особенно доволенъ выборомъ въ профессора Максимовича и Шевырева. Только такими людьми Московскій университетъ можетъ возвыситься и въ духѣ, и въ формѣ". О первомъ впечатлѣніи, которое произвелъ Шевыревъ на студентовъ, мы имѣемъ свидѣтельство очевидца К. С. Аксакова. „Во время втораго моего курса", пишетъ онъ, „явился на каѳедрѣ Шевыревъ и читалъ вступительную лекцію. На этой лекціи было много постороннихъ слушателей; я помню Хомякова и другихъ. Лекція Шевырева, обличавшая добросовѣстный трудъ, сильно понравилась студентамъ: такъ обрадовались они, увидя эту добросовѣстность труда и любовь къ наукѣ! Я помню, какое дѣйствіе произвели слова его на Станкевича, когда Шевыревъ произнесъ: „честное занятіе наукою". Это ужъ не Надеждинъ, сказали студенты, это человѣкъ трудящійся и любящій науку. Послѣ лекціи къ Станкевичу подходитъ Ключниковъ. Ты что̀ мнѣ скажешь? спрашивалъ его Станкевичъ. Я не помню, что̀ Ключниковъ сказалъ ему, но помню насмѣшливое выраженіе его лица. Шевыревъ казался для студентовъ радостнымъ событіемъ,—но и тутъ *очарованіе продолжалось недолго*".

Это скоро послѣдовавшее разочарованіе студентовъ въ Шевыревѣ главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что Шевыревъ думалъ только о наукѣ и искусствѣ, а для передовой молодежи важнѣе всего была политика. „Мы", говорилъ Погодинъ, „обращались преимущественно къ прошедшему, а противники наши къ будущему". Шевыревъ съ каѳедры внушалъ уваженіе къ древней нашей словесности, которая, по его справедливому убѣжденію, была „*искони сосудомъ вѣры*", тогда какъ противники его утверждали, что древняя словесность можетъ имѣть только одинъ интересъ—филологическій. Нѣсколько памятниковъ, говорили они, еще не составляютъ словесности. Когда историкъ Петра Великаго заявилъ, что древняя наша словесность ограничивалась „списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и *книгъ душеспасительныхъ*", Шевыревъ на это возразилъ ему: „Правда, что душеспасительныя книги составляютъ главное содержаніе древней Русской словесности; но если Русскій народъ въ древнемъ періодѣ своей жизни задалъ себѣ главною задачею въ произведеніяхъ своего слова указать пути для спасенія души человѣческой, то неужели такое явленіе въ своемъ народѣ историкъ новаго періода считаетъ дѣломъ столь маловажнымъ, что позволяетъ себѣ такъ небрежно объ немъ отзываться? На этихъ книгахъ основано религіозно-нравственное могущество Россіи, безъ котораго ни реформа Петрова, ни всѣ за нею послѣдовавшія и ожидаемыя, не имѣли бы своего правильнаго и прочнаго развитія". Привѣтствуя графа Д. Е. Остенъ-Сакена, Шевыревъ сказалъ: „Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя, противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но

несокрушимы силы Русскія будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ Русскомъ благочестіи". Эти мысли нашли полное развитіе въ обширномъ сочиненіи Шевырева: *Исторія Русской словесности преимущественно древней*. Книга эта есть плодъ работы ученой, честной, можно сказать, религіозной. Книга эта есть, по справедливому выраженію И. В. Кирѣевскаго, „оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности. Изъ подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова". Шевыревъ былъ не только проповѣдникомъ этихъ началъ, но былъ и *исповѣдникомъ* ихъ. Не ограничиваясь каѳедрою, онъ ратовалъ и въ журналистикѣ за древнюю словесность, за нашихъ старыхъ классическихъ учителей, за связь съ преданіемъ какъ въ исторіи, такъ и въ литературѣ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всемогущаго тогда Бѣлинскаго; эта ненависть была передана имъ въ наслѣдство его преемникимъ и наслѣдникамъ, и они, разсыпавшіеся по нашимъ газетамъ и журналамъ, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ, старались при всякомъ случаѣ задѣвать и ругать Шевырева. Онъ не слышалъ ни одного добраго слова. И это конечно имѣло вліяніе на студентовъ. А между тѣмъ кабинетъ Шевырева всегда былъ открытъ для нихъ. Онъ помогалъ имъ совѣтами, снабжалъ книгами, дѣлалъ пособія денежныя и спасъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ тяжкой участи своимъ горячимъ заступленіемъ. Много встрѣтилъ онъ и неблагодарныхъ...

Все это и многое другое омрачило послѣдніе годы Шевырева. Онъ однакожъ перемогался. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ въ библіотекахъ. Въ „смиренной и тѣсной кельѣ", у отца ризничаго Синодальной библіотеки, архимандрита Саввы (нынѣ архіепископъ Тверскій) переписывалъ онъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и другія; въ кельяхъ у архимандрита Чудовской обители, Паисія, трудился надъ Евангеліемъ святителя Алексія; въ кельяхъ архимандрита Іосифова Волоколамскаго монастыря Гедеона, работалъ онъ надъ рукописями знаменитой библіотеки. По свидѣтельству М. П. Погодина, „по наружности Шевыревъ какъ будто былъ еще крѣпокъ, но внутри завелся червь, который подтачивалъ ему жизнь. Тогда онъ рѣшился уѣхать въ чужіе края, чтобы пожить нѣсколько времени на свободѣ, не слыхать этой противной брани, не видать этихъ противныхъ ему фигуръ". Погодинъ, провожая его до Серпуховской заставы, смотря на него „съ прискорбіемъ былъ увѣренъ, что онъ не поправится и что онъ не увидитъ его болѣе". Предчувствіе Погодина оправдалось. „Человѣкъ, дѣйствующій предъ обществомъ", писалъ Шевыревъ, „обязанъ ему отчетомъ въ своихъ дѣлахъ общественныхъ, а въ душевныхъ скорбяхъ, въ борьбѣ съ судьбою, въ великомъ и трудномъ дѣлѣ жизни, его отчетъ только Богу".

Разставаясь съ своимъ поприщемъ, Шевыревъ какъ бы завѣщалъ намъ: „Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго отечества, пути желѣзные, пароходы крылатые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разрабатывай, Россія, богатства данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія, для великаго труда надъ нею! Но помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни; вѣрь въ нее, храни ее, какъ зѣницу ока, и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь; потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная, всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и каждаго человѣка отдѣльно, невозможна".

Извѣстіе о кончинѣ Шевырева было принято у насъ съ возмутительнымъ равнодушіемъ. Краткое упоминаніе въ *Днѣ* Аксакова объ его кончинѣ, два-три слова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объ его заслугахъ, и только. А между тѣмъ „болѣе нежели въ отношеніи къ кому ,либо", говорилъ Я. К. Гротъ въ Академіи, „изъ сошедшихъ въ могилу дѣятелей послѣдняго времени, на насъ лежитъ въ настоящемъ случаѣ забота исполнить святой долгъ справедливости. Въ послѣдніе годы жизни Шевырева обстоятельства ея приняли особенно неблагопріятный для него оборотъ. Вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ случайностей, всѣ прежнія заслуги его были забыты—что̀ едвали послужитъ къ чести нашей эпохи—не раздался ни одинъ голосъ въ защиту человѣка, оказавшаго существенную пользу наукѣ. Пусть Шевыревъ имѣлъ свои человѣческія слабости: смерть уже бросила на нихъ свой примирительный покровъ, и въ глазахъ потомства ничто не должно заслонять его значенія какъ ученаго и писателя".

Таковъ былъ другъ Погодина.

Николай Барсуковъ.

9 Сентября 1882 г.
Москва.

I.

Письма Погодина къ Шевыреву.

1829 года, Февраля 19.

Здравствуй, мой *любезный*! Какъ мнѣ жаль, какъ мнѣ жаль тебя: но съ Богомъ! Да хранитъ тебя Небо, и да возвратишься ты къ намъ еще сильнѣе, свѣжѣе, веселѣе! Иди твердо по своей дорогѣ, не теряй никогда изъ виду своего назначенія, работай и не шали много: вотъ тебѣ мое дружеское наставленіе. Что-то будетъ со мною? 1) Все ли по прежнему сурово будетъ смотрѣть на меня удача? Да и чортъ съ

нею!.. Я бываю часто только у добрыхъ Аксаковыхъ. Напиши же къ нимъ особливое благодарственное письмо. Больше и больше люблю я это почтенное семейство. Чтó за прекрасная женщина Ольга Семеновна! Какъ она горевала по тебѣ! Увѣдомь подробнѣе, какъ принятъ въ Петербургѣ Вѣстникъ 29 года 2).—Поклонись всѣмъ: Любимову 3), Одоевскому, Титову 4). Опиши свиданіе съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, да не по прежнему афоризмами... Раичъ 5) женился. «Вотъ теперь я буду вашею Галатеею» 6), сказала ему невѣста.—Да, а послѣ «бабочкою», отвѣчалъ онъ.

1) Въ началѣ 1829 года, княгиня Зинаида Александровна Волконская, отправляясь въ Италію, предложила Шевыреву принять на себя приготовленіе ея сына, князя Александра, къ университетскому экзамену. „Мы всѣ обрадовались", пишетъ Погодинъ, „этому счастливому случаю и убѣдили Шевырева оставить архивную службу и принять предложеніе княгини. Жизнь въ Италіи, въ такомъ домѣ, который былъ средоточіемъ всего лучшаго и блистательнаго по части наукъ и искусствъ, казалась намъ счастіемъ для Шевырева, который тамъ могъ кончить съ пользою свое собственное образованіе. И мы не ошиблись: три слишкомъ года, проведенные имъ въ Италіи, образовали въ немъ истиннаго ученаго. (Погодинъ, „Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ" стр. 16).

2) *Московскій Вѣстникъ* былъ основанъ въ 1827 г. „Мы составили съ Дмитріемъ Веневитиновымъ", пишетъ М. П. Погодинъ, „планъ изданія литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ *Гермесъ*. Программы смѣнялись программами, и въ эту-то минуту, когда мы были, такъ сказать, въ попыхахъ, рвались работать, думали безпрестанно о журналѣ, является въ Москву А. Пушкинъ, возвращенный Государемъ изъ его Псковскаго заточенія. Семейство Пушкиныхъ было знакомо, и кажется, въ родствѣ съ Веневитиновыми. Чрезъ нихъ и чрезъ князя Вяземскаго познакомились и всѣ мы съ Александромъ Сергѣевичемъ... Толки о журналѣ усилились. Пушкинъ выразилъ готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ былъ назначенъ я, главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: *Московскій Вѣстникъ*. Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова *), гдѣ нынѣ кондитерская Люке: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата Кирѣевскіе, Шевыревъ, В. П. Титовъ, Мальцовъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, В. Оболенскій, Соболевскій. Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ". (Погодинъ, „Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ" Спб. 1869, стр. 9—12).

---

*) На углу Кузнецкаго моста и Петровки. Домъ этотъ принадлежитъ племянникамъ А. С. Хомякова. Въ немъ помѣщается теперь книжный магазинъ И. И. Глазунова. П. Б.

3) Николай Ивановичъ Любимовъ родился 4 Декабря 1808, скончался 20 Августа 1875 г. Онъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, гдѣ коллегами и пріятелями его были М. П. Погодинъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, графъ И. П. Толстой—люди сохранившіе съ нимъ на всегда самыя лучшія отношенія. Въ 1828 году, Любимовъ, со званіемъ кандидата правъ, началъ службу въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по Азіатскому департаменту, въ которомъ и оставался во все время главенства канцлера графа К. В. Несельроде. Въ 1840 году на него было возложено важное порученіе—установить торговыя связи наши съ Небесною Имперіею; въ одѣніи купца съ образцами разныхъ товаровъ, Николай Ивановичъ впервыя явился въ Пекинѣ, и ловкими разумными переговорами, положилъ начало правильнымъ торговымъ сношеніямъ между двумя сосѣдними Имперіями. Въ 1852 году онъ занялъ мѣсто директора Азіатскаго департамента, а въ 1856 году былъ назначенъ къ присутствованію въ Сенатѣ, гдѣ и оставался до смерти своей, засѣдая съ 1858 года въ 1-мъ департаментѣ. Н. И. Любимовъ былъ человѣкъ образованный, честный, правдивый, дѣятельный и крайне добрый, съ огромною долею спокойной осторожности и разумной сдержанности. Держась неуклонно своихъ, выработанныхъ въ жизни убѣжденій, онъ отстаивалъ всегда принципъ правды и справедливости, иногда и во вредъ своему служебному положенію. Хорошій семьянинъ, неизмѣнный другъ, благонамѣренный гражданинъ и вѣрный сынъ отечества, онъ спокойно шелъ своимъ путемъ, оставивъ по себѣ уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ безукоризненное поведеніе его во всѣхъ случаяхъ служебной и частной дѣятельности (Сообщено Платономъ Ивановичемъ Барановымъ).

4) Владиміръ Павловичъ Титовъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель Археографической Коммиссіи.

5) Семенъ Егоровичъ Раичъ, сынъ священника села Высокаго, Кромскаго уѣзда, Орловской губ., былъ родной братъ приснопамятнаго Кіевскаго митрополита Филарета. Родился въ 1792 г., скончался въ Москвѣ 23 Октября 1855 г. По окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ, Раичъ жилъ въ домѣ Тютчевыхъ и воспитывалъ Ѳ. И. Тютчева. Затѣмъ онъ поступилъ въ домъ Н. Н. Муравьева, у котораго была школа колонновожатыхъ. Тамъ занимался онъ литературнымъ образованіемъ младшихъ дѣтей его, и между ними Андрея Николаевича Муравьева. Наконецъ, Раичъ преподавалъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ многіе молодые люди, и въ числѣ ихъ Лермонтовъ, были обязаны ему же первымъ знакомствомъ съ Русскою литературою. Раичъ былъ женатъ на Терезѣ Андр. Оливье, и былъ совершенно счастливъ своею семейною жизнію. Въ послѣдніе годы своей жизни, Раичъ занималъ мѣсто инспектора классовъ и преподавателя Русской словесности въ такъ-называемомъ Набилковскомъ заведеніи. Недалеко оттуда, за Сухаревою башнею, на Серединкѣ, былъ собственный домикъ Раича, съ небольшимъ садомъ, купленный на деньги, полученныя имъ отъ брата. Небольшой кабинетъ его радовалъ его своею чистотою; небольшая, но избранная библіотека, заключала въ себѣ лучшихъ Русскихъ, Латинскихъ и Итальянскихъ авторовъ; въ залѣ стояла рояль для дѣтей его; на окнѣ Эолова арфа, къ унылымъ звукамъ которой любилъ онъ прислушиваться, когда въ отворенное окно игралъ

на ней вѣтеръ. Вотъ и вся роскошь его пріюта (М. А. Дмитріевъ, и Моск. Вѣдомости 1855, № 141).

6) *Галатея*, журналъ литературы, новостей и модъ. Издавалась въ Москвѣ Раичемъ, съ 1829 по 1830. Въ 1-мъ № издатель между прочимъ сказалъ: „Галатея—бабочка; какъ дать ей направленіе? Она по прихоти летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ". Изъ послѣсловія узнаёмъ слѣдующее: „Издатель Галатеи, какъ и многіе другіе изъ Московскихъ журналистовъ, по случаю холеры, принужденъ былъ пріостановить, на десять недѣль, изданіе своего журнала. Обстоятельства Москвы улучшились, и Галатея по прежнему начала выходить въ назначенные дни. Годъ кончился, и изданіе Галетеи кончилось. Издатель смѣетъ надѣяться, что публика, если не оскорбится, по крайней мѣрѣ, великодушно извинитъ его: несчастіе, постигшее Москву, не обошло нѣкоторымъ образомъ издателя Галатеи, разстроивъ его обстоятельства" (1830 г., № 42). Былъ тогда еще журналъ *Бабочка*.

II.

1829. Апрѣля 28.

Министръ прислалъ мнѣ недавно 2000 р. вознагражденія за убытки, но я не принялъ ихъ, а пожертвовалъ на печатаніе общеполезныхъ книгъ, написавъ къ нему, что разстроенныя свои обстоятельства поправить самъ могу, а отказывать ему въ другой разъ не смѣю, ergo etc. 1). Съ Кир. мы сошлися, въ день смерти нашего Дмитрія, 15 Марта. Послѣ обѣда у Венев., я началъ было спрашивать его, повторяетъ ли онъ во всей силѣ свое прежнее письмо ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ сказать ему о готовности моей позабыть прошедшее, если онъ отрекается. Онъ не далъ мнѣ договорить, бросился цѣловать меня, и дѣло кончилось прекрасно 2). Послѣ мнѣ очень было пріятно увидѣться съ почтенною Авдотьею Петровною 3). Теперь по прежнему. Я радъ, ибо люблю всѣхъ, съ которыми обѣдалъ у покойнаго Хомякова 4). Наши вѣтви, писалъ я недавно къ Титову, будутъ рости далеко одна отъ другой, но корни всегда близко. Поминалъ-ли ты Дмитрія? 5). Вѣрно нѣтъ. Смотри же, не позабудь въ слѣдующемъ году: останься въ своей комнатѣ, если Рож. 6) не будетъ съ тобою вмѣстѣ, вели поставить лишній приборъ для покойника, и обѣдай одинъ. Въ этотъ день всѣ мысли наши изъ Тегерана 7) и Рима, Москвы и Петерб. должны сливаться въ одно. Бѣдный Ал. Хом. былъ недавно въ Москвѣ и прожилъ мѣсяцъ, грустенъ, но добръ, милъ и уменъ по прежнему 8). Теперь о литературныхъ новостяхъ. Полтава Пушк. вышла, но принята холоднѣе, чѣмъ заслуживаетъ. У Пушкина публика вычитаетъ теперь изъ должныхъ похвалъ прежнія лишнія 9). Гораздо больше шуму въ Петерб. сдѣлалъ Выжигинъ Булгарина. Какъ литературное произве-

деніе—онъ ничтоженъ: ни дѣйствія, ни характеровъ, ни вѣрныхъ описаній, ни чувства. Нѣсколько статей о нравахъ, на живую нитку сметанныхъ вмѣстѣ: седьмой и восьмой томъ сочиненій Булгарина, со всѣми его качествами и дурными, и хорошими. Относительное достоинство онъ имѣетъ для нашей публики, и авторъ чрезъ семь дней началъ второе изданіе. Впрочемъ здѣсь есть можетъ какія нибудь плутни. Надо отдать честь Москвѣ: рѣшительно всѣ порицаютъ сочиненіе, хотя авторъ и упоенъ славою, какъ пишетъ въ письмѣ къ Полевому, по словамъ Максимовича 10). Булг. почитаетъ себѣ соперникомъ теперь одного Пушкина и выступилъ противъ его Полтавы съ ужасно-нелѣпою статьею. Лучшее мѣсто въ поэмѣ, говоритъ онъ, есть пѣснь о козакѣ, и еслибы десять такихъ мѣстъ было, то поэма была бы въ десятеро лучше... Кир. написалъ противъ него для Галатеи... Баратынскій написалъ презлую эпиграмму на него: «Б. увѣряетъ насъ, что красть грѣшно, лгать стыдно» 11). Кстати объ эпиграммахъ. Пушкинъ написалъ и напечаталъ двѣ преругательныя на Каченовскаго. Пушкинъ бѣсится на него за то, что помѣщаетъ статьи Надеждина, гдѣ колютъ его нравственность. Надеждинъ вооружается и говоритъ много дѣла между прочимъ, хотя и семинарскимъ тономъ 12). Теперь нападаетъ онъ на Выжигина въ Вѣст. Европы. Аксаковъ поражаетъ его же въ Атенеѣ 13), а Кир. въ Галатеѣ, а я скажу кое-что въ 6 части Вѣстника.—Да позабылъ, объ Елизейскомъ журналѣ. Я хотѣлъ было издать первую книжку его подъ титуломъ: „Благопромыслительный Муравей“ съ предисловіемъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмцы искусились вызывать чертей съ того свѣта, сообщеніе стало легче, и я» etc. Тутъ именемъ Тредьяк. я вступился бы за нравственность Пушкина, ибо-де, и я (Тред.) писалъ Ѣзду на Островъ любви... Отъ имени Шлецера и Карамзина поразилъ бы своихъ гонителей etc. Но теперь занятъ дѣломъ, которое не оставляетъ времени на пустяки... Авось скажутъ, братъ, мнѣ когда нибудь спасибо. Еще ношу я мысль о двухъ повѣстяхъ, которыя должны составить одно цѣлое 14). На Іюль я располагаю ѣхать въ Малороссію съ Щепкинымъ. (Ты видишь, что я пишу къ тебѣ безъ всякаго порядка, какъ что̀ въ голову идетъ), а на зиму, какъ бы ты думалъ, хочу ѣхать въ какую нибудь деревню и заточиться... На тотъ же годъ обниму тебя въ Парижѣ или Римѣ... Или можетъ быть эта мечта, которая исчезнетъ, такъ какъ многое уже исчезло для меня. Теперь опять продолженіе о литературныхъ новостяхъ...

Пушкинъ собирается писать исторію Малороссіи; но я не думаю, чтобы онъ былъ способенъ къ труду медленному и часто мелочному по необходимости. Онъ теперь увивается въ Москвѣ около

Ушак. 15) Мицкевичъ издалъ прекрасно свои стихотворенія, которыя читаю по-польски. «Фарсисъ» его очень хорошъ. Онъ пріѣзжалъ въ Москву прощаться и ѣдетъ въ чужіе края 16). Баратынскій ѣдетъ въ деревню. Третьяго дня далъ намъ (Веневитинову, Кирѣевскому и мнѣ) блистательный обѣдъ у Яра... Аксаковы здоровы. Ольга Семеновна очень мило мнѣ гадаетъ, пророчитъ мою судьбу и сдѣлалась моею повѣренною. Ей Богъ дастъ еще скоро дитя... А прежнія часъ отъ часу милѣе... Дворянскіе выборы идутъ прекрасно... Строевъ отправился въ Архангельскъ 17). Здѣсь ожидаютъ Гумбольдта. Хотятъ дать ему обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія и поднести золотую медаль съ изображеніемъ Урала, озареннаго лучами восходящаго солнца 18). Кажется все.

Да благо ти будетъ и долголѣтенъ на землѣ... Гуманистъ Раичъ воркуетъ съ своею горлицею... У меня обѣдали: Пушкинъ, Мицкѣвичъ, Аксаковъ, Верстовскій etc. Разговоръ былъ занимателенъ отъ... до Евангелія. Но много было сальнаго, которое не понравилось... Василію Львовичу очень нравится «Полтава». Впрочемъ, говоритъ онъ, есть выраженіе одно непозволительное: «дрема долитъ»... 19). Завтра спектакль у князя Крапоткина, и Семенова играетъ съ Кокошкинымъ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе».... Семенова—пламенная жизнь. Какая у ней чувствительность! Она совершенно очаровываетъ зрителей и овладѣваетъ ихъ сердцемъ!..

1) Объ этомъ же Погодинъ писалъ П. М. Строеву, который въ качествѣ путешествующаго археографа находился въ то время въ Вологдѣ: „Министръ (князь Ливенъ) въ вознагражденіе за убытки, причиненные мнѣ его вызовомъ, прислалъ мнѣ своихъ 2 т. р.; я въ первый разъ отказался, а во второй пожертвовалъ ихъ на напечатаніе общеполезныхъ книгъ, и уже вышла одна: „Болгаре“ Венелина (см. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“. Спб. 1878, стр. 194). Погодина вызывали въ Петербургъ на должность.

2) Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій родился въ Москвѣ 22 Марта 1806 г. Скончался въ Петербургѣ 11 Іюня 1856 г. Погребенъ въ Оптиной Пустынѣ близъ соборной церкви. Тамъ же погребенъ и братъ его Петръ Васильевичъ. Въ письмѣ своемъ къ Соболевскому, отъ 26 Апрѣля 1829 г., Кирѣевскій писалъ: „Чтò сказать тебѣ про Москву? Начну съ того, что мы помирились съ Погодинымъ; всего разсказывать много и длинно. Довольно того, что многими поступками онъ доказалъ благородство, безкорыстіе, и пр., и пр., такъ что послѣ всего имъ сдѣланнаго было ясно, что поступки его съ Пол. происходили не отъ недостатка сердечныхъ качествъ, но отъ глупаго взгляда на вещи. Къ тому же онъ теперь весьма несчастливъ. Чортъ дернулъ его напечатать одну критику Арцыбашева на Карамзина въ своемъ журналѣ, и это сдѣлало ему *заклятыхъ враговъ изо всѣхъ* друзей Карамзина. Дмитріевъ, Блудовъ, и пр., и пр. подали примѣръ, а вся остальная братія за ними. Въ мѣстѣ ему отказано, знакомства съ нимъ разорваны, его бранятъ, дѣлаютъ

ему всякаго рода непріятности, а онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, потому что самъ не согласенъ съ Арцыбашевымъ; а зачѣмъ напечаталъ? Самъ чортъ не разберетъ". (Бумаги С. А. Соболевскаго, I, 66).

3) Авдотья Петровна Елагина, рожденная Юшкова, въ первомъ бракѣ Кирѣевская, родилась 11 Января 1789 г., въ селѣ Петрищевѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи. Скончалась 1 Іюня 1877 г., въ Дерптѣ и погребена на мѣстѣ рожденія своего въ селѣ Петрищевѣ. Память ея почтили своими воспоминаніями П. И. Бартеневъ („Русск. Архивъ 1877, II, 483—495) и К. Д. Кавелинъ („Сѣверный Вѣстникъ" 1877 №№ 68—69).

4) Старшій братъ Алексѣя Степановича, Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ. род. въ 1802 г. умеръ въ 1828 г. на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ при Паскевичѣ чиновникомъ по дипломатической части. Погребенъ въ Тифлисѣ, въ Георгіевской Кашведской церкви. Объ немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о чрезвычайно даровитомъ молодомъ человѣкѣ. Онъ былъ товарищемъ дѣтства и молодости своего знаменитаго меньшаго брата (Бартеневъ, „Въ память объ А. С. Хомяковѣ", стр. 31).

5) Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ, родившійся въ Москвѣ 14 Сентября 1805 г., скончался въ С.-Петербургѣ, на рукахъ Ѳ. С. Хомякова, 15 Марта 1827 г. Погребенъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ. Старецъ Дмитріевъ почтилъ его эпитафіей:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской.
Надъ нею роза дышетъ;
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ!

Много лѣтъ спустя послѣ кончины его, а именно въ 1867 г., Погодинъ писалъ: „Дмитрій Веневитиновъ былъ любимцемъ, сокровищемъ всего нашего кружка. Всѣ мы любили его горячо, одинъ другаго больше. Точно такъ предшествовавшее поколѣніе, поколѣніе Жуковскаго, относилось къ Андрею Тургеневу, а слѣдующее, забредшее на другую дорогу, къ Станкевичу. Въ Карамзинскомъ кружкѣ это мѣсто занималъ Петровъ. И всѣ четыре поколѣнія лишились безвременно своихъ представителей, какъ будто принося искупительныя жертвы. Двадцать пять лѣтъ собирались мы, остальные, въ этотъ роковой день, 15 Марта, въ Симоновъ монастырь, служили панихиду, и потомъ обѣдали вмѣстѣ, оставляя одинъ приборъ для отбывшаго друга. А потомъ кругъ нашъ сталъ рѣдѣть: скончался Иванъ Кирѣевскій, не стало Хомякова, погибъ Шевыревъ. Въ нынѣшнемъ году Петербургскіе оставшіеся друзья вспомнили любезную старину и совершили тризну вмѣстѣ". Вотъ что писалъ объ этихъ поминкахъ Погодину братъ поэта А. В. Веневитиновъ (отъ 15 Марта 1867): „Любезный другъ Михаилъ Петровичъ. 15 Марта оставшіеся въ живыхъ друзья покойнаго брата Дмитрія Владимировича собрались въ сороковой разъ въ церкви для совершенія заупокойнаго служенія, и въ тотъ же день обѣдали у меня". Мы послали къ вамъ, Московскимъ друзьямъ, телеграмму, подписанную Вяземскимъ, Титовымъ, Комаровскимъ, Озноби шинымъ и мною. Телеграмма, отправленная по адресу Одоевскаго, обращалась къ нему, къ тебѣ, къ Соболевскому, Кошелеву и А. П. Елагиной" („Русскій" 1867, № 7 и 8, стр. 110—111).

6) Рожалинъ, переводчикъ „Страданій Вертера“, молодой человѣкъ, классически образованный, находился также въ числѣ учителей молодаго князя А. Н. Волконскаго.

7) Относится къ Ивану Сергѣевичу Мальцову. Онъ началъ свою службу въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Мицкевичемъ, Баратынскимъ, Веневитиновыми, Хомяковыми, Кирѣевскими, Титовымъ, Шевыревымъ, Соболевскимъ, Рожалинымъ и Погодинымъ праздновалъ рожденіе *Московскаго Вѣстника*. Былъ при Грибоѣдовѣ секретаремъ Русскаго посольства въ Тегеранѣ. Скончался въ 1880 г., въ Ниццѣ и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

8) Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Всполье *), въ 1804 г. 1 Мая, на день пророка Іереміи. Скончался въ своемъ селѣ Ивановскомъ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ 1860 г. 23 Сентября, на день зачатія честнаго, славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, Хомяковъ принадлежалъ къ старинному Русскому дворянству. Хомяковъ зналъ на перечетъ своихъ дѣдовъ, лѣтъ за 200 въ глубь старины. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенно милостивъ къ предку его Петру Семеновичу Хомякову, который былъ царскимъ подсокольничьимъ, и писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ архивѣ Хомяковыхъ. Древняя Русь была для Хомякова не однимъ предметомъ отвлеченнаго изученія. (Бартеневъ, „Въ память объ А. С. Хомяковѣ“, стр. 29—38). Въ одномъ своемъ стихотвореніи, обращаясь къ Россіи, онъ говоритъ:

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

„Во время начальствованія моего Архангельскимъ кирасирскимъ полкомъ“ (пишетъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ), „отецъ Алексѣя Степановича, весною 1822 года, привезъ ко мнѣ въ Новоархангельскъ**) 17-ти-лѣтняго своего сына, для опредѣленія на службу, и поручилъ моему попеченію. Я былъ тогда уже женатъ и принялъ въ нашъ домъ юношу Хомякова, какъ сына... Въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи онъ былъ едва ли не единица. Образованіе его было поразительно-превосходно, и я во всю жизнь мою не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ... Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекся направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно... Ѣздилъ верхомъ отлично... Прыгалъ чрезъ препятствія въ вышину человѣка. На эспадронахъ дрался превосходно. Обладалъ силою воли, не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу Православной церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія. Въ то время было еще значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внушалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе,

*) Домъ, въ которомъ родился Хомяковъ, въ настоящее время принадлежитъ А. Т. Карповой.

**) Херсонской губерніи.

что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованія... Хомяковъ не позволялъ себѣ внѣ службы употреблять одежду изъ тонкаго сукна, даже дома, и отвергнулъ позволеніе носить жестяныя кирасы, вмѣсто желѣзныхъ полупудоваго вѣса, не смотря на малый ростъ и съ виду слабое сложеніе... Относительно терпѣнія и перенесенія физической боли обладалъ онъ въ высшей степени Спартанскими качествами... Хомяковъ не болѣе года оставался подъ моимъ начальствомъ и былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ". („Утро" М. 1866, стр. 426—428). 1825 и начало 1826 г. Хомяковъ провелъ въ заграничномъ путешествіи. Онъ жилъ долго и уединенно въ Парижѣ и писалъ трагедію свою *Ермакъ*, напечатанную въ 1833 году. На обратномъ пути въ Россію, въ 1826 году, онъ объѣхалъ земли Западныхъ Славянъ (Бартеневъ, стр. 29—38).

9) Это охлажденіе къ Пушкину князь П. А. Вяземскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Пушкинъ тогда не былъ уже повелителемъ и кумиромъ двадцатыхъ годовъ. По мѣрѣ созрѣванія и усиливающейся мужественности таланта своего, онъ соразмѣрно утрачивалъ чары, коими опаивалъ молодыя поколѣнія и нашу безсознательную и слабоголовную критику". („Полное Собр. Сочиненій", II, 371). „Всегда уважая необыкновенный талантъ А. С. Пушкина", писалъ С. Т. Аксаковъ къ Погодину, „и восхищаясь его прелестными стихами, съ неудовольствіемъ читывалъ я преувеличенныя, безусловныя и даже смѣшныя похвалы ему въ Сынѣ Отечества, въ Сѣверной Пчелѣ и особенно въ Московскомъ Телеграфѣ. Пушкина не разбирали, не хвалили даже, а обожали и предавали анаѳемѣ всѣхъ варваровъ, дерзавшихъ восхищаться не всѣми его произведеніями и находившихъ въ прекрасныхъ стихотвореніяхъ его недостатки... Называя Байрона первымъ поэтомъ человѣчества, своего вѣка, Телеграфъ, не обинуясь, говаривалъ: Байронъ, Пушкинъ и пр. И что же теперь?.. Если неумѣренная похвала возбуждала неудовольствіе въ людяхъ умѣренныхъ, какое же негодованіе должны произвести въ нихъ явныя притязанія оскорбить, унизить всякими, даже нелитературными средствами, того же самого поэта, передъ которымъ тѣже раболѣпные журналы, весьма недавно пресмыкались во прахъ?" („Разныя Сочиненія", М. 1858, стр. 405—406).

10) Михаилъ Александровичъ Максимовичъ родился въ 1804 году 3 Сентября, въ Украинской степи, на Востокъ отъ Золотоноши, въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ. „В. С. Филимоновъ былъ первый поэтъ (писалъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ отъ 2 Мая 1870 г.), „позвавшій меня, первогоднаго студента (въ Маѣ 1820 г.), къ себѣ на обѣдъ, на которомъ былъ и подстриженный въ кружокъ, въ долгополомъ синемъ сюртукѣ, купецъ Николай Полевой, торговавшій тогда въ Москвѣ его сладкою водкою, *Филимоновкою*, но въ тоже время уже писавшій статьи въ Вѣстникѣ Европы, подъ наставленіемъ Каченовскаго, которому рекомендовалъ его Филимоновъ, какъ самоучку. Въ день помянутаго обѣда у *Мецената*, такъ звалъ онъ Филимонова, читалъ онъ свою статейку „Овсяный Кисель"—пасквиль на Жуковскаго... Тогда началось мое знакомство съ знаменитымъ впослѣдствіи издателемъ „Московскаго Телеграфа", съ которымъ выдержалъ я десятилѣтнюю пріязнь и почти послѣдній изъ Московскихъ литераторовъ долженъ былъ, наконецъ, разстаться... Вотъ вамъ случайно набѣжавшее воспоминаніе о томъ, что было ровно за *пятьдесятъ лѣтъ* со мною... А позванъ былъ я переводчикомъ Горація на

обѣдъ, будучи рекомендованъ ему письменно моимъ незабвеннымъ дядею Василіемъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ, однимъ изъ геніальнѣйшихъ людей, какихъ зналъ я на моемъ вѣку, но несчастливо протекшимъ путь своей земной жизни.“ Живую характеристику М. А. Максимовича мы находимъ въ „Запискахъ“ К. А. Полеваго: „М. А. Максимовичъ вскорѣ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ, такъ что проводилъ цѣлые дни и иногда ночевалъ у насъ. Онъ былъ довольно оригиналенъ своимъ Малороссійскимъ юморомъ и страстью къ Ботаникѣ, которою занимался почти исключительно, потому что въ то время онъ и не думалъ заниматься словесностію собственно... Онъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но въ замѣнъ всего, онъ обладалъ удивительною смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать, и, такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе люди читали, изучали Нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ихъ (да и не могъ читать), но слушалъ сужденія и объясненія профессора Павлова и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Словомъ, онъ вполнѣ воспользовался правиломъ древней мудрости: „Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ собираетъ.“ Отличаясь въ обхожденіи Малороссійскимъ простодушіемъ, онъ чрезвычайно любилъ знакомиться съ людьми, самыми противоположными по всѣмъ отношеніямъ, и легко сближался съ ними, наконецъ заставлялъ ихъ исполнять свои требованія, даже свои прихоти, и всѣ, смѣясь, дѣлали для него что̀ онъ хотѣлъ. При всемъ наружномъ простодушіи, онъ отличался необыкновенною разсудительностью, умомъ проницательнымъ, и тѣмъ окончательно привязывалъ къ себѣ“. („Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго“. Спб. 1860, I, 163—165). И. В. Кирѣевскій писалъ къ А. И. Кошелеву: „Я радъ, что ты познакомился съ Максимовичемъ. Въ немъ есть драгоцѣнный камушекъ; а перо у него золотое съ брилліантовымъ кончикомъ.“ Въ отвѣтъ на мою просьбу написать свои воспоминанія, М. А. Максимовичъ писалъ мнѣ (отъ 11 Іюня 1870 г.): „Не побуждайте меня писать *Воспоминаній*, на которыя не разъ вызывалъ уже меня Погодинъ, благодареніе Богу, уже выздоровляющій. Моя жена видѣла, что я плакалъ, пишучи мое воспоминаніе о Надеждинѣ; а также и воспоминаніе объ Иннокентіи... За что волновать свою душу прошедшимъ, когда и настоящая, повседневная жизнь не даетъ ей покоя?...“ „Въ первый разъ я увидѣлъ тебя“, писалъ Погодинъ Максимовичу (отъ 28 Августа 1871 года), „въ 1820 году, у гроба твоего дяди и моего учителя Латинской Словесности, незабвеннаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго. Ты только что пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву, въ университетъ. Послѣ мы сходились на лекціяхъ нашего добраго несравненнаго Мерзлякова и восхищались его блестящими импровизаціями... Далѣе встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только что воротился изъ Германіи съ натуральною философіей Шеллинга и Окена, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ ошеломлены мы были его полюсами, его непобѣдимыми силлогизмами! Твои *Размышленія о природѣ* и диссертація *О системахъ растительнаго царства* вышли плодомъ новаго ученія... Мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для *Историческихъ Афоризмовъ*. Тогда же вышла и моя диссертація *О происхожденіи Руси*, которой тезисы ты, злодѣй, кажется, и на ноты положилъ, по крайней мѣрѣ, помню, распѣвалъ первый:

Варяги-Русь—не Шведы,
Варяги-Русь—не Пруссы.
Варяги—не Козары.
Варяги составляли
Особенное племя....
Норманское.

„Но вотъ являются *Телеграфъ* и *Московскій Вѣстникъ* съ зародышами Западничества и Славянофильства. Война завязалась вскорѣ не на животъ, а на смерть. Аксаковскія субботы съ Шаховскимъ, Загоскинымъ, Писаревымъ, Дмитріевымъ (М. А.), Писнскимъ, Верстовскимъ и, наконецъ, Надеждинымъ; вечернія собранія у Елагиныхъ съ Кирѣевскими, Языковымъ, Каролиной Янишъ, и у Сухово-Кобылиныхъ—съ Надеждинымъ, Морошкинымъ и Раичемъ, дѣлаются сосредоточіемъ литературнаго движенія, ареопагами печатныхъ явленій... Но вотъ уже мы и профессорами, открылось новое поприще...—*Берегите пуще всего идею университета!* гласитъ Павловъ, *смотрите, чтобъ она не пострадала!—Душа и тѣло*, восклицаетъ Сандуновъ, *не есть еще дѣло: надо дѣлать дѣло!* Щепкинъ съ своею точностію, Перевощиковъ съ живостію и разнообразіемъ, Надеждинъ съ тезисами: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія... А Мудровъ съ правилами Инократа, а Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ревнитель Русскаго начала... А Дядьковскій, на всемъ бѣгу подшибенный противною партіей и завѣщавшій все свое имѣніе на пособіе бѣднымъ семинаристамъ! И никого уже нѣтъ въ живыхъ изъ этого періода нашей жизни, да изъ слѣдующаго—гдѣ Хомяковъ, гдѣ Кирѣевскіе, Аксаковы, Шевыревъ, Гоголь?... Недавно сошелъ въ могилу нашъ добродушный Одоевскій, который ввелъ тебя въ кружокъ *Мнемозины* и вслѣдъ за нимъ Соболевскій прервалъ свои остроумныя эпиграммы съ богатыми риѳмами. Остаются только двѣ наши дорогія покровительницы: Авдотья Петровна Елагина, подруга и сотрудница Жуковскаго, и Ольга Семеновна Аксакова, которая принимала съ любовью первые наши опыты, ободряла своимъ участіемъ... Онѣ озаряютъ еще кроткимъ своимъ сіяніемъ наше прошедшее и свѣтятъ тихо молодому поколѣнію“. („Юбилей М. А. Максимовича“. Кіевъ 1871, стр. 62—65). Много лѣтъ своей жизни Максимовичъ провелъ на своей поэтической Михайловой Горѣ, на Днѣпрѣ противъ Канева, и въ литературѣ эта гора сдѣлалась неразрывною съ именемъ Максимовича; на ней онъ и скончался. Князь П. А. Вяземскій писалъ Пономареву: „Еслибы я чего могъ желать въ моей жизни, то пожить на Михайловой Горѣ“; а владѣлецъ ея писалъ:

Я къ Горѣ моей прикованъ
Словно цѣпію стальной,
И тоска-печаль какъ воронъ
Сердце мнѣ клюетъ порой;
Но и здѣсь еще мелькаетъ
Милый призракъ лучшихъ дней,
И мнѣ радость навѣваетъ
Сладкопѣвецъ соловей.

Къ этимъ стихамъ своимъ М. А. Максимовичъ сообщилъ мнѣ слѣдующій комментарій. Около его дома стоитъ большое черемуховое дерево, и на бли-

жайшей вѣткѣ къ окну его кабинета помѣщается соловей и напѣваетъ радость. М. А. Максимовичъ скончался 10 Ноября 1873 г. Прочитавъ въ газетахъ, что Максимовичь погребенъ въ своемъ саду, я писалъ къ другу покойнаго протоіерею Кіево-Софійскаго Собора П. Г. Лебединцеву: „Растолкуйте мнѣ что̀ это значитъ? Вѣдь Максимовичъ отъ колыбели до могилы былъ православно-вѣрующій христіанинъ. Развѣ въ этомъ саду есть церковь: тогда дѣло другое". О. Лебединцевъ, успокоивая мое сомнѣніе, описалъ мнѣ и послѣднія минуты Максимовича: „Онъ былъ и умеръ православно-вѣрующимъ христіаниномъ. Предъ смертью, за нѣсколько дней, исповѣдывался и причастился Св. Таинъ; потомъ постоянно молился и плакалъ; чувствуя, наконецъ, приближеніе смерти, надѣлъ на себя материнскую свою рубаху, велѣлъ зажечь страстную свѣчу и посадить себя въ кресло; простился съ домашними и, сидя такъ, тихо скончался, во 2-мъ часу дня. Мѣсто для своего вѣчнаго упокоенія онъ избралъ самъ на своей Михайловой Горѣ, въ саду, въ виду словутнаго Днѣпра. Еще въ началѣ Сентября, самъ распорядился приготовить въ выкопанной могилѣ кирпичный склепъ и въ склепъ вставить дубовый срубъ; а также, по его распоряженію, изготовленъ былъ въ это время и гробъ; за день до кончины, велѣлъ открыть склепъ, чтобы его осушить отъ сырости. Отпѣваніе усопшаго происходило въ церкви села Прохоровки, соборомъ мѣстныхъ священниковъ, при большомъ стеченіи народа. Погребенію въ саду не удивляйтесь; въ Малороссіи, по хуторамъ это обычно; а до конца XVIII вѣка, когда не было нигдѣ общихъ кладбищъ, было общимъ похоронять своихъ усопшихъ въ саду церковной ограды, или въ собственномъ саду, по примѣру тому, какъ Іисусъ Христосъ погребенъ былъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго."

11) Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился въ 1800 г., 19 Февраля, въ селѣ Вяжлѣ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Скончался въ Неаполѣ, 29 Іюня 1844 г. Тѣло его погребено въ Александро-Невской Лаврѣ, близъ могилъ Гнѣдича и Крылова. „Чтобы дослушать всѣ оттѣнки лиры Баратынскаго", писалъ И. В. Кирѣевскій въ своемъ „Обозрѣніи Русской Словесности за 1829 годъ", „надобно имѣть и тоньше слухъ, и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда" (I, 35). Въ это время Баратынскій жилъ въ Москвѣ, въ домѣ своего тестя Энгельнардта, въ Чернышевскомъ переулкѣ (нынѣ Станкевича) напротивъ дома князя Вяземскаго (нынѣ Пустошкина), который часто видѣлся и находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. „Чѣмъ болѣе вижусь съ Баратынскимъ", писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу (1828), „тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь, вездѣ и всегда найдешь его съ новою, своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ" (Князь П. П. Вяземскій, „А. С. Пушкинъ", II, 23). Высокое свое мнѣніе о Баратынскомъ князь Вяземскій сохранилъ до конца своей жизни. Въ 1869 году, по поводу выхода въ свѣтъ сочиненій Баратынскаго, онъ писалъ: „Баратынскій и при жизни, и въ самую пору поэтической своей дѣятельности, не вполнѣ пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ, которыхъ былъ достоинъ. Его заслонялъ собою и, такъ сказать, давилъ Пушкинъ, хотя они и были пріятелями и послѣдній высоко цѣнилъ дарованіе его... Мы прочищаемъ дорогу кумиру своему, несемъ его на плечахъ, а другихъ и знать не хотимъ, а если и знаемъ, то развѣ для того, чтобы сбивать ихъ съ ногъ справа и слѣва и

давать кумиру идти, попирая ихъ ногами... Кумиры у насъ недолговѣчны. Позолота ихъ скоро линяетъ. Набожность поклонниковъ остываетъ. Уже строится новое капище для водворенья новаго кумира... („Полн. Собр. Сочиненій князя П. А. Вяземскаго" 1882, VII, 268—269).

12) Николай Ивановичъ Надеждинъ родился 5 Октября 1804 г. въ селѣ Нижнемъ Бѣлоомутѣ, Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи. Скончался въ С.-Петербургѣ въ 1856 году и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, рядомъ съ Неволинымъ. Надъ гробомъ его протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій произнесъ слово на священный текстъ: „Духа не угашайте!" Въ *Вѣстникѣ Европы* (1829, № 8—9) Надеждинъ напечаталъ свою критику на *Полтаву* Пушкина. Критика написана въ драматической формѣ. Всю дѣятельность молодыхъ писателей, подъ которыми всегда подразумѣвался Пушкинъ, Надеждинъ опредѣлялъ: „Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ, обыкновенно бываютъ: пуншъ, аи, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество" и пр. Въ своемъ *Путешествіи въ Арзрумъ*, Пушкинъ писалъ: „Въ Владикавказѣ... нашелъ я Русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи... Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи... Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ" (изд. 1859, IV, 170—171). По отзыву Погодина, Надеждинъ былъ человѣкъ „съ большими способностями, и, кромѣ ученыхъ достоинствъ, былъ отличный редакторъ, логичный, послѣдовательный. Это былъ въ полномъ смыслѣ государственный секретарь, въ родѣ Сперанскаго, котораго имя, т. е. въ Русскомъ переводѣ, получилъ отъ Рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта" („Русск. Газета" 1859, № 2).

13) О первомъ своемъ знакомствѣ съ Погодинымъ, С. Т. Аксаковъ въ своихъ *Литературныхъ Воспоминаніяхъ* разсказываетъ слѣдующее. „При самомъ открытіи Московскаго Цензурнаго Комитета, первымъ явился туда М. П. Погодинъ, котораго я до тѣхъ поръ и не видывалъ. Мы вошли въ присутственную камеру, познакомились съ журналистомъ, и предсѣдатель мой объявилъ, что онъ самъ будетъ цензуровать „Московскій Вѣстникъ". Погодинъ тутъ же вручилъ ему рукопись „Повѣствованіе о Россіи, Николая Арцыбашева". Погодинъ уѣхалъ, а мы воротились въ кабинетъ. К. М. *) (предсѣдатель) развернулъ Погодинскую рукопись и сейчасъ мнѣ сказалъ: „Любезнѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ! Чтобы внушить къ себѣ полное уваженіе, мы должны дѣйствовать съ строгою точностью, не отступая ни отъ одной буквы устава; вотъ эту рукопись я читать не буду; она написана слишкомъ мелко, особенно выноски, которыхъ наберется не меньше текста. Я по службѣ обязанъ читать рукописи, но не обязанъ терять глазъ." („Разныя Сочиненія" М. 1858, стр. 187). Въ другомъ мѣстѣ своихъ Воспоминаній С. Т. Аксаковъ пишетъ: „Съ издателемъ „Московскаго Вѣстника" М. П. Погодинымъ, и сотрудникомъ его, С. П. Шевыревымъ, я познакомился и сблизился очень скоро. Я даже предложилъ Погодину писать для него статьи о театрѣ, съ разборомъ игры Московскихъ актеровъ и актрисъ, что могло разнообразить и оживлять его

*) Князь Мещерскій.

журналъ. Издатель былъ очень благодаренъ, и для помѣщеній моихъ статей о театрѣ прилагалъ въ каждой книжкѣ „Московскаго Вѣстника“ по листуно два, подъ весьма неправильнымъ названіемъ: „Драмматическихъ прибавленій“. Я постоянно участвовалъ небольшими статейками въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, и въ 1830 году, когда журналисты, прежде поклонявшіеся Пушкину, стали безсовѣстно нападать на него, я написалъ письмо къ Погодину о значеніи поэзіи Пушкина и напечаталъ въ его журналѣ. Пушкинъ былъ имъ очень доволенъ. Не зная лично меня и не зная кто написалъ эту статейку, онъ сказалъ одинъ разъ въ моемъ присутствіи: „никто еще никогда не говаривалъ обо мнѣ такъ вѣрно, какъ говоритъ, въ послѣднемъ № „Московскаго Вѣстника , какой-то неизвѣстный баринъ“ (стр. 201—202). Вотъ что писалъ Хомяковъ о С. Т. Аксаковѣ: „На шестомъ десяткѣ сталъ онъ великимъ, всѣми признаннымъ, всѣми оцѣненнымъ художникомъ... Вы слышите рѣчь старца, много пережившаго; вы видите, что волненіе жизни улеглось, что мысль и чувство лежатъ передъ вами съ своею полною прозрачностью, не возмущая очерка предмета, но облекая ихъ какимъ-то чуднымъ сіяніемъ. Вы какъ будто слышите этотъ твердый, полнозвучный, мужественный голосъ, который такъ памятенъ его друзьямъ; видите этотъ почтенный образъ мужественнаго старца, согнутаго, но не сломленнаго годами и болѣзнями. Вы не можете знать его творенія, не знавъ въ тоже время его самого; не можете любить ихъ, не полюбивъ его. Тайна его художества въ тайнѣ души, исполненной любви къ міру Божьему и человѣческому“ („Собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. 1, М. 1861, стр. 665—667). Въ 1847 году С. П. Шевыревъ посѣтилъ Сергѣя Тимоѳеевича въ его деревнѣ Абрамцовѣ. „Когда своротишь съ большой дороги на Хотьковъ, мѣста дѣлаются живописнѣе. Почти сутки провелъ я въ добромъ Русскомъ семействѣ Аксаковыхъ, въ живописной ихъ деревнѣ Арбамцовѣ или Абрамцовѣ, которую украшаетъ рѣчка Воря, впадающая въ Клязьму. Я всегда уважалъ крѣпость быта и единство духа въ этой почтенной семьѣ. Только изъ такихъ семей Русскихъ могутъ выходить люди съ честными, добросовѣстными убѣжденіями и съ чувствомъ правды въ сердцѣ, безъ котораго ни наука права, ни страхъ не создадутъ правосудія. Все, кажется, здѣсь соединилось для того, чтобы въ жизни семейной быть полному счастію; но видно нѣтъ счастія безъ лишеній“. Этотъ эпизодъ не вошелъ въ книгу С. П. Шевырева: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“. М. 1850.

14) „Повѣсти“ свои М. П. Погодинъ издалъ въ 1832 году, въ трехъ частяхъ, въ маленькую 8-ю, подъ цензурою С. Т. Аксакова. Въ 1-й: Русая коса, Какъ аукнется, такъ и откликнется, Нищій, Сокольницкій садъ, Дьячекъ-Колдунъ, стародавнее преданіе. Во 2-й: Преступница, Петрусь, Невѣста на ярмаркѣ, Счастіе въ несчастіи, Суженой. Въ 3-й: Черная немочь, Васильевъ вечеръ, Адель. Повѣсти посвящаются авторомъ „Старому другу въ воспоминаніе о 1825, 26, 27 и 28 годахъ“.

15) Противъ этого мнѣнія Погодина приведемъ вѣское свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго: „Движимый, часто волнуемый мелочами жизни, а еще болѣе внутренними колебаніями, Пушкинъ могъ увлекаться, или уклоняться отъ цѣли, которую имѣлъ всегда въ виду и къ которой постоянно возвращался послѣ переходныхъ заблужденій. Но при немъ, но въ немъ глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще въ разгарѣ самой заносчивой и треволненной молодости, въ вихрѣ и разливѣ разнород-

ныхъ страстей, онъ не рѣдко отрезвлялся и успокоивался на лонѣ этой спасительной силы. Эта сила была любовь къ труду, потребность труда... Трудъ былъ для него святыня, купель, въ которой исцѣлялись язвы, обрѣтала бодрость и свѣжесть немощь унынія, возстановлялись разслабленныя силы. Когда чуялъ онъ налетъ вдохновенія, когда принимался за работу, онъ успокоивался, мужалъ, перерождался. Эта живительная, плодотворная дѣятельность иногда притаивалась въ немъ, но не надолго. Она опять пробуждалась съ новою свѣжестью и новымъ могуществомъ. Она никогда не могла бы совершенно остыть и онѣмѣть. Ни года, ни жизнь, съ испытаніями своими, не могли бы пересилить ее". („Полное Собраніе Сочиненій" II, 372—373). „Всѣ думали", пишетъ Н. М. Смирновъ въ своихъ „Памятныхъ Замѣткахъ", что Пушкинъ влюбленъ въ Елисавету Николаевну Ушакову; но онъ ѣздилъ, какъ послѣ самъ говорилъ, всякій день къ сей послѣдней, чтобы два раза въ день проѣзжать мимо оконъ Гончаровой". Е. Н. Ушакова вышла замужъ за Сергѣя Дмитріевича Киселева. Она жила на Средней Прѣснѣ, а Гончаровы на углу Скарятинскаго переулка и Большой Никитской („Русск. Архивъ 1882, II, 232).

16) Адамъ Мицкевичъ родился наканунѣ Рождества 1798 года въ старинной столицѣ Миндовга Новогрудкѣ, Минской губерніи, почти на самой этнографической границѣ двухъ племенъ—Бѣлорусскаго и Литовскаго. Родители Мицкевича принадлежали къ числу небогатыхъ мелкихъ помѣщиковъ. Походъ Наполеона на Россію „какъ лучезарное видѣніе" ослѣпилъ пылкаго юношу и навсегда врѣзался въ его памяти (Спасовичъ, „Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ". Спб. 1865, стр. 476—477). „Мицкевичъ, хотя и блудный братъ", пишетъ князь П. А. Вяземскій, „хотя и не возвратившійся подъ кровъ родной, такъ что не удалось намъ угостить его упитаннымъ и примирительнымъ тельцомъ, все же остается братомъ нашимъ: онъ Литвинъ. Къ тому же, по высокому поэтическому дарованію, онъ и безъ того сродни намъ и всѣмъ образованнымъ братьямъ человѣческой семьи". По поводу возникшихъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ безпорядковъ, Мицкевичъ былъ сосланъ во внутреннія губерніи. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго „въ двадцатыхъ годахъ былъ онъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ родѣ почетной ссылки. Въ томъ и другомъ городѣ сблизился онъ со многими Русскими литераторами и радушно принятъ былъ въ лучшее общество. Были ли у него и тогда потаенныя, заднія или передовыя мысли, рѣшить трудно. Оставался онъ кровнымъ Полякомъ и тогда, но озлобленія въ немъ не было. Въ сочувствіи же его къ нѣкоторымъ нашимъ литераторамъ и другимъ лицамъ ручаются неопровергаемыя свидѣтельства; гораздо позднѣе, въ самомъ разгарѣ своихъ политическихъ увлеченій, онъ устно и печатно говоритъ о нѣкоторыхъ Русскихъ писателяхъ съ любовью и уваженіемъ. И въ нихъ оставилъ онъ по себѣ самое дружелюбное впечатлѣніе и воспоминаніе... Московскіе литераторы дали ему передъ выѣздомъ изъ Москвы прощальный обѣдъ съ поднесеніемъ кубка и стиховъ. На кубкѣ вырѣзаны имена: Баратынскаго, братьевъ Петра и Ивана Кирѣевскихъ, Елагина, Рожалина, Полеваго, Шевырева и Соболевскаго. („Полное Собран. Сочиненій князя П. А. Вяземскаго". Спб. 1882. VII, 306—309). Мицкевичъ скончался 28 Ноября 1855 въ Константинополѣ, погребенъ въ Монморанси близъ Парижа.

17) 15 Марта 1829 года, П. М. Строевъ выѣхалъ изъ Москвы, для своего грандіознаго археографическаго путешествія. „Пространство той части Имперіи", писалъ П. А. Плетневъ, „гдѣ, по плану археографическаго путешествія, труженники науки должны были произвести ученыя розысканія, представляетъ собою не только обширный край, но по большей части и мало населенную мѣстность, въ которой сама природа обрекла жителей на печальное одиночество и всегдашнія лишенія. Продолжительная и суровая зима, однообразная картина скудной растительности; почва, тяжело воздѣлываемая и не вполнѣ вознаграждающая труды земледѣльцевъ; дорòги, тянущіяся по болотамъ, лѣсамъ, или едва сглаженнымъ неровностямъ; длинные и безмолвные переѣзды, бѣдные пріюты ночлеговъ,—все могло приводить въ уныніе путниковъ, и все надобно было оживлять только надеждами на предстоящую дѣятельность ума и знанія." „Избранная вами точка обозрѣнія Русскаго еще дѣвственнаго Сѣвера", писалъ къ Строеву баронъ Розенкампфъ, „такъ мнѣ понравилась и столько приноситъ чести избравшему ее, что остается лишь пожелать будущему исторіографу стать на оную же точку и умѣть пользоваться вашими трудами". (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева". Спб. 1878, стр. 176—195).

18) По повелѣнію Императора Николая, Гумбольдтъ приглашенъ былъ министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ въ Россію, для изученія естественныхъ богатствъ Урала и Сибири. Переписка по этому поводу была издана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Von Ural und Altai. Briefwechsel zwischen A. von Humboldt und Graf Kancrin aus den Jahren 1827—1832". Leipzig. 1869. Объ обѣдѣ, данномъ въ честь Гумбольдта, въ „Галатеѣ", сказано между прочимъ слѣдующее: „Нѣкоторые злонамѣренные люди разглашали прежде, что наши вельможи не примутъ участія въ этомъ праздникѣ, какъ дѣлѣ, для нихъ неприличномъ; напротивъ, тамъ явились многіе изъ нихъ, повинуясь благородному влеченію и вовсе забывая о томъ, что Гумбольдтъ—баронъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ". (1829, № 22, стр. 34—35).

19) Василій Львовичъ Пушкинъ родился 27 Апрѣля 1770, въ Москвѣ, гдѣ и прожилъ всю свою жизнь. Въ Запискахъ Вигеля находимъ его портретъ, писанный съ натуры. „Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ Московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе дворомъ чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида... За важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе... Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножилось еще женитьбой на красавицѣ Капитолинѣ Михайловнѣ. Самъ онъ былъ весьма не красивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles - Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна. Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева и Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто ровнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ

безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія... Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за Русскіе стихи, а онъ въ правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ... Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекающее впрочемъ отъ весьма похвальныхъ свойствъ—добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить". (I, 197—198).

III.

1829 г. Мая 29.

Полевой написалъ Русскую Исторію въ пяти томахъ. Жду съ нетерпѣніемъ его высшихъ взглядовъ. Скудное собраніе стихотвореній Дельвига вышло; въ Москвѣ не куплено еще ни одного экземпляра 1). Книжная торговля идетъ плохо. Въ театръ не ѣздятъ. Я видѣлъ *)... Языкова, съ которымъ хорошо познакомился. Ѣдетъ домой 2). Сюда пріѣхалъ мѣщанинъ изъ Курска, котораго я познакомилъ съ Перевощиковымъ и который удивилъ своими астрономическими познаніями нашихъ ученыхъ. Я открылъ подписку для покупки ему въ подарокъ нужныхъ инструментовъ астрономическихъ и книгъ. Какъ тебѣ не стыдно, что не поклонился Шеллингу 3)? Вѣрно отъ недогадки: не съумѣлъ улучить время. Пушкинъ въ Тифлисѣ... Думаю издать къ новому году собраніе повѣстей въ 4-хъ частяхъ (онѣ копятся) и альманахъ. Присылай свѣжихъ гостинцевъ и скорѣе. Галатея согласна тебѣ дать по 50 съ листа. Шлецера напечаталъ, но не выпускаю въ свѣтъ изъ опасеній.—Черную Немочь хвалятъ, но не покупаютъ отдѣльно.— Пришлю тебѣ скоро экз. о Болгарахъ, которымъ старайся найти Италіанскаго переводчика. Это дѣло надо представить на общее сужденіе Европейскихъ ученыхъ 4). Здѣсь былъ Гумбольдтъ, которому университетъ поднесъ дипломъ на званіе почетнаго члена, а друзья просвѣщенія давали великолѣпный обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія, на которомъ присутствовалъ и я. Павлова новый водевиль (очень неблагопристойный) имѣлъ успѣхъ блистательный 5). Было три спектакля въ школѣ, въ которыхъ отличались Карпакова, Куликова, Соколовъ и пр. Я всѣмъ имъ на другой день послалъ по экземпляру Немочи и Ураніи 6). Всѣми силами буду стараться, чтобы «Моск. Вѣст». продолжался, хотя я уже рѣшительно не буду издателемъ. Думаю передать Барат., Кирѣевскимъ и Языкову; а мы остальные бу-

---

*) Въ подлинникѣ нѣсколько строкъ залито чернилами.

демъ сотрудниками. Стыдно, грѣшно оставить дѣло, начатое въ одну изъ лучшихъ минутъ въ жизни.

Какъ безпокоила меня болѣзнь нашей доброй умной княгини! Слава Богу, что вы теперь добрались до Италіи. Тамъ исцѣлятъ ее и природа и искусство.

1) И. В. Кирѣевскій, въ своемъ *Обзорѣ Русской словесности за 1829 г.*, пишетъ: „Баронъ Дельвигъ издалъ *Собраніе своихъ стихотвореній.* Также, какъ Баратынскій, онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ новѣйшихъ школъ, и даже подражанія его древнимъ носятъ печать оригинальности. Муза барона Дельвига была въ Греціи, она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, еслибы поэтъ не прикрылъ ея нашею народною одеждою; еслибы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія.

2) Николай Михайловичъ Языковъ родился 4 Марта 1803 года въ Симбирскѣ. Скончался 26 Декабря 1846 года въ Москвѣ и погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ. Въ 1829 году Языковъ переѣхалъ изъ Дерпта въ Москву и прожилъ въ ней безвыѣздно до 1832 г. Въ 1833 году онъ переѣхалъ въ деревню и бывалъ въ Москвѣ только наѣздами. Съ 1838 по 1843 годъ онъ жилъ въ чужихъ краяхъ, для излѣченія болѣзни. Остальные три года его страдальческой жизни протекли въ Москвѣ.

3) Шеллингъ родился въ 1775, скончался въ 1854 году. П. В. Кирѣевскій, въ письмѣ своемъ, отъ 7 Октября 1829 года, изъ Мюнхена, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Шеллингѣ: „Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга... Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ 19, недурная собой, съ маленькой сестрою лѣтъ десяти, и когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Hoffrath von Schelling, сказала маленькой: Sieh, doch nah, ob der Papa zu Hause ist?.. Проситъ меня взойти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостинная—маленькая комнатка и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности... На голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченныхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ... Наконецъ отворилась дверь—вошелъ Шеллингъ... Я увидалъ человѣка, по наружности лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, и Геркулеса по крѣпости сложенія, съ лицемъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣсколько вздернутый къ верху сократически, верхняя губа довольно длинная и нѣсколько выдавшаяся впередъ, но не смотря на то, черты лица довольно стройныя, и лице, хотя округлое, но сухое; вообще онъ кажется весь составленъ изъ однихъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе. . И говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ *индивидуально*, назвалъ бы выраженіе Шеллингова *абсолютнымъ.* Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкій оттѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ, какая-то молнія блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ.. Въ кабинетѣ его я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколько рядовъ книгъ на до-

скахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ... Началъ распрашивать о Москвѣ, Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ... Говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе Азіатской роскоши и обычаевъ съ Европейскимъ образованіемъ... Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно между тѣмъ его изученіе; хвалилъ его звучность, говорилъ, что очень много слышалъ о нашемъ Жуковскомъ, и что по всѣмъ слухамъ это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалилъ Тютчева: das ist ein sehr aufgezeichneter Mensch, сказалъ онъ между прочимъ, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gern unterhol̈t... Голосъ его довольно тихій и густой; онъ говоритъ не медленно и не скоро, а нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и неразмѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ"... (Моск. Вѣстн. 1830, ч. I, 111—116). По свидѣтельству М. П. Погодина, Шеллингова философія была привезена въ Московскій университетъ профессоромъ М. Г. Павловымъ, а профессоръ И. И. Давыдовъ былъ проводникомъ ея. Философія эта очаровала всю учащуюся молодежъ. Шеллингъ, между прочимъ, проповѣдывалъ: „Счастливы государства, гдѣ люди, зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ философіи, чтобы освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно управляютъ міромъ и связуютъ какъ бы въ неразрывныхъ узахъ всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова, способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе передъ мелочностью и невѣжествомъ даже тогда, когда, какъ нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне-посредственнымъ людямъ возвыситься, и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества". (Хомяковъ, I, 287—288). Въ 1830 году И. В. Кирѣевскій слушалъ лекціи его: „Шеллинговы лекціи легли довольно стройно, и потому я ихъ пришлю не къ Погодину, а къ папенькѣ; а то первый, боюсь, напечатаетъ; потому что если Шеллингъ узнаетъ, что его слова тискаются, то готовъ сдѣлаться заклятымъ врагомъ" (Кирѣевскій, I, 57). Погодинъ въ своей Автобіографіи заявляетъ, что въ 1835 году, въ Мюнхенѣ, онъ „засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Шеллингу" (II, 258).

4) Въ 1823 году, Юрій Ивановичъ Венелинъ прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ радушно былъ принятъ генералъ-губернаторомъ И. Н. Инзовымъ. Въ Кишиневѣ жило очень много Болгаръ; Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія о краѣ и народѣ. Лѣтомъ 1825 года Венелинъ отправился въ Москву. Съ пятью рублями вошелъ онъ въ заставу. Тамъ поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Выдержавъ окончательное испытаніе на званіе лѣкаря, Венелинъ явился на поприщѣ литературы Славянскимъ историкомъ, археологомъ, географомъ и этнографомъ. Скончался въ Москвѣ въ 1839 году, передъ самой заутреней Свѣтлаго Воскресенія, 26 Марта. (Безсоновъ, „Древніе и нынѣшніе Болгаре", М. 1856 стр. V—XLIV). О политическомъ значеніи ученыхъ трудовъ Венелина вотъ что пишетъ Т. И. Филипповъ: „Народное самознаніе (Болгаръ) готово было совсѣмъ угаснуть... Болгары уже переставали считать себя отдѣльнымъ отъ другихъ и самобытнымъ народомъ. Но вотъ изъ родственной и единовѣрной имъ Россіи, изъ

сочувственныхъ устъ ея ученаго труженика, до нихъ доносится радостная воскресная вѣсть, что и они составляютъ въ народахъ міра отдѣльную единицу, что и они имѣли нѣкогда свое собственное царство и своихъ царей и даже дни,—хотя и весьма краткіе,—могущества и славы" („Современные Церковные Вопросы", Спб. 1882, стр. 21).

5) Николай Филиповичъ Павловъ, сынъ Грузинки, привезенной графомъ В. А. Зубовымъ изъ Персидскаго похода, родился въ Москвѣ, 1805 г., скончался тамъ же 29 Марта 1864. Женился (первымъ бракомъ) на княжнѣ Касаткиной. Онъ былъ изъ вольноотпущенныхъ. Отрывки изъ комедіи-водевиля „Старъ и Молодъ" напечатаны въ альманахѣ *Радуга* 1830, изданномъ въ Москвѣ Н. Араповымъ и Д. Новиковымъ. Н. Ф. Павловъ, по замѣчанію И. И. Панаева, „есть живое доказательство понятливости, ловкости и смѣтливости Русскаго человѣка. Его назначали въ актеры, и онъ получилъ первое образованіе въ театральной Московской школѣ. Его замѣчательныя способности обратили на него вниманіе Кокошкина. Павловъ выучился довольно порядочно по-французски. Въ домѣ Кокошкина, куда съѣзжалась вся аристократическая Москва, онъ пріобрѣлъ знакомство, получилъ внѣшнюю полировку, превратился наконецъ въ совершеннаго Московскаго джентльмена". Панаевъ, встрѣтившись съ Павловымъ въ театрѣ, замѣчаетъ: „Еслибы я не имѣлъ удовольствія знать лично автора *Трехъ Повѣстей*, я принялъ бы его навѣрно за какого-нибудь знатнаго Московскаго барина, по его наружной изящности и важнымъ манерамъ. Бѣлинскій, робкій, неловкій, не имѣвшій никакихъ манеръ,—въ поношеномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, былъ просто жалокъ, когда онъ стоялъ рядомъ съ Павловымъ". („Литературныя Воспоминанія". Спб. 1876, стр. 237, 240). Куплеты изъ водевиля Н. Ф. Павлова *Щедрый* напечатаны въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1830, ч. I, 131—132.

6) Въ 1825 году, „возбужденный примѣромъ *Полярной Звѣзды*, произведшей общее движеніе въ литературѣ", Погодинъ рѣшился издать альманахъ *Уранію*, которая вышла въ свѣтъ въ 1826 году, подъ заглавіемъ: „Уранія, карманная книжка на 1826 годъ, для любительницъ и любителей Русской словесности".

IV.

1829 г. 15 Іюля.

....Пишу къ тебѣ изъ Роменъ, въ Полтавской губ. Я пріѣхалъ сюда на ярмарку съ Щепкинымъ и прочими. Живу здѣсь двѣ недѣли. Хотѣлось освѣжиться хоть немного и познакомиться съ Малороссіею. Сижу здѣсь надъ исторіей этой любопытной страны... Въ послѣднее время я написалъ большую статью о Борисѣ Годуновѣ, о которой теперь шумятъ 1). Находилъ на меня еще одинъ часъ, и я написалъ подробный планъ Марьѣ Хлоповой, невѣстѣ царя Михаила Ѳедоровича Романова 2). Если найдетъ еще такой же, то я въ мѣсяца въ три отмахаю. Ну да это еще впереди. Авось удастся зашибить мнѣ хоть

на прогоны и полечу въ Германію и къ тебѣ! Долго ли мнѣ сидѣть еще у моря и ждать погоды. Вышелъ XII томъ Карамзина съ очевидно нелѣпымъ предисловіемъ (3 стр.) Бл... Каченовскій выступаетъ побѣдоносно противъ Русской Правды, которой никогда будто у насъ не было 3). Евгеній пишетъ о Русскихъ церковныхъ праздникахъ. Языковъ пробылъ здѣсь больше мѣсяца, и мы познакомились очень хорошо. Добрый малый и безъ всякихъ претензій. Повезъ много плановъ, между прочимъ трагедію Саулъ 4). Согласились всѣ копить статьи для будущаго общаго журнала. Познакомился еще я покороче съ Шишковымъ, который здѣсь на водахъ. Очень любопытно слышать этого 90лѣтняго старика, который съ *жаромъ юноши* говоритъ о Славянскомъ языкѣ; притомъ онъ знаетъ много примѣчательныхъ анекдотовъ о послѣднихъ царствованіяхъ 5). Кир. не знаю что пишетъ, а вѣдь не можетъ быть, чтобы онъ только спалъ. Вѣрно собирается онъ ошеломить насъ чѣмъ-нибудь большимъ.—Бар. въ деревнѣ, Пушк. въ Грузіи, Хомяковъ въ арміи, и опять давно нѣтъ извѣстія о немъ. Неужели и братъ его не выкупилъ? Страшно думать! 6)

1) Статью эту подъ заглавіемъ: „Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія“ Погодинъ написалъ еще въ 1827 году. Она вошла въ „Историко-критическіе отрывки“, изданные въ Москвѣ въ 1846 г. Извѣстно, что Карамзинъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ“ былъ расположенъ защищать Годунова и замѣтилъ о несправедливости лѣтописцевъ; но въ своей Исторіи онъ перемѣнилъ мнѣніе. Въ заключеніе своей статьи Погодинъ говоритъ: „Соединивъ теперь всѣ собранныя мною доказательства, за него и противъ него, я представляю все дѣло на судъ Уголовной Палаты, по существующимъ нынѣ законамъ. Не должна ли она оставить Бориса только въ подозрѣніи, и подозрѣніи слабомъ? Какъ, нынѣшняя Уголовная Палата должна оставить Бориса только въ подозрѣніи; а Исторія, имѣя на своихъ вѣсахъ еще двадцатипятилѣтіе благодѣяній Борисовыхъ Россіи, осмѣливается произносить рѣшительный приговоръ? Нѣтъ, нѣтъ!“ (Стр. 304).

2) Марья Хлопова, была дочь небогатаго Дмитровскаго помѣщика Ивана Хлопова, въ 1617 году (слѣд. еще до возвращенія Филарета изъ Польскаго плѣна) была избрана въ невѣсты царю Михаилу Ѳедоровичу и помѣщена въ теремахъ государева дворца. Она уже была наречена царицею, ея имя поминали на ектеніяхъ; но затѣмъ, происками тогдашнихъ временщиковъ, братьевъ Салтыковыхъ, признано было, что нареченная невѣста къ государской радости не годна. Хлопову сослали изъ дворца сперва въ Тобольскъ, а потомъ въ Нижній, гдѣ она и умерла въ 1633 г. въ пожалованномъ ей на житье дворѣ знаменитаго Кузьмы Минина. (Сообщено А. П. Барсуковымъ).

3) Въ 1849 г., въ Москвѣ было издано „Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ“ покойнаго заслуженнаго профессора Импе-

раторскаго Московскаго Университета М. Т. Каченовскаго Разсужденіе о Русской Правдѣ не было окончено. Во вступленіи авторъ пишетъ: „...Очень понимаю, на что отваживается изслѣдователь, дерзающій отвергать положеніе, принятое всѣми за истину очевидную, несомнительную, не требующую никакихъ доказательствъ, не уязвляемую никакими стрѣлами опроверженій, — за истину, запечатлѣнную довѣріемъ Татищева, Шлецера, князя Щербатова, Болтина, Карамзина, Раковецкаго, Еверса,—я скажу болѣе, за истину, освященную благороднымъ патріотизмомъ соотечественниковъ нашихъ, гордящихся величественною мыслію, что Россія во времена столь отдаленныя уже имѣла систему своихъ писанныхъ законовъ. Я нетерпѣливо буду ждать возраженій. Сего недовольно: каждаго изъ свѣдущихъ, изъ безпристрастныхъ любителей исторіи и древностей отечественныхъ покорнѣйше прошу вывести меня изъ заблужденія, если я дѣйствительно дозволилъ ему овладѣть собою. Но въ противномъ случаѣ... Истинѣ да воздается должное! Вопреки собственной увѣренности, разсѣвать плевелы лжей предъ юношествомъ, алчущимъ живительной пищи знаній историческихъ, было бы стыдно и грѣшно преподавателю. Цицеронъ упоминаетъ о двухъ непреложныхъ законахъ для исторіи: а) не смѣть говорить ничего ложнаго; б) смѣло предлагать истинное" (92—93).

4) Въ собраніи сочиненіи Языкова нѣтъ этой трагедіи.

5) Александръ Семеновичъ Шишковъ родился 16 Марта 1753, скончался 9 Апрѣля 1841 г. С. Т. Аксаковъ въ своихъ Воспоминаніяхъ о немъ пишетъ: „Въ 1829 году я пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время и видѣлся съ Шишковымъ нѣсколько разъ... Общество его совершенно перемѣнилось. Шишковъ, заклятый врагъ Католиковъ и Поляковъ, былъ окруженъ ими. Новая супруга наводнила его домъ людьми совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова посреди разныхъ усачей, самонадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякой вздоръ и обращавшихся съ нимъ слишкомъ запросто". Далѣе С. Т. Аксаковъ говоритъ, что въ 1832 или 1833 году пріѣзжалъ Шишковъ „со своею молодой супругой въ Москву, чтобы лѣчиться искусственными минеральными водами. Я представилъ тогда ему моего старшаго сына (Константина Сергѣевича), который былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія къ Шишкову. Александръ Семеновичъ очень его полюбилъ и даже обласкалъ, воперки своей обыкновенной неласковости. Въ это же время представилъ я Шишкову Ю. И. Венелина, книгу котораго „Древніе и нынѣшніе Болгаре" онъ зналъ и очень уважалъ. Слѣдствіемъ этого знакомства было путешествіе Венелина въ Болгарію" („Семейная Хроника". М. 1856, II, 361—362). Въ архивѣ князя П. П. Вяземскаго хранится цѣлый томъ, in f-o, собственноручныхъ „писемъ къ адмиралу Шишкову отъ ученыхъ и сочинителей (1821—1835 г.)". Между этими письмами есть письмо С. Т. Аксакова къ Шишкову, отъ 15 Января 1830 года: „Г. Венелинъ, вашему благотворному предстательству и покровительству обязанный за исполненіе пламеннаго своего желанія совершить ученое путешествіе въ Булгарію, ѣдетъ въ Петербургъ, по требованію Россійской Академіи, для полученія окончательнаго наставленія по сему предмету. Осмѣливаюсь вновь испрашивать вашего милостиваго вниманія къ сему достойнѣйшему молодому человѣку. Онъ знаетъ, чѣмъ обязанъ вамъ, и сердце его преисполнено живѣйшей благодарности". Слѣдовательно годъ 1832 или 1833 пребыванія Шишкова въ Москвѣ показанъ у С. Т. Аксакова ошибочно.

6) Пушкинъ, въ предисловіи къ своему „Путешествію въ Арзрумъ", говоритъ: „Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній" (IV, 115). „Прощаніе съ Адріанополемъ" написано было Хомяковымъ 7 Октября 1829 („Стихотворенія", М. 1868, стр. 12). Подлинникъ этого стихотворенія я видѣлъ у покойного П. А. Муханова, который вмѣстѣ. съ Хомяковымъ участвовалъ въ Турецкомъ походѣ.

V.

1829 Августа 13.

Въ путешествіи моемъ было нѣсколько пріятныхъ минутъ 1). Я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ нашихъ читателей и увидѣлъ, что труды наши не потеряны: насъ любятъ за наши намѣренія и чувствованія. Многіе спрашивали объ тебѣ. «Въ немъ есть хмѣлинка», сказалъ мнѣ одинъ (Бартеневъ) о тебѣ. Сей послѣдній вызвался самъ помочь мнѣ сколько нибудь въ распродажѣ моихъ изданій по его губерніи 2). Въ Харьковѣ приняли меня съ особенною ласкою профессоры. Былъ я на день у Каразина и смотрѣлъ его драгоцѣнную библіотеку 3). Гулялъ въ полночь по саду въ Диканькѣ. Познакомился съ Жидами, Хохлами и ихъ исторіею.—Теперь въ Москвѣ принимаюсь за работу.... «Вѣстникъ» передаю Дмитріеву 4) и Аксакову; самъ беру на себя историческую часть....

Пушкинъ при войскѣ Паскевича—поэтомъ 5). Языковъ, съ которымъ мы здѣсь познакомились, уѣхалъ въ деревню съ планами Саула и проч. Полевой написалъ Русскую Исторію въ 5 томахъ, а теперь разругалъ Кар. въ Телеграфѣ, выбравъ потихоньку мысли, разроненныя въ «Моск. Вѣстникѣ» и прибавивъ къ нимъ своей нелѣпицы невѣроятной: напр. онъ смѣшалъ исторію какъ науку съ исторіей какъ искусствомъ! И все ему съ рукъ сходитъ. Нѣкоторые изъ ругавшихъ меня за Кар. объ немъ говорятъ: «Вотъ подвигъ смѣлый и благородный! Первый сказалъ онъ о Карамзинѣ». Даже мнѣ, хладнокровному въ этомъ отношеніи, было досадно на часъ. Дмитріевъ возсталъ на него съ своимъ приходомъ, Вяземскимъ и проч. Кстати о Дмитріевѣ Ив. Ив. Онъ натолковалъ обо мнѣ Ливену Богъ знаетъ что̀, и вотъ источники писаннаго тобою 6). Не знаю, что̀ будетъ въ Исторіи Пол.. Не отчаяваюсь, особенно послѣ такихъ выходокъ объ Исторіи Карамзинъ, найдетъ что нибудь новое. Неужели же здѣсь только безстыдство? Вообрази еще, что̀ сказалъ онъ о Карамзинѣ: его проза не можетъ уже служить намъ образцемъ; мы имѣемъ другихъ, лучшихъ. Спрашивает-

ся: кого же? Вѣрно Ксенофонта 7). Брань продолжается съ остервененіемъ. Вотъ что пишутъ въ «Телеграфѣ» Раичу: «Вы не виноваты въ томъ-то, вы овечка Виргиліева, Семенъ Егоровичъ; вы барашекъ Геснеровъ, вы рыбакъ Өеокритовъ, вы ни рыба, ни мясо» или: «вотъ ваши улики, а усмирить васъ найдемъ другія средства». Или: *«печатно* отвѣчать вамъ не станемъ» и т. д. Они поселили въ меня совершенное омерзеніе 8). Каченовскій началъ печатать изслѣдованіе о Русской Правдѣ, которой подлинность опровергаетъ. Ему безпрестанно говорятъ: порохъ продавать легко, а выдумать трудно (вѣдь онъ былъ аудиторъ). Меня въ «Телеграфѣ» ругаютъ при всякомъ случаѣ.

Надеждинъ нанесъ ужасный ударъ Пушкину, уничтожилъ Булгарина. Венелинъ начинаетъ изслѣдованіе о Варягахъ.... Не хочетъ ли какой нибудь Итальянскій журналъ помѣщать истор. новостей о Россіи? Мы съ тобой могли бы доставлять ихъ. Напиши мнѣ, какого рода журналы въ Италіи, и вообще о тамошнемъ просвѣщеніи. Нельзя ли купить и на мою долю Итальянскихъ классиковъ въ хорошемъ изданіи, разумѣется при отъѣздѣ? Чтò не написалъ ты мнѣ ни слова о Соболевскомъ 9).... Я съ Венелинымъ говорю по латынѣ. Снегиревъ бьетъ свою жену; говоритъ отъ того, что это въ старинномъ Русскомъ обычаѣ 10). Измайловъ будетъ издавать новый журналъ «Современникъ». Я думалъ съ Языковымъ написать оперу «Гаральдъ».... Въ Петерб. Пчела славитъ уже—Олина.

Паскевичемъ у насъ восхищаются.

Чрезъ два года мы всѣ (ты, я, два Кир., Рожалинъ) будемъ издавать «Свѣточъ»—туда путешествіе княгини. Вотъ заработаемъ! Твоя піеса напечатана у Дельвига и обругана въ Пчелѣ. Въ оной впрочемъ много крови.—Нельзя ли въ іезуитскихъ сочиненіяхъ и рукописяхъ поискать слѣдовъ о Самозванцѣ? Это ихъ штука.

1) Въ 1829 году М. П. Погодинъ вмѣстѣ съ знаменитымъ артистомъ М. С. Щепкинымъ объѣхалъ Молороссію, былъ въ Курскѣ и посѣтилъ астронома Семенова, котораго убѣдилъ написать свою автобіографію, напечатанную послѣ въ „Телескопѣ, въ Харьковѣ осмотрѣлъ университетъ и познакомился съ Даниловичемъ, Артемовскимъ-Гулакомъ, Черняевымъ, Криницкимъ; въ Полтавѣ засталъ престарѣлаго Котляревскаго, былъ въ Ромнахъ на ярмаркѣ (Автобіографія, II, 260—261).

2) По поводу занятій моихъ указателями къ источникамъ нашей Исторіи М. А. Максимовичъ писалъ ко мнѣ (11 Іюня 1870): „Вы на себя наложили тяжелыя вериги, не уповая, что въ вашей природѣ, какъ говорилъ нѣкогда обо мнѣ мой старый пріятель Юрій Никитичъ Бартеневъ, есть *хмѣлинка* поэтическаго поля; и такъ, дотягивайте многотерпѣливо до конца". Бартеневъ былъ директоромъ Костромской гимназіи.

3) Въ Воспоминаніяхъ профессора Роммеля мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о Василіи Назаровичѣ Каразинѣ: „Онъ жилъ по сосѣдству съ городомъ

Харьковымъ и былъ истинный основатель Харьковскаго университета, занимая должность статсъ-секретаря при императорѣ Александрѣ I, навлекъ чѣмъ-то недовѣріе Императора и, поселившись среди Малорусскаго, довольно независимаго дворянства, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Онъ былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ. Исполненный филантропическихъ идей, Каразинъ думалъ даже поставить своихъ крестьянъ на степень гражданъ и ввелъ между ними что-то въ родѣ суда присяжныхъ" („Пять лѣтъ изъ Исторіи Харьковскаго Университета", Харьковъ, 1868, стр. 77). Въ Дневникѣ К. Ѳ. Калайдовича, подъ 22 Февраля 1814 года, отмѣчено: „Обѣдалъ я у В. Н. Каразина. Въ пріятной бесѣдѣ съ нимъ и любезною супругою его Александрою Васильевною я всегда провожу очень хорошо время. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь.... Господинъ Каразинъ имѣетъ прекрасныя понятія о человѣчествѣ. Онъ всегда твердитъ: когда-то истребится это зло, чтобы помѣщики не мечтали, что имъ крестьяне даны для того, чтобы сбирать съ нихъ оброки, забывая священныя отношенія къ человѣчеству, что они суть только надзирателями надъ частію ввѣреннаго имъ Богомъ и Государемъ народа, и что доходы ихъ суть не что иное, какъ плата за ихъ труды и попечительность" (Тихонравовъ, „Лѣтописи Р. Литературы". М. 1861. VI, 96—97). Въ 3 книгѣ *Чтеній въ Общ. Исторіи и Древностей* за 1861 годъ помѣщено писанное въ 1810 году Каразинымъ „Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества" (стр. 135 — 176). В. Н. Каразинъ родился 30 Января 1773 въ селѣ Кручикѣ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи, скончался 4 Ноября 1842 въ Николаевѣ, возвращаясь изъ Крыма, гдѣ дѣлалъ опыты новаго способа винодѣлія въ Харьковѣ. Онъ былъ женатъ на Бланкеннагель, внукѣ Ив. Ив. Голикова („Русская Старина" 1871, III, 326—328). „Василій Назаровичъ Каразинъ", пишетъ Погодинъ, „есть лице недостаточно еще оцѣненное въ Русской Исторіи. Покойный С. Т. Аксаковъ называлъ его Посошковымъ новаго времени. Я зналъ его коротко. Въ 30 годахъ издалъ доставленную имъ мнѣ изъ бумагъ Голикова статистику Петрова времени, сочин. оберъ-секретаря Кириллова" („Русскій" 1868, № 19). Свѣдѣнія о Каразинѣ можно также почерпнуть въ книгѣ Г. П. Данилевскаго: „Украинская Старина".

4) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ родился 23 Мая 1796 года въ селѣ Богородскомъ, Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи. Скончался въ Москвѣ 5 Сентября 1866 г. и погребенъ въ Даниловскомъ монастырѣ (Бартеневъ, „Московскія Вѣдомости" 1866, № 189) Въ своей автобіографіи М. А. Дмитріевъ пишетъ: „Принадлежа къ семейству, въ которомъ литература была, такъ сказать, общимъ достояніемъ, привыкнувъ съ малолѣтства къ именамъ Ломоносова, Державина, Карамзина и дяди своего И. И. Дмитріева, напитавшись съ отрочества ихъ твореніями, М. А. Дмитріевъ рано началъ заниматься словесностью" („Краткое жизнеописаніе М. А. Дмитріева. Назначено не для продажи. М. 1863, стр. 17). „Что касается до наружности и харак-

тера Дмитріева, на нихъ указываютъ два стиха Горація, помѣщенные здѣсь эпиграфомъ. Вотъ они въ русскомъ переводѣ:

Ростомъ я малъ, посѣдѣлъ до поры, любитель я солнца;
Вспыльчивъ, легко разсержусь, но за то и легко утихаю.

5) „Я нашелъ графа Паскевича дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково" (Пушкинъ, изд. 1859, IV, 147). Паскевичъ отвелъ Пушкину отличное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ сераскирскаго дворца въ Арзрумѣ; но Пушкинъ ни единымъ словомъ не восхвалилъ тогдашнихъ подвиговъ графа Эриванскаго. Лишь черезъ два года, когда Паскевичъ обрадовалъ Россію взятіемъ Варшавы, посвятилъ онъ ему безымянную строфу въ „Бородинской Годовщинѣ".

6) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ родился 10 Сентября 1760 г. въ родовомъ селѣ Богородскомъ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Скончался 3 Октября 1837 года и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, Дмитріевъ „нѣжно, даже по характеру своему умилительно, любилъ Карамзина. Онъ благоговѣлъ предъ его высокимъ дарованіемъ, предъ его чистою, возвышенною душою. Карамзинъ любилъ и уважалъ въ немъ честность и прямоту правилъ его, любилъ въ немъ и эти странности и причуды, которыя рѣзкими оттѣнками обозначали его. Литературные труды того и другаго, какъ ни различны свойства ихъ, имѣли дѣятельное и глубокое вліяніе на развитіе нашего языка; почти одновременно вступили они на поприще словесности и долго пользовались нераздѣльно какъ будто братскою славою. Все это связываетъ нераздѣльно эти два лица въ памяти и уваженіи Россіи... Со смертью Дмитріева и преданія о Карамзинѣ пресѣклись... Одинъ Дмитріевъ могъ бы быть его полнымъ біографомъ. Чувствую и жалѣю, что мои бѣглые очерки не дадутъ тѣмъ, которые не знали Дмитріева, полнаго и удовлетворительнаго понятія объ этой замѣчательной и любезной личности. Время наше такъ переиначило, такъ перетасовало вверхъ дномъ всѣ понятія, всѣ значенія и оцѣнки, что трудно, чтобы не сказать невозможно, передать съ вѣрностью сочувствія свои тѣмъ, которые въ свое время съ нами ихъ не раздѣляли. Нетерпимость есть одно изъ отличительныхъ свойствъ нашего времени" (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго". VII, Спб. 1882, стр. 134--135, 165). „Вотъ онъ одинъ, сказалъ Дмитріевъ, указывая на камердинера своего Николашку, приводитъ жолчь мою въ движеніе, да еще Полевой". Полевой, готовясь тогда къ Исторіи Русскаго народа, пробовалъ силы свои въ „Телеграфѣ", нападая на Исторію Государства Россійскаго (стр. 162). „Въ 1828 году", пишетъ М. П. Погодинъ, „я лишился благосклонности Дмитріева за помѣщеніе въ „Московскомъ Вѣстникѣ" замѣчаній Арцыбашева на Исторію Карамзина. Въ домъ къ нему, разумѣется, я не смѣлъ уже показываться, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда впечатлѣнія изгладились, я былъ принятъ, и въ послѣднее время былъ даже ласкаемъ. Онъ часто говорилъ мнѣ объ обязанности написать похвальное слово Карамзину и взялъ съ меня честное слово, о которомъ напомнилъ даже предъ кончиною. Въ послѣдніе дни я былъ у него безпрестанно" („Русскій", 1868, № 7). Въ 1828 году, князь П. А. Вяземскій, между прочимъ, писалъ Погодину: „Ваше сужденіе о Карамзинѣ такое, что едва ли Карамзинъ позво-

лилъ бы себѣ объявить оное объ васъ: въ вашихъ словахъ отзываются ободрительная доброжелательность, покровительство, всегда неумѣстныя, когда ихъ выказываютъ, но тѣмъ болѣе неприличныя, когда дѣло идетъ о Карамзинѣ. Извлекая сущность изъ всего сказаннаго въ вашемъ отвѣтѣ, выводится къ чести Карамзина, что Исторія его *двѣнадцать* лѣтъ не сходитъ съ вашего письменнаго стола, а въ осужденіе его—онъ не живописецъ потому, что Олеги его и Святославы взяты изъ Расиновыхъ трагедій, что онъ не критикъ, не философъ и пр. Что же, повторю, остается при „Исторіи", кромѣ чести быть настольною книгою вашею?... Вашу статью назвалъ одинъ изъ безпристрастныхъ читателей оной: злоупотребленіемъ склоненія личнаго мѣстоимѣнія *Я*,—и это очень мѣтко. Отдавая полную справедливость вашимъ дарованіямъ, нельзя не замѣтить, что приводимые на очную ставку съ Карамзинымъ *вашъ письменный столъ, ваше полное сужденіе объ Исторіи Карамзина, ваша обязанность сказать о ней нѣсколько словъ,* все это очень неумѣстно": (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго", II, 82—83).

7) Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой, братъ издателя „Московскаго Телеграфа" и авторъ любопытныхъ „Записокъ о жизни и сочиненіяхъ" его. Спб. 1860 г.

8) „Можетъ ли быть", писалъ князь Вяземскій къ И. И. Дмиттріеву отъ 27 Іюля 1829., что „неприличнѣе печатной переписки издателей „Телеграфа" и „Галатеи". Эти господа признаютъ за остроуміе отверженіе формулъ вѣжливости и общежитія, узаконенныхъ даже и между простолюдинами. Надписавъ статью *господину такому-то*, они думаютъ, что разсмѣшили публику. Покойный Львовъ разсказывалъ, что, зашедши однажды въ лубочную комедію на масляницѣ, занялъ онъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ожиданіи представленія. Подходитъ къ нему полицейскій офицеръ и говоритъ: „не извольте, ваше превосходительство, садиться такъ близко: можетъ случиться бѣда".—А почему такъ? спросилъ Львовъ. „Да когда паяцъ очень разшутится, такъ начнетъ онъ плевать въ народъ". Право, можно теперь остерегать порядочныхъ читателей отъ чтенія журналовъ нашихъ: бѣда, журналисты черезъ чуръ разшутились". („Русскій Архивъ" 1866, стр. 1719).

9) Сергѣй Александровичъ Соболевскій родился въ Ригѣ 10 Сентября 1804 г., скончался въ Москвѣ 6 Октября 1870 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. По смерти матери своей, въ 1828 году, Соболевскій на многіе годы уѣхалъ въ чужіе краи. Тамъ онъ обогащалъ себя запасомъ наблюденій, знакомствъ съ замѣчательными людьми вѣка и тамъ же положилъ онъ начало своей знаменитой библіотекѣ (Бартеневъ, „Русскій Архивъ" 1870, стр. 2140—2144) „Наконецъ третьяго дня", писалъ И. В. Кирѣевскій изъ Мюнхена, 3 Іюня 1830 г., „удостоились мы приложиться къ явленному образу Соболевскаго, худаго, стройнаго, тонкаго, живаго, прямосидящаго, тихоговорящаго и пр. Онъ пробудетъ здѣсь около недѣли и отправится въ Италію". 3 Іюля: „Сегодня Соболевскій отъиде.. Съ его отъѣздомъ точно будто уѣхало сорокъ человѣкъ". (Кирѣевскій, I, 59, 61). Бумаги Соболевскаго въ настоящее время принадлежатъ графу С. Д. Шереметеву.

10) Съ 1816 по 1835 годъ И. М. Снегиревъ занималъ каѳедру Латинской Словесности въ Московскомъ университетѣ.

VI.

1829 г. Сентября 11.

...Такъ много въ головѣ скопилось, что не знаю за что приняться. И то, и другое, и третье. Первое—Славянская Грамматика, которую свѣряю съ подлинникомъ. Востоковъ по моей просьбѣ взялся читать послѣднюю корректуру 1).

...По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, когда нашъ кругъ опять совокупится, вотъ ужъ примемся за журналъ, и горе невѣжамъ и подлецамъ! Здѣсь былъ Шишковъ, и мы надоумили его, чтобъ Россійская Академія послала на свой счетъ Венелина въ Болгарію, занятую теперь нашими войсками для изслѣдованій 2). Каково? Теперь ожидаемъ рѣшенія. Книга его вышла и пришлется къ тебѣ въ ящикѣ. Пол. разругалъ ее до нельзя въ своемъ нумерѣ, который вышелъ въ одинъ день съ нею 3). Мочи нѣтъ въ иную минуту отъ этого невѣжества. В. Б. и Г.*) теперь думаютъ рѣшить и вязать все въ нашей литературѣ: тріумвиратъ изъ трехъ Лепидовъ. И долго ли будутъ кричать они? О несчастная литература!

Издается полное собраніе сочиненій фонъ-Визина, въ которомъ помѣщено будетъ много ненапечатанныхъ до сихъ поръ и драгоцѣнныхъ. Вышла первая часть переводу Гердера.—Ермакъ былъ игранъ на Петербургскомъ театрѣ и имѣлъ блистательный успѣхъ. Авторъ подъ Шумлою. Послѣднее письмо отъ него 4 Августа. Пушкинъ возвращается изъ Эрзерума и въ карантинѣ читалъ какіе-то новые тамошніе стихи свои, о которыхъ дошла вѣсть сюда. Шаховской пишетъ Русскую Миссолунгу или осаду Смоленска 4). Издается собраніе сочиненій Хмѣльницкаго. «Тель» Ротчева вышелъ; очень тяжело и незрѣло, особливо въ разговорныхъ мѣстахъ. Онъ видно совсѣмъ не выправляетъ своихъ трудовъ. Онъ еще перевелъ «Макбета» по Шиллеру 5). Романомъ Загоскина многіе восхищаются 6). Іоакинѳъ издалъ новую большую книгу о преемникахъ Чингисхановыхъ, извлеченіе изъ Китайскихъ сочиненій 7). У насъ безпрестанно являются уставы учебныхъ заведеній, такъ что сердце радуется. На Кавказѣ учреждается (въ Эривани, Нахич. и проч.) до 20 училищъ, въ Петербургѣ училище театральное, лѣсное и проч. и проч. Ахъ, что̀ будетъ изъ нашего отечества? Чудо!

Теперь отвѣты тебѣ на вопросы твои. Статья княгини *Сонъ* напечатана въ «Галатеѣ» и очень понравилась 8). Многіе куплеты въ

---

*) Воейковъ, Булгаринъ и Гречъ.

Дипломатѣ удались прекрасно, но не вся піеса: Бантышевъ и Лавровъ были очень неблагородны, дурны. Вообще эта піеса не для Русской сцены, въ которой не понимаютъ всѣхъ тонкостей. Театръ былъ полонъ 9). Аксаковы здоровы. Дѣти милѣютъ и умножаются. Маленькая Любинька еще лучше Наденьки, глазки—прелесть. Кир. печаленъ какъ-то; изъ твореній онъ говоритъ о многомъ и прекрасномъ, но я не знаю, пишетъ ли онъ что. Образъ его жизни для меня непонятенъ. Верстовскій любитъ тебя сердечно и говоритъ о тебѣ всегда съ большимъ чувствомъ и благодарностію. Мнѣ кажется только, что деликатность мѣшаетъ ему попросить у тебя нѣкоторыхъ перемѣнъ въ Вадимѣ. Между тѣмъ вотъ что я скажу тебѣ безъ деликатности, послѣ бѣглаго чтенія твоей піесы. Все слишкомъ идеально, неясно для нашей публики 10). «Преображеніе» 11) ни за что не позволится цензурою. У насъ Ѳаворъ одинъ. Адъ на теперешней сценѣ—анохронизмъ: безъ насилія вѣдь его представить себѣ нельзя. Притомъ это ужъ очень ветхо. Старецъ—лице лишнее и непонятное. Пиръ прекрасенъ, но не слишкомъ ли рѣзка противоположность съ идеальностію содержанія? Больше вещественности надо. Надо больше дѣйствія внѣшняго. Впрочемъ, это мысли, повторяю, бѣглыя. Вадимъ теперь переписывается. Мы прочтемъ его вмѣстѣ съ Кир. и обдумаемъ основательнѣе. О хорошемъ я не пишу теперь къ тебѣ; его очень много: все лирическое прекрасно. Верст. ожидаетъ многаго отъ этого труда.

Ты слишкомъ много времени отдаешь урокамъ; мнѣ это непріятно: тебѣ надо думать и о себѣ. Довольно 2 или 3 часовъ для занятій съ княземъ, а впрочемъ онъ можетъ и самъ заниматься, вѣдь онъ не маленькій; притомъ это будетъ полезнѣе и ему: больше свободы уму; пусть пріучается ходить на своихъ ногахъ, не все на помочахъ. Подумай объ этомъ и устрой себѣ времени больше *непремѣнно*. Мысль для «Ромула» прекрасна, если ты успѣешь выразить въ немъ что хочешь,—это будетъ драгоцѣнность и совершенно новая піитическая, историческая и философская. Прочти только непремѣнно Нибура. Благословляю обѣими руками. Напитайся Латинскимъ языкомъ, Ливіемъ, Тацитомъ 12).

Для наполненія письма вотъ тебѣ всякой всячины: Полевой поѣхалъ, какъ говоритъ Снегиревъ, въ Петербургъ съ исторіею, женою и травникомъ, т.-е. Максимовичемъ 13). Куб. ходитъ по урокамъ и копитъ деньги 14). Мансуровы пріѣхали изъ Берлина и тебѣ кланяются. Они тебя очень полюбили.—Ей-Богу, кажется все. Послѣ несчастнаго Грибоѣдова должно остаться много сочиненій, но не знаютъ, гдѣ они 15). Артемовъ ѣдетъ съ молодымъ графомъ Сологубомъ въ Германію и проч. на 4 тысячи въ годъ. Вотъ какъ! 16)

Сумашествіе Калайдовича прошло. Теперь грусть, уныніе и слабость. Какъ благодаритъ онъ насъ 17).

1) Въ своей лекціи о Славянахъ, читанной въ Этнографическомъ Обществѣ 4 Апрѣля 1867 года, М. П. Погодинъ между прочимъ сказалъ: „Теперь поговоримъ о сознаніи единства между Славянами. Эта мысль зародилась, какъ бы вы думали, милостивые государи, гдѣ? Въ глубинѣ грамматики церковнаго языка, употребляемаго въ нашемъ богослуженіи, языка святыхъ Кирилла и Меѳодія. Славный Добровскій, жизнію Нѣмецъ, сдѣлался, самъ не сознавая того, отцемъ политическаго движенія, которое обняло теперь всѣ Славянскія племена, одно за другимъ“ („Русскій“ 1867, № 9—10, стр. 133). Эту знаменитую грамматику перевели на Русскій языкъ и посвятили „Александру Семеновичу Шишкову, ревнителю церковно-славянскаго языка“, Погодинъ и Шевыревъ. „Великимъ постомъ 1826 года, пишетъ Погодинъ, я уговорилъ Шевырева приняться сообща за переводъ съ Латинскаго знаменитой грамматики Добровскаго. Планъ мой былъ запереться на Страстную и Святую недѣли въ своихъ комнатахъ и перевести грамматику однимъ духомъ. Намѣреніе безразсудное! Но Шевыревъ согласился; мы заперлись, и на Ѳоминой недѣлѣ вся грамматика, состоящая почти изъ 900 страницъ, была у насъ готова... Признаюсь, взглядъ на эту груду мелко исписанной бумаги, взглядъ на эту крѣпость, взятую нами приступомъ, доставилъ намъ сладкое удовольствіе, за которое однако мы поплатились тогда же двумя обмороками: я упалъ въ Четвергъ на Святой недѣлѣ со стула въ своей комнатѣ, а Шевыревъ въ Воскресенье, на крылосѣ приходской церкви, у Пимена“. („Воспомин. о Шевыревѣ“, стр. 8—9).

2) См. выше, стр. 97.

3) Въ 1829 году въ Москвѣ, вышелъ 1-й томъ сочиненія Венелина: *Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ.* Сочиненіе посвящено А. С. Шишкову. Во введеніи авторъ между прочимъ пишетъ: „Проходя до 1822 года въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ университетовъ курсъ наукъ по факультету, къ которому принадлежатъ исторія и искусство или правила критики, я дѣлалъ для упражненія себя въ сей послѣдней замѣчанія на разные предметы своего ученія. Слѣдующіе два года я продолжалъ свои замѣчанія еще съ бо́льшимъ раченіемъ, такъ что ихъ накопилось у меня значительное количество. Но съ 1825 года, перешедши въ Московскій университетъ, я посвятилъ себя наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ исторія и метафизика. Прежніе историческіе труды мои оставлены безъ употребленія; только въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ Московскихъ ученыхъ о спорныхъ историческихъ пунктахъ мимоходомъ касался я своихъ замѣчаній и намекалъ о своемъ архивѣ. Объ изданіи его я не могъ думать. Во первыхъ, я не имѣлъ къ тому средствъ. Во вторыхъ, надлежало возстать противъ общаго господствующаго мнѣнія не только въ Россіи, но и въ заграничныхъ государствахъ. Одна мысль, что безвѣстный молодой человѣкъ рѣшается опровергать достоинство и славу диктаторовъ въ исторической критикѣ, признаюсь, производила во мнѣ робость. Въ третьихъ, въ дѣлѣ столь

запутанномъ и многосложномъ я не довѣрялъ своей діалектикѣ, гдѣ споръ за мнѣнія въ наукѣ легко можетъ превратиться въ личности и надѣлать враговъ въ частной жизни. Сверхъ сего я замѣтилъ, что есть еще такіе люди, которымъ надобно доказывать и то, что дважды два—четыре. Они вредятъ наукѣ потому, что однимъ только словцомъ *сомнѣваюсь*, которое иногда, подобно зѣвотѣ, заражаетъ присутствующихъ, могутъ соблазнить чернь. Сіи мысли воспрещали мнѣ и думать о предпринятіи изданія въ свѣтъ моихъ изысканій. Но по настоятельному желанію г. NN (Погодина), коему многое изъ моихъ замѣчаній понравилось, я рѣшился наконецъ въ Іюлѣ и Августѣ прошедшаго 1828 года составить нѣчто цѣлое изъ моихъ трудовъ. Дѣло можетъ быть тѣмъ бы и кончилось, если бы тотъ же г. NN (Погодинъ) не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя и издержки его на свой счетъ". Сочиненіе Веневина было обругано Н. А. Полевымъ: „Не понимаемъ только, какъ М. П. Погодинъ могъ одобрить книгу г. Венелина, и даже дать ему средства напечатать ее! Онъ конечно хотѣлъ подшутить надъ нимъ" (М. Телеграфъ 1829, № 16, стр. 485—486). Отвѣтъ на этотъ отзывъ появился въ Галатеѣ (№ 38, стр. 97—100), въ которомъ утверждали, что Полевой „не читавъ книги, заранѣе написалъ, или, какъ говорятъ, прислалъ изъ Петербурга краткое ругательство дабы встрѣтить имъ сочиненіе г. Венелина". На это Полевой отвѣчалъ: „Пріѣзжаю въ Петербургъ, живу тамъ, и однажды, зашедши къ А. Ф. Смирдину, вижу, у него книгу о Булгарахъ. Тотчасъ послано было отъ меня краткое извѣстіе о книгѣ въ Москву и напечатано въ „Телеграфѣ". Это извѣстіе перемутило всю братію. Они засуетились, и вотъ у книги г. Венелина выдрали смѣшной титулъ, подъ какимъ видѣлъ я ее въ Петербургѣ, выдрали предисловіе, въ которомъ авторъ упоминаетъ о г. Погодинѣ, напечатали вновь посвященіе А. С. Шишкову; имя г. Погодина замѣнили въ предисловіи именемъ г. NN; придѣлали титулъ новый, предисловіе новое. Прошу еще заглянуть въ № 73 Моск. Вѣдом.: тамъ напечатали о ней, на стр. 3404, объявленіе, въ коемъ выставленъ прежній титулъ" (Моск. Телегр. 1829, № 17, стр. 145—150).

4) Князь Александръ Александровичъ Шаховской родился 24 Апрѣля 1777 года, въ Смоленской губерніи, въ селѣ Беззаботахъ (Гречь IV, 589), скончался въ Москвѣ 23 Января 1846 года („Русскій Архивъ" 1873, стр. 0470). „Вчера я провелъ вечеръ у Жуковскаго съ Крыловымъ, Пушкинымъ, Гнѣдичемъ", пишетъ князь Шаховской къ С. Т. Аксакову отъ 8 Января 1830 года. „Предметомъ нашего собранія были мои *Смольяне*. Ихъ слушали съ большимъ вниманіемъ, кромѣ Крылова, который, объѣвшись поросенка, дремалъ до начала чтенія, заснулъ въ первомъ дѣйствіи и выспался къ четвертому" („Руск. Арх." 1873, стр. 0472).

5) Александръ Гавриловичъ Ротчевъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ. Началъ службу въ театральной дирекціи, во время управленія князя С. С. Гагарина, въ званіи переводчика. Еще прежде, въ 1825 году, онъ перевелъ „Мнимаго Рогоносца" Мольера и издалъ его въ Москвѣ. Въ 1829 году онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занимался переводами. Оставивъ государственную службу, Ротчевъ поступилъ въ Россійско-Американскую кампанію и жилъ въ Америкѣ, въ селеніи Россъ, до того времени, когда колонія эта была уступлена Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Ротчевъ былъ противъ этой уступки. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Ротчевъ уѣхалъ въ

Ташкентъ и участвовалъ въ изданіи Туркестанскаго Вѣстника. Изъ Ташкента онъ уѣхалъ во Францію, откуда писалъ корреспонденціи о войнѣ 1870—1871 г. Умеръ въ Саратовѣ 20 Августа 1873 года, на 63 году жизни. (Голосъ 1873, № 240).

6) Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ родился 14 Іюля 1789 г., въ селѣ Рамзаѣ Пензенской губерніи и уѣзда, скончался въ Москвѣ 23 Іюня 1852 г. и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Романъ Загоскина Юрій Милославскій имѣлъ восемь изданій; онъ переведенъ на Французскій, Нѣмецкій, Италіанскій, Голландскій и Англійскіе языки. Въ послѣдствіи Хомяковъ писалъ къ Ю. Ѳ. Самарину: „Досадно, когда видишь, что Загоскинъ, хоть онъ и славный человѣкъ, за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами за одно только инстинктъ, ибо Загоскинъ—выраженіе инстинкта, а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ“ („Русскій Архивъ“ 1879, № 11, стр. 318).

7) Въ *Ученыхъ Запискахъ* Императорской Академіи Наукъ напечатана автобіографическая записка о. Іакинѳа Бачурина, написанная имъ въ 1847 году. О. Іакинѳъ родился къ селѣ Бичуринѣ, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи, 29 Августа 1777 г., скончался 11 Мая 1853 г. Въ 1807 г., въ санѣ архимандрита, назначенъ начальникомъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. По прибытіи въ Пекинъ, о. Іакинѳъ „на другой же день началъ заниматься Китайскимъ языкомъ“. Въ 1821 году, онъ вернулся въ Россію, а въ 1826 году былъ причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. По порученію правительства, годы 1830 и 1831, а также 1835—1837, о. Іакинѳъ провелъ въ Кяхтѣ. (Т. III, вып. 5, стр. 665—672). Преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, въ своемъ *Обзорѣ Русской духовной литературы*, перечисляя труды Іоакинфа, замѣтилъ, что онъ „по слабостямъ своимъ потерялъ санъ архимандрита“ (II, 191).

8) *Сновидѣніе*, сочиненіе княгини З. А. Волконской, напечатано въ „Галатеѣ“ 1829, ч. V, стр, 21—31, въ формѣ письма къ Гульянову: „Читала я письмо твое, любезный Гульяновъ, и гдѣ же? Въ домѣ отца моего. Я съ благоговѣніемъ подошла къ муміи, покрытой гіероглифами; вспомня о твоихъ гіероглифическихъ занятіяхъ, глядѣла долго, ничего не понимая, съ тѣмъ же вниманіемъ и почтеніемъ слѣпымъ, какъ неграмотный и богомольный селянинъ слушаетъ краснорѣчивыя внушенія восточныхъ пророковъ“.

9) *Дипломатъ*, водевиль, переведенный изъ Скриба. Былъ игранъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1828 г. (сообщено П. П. Каратыгинымъ).

10) „Вадимъ“ Шевырева не былъ напечатанъ.

11) *Преображеніе*, стихотвореніе Шевырева, напечатано въ „Московсков. Вѣстникѣ“ 1830. (ч. I, 126—130).

Звукомъ Ангельскаго хора
Полны были небеса;
Въ свѣтлой скиніи Ѳавора
Совершались чудеса.
Средь эѳирнаго чертога,
Въ блескѣ славы и лучей,
Созерцали образъ Бога
Илія и Моисей

Въ то мгновенье надъ Ѳаворомъ
Серафимъ, покинувъ ликъ,
Вождѣленья полнымъ взоромъ
Къ диву горнему приникъ и пр.

12) Живучи въ Римѣ, Шевыревъ замышлялъ планы историческихъ драмъ и написалъ два дѣйствія трагедіи *Ромулъ*. Въ письмѣ изъ Рима, отъ 23 Ноября 1830 г., онъ писалъ Погодину: „Ромулъ“ къ Марту готовъ и привезется въ Россію съ тѣмъ, чтобы ставить на сцену. Въ немъ будетъ весь Римъ древній отъ Ромула, отъ щита Сабинскаго до стѣнъ Этрусскихъ“. („Воспоминанія“, стр. 19).

13) Эта поѣздка М. А. Максимовича въ Петербургъ ознаменовалась для него знакомствомъ, которое перешло въ крѣпкую дружбу, съ знаменитымъ землякомъ его Гоголемъ. Въ первый разъ Максимовичъ увидѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько Малороссіянъ. („Записки о жизни Гоголя“. Спб. 1856, I, 116).

14) Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ родился 25 Сентября 1796 г., въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Св. Троицы на Листахъ, что̀ у Сухаревой башни, при которой отецъ его Михаилъ Митрофановичъ священствовалъ и считался однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей своего времени. Съ запасомъ основательныхъ свѣдѣній въ классическихъ языкахъ вступилъ молодой Кубаревъ студентомъ въ Московскій университетъ и тамъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго профессора Романа Ѳедоровича Тимковскаго, который однажды, бесѣдуя съ своимъ студентомъ о несчастіяхъ и горестяхъ сопровождающихъ жизнь человѣческую, сказалъ ему: „Читайте Цицероновы бесѣды Тускуланскія, онѣ много принесли мнѣ пользы и утѣшенія въ скорбяхъ моихъ“. Младшимъ товарищемъ Кубарева по университету былъ М. П. Погодинъ, который въ своей Автобіографіи засвидѣтельствовалъ, что связь его съ Кубаревымъ, въ домѣ у котораго нѣсколько времени Погодинъ жилъ, частыя бесѣды его съ нимъ о наукахъ и литературѣ, исторіи Русской и Римской имѣли большое вліяніе вообще на образованіе Погодина“ (II, 237—238). Въ 1826 г., мы видимъ А. М. Кубарева на „учительскомъ сѣдалищѣ“ въ Московскомъ университетѣ, преподающимъ Римскую словесность. Въ 1839 году онъ сошелъ съ каѳедры, ученую дѣятельность свою перенесъ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ и трудами своими о Несторѣ и Патерикѣ Печерскомъ записалъ свое имя въ Исторіи Русской литературы. Въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ К. С. Аксакова мы читаемъ: „Кубаревъ, съ кругленькой головкой и вообще весь кругленькій, переводилъ съ нами медленно и внятно, выговаривая слова тихенькимъ голоскомъ своимъ, Тита Ливія,—и только“ („День“, 1862, № 39, стр. 3). Иначе отнеслись другіе ученики къ своему наставнику. Такъ, О. М. Бодянскій, который какъ извѣстно далеко не обладалъ медоточивыми устами, вотъ что писалъ М. П. Погодину изъ Фрейвальдау, 21 Іюня 1840 года: „И Алексѣй Михайловичъ скончалъ свое университетское теченіе! Да что онъ кому сдѣлалъ злаго? Вѣрно ужъ ему было не подъ силу долѣе бороться съ тристаты и легіоны нашихъ доморощенныхъ Шеллинговъ, Нибуровъ со клевреты!“ Въ другомъ письмѣ Бодянскаго (отъ 20 Августа 1840) читаемъ: „Почтеннѣйшаго, добраго и милаго Алексѣя Михайловича поблагодарите отъ меня, какъ только можете больше и

лучше, за его память обо мнѣ на чужбинѣ. Его десятистрочная приписка къ вашему письму дороже для меня самыхъ длинныхъ разглагольствій и краснобайствъ иныхъ такъ-называемыхъ друзей. Прошу васъ поцѣловать его за меня горячо и крѣпко какъ человѣка, котораго я всегда душевно уважалъ, почиталъ и любилъ, какъ человѣка въ немъ же нѣсть льсти" (Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель" М. 1879, стр. 113, 118). Кромѣ университетскихъ слушателей, А. М. Кубаревъ считалъ въ числѣ своихъ учениковъ и генералъ-фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, котораго онъ училъ Русскому языку. Покойный фельдмаршалъ, на высотѣ своего могущества и славы, не забылъ своего смиреннаго наставника и оказывалъ ему трогательное вниманіе. Такъ однажды онъ привезъ ему въ гостинецъ изъ-за границы великолѣпное изданіе Писемъ Плинія Младшаго; а въ 1860 году онъ прислалъ ему свой портретъ. Въ бумагахъ Московскаго Публичнаго Музея сохранилось слѣдующее черновое письмо Кубарева къ фельдмаршалу по поводу полученія этого портрета: „Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. Сколько обрадовалъ меня даръ вашего сіятельства, врученный мнѣ другомъ моимъ, М. П. Погодинымъ, я не въ силахъ выразить словомъ. Какое удовольствіе души въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ могу сравнить съ удовольствіемъ—видѣть, хотя въ художественныхъ чертахъ, лице ваше во всемъ блескѣ почестей и славы, и въ тоже время знать, что эти черты присланы мнѣ отъ васъ, какъ знакъ благосклоннаго вашего вниманія ко мнѣ! Исполненный пріятнѣйшихъ воспоминаній и чувствованій, созерцаю изображеніе лица, столь глубоко запечатлѣвшагося въ душѣ моей въ юношескихъ чертахъ его, лица вождя, избраннаго судьбой положить конецъ столь упорной, столь долголѣтней борьбы нашей съ враждебными сынами Кавказа. Сіятельнѣйшій князь! Военными подвигами своими снискали вы особенное благоволеніе къ вамъ и дружбу Государя Императора, громкія похвалы и признательность соотечественниковъ и безсмертную славу въ потомствѣ! Но не одна военная слава украшаетъ жизнь вашу. И въ отдаленныхъ областяхъ Имперіи давно уже извѣстно, какъ всѣ служащія лица и жители страны, ввѣренной управленію вашему, благословляютъ день, въ который поступили подъ начальство ваше. Не удивляюсь этому. Имѣвъ счастіе находиться нѣкогда въ числѣ лицъ, къ вамъ приближенныхъ, могу ли не знать всей доброты сердца вашего, столько украшавшей васъ еще въ юности вашей? Могу ли забыть тогдашнее ваше расположеніе ко мнѣ? И доселѣ храню, какъ незабвенный для меня памятникъ этого расположенія, даръ, который я имѣлъ счастіе получить отъ вашего сіятельства еще въ 1831 году. Онъ всегда былъ для меня утѣшеніемъ—и тогда, когда я не могъ еще предвидѣть будущаго величія вашего. Съ тѣхъ поръ столько произошло перемѣнъ въ политическомъ и гражданскомъ мірѣ! Съ тѣхъ поръ вы взошли на такую высокую степень чести и славы! И безпримѣрная доброта души вашей не измѣнилась. И вы еще, при столь многихъ, столь разнообразныхъ занятіяхъ, не забываете тѣхъ, къ которымъ нѣкогда были расположены столь радушно! И вы еще озаряете отраднымъ лучемъ склоняющіеся уже къ западу дни мои, приславъ мнѣ въ даръ драгоцѣнныя для меня черты лица вашего! Въ какихъ словахъ выражу вамъ свою благодарность? Пусть выразится она въ мольбѣ моей ко Всевышнему. Да хранитъ Онъ васъ подъ несокрушимымъ щитомъ Своимъ среди военныхъ опасностей; да подкрѣпитъ ваши силы на поприщѣ служенія государственнаго и да продлитъ дни жизни

вашей долго долго ко благу и славѣ любезнаго отечества нашего!. Вотъ все, чего можетъ, въ знакъ признательности своей, пожелать вамъ человѣкъ, нѣкогда къ вамъ приближенный и всегда душевно вамъ преданный". Отправлено 18 Октября 1860. (№ 2591).

15) „Я былъ сильно пораженъ", писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву, „ужаснымъ жребіемъ несчастнаго Грибоѣдова. Давно ли видѣлъ я его въ Петербургѣ блестящимъ счастливцемъ, на возвышеніи государственныхъ удачъ, давно ли завидовалъ ему, что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, въ край, который для моего воображенія имѣлъ всегда приманку чудесности Восточныхъ сказокъ, обѣщалъ ему навѣстить его въ Тегеранѣ и еще на дняхъ, до полученія роковаго извѣстія, говорилъ женѣ, что, не будь войны на Востокѣ, я нынѣшнимъ лѣтомъ съѣздилъ бы къ нему? Какъ судьба играетъ нами, и какъ люто иногда! Я такъ себѣ живо представляю пылкаго Грибоѣдова, защищающагося отъ изступленныхъ убійцъ".... („Русск. Архивъ" 1868, стр. 606). Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ большой знатокъ нашей старины. Лѣтопись Нестора была его настольною книгою. „Въ Кіевѣ я пожилъ съ умершими", писалъ онъ въ 1825 году, въ Іюнѣ, князю В. Ѳ. Одоевскому, „Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе... Природа великолѣпная... Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго Собора..." („Русск. Архивъ" 1864, стр. 810—811). „Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ", писалъ онъ же изъ Ѳеодосіи, 12 Сентября 1825 года, къ Бѣгичеву, „тотъ не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забываться, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно... Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Каѳы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ, и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ Европейскихъ и Восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда Готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью Турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами— духъ разрушенія: ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города невзрытаго, неперекопаннаго! Чтожъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ Русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія". („Письма Карамзина и Грибоѣдова". М. 1860, стр. 31—33).

16) П. И. Артемовъ упоминается въ письмѣ Сахарова въ Кубареву, „Москаликъ, прибывшій сюда, повѣдалъ мнѣ о вашемъ здравіи" (См. мои „Русскіе Палеологи". Спб. 1880, стр. 56).

17) Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, родился въ Ельцѣ, въ 1792 г., скончался въ Москвѣ 19 Апрѣля 1832 г. и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Незадолго до 1828 г., Калайдовичъ получилъ мѣсто смотрителя Еврейскаго Глѣбовскаго подворья съ казенною квартирою и здѣсь, по свидѣтельству его біографа П. А. Безсонова, въ распоряженіяхъ своихъ показалъ признаки помѣшательства: такъ напримѣръ, надѣвши всѣ свои кресты,

заставлялъ провинившихся въ чемъ либо Евреевъ прикладываться къ нимъ. Въ бумагахъ Калайдовича сохранилось свидѣтельство Московской Медицинской Конторы, отъ 14 Февраля 1828 года; изъ котораго видно, что Калайдовичъ подалъ Конторѣ жалобу на то, что „въ бытность его коммиссіонеромъ казеннаго Глѣбовскаго подворья, за искорененіе тамъ злоупотребленій, члены оной, удаливъ его отъ должности, разнесли слухъ по Москвѣ, что будто онъ лишился ума". Вскорѣ послѣ того, а именно 18 Февраля 1828 года, Калайдовичъ писалъ П. М. Строеву: „Вы вѣрно слышали о тѣхъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ гоненіяхъ, которыя переношу я за имя Русское, за безтрепетное искорененіе Еврейскихъ синагогъ, за удержаніе контрабанды. Вы Русскій душею и тѣломъ, вы патріотъ, вы хорошо меня поймете, что такого рода дѣла привлекаютъ гоненія. Повидайтесь съ его превосходительствомъ А. А. Писаревымъ и статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества Блудовымъ". 15 Марта 1828 года, П. М. Строевъ получилъ предписаніе директора Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскаго, явиться вмѣстѣ съ Московскимъ полицеймейстеромъ Ровинскимъ въ квартиру Калайдовича, для присутствованія при „опечатаніи имѣющихся у него книгъ и бумагъ". Чрезъ нѣсколько дней послѣ этаго печальнаго событія, а именно 23 Марта, Калайдовичъ писалъ Строеву изъ дома инвалидовъ въ Преображенскомъ: „Посѣтите меня въ день страданія Христа Спасителя Нашего, меня, пострадавшаго за истину отъ Евреевъ. Я слышалъ о вашемъ патріотическомъ подвигѣ, который вы показали 15 Марта, въ тотъ день, когда меня взяли обманомъ и лестію" (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева". Спб. 1878, стр. 136—137). С. Т. Аксаковъ, видѣвшій въ то время Калайдовича, свидѣтельствуетъ: „Я не замѣчалъ въ Калайдовичѣ ни малѣйшаго разстройства. Прежде, чѣмъ до меня достигла молва объ его помѣшательствѣ, онъ предупредилъ меня самъ объ этой молвѣ, и съ такимъ спокойствіемъ, съ такою ясностью и отчетливостію разсказалъ мнѣ источникъ этого слуха, что я совершенно повѣрилъ Калайдовичу и спорилъ съ другими, утверждавшими противное". („Разн. Сочиненія", стр. 203).

VII.

1829. Сентября 26.

Я сижу надъ исправленіемъ Слав. Грамматики. На нынѣшней недѣлѣ оканчиваю первую часть ея до глагола и отправлю въ Петербургъ; это не такъ легко, какъ я думалъ. Еще: встревоженъ вчерашнею наглою статьею Полеваго, въ которой онъ лжетъ на меня и приписываетъ чортъ знаетъ что́ по поводу изданія книги Венелина. Я не излагаю тебѣ подробностей, ибо черезъ два дня онѣ будутъ скучны и для меня. Теперь—признаюсь, это произвело въ меня непріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ, изъ Академіи получено извѣстіе, что она даетъ шесть тысячъ не путешествіе. Но если этотъ невѣжа помѣшаетъ исполненію своими воплями! Какъ мнѣ жаль, горько, что я по обстоя-

тельствамъ принужденъ дѣйствовать на низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами. Говорилъ я вамъ, господа, что не должно нападать на нихъ до тѣхъ поръ, пока сами не представимъ чего либо важнаго. Вы не послушались меня и компрометировались. Ну, скажи мнѣ, правъ ли я былъ? Нѣкоторые изъ васъ думали прежде, что я говорилъ такъ потому, что меня выгораживали лит. негодяи. Теперь я такъ обруганъ ими, выпилъ такую чашу, какой не подносили еще никому,—и повторяю тоже. Надо мною еще собирается буря: нашъ лит. тріумвиратъ хочетъ согнать меня съ лица земли; я это вижу; теперь по поводу книги Венелина есть много орудій подлецамъ. О, если только я сдѣлаю что-нибудь большое, чему только зародышъ еще таится въ глубинѣ моей души, я покрою стыдомъ нашихъ корифеевъ, которые соблюдаютъ теперь преступное молчаніе. Я сдѣлаю, я сдѣлаю это; душа мнѣ говоритъ это, и она не обманетъ. Впередъ! За науку, за Русь!—Я перечелъ что̀ написалъ и разсмѣялся.—Ѣду къ Аксакову, чтобъ читать Вадима съ Верстовскимъ.—Пушкинъ здѣсь съ Евфрата и ѣдетъ чрезъ недѣлю въ Петербургъ 1).

Шах. написалъ интермедію: всѣ романы въ лицахъ. Есть нѣсколько остроумнаго. Выжигина представляютъ хозяйкѣ дома послѣ многихъ другихъ: «Теперь явится къ вамъ первый Русскій романъ, Выжигинъ».—И онъ будетъ послѣднимъ. Я уже устала.—Здѣсь зимою «Ермакъ», вѣроятно на бенефисъ Синецкой. Полевой обругалъ ужъ его мимоходомъ. Авторъ долженъ скоро быть здѣсь.—Отъ Пушкина я не слыхалъ ничего, потому что цѣлые два часа протолковалъ только о моей статьѣ въ пользу Бориса, а послѣ перервали насъ.—Малиновскій выздоровѣлъ совсѣмъ, но я не видалъ еще ихъ 2).—Издается весь Фонъ-Визинъ. Я прочелъ многія новыя его сочиненія—прекрасныя 3).—Я совершенно изнемогаю подъ бременемъ своихъ мыслей. Все вдругъ сперлося во мнѣ; даже долго не засыпаю иногда. Поскорѣе бы разобраться.

Москва занята теперь Турецкимъ маршемъ, и разговоръ только объ немъ. Да! Заклинаю тебя именемъ всѣхъ твоихъ друзей посвящать на уроки не больше трехъ часовъ въ день. Жду скорѣйшаго отвѣта на это заклятіе.

Къ этому письму сдѣланы слѣдующія приписки:

Верстовскаго: Присылкою послѣдняго акта нашего любезнаго „Вадима“ вы поставили краснорѣчіе мое въ тупикъ. Еслибъ вы были ближе, то искренній поцѣлуй и пожатіе руки были хотя нѣмымъ выраженіемъ благодарности моей. Но за тысячи верстъ одни только письменные звуки могутъ доходить и дойдутъ! Пьесу переписываютъ, и на дняхъ мы тріумвиратомъ читали ее. Не нужно вамъ говорить: съ кѣмъ?—Мнѣ сдается, что придется перемѣнить многое.—Это покамѣсть загадка для васъ! За хоры духовъ цѣлую ваши ручки! А ко-

нецъ холоденъ.—Но прочтемъ, и въ чемъ нужно ваше пособіе, вы не откажитесь исправить. Я прошу васъ познакомить меня съ Италіей, благословенной Италіей, и съ нынѣшнимъ отправленіемъ ящиковъ къ княгинѣ прошу М. П. Погодина переслать къ вамъ нѣсколько лучшихъ минутъ моей жизни: отпечатанныя мои сочиненія, которыя прошу васъ, если вамъ случится говорить о сѣверной музыкѣ, то, въ доказательство нѣкотораго огня, показать и мои сочиненія, которыя хотя и безъ партицій, но хорошій музыкантъ увидитъ нѣкоторыя достоинства, пріобрѣтенныя большимъ опытомъ.—Вы вѣрно не полѣнитесь, почтеннѣйшій собратъ по „Вадиму", передать мнѣ отзывы ихъ. И какъ Русскому въ душѣ самимъ вамъ будетъ пріятно подъ прекраснымъ небомъ Италіи услыхать Русскіе звуки человѣка, душой васъ уважающаго... Всѣ знакомые ваши безъ изъятья вамъ кланяются, васъ помнятъ и болѣе нежели когда-нибудь желаютъ скорѣе обнять васъ. Представьте же поэтому, какое желаніе скорѣе увидѣть васъ."

А. М. Кубарева: „Хоть каплю воздуха того, коимъ вы дышете, любезнѣйшій другъ, привезите мнѣ, или, буде этого не можно, то хоть горсточку пыли съ гробницы Сципіоновъ."

Ю. Венелина: „Здравствуйте, почт. Степанъ Петровичъ! Какъ вы счастливы, что ходите по тѣмъ мѣстамъ, по коимъ носились стопы Овидіевъ, Виргиліевъ и старика Сенеки; какъ мы несчастны, что живемъ въ сосѣдствѣ съ литературными *нахалами*, терзающими, подобно бѣшенымъ собакамъ, всякаго проходящаго по сценѣ литературной."

1) Анненковъ, въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина", пишетъ: „Весьма трудно опредѣлить теперь, гдѣ находился Пушкинъ съ 8 Сентября, дня отъѣзда изъ Горячеводска, до 16 Ноября (1829 г.), вѣроятнаго дня прибытія его въ Петербургъ." (Спб. 1873, стр. 211).

2) Начальникъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій родился въ Москвѣ, въ 1762 г. и тамъ же скончался 26 Ноября 1840 г. Погребенъ въ Новомъ Іерусалимѣ. Архивъ зналъ Малиновскій, какъ свой кабинетъ, и любилъ безъ памяти, считая его „какъ будто своею колыбелью и могилою". Вигель въ немногихъ словахъ характеризуетъ своего бывшаго начальника: „Онъ былъ, безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія, ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ... Г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ претензію на свѣтскую любезность" („Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля", I, 173—174). Въ некрологѣ его между прочимъ сказано: „А. Ѳ. Малиновскій думалъ, будто драгоцѣнности архивскія потеряютъ свою цѣну, если сдѣлаются слишкомъ извѣстными, и потому неохотно допускалъ пользоваться ими." Это подтверждается слѣдующими строками А. И. Тургенева, извлеченными изъ двухъ *неизданныхъ его* писемъ: Отъ 1-го Апрѣля 1837 года: „На третій день моего пріѣзда (въ Москву), я явился къ нему (Малиновскому), принятъ былъ, какъ старый знакомецъ и сослуживецъ, повидимому весьма благосклонно, и Алексѣй Ѳедоровичъ приказалъ выдать мнѣ старый каталогъ дѣлъ Французскаго двора, еще Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ 1793 г. составленный и скрѣпленный имъ до 1764 года, а съ того времени по 1773-й годъ приписано къ оному еще нѣсколько

дѣлъ. Каталогъ сей только номинальный... и нашими ученическими руками нѣкогда писанный. Просмотрѣвъ оный, я пожелалъ видѣть и каталогъ послѣдующихъ годовъ, сюда пересланныхъ. Алексѣй Ѳедоровичъ затруднился въ семъ, сказавъ, что я допущенъ только къ разсмотрѣнію актовъ *средняго вѣка*, что среднiй вѣкъ простирается до кончины Петра I (!), хотя онъ самъ далъ уже мнѣ каталогъ и дѣламъ Екатерины II. Сколько я ни представлялъ ему, что о древнихъ и среднихъ вѣкахъ упомянуто только *въ началѣ* отношенія графа Карла Васильевича, а послѣ сказано: „нынѣ"..; сколько я ни представлялъ ему, что для меня и день дорогъ, что я уже потерялъ четыре утра, доказывая ему то, что такъ ясно изъ словъ отношенія... Тщетно! Алексѣй Ѳедоровичъ все указывалъ на средніе вѣка!... Въ чужихъ архивахъ я не встрѣчалъ подобныхъ затрудненій; а нашему объявлена Высочайшая воля, и я долженъ терять время и слушать почти обидныя сомнѣнія, кои впрочемъ охотно прощаю 70-лѣтнему сыну духовника моей матери..." Въ письмѣ отъ 4 Мая 1837 года: „Я рѣшился вчера покорнѣйше просить Алексѣя Ѳедоровича дать мнѣ въ помощь одного или двухъ писцевъ... Я бы не сталъ затруднять симъ дѣломъ архивскихъ чиновниковъ, еслибы не замѣтилъ, что многіе изъ нихъ, теперь раза два въ недѣлю въ Архивъ приходящіе, совершенно ничѣмъ не заняты и конечно съ удовольствіемъ согласятся помочь мнѣ въ общеполезномъ трудѣ и познакомиться, при семъ случаѣ, съ сокровищами того мѣста, гдѣ числятся на службѣ. Алексѣй Ѳедоровичъ отказалъ дать мнѣ писцевъ, ссылаясь на отношеніе его сіятельства г. вице-канцлера.... Нужно и скоро заняться настоящимъ архивскимъ дѣломъ, иначе сія важнѣйшая часть Исторіи Россійской много потерпитъ. Я не скрывалъ сего мнѣнія отъ Алексѣя Ѳедоровича, не скрываю его и отъ васъ..."

3) Полное Собраніе Сочиненій Д. И. Фонъ-Визина, въ 4-хъ частяхъ, вышло въ Москвѣ въ 1830 г. и напечатано въ знаменитой типографіи Семена Селивановскаго. По свидѣтельству П. А. Ефремова, это изданіе „лучшее изъ всѣхъ безъ исключенія, какъ появившихся до него, такъ и выходившихъ послѣ него". Изданіе это было приготовлено Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ, но по недостатку средствъ къ печатанію уступлено имъ Московскому книгопродавцу И. Г. Салаеву. Бекетову были сообщены родственниками Фонъ-Визина всѣ, оставшіяся еще тогда неистребленными, рукописи его сочиненій.

VIII.

1829. Сентября 30.

На 1830 годъ издаю и альманахъ, и журналъ. Убѣдили друзья. Помогай! Это не помѣшаетъ моимъ существеннымъ трудамъ. Многіе обѣщаются участвовать; корреспондентовъ тьма: въ Италіи, Германіи, Болгаріи, въ разныхъ мѣстахъ Россіи.—Открылись мнѣ еще драгоцѣнныя библіотеки: Бекетова 1) и Каразина съ манускриптами. Какъ же не рѣшиться съ такими драгоцѣнностями. Все напечатаемъ. Да здравствуетъ «Московскій Вѣстникъ» и его друзья-сотрудники!

У насъ теперь всѣ радуются миру. Жалѣютъ только, что слишкомъ великодушно поступили, а великодушіе въ политикѣ не имѣетъ курса *). Тьма наградъ: Паскевичъ и Дибичъ фельдмаршалы. Канкринъ графъ, Чернышову и Толю по 300 тыс. Одессѣ 15 милліоновъ. Рекрутскій наборъ уменьшенъ. Что-то Богъ дастъ теперь? И. Кирѣевскій сбирается путешествовать, а Петръ ужъ давно въ Минхенѣ. Еще корреспондентъ мнѣ (2).

Къ этому письму сдѣлана слѣдующая приписка *С. Т. Аксакова*:

«Да здравствуетъ и да увѣнчается полнымъ успѣхомъ Московскій Вѣстникъ. Онъ былъ и будетъ единственнымъ журналомъ съ благородною цѣлію. Не такъ ли, любезнѣйшій, милый Степанъ Петровичъ? Я читаю письма ваши, веселюсь ими и благодарю васъ за вѣрную дружескую память обо мнѣ и о моей семьѣ. Кажется, вы не всѣ письма получаете отъ друзей своихъ: я пишу въ 4 разъ; въ послѣднемъ увѣдомлялъ васъ о «Дипломатѣ». Вильгельмъ Тель, Ротчева переводъ, напечатанъ и годился только для одного: показалъ достоинство вашего перевода тѣмъ, которые его не понимали. Это рѣшительная дрянь: онъ не чувствуетъ, въ чемъ состоитъ духъ драматическаго языка, онъ не понимаетъ разговора, топорщится въ оду и—помилуй насъ Господи отъ нашествія такихъ пятистопныхъ ямбовъ! Это исковерканная, неестественная проза, вотъ и все. Мы считаемъ Теля за вами.—Бездѣльникъ Полевой, къ стыду нашего вѣка, покуда торжествуетъ, но подождемъ конца!—Письмо ваше къ Верстовскому еще не успѣлъ отдать: говорятъ, онъ недавно писалъ къ вамъ. «Вадимъ» переписанъ, и мы трое на сихъ дняхъ еще его читали. Кажется нѣкоторыя перемѣны необходимы. Для полнаго успѣха этой пьесы надобно сдѣлать ее мелодрамой и Вадима отдать Мочалову или по крайней мѣрѣ отнять у «Вадима» все пѣніе. «Посланникъ» не можетъ идти въ Октябрѣ. Я думаю, къ вамъ давно уже писали объ этомъ. По крайней мѣрѣ я слышалъ, что ждутъ вашего отвѣта: согласны ли вы будете отдать его въ бенефисъ Бантышеву?—Я живу по прежнему, ругаю Полеваго; по Суботамъ споримъ и шумимъ. Семья моя вся здорова, жена чуть бродитъ. Жду новаго семьянина. Они всѣ васъ любятъ, помнятъ и благодарятъ за память.—Жена моя особенно вамъ свидѣтельствуетъ искреннюю

---

*) Графъ С. Г. Строгоновъ возвратился въ Петербургъ осенью этого года изъ Варшавы, черезъ Москву. „Что̀ говорятъ въ Москвѣ?“ спросилъ его Государь.—„Москва жалѣетъ, что не занятъ Константинополь. Старики вспоминаютъ Екатерининское время и вздыхаютъ“.—„А я такъ радъ, что у меня общаго съ этою женщиною только профиль лица“, рѣзко отозвался Николай Павловичъ (Слышано отъ графа С. Г. Строгонова) П. Б.

дружбу и желаніе всего наилучшаго.—Я еще безъ должности, и Богъ знаетъ, когда получу ее. Простите, милый другъ. Будьте увѣрены въ моей непремѣнной искренней дружбѣ. До гроба вашъ душою».

1) О годѣ рожденія и кончины Платона Петровича Бекетова свидѣтельствуетъ надпись на могильномъ камнѣ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло премьеръ-маіора и кавалера Платона Петровича Бекетова. Родился Ноября 11 дня 1761 г. скончался 1836 г. Генваря 6". Бекетовъ жилъ и умеръ на дачѣ своей подъ Симоновымъ. Двоюродный братъ И. И. Дмитріева и дальній родственникъ Карамзина, былъ онъ истиннымъ другомъ просвѣщенія. Съ 1798 онъ, поселившись въ Москвѣ, гдѣ основалъ типографію, издавалъ книги, собиралъ древности, завелъ у себя кабинетъ нумизматическій и минералогическій и принималъ участіе въ изданіи журналовъ. 21 Января 1811 года былъ утвержденъ императоромъ Александромъ I уставъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Правила для избранія въ члены этого Общества были начертаны самыя строгія: кромѣ извѣстности въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями, или *отличными* свѣдѣніями въ Россійской исторіи и древностяхъ, надлежало „быть извѣстному по трудолюбію и жизни неразсѣянной, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ". И вотъ, „сановники и мужи ученые", на основаніи § 24 устава, избрали въ предсѣдатели Общества П. П. Бекетова, *отставнаго маіора*. „Явленіе", по замѣчанію П. М. Строева, „для нынѣшняго поколѣнія загадочное: и теперь въ старшины клубовъ избираютъ большею частію генераловъ". Изъ протоколовъ засѣданій Общества 1811 и первой половины 1812 годовъ видно, что „какой-то *энтузіазмъ* одушевилъ и членовъ, и людей стороннихъ; быть можетъ его раздѣляли всѣ просвѣщенные Москвитяне". Бекетовъ въ званіи предсѣдателя оставался до 1823 года и, по свидѣтельству П. М. Строева, былъ „душею и двигателемъ" Общества. „Мнѣ кажется", писалъ Строевъ, „въ залѣ нашихъ собраній портретъ этого достойнаго мужа могъ бы имѣть мѣсто". (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строва", стр. 418—421). О судьбѣ постигшей бумаги П. П. Бекетова см. „Русскій Архивъ" 1880, III, 327—328.

2) Петръ Васильевичъ Кирѣевскій родился 11 Февраля 1808 года, въ селѣ Долбинѣ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Бѣлева, Тульской губерніи, скончался 25 Октября 1856 года въ прекрасной деревнѣ своей, Кирѣевской Слободкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Орла. Въ Іюлѣ 1829 П. В. Кирѣевскій отправился за границу для слушанія лекцій въ Германскихъ университетахъ. Братъ его Иванъ Васильевичъ поѣхалъ туда же позднѣе, въ началѣ Января 1830 года. Узы тѣсной дружбы связывали обоихъ братьевъ. Вотъ что писалъ И. В. Кирѣевскій изъ Берлина 11 Февраля 1830: „Сегодня рожденіе брата. Какъ грустно должно быть ему! Этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ: онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу. Каждый поступокъ его, каждое слово его въ письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо величіе. И этого человѣка мы называемъ братомъ и сыномъ" (Кирѣевскій, I, 30—31). По отзыву М. П. Погодина, П. В. Кирѣевскій „былъ въ высшей степени чистый, благородный человѣкъ, любилъ отечество больше всего на свѣтѣ, преданъ былъ просвѣщенію, обладалъ огромными свѣдѣ-

ніями, былъ скроменъ и снисходителенъ, дорожилъ безпристрастіемъ, и между тѣмъ ненавидѣлъ Петра Великаго до такой степени, что не шутя однимъ изъ несчастій въ своей жизни считалъ, что получилъ при рожденіи имя Петра" ("Русская Газета" 1859. № 4).

IX.

1829. Октября 20.

....Семейства моего теперь двадцать пять человѣкъ *). Ужъ и корову купилъ. Теперь устраиваю замѣчанія на 1-й томъ Исторіи Карамзина, которыя надѣюсь отпечатать къ 1 Января. За ними послѣдуетъ поверхностное описаніе Исторіи для 16-лѣтняго молодаго человѣка, которое уже написано у меня, но вылеживается. Это были первыя лекціи, коими я началъ нынѣ курсъ въ университетѣ. Я читаю теперь тамъ Россійскую Исторію преимущественно въ критическомъ отношеніи и излагаю всѣ изысканія до 1-го періода, всѣ мнѣнія въ подробностяхъ. Петерб. журналисты начали говорить обо мнѣ помягче. Пол. ругаетъ безъ памяти. Журналъ издаю я опять. Да здравствуетъ М. Вѣстникъ! Четыре корреспондента въ чужихъ краяхъ: вѣдь это сокровище. Ив. Кир. ѣдетъ въ Парижъ, Рож. (1) въ Дрезденъ, Петръ Кир. въ Минхенъ. Статей много у меня своихъ. По крайней мѣрѣ будетъ мѣсто, гдѣ честному человѣку не стыдно сказать свое мнѣніе.— Объ альманахѣ раздумываю. Какъ-то совѣстно и журналъ, и альманахъ вмѣстѣ. Шлегеля вышла Исторія Литературы. Переводъ не совсѣмъ хорошъ, но спасибо и на томъ. Петрарка прекрасенъ и будетъ напечатанъ въ 1 нумерѣ М. Вѣстника. Жаль, что недостаетъ двухъ союзовъ въ послѣднихъ двухъ превосходныхъ куплетахъ: не ясны. Въ Римъ лечу душею, и всякое письмо твое меня приводитъ въ волненіе. Господи! Помози мнѣ устроиться и опрометью съ профессорской каѳедры на студенческую лавку. *Жалью, что ты не привелъ въ порядокъ своихъ занятій въ Римѣ до сихъ поръ.* Признаюсь, мнѣ не хочется, чтобъ ты писалъ для Цвѣтовъ: это не наши; они смотрѣли на насъ сверху, не хотѣли помогать намъ и ободрить насъ; такъ и мы отъ нихъ прочь. Послѣ, послѣ, когда намъ удастся показать себя, мы будемъ давать имъ кое-что въ знакъ нашего благоволенія и незлопамятства. — Павловъ (2) не только помирился съ Давыдовымъ (3), но и подружился и, кажется, будутъ издавать Атеней (4) вмѣстѣ, въ коемъ будетъ особливое отдѣленіе: Философія. Телеграфъ съ Галатеею грызутся такъ, что клочья вверхъ летятъ. Галатея уронила себя во мнѣніи нѣкоторыми выходками. Но вотъ тебѣ но-

*) М. П. Погодинъ считаетъ и жившихъ у него учениковъ. П. Б.

вость: Полевой издаетъ Исторію Русскаго народа въ 12 томахъ по Адріанопольскій миръ, котораго нѣтъ еще и въ газетахъ. Объявленіе начинается: доселѣ не было у насъ Исторіи и пр. О, шарлатанъ! И двѣ грубыя ошибки въ объявленіи. Для курьоза посылаю тебѣ. Свиньинъ 5), упаси насъ Боже! издаетъ исторію Петра Великаго, плодъ шестилѣтнихъ путешествій, трудъ, наполняющій всю его душу и воображеніе, составляющій все его честолюбіе. Романомъ Загоскина восхищаются умные люди, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю его появленія. Иліада скоро выйдетъ.

1) Біографическія свѣдѣнія о Николаѣ Матвѣевичѣ Рожалинѣ мы находимъ въ письмѣ С. П. Шевырева къ А. П. Елагиной, изъ Флоренціи, отъ 29 Мая 1829 года: „Въ Веймарѣ я разстался съ нашимъ другомъ, съ улыбкой надежды на скорое свиданіе въ Италіи. Теперь, повидимому, онъ, слава Богу, спокоенъ и доволенъ настоящимъ; одна неизвѣстность будущаго его тревожитъ. Въ Россію ему пока не хочется ни за что, и потому его мѣсто на два на три года непремѣнно чужіе края. Теперь онъ весь живетъ въ мірѣ Греческомъ и Латинскомъ, совершенно съ любовію преданъ своему предмету и, судя по настоящимъ занятіямъ, обѣщаетъ намъ Винкельмана или Гейне Русскаго. Если Кайсарова останется въ чужихъ краяхъ, онъ остается у нихъ. Если же мужъ призоветъ жену въ Россію, онъ непремѣнно отходитъ, и тогда я бросаюсь въ ноги къ нашей дорогой княгинѣ, Рожалина тащу сюда, и мы съ нимъ составимъ маленькій университетъ для молодаго князя“. Въ 1829 году, былъ изданъ въ Москвѣ переводъ Рожалина *Страданій Вертера*. На немъ означено только: „Переводъ съ Нѣмецкаго Р.“—„Вообразите“, пишетъ Шевыревъ, „Рожалинъ не хотѣлъ идти къ Гете, какъ переводчикъ Вертера, а просился въ передней его видѣть. Княгиня насильно его потащила и избавила всѣхъ насъ. Если Гете насъ робѣлъ, какъ же мы-то должны были его бояться! Мы все молчали и смотрѣли. Онъ показалъ намъ подарокъ Жуковскаго,—картину, изображающую арфу у стула, на которомъ кто-то сидѣлъ и исчезъ, оставивъ плащъ свой. Луна ударяетъ на струны... Княгиня своею любезностію загладила нашу скромность“ („Русскій Архивъ“ 1879, I, 138—139). Къ такому поклоненію Гете несочувственно относится г. Страховъ и ставитъ Герцену въ заслугу, что онъ первый изъ Русскихъ возсталъ противъ Гете („Борьба съ Западомъ“, стр. 4—12). Кромѣ перевода *Вертера* въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, мы находимъ слѣдующіе труды Рожалина: „Вотъ гдѣ былъ предатель“ (1827 ч. II); „Сравненіе романовъ Китайскихъ съ Европейскими“. Изъ Абель-Ремюза (ч. III) „О древней торговлѣ. Изъ Герена „О Магабаратѣ (ч. IV).

2) Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ Московскаго университета физики, минералогіи и сельскаго хозяйства. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Воронежской семинаріи. Скончался 3 Апрѣля 1840 года, на 47 году отъ роду. Въ „Памятной запискѣ графа А. Н. Панина о профессорахъ Московскаго университета“ мы читаемъ слѣдующій отзывъ о Павловѣ: „Уменъ и ученъ, но не у мѣста: ему бы слѣдовало возвратить каѳедру сельскаго хозяйства“ („Чтенія“ 1870, IV, 217). По поводу кончины Павлова Надеждинъ писалъ Максимовичу (16 Іюня 1840): „Я сочувствовалъ тебѣ всею душою, когда по-

лучилъ роковую вѣсть о смерти нашего незабвеннаго Павлова. Да, братъ, меня это огорошило можетъ быть еще больше чѣмъ тебя: ибо я зналъ покойника ближе и продолжительнѣе; я видѣлъ его еще такъ недавно, въ послѣдній проѣздъ черезъ Москву. Боже Ты мой Господи! Истинно неисповѣдимы судьбы Провидѣнія! Вотъ бы кому жить, да жить еще—если не для себя, то для кучи дѣтей... А мы съ тобой — такъ вотъ все еще маемся. И какъ еще маемся!" („Москвитянинъ" 1856, № 3, стр. 232). Князь Д. В. Голицынъ, представляя портретъ Павлова Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства выразился: „Въ лицѣ основателя теоріи земледѣлія въ Россіи, въ лицѣ покойнаго Павлова, мы понесли для науки великую потерю. Оставляя портретъ его въ залахъ засѣданія, мы отдадимъ торжественную дань признательности памяти покойнаго профессора, такъ много трудившагося для нашего Общества, для науки, для отечества" („Русскіе Люди" изд. Вольфа, Спб. 1866, II, 214).

3) Иванъ Ивановичъ Давыдовъ родился 15 Іюня 1794 года, въ имѣніи отца своего, Тверскаго уѣзда, подъ самою Тверью. Въ автобіографіи своей Давыдовъ пишетъ, что „отецъ его, былъ небогатый дворянинъ, древняго рода; а мать, изъ благородной Малороссійской фамиліи Лукьяновыхъ, была умная, благочестивая и совершенно преданная семейству своему женщина. Ея-то разумному и нѣжному попеченію профессоръ, еще въ малолѣтствѣ лишившійся отца, обязанъ первоначальнымъ воспитаніемъ" (Біогр. Слов. М. унив., I, 277). Въ Московскомъ университетѣ онъ профессорствовалъ съ 1817 по 1847 г. Въ 1847 году, вызванъ былъ па службу въ С.-Петербургъ и получилъ мѣсто директора Главнаго Педагогическаго Института (стр. 285). Графъ А. Н. Панинъ въ своей „Памятной Запискѣ" такъ отзывается о Давыдовѣ: „Ума палата, по смотритъ въ лѣсъ" („Чтенія" 1870 IV, 217).

4) *Атеней* издавался въ Москвѣ Павловымъ съ 1828 по 1830 г. Съ 1829 г. сталъ издаваться подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Атеней, журналъ наукъ, искусствъ и изящной словесности, съ присовокупленіемъ записокъ для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ". Пушкинъ писалъ Погодину: „На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ:

.... что Аѳеней,
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй?

5) Воейковъ въ своемъ „Славянинѣ" помѣстилъ забавное извѣстіе о путешествіи по Сѣверу Павла Свиньина: „Въ частномъ письмѣ изъ Холмогоръ увѣдомляютъ о пріѣздѣ къ нимъ одного живописнаго путешественника по Россіи, который извѣстенъ свѣту, въ особенности, строгою справедливостію своихъ описаній. Въ кратковременное его здѣсь пребываніе, онъ успѣлъ отыскать много достопамятныхъ вещей, которыя пріобрѣлъ для своего отечественнаго музея. А именно: оригинальныя коты бабушки безсмертнаго Ломоносова, овчинный тулупъ, которымъ одѣвался двоюродный братъ великаго поэта, возвращаясь мокрый съ рыбной ловли. Извѣстно, что близъ Каргополя находится прославленный баснописцемъ Крыловымъ мостъ:

Онъ, кажется, и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ по немъ пройти не смѣетъ;
До половины не дойдетъ,
Провалится и въ воду упадетъ.

Нашъ путешественникъ объѣхалъ его изъ предосторожности. Въ Петрозаводскѣ мѣщанинъ Антонъ Коршунъ доставилъ нѣсколько самыхъ пріятныхъ часовъ нашему путешественнику. Коршунъ придумалъ средство вмѣсто тёса покрывать крыши дождевыми каплями. У этого же Коршуна въ огородѣ ростутъ такіе огромные качаны капусты, что недавно подъ однимъ листомъ цѣлый пѣхотный полкъ отъ дождя укрылся. Между Пинегою и Онегою осматриванъ наблюдателемъ нашимъ серебряный курганъ. Въ немъ зарыты несмѣтныя богатства, ибо доказано, что здѣсь погребены Рюрикъ, Олегъ Вѣщій, Игорь, супругъ Св. Ольги и проч. въ этомъ родѣ"(См. нашу книгу „Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 137—138").

X.

1829 г. Ноября 3.

У насъ дѣлаются чудеса неслыханныя: Булгаринъ сравниваетъ Карамзина съ Полевымъ и отъ послѣдняго надѣется больше. У него высшій взглядъ, говоритъ онъ, и проч., а въ заключеніе: «Мы надѣемся, что почтенная публика подкрѣпитъ его своею подпиской. Господи, Господи! За что́ прогнѣвался Ты на нашу литературу? Въ Вѣстникѣ Московскомъ должна открыться пальба. А тебя-то нѣтъ! Тріумвиратъ изъ Лентуловъ хочетъ предписывать законы. Нѣтъ силъ терпѣть! Я теперь въ родахъ; множество предметовъ обступило меня и пристаютъ: за меня, за меня! Жизнь Ломоносова простонароднымъ языкомъ. Я писалъ въ Архангельскъ и получилъ оттуда прекрасныя извѣстія 1). Письма о Россіи Персіанина изъ свиты Хозрева Мирзы (который теперь у насъ въ Москвѣ веселится и играетъ съ барышнями въ кошку и мышку и такъ ихъ бьетъ своими Азіятскими лапами, что у тѣхъ бѣдныхъ вездѣ красныя пятна). Всѣ сіи сочиненія у меня обдуманы, планы приготовлены; только что писать, а не тутъ-то было: не пишется. Они мѣшаютъ другъ другу.

Ермакъ Хом. имѣлъ блистательный успѣхъ въ Петербургѣ; въ Москвѣ еще не ставятъ. Атеней будетъ издаваться Павловымъ, кажется, съ Давыдовымъ. Они ужъ почти друзья. Будетъ отдѣленіе философіи. Найдена новая комедія Фонъ-Визина «Гофмейстеръ», неудачная. Много новыхъ писемъ прекрасныхъ. Артемовъ поѣхалъ было въ чужіе краи, но стосковался по женѣ и дочери и воротился изъ Петербурга. Теперь хочется помѣстить на его мѣсто Горбунова. Калайдовичу сбираемъ тихо и деликатно между знакомыми: есть надежда на 2000 р. Первая мысль Ольги Семеновны.

1) Въ это же время М. П. Погодинъ писалъ къ П. М. Строеву, находившемуся въ Вологдѣ: „Мнѣ хочется написать жизнь Ломоносова простона-

роднымъ языкомъ для черни. Препоручите кому-нибудь въ Холмогорахъ развѣдать, сколько дѣтей было у отца Ломоносова, достаточно ли онъ жилъ и т. п. Теперь въ Архангельскѣ живетъ еще племянница Ломоносова Матрена Евсеева, вдова, дочь его сестры Марьи, бывшая замужемъ за крестьяниномъ Куроостровскимъ Лопатинымъ. Еще есть внука его". (См. нашу книгу „Жизнь и труды П. М. Строева", стр. 194).

XI.

1829 г. Ноября 19.

Радуюсь Ромулу. Дай Богъ, дай Богъ! Впередъ! Точно: въ основаніи государства ужъ есть миніатюръ будущей его судьбы, какъ въ сѣмени, какъ въ младенцѣ. Да, напиши мнѣ о планѣ. Я отуманенъ былъ недѣли двѣ до имянинъ. Такъ овладѣлъ мною одинъ предметъ, совершенно неожиданно, что я ночей не сплю, не ѣмъ порядочно, брежу. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Кончивъ переписку, я пришлю къ тебѣ. Ура! Впередъ!

XII.

1829 г. Ноября 24,

...Занята душа. Безъ памяти въ одномъ дѣлѣ.

Безпрестанно у насъ выходятъ новыя и хорошія книги: о соборахъ (собраніяхъ духовныхъ) отъ начала государства до Іоанна 1). О сродствѣ языка Греческаго съ Славянскимъ 2). Сѣверная Пчела начинаетъ очень хвалить меня и очень часто. А здѣсь друзья распускаютъ слухъ, что я передался къ нимъ. Не всѣ ли роды непріятностей удалось перенести мнѣ? Да когда же это кончится? Мнѣ предлагаютъ тысячъ десять за воспитаніе, т.-е. за надзоръ за воспитаніемъ двухъ дѣтей, которыхъ отецъ уѣзжаетъ въ чужіе краи. Не смѣю взяться. Ну какъ Моск. Вѣстн. или другое что́ меня вывезетъ, и я вскорѣ отправлюсь въ чужіе краи! Боюсь давать священное слово.

1) *О соборахъ бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней христіанства до царствованія Іоанна IV Васильевича.* Спб. 1829. Книга посвящена „Памяти покойнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова. Авторъ скрылъ свое имя подъ иниціалами Н. Т.

2) Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ. Соч. экономомъ вселенскаго патріаршескаго престола и проповѣдникомъ Константинопольской и всѣхъ православныхъ церквей Эллинскаго народа пресвитеромъ Константиномъ Экономидомъ, членомъ Императорской Россійской Академіи, въ 3 томахъ, Спб. 1828.

XIII.

1829. Декабря 8.

Я долженъ былъ на недѣлю отвлечься и написать повѣсть для Максимовича «Дьячокъ Колдунъ» и двѣ статьи для Историческаго Общества, чтобъ заявить нѣкоторыя мысли о началѣ государства. Что твой Ромулъ? Пришли хоть сцену, чтобъ я видѣлъ тонъ и содержаніе. Смотри же, привези его въ гостинецъ, а я тогда по твоему примѣру выставлю Рюрика. О Петрѣ поговоримъ послѣ. Надеждинъ ратуетъ въ Вѣст. Евр., и рѣшительно говорю, что это литераторъ истинный, хоть и кричатъ на него разные прихожане, хотя и недостаетъ ему теперь вкуса etc. На Статистику, при Петрѣ I сочиненную, нашлось 50 подписчиковъ, и я принимаюсь печатать на счетъ Ширяева 1). Снегиревъ въ немилости у попечителя 2) и разславляетъ вездѣ, что подъ него подъискался Иванъ Давыдовъ. Сынъ его умеръ, «настоящій ангелъ былъ», говоритъ онъ съ слезами умиленія всякому встрѣчному; «но Богъ не судилъ мнѣ наслаждаться симъ счастіемъ» etc. Третьяго дня былъ въ Удѣльной Школѣ. За два мѣсяца сняли лапти съ мальчиковъ, а теперь читаютъ, пишутъ, считаютъ и поютъ. «О Россій бодрственный народъ! Какихъ въ тебѣ недостаетъ добротъ?...»

Университетъ нынѣ будетъ праздновать 75-лѣтіе послѣ основанія и 25-лѣтіе послѣ возобновленія. Мнѣ поручаютъ говорить рѣчь. Максимовичъ адъюнктъ. Венелинъ продолжаетъ свои изысканія о древней Европейской Исторіи. Андросову 3) Голицынъ 4) поручилъ сдѣлать статистику Москвы, и онъ собралъ матеріалы прекрасные и мысли имѣетъ славныя. Вчера я было растревожился: сказали, что умеръ Мерзляковъ; и пять минутъ, пока я ѣхалъ въ его домъ, были претяжелыя. Труды, таланты, необыкновенный энтузіазмъ: и забытъ, обруганъ и умираетъ. Но, слава Богу, онъ живъ и ему лучше, хотя онъ и опасно боленъ. Еслибъ ты былъ здѣсь, то написалъ бы мнѣ непремѣнно въ первую книжку объ его заслугахъ. Не знаю, кого попросить. Пусть бы увидалъ онъ, что есть благодарные 5).

1) Въ 1831 году, М. П. Погодинъ издалъ въ Москвѣ сочиненіе сенатскаго оберъ-секретаря Ивана Кирилова, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ его неизреченными трудами Петръ Великій, Отецъ Отечествія, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“ и проч.

2) Попечителемъ Московскаго Университета съ Іюля 1825 по 3 Февраля 1830 г. былъ генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Писаревъ.

3) Василій Петровичъ Андросовъ, родился въ 1803, скончался 20 Октября 1841 г. По свидѣтельству М. П. Погодина, онъ первый изъ Русскихъ сообщилъ Статистикѣ высшее значеніе, исторгнулъ ее изъ колеи цыфръ и таблицъ, показалъ примѣры живыхъ приложеній и представилъ на самомъ дѣлѣ отношеніе статистики къ политикѣ. Его Земледѣльческая статистика Россіи и Записка о Москвѣ заключаютъ много примѣчательныхъ указаній. Онъ подавалъ прекрасную надежду наукѣ, но противныя обстоятельства—и надежда не исполнилась. Андросовъ не имѣлъ средствъ идти далѣе по пути, начатому такъ блистательно. Въ послѣдніе годы онъ занимался собраніемъ матеріаловъ для исторіи цивилизаціи въ Россіи. Цивилизація—это было его любимое слово, любимое желаніе, любимое занятіе. Оно выражаетъ вполнѣ направленіе его мыслей и весь характеръ его политическаго образованія... Онъ не могъ однакожъ получить каѳедры въ Московскомъ университетѣ, по причинѣ возвращенія воспитанниковъ Профессорскаго Института изъ чужихъ краевъ. Характера онъ былъ благороднаго и независимаго. Можетъ быть, эти качества и мѣшали его успѣхамъ въ свѣтѣ. Погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, близъ любимаго учителя его Мерзлякова" (Погодинъ, „Москвитянинъ" 1841, № 11, стр. 272—274).

4) Свѣтлѣйшій князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ родился 29 Октября 1771 года, въ селѣ Ярапольцѣ, Волоколамскаго уѣзда Московской губерніи. Скончался 27 Марта 1844 года въ Парижѣ. Погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ съ Января 1820 по 1844 г.

5) Не задолго до смерти, Мерзляковъ писалъ Погодину: „Гекзаметрами и амфибрахіями (какъ вы ихъ называете) я началъ писать тогда, когда Гнѣдичъ еще былъ у насъ въ университетѣ ученикомъ и не зналъ ни гекзаметровъ, ни пентаметровъ; свидѣтели этому Вѣстникъ Европы и господинъ Востоковъ, который именно приписываетъ мнѣ первую попытку въ своемъ Разсужденіи о Стихосложеніи, такъ какъ пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ были пѣты въ Москвѣ и Петербургѣ прежде, нежели Дельвигъ существовалъ на свѣтѣ. Теперь не могу указать пьесы моей въ Вѣстникѣ Европы... Побѣдоносцевъ Петръ Васильевичъ обѣщалъ мнѣ найти эти нумера. Гнѣдичъ, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокошкина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать этимъ родомъ стиховъ, и укорялъ меня за то, что я послѣ возставалъ противъ нихъ... Просто сказать вамъ: NN умышленно молчитъ обо мнѣ, дабы быть творцомъ... и... предъ журналистами, которые теперь ему нужны. Нынѣ всѣ литераторы позабыли совѣсть и торгуютъ всѣмъ чѣмъ могутъ. А NN еще всегда назывался моимъ первымъ почитателемъ и другомъ!" („Москвитянинъ" 1842, I, 181—182).

XIV.

1829 г. Декабря 23.

Петръ Кирѣевскій былъ у Шеллинга, который говорилъ много о Россіи. «Россіи опредѣлено великое назначеніе». Я дохнуть не могъ, слушая это мѣсто изъ письма. Шеллингъ говоритъ, что Россія имѣетъ великое назначеніе. Слышишь ли? Между прочимъ спрашивалъ

его: «Еслибы читать философію по-латыни въ Москвѣ, много ли нашлось бы понимающихъ?» Потомъ о нашемъ языкѣ, о послѣднихъ славныхъ дѣйствіяхъ, о Жуковскомъ.

Рожалинъ пишетъ, что знаменитый Бентамъ въ одномъ Англійскомъ журналѣ написалъ: «Я надѣялся на старости лѣтъ увидѣть уничтоженіе Турецкой тираніи, и жалко, что завистливая политика моей націи помѣшала Россіи» etc. Каковъ! 1)

Литературныя новости. Нынѣ торжественное собраніе Общества Любителей Словесности, коего предсѣдателемъ по интригамъ Давыдова избранъ попечитель 2). Н. Полевой будетъ читать отрывокъ изъ своей исторіи. Я не ѣду: у меня есть много признаковъ, что онъ похитилъ разныя мои мысли, разсѣянныя въ Вѣстникѣ, сказанныя на лекціяхъ и знакомымъ, и прилично ли мнѣ слушать его, загребающаго жаръ моими руками 3)? Собраніе дѣлаютъ самое блистательное, чтобы возвысить его. Приглашена вся Москва. Верстовскій писалъ музыку. Мочаловъ будетъ читать и проч. Если исторія хороша, я успѣю похвалить его; если только спекуляція, то мнѣ стыдно слушать ее. Я хочу объяснить вотъ какъ: «Я говорилъ это тамъ-то, тамъ это etc. Это явилось у г. Полеваго. Я не смѣю упрекать его въ похищеніи. Подожду другихъ томовъ. Если онъ разрѣшитъ загадки (ихъ много у насъ), то я покаюсь, увидя, что и первыя мысли могли придти ему въ голову, какъ мнѣ; если же нѣтъ, то» etc. Давыдовъ выпросилъ у меня для прочтенія и твой «Петроградъ». Я отнекивался, но онъ мнѣ сказалъ: Шевыревъ такъ близокъ ко мнѣ, я такъ увѣренъ въ томъ, что онъ не отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ, и я беру на свою отвѣтственность etc. И я не могъ спорить противъ такого аргумента! Изъ университета никто не будетъ, кажется, въ собраніи. Загоскинъ будетъ читать изъ своего романа. Онъ вышелъ. Я прочелъ двѣ части. Есть прекрасныя Русскія сцены, но въ цѣломъ, въ характерахъ—поверхностенъ, и вездѣ видна ужасная торопливость. «Милославскій» Загоскина и «Самозванецъ» Булгарина бѣжали другъ передъ другомъ въ запуски: кто прежде выйдетъ. Москвичъ перегналъ. Пушкина Бориса я слышалъ (отъ Розена, который тебѣ кланяется) удерживаютъ въ канцеляріи, пока не вышелъ «Самозванецъ»; а между тѣмъ въ напечатанномъ отрывкѣ Булгарина видно похищеніе изъ него. Помнишь мѣсто о Географіи? Пушкинъ хочетъ извиняться передъ публикою въ заимствованіи этихъ мыслей отъ Булгарина 4). Розенъ сказалъ, что они радехоньки, что тебя нѣтъ въ Россіи. Въ Пет. затѣвается пятидневная газета; сотрудники: Дельвигъ, Пушкинъ, Вяземскій, Сомовъ, Жуковскій, съ цѣлію дѣйствовать противъ Пол. и Булгарина. Ага! Какъ стали кусать ихъ, такъ поднялись; а намъ не помогали. 5) Ли-

тераторовъ—горсть; война великая поднимается въ журналахъ. Я два мѣсяца молчу, пока не выйдетъ мое большое дѣло, которое все еще не кончено; а потому и ты жди. Послѣ гряну. Дрожитъ струна негодованья, etc. Титовъ и Од. вѣрно передадутся къ той аристократической партіи газетѣ 6). Признаюсь, мнѣ больно. Кир. выѣзжаетъ 3 Января. Онъ вѣроятно станетъ участвовать также тамъ, какъ сектантъ въ душѣ. Впрочемъ я имъ очень доволенъ. И въ журналъ онъ далъ мнѣ коечто. Языковъ помогаетъ прекрасно. Барат. прислалъ. 4-я часть Грамматики вышла. Вотъ бы средство помочь Калайдовичу. Но эгоистъ подписалъ въ предисловіи только свое имя. Строевъ здѣсь. Какія чудеса разсказываетъ онъ о сѣверномъ краѣ! Цѣлые міры въ Россіи! Каковы Самоѣды тамъ, каковы Русскіе, чистые и несмѣшанные. Надеждинъ дѣйствуетъ, какъ истинный литераторъ. Повѣрь мнѣ: это надежда. И. И. Дмитріевъ прежде ругалъ его, а теперь ласкаетъ, ибо оба ненавидятъ Полеваго. Будь здоровъ. Прощай. Цѣлую Ромула.

1) Письмо Рожалина съ этимъ отзывомъ Бентама напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1830 г., подъ заглавіемъ: *О нынѣшней славѣ России въ чужихъ краяхъ* (ч. I, 116). Іеремія Бентамъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ правовѣдовъ Англіи, родился въ 1747, скончался 1 Іюня 1832 г. Статья Бентама была напечатана въ журналѣ *Scotsman*.

2) Въ выборѣ А. А. Писарева въ предсѣдатели Общества Любителей Россійской Словесности М. А. Дмитріевъ видитъ, что Обществу „нужна была поддержка, въ которой прежде оно не нуждалось". По его же свидѣтельству „при Писаревѣ пошли одни парады въ Обществѣ", и оно доживало послѣдніе дни своего существованія („Мелочи", 172).

3) По поводу этой слабости Н. А. Полеваго, П. М. Строевъ напечаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" слѣдующую алегорію: „Въ 1810 году, одинъ старожилъ-литераторъ, умирая, завѣщалъ мнѣ рукопись своего *Дневника*, въ которомъ разсказываетъ, что въ 1778 году онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что-нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого-нибудь знатока, и въ видѣ разговора выспрашивалъ, что ему нужно; а въ тоже время, его cousin, сидя за ширмами, записывалъ слышанное" (См. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева", стр. 145.)

4) По этому поводу Булгаринъ писалъ Пушкину (отъ 18 Февраля 1830): „Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина будто вы говорите, что я *ограбилъ* вашу трагедію Борисъ Годуновъ. Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи. Въ этомъ честью увѣряю. Мнѣ разсказывали содержаніе, и я признаюсь, не соглашался во многомъ" („Бумаги А. С. Пушкина". М. 1881, I, 29).

5) *Литературная Газета*, издаваемая барономъ Дельвигомъ, стала выходить съ 1 Января 1830 года. Послѣдній ея нумеръ, 72-й, Декабря 22 имѣетъ цензурную помѣтку „Февраля 4 дня 1831 г.", слѣдовательно вы-

шелъ, когда издателя не было уже въ живыхъ. Дельвигъ призналъ необходимымъ заявить, между прочимъ, что въ „газетѣ его не будетъ мѣста критической перебранкѣ. Критики, имѣющіе въ виду не личныя привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будутъ съ благодарностью принимаемы въ Литературную Газету". По свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, „корифеи" нашей литературы вооружились противъ Булгарина и к°, потому что эти господа „издѣвались и закидывали грязью всѣ высшіе, политическіе и нравственные идеалы", которымъ служили эти „корифеи", и нравственно и умственно развращали читающую публику („А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива" Спб. 1880, II, 52). Въ концѣ того же 1830 года, баронъ Дельвигъ писалъ Пушкину: „Литературная Газета выгоды не принесла и при томъ запрещена за то, что въ ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди истинно привязанные къ своему государю и чистые совѣстію ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданическія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопочутъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойные примѣрнаго наказанія, а я слыву карбонаріемъ." Это было послѣднимъ письмомъ барона Дельвига. Въ Январѣ, слѣдующаго 1831 года, онъ скончался. („Русск. Архивъ" 1880, II, 508).

6) Объ этой кличкѣ, *аристокрастическая партія,* князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Остафьева, 23 Января 1831 года, къ М. А. Максимовичу, когда Литературная Газета только что прекратила свое существованіе: „Охота вамъ держаться терминологіи вралей и вслѣдъ за ними твердить о литературной аристократіи, объ аристократіи газеты? Хорошо полицейскимъ и кабацкимъ литераторамъ, Булгарину и Полевому, горланить противъ аристократіи, ибо они чувствуютъ, что людямъ благовоспитаннымъ и порядочнымъ нельзя знаться съ ними; но вамъ съ какой стати приставать къ ихъ шайкѣ? Брать ли слово *аристократія* въ смыслѣ дворянства, то кто же изъ насъ не дворянинъ, и почему Пушкинъ чиновнѣе Греча или Свиньина? Брать ли его въ смыслѣ *недворянства, а благородства* духа, вѣжливости, образованности, выраженія, то какъ же рѣшиться отъ него отстраняться и употреблять его въ видѣ браннаго слова, въ слѣдъ за *санкюлотами* Французской революціи, ибо они составили сей словарь или дали сіе значеніе? Брать ли его въ смыслѣ аристократіи талантовъ, то-есть аристократіи природной, то смѣшно же вымещать Богу за то, что Онъ далъ Пушкину голову, а Полевому лобъ и Булгарину языкъ, чтобы полиція могла достать языка. Обвиняйте *Газету* въ блѣдности, въ безжизненности, о томъ ни слова: я стою не за нее и нахожу, что во многомъ вы справедливы. Но мнѣ жаль видѣть, что и вы тянете туда же и говорите о *знаменитостяхъ, объ аристократіи.* Оставьте это Сѣверной Пчелѣ и Телеграфу, но не принадлежащему шайкѣ ихъ неприлично марать свой ротъ ихъ грязными поговорками. Если мнѣ не вѣрите, спросите Кирѣевскаго: я увѣренъ, что онъ будетъ моего мнѣнія" (Пономаревъ, „Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія И. Ак. Наукъ за 1878 г." Спб. 1880, стр. 156—157).

LIX.

Moscou, le 12 aouut 1815.

Je l'avais bien deviné qu'il me manquait une lettre; j'en ai même perdu deux, les lettres 31 et 32, comme je le vois par le 33 qui m'arrive après 18 jours de lacune. Non, je ne le pardonnerai à votre polisson de commissionnaire, ni à la vie, ni à la mort, et je conjure m-lle de Modène *) de le fouiller et farfouiller de la tête aux pieds tant qu'elle lui fasse restituer son larcin. Si mes lettres vous sont parvenues, vous aurez bien vu que j'étais affligé de votre silence, mais vous n'aurez pas appris à quel point cela allait, et encore moins toutes les raisons que mon esprit cherchait, toutes les suppositions que mon imagination formait sur ce changement. Mad. votre tante recevait ses lettres directement, pourquoi n'était-ce que les miennes qui restaient en arrière? Étiez-vous fâchée de la recommandation pour Lintzi, fâchée au point de ne m'en pas écrire et de ne vous point expliquer? Étiez-vous une femme ordinaire, légère, changeante? Aviez-vous quelque chose de vif dans le coeur qui absorbât toutes vos idées? Ce quelque chose n'était-il point ce petit lord Walpole?.. Enfin je ne saurais vous dire tout ce qui m'a passé par l'esprit... Vous vous moqueriez de moi et de la jeunesse de ma tête... Cependant vous auriez bien tort de vous en prendre à elle plustôt qu'à mon coeur qui serait très en souffrance si nos relations se desserraient. Je regimbais à le croire, et c'est pour éloigner de moi cette affliction que ma tête travaillait à trouver des raisons bonnes ou mauvaises.

La France m'est en horreur par la mutinerie de ses habitants, et si les souverains alliés n'apprennent pas ce qu'il en coûte quand on permet à un peuple de faire une révolution et de changer ses loix en se livrant aux rêveries des idées libérales ou des principes phylantropiques, il faudra les plaindre de leur profond aveuglement. On ne veut pas de Louis 18; mais de quel droit n'en veut-on-pas? Si cela passe, et que les alliés l'autorisent, que pourra-t-on dire aux Autrichiens quand ils ne voudront pas de François 21, et aux Prussiens quand ils rejetteront Frédéric-Guillaume? Tout cela se tient par un lien bien sacré et bien serré.

---

*) La princesse Turkistannow avait une femme de chambre fort grande et ressemblante comme deux gouttes d'eau au c-te de Modène, ce qui fesait qu'elle l'appelait sa longue, et que nous la nommions m-lle de Modène.

Walpole vous dira que les Anglais n'en sont venus à leur constitution actuelle qu'en changeant de dynastie; mais ce n'est point un exemple à suivre, et rien ne prouve que les autres nations y gagneraient. La constitution anglaise peut convenir au pays malgré ses défectuosités; la génération présente en jouit, mais que n'a-t-elle pas coûté aux générations précédentes, et qui voudrait passer par où les Anglais ont passé pour arriver à ce point là. Lisez leur histoire: c'est celle des supplices et des conspirations sans cesse renaissantes, et dans leurs succès politiques il y a eu encore beaucoup plus de fortune et de hasard que de bien joué. Qui pourrait se flatter d'arriver aux mêmes résultats! Dailleurs, ce qui se soutient au milieu de l'océan et par la protection d'une marine incomparable en force et en adresse comme en bonne discipline, n'aurait pas résisté six mois sur le continent; et s'il y eût eu un chemin de Calais à Douvres depuis 20 ans, les Anglais eussent été conquis 20 fois, grâces à leur opposition et à leurs intrigues ministérielles. J'admirerai le gouvernement Anglais tant qu'il vous plaira, mais je ne conseillerai à aucune nation continentale de vouloir le prendre pour modèle, aux Français frivoles, légers et turbulents dans leurs passions, moins qu'à toute autre. Que deviendra cette France si on ne la dompte à la Louis Onze? C'est un abominable peuple et un pauvre sire de roi que tout cela!

Je reçois une lettre du comte de S-t Priest de Kaménetz; il me mande qu'il espère que son frère est de retour en France *de sa captivité de Tunis.* Il ajoute: „Cette avanture est bien bizarre, et „il faut convenir que mon frère a bien des malheurs singuliers; sans „doute vous avez entendu parler de tout cela". Je n'en savais pas un mot, et si vous en êtes instruite, veuillez me dire ce que c'est que cette captivité chez les barbares; cela ressemble tout-à-fait à un roman. S-t Priest était, je crois, avec le duc d'Angoulème lors de l'arrivée de Bonaparte.

LX.

Moscou, le 16 aoust 1815.

La disparition de Noaïlles et sa manière de prendre congé ne ressemblent à rien, ou plustôt ressemble à tout ce qui tient à cette horrible et odieuse France, dont je ne vous dis rien pour avoir trop à dire. J'espère que S-te Hélène a un château fort, où Napoléon sera renfermé, car s'il avait la liberté d'une isle, où quelque vaisseau relâche chaque jour, il trouverait bientôt le moyen de s'échapper.—Je ne dirai rien de votre résolution de ne point venir à Moscou cet hyver; j'en suis bien fâché assurément; mais quand je pense à la manière dont vous y avez passé les 4 ou 5 mois de l'automne dernier, je conçois l'horreur que ce séjour doit vous inspirer. Je voudrais pouvoir le quitter aussi, mais cela est impossible, vous le savez, et vous avez bien deviné le sujet du chagrin habituel qui me mine. Je vous en parlerai une autre fois, aujourd'huy j'écris un peu en l'air, étant attendu par des gens d'affaires auxquels j'ai donné rendez-vous. Or, il y a des sujets qu'on ne peut traiter que dans le calme de la pensée. Vous êtes la seule personne au monde à qui je puisse ouvrir mon coeur sans réserve, et rien au monde ne fonde une amitié tendre, solide et inaltérable comme ce sentiment-là. Je reviendrai là-dessus. En attendant je vous dirai que je ne crois pas l'état de mad. de Broglie dangereux pour le moment, mais il peut le devenir d'un instant à l'autre. Elle a une telle irritabilité de nerfs et une telle propension à la *fièvre étique* que la moindre contrariété la rend très-sérieusement malade. J'ai cru longtems que c'était l'humeur qui lui donnait l'apparence de la maladie; mais j'ai dû me convaincre que c'est l'inverse; et les fréquents retours de la fièvre, toujours marqués par les peines morales, me prouvent jusqu'à l'évidence qu'il n'y a que les soins d'un certain genre les plus soutenus qui puissent adoucir le reste de son existence. Meilhan l'assomma l'année passée en lui rendant, mot à mot, les phrases peu charitables et trop inconsidérées de mad. Tolstoï à mad. Apraxine. La raison n'a pas de prise sur l'amour-propre et la sensibilité blessée, et c'est un grand tourment que de raisonner un esprit qui n'est pas susceptible d'admettre la raison. Cependant, m'éloigner d'elle et me soustraire à l'existence pénible que j'ai dans sa société est une chose doublement impossible: d'abord parce qu'elle m'a inspiré une tendre amitié en m'aimant d'une amitié extrêmement tendre aussi; ensuite parce qu'elle n'a

plus que moi seul, moi seul et unique, pour la soutenir, la consoler et parler à son coeur: seul langage qui la soutient en effet et dont la privation la ferait succomber immanquablement. Il semble que l'on se soit donné le mot pour l'accabler depuis que mad. Tolstoï et Nathalie Abramowna se sont livrées à leur humeur médisante. Sous ce rapport Moscou n'est qu'un grand village: un propos matin y est adopté avec empressement, propagé, commenté et amplifié avec toute l'aigreur que donnent l'ennui et l'oisiveté; et l'on croit acquérir des droits aux égards des médisans en renchérissant sur leur coupable légèreté. C'est ainsi que tout à coup la société s'est écartée de Virginie pour faire une espèce de cour à mad. Tolstoï et à mad. Apraxine qui sûrement (pour cette dernière au moins) n'en tiendront nul compte. Le dernier incendie de l'hôtel Apraxine a rapproché mad. Apraxine de la p-sse Nathalie Troubetzkoï qui, quoique femme d'esprit, semble avoir eu la tête tournée des avances de mad. Apraxine, et de ce moment même a tourné le dos à Virginie, ne venant plus chez elle, ne l'invitant plus, et la dédaignant en toute occasion. En état de santé cela n'aurait paru que sot et ridicule; dans celui de maladie c'est un chagrin poignant. Je n'ai pas encore abordé les points les plus sensibles, mais je ne peux vous en dire davantage aujourd'hui. Le résultat est, que je me dois aux soulagements d'un corps malade et d'un esprit blessé, et aux dédommagements d'un coeur qui ne m'a jamais témoigné que tendresse et abandon sans me donner jamais un seul sujet de plainte.

Dites-moi ce que signifie le pèlerinage de la princesse Voldemar et de mad. de Strogonow à Kiew; est-ce simplement dévotion, ou bien cela couvre-t-il un projet, comme on a voulu me le faire croire?

LXI.

Moscou, le 19 aoust 1815.

Aujourd'hui je suis pressé, parce qu'il faut que je réponde au c-te Markow qui m'écrit de Carlsbad en date du 17 (29) juillet; il va à Egra, de-là à Vérone, Bologne, Florence, Rome et Naples. Sa santé paraît bonne; il a été à Weymar faire sa cour à mesdames les grandes-duchesses Catherine et Marie, où il a été comme de raison très-bien accueilli. J'ai bonne envie de vous copier ce qu'il me mande au sujet du prince N. en réponse à la copie que je lui avais envoyée de la seconde lettre de ce malheureux. „Je me réjouissais en „lisant dans vos premières lettres que vous n'entendiez plus parler de „certains gens et de certaine affaire; mais votre dernière a été un

„grand rabat-joye. Je suis fâché que vous n'ayez pas suivi votre pre„mier mouvement qui était de renvoyer celle que vous aviez reçue „sans l'ouvrir. Mais puisque vous avez succombé à la tentation, je crois „que vous avez eu tort de ne pas répondre, et voici comment je l'au„rais fait à votre place. J'aurais dit: qu'un homme qui a été capable „de voler et qui en a été convaincu, peut être présumé capable d'as„sassiner, puisque ces deux lâchetés se tiennent par la main, et que „s'il ne se repentait pas de son insolence et ne vous en demandait „pas pardon, vous dénonceriez ses deux lettres à la police de Moscou, „afin qu'elle surveillât sa conduite s'il avait l'audace d'arriver dans „cette ville. Et quoique vous ayez manqué le moment, je vous con„seillerais de vous expliquer dans ce sens avec la mère, et même avec „le père, s'il le faut absolument. Si vous répugnez à le faire directe„ment, vous pouvez emprunter l'entremise de mad. de Noiseville. Voilà „quel est mon avis, et je crois que vous ferez bien de le suivre. Ce „jeune homme manque autant de jugement que de principes, et je le „crois livré à jamais aux vices, dont il a contracté l'habitude, et toutes „les informations que j'ai prises à son sujet s'accordent à me confirmer „dans cette opinion".

J'ai le comte Panine chez moi depuis trois jours, et cela occupe aussi une bonne partie de mon tems; il partira demain pour Otrada. Vous ne sauriez imaginer à quel point j'apprécie de jour en jour davantage ma tranquilité à la maison! Quand je rentre chez moi, ou quand j'y passe la matinée, je suis on ne peut plus contrarié d'y être distrait par des visites, quelque aimables qu'elles soyent. C'est du calme et du silence qu'il me faut; c'est mon livre ou ma plume que je veux et non de la conversation. La gazette seule est bien-venue, quand même je suis occupé, parce que le moment est si important et d'un intérêt si grand et si général, qu'on ne peut s'empêcher d'éprouver de l'impatience sur la fin de tout ceci.

LXII.

Kamennoï-Ostrow, le 16 aoust 1815.

Mad. de B. a, je crois, 40 ans passé; il est donc possible aussi qu'elle soit dans un tems de crise, époque à laquelle les femmes sont exposées à beaucoup souffrir; mais aussi, quand elle est passée, leur santé se raffermit tout-à-fait. Espérez qu'il en sera ainsi. Qu'est devenu son mari pendant cette bagarre de France? Ses affaires sont-elles arrangées, et a-t-il recouvré sa fortune? Il me semble que les émigrés n'ont pas gagnée beaucoup à retourner dans leur patrie. Le duc de Polignac et la c-sse Diane ont agi avec sagesse en ne se pressant point de partir; il est probable même qu'ils resteront tout-à-fait en Russie, comme il se pourrait bien aussi que le duc de Richelieu nous revint: car rien n'est stable en France, et Dieu sait ce qui s'y passera quand les alliés en partiront. Les gazettes disent qu'on attend les Impératrices de Russie à Paris, cela n'est pas vrai du tout; au contraire, l'impératrice Élisabeth doit revenir en septembre, et l'Empereur en octobre. J'ai dîné huit jours de suite chez mad. de Litta qui était en retraite, et le soir je rentrais chez moi sans voir personne; je voulais éprouver, si la privation de la société me serait fort sensible; pas beaucoup, à vous dire vrai, mais cependant je n'en suis pas encore à en faire *le sacrifice volontaire*. Deux heures de la soirée, passées avec des personnes qui me conviennent, me font plus de plaisir qu'une journée entière hors de chez moi. J'ai plus besoin de causer le soir que le matin, et à tout prendre je vois que je suis loin d'être un fruit mûr pour la solitude. On commençoit à être dans l'étonnement de ma retraite chez mad. Gouriew et on en glosait déjà lorsque j'y suis retournée hier soir; j'ai tout mis sur le compte de mad. de Litta sans leur parler de mon épreuve, et cela a très-bien pris.

LXIII.

Kamennoï-Ostrow, le 19 aoust 1815.

Il est vrai que madame Labkow les derniers tems ne voyait pas beaucoup la princesse Boris sans qu'il y eût cependant aucune brouillerie. Je ne suis pas surprise qu'elle en parle comme elle le fait, cela se voit constamment dans le monde: les amitiés qu'on y forme sont à peu près toutes dans ce genre; le hasard les établit, un rien les dérange; si on voulait être vrai, on avouerait peut-être qu'on ne s'est jamais aimé. Notre chère princesse est dans ce cas, je crois, avec bien

d'autres que mad. Labkow. Lorsqu'on tient maison, qu'on donne des bals et des soupers, il est facile de se croire beaucoup d'amis; on peut conserver cette illusion toute sa vie, quoique rien ne soit moins fondé et qu'on puisse s'en convaincre à la plus petite épreuve. C'est une affaire d'intérêt qui aura refroidi ces deux dames. Mad. Labkow voulait avoir l'argent que lui doit le prince; celui-ci était en défaut, la princesse a pris fait et cause pour son mari, et de là sera venu l'éloignement. Quant à l'histoire des lettres de change signées par le gendre, j'en ai entendu parler aussi, mais la princesse me l'a nié formellement et s'est trouvée indignée de ce qu'on la croyait capable d'une semblable vilainie; le fait est cependant qu'elle doit 43 mille roubles à Potemkine et qu'elle va les payer incessamment, à ce qu'elle m'a écrit ellemême dernièrement; je n'avais aucune connaissance de cette dette. Je vous avoue que je suis très-fâchée qu'elle vienne loger chez Tatiana, parce que le public pourra croire qu'elle ne s'arrange ainsi que pour vivre aux dépends de Potemkine. Je le lui ai fait sentir même dans une de mes lettres, mais elle a fait la sourde oreille, et je me tiens tranquille. Comment mad. de Noiseville ne l'a t-elle pas empêché de prendre ce parti? Il me semble qu'il lui appartenait de faire cette réflexion plustôt qu'à moi, et elle m'a l'air de n'y avoir pas songé.

Je n'ai rien entendu dire de m-r de Markow, et vous avez toute raison de croire faux ce qu'on vous en a appris. Jamais il ne sera plus question de lui; son tems est passé, et les annales politiques ne feront plus mention de son nom; il y a des gens qui sauraient y mettre ordre, à supposer même que l'envie de le rappeler en vint au maître. Vous avez été le premier à me donner des nouvelles de Tolstoï, car personne ici n'en a eu depuis son départ. Eudoxie n'en savait pas un mot. Gouriew a écrit en dernier lieu de Meaux et ne parloit pas de son beau-père; je suis très-impatiente de savoir quelle sera sa destination; restera-t-il comme ambassadeur ou bien à la tête du corps de troupes qu'on laisse en France? Le congrès aura lieu à Paris, toutes les gazettes l'annoncent; si Tolstoï en est, vous aurez des nouvelles de première main. On parle fort de la réorganisation prochaine de l'armée française.

Il y eut avant-hier une jolie fête dans le voisinage chez le prince Alexandre Soltikow: un bal masqué d'enfants, où les grandes personnes ont figuré également. On dit que c'était charmant. Ma soeur et Tatiana y étaient et se sont fort amusées. Pour moi je passai la soirée chez mad. Gouriew avec Troubetzkoï et sa femme et Galitzine du Synode; cette société me convenait à merveille. Aujourd'hui je dîne encore

là, parce que m-r Gouriew est à Pawlowsky. J'ai oublié de vous dire que Bloome est parti pour le Danemark; son roi l'a rappelé, parce qu'il voulait lui faire faire cette campagne.

LXIV.

Moscou, le 26 aoust 1815.

Vous me demandez ce qu'est devenu le comte de Broglie; il est resté à Paris, où selon toute apparence il aura nagé entre deux eaux selon que son caractère l'y porte. Le tems nous apprendra ce qu'il en résultera pour lui; il a emporté tout l'argent qu'il a pu et il ne cesse d'en demander encore; sa pauvre femme travaille plus que ses forces ne le lui permettent pour faire face à tout et réparer les anciennes brèches. Je crois qu'elle ira à Pétersbourg quand l'Empereur y sera revenu, et je le désire infiniment comme une distraction forcée qui la sortira de ce triste Moscou où on lui a fait tant de mal. Vous jugez bien que je ne l'y accompagnerai sûrement pas: on n'a que trop mêlé nos noms pour son repos; je ne l'exposerai pas à ce que les mêmes caquets le suivent à Pétersbourg.

Je suis indigné des ménagements qu'on garde envers ce monstre de Corse qu'il fallait fusiller sans autre forme de procès. Je suppose qu'en lui ôtant ses pistolets c'est une épigramme qu'on à voulu lui faire. Pourquoi lui laisser tant d'or et d'argent? C'est pour lui donner le moyen de gagner ses surveillants. Sa première escapade a coûté bien du sang, et l'on semble vouloir s'exposer à beau plaisir à une seconde tragédie de ce genre. On ménage aussi tous ses agens, et peut-être que le seul Labédoyère, jeune écervelé qui ne sait que vociférer, payera pour tous les grands coupables, tels que Carnot, Cambacérès, Ney, Sieyès, Davoust, Masséna, Suchet, Caulincourt, Bertrand, Savary *et ce fameux Fouché* qui ont entre eux de quoi bouleverser la France une dernière fois encore. On laisse à madame Murat des sommes effrayables; elle habitera aux portes de Vienne, cela paraîtra magnanime, et vous verrez que chacun voudra avoir une de ces reliques auprès de soi... Soyez bien sûre que la révolution n'est pas finie; l'expulsion de Bonaparte n'est autre chose que ce qu'était la ruine des Girondins, et plus tard la mort de Robespierre, c'est-à-dire une faction usée et chassée. Mais le principe est là, il est de bout et marche d'un pas égal et sûr. Si on lui barre un moment le grand chemin, il prend les sentiers la-

téraux; si on le force à cacher son visage hideux, il met un masque et prend tour à tour celui de la générosité, de la clémence et même de la soumission... Ah, nous ne sommes pas au bout des malheurs de l'Europe; la manière dont on agit dans cet instant décisif ne le prouve que trop. Mais peut-on comprendre un aveuglement aussi général! Peut-on imaginer que dans tous les cabinets des souverains alliés, il ne se trouve pas un homme d'état capable de faire sentir le danger imminent auquel on s'expose! De le faire toucher au doigt et à l'oeil à ceux qui sont les premiers intéressés à l'éviter et à s'en préserver! Cela me semble l'effet d'un jugement de Dieu Qui veut appesantir Sa main sur nous. Ah, que je suis heureux de n'être plus jeune, de n'avoir ni enfant ni famille, et que je plains ceux qui sont dans le cas de prévoir ce qui arrivera dans 30 ans d'ici... et qui sait, si les choses tiendront 30 ans encore!

En attendant on s'amuse à Sima comme s'il n'y avait rien à craindre, et l'on y a eu 23 voisins à passer la nuit dernièrement. Cela est bel et bon; mais ce que je ne conçois pas et ce qui est pourtant bien certain, c'est que l'horreur du vide a fait rappeler le prélat monsignor Badossi. La princesse, craignant que son éloquence n'échouât contre les souvenirs de Lyscova, a fait écrire, le prince aussi; on a pressé, conjuré l'aimable Badossi de venir passer le reste de la saison *chez ses amis*; il est venu tout courant me faire part de ce triomphe, en me demandant mes ordres, et le voilà parti. J'ai mandé à mad. de Noiseville que cela me paraissait aussi extraordinaire que Fouché à la cour de Louis 18 et que c'était le même scandale *au petit pied.*

Je vous demande avant tout, si vous ne croyez pas mad. Labkow un peu bien bavarde et commère quoiqu'elle se targue dêtre votre tante? Je la juge telle d'après tout ce que je lui ai entendu dire. Je ne savais point que malgré le retour des gardes la princesse Boris logerait chez Tatiana. Cela me paraît comme à vous fâcheux sous plus d'un rapport, et mad. de Noiseville était bien de ce sentiment quand la chose fut résolue, car elle m'écrivit: „nous pourrons jouer la comédie des femmes, et nous serons bien heureuses si nous nous en tirons sans nous prendre aux cheveux“. Ensuite au retour des gardes elle me parut fâchée que cela n'est point fait changer le plan de mèner la famille. Mais je crus que dès que Potemkine restoit, la belle-mére irait loger chez elle. Vous verrez comme on se chamaillera si Kourakine continue ses conseils surtout. Tenez-vous de côté en toute prudence et persévérez dans ce parti. Je vous donne un conseil que je n'ai jamais su prendre pour moi-même: l'envie de parer ou prévenir un mal m'a souvent fait faire un office d'amitié en pareille circonstance,

mais je n'ai jamais manqué de m'en mordre les doigts. Vous croyez bonnement que si Tolstoï est du congrès, j'aurai des nouvelles de la première main? Vous imaginez peut-être qu'il m'écrivait? Détrompez vous. Il m'a écrit de Bialostok pour me charger d'envoyer ses paquets à sa femme, et cela est bien fini. Jamais homme n'écrivit moins volontiers que lui; je pense même qu'à sa femme il ne dira rien des affaires. Je crois toujours qu'il sera ambassadeur et général des troupes tout à la fois.

C'est selon moi fort heureux que la princesse Catherine ait la goutte; cela fixera ses humeurs histériques. Sophie est à Lgova comme vous l'avez très-bien deviné; elles y fait la pluye et le beau tems aussi bien que le sieur Meilhan; ils s'aiment comme deux pauvres, je suis bien aise de vous le dire, sans commérage pourtant et en tout bien tout honneur. Titow a voulu m'enrôler hier pour ce Lgova, où l'on célèbre la fête de m-me Apraxine; je n'ai pas pu prendre sur moi de faire cette course, par les raisons qui m'empêchent de quitter Moscou et puis parce que je ne suis pas assez lié avec m-me Apraxine qui pourtant ne cesse de m'inviter en toute occasion, et encore parce que je ne voudrais pas aller sous les auspices de Titow.—J'ai lu quelques gazettes qui n'apprennent rien de nouveau, si ce n'est le mariage de Fouché avec une castellanne, et le roi qui signe au contrat... Voilà une famille et un monarque, que je ne comprendrai jamais. Il n'y a plus d'honneur en France, chère princesse, il n'y a plus de pudeur, plus d'idée des bienséance et des convenances. Une femme de qualité épouse un régicide! Je n'aime pas non plus les visites à Oudinot; mais n'a-t-on donc pas assez éprouvé le cas qu'on peut faire de ces gens-là et à quel point il faut peu compter sur eux au besoin? Comment ne pas écarter, aujourd'hui qu'on est en force, tous ces agens de révolution! Comment ceux qui ne sont pas forcés de les voir, ainsi que l'est peut-têtre ce malheurex Louis 18, consentent-ils à leur parler? Comment va-t-on chez eux? Quel étonnant attrait ont-ils donc pour ceux que leurs prinçipes cherchent à renverser? Cela me semble inexplicable. Je les compare à ces autels de Baal, où les rois d'Israël retournaient sans cesse sacrifier, malgré tous les avertissements des prophêtes et les punitions sévères de l'Éternel sur leurs peuples. En vérité, c'est un aveuglement du même genre, un endurcissement de coeur, qui nous amènera enfin quelque grande calamité.

Vous m'étonnez de regretter Bloome, je l'ai connue dans un tems où il était assez peu regretable, mais on change en viellissant. Dites-moi, si le bon duc de Serra-Capriola est de retour et comment est sa santé? Est-il vrai, comme on le mande, à Meilhan, que le roi ait envoyé cent mille francs au duc de Polignac et cinquante mille à la

c-sse Diane; cela seroit assurément très-bien fait, mais j'ai quelque peine à le croire à moins que le mariage du duc de Berry n'ait lieu véritablement, auquel cas le duc de Polignac devrait peut-être y figurer momentanément comme ambassadeur. Mais on assure, au contraire, que notre grande-duchesse épousera le prince d'Orange, et je le voudrais cent fois plustôt qu'un prince destiné à régner sur une aussi détestable nation. D'ailleurs on dit que le duc de Berry épouse l'archiduchesse Léopoldine, soeur de Marie-Louise. Il faut avouer que ces princesses d'Autriche ont du courage, si elles prennent encore des Français. Ce serait une manière pour le duc de Berry de devenir beau-frere de Napoléon, et c'est toujours cela. Comme j'aurais jetté ce monstre-là dans la mer, si j'eusse été Maitland! Que dit Walpole des honneur qu'on lui a rendu à bord d'un vaisseau anglais? Adieu, tout à vous.

LXV.

Kamennoï-Ostrow, le 23 août 1815.

J'ai trouvé fort plaisant que vous m'ayez supposé dans le coeur *quelque chose de vif qui abhorre toutes mes idées*, et surtout que ce quelque chose fût Walpole! Mais vous êtes fou, croyez-vous donc que je m'en occupe beaucoup? Eh mon Dieu, ce n'est que quand je le vois, et il se passe souvent huit jours sans que je l'apperçoive, et au bout de ce tems je n'éprouve pas le moindre besoin d'aller le chercher, je vous assure. Si je le rencontre c'est fort bien, sinon je n'y pense guères. J'aime beaucoup sa conversation, elle est piquante, aimable et souvent fort à mon gré; cependant il arrive quelquefois que de toute une soirée je ne lui dis pas un mot et que dans le salon de mad. Gouriew nous sommes, lui dans un coin, moi dans un autre, sans nous donner la peine de nous rapprocher. Voilà mes relations avec lord Walpole, et vous conviendrez qu'elles ne sont pas *vives*; rien de semblable n'est plus mon fait. *My time is finished*; j'avais voulu graver ces mots sur un cachet une fois, afin d'en persuader le peu de gens qui prennent intérêt à moi; mais je ne sais plus ce qui m'en a empêché; c'est peut-être que cette devise me ramenerait à de cruels souvenirs qu'il serait dangereux de faire-revivre, chaque fois qu'on cachetterait un billet ou une lettre.—Comment ne vous-ai je pas mandé la mésaventure de Louis de S-t Priest; il faut qu'elle m'ait entièrement

passé de la tête. Lorsqu'il eut quitté le duc d'Angoulème, il fut à Toulon où il s'embarqua pour l'Espagne, et le bâtiment sur lequel il se trouvait fut pris par un corsaire qui le menat droit à Tunis pour le vendre. On l'exposa au marché, mais personne n'en voulut faire l'emplette à cause de sa mine chétive et de son extrême maigreur. Son maître le fit donc travailler comme un esclave et avant qu'il eût pu écrire de côté et d'autres, il passa d'assez rudes moments. Cependant le gouvernement de Tunis ayant eu connaissance de ce qu'il était, le fit délivrer bien vite; on donna la bastonnade sous la plante des pieds à celui qui l'avait pris et à celui qui l'avait exposé en vente, et cela a fini l'histoire. Mais qui sont ces gens-là, c'est ce que j'ignore. Un de ces jour je me ferai conter toute cette affaire par S-t Victor, neveu de S-t Priest qui est attaché ici à l'ambassade française et qui vient souvent voir ma soeur. La dernière gazette annonce que messieurs Fouché et Talleyrand ont été renvoyés et que le duc de Richelieu est ministre des affaires étrangères. Est-ce vrai? N'est-ce pas vrai? Nous le saurons bientôt. Il nous est arrivé un courrier qui apporte la nouvelle du mariage arrêté à Paris de notre grande-duchesse Anne avec le prince d'Orange. Cela fait sans contredit un parti très-distingué et que, dans l'état présent des choses, je préfère au duc de Berry. Cette nouvelle m'ayant été dite tout bas, je vous la passe de même à la sourdine. Je suis bien aise à présent que la princesse d'Angleterre ne l'ait pas épousé; j'aime mieux que ce soit la nôtre qui est une charmante personne, parfaitement élevée, parfaitement instruite et fort agréable en général. Cet évènement nous aménera, je suppose, un hyver très-bruyant, et je frémis d'avance à l'idée de toutes les fêtes que nécessite une noce. Mais il ne faut pas anticiper sus le tems. A chaque jours suffit sa peine. Il en arrivera ce qui pourra. On prétend que les souverains alliés auront fini leur besogne à la mi-septembre et s'en retourneront chacun chez soi, ce qui me fait croire qu'on abandonnera la France à son sort.

LXVI.

Moscou, le 30 aoust 1815.

Nous ne connaissons jamais bien notre propre coeur! Le vôtre est tendre, sensible et aimant; qui peut vous avoir appris les bornes de sa susceptibilité à recevoir des impressions vives? Hélas, ne nous vantons jamais de rien et défions-nous de nos facultés aimantes sans les braver et les donner pour éteintes. A peine pouvons nous gouverner les volontés qui dépendent de nous; comment réglerions nous le plus indépendant des sentimens? Lui refuser tout aliment est tout ce qui dépend de nous, mais l'empêcher de naître passe notre pouvoir. Vous parlez de vous-même très-mal au physique comme au moral: *my time is finished*, dites vous, et puis un peu plus bas: j'engraisse et j'en suis désespérée, je crains l'apopléxie où l'embonpoint conduit.... Eh bon Dieu, chère princesse, ne devait-on pas que vous êtes madame Chépélow, la tante de Théodore, comme vous vous arrangez! Voudriez-vous donc ressembler à Louis de S-te Priest que les Tunissiens n'ont trouvé bon ni à bouillir, ni à rôtir: tant il est maigre et chétif? Laissez venir l'embonpoint, c'est une belle et bonne preuve qu'on se porte bien, et gardez-vous surtout de rien prendre pour prévenir cette disposition, car ce serait jouer à ruiner votre estomac. Cependant, si vous croyez que l'exercice y mettra ordre, vous vous trompez; à moins qu'il n'excède vos forces, ce que je ne pense pas que vous soyez jamais dans le cas de faire. L'exercice modéré contribue à la santé; et la santé, je le répète, prend l'embonpoint pour enseigne.

Je suis ravi du mariage de madame la grande-duchesse Anne, que m-r Miatlew m'avait mandé aussi. J'imagine qu'on regarde avec raison l'Orange comme plus solide sur sa tige que cette fleur de Lys devenue si difficile à enraciner. La France me fait horreur de plus en plus. Cependant je sens un mouvement de joye et une lueur d'espérance quand je lis sur les gazettes que Fouché et Talleyrand ont été renvoyés du conseil du roi. Si cela était vrai, je pourrais croire qu'on en veut revenir aux principes et que par conséquent on sévira contre le crime et la trahison. J'ai reçu une lettre du marquis de La Maison-fort du 26 juillet. Il me dit à mots couverts que le roi est entouré de traîtres, et que ces traîtres sont pourtant les meneurs; il désigne ces deux ministres sans doute et gémit sur la faiblesse qui ne sait ni écarter la trahison, ni punir les traîtres. Il paraît par les gazettes que les alliés

se sont chargés de cette dernière besogne, et je ne doute pas qu'ils ne la remplissent bien. J'aime ces cosaques qui donnent contre ces brigands; ils ne les arrêtent pas, ils les tuent, et cela évite les fraix de la procédure. Enfin, pendant 26 ans, les Français, aux termes de l'Écriture Sainte, ont amassés des charbons ardents sur leurs têtes, et ces charbons les consument aujourd'hui. La justice divine est lente quelques fois, mais toujours inévitable. Brune se brûle la cervelle, digne fin d'un scélérat de cette espèce. Ney est arrêté, Joseph et Jérome de même, Maret aussi. Puissent-ils trouver la peine de leurs forfaits! On ne dit point ce qu'est devenu Caulincourt; il finira mal quelque jour, je n'en fais nul doute.

LXVII.

Kamennoï-Ostrow, le 30 aoust 1815.

Je vais vous donner quelques nouvelles de ce qui se passe en France, apportées par un vaisseau arrivé de Londres à Cronstadt en douze jours. Quoiqu'on jouisse à Paris d'une espèce de tranquillité, la machine est encore loin d'aller au gré des vrais amis de la patrie. L'orage gronde encore sur les têtes, et la France est toujours en proye aux dissentions et à l'esprit de parti qui lui a causé tant de maux. Il n'y a presque pas de jours qu'on ne soit témoin de quelque rixe affreuse et qui souvent ont lieu sous les fenêtres du roi. Une mesure de rigueur vient cependant d'être mise à exécution. Labédoyère a été fusillé. Le Conservateur vous aura instruit de la séance à laquelle on l'a fait comparaître, ainsi je ne vous parlerai que de sa mort. Il l'a subie avec un très-grand courage, mais on prétend qu'avant de mourir il a fait des aveux très-intéressants et qui éclaircissent beaucoup de choses concernant le retour de Napoléon. Peut-être lirons nous cela un jour. Mad. Labédoyère qui était mademoiselle de Châteleux, soeur de mad. Roger-Damas, charmante personne, à ce que dit la princesse Dolgorouky qui l'a beaucoup connue, a été se jetter aux pieds du roi pour demander la grâce de son mari, mais elle a été refusée: le roi a dit que le crime de Labédoyère en étant un de lèze-nation, il ne pouvait que laisser agir les loix. Pendant que cette malheureuse femme était aux Tuileries, tout finissait pour son mari. Plusieurs commandants des places fortes ont refusé d'obéir aux ordres du roi pour la remise de leurs places. L'anarchie continue dans plusieurs départements, et les persécutions qui ont lieu dans le Midy semblent annoncer de

nouveaux malheurs pour ce pays-là. Je vous assure que je plains le roi de tout mon coeur, car sa position est la plus cruelle du monde. Le duc d'Orléans est retourné en Angleterre, il n'a été que quelques jours à Paris; le roi ne veut pas l'employer d'ici à quelque tems; je suppose que c'est pour le laver des soupçons, qu'on avait jettés sur lui. Il a eu une longue conférence à Londres avec le prince-régent. Bonaparte vogue à ce moment vers S-te Hélène; quelque château fort qu'il y ait là pour l'enfermer, je crois que la France ne sera jamais tranquille aussi longtems que son existence vivifiera l'espoir de ses partisans.

On m'a fait une chambre d'un bleu pâle et une autre d'un joli vert. C'est assez bien fait. En sortant du château, Basile Dolgorouky m'a menée chez monsieur menuisier, où j'ai fait l'emplette d'un meuble entier. Deux divans, six petites chaises, deux petits fauteuils, deux autres chaises plus grandes, le tout en bois rouge et tapissé d'un damas vert bien passé que je vais faire ôter pour y substituer une jolie étoffe. J'ai payé tout cela 275 roubles; je trouve que c'est pour un morceau de pain. Comme on travaille dans la maison Potemkine à une chambre pour l'enfant qui va venir, nous demeurerons ici jusqu'au 15 VII-bre pour le moins. Tout le canton décampe. Katiche Soltikow, Basile Dolgorouky, le baron Strogonow l'aveugle partent demain; il ne nous reste que la maison Gouriew et la mère Dolgorouky chez laquelle je veux allez dîner demain.

LXVIII.

Moscou, le 6 septembre 1815.

La mort de Labédoyère est un vrai soulagement pour les gens honnêtes et qui redoutent les conséquences d'une impunité qui enhardit le crime. Dieu veuille que notre prince de la Moskwa ait le même sort: il le mérite bien plus encore que ce fou de Labédoyère qui n'était qu'un innocent à côté de Ney, Soult, Suchet, Caulincourt, Cambacérès, Savary, L'Allemand etc. etc. etc. Il me tarde d'apprendre ce qui arrivera d'eux tous.

LXIX.

Kamennoï-Ostrow, le 6 septembre 1815.

Vous me dites qu'à la place de Maitland vous auriez fait faire le culbute au Corse; mais il ne le pouvait pas, car il avait des ordres du gouvernement qui paraît vouloir garder certains ménagements. Croyez que nous entendrons encore parler de Napoléon, quelque gardé qu'il soit. En attendant, rien ne s'appaise en France. A Toulouse on a massacré un général Ramel sans autre grief que celui de le savoir royaliste. Laval et sa femme viennent d'arriver; ils disent à peu près ce que disait S-t Priest: la démoralisation en France est portée au comble; les gens du fauxbourg S-t Germain dans la plus haute dévotion, tout le reste ne servant que le diable. Ils se sont trouvés à Paris au moment où le roi a été obligé d'en sortir. Laval défend beaucoup m-r de Blacas; il prétend que s'il avait été à la tête de police, les choses auraient été prévues et parées. Je n'en crois pas un mot, il me semble que m-r de Blacas n'a jamais rien vu, encore moins deviné. Au reste, le mari et la femme, malgré les honneurs qu'on leur a rendu, sont fort aises de se retrouver sous l'aile de la bonne maman Kozitzky qui va payer leur voyage. On avait dit ici que le roi avait envoyé 30 mille francs au duc de Polignac et assigné une pension de 6 mille francs sur sa cassette à la comtesse Diane. Lise Kourakine qui les voit tous les jours n'en sait rien; mais si la chose est vraye, vous l'apprendrez sûrement par mad. de Noiseville.

La lettre de l'Empereur ne parle que de la grande revue qui doit avoir lieu près de Châlons, après laquelle une grande partie de nos troupes reprendra le chemin de la Russie. Le courrier a apporté aussi une lettre du prince d'Orange qu'on dit charmante. J'en suis bien aise, car je me suis prise de sentiment pour ce futur époux; il nous arrivera dans six semaines.

LXX.

Moscou, le 13 septembre 1815.

Nous avons ici m-r Dawidow revenant de Paris, qui dit que tout y est plus tranquille que les gazettes ne l'annoncent. Dieu veuille que cela puisse durer après le départ des alliés. Les Prussiens semblent au reste vouloir faire longtems encore la police en France et y occuper plus d'une province pour des années entières. J'aime mieux que ce soit leurs troupes que les nôtres qui à la longue pourraient bien s'y corrompre au milieu de cette nation démoralisée.

Les Français font toujours des calembourgs qui les consolent de tout, en les faisant rire; car rire est l'âme et la vie des Français. Ils disent: les alliés sont en régle et agissent conséquemment, ils ne nous demandent des contributions qu'après nous avoir donné *un gros revenu*. C'est ainsi qu'ils désignent le roi. Quand ils parlent des Russes, ils disent: nos amis les ennemis. Ils se plaignent seulement que les cosaques sont trop laids et que leurs visages barbus font avorter les femmes enceintes partout où on en loge.

LXXI.

Kamennoï-Ostrow, le 13 septembre 1815.

Je ne vous écris aujourd'hui, cher Christin, que pour que vous ne soyez pas 10 jours sans lettres, car je ne peux vous parler que de mon extrême affliction. Il a plut à Dieu de retirer de ce monde mon excellent ami m-r de Swistounow, qui vient de mourir aux bains du Caucase où il comptait rétablir sa santé qu'un travail assidu avait considérablement altérée. Il est parti d'ici le 11 de juin, et le 16 d'aoust il à terminé sa carrière. Une fièvre nerveuse, contre laquelle ses forces physiques n'ont pu lutter, l'a enlevé au bout de 14 jours. Il avait gagné cette maladie d'un peintre français nommé Pringuet qu'il avait mené avec lui; en le soignant il a pris son mal et il s'est trouvé victime de son humanité. Je perds en lui un homme qui m'a été bien sincèrement attaché et qui avait en moi une confiance sans bornes. Il n'était pas heureux, et souvent j'ai eu le bonheur de lui offrir quelque consolation; de son côté il m'a été souvent aussi très-utile. Vous devez vous souvenir que je vous en ai parlé plusieurs fois dans le tems où ma

soeur était malade; je crois vous avoir dit qu'il exerçait à mon égard la même charité que vous aviez exercée envers moi l'hyver dernier, quand vous veniez nous voir tous les jours. Ce cher homme a fait tout de même; lorsqu'il m'arrivait de ne savoir plus que dire à ma soeur, je le faisais chercher pour lui parler; il arrivait tout de suite et tâchait de faire entendre raison à la malade; bien des fois il y est parvenu, en la prenant par la morale religieuse; il était d'une piété exemplaire et sans la moindre bigotterie; enfin, c'était une âme qui correspondait avec la mienne sur bien des points, et toute ma vie je le regretterai par rapport à moi-même. Combien j'ai cherché à le dissuader d'aller dans ce vilain pays! Je lui proposais toujours Baden, et lui s'obstinait à vouloir le Caucase me donnant mille exemples de gens qui en étaient revenus guéris. Il semblait que je prévoyais que ce voyage lui serait funeste; je ne cessais de lui représenter que c'était un séjour malsain et tout-à-fait désagréable. Je n'ai pu le persuader; il est parti avec une satisfaction et un empressement tout particulier. Hélas! c'était pour y chercher la mort. Je lui avais écrit une fois depuis son départ et j'attendais sa réponse, quand Mercredy, me trouvant chez la p-ese Dolgorouky, quelqu'un arriva et annonça que mad. Swistounow viendrait passer la soirée, en ajoutant qu'elle était très-inquiète de son mari qui se trouvait malade. Elle arriva bientôt après et ne put rien m'apprendre, sinon que le valet de chambre de son mari avait écrit à l'intendant de la maison que leur maître se trouvait malade, sans donner aucun détail. Je la voyais très-inquiète. La princesse Dolgorouky lui proposa un boston pour la distraire, elle accepta la carte, et je me retirai, en lui disant à l'oreille que je l'irais voir le lendemain matin. Ce lendemain qui était Jeudy, je puis vous assurer que je me revéillai avec l'idée que Swistounow était mort; en allant en ville, je ne pouvais penser à autre chose. A midy je fus à la porte de mad. Swistounow; on me laissa monter; j'entrai dans son salon et je l'entendis crier à son frère que j'aperçus le premier: *N'achevez pas!* Ce mot m'apprit le malheur arrivé, et je ne puis vous rendre ce que me fit éprouver la confirmation d'une chose que j'avais pour ainsi dire arrêtée dans ma pensée! Je n'ai pas quitté mad. Swistounow de toute la journée; nous sommes restées tête à tête. Tout ce que la douleur la plus vraye, la plus profonde peut faire dire, elle l'a dit. En vérité, elle m'a brisé le coeur; combien les regrets d'une femme, qui a peut-être quelques torts à se reprocher envers un mari doux et patient, sont différents des regrets ordinaires! Il est impossible de se les représenter, si on ne les a vu. Je n'ai jamais eu aucune relation avec mad. Swistounow, elle n'a été pour moi qu'une connaissance extrêmement superficielle et légère; l'amitié

qui me liait à son mari ne m'a jamais rapproché d'elle; mais dans ce moment elle m'inspire le plus tendre intérêt. Je la vois continuellement et pour cela j'ai été coucher deux fois en ville. Le premier jour je lui ai fait voir ses fils, dont l'aîné est aux Iésuites et l'autre chez elle. Ce matin j'ai été à l'institut de S-te Catherine prendre ses trois filles et les lui mener. Cette entrevue a été déchirante; j'ai laissé les petites chez elle, et je suis revenue à la campagne pour voir ma soeur que j'avais quittée hier matin.

LXXII.

Moscou, le 20 septembre 1815.

Vous saurez déjà l'affreur incendie de Casan qui a consumé deux mille six cents maisons; quinze églises et couvents, les archives, magazins, dépôt du gouvernement etc. etc. etc. Ces accidents-là me consternent toujours. Vous savez aussi l'affreux assassinat de Desrossi à Arckangelsky, par le concierge du château. Cela fait frisonner, et les détails en sont attroces.—Mad. de Noiseville est sur le grand chemin de Liskova où elle va chercher Lize Troubetzkoï à qui la grand-maman de Géorgie a permis de passer l'hyver à Pétersbourg. Il faut convenir que pour une femme qui entre dans l'âge où l'on aime le repos et où l'on fait cas de la tranquillité, mad. de Noiseville prouve une bonté et une complaisance admirable. Elle part en caléche lestement et fait 4 ou 5 cent vertes comme un feld-jäger. On doit bien l'aimer dans cette famille, car elle se montre propre à tout et prête à tout.

Nous avons ici le comte Strogonow depuis 8 jours, et je ne le sais que d'hier: cela vous prouve la vie que je mène. Nous avons aussi m-lle Lounine, surnommée Corinne, que je n'ai jamais vue. Pour celle là j'en prends mon parti, on la dit si merveilleuse que cela ne m'irait point du tout; et puis je ne sais pas *admirer en dehors*; je sens, j'apprécie, j'aime les gens quand ils le méritent; mais je suis l'homme le moins propre à leur jetter à la figure les sentiments qu'ils m'inspirent ou même les sensations qu'ils me font éprouver. Or, si j'allais rester froid devant les accents de m-lle Lounine il y aurait de quoi me perdre de réputation à tout jamais. Nathalie Abramovna est malade; c'est une indigestion, un accès de fièvre, cela ne sera rien, mais cela a commencé si violemment qu'elle a eu peur au point de faire chercher son fils, de lui dire des tendresses et de faire un présent de cinq mille roubres à la petite d'Alexis Michaïlitch. Celui-ci pour prouver sa

sensibilité a refusé d'aller Vendredy à Lgova où il devait jouer la comédie; la maman Abraham pleure de tendresse en parlant de ce sacrifice filial. Rien n'est si touchant, si attendrissant que cette reconciliation, en attendant qu'ils se prennent aux cheveux quand la peur sera passée d'un côté et la reconnaissance de l'autre. Vous allez dire que je suis bien méchant; mais je ne dois rien à Nathalie Abramovna qui déchire à belles dents mes amis quand elle en trouve l'occasion. Elle est la fontaine de médisance, et peu de personnes regretteront de la voir tarir.

LXXIII.

Kameunoï-Ostrow, le 16 septembre 1815.

Je vous dirai un mot sur la France. Cela va mal autant que possible; il n'y a que quatre ou cinq départements qui soyent en règles, tout le reste est insurgé. Dans le Midy, les rebelles ont fort maltraité un détachement Autrichien; le meurtre de Ramel en amènera encore d'autres; on parle de raser Strasbourg et quelques forteresses sur le Rhin. Les alliés à l'exception de la personne de notre Empereur sont détestés. Fouché a demandé sa demission au roi et a été refusé; on dit la même chose de Talleyranden, il paraît que rien n'est changé dans ce ministère; ce qu'on avait dit était faux. La plus part des maréchaux se sont refusés à juger leur confrère Ney. Moncey a été destitué sur le refus qu'il a fait de présider la commission. C'est Jourdan qui la préside. Il a paru dans la gazette de Hambourg une justification de Ney que vous verrez dans le Conservateur.

LXXIV.

Moscou, le 23 septemre 1815.

Je suis encore persuadé que si Louis 18 voulait être royaliste ferme sur les principes, et non constitutionel vacillant et livré aux idées libérales, ce poison qui a perdu l'Europe et qui remplit le couer du roi depuis 30 ans, il pourrait rétablir l'ordre en France. Mais que peut-on attendre d'un homme qui sur son trône reconnait et fait exécuter les décrets des tems les plus désastreux de la révolution, citant et expliquant au maréchal Moncey les loix de Frimaire ou brumaire an 5 de la république, comme si sa pleine autorité n'était pas suffisante pour punir une rebellion à ses ordres! Il date ses décrets

de la 21 année de de son règne, et selon moi il a raison, c'est ne pas reconnaitre un mot de ce qui s'est fait depuis la mort de Louis 17. Mais alors il faut être conséquent et ne pas nous parler des loix du Directoire. Mon Dieu qu'il est mal, ou perfidement conseillé et qu'a-t-on besoin de conseil pour raisonner selon les règles d'une saine logique? Que Dieu l'assiste et assiste toute l'Europe qui me semble menacée d'une révolution générale que les idées libérales nous amènent à grands pas. On ne sait où l'on va; et c'est une vérité bien connue qu'on ne va jamais si loin que quand on ne voit pas un but ferme et positif, qu'on se propose de ne pas dépasser. Toutes les têtes fermentent, toutes les idées saines et fondées sur l'expérience sont surannée, on prétend faire mieux que nos pères et on verra que le mieux est l'ennemi du bien. Prions Dieu et résignons - nous. Nous sommes sans postérité, et c'est une bénediction par le tems qui court.

LXXV.

St.-Pétersbourg, le 23 septembre 1815.

Je suis depuis Dimanche au soir dans mon château, établie dans ma première chambre, parce que mon cabinet n'est pas prêt; je fais travailler en ma présence. Hier c'était l'histoire des doubles croisées qu'on arrange à la cour comme nulle part; on lave les glaces avec de la croye, on les calfeutre avec je ne sais quel mastiq, le vent ne peut y passer; en aucun lieu du monde cela ne ce fait aussi bien qu'ici. Aujourd'hui ce sont les tapissiers, et tout est en mouvement autour de moi. Mon appartement sera vraiment charmant; le cabinet est tout à fait joli, peint en bleu de ciel avec une frise très-élégante, le meuble en acajou avec une étoffe gros bleu, les draperies aux fenêtres et deux paravents de la couleur du mur; ces nuances de bleu-pale et bleu-foncé font très-bien; j'ai de belles lampes, des dessins fort bien encadrés, en un mot rien n'y manquera. J'aimerais beaucoup à vous montrer ce logement dont vous n'avez aucune idée, mais Dieu sait, si jamais vous le verrez: ce fatal Moscou où vous avez pris racine est un véritable désespoir; il me semble que jamais vous n'en sortirez! En attendant que tout soit arrangé chez moi, ma soeur loge chez Lise Kourakine. M-r de Maistre a extrêmement avancé la raison de cette jeune femme; voilà plus de quatre mois que son ménage va très-bien, et Boris, quoique faisant le gentil de tems à autre, finira, je crois, par vivre tranquillement chez lui entre sa femme et ses enfans. Le pauvre baron

Strogonow est mort hier matin. Dernièrement on le laissa tomber de son fauteuil chez la princesse Belosélsky où il dînait; cette chute qu'il ne pouvait prévoir à cause de sa cécité l'affraya mortellement; il fut plus d'une heure pâle et tremblant, mais toujours attentif à ménager sa mère; il fit de son mieux pour reprendre son air accoutumé. Vous concevez ce que peut éprouver un pauvre aveugle paralytique en se sentant jetter à terre. Je fus le voir le lendemain, il se plaignait de douleurs générales. Ma soeur le vit deux jours après et le trouva plus souffrant encore; enfin la poitrine s'est embarrassée, et tout a été fini. J'irai voir la baronne dès q'uelle recevra des étrangers; pour le moment elle ne voit que ses plus proches parents, la princesse Woldemar, madame de Litta et le baron Grégoire. On l'a dit excessivement affligée, et vous, qui avez connu la tendresse mutuelle de ces deux êtres, vous pouvez le comprendre. Mais elle a une douleur calme et religieuse. Serge Galitzine m'a conté que ce matin elle a été embrassé son fils tout comme s'il était en vie; elle s'est arrêtée pour le contempler pendant une demie-heure et s'est retirée en priant. Cela est bien touchant Cette digne femme à pas dévers, elle a deux grandes consolations à mon avis: d'abord l'idée que les souffrances de son fils en cette vie lui seront comptées pour l'autre, ensuite la certitude de le joindre bientôt, à l'âge de la baronne cette pensée de ne plus traîner longtems ici bas doit être bien douce! Il n'en serait pas ainsi pour une personne dans la force de l'âge peut-être; mais perdre dans la viellesse le dernier objet de ses affections et y survivre doit paraître un pénible fardeau.

LXXVI.

Moscou, le 30 septembre 1815.

J'ai eu de grandes inquiétudes ces jours derniers pour Virginie qui tout-à-coup à été saisie de très-vives douleurs de poitrine; pendant ce tems elle ne parlait que d'une fin prochaine, et cela me bouleversait; hier les douleurs ont cessé et je l'ai vu renaître à l'espérénce. Que Dieu la conserve! Elle a toujours quelque idée d'aller cet hyver à Pétersbourg, si sa santé le lui permet, mais pour rien au monde je ne l'y accompagnerais de peur de faire tenir là les mêmes propos qu'ici. Si on connaissait le mérite et les vertus de cette femme, on la jugerait bien autrement qu'on ne le fait. Je dis les vertus, et je n'exagère point: elle en a de fort rares et de fort précieuses. L'indulgence, la charité chrétienne, le soulagement des pauvres et les bonnes oeuvres sans osten-

tation, et à la lettre, de manière que sa main gauche ne sait pas ce que fait la droite. Elle est serviable pour ses amis comme personne ne le fut jamais. Tous les parents de Tonci, par exemple, le laissaient languir et le nourissaient de promesses; elle seule a attaqué le prince Youssoupow et ne l'a pas laissé en repos jusqu'à ce que Tonci ait eu une bonne place au Kremlin.

LXXVII.

St.-Pétersbourg, le 30 septembre 1815.

Madame Abraham avec sa crainte de mourir est assez plaisante. S'il lui arrive chaque fois qu'elle se trouvera mal de donner 5000 roubles à son fils, elle fera qu'on lui souhaitera de fréquentes indigestions, car ces retours de tendresse arrangeraient bien les affaires d'Alexis. Au reste ce que vous m'en dites est une méchanceté dont vous devez vous amender; parce que madame Abraham a tenu quelques mauvais propos par bavardage: ce n'est pas une raison pour vous d'être vindicatif. Il me semble que tout en blâmant mad. de Broglie de faire trop de cas de l'opinion des autres, vous tombez dans le même mal. A votre âge cependant on pourrait s'en battre l'oeil; pourvu que le juge intérieur soit content, qu'importe ceux du dehors.

Un courrier, arrivé hier de l'Empereur, annonce que Sa Majesté sera demain 1-er octobre à Berlin. Elle s'y arrêtera peu de jours. L'Empereur va de-là à Varsovie où l'on dit que le séjour sera d'une quinzaine. Ensuite il revient dans ses états, et l'on calcule qu'il arrivera au commencement de novembre.

LXXVIII.

Moscou, le 7 octobre 1815.

Il faut savoir supporter mon sort et l'injuste prévention qui en résulte contre moi. Je suis d'un âge où tout cela affecte bien peu. Je ne me reproche rien, et je ferais absolument ce que j'ai fait déjà, si c'était à recommencer. Je ne puis donc partager vos regrets sur mon voyage en Podolie qui n'était point entrepris contre Nicolas, Dieu le sait, et qui aurait pu lui servir, s'il se fût montré digne d'être dirigé par d'honnêts gens. Si la p-sse Boris vous parle de tout cela, ne lui fermez point la bouche sur mon sujet, mais ramenez la, s'il se peut, par la

modération et les bonnes raisons. Dites moi ce qu'est devenu l'abbé; mad. de Noiseville appréhendait *pour moi* et très-sérieusement son arrivée et celle de Nicolas à Moscou; je ne les ai redouté ni l'un ni l'autre un seul instant. Nicolas a passé déjà sans dire mot, et l'abbé pourra arriver sans réussir à me faire le moindre tort, parce qu'au besoin je le confondrais par la lettre que le comte Markow lui a adressée, et qui serait ma seule réponse à ceux qui me parleraient de ce fourbe démasqué, qui conserve la rage dans son coeur d'avoir été pris sur le fait d'une intrigue infâme pour un prêtre et pour un instituteur.

L'Empereur arrivera donc incessamment. Dieu en soit loué! On assure qu'il ne tardera pas de venir à Moscou qu'on rebâtit, qu'on peint, qu'on platre et qu'on balaye de son mieux. Mais on parle assez hautement d'une guerre contre les Turcs, et je vous avoue que j'en serais au désespoir. Que nous ont-ils fait, ces Turcs, pour les attaquer? Ils ont signé une paix honorable pour la Russie au moment où Napoléon était avec 500 mille hommes sur nos frontières.... Il me semble que cela mériterait qu'on les laissât jouir de ce qu'ils ont conservé par cette paix. Et puis, toute considération de ce genre à part, n'avons-nous pas assez guerroyé? N'avons-nous pas besoin d'un repos solide et durable pour rétablir notre administration intérieure qui tombe en ruine. Les embarras de la guerre, ruineux pour les finances, n'achèveront-ils pas d'user des ressorts déjà si horriblement relâchés? N'avons-nous pas déjà plus de provinces et de territoire que nous n'en pouvons régir d'une main ferme, et l'étendue d'un empire, quand elle passe certaines bornes, n'est-elle pas un symptôme de décadence plustôt qu'un accroissement de force? Cela s'est vu partout, même dans la France de Napoléon. La sagesse est de savoir s'arrêter à propos. Enfin, chère princesse, mon sincère attachement à cette bonne Russie, dont je chéris la gloire et la prospérité, me fait redouter cette nouvelle guerre de Moldavie qui pourrait être longue, coûteuse, et peut-être d'un succès douteux, qui pourrait en cas de réussite nous brouiller avec nos voisins et perpétuer un état de trouble dans cette malheureuse Europe couverte de playes qu'il serait si urgent de laisser cicatriser. On a réussi à détruire le terrible conquérant qui a versé tant de sang et causé tant de maux; on a rendu au Tout-Puissant de justes actions de grâces sur cette destruction.... et on partirait de-là pour entreprendre de nouvelles conquètes: cela serait-il bien conséquent? On me dira peut-être que les Turcs sont mahometants et ennemis de Christ; mais les croisades ne nous-ont elles pas prouvé que Dieu permet par fois que les Chrétiens succombent contre ces infidèles que Sa sagesse ne laisse pas prospérer pour rien. Voyez où tout cela me mène, bon Dieu! Je vous dirai en-

core un mot. Je crains que ceux qui ont un puissant intérêt à prévenir les réformes du gouvernement intérieur de ce pays, ne cherchent à occuper le Souverain dans l'extérieur, comme faisait Louvois pour Louis 14. Et ceux qui veulent laisser propager les principes phylantropiques à l'aide de la désorganisation générale, ne jouent-ils pas aussi leur grand jeu là-dedans? Dieu soit avec nous et nous secoure! C'est un prière de tous les jours. Господи помилуй est un bien beau mot. Adieu.

Le prince Galitzine du boulevard est mort, au grand soulagement de ses domestiques dont il était un horrible tyran. On assure qu'on en a trouvé deux enfermés dans une cave, au pain et à l'eau depuis 15 jours, pour avoir battu un singe qui les avait mordu. Leurs camarades les ont délivrés et ont enfermé le singe à leur place. Je ne sais, si ces détails sont vrais.

LXXIX.

Moscou, le 11 octobre 1815.

C'est le besoin de jaser qui me fait prendre la plume aujourd'huy, et cependant je n'ai rien à vous dire: Moscou est d'un calme et d'un ennuy qui surpasse tout ce qu'il a été depuis 3 ans. Il est vrai qu'il deviendrait Paris que je n'en changerais guère mon genre de vie; il est fixé au calme le plus plat, et une machine de Vaucanson un peu bien organisée et remontée avec régularité chaque matin, me représenterait fort bien le long de la journée. A telle heure la machine se lèverait, prendrait une tasse de thé, puis un livre, puis à telle heure elle mettrait son chapeau, sa capotte, enjamberait un drochky, irait passer trois heures chaque jour à la même place, reviendrait se reposer chez elle et retournerait le soir passer trois autres heures encore à la même place. La seule différence qu'il y aurait, c'est que chacun admirerait la machine allante, et que personne ne songe à m'admirer ni même à me remarquer: vous voyez qu'il est piquant de n'être pas machine; mon amour-propre en souffre véritablement.

J'ai lûs que la machine royale, qui se dit descendant d'Henry Quatre, a chassé Fouché du ministère, et cela m'a rendu un peu d'espoir pour les affaires des Bourbons. Je m'intéresse à eux, bon gré mal gré que j'en aye, parce que je les envisage comme les seuls qui puissent sauver la France et ramener la paix en Europe. Le retour de l'Empereur nous apprendra bien des choses probablement; jusqu'ici nous

sommes dans une ignorance crasse. La paix est-elle signée? Ne l'est-elle pas? Je n'en sais rien. Quelles en seront les conditions? Qui sera notre ambassadeur? Tout cela m'intéresse. Cependant il faut que j'en convienne, cela ne m'intéresse plus que médiocrement, et je prends un intérêt plus direct au prix du sucre par exemple qui est à 110 roubles le poud et qu'on annonce devoir monter à 150. Cela me touche de plus près que les affaires de France, et en devenant machine on devient égoïste. J'aime le thé, il est hors de prix; le café, il a doublé; mes habits me ruinent; il faut un capital pour se faire douze chemises un peu fines. Sous ce rapport cela va de mal en pis.

J'espère que l'Empereur mettra ordre à ce monopole scandaleux, quoi qu'après les grands abus qu'il aura à reprimer, ces misères-ci lui sembleront bien peu de chose probablement. Bon Dieu, que je voudrais avoir sa puissance à ma disposition pendant 8 jours seulement, pour faire de grands exemples!

LXXX.

Pétersbourg, le 7 octobre 1815.

Nous attendons ce soir la princesse Boris. Tatiana a préparé tout son rez-de-chaussée, en se serrant un peu; cela sera très bien, et je crois qu'on passera de fort jolies soirées dans cet appartement qu'on occupera pendant les couches de mad. Potemkine. Le voyage de son mari est remis jusqu'à l'arrivée de la princesse; dès qu'elle viendra, il se mettra en route. Ma soeur, qui devait passer chez Tatiana, est restée chez Lize Kourakue, où elle est fort commodement, s'arrangeant très-bien du mari et de la femme. J'ai été dîner hier là avec toute la famille Maistre et quelques hommes de la société de mad. Gouriew; c'étoit un dîner fort agréable, bonne compagnie, bonne-chère, bons vins; Kourakine fait les honneurs de sa maison à merveille, avec grâce et gayeté. Si certaine personne de notre connaissance l'eût vu hier, la séduction aurait fait quelques pas de plus; mais je crois que le réneg de cette personne est un peu passé, car une autre est sur le tapis; cependant cette autre est ferrée à glace, et on ne gagnera pas là un pouce de terrain; c'est la petite princesse Dolgorouky, femme de Basile, qui en effet est charmante, jolie comme l'amour, pleine d'esprit, mutine, capricieuse, mais grande vertu jusqu'à présent. Il faut lui rendre justice: elle se conduit parfaitement, et quoiqu'elle ait eu déjà un grand nombre d'admirateurs, elle les a tenus à une distance fort res-

pectueuse. Si vous étiez ici, vous seriez véritablement étonné de la quantité de jeunes femmes qui se conduisent bien. Tous vos contemporains n'en reviennent pas, en faisant la comparaison de ce qui s'est passé dans la société du tems des princesse Michel Galitzine, Dolgorouky, Kourakine, Vadkowsky et autres. Nous nous retrouvons à l'âge d'or. On dit que les hommes ne sont plus ce qu'ils étaient, qu'il n'y en a plus d'aimables. Eh bien, tant mieux. S'il faut que les hommes soyent ennuyeux pour que les femmes soyent sages, je leur souhaite encore plus d'insipidité qu'ils n'en ont. Pour en revenir à nos jeunes dames, je puis vous certifier qu'il y en a de charmantes sous tous les rapports. Cette petite Dolgorouky par exemple, la princesse Troubetzkoy, Catiche Gagarine, la princesse Lubomirska etc. Tout cela jusqu'ici n'aime que son mari, et voilà les exemples que je ne cesse de présenter à notre grande Eudoxie.

Le comte Tolstoi revient, ce qui detruit l'espoir de l'ambassade. Je crois qu'il va directement à Moscou, et vous aurez des nouvelles de la première main. Dites-moi, s'il est vrai que la comtesse revienne ici avec Sophie pour voir mad. Ostermann qu'on attend sur la fin du mois? Lorsque je pense à toutes les personnes de ma connaissance qui vont arriver, j'en ai la chair de poule. Que de monde il faudra voir! Et mon coin que j'aime tant, mon coin qui est si bien arrangé à présent, faudrait-il le laisser là! Non, je ne m'en sens pas la force ni le courage; je serai catholique, je serai martiniste, je serai méthodiste, je serai tout ce qu'on voudra, mais je n'en sortirai pas, c'est décidé. Pas moyen de servir deux maitres à la fois.

Il y a longtems que je ne vous parle plus politique, c'est que je ne sais rien; je ne vais pas le soir chez mad. Gouriew. D'ailleurs Bloome ne s'y trouve plus; enfin, je vis dans une ignorance, dont vous vous ressentez. Votre club anglais vous fournit des gazettes qui vous apprendront que le ministère de Louis 18 est absolument changé et que le duc de Richelieu a pris la place de Talleyrand. Il se charge là d'une grande besogne; je ne sais trop, comment il s'en tirera.

Vendredy, 8 octobre.

Talleyrand et Fouché se sont retirés très-positivement. Il paraît que le premier, oubliant que la France est un pays à peu près asservi, a voulu employer avec les alliés l'ancienne diplomatie de Bonaparte. L'autre protégeait sous main ce même parti de Napoléon. Mad. d'Angoulême (dit la gazette) a obtenu un triomphe complet par léloignement de gens qui ne pouvaient inspirer aucune confiance. C'est le duc

de Richelieu qui préside le conseil; Barbé Marbois est ministre de la justice, m-r Corvetto — ministre des finances. Fouché, en se retirant, a écrit au roi pour lui rappeler le témoignage de soumission qu'il lui a donnée en acceptant sa place; il ajoute qu'il ne quitte que parce que le système de la terreur s'introduit de nouveau. C'est parce qu'on a fusillé Labédoyère et qu'on fait le procès à un maréchal *traitre*, que ces coquins s'en vont; ils oublient que pendant 15 ans ils n'ont vécu qu'avec des régicides, ils oublient les crimes dans lesquels ils ont trempé leurs mains, ils oublient que le gouvernement qu'ils regrettent faisait couler le sang pour le moindre soupçon; ils oublient le procès de Moreau, le supplice de Georges, l'assassinat du duc d'Enghien.

LXXXI.

Moscou, le 14 octobre 1815.

Vous souvenez-vous d'une femme qui parût l'année passée dans la Tverskoy, traînant des chaînes et prophétisant malheur à Moscou et à ses habitans? M-r Tormassow la fit prudemment enfermer à la maison des foux. L'autre jour le prince Dolgorouky, gouverneur civil, fut visiter cette maison; cette femme demanda à lui parler en secret, lui confia qu'elle avait d'horribles révélations à faire, mais qu'elle voulait la présence d'un confesseur. On fit venir un prêtre, et cette malheureuse avoua qu'elle avait commis 30 meurtres, en spécifiant les circonstances; de plus elle s'accusa d'être l'auteur de l'incendie de Kiew, c'est elle qui mit le feu au couvent de filles et à la ville basse nommée Podol. On ne sait, si ces aveux sont un effet de ses remords ou la suite de sa folie. Cela s'éclaircira.

J'ai vu hier mad. Tolstoï qui a une fluxion sur les yeux. Il y a grande apparence qu'elle ira à Pétersbourg voir sa soeur Ostermann. Elle ne croit pas trop au retour de son mari; personne ne lui en écrit rien. Il me semble pourtant qu'elle y croyait il y a 10 jours; au reste, peut-etre en sait-elle plus qu'elle n'en veut dire. C'est une remarque bien vraye que celle que vous faites sur l'amélioration des moeurs parmi les jeunes femmes d'aujourd'huy; cela tient-il à la mode ou à la bonne éducation qu'elles ont reçu, voilà ce que je ne puis décider; toute fois le résultat étant louable, il ne faut pas scruter la cause, si ce n'est pour tâcher de la perpétuer. Ah oui, il en était bien autrement de mon tems, et j'aurais un beau supplément à faire aux

noms que vous me citez. Quand je suis arrivé en Russie il y a 21 ans, c'était un plaisir de voir dans quelle *ouverture de moeurs* on y vivait La raison en était assez simple: tout s'imite en ligne descendante. *Quand Auguste avait bû, la Pologne était ivre!*

J'ai une prière à vous faire: veuillez savoir, si l'Impératrice-mère reçoit directement les lettres qu'on lui adresse par la poste, ou si elle a un secrétaire qui les lit et lui en fait un rapport; dans ce cas dites-moi le nom de ce secrétaire. Il s'agit d'un homme qui veut demander à S. M. les facilités de secourir les malades gratis. C'est-à-dire qu'il ne veut de Sa Majesté qu'un local dans un des hôpitaux de Moscou pour y loger les aveugles qu'il veut opérer pour rien. Quand on dit pour rien, c'est-à-dire dans l'espoir d'obtenir une petite croix de Wladimir ou de S-te Anne. C'est l'honnête et brave chirurgien qui a soigné mad. Evers *) jusqu'à sa fin, qui veut faire cette demande: mais il tient le cas secret de peur des jalousies de métier des Hildebrandt et compagnies. Il cherche seulement la voye la plus sûre pour arriver directement à l'Impératrice-mère, et je pense que vous serez à même de me dire si elle lit en personne ses lettres, ou si un secrétaire lui en fait l'extrait.

Le renvoy des ministres révolutionnaires me semble d'un bon augure pour la France. Mais le fardeau de m-r de Richelieu me semble bien lourd pour un homme accoutumé à régir simplement le royaume d'Odesse, et pour un homme fort paresseux de son naturel. Au reste, l'amour de la patrie et celui de la gloire donnent des forces et de l'activité, et puis le désir de faire revivre ce beau nom des Richelieu que le cardinal a rendu si celèbre!

---

*) Gouvernante de la princesse Tourkestanow.

LXXXII.

Moscou, le 18 octobre 1815.

Vous savez sans doute déjà l'arrivée du comte Tolstoï comblé de bontés de l'Empereur à Paris qui lui a donné rendez-vous à Pétersbourg, où il sera dans trois semaines.

J'ai diné l'autre jour chez Melhian avec votre soeur Sophie et la comtesse de Broglio. Cela m'a paru bisarre[1] à Melhian de faire ce rassemblement; mais c'est un homme qui est rempli d'un certain amour-propre assez ridicule, or il n'en faut blesser aucun. Il vous verra incessamment, il est en route pour Pétersbourg où il passera dix jours pour ses affaires.

Vous savez sûrement mieux que moi les conditions de la paix de Paris et tout ce que notre magnanime Empereur à fait pour maintenir l'intégrité du territoire français, aussi l'a-t-on proclamé dans toute la France le sauveur de la patrie. J'espère toutefois que les 800 millions de contributions imposés par les alliés ne passeront pas en entier en Prusse et en Autriche et que nous en aurons pied ou aile. Quand je dis *nous*, ce ne sera probablement ni vous ni moi. Mais je dis nous en parlant de l'Empereur, comme les domestiques russes disent **нашъ** pour tout ce qui appartient à leurs maîtres.

LXXXIII.

St.-Pétersbourg, le 15 octobre 1815.

Il y a deux heures que je suis devant ma table à écrire sans avoir pu prendre la plume. Sans cesse interrompue par quelqu'importun, m-lle de Modène avec des détails de ménage, Louise avec ses leçons, madame Gaffar avec ses cartons de modes; enfin, mon dernier fâcheux a été m-r Lentzi qui est venu me parler de ses chagrins. Ses affaires n'avancent pas, parce qu'on ne peut rien faire jusqu'au retour de l'Empereur; on lui a conseillé quelques démarches que d'après mes avis il n'a pas faites. Je trouve qu'il est plus sûr d'attendre ce que deviendront tous ces messieurs dont il veut solliciter la protection. Je lui ai promis de le servir, et sûrement je le ferai du meilleur de mon coeur. C'est à votre lettre 41 que je réponds aujourd'hui, et je vous dirai que ce qui m'en a amusé le plus c'est l'histoire de l'oncle pérorant au club Anglais; je le vois d'ici, car je ne sais que trop comment il

argumente; imaginez que j'ai passé la moitié de ma vie à l'écouter; et quoique bien jeune encore, avant d'être sortie et d'avoir rien vu, rien entendu, je trouvais déjà alors que l'oncle n'avait pas le sens commun, et il nous est arrivé d'avoir des disputes à nous prendre aux cheveux, ce qui mettait l'alarme dans la maison. En quittant Moscou, je vous avoue que ce n'est pas sa société que j'ai regretté; mais depuis lors nous avons vécu très bons amis; la certitude de ne plus habiter la même ville m'a fort adoucie sur les sophismes, et chaque fois que je suis allé voir ma tante, j'ai tâché de faire bon ménage avec son mari en évitant de traiter certains sujets et en écoutant surtout de sang-froid toutes les inepties qu'il lui plaisait de débiter. D'ailleurs j'ai un fond d'amitié pour m-r Arseniew à cause du tendre et sincère attachement qu'il porte à ma tante. Il s'est toujours montré excellent pour une femme qui a pourtant treise ans de plus que lui. A l'âge qu'ils ont cette différence n'est plus frappante, mais il fut un tems où elle l'était extrêmement, et jamais en ce tems même l'oncle n'a été autrement qu'à cette heure, toujours plein de soins et de sollicitudes. Comme vous n'avez pas les mêmes raisons pour le supporter je conçois parfaitement l'effet qu'il produit sur vous, et je ne me suis fait nul scrupule de rire à ce que vous m'en contez. J'ai même lû l'article à ma soeur qui s'en est également fort amusée.

La princesse Boris arriva vendredy; je fus dîner chez elle et je l'ai revue plusieurs fois; elle m'a beaucoup parlé de ses affaires qui prennent fort bon air; elle a fait de très-grands payements, et depuis le mois de may elle a payé trois cent mille roubles de dettes. Elle prétend qu'en retournant en mars à Sima et y restant jusqu'en octobre, elle aquitera encore cinq cent mille roubles. Tout cela est si beau qu'à peine je le croirais si mad. de Noiseville ne me l'avait affirmé aussi. Je voudrais que cette bonne princesse eût le Pérou à ses ordres, car elle est la plus charitable des femmes. Lise Troubetzkoy est heureuse de se retrouver ici, et s'il nous était possible de la marier cet hyver, ce serait encore plus heureux. Ces chiens de promis (comme disait la pauvre madame Evers) courent si fort après l'argent! S'il en était ainsi dans le tems où cette chère défunte m'en parlait pour mon propre compte, jugez ce qu'ils sont devenus depuis. Hélas oui, ces chiens de promis ne calculent que la bourse. Serge Galitzine pour cette fois n'a pas jeté son dévolu sur une héritière; il ne vise qu'à la personne et la chose semble aller grand train; c'est un fort joli mariage qu'il arrange et peut-être vous en parlerai-je bientôt ouvertement, mais permettez moi d'être discrète encore une huitaine de jours. Nous avons continuellement des arrivants de l'armée, et la ville depuis le retour des

gardes a pris un air plus animé. Il y a un courrier, de Dijon du 1-er 8-bre. L'Empereur devait partir incessamment pour Berlin, peut-être y est-il à présent et si on lui donne des fêtes, il faudra bien qu'il s'y arrête; de-là il ira à Varsovie et de toutes manières on ne peut l'attendre ici avant la fin de novembre. En France les choses vont toujours assez mal, il me semble que chacun va en tâtonnant et que personne n'est sûr de rien. Le corps de Gouriew y demeure décidément sous les ordres du comte Worontzow. On prétend que les troupes alliées resteront sept ans en France et se feront payer les contributions tout en maintenant l'ordre dans le pays. Je ne puis rien vous dire aujourd'huy sur Pahlen; je le croyais comme vous à Munic où le comte Markow m'a aussi donné son adresse, et j'allais lui écrire lorsque votre lettre est venue me jeter dans l'incertitude; j'attendrai donc jusqu'à ce que j'aye vu Schoulépow qui me donnera là-dessus des nouvelles positives que je vous transmettrai tout de suite.

Ah, mon Dieu! Voilà ma soeur qui arrive pour m'apprendre que Tatiana est accouchée cette nuit; imaginez quelle surprise, le 7 du mois prochain il y aura juste 9 mois de mariage; ce ne peut être donc qu'un enfant de 8 mois. On dit qu'elle se porte fort bien et l'enfant aussi, mais une couche prématurée est toujours un grand signe de faiblesse, et cela m'inquiète fort pour cette jeune femme que j'aime de tout mon coeur.

LXXXIV.

Moscou, le 21 octobre 1815.

Le retour de l'Empereur se retarde toujours, et j'en ai un chagrin réel; je ne sais quoi me dit qu'il y a des gens bien aises de ce retard et qui feront de leur mieux pour l'éloigner encore dès qu'il sera revenu; et je regarde sa présence comme une chose indispensable au bon ordre de la Russie. Vous ne voyez peut-être rien à Pétersbourg; mais ici nous voyons, nous touchons des choses qui font frissonner, des projets qui annoncent des crimes commis et de plus grands prêts à l'être. On a parlé sourdement d'incendie pour Moscou comme pour Casan; tout cela était rejeté par les uns et accueilli par les autres; je vous avoue que j'étais au nombre de ceux qui n'y croyaient pas, parce qu'il me semble que des projets de ce genre ne sont pas annoncés d'avance; mais voici un fait qui détruit mon raisonnement. Il y a trois jours que la Maison des enfans trouvés s'est tout-à-coup remplie

de fumée et d'une forte odeur de souffre; on a cherché heureusement à tems d'où cela provenait, et l'on a trouvé dans plusieurs endroits différents, et surtout dans les tas de bois préparés dans les corridors, pour chauffer les poëles nombreux de cette immense maison, on a trouvé, dis-je, des paquets d'amadou allumée à côté de paquets de souffre et autres matières combustibles qui allaient s'enflammer à l'instant de la découverte. Le projet est manifesté, mais on ne sait à qui l'attribuer, et selon l'usage on étouffe cette affaire au lieu de lui donner de l'éclat (c'est selon moi un faux principe adopté dans ce pays-ci pour tous les délits de ce genre), et voilà comment les villes brûlent! Cela me fait horreur; mais je remarque avec une surprise toujours nouvelle, que je ne réussis jamais à faire partager ce sentiment: on me répond que cela ne prouve rien, qu'il y a partout des scélérats capables de toutes sortes de crimes, que dans ce cas-ci, ce sera probablement quelqu'employé infidèle qui aura fait un vol d'argent et qui aura voulu le couvrir par l'incendie, ce qu'on envisage comme une chose fort simple et qui ne mérite nulle attention. Et ce sont des personnages sensés qui me répondent cela et qui dorment tranquilles par là-dessus! Je vois plus loin et plus noir. Dieu veuille que je me trompe! Le vol devient ici un métier avoué où chacun exerce ses talents; c'est la certitude de l'impunité qui encourage les voleurs à travailler en grand, parce qu'avec le fruit de leur crime ils sont sûrs de se tirer d'affaire. Je n'en dis pas davantage, cela s'entend de reste; mais voyez-vous où cette immoralité conduit!

Le comte Tolstoï dit que tout est parfaitement tranquille et soumis en France depuis le changement du ministère. Il me semble qu'il est devenu tout Français. Il est bien certain que notre Empereur a sauvé la France et que cette France l'intéresse à ce moment plus que tous les alliés. Je ne conçois pas, par quoi elle a mérité cette faveur insigne, car chaque année ajoute un sentiment de mépris à la haine quelle inspirait ci-devant. Cette affaire de 1815 m'aurait ôté tout intérêt pour ce pays-là, si j'avais eu le malheur d'en conserver aucun, mais je n'ai pas cela à me reprocher. J'ai vu la révolution dans tous ses détails et dans toutes ses époques; j'ai vu le crime et les passions déchaînées dans tous les moments; j'ai vu le dessein de renverser tous les gouvernements; j'ai vu le fer et la flamme suivre les hordes francaises dans toute l'Europe, et je vois aujourd'hui cette même France, ces mêmes hommes (excepté le roi) inspirer un tendre intérêt.... Cela n'entre pas dans mon esprit. Mais les Prussiens et les Autrichiens voudraient démembrer la France, et notre politique n'est pas de les laisser

faire; voilà, j'espère, le seul motif d'intérêt qu'on peut éprouver pour cette criminelle nation. S'il y en a d'autres, tant pis pour nous. On n'est que trop porté à imiter le mal partout.

LXXXV.

St.-Pétersbourg, le 21 octobre 1815.

Je pense qu'il vaut mieux *moins sentir la vie que de la trop sentir*. Voilà une phrase qui ressemble un peu à mad. de Staël. Elle est venue au bout de ma plume et pour l'achever, je vous dirai encore que l'essentiel est de *ne pas manquer la vie*, c'est-à-dire de gouverner celle d'ici bas de manière à en mériter une meilleure. Je vous répète encore que depuis trois ans c'est mon désir et ma pensée dominante; je travaille à cela de tout mon pouvoir, et Dieu me fait la grâce d'en ressentir souvent de grandes douceurs. Malgré cela, ma machine à moi est une machine beaucoup plus allante que je ne voudrais. J'ai vraiment tant de devoirs de société à remplir qu'à peine puis-je y suffire. Quelque part que j'arrive, ce sont des cris sur mon abandon, et depuis que je vois assiduement mad. Swistounow j'ai encore moins de tems à donner à mes amis et connaissances. Hier je fus chez la princesse Woldemar, et l'on me fit les reproches les plus obligeants, parce que je n'y avais pas paru depuis un mois. Chez la comtesse Strogonow c'est encore pis; elle n'est pas exigeante comme sa mère, mais elle est pressante et ne me laisse jamais partir sans qu'on ait fixé le jour où l'on reviendra; c'est ainsi que hier je me suis engagé chez elle pour Samedy.

Le prince Théodore et la maréchale Prozorowsky nous arrivent dans 15 jours; c'est encore une maison de plus; je n'ose plus penser à ce qui m'attend pour la cour; voilà l'Empereur qui revient, l'Impératrice régnante aussi, la grande-duchesse de Weymar, et puis les noces de prince d'Orange.... Dieu sait comment je m'en tirerai!

Le prince Serge est promis à la fille du duc de Serra-Capriola, et vous conviendrez que ce mariage-là en vaut un autre. C'est une personne très-bien élevée, d'excellents principes, point fort jolie, mais point l'aide non plus, et de plus très-bien faite; elle a une ressemblance frappante avec la femme d'Alexis Pouchkine. C'est m-r de Litta qui a mis la main à cette oeuvre, et cela a fort bien réussi. Serge n'est pas amoureux, mais sa promise lui plaît beaucoup, et il est bien aise de s'établir d'une manière convenable. Tous les parents en général sont

fort contents de ce mariage; on a écrit au duc pour le lui annoncer, et on espère que cet évènement le ramènera en Russie. Ce mariage se fera en janvier. Serge loge dans la maison des parents et se trouve fort heureux de cet arrangement. Voilà donc son roman fini, et très-bien fini. Je crois que le mariage de Wielehoursky est un conte; on veut absolument qu'il soit amoureux de sa belle-soeur, et il passe la vie sans la voir: elle a été tout l'été à Pawlowsky, à présent elle est à Gatchina et lui n'est pas sorti de Kamennoï-Ostrow. Comment gouvernerait-il ses amours sans en appercevoir l'objet? Au reste, ne croyez pas que ce ne soit qu'à Moscou qu'on en parle; ici plusieurs personnes paraissent convaincus du fait; moi je n'y crois pas.

L'ouverture des chambres à Paris ne s'est point passée sans quelque trouble. Un député a voulu s'expliquer avec le roi avant de prêter serment; le duc de Richelien l'a fait taire. Jules de Polignac et m-r de la Bourdonnaye ont été renvoyés de la chambre; il paraît qu'ils voulaient rétablir l'intolérance des cultes, et cela n'a pas pris. Vous voyez qu'on n'est pas fort tranquille.—Une gazette officiele de Vienne donne à Marie-Louïse le titre d'impératrice et ajoute qu'elle le conservera, attendu qu'elle n'a point renoncé à ses droits. C'est du nouveau, comme vous voyez, et du mauvais surtout. Quant à la guerre avec les Turcs, il est à désirer que cela soit faux: nous avons si fort besoin de respirer après les guerres dont nous sortons qu'il est probable qu'on ajournera le projet qu'on pourrait avoir de prendre Constantinople et de chasser les Turcs de l'Europe. Cependant je vous avoue que je ne serais pas fâchée de voir un jour le Bosphore faisant partie de l'empire Russe; il me semble même que j'irais là tout de suite. Benkendorf a la tête tournée sur un voyage à Jérusalem; nous en avons parlé hier pendant plus de deux heures, et nous nous sommes si fort monté la tête, que nous avons fini par trouver la chose très-facile; elle le serait bien autrement lorsque les Turcs ne nous gêneraient pas.

Pahlen est à présent à Munich, et vous pouvez lui adresser vos lettres en toute sûreté. A propos, avez-vous ouï dire qu'Alexandre Divow revient d'Amérique? Je sais qu'il en avait le projet et que son intention est de s'arranger avec ses frères pour le bien que lui ont laissé ses parents. Mais je ne sais trop comment il paraîtra ici avec sa tonsure et ne portant plus d'autre nom que celui du *père Alexandre,* car il a pris les ordres. S'il venait à Pétersbourg, je vous déclare que je l'engagerais à venir chez moi.

LXXXVI.

Moscou, le 28 octobre 1815.

Je conçois très-bien que vos amis et vos connaissances vous laissent à peine le tems de vous reconnaître et trouvent que vous venez rarement. Vous avez 8 ou 10 maisons à fréquenter et quelques jours par ci par-là à passer chez vous; on ne peut ainsi ni vivre pour soi ni cultiver personne d'une manière suivie. Ce genre de vie a son bon et son mauvais côté, et pour vous qui visez au détachement des choses et des personnes, c'est un moyen de salut que d'être repandue plutôt que de passer vos jours au sein d'une société choisie à la quelle on finit toujours bon gré mal gré par s'attacher sincèrement. Je ne crois pas qu'il y ait du mal dans cet attachement, mais enfin ce n'est pas le chemin de la perfection. Je vous avoue que celui que prend la princesse Kourakine me semble bien étrange; S-t Paul a beau l'approuver, il ne m'en paraît pas moins un piège que lui tend le démon pour y faire tomber sinon elle, du moins son mari; et il y tombera, n'en doutez pas, et Lise aura cela à se reprocher. Elle prend la chose de trop haut, et cela ne pourra se soutenir; il faut extrêmement redouter les chutes quand on se met au dessus du niveau; je voudrais pour elle que cet accord mutuel fût un projet sans exécution. Je croyais vous avoir mandé qu'Alexandre Diwow avait écrit à son frère que *le S-t Esprit* lui avait inspiré le projet de revenir pour partager les biens de la succession à la quelle il avait renoncé en partant; je vous avoue que Pierre m'a paru médiocrement content de cette inspiration de l'Esprit Saint; cependant la c-sse Boutourline l'a fait envoyer cinq mille roubles *au père Alexandre* pour fournir aux fraix de son retour. Ce pauvre Alexandre sera bien mal conseillé s'il vient en Russie montrer sa tonsure ou quelque autre marque positive d'un changement de religion défendu par les loix. Ces loix sont sages, puisqu'elles tendent à prévenir les secousses qui résultent infailliblement de tout changement de religion, quand ce changement devient une affaire de mode comme c'est le cas aujourd'hui. Je ne conçois point que chacun ne soit pas assez sage pour garder dans son coeur le secret de sa foi, quand la découverte de ce secret contrarie les loix fondamentales d'un empire. L'esprit de prosélytisme inhérent à la religion catholique est en même tems un grand obstacle à son établissement, parce qu'il met les gouvernements en garde contre elle. Qu'on prèche d'exemple et qu'on persuade en se montrant meilleur que les autres.... rien là que de très-

louable. Mais qu'on vous séduise par des dogmes qu'il faut admettre sans examen, c'est ce qui est fort dangereux pour les convertisseurs qui souvent ne voyent pas plus loin que leur nez. Enfin, il en sera ce qu'il plaira à Dieu, et c'est bien cette affaire surtout qui est entre Ses mains avant toute autre.

Je ne puis croire ce que vous me mandez d'une gazette officielle de Vienne relativement au titre *d'impératrice* conservé à Marie-Louise. Nous avons vu, au contraire, qu'elle y a renoncé formellement; il n'y a pas un mois que cette renonciation a été insérée dans toutes les gazettes. Au reste, on a perdu le droit de s'étonner de rien, et les inconséquences surtout sont trop fréquentes et portent trop sur toutes choses politiques pour ne pas admettre la possibilité de celle-ci. Rien ne s'apaise en Europe, les esprits sont montés à un point qui menace l'organisation sociale partout. Le roi de France avec sa charte a peur d'être trop roi, et il ne sera rien selon toute apparence, si les chambres ne le soutiennent puissamment, et si la nation ne sent pas que son dernier espoir de salut est dans l'obéissance passive qu'on ne lui demande pas et qu'elle aura peut-être le bon sens de donner gratuitement. Au reste, je vois cela comme d'un autre monde, et la gazette du jour est pour moi comme l'histoire de Charlemagne, à mille ans de distance. Vous avez raison, je me trouve fort bien d'être machine, et je veux me maintenir ainsi tout aussi longtems que je le pourrai.

Je vous vois faisant vos paquets pour Jérusalem avec m-r de Benkendorf; mais croyez-moi, vous n'êtes pas près de partir, si vous voulez attendre l'expulsion des Turcs: ils seront encore bien longtems à Constantinople selon toute apparence.

J'ai vu chez la comtesse Tolstoï il y a deux ans une femme qui avait fait deux fois la route à pied jusqu'à Odessa et de-là sur des vaisseaux. Elle avait tout vu, elle s'était baignée dans le Jourdain, enfin elle avait l'air de la Lavandière de Godefroy de Bouillon. Mais vous savez que l'église du S-t Sépulcre a été brûlée et détruite de fond en comble.

LXXXVII.

Moscou, le 1-r novembre 1815.

Je fus Jeudy dernier chez la princesse Sophie que je trouvai occupée à vous écrire et se lamentant d'être sans équipage. Nous calculâmes et nous conclûmes que quatre chevaux sont impossibles à maintenir avec trois mille roubles de rente. Cela n'a point éclairci le visage de votre soeur: elle trouve assez dur d'être chariée par le tiers et le quart, et les quatre bêtes de l'année passée lui donnaient une existence tout autrement indépendante. Or, l'indépendance est une précieuse chose, soit qu'on soit fille ou garçon. J'ai abondé dans son sens, mais je n'y ai trouvé nul remède; il faut être menée et ramenée par mad. Apraxine, mad. Wolkow, mad. Troubetzkoï, etc., etc., ou bien il faut aller avec la tante déposer l'oncle au club Anglais et faire en sorte de rentrer assez tôt pour lui renvoyer la voiture à onze heures et passer l'entre deux assez tristement chez la comtesse Momonow ou chez madame Rounitch... et pour une rieuse, ce genre de vie n'est pas autrement riant. Je lui ai prédit qu'elle s'y ferait et que si elle ne prend son parti galamment, j'étais sûr qu'il lui arriverait quelqu'évènement heureux qui la tirerait d'embarras au moment où elle s'y attendrait le moins. Je parlais avec un air de confiance qui a frappé votre soeur; elle s'est avancée en disant: *ah mon Dieu, croyez-vous! Et dites moi quel sera cet évènement?* Cela m'a fait rire, et j'ai répondu qu'il n'était pas dans ma poche, mais que la Providence y pourvoirait; après quoi j'ai fini sa lettre pendant qu'elle s'habillait et babillait avec mesdemoiselles Apraxine. Vous en êtes vous aperçu? J'ai tâché d'imiter son écriture. Je n'ai rien reçu de vous cette poste-ci; je dois une réponse à mad. de Noiseville et je n'ai pas son adresse, il faut donc en passer par vous, chère princesse, et si cela vous accable un peu de mes épîtres, pardonnez le moi. Je négocie avec mad. de Noiseville une alliance offensive contre les Courlandois qui rendent vos lettres si rares, car c'est depuis l'ouverture de votre correspondance avec le certain baron que je ne vois plus de votre écriture qu'une fois pas semaine, et vous sentez bien que j'ai une dent contre Mitau et la Samogitie; cela doit m'être permis assurément.

Le pauvre Lentzi est désespéré, il a l'air d'un homme qui se noye et qui se raccroche aux branches. De ses deux grands protecteurs l'un est mort, c'est le sénateur Theils, et l'autre est sous une espèce d'accusation, c'est Kombourley. Le ministre des finances a des préven-

tions contre lui, et il me croit à même de les détruire; il joint à sa lettre une énorme cahier russe, qui renferme l'état de ses services. Jugez ce que j'en ai à faire. Je n'ai plus le tems de lui répondre aujourd'hui, ce sera pour la poste prochaine. Si vous le voyez, insprirer lui de la patience, c'est ce que je ferai et je l'encouragerai à parler à l'Empereur dont il est connu. Ne pouvez-vous rien pour lui auprès de m-r Gouriew ou d'Obreskow, s'ils conservent leurs places. Lentzi est père d'une nombreuse famille et fort malheureux, il est ruiné sans qu'il y ait de sa faute; cela doit faire passer par dessus l'ennui de l'entendre de le lire et de lui répondre; je vous propose donc la continuation de vos bons offices pour lui comme une oeuvre pie. Mad. Tolstoï balance en voyant approcher le moment du départ; il y a de la glu à ce canapé de Moscou, et je ne sais plus si elle ira. Pour moi je ne serais pas fâché qu'elle partît, car elle va toujours ici un certain train qui est peu charitable et qui me cause bien de tourments, je vous assure.

LXXXVIII.

S-t Pétersbourg, le 28 octobre 1815.

Je me suis informé sur les lettres qu'on adresse à l'Impératrice-mère: ou peut les lui envoyer directement; quelque fois elle les lit elle-même, quelque fois c'est son secrétaire le conseiller d'état Willamow. Il faudrait pour bien faire que votre docteur insérât dans une lettre à m-r Willamow celle qu'il voudrait présenter à l'Impératrice et qu'il la priât de s'intéresser pour lui: cette précaution ne nuira pas à ses affaires. Le retour de l'Empereur va mettre aussi m-r Lentzi en train; en attendant il se tient tranquille et se borne à venir me parler des beautés de Smirne, du Caire et d'Alexandrie.

Vous serez bien étonné d'apprendre que j'ai été à deux bals, chez mad. Rostopchine Lundy et hier chez sa soeur la princesse Alexis qui loge aux Jésuites où elle s'est arrangé un appartement délicieux. Ces bonnes dames qui ont le coeur à la danse autant que moi viennent cependant de faire un pacte avec les violons pour amusez leurs filles. On est resté hier à gigoter jusqu'à une heure du matin; j'y étais allée avec la princesse Boris qui n'en vouloit plus sortir, et moi qui tout l'été me suis couchée avant minuit, je tournais à la mort depuis onze heures et demie. Ni mad. Swetchine, ni Walpole, ni Tourguéniew qui sont tous gens qui me conviennent fort, ne pouvaient chasser le sommeil. En voilà assez pour toute la saison, et je me bornerai à

voir ces dames les jours où elles ne reçoivent pas. J'ai été si enchantée de cet appartement d'hier, que je formais *in petto* le projet de me loger aux Jésuites, supposé que je vinsse à quitter la cour. Et vous de votre côté, si jamais vous quittez Moscou, venez y également prendre un logement: c'est une maison immense qui prend toute la rue des Jardins. Or il seroit fort agréable que nous nous trouvassions un jour logés sous le même toit. Si ce projet n'a rien qui vous divertisse, il me divertit, moi.

LXXXIX.

Moscou, le 4 novembre 1815.

Si vous m'eussiez donné à deviner les deux maisons où vous avez été au bal, j'aurais nommé l'archevêque et les moines de Newsky avant chercher mad. Rastopchine et sa soeur. On danse donc chez la princesse aux Jésuites; cela doit être bien plaisant de voir cette mondanité dans le sanctuaire. J'accepte votre invitation pour une retraite chez les révérends, si vous y entrez aussi: cela ferait une très-jolie manière de vivre sous le même toit en sanctification et sans scandale; mais ce qui m'embarrasse un peu, c'est que je me suis engagé d'être le Candide de mad. de Noiseville qui comme Cunégonde de Toudertentrouk, veut aller planter des choux sur la Propontide quand nous aurons réuni le Bosphore à notre empire. *On se m'arrache*, comme disait la mère de mad. Golowine, et cela me paraitrait bien embarrassant, si je ne me disais que vous n'êtes pas encore *hors de cour*, et que les Dardanelles ne seront peut-être pas de sitôt en notre pouvoir.

Je crois fort qu'Eudoxie ne verra que son père; la maman tient à Moscou plus que jamais, la cousine Chérémetew, la Smirnow au bonnet de travers, Nathalie Abramovna, mad. Karamychew, mad. Glébow et mad. Woeïkow ont pour elle des charmes tout puissants et que rien ne saurait balancer dans Pétersbourg. Sa fille Sophie n'a pas le même goût; je vous réponds qu'elle brûle de quitter notre ennuyeuse ville pour aller montrer son joli minois à la cour, ou au moins dans le beau monde. Son amour-propre et ses prétentions ont un peu monté; ses parents sont en admiration devant elle, et pour le père cela va jusqu'à la contemplation; il est vrai qu'elle est très-jolie, mais elle aimera à se l'entendre dire, à ce que je crois.—J'ai reçu hier une lettre de Rome du comte Markow du lendemain de son arrivée, le 11 (23) septembre.

Il me mande que la route de Naples est infestée de brigands et qu'il est occupé à prendre les précautions nécessaires. Tout se porte bien autour de lui, c'est l'essentiel.

XC.

St.-Pétersbourg, le 4 novembre 1815.

Qu'avez-vous dit en lisant l'histoire déplorable de Serge Galitzine que mad. de Noiseville s'est chargée de vous mander avec tous ses détails? A-t-on jamais vu un traitement semblable, et peut-on voir des gens qui se conduisent aussi mal? Je vous avoue que les bras m'en sont tombés, et je n'ai de ma vie rien vu de semblable. Cette petite duchesse surtout est révoltante à mes yeux; peut-on pousser plus loin la fausseté? Elle avait l'air du bonheur même en épousant Serge, et soutenait cet air-là en répétant à tout le monde qu'elle avait le pressentiment d'être la plus heureuse personne de la famille. L'autre jour encore, dînant chez mad. de Litta et assise tout auprès d'elle, je l'entendais qui disait mille tendresses à Serge, et entr'autres que son coeur avait battu la première fois qu'elle l'avait vu chez sa mère, que quelque chose lui avait dit à l'instant, *qu'il était l'homme avec qui elle trouverait le bonheur*, et cent choses pareilles dont je ne me souviens plus. En sortant de table, je voyais Serge dans l'enchantement. Vous sentez qu'elle lui aura répété tout cela plus d'une fois... Eh bien, elle n'en pensait pas un mot; car elle a déclaré à la vieille princesse Wiasemsky sa grand'mère qu'elle avait dans le coeur une passion invincible pour Apraxine. Je ne dis rien de la duchesse-mère, elle est trop sotte pour avoir mené tout cela; on assure même qu'elle en est très-fâchée, mais sa fille... En vérité elle mériterait qu'on lui cracha à la figure, et elle m'inspire le plus profond mépris. Je suis sûr que ce bon duc de Serra-Capriola sera au désespoir d'apprendre ces vilainies que m-r de Litta compte bien lui mander. Il est plus que probable qu'en sa présence rien de pareil ne serait arrivé. Pour Serge c'est un véritable charme jeté sur lui; je prétends moi qu'il est aimé secrètement par quelque fée, bossue, lorgne ou bancroche, qui n'ayant pas le moindre espoir d'être payée de retour, a juré dans sa colère qu'il n'épouserait personne, et en conséquence exerce son maléfice sur tous les projets du pauvre Galitzine. Pour cette fois j'avais bien cru que son affaire était bâclée; on s'y était pris si prudemment, si raisonnablement qu'il n'y avait pas à douter de la réussite. M-r de Litta qui avait tout conduit, l'Impé-

ratrice qui avait fait écrire son compliment officiel à la duchesse, l'assurance de Serge qu'on l'épousait avec transport, tout avait l'air de la plus parfaite réalité. Hé bien, le charme malheureux vient détruire tout cela, et en moins de deux heures il n'est plus question de rien. Ce n'est que le lendemain que je vis Serge chez mad. de Litta; celle-ci, en me contant cette histoire, avait les yeux hors de la tête. Nous nous sommes courroucées à force de dire tout le mal que nous pensions des trois générations, et puis nous nous sommes consolées. Au fait, Serge n'est pas extrêmement touché, mais il est fort piqué, et il y a de quoi. J'ai peur qu'on ne vienne à lui monter la tête pour se battre contre Apraxine, et puisque le coeur n'est pas de la partie, je voudrais qu'on ne travaillât qu'à calmer sa tête. Que la petite duchesse épouse son magot d'Apraxine, puisqu'il lui plaît, et qu'on n'en parle plus. Nous aurions bien de notre côté une promise toute prête pour Serge: c'est Katinka, fille de la princesse Michel qu'on lui donnerait à l'instant, mais qu'il prendrait par exemple bien contre mon gré: car outre que je ne la trouve ni jolie ni aimable, il faudrait épouser toutes les extravagances de la mère, et ce serait à donner de la tête contre le mur, et je ne lui conseillerai jamais cette alliance-là.

Puisque nous sommes sur les mariages, je vous apprendrai celui de m-r le grand-duc Nicolas avec la princesse royale de Prusse. Les fiançailles ont eu lieu publiquement à Berlin, et il est arrivé avant-hier un courrier pour les annoncer à l'Impératrice-mère qui en est extrêmement contente. La jeune princesse ne viendra ici que dans une année, on l'instruira dans la religion Grecque, le grand-duc ira voyager dans l'intérieur de la Russie, et on les mariera au retour.

L'Empereur paraît aussi fort content de ce mariage qui pourra produire un bon effet par la suite. On le suppose déjà à Varsovie. Dieu veuille nous le ramener bientôt.

XCI.

Moscou, le 9 novembre 1815.

Dites moi comment Serge prend la chose. Je lui conseille de ne porter ses vues désormais que sur des d-lles dont tous les parents seront présents et de faire en sorte que les accords ayent lieu le Samedy soir et la noce le Dimanche matin. Mad. de Noiseville m'écrit six pages de nouvelles qui me tirent de la mortelle apathie sous laquelle j'allais succomber. Sa lettre est charmante. Outre cette rupture il y a encore les arrêts de madame Potocka, des fils qui battent leur mère pour son bouquet de fête, et un mariage ridicule. Cela est délicieux; on voit que vous savez vivre à Pétersbourg... Ici nous tombons dans la langueur et mourons de consomption. Parlez-moi d'un prince Rozoumowsky qui prend femme à 65 ans et qui la prend de 20 ans; c'est un véritable enrôlement pour le régiment de la calotte... et pour une confrerie aussi, selon toute apparence. On nous avait bercé de massacres à Paris, et cela tombe dans l'eau au grand regret des amis du *nain jaune* qui sont encore en bon nombre ici. La vieille comtesse Strogonow a été bien malade; les plus fameux médecins l'envoyaient tout droit dans l'autre monde; *Bancroche* a paru, et de sa pleine autorité a changé tout le traitement, et a remis la malade, non sur pied, puisqu'elle est paralytique, mais au moins sur son séant. Bancroche ne s'appelle plus Bancroche; son vrai nom est Fanfaron. C'est Titow qui l'a bâtisé. A propos de Titow, l'autre jour, au milieu d'une querelle qu'il avait avec mad. Apraxine à l'occasion de je ne sais quoi, la comtesse Tolstoï, pour couper court à la chose, lui dit: „Mais finissez donc, Titow! Aussi bien ma cousine *s'en bat l'oeil*"... Titow demeure pétrifié en disant: *s'en bat l'oeil* et regardant chacun avec attention comme pour demander explication. „Oui, réplique mad. Tolstoï, *elle s'en bat l'oeil*", et mad. Apraxine ajoute: *Oui, je m'en bats l'oeil.* Titow encore plus étonné répète: *je m'en bats l'oeil*, et tout le monde de rire. Pour Titow il prend ses tablettes et écrit:

«*Madame Tolstoï*: Elle s'en bat l'oeil.
Madame Apraxine: Je m'en bats l'oeil.

J'irai demain matin chez le beau-Kachkine pour me faire expliquer ce que cela veut dire».

Voilà notre Moscou, chère princesse; si nous avions seulement quelques aimables fils qui battissent leurs mères par manière d'acquit pour

les comptes de tutelle, je ne vous dirais pas un mot de Titow; mais dans notre misère acceptez de grâce qu'on vous entretienne de niaiseries. Ce n'est pas que je ne sois occupé de choses fort sérieuses, car depuis un mois j'assiste journellement à la décomposition d'une personne qui est dans son lit de mort et qui languit de manière à faire faire de cruelles et tristes réflexions. Je ne vous la nomme pas, parce que je crois qu'elle n'est pas connue de vous. Je suis l'ami de ses parents, j'ai été accueilli jadis dans la maison de ses père et mère, et je crois me devoir à moi-même de n'écouter que ce que le coeur me dicte dans cette triste circonstance. Virginie et moi nous ne la quittons presque pas, mais cette vue fait un mal affreux à Virginie; pour moi cela ne me fait que du bien moralement, et après tout je pense que cette manière de passer son tems est plus profitable que la fréquentation des sociétés gayes et brillantes. Je suis ravi du mariage du grand-duc Nicolas; Dieu lui donne belle et nombreuse postérité! J'y compte plus que sur celle du prince Rozoumowsky.

XCII.

St.-Pétersbourg, le 8 novembre 1815.

Vous m'avez éclairé sur une grande vérité, et je crois avec vous que pour qui vise au salut il est moins dangereux de fréquenter dix maisons que de s'attacher à une seule qu'on choisirait selon son goût et dont la société deviendrait bientôt un vrai besoin et par la même un piége contre le détachement des choses d'ici bas. Sans doute sous ce rapport il vaut mieux circuler dans le monde; circulons donc pour être dégagés de toute affection exclusive. Je vous avouerai cependant qu'autre fois je pensais bien autrement; il y a dix ans par exemple que vivant dans ce même Pétersbourg, jeune, gaye, aimable à ce qu'on disait, j'y avais infiniment moins de connaissance. J'étais alors intimément liée avec madame Ostermann, je demeurais chez elle, et je trouvais dans sa maison, sans en sortir, tout ce qu'il me fallait pour satisfaire et l'esprit et le coeur. Je voyais des gens qui me convenaient parfaitement, quoique tous ne fussent pas agréables, mais les ennuyeux mêmes m'étaient devenus nécessaires: j'avais un véritable besoin de les voir chaque jour et quand il en manquait un, il me semblait qu'il y avait du vide dans le salon. J'ai vécu deux ans entiers de cette manière, passant les étés à la Karpowka que depuis je n'ai jamais pu voir

avec indifférence. Je souhaitais alors ne pas avoir une connaissance de plus!... Ah, mon Dieu, comme tout a changé depuis! En 1808 j'ai été attachée à la cour; je suis venue occuper le château, j'ai revu mes amis de 1805 avec transport; la possibilité de réunir *chez moi* ce qui me convenait le plus n'a servi qu'à m'éloigner davantage encore de la société. Je me bornai à deux ou trois maisons, celle de cette même comtesse Ostermann d'abord, puis la mère de Ribeaupierre, la vieille comtesse Protassow et quelque fois le prince Théodore. Je ne voyais que cela. Cette vie a duré jusqu'au 1812, qui mémorable pour tout l'univers en général l'a été particulièrement pour moi. Toute mon existence s'est trouvée boulversée, et à la suite *de certaines secousses* que j'ai éprouvées, j'en suis venue à avoir des connaissances à chaque coin de rues... Mais je ne me plains de rien. Cette nouvelle manière d'être est peut-être précisément ce qu'il me fallait pour me tirer du péril de trop aimer la vie. Dieu ne le voulait pas. Je suis sûre d'avoir été en grand danger.—Pourquoi vous avisez-vous cependant d'aller mettre martel en tête à Sophie sur l'article de l'équipage? Où voulez vous qu'on en prenne quand les moyens ne le permettent pas? Ce n'est pas 3 mille roubles, mais 3500 qui font son revenu. Or, lors qu'on ne loue pas d'appartement, qu'on n'a que six domestiques à nourrir et payer, qu'on n'a ni table ni équipage, je vous assure que cela peut suffire. Vous objectez les distances; mais qu'est ce donc que ces amies millionnaires qui ne peuvent pas envoyer une voiture pour chercher une personne dont elles font tant de cas! Je les enverrais promener à la place de Sophie, et ne me verrais que qui voudrait m'envoyer prendre. A vous entendre vous, vous croyez toutes ici dans la même rue; vous vous trompez, monsieur: le Quai Anglais est assez loin de la cour; le Pont Bleu où demeure Tatiana, n'est point non plus sous la main, et malgré cela chaque jour la voiture arrive, et il ne m'en coûte que quelques bagatelle aux gens. Je prétends moi que c'est une fantaisie que ces chevaux, et si Sophie veut être raisonnable, elle s'en passera; ses amies la mèneront, et de tems en tems elle fera l'accolyte de ma tante. Je sais bien que cela n'est pas gay; mais que voulez-vous? A l'impossible nul n'est tenu.

XCIII.

Moscou, le 15 novembre 1815.

Sophie m'a fait lire un petit manuscrit de madame de Krudener, intitulé *le Camp de Vertu.* J'avais lu bien du galimatias dans ma vie; mais je ne savais pas que cela pût aller à ce point, et je vous avoue que les bras me sont tombés des mains, quand on m'a dit que cela est généralement admiré ici par les dévots. Quelle dévotion y a-t-il donc cet abus des mots qui ne forment que des phrases gigantesques et barbares sous le rapport de la langue et de la raison! Cela veut dire une vérité claire et simple que j'aurais renfermé dans ces termes. „Enfin après le triomphe d'un peuple qui avait renié Dieu, on voit un peuple fidèle à sa religion triompher à son tour. Louons en Dieu!"

Voilà tout le cahier: mais ces phrases de l'Apocalypse, mais ces déclamations outrées et vides de sens, mais cette exaltation démesurée, devrait être censurée et rejettée par toute personne de goût, aimant le beau et le vrai, pur et simple. Dites-moi bien vite ce que vous en pensez et dites le moi naturellement, quoique j'aye prononcé mon opinion.

Madame Abraham a perdu l'usage d'un pouce; c'est un avant-coureur de paralysie, dit-on. Si cet avant-coureur eût pu se placer sur la langue, bien des gens en eussent béni Dieu.

XCIV.

S-t Pétersbourg, le 16 novembre 1815.

J'ai reçu un message de Serge Galitzine qui m'apprenait que Théodore était à une poste de Pétersbourg et nous engageait m-lle Kotchetow et moi d'aller à sa rencontre. La proposition de courir ainsi hors la ville et cet air d'empressement que je ne sens plus dans aucun cas semblable ne me convenaient guères; mais ma compagne Kotchetow en mourra d'envie et pour lui faire plaisir je consents à aller jusqu'à la 7-ème verste. Serge vint nous prendre à midy, le tems était charmant, un beau soleil, une petite gelée, nous allions comme le vent; mais à peine à la campagne Narichkine, nous rencontrâmes nos voyageurs, on arrêta, chacun sortit de sa voiture. Theodore qui ne soupçonnait pas la rupture du mariage de Serge, le serrait dans ses

bras avec transport répétant qu'il était enchanté, heureux etc. etc. L'ex-promis riait comme un fou et se deféndait, avec raison, sur ce prétendu mariage. Moi pour mystifier Théodore je lui assurais que ce mariage n'etait qu'un clabaudage de la ville, qu'il n'en avait jamais été question sérieusement, et que la jeune duchesse était même promise à Apraxine. Théodore n'en voulut pas croire un mot, et ce n'est qu'au bout d'une heure que nous sommes parvenus à lui faire comprendre de quoi il était question. Nous avons fini par rire de tout cela et par venir dîner chez Théodore, où je suis restée jusqu'à huit heures du soir. Je suis rentrée un moment pour changer de toilette et je suis allé souper chez la princesse Woldemar d'où on ne revient jamais avant une heure du matin. Ah mon Dieu, comme vous tombez là sur un innocent en accusant mon pauvre Schoepping; il y a plus de deux mois que je n'ai adressé une ligne à cet aimable baron; il y a un siècle aussi que je n'ai dit un mot au comte de Markow. Mettez vous bien dans la tête qu'il n'y a que vous à qui j'écrive avec tant d'exactitude.

Nous allons voir arriver chaque jour quelqu'un; demain on attend madame·Ostermann, la grande-duchesse de Weymar sera ici dans deux jours, les grands-ducs tout de suite après; l'Empereur arrivera le 21; l'Impératrice sera la dernière, parce qu'elle est retenue à Eisenach par une indisposition. Enfin, la ville et notre château s'animent extrêmement; on a meublé beaucoup de chambres à neuf, et tous les jours il y a quelque chose à voir de plus, soit à l'Hermitage, soit dans l'intérieur des appartements. On est si fort tourné à la joye qu'on danse dans tous les quartiers de la ville. Il n'est plus un jour de la semaine où il n'y ait bal, et quelque fois deux ou trois dans la même soirée. Dans tout cela plus d'une âme est inquiète non point pour son salut, mais pour ce qui adviendra au jour où l'Empereur voudra prendre connaissance de telle ou telle chose. Toutes les puissances ministerielles et leurs adhérents ne laissent pas que d'être en souci. Lentzi croit enfin être à la veille de paraître en scène; il est venu avant-hier chez moi et m'a parlé du sort fâcheux de tous ses protecteurs; je l'ai comme vous exhorté à la patience... Cet homme est peut-être le meilleur des hommes, mais il a une physionomie qui me deplaît tout-à-fait. Au reste, Dieu me garde de me laisser aller à une prévention de ce genre, et je suis loin de croire que les traits de son visage démentent la bonne opinion que vous en avez et que vous m'avez donnée.

CXV.

Moscou, le 22 novembre 1815.

Pour tous vos bals et vos arrivants je ne peux vous donner en échange que des morts et des enterrements. On ne parle ici que de la mort de la comtesse Soltikow et de la comtesse Strogonow; je ne vous dirai rien de la dernière, mais je peux (ou pour mieux dire je pourrais) vous parler bien longuement de la première que j'ai vue journellement depuis plusieurs mois et que je n'ai guères quittée les quinze derniers jours de sa vie, parce qu'elle prenait plaisir à me voir revenir, et qu'elle me témoignait cette reconnaissance du coeur qui va droit au coeur. Vendredy matin elle me fit chercher à 8 heures; j'accours aussitôt. „La nuit a été affreuse, me dit-elle, j'ai éprouvé des angoisses mortelles; à ce moment je suis plus tranquille, mais il est plus que tems qu'on me parle vrai sur mon état.“ Puis, s'adressant à m-r Krouber qui n'avait point eu le courage de lui annoncer son sort, elle lui dit d'une voix élevée et d'un ton solennel: „Je vous conjure de me dire avec vérité s'il y a encore quelqu'espoir.“ Le pauvre homme, incapable de répondre et d'articuler un seul mot, ne put que prendre les deux mains de la malade, les joindre et les élever vers le ciel en fondant en larmes. „Ah, j'aurais voulu vivre encore un peu de tems, dit la comtesse, cela était bien nécessaire, mais Dieu ne le veut pas, il faut se résigner“. Elle demanda le prêtre qui depuis 15 jours qu'elle avait reçu les sacrements la voyait tous les jours; elle voulut qu'on lui donna l'extrême onction, et elle se fit réciter les prières des agonissants; je n'oublierai jamais la ferveur et les élans de l'âme avec lesquels, tenant les mains et les yeux élevés, elle répétait tout bas chaque parole du prêtre. Elle avait l'air d'être dans les cieux! Mais hélas, des douleurs affreuses se firent bientôt sentir et durèrent jusques dix minutes avant sa mort qui n'eut lieu qu'à cinq heures du soir, après neuf heures d'une agonie horrible pendant laquelle elle ne perdit pas un instant connaissance. De tems en tems elle disait: „Mes amis, j'étouffe, priez tous pour moi; je souffre, je souffre, oh je souffre extrêmement. Mon Dieu, cela sera-t-il long encore!“ Elle a fait au milieu de ces douleurs les adieux les plus touchants à tout le monde, elle a dit des choses qui déchiraient le coeur; elle avait autour de son lit la comtesse Czernichew, mad. de Broglio et moi; dans la chambre voisine était madame A . . . . . qui ne pouvait prendre sur elle de voir ce spectacle et

qui n'a pu rester qu'une demi-seconde quand la mourante l'a faite appeler. M-r Apraxine était avec sa femme et Titow toujours dans la chambre voisine. Titow n'avait jamais daigné faire une visite à la pauvre fille depuis son retour, par bêtise et par lâcheté; il oubliait ce qu'il avait été chez le maréchal et la maréchal Soltikow et la cour assidue qu'il avait faite à toute la famille quand ils étaient puissants; il me sembla qu'à ce dernier moment il était assez déplacé-là ayant renié la connaissance. Cependant j'étais charmé de le voir, et sa présence me rassurait contre l'espèce de mine que faisait madame A. A chaque fois que je sortais de la chambre de la malade pour donner quelqu'ordre, elle avait l'air de me dire: *qu'est ce que vous avez à faire ici?* Je ne pouvais pas expliquer que je ne restais qu'à la prière de la mourante, puisqu' elle n'avait demandé mad. A. qu'un instant en qualité de proche parente, ce qui au reste était assez naturel, puisque dans tout le cours d'une maladie de six mois elle n'en avait pas reçu quatre visites d'un quart d'heures.

Cependant cet air glacial de madame A. n'a pu me détourner de mon devoir, et j'ai tenu bon jusqu'au bout. Le dernier soupir rendu, je suis parti, laissant monsieur Apraxine arranger le reste. C'est alors que j'eusse été de trop. Il y a sur cette mort mille détails très-intéressants, très-déchirants et pourtant qui attachent au dernier point, mais aucuns ne sont de nature à être écrits. Je vous les dirais si je vous voyais tête-à-tête et je vous ferais partager les sentiments que j'éprouve et qui ont bouleversé mon âme de fond en comble. Gardez pour *vous seuls* le peu que je vous écris aujourd'hui: il est inutile qu'on sache que je traite ce sujet; mais dites-moi si dans les relations qui courront chez la princesse Woldemar on n'a pas remarqué comme un scandale que j'assistasse à cette triste scène? Il me semble que les parents me devraient des remerciements avant tout; car ce que je faisais-là n'était pas une partie de plaisir. Il faut que je vous dise une chose qui m'a frappé; j'ai souvent une idée que je ne communique à personne, mais qui m'occupe en secret; c'est celle de savoir qui aura soin de mes derniers jours, qui me fermera les yeux, s'il se trouvera quelque bonne âme pour me secourir et m'empêcher d'être livré à des domestiques ou à des mercénaires. L'avant-dernière nuit de la mort de la comtesse Soltikow je la veillais, je ne lui avais jamais parlé de l'idée que je viens de vous dire et je ne sais comment, je m'occupais précisément de cette idée-là, quand la malade, me regardant avec un sourire de douceur, me dit ces mots: „que vous êtes bon de ne pas m'abandonner, soyez sûr que le Ciel vous en recompensera et que dans pareille circonstance vous trouverez un ami qui vous rendra ce que

vous faites pour moi". Je ne suis pas superstitieux, mais je vous avoue que la voix de cette mourante, répondant tout juste à mon intime pensée, m'alla droit au coeur, comme la voix d'un ange-consolateur, et ces paroles m'ont fait un bien qui me laisse un calme dans l'âme, lequel durera longtems et effacera, je crois, cette idée lugubre qui s'emparait si souvent de mon esprit. Je vous parle comme à ma propre pensée, chère princesse, mais je vous supplie que ceci soit pour vous seule, absolument pour vous toute cette lettre.

XCVI.

S-t Pétersbourg, le 22 novembre 1815.

Quand je dis qu'il n'y a que vous au monde qui sachiez écrire des riens avec grâce et intérêt, c'est bien une vérité incontestable. Votre dernière lettre du 9 est charmante: Titow avec ses tablettes est à manger, et votre charitable souhait que quelque fils batte sa mère pour animer Moscou vaut encore son prix. J'en ai si bien ri que j'ai été jusqu'à éveiller ma soeur qui venait de se coucher; en me voyant la figure épanouïe comme je l'avais, elle voulut absolument savoir ce qui c'était, et je lui lu l'article qui a retardé son sommeil d'une bonne demi-heure. Oui, monsieur, nous avons de tout à Pétersbourg: des joyes, des tristesses, des folies de toute espèce, et sans contredit les évènements de la société y fournissent de l'occupation pour peu qu'on veuille y arrêter ses regards. Je vous assure que si notre correspondance s'était entamée quelques années plustôt, mes lettres vous auraient amusé autant peut-être que celles de mad. de Noiseville. J'avais un coup d'oeil tout particulier pour saisir les ridicules de tout genre; j'aimais à causer, à rire, à faire rire et j'écrivais d'une manière qui n'est pas celle d'à présent, je le sais très-bien. Cependant je ne veux rien regagner de tout ce que j'ai perdu, à Dieu ne plaise, et il faut vous contenter de mes moyens actuels.—Il nous arrive tous les jours quelqu'un; hier nous avons fait notre cour à madame la grande-duchesse de Weymar; la cour et la ville s'y trouvaient, des toilettes charmantes, une quantité de jeunes femmes, une élégance et un goût parfait. On s'est rassemblé à deux heures, et cela a duré jusqu'à trois et demie. J'admirais la grande-duchesse qui parlait à chaque personne et qui savait toujours dire quelque chose d'à propos; je ne pouvais comprendre comment les phrases se succédaient l'une à l'autre, il me semble que je fusse restée court à la dixième personne.

Au reste, m-r de Maistre me disait hier qu'il n'y avait que nos princes et princesses à qui cette grâce était donnée et que jamais il n'avait vu rien de pareil à aucune cour. Demain nous allons saluer mad. la grande-duchesse Catherine qui est logée à son palais d'Anitchkow. Le prince royal de Wurtemberg arrive aujourd'hui, s'il n'est déjà venu. L'Empereur sera ici pour le 27 au plus tard. Le château, depuis toutes ces arrivées, a pris un air de jubilation; nos corridors sons éclairés à merveille, et tous les escaliers de même: on peut rentrer chez-soi aussi tard qu'on veut sans se casser le cou. J'ai dîné hier avec m-r Miatlew, nous avons parlé de vous; il m'a dit que vous seul lui donniez des nouvelles de sa belle-soeur: certainement c'est la personne malade dont vous me parlez. Vous êtes bien heureux d'exercer la charité autant que vous le faites, et j'espère que vous y reconnaissez la bonté de Dieu sur vous. L'année dernière c'était ma soeur, ensuite mad. Evers, à présent la comtesse Soltikow. Hélène Gouriew, qui entendait ce que me disait Miatlew à votre sujet, en conclut que vous deviez être l'apôtre de la charité, et je le lui ai bien confirmé. Madame de Broglio, qui a peur de la mort, doit être frappée du spectacle qu'elle a sous les yeux; si je la connaissais, ou pour mieux dire si j'étais à votre place, je lui ferais entendre tout le fruit qu'on peut retirer d'un lit de douleur, surtout lorsqu'on a eu le coeur froissé et brisé dans le cours de sa vie. Savez-vous qui m'a demandé de vos nouvelles? Vous ne le dévineriez jamais; c'est... la comtesse Rostopchine, qui ne peut pas oublier la bonne impression que vous lui avez faite sans perruque; elle prétend avoir découvert sur votre front le siège de plusieurs vertus, et elle ne peut pas oublier non plus que j'ai interrompu une discussion qui allait s'établir entre vous et dans laquelle elle se flattait de vous convaincre. Avez-vous quelque souvenance de tout cela? Madame Rostopchine est très-aimable, je le dirai toujours; un tour original qu'elle a dans les idées la rend souvent fort piquante. Je la vois les jours de ses bals, elle en fait les honneurs avec une grâce toute particulière.

XCVII.

St.-Pétersbourg, le 25 novembre 1815.

Votre opinion est aussi la mienne relativement au *Camp de Vertus*, je vous le-dis sans façon: c'est du galimatias que les dévots ne louent que parce qu'il est fait par mad. Krudener dont la réputation s'étend de jour en jour davantage. Il me semble qu'on en veut faire

une madame Guyon: tout ce qui pourrait sortir de sa plume sera reçu avec enthousiasme dans ce moment, mais nous verrons si cela dure-ra. Elle a le projet de venir ici, et l'on prétend qu'elle a déjà écrit à son frère m-r de Vietingof pour avoir une maison. L'Empereur l'a beaucoup vue à Paris, et c'est pour lui rendre hommage qu'elle a publié cette petite brochure où la vérité est exprimée avec des phrases gigantesques qui la gâtent. La traduction qu'on a fait en russe du *Camp de Vertus* est sans contredit supérieure au français. L'idée de l'auteur a été bien saisie et rendue avec beaucoup de justesse, mais sans emphase du tout. Je ne vous dirai pas si je compte voir ou non mad. de Krudener, je n'en sais rien, cela dépendra absolument du hasard; je ne me propose rien là-dessus et en tems et lieu je vous ferai part de la manière dont cela s'arrangera. Ce qui m'en est revenu par une voye non suspecte est très-bon, c'est la personne du monde la plus charitable; elle a surtout ce zèle et cette activité que l'Évangile prescrit et qui ne se trouve guères dans le monde que nous voyons. Enfin, quand elle nous arrivera, je prévois que j'aurai à vous en parler, mais à vous seul: faisons nos conditions.

J'ai de nouveau été hier in fiocchi: d'abord à la messe de la cour, ensuite au palais d'Anitchkow pour être présentée à madame la grande-duchesse Catherine. Il faisait un froid de 15 degrés, et pour ne pas faire attendre la comtesse Golowine, qui était venue me prendre dans sa voiture, je suis partie sans souliers chauds, avec un peu de peur qu'il n'en advint un mal de gorge; mais Dieu merci, il n'en est rien. Toute la ville était à Anitchkow, encore plus de monde que chez la princesse de Weymar, et ce qu'il y a de fort plaisant, c'est que sans y penser je me suis trouvée faisant l'office de grande-maîtresse, et cela parce que la princesse Wolkonsky, dame d'honneur de la grande-duchesse, ne connaisait plus la moitié des personnes qui se trouvaient au cercle, les ayant perdues de vue depuis son départ de Pétersbourg. Elle vint donc me prier de faire le souffleur, et je le fis si bien qu'à la fin elle me laissa nommer tout le monde et se tint les bras croisés. La grande-duchesse qui s'était apperçue de l'arrangement, m'en remercia d'une manière charmante un moment avant de quitter le salon, et moi ayant rempli ma besogne je suis sortie la dernière du palais et, sans passer à la cour pour me déshabiller, j'arrivai toute éclatante chez la princesse Boris où je me hâtai de quitter mes habits de gala. Je restai là toute la journée, et le soir je fus avec mad. de Noiseville chez madame Sw . . . qui me semble être retombée dans une apathie désespérante; elle ne répond pas à ce que j'en attendais; il me semble que pour elle l'absence du mal est le *nec plus ultra* de la vertu. Ce

n'est pas là ce que je voudrais, ni comme je l'entends; selon moi le mal doit être remplacé par une présence réelle du bien. Enfin, je désirerais, comme le dit S-t François de Sales dans son oraison, „que la „volupté fût vaincue par la mortification, l'avarice par l'aumône, la „colère par la douceur", et ainsi du reste. Mais difficillement je pourrai le lui faire comprendre, et je n'ai qu'à prier pour elle. Nous avons fait avant-hier un chrétien du petit Grégoire Potemkine. Le prince Boris et la princesse Youssoupow l'ont tenu sur les fonts. Tatiana a reçu de beau cadeaux: son père lui a donné un chal blanc de 5500 roubles et sa belle-mère un fermoir en diamant avec une robe pour l'enfant tout-à-fait élégante et dans laquelle m-r Grégoire avait l'air d'une poupée ce qui a fort amusé Tatiana. Le prince Boris reste ici quelques semaines et il se flatte de faire partir tout son monde avant le carnaval pour Sima; mais je crois qu'il se trompe et que ces dames voudront le passer ici, ce qui est assez naturel. Nicolas n'est point encore ici, il doit être à Moscou et quoique vous en disiez, je désire que vous ne vous rencontriez point. Il me tarde de le voir arriver pour juger de lui par mes deux yeux. En attendant on ne m'en parle qu'avec éloge. Ses soeurs l'aiment à la folie, et pour la mère vous savez ce qui en est.

XCVIII.

Moscou, le 2 décembre 1815.

Je ne crois pas plus à la durée de la conversion de madame Krudener qu'à celle de madame Sw . . Cette dernière est une femme prodigieusement légère et qui vous échappera au premier jour, parce que votre morale religieuse lui paraitra viande creuse, quand une bonne occasion de jouissance terrestre se présentera pour lui remplir le coeur ou même seulement l'imagination; et mad. Krudener est une tête infiniment exhaltée, qui voudra éprouver les mouvements d'une dévotion sensible qui tiennent lieu de tout autre sentiment; mais on sait que ces mouvements sont rares et presque toujours suivis de tems de sécheresse qu'une tête froide seule sait supporter avec patience, mais pendant lesquels les âmes ardentes passent fort souvent du Créateur à la créature. Il ne faut pas traiter la religion en roman; il ne faut pas en espérer des plaisirs pour l'amour-propre, ni s'en faire une ressource pour le monde. Je crois que Dieu ne tient compte de rien de tout cela, et qu'Il préfère un coeur simple, une âme détachée et surtout pénétrée de son néant et remplie d'humilité... Ah, comme je sens qu'hu-

milité est presque synonyme de sainteté. C'est souvent un piège de l'orgeuil que le désir de convertir, si on n'y est pas directement appelé par état. Je crois qu'on est plus près de Dieu dans sa chambre, occupé même d'objets étrangers à Lui, pourvu qu'ils soyent innocents, que dans une assemblée de dévots où l'on aspire à jouer un personnage. Voilà comme je conçois l'esprit de la religion chrétienne, ennemi de tout éclat et de toute parade. Je doute que cet esprit anime les deux dames en question; mad. Krudener surtout et son *Camp de Vertus* m'en sert de preuve: elle veut occuper d'elle, donc!... Je voudrais voir la religion aller tout doucement sans faire aucun bruit; je crains ces nouveautés, et je désire à chacun la foi du charbonnier, sans se soucier de l'opinion du voisin.

J'ai vu votre petit lord Walpole chez Nathalie Abramowna avant-hier; j'ai causé avec lui pendant deux heures. C'était heureux pour moi qui désirais le connaître, et même pour lui qui était fort délaissé au milieu de ce décousu des soirées de madame Pouchkine chez laquelle je n'ai été que parce qu'on m'a invité *avec lord Walpole* nommément. On lui avait donné en femmes la grosse princesse Ouroussow, madame Hélène Pouchkine, la princesse Nathalie Troubetzkoï et madame Labkow, et en hommes messieurs Malzow, Riabinine et le beau Samarine avec Mourawiew-Apostol. On regardait Walpole en allongeant le cou et on lui faisait à peine quelques questions sur l'état des chemins et sur le tems qu'il avait été en route. J'ai prié Gagarine, comme gendre de la maison, de me faire faire sa connaissance, et bien vite nous avons parlé de vous et du comte Markow qu'il apprécie fort bien, et nous en sommes venus dans un *aparté* à couler à fond l'Angleterre et l'Espagne. Je l'ai trouvé plein de raison, d'esprit et de bon sens et dans des sentiments politiques tout-à-fait conformes aux miens, ce qui fait toujours plaisir bon gré mal gré qu'on en ait. Pendant notre conversation la princesse Ouroussow se tuait d'interpeller m-r Mourawiew en anglais, bien haut, bien haut, et celui-là répondait à tue-tête, ce qui faisait sourire Walpole: car c'était une affectation d'autant plus mal placée que cet anglais était fort mal accentué. Le petit amour-propre ne perd jamais ses droits, je le sais; mais je ne conçois pas qu'on le mette ainsi à découvert; le mien est plus raffiné. Je m'en suis allé à onze heures, ne voulant pas faire à Nathalie Abramovna *l'honneur de souper chez elle*, pendant que je me plains assez hautement de sa langue maudite, qui cause tant de mal aux gens que je fais profession d'aimer. J'avais été chez elle pour causer avec lord Walpole; mon but rempli, j'ai filé tout doucement.—J'ai reçu des lettres de Naples du c-te Markow qui s'y ennuye un peu en dépit du beau climat; il n'y a pas

là un malheureux whist à faire et personne à voir, le duc de Serra étant malade. Mais la fusillade du seigneur Murat n'a pas laissé de plaîre beaucoup à ces deux messieurs-là qui ont conservé d'anciennes idées peu philantropiques et nullement libérales. Je vous assure que si des gens de leur acabit eussent dirigé les affaires, Napoléon ne serait pas à S-te Hélène, et les révolutionnaires ne jouiraient pas du fruit de leur brigandage; beaucoup d'autres choses encore ne seraient pas... mais *elles sont*, et il faut bien s'y accoutumer et passer par les conséquences qui peuvent en être les suites.

XCIX.

S.-Pétersbourg, le 2 décembre 1815.

Je suis toujours fâchée qu'on vous voye constamment à la suite de mad. de Broglio; il me semble que l'amitié même que vous avez pour cette femme devrait vous commander une conduite différente. Je vous ai vu si affligé de tout ce qu'on débitait sur elle, que je ne conçois pas comment vous ne cherchez point à éloigner ces conjectures dont vous avez tant souffert. Que vous alliez chez elle à tous les instants du jour, c'est fort bien, personne n'a droit d'en parler; mais que vous vous produisiez sans cesse ensemble, cher Christin, je vous demande pardon, c'est mal fait à vous. Madame A... aura pu être étonnée de vous trouver au chevet du lit de sa cousine à l'article de sa mort, elle n'aura peut-être point reconnu en cela un acte de charité, mais aura cru que c'était la présence de mad. de Broglio qui vous y attirait; et c'est encore un tort qui retombera sur elle et dont vous êtes la cause en quelque façon. Comment faites-vous pour ne pas y penser et pourquoi ne l'avez-vous pas engagée à rester chez elle dans un moment où vous deviez être sûr de rencontrer les parents de la comtesse Soltikow? Il me semble qu'à votre place je l'eusse fait, et cette démarche eût été une charité de plus. C'est ainsi que je l'envisage; mais si vous êtes mécontent de mon raisonnement, pardonnez le moi, je n'ai traité cet article que pour répondre à votre propre réflexion sur madame A.

Tout notre château est en l'air: l'Empereur est arrivé hier à onze heures du soir. Je sortais de chez mad. Swistounow en traîneau, lorsque des cris de *hourra* sont venus frapper mon oreille; un monde fou courait le long de la Perspective, on escortait S. M. qui sortait de l'église de Casan où il était descendu. Plus de cinquante traîneaux couraient l'un après l'autre, chacun cherchant à devancer son voisin.

Mon cocher voulut faire de même, et je le laissai suivre son ardeur. C'est donc à travers des *hourras* mille fois répétés que j'arrivai au château. En traversant les corridors je rencontrais des gens qui se précipitaient aussi pour arriver à tems au grand escalier; à peine ai-je pu passer pour entrer dans ma chambre. Catherine et mes femmes étaient à la fenêtre ne voyant rien, mais cherchant à deviner la cause de tout ce bruit. Je leur appris que l'Empereur était arrivé. Ce matin je l'ai vu aller à la parade, et encore un monde fou sur la place. L'Impératrice est arrivée Mardy vers l'heure du dîner; le même jour je vis la princesse Prozorowsky que je trouvai rajeunie de 10 ans, et aujourd'hui mad-lle Walouiew qui est venue chez moi. Je ne dirai pas que celle-ci ait fort bonne mine, elle m'a paru très-maigrie. Tout ce monde me semble fort content d'être revenu, à commencer par l'Impératrice.—Que fait m-r Lentzi aujourd'hui? Le coeur lui bât, je crois; au reste, plus d'une personne aura tourné cette nuit dans son lit sans dormir; je sais bien que je n'aimerais pas à être à la place de bien des gens! Pour en revenir à Lentzi, j'ai déjà agi pour lui. Le prince Alexandre Soltikow m'a promis de ne pas le perdre de vue, et il est probable que cette protection lui sera de quelque ressource. Si le maréchal dit un mot en sa faveur, toutes les difficultés, de quelque côté qu'elles viennent, seront levées. Il ne serait pas mal que le prince Georges Dolgorouky écrivît un mot pour Lentzi à son beau-frère: ce serait encore une voix de plus.

Les Galitzine, mari et femme, vous disent mille choses; la princesse surtout m'a bien prié de vous remercier pour votre souvenir. Elle m'a chargé en même tems de vous dire qu'à présent qu'ils ont une maison à Pétersbourg, elle vous engage à venir y faire un séjour et occuper un appartement chez eux. Théodore renchérit sur l'offre de sa femme: il veut que vous veniez ici pour demeurer tout-à-fait; et il s'engage à vous louer des chambres à bon compte pour vous mettre à votre aise et que vous soyez *chez-vous*. Ma commission est faite: dictez-moi, je vous prie, votre réponse.

C.

St.-Pétersbourg, le 9 X-bre 1815.

J'ai été de service toute la semaine passée et hier je fis une grande tournée avec l'Impératrice-mère. Nous fûmes à l'hôpital des malades, ensuite à celui des militaires et de-là à l'institut de S-te Catherine que j'aime à la folie. Sa Majesté est entrée dans la classe des grandes demoiselles, et tandis qu'elle s'en occupait, je n'ai pas perdu la tête: j'ai fait chercher les petites Swistounow et les ai placées à la porte par laquelle nous devions sortir. L'Impératrice les a vues, leur a beaucoup parlé, madame Breitkopf a fort recommandé l'aînée qui sera un jour un sujet distingué, et de cette manière ces enfans ont attiré l'attention particulière de leur auguste protectrice qui leur a fait les plus tendres exhortations pour qu'elles eussent à se bien conduire. J'ai présenté également à Sa Majesté ma petite nièce Potemkine dont je crois vous avoir parlé cet été, et celle-ci a eu sa part des caresses, de sorte que ma promenade n'a pas été sans fruit. J'ai transporté aux enfans de m-r Swistounow tous les sentimens d'amitié que j'avais pour lui; l'intérêt que ces pauvres orphelins m'inspirent en est un bien vrai, et Dieu veuille me donner les moyens de le leur prouver dans tous les tems de ma vie. La fille âgée de douze ans est une charmante créature, d'une physionomie tout-à-fait intéressante et d'une tenue admirable pour une aussi jeune personne.

Savez-vous déjà à Moscou qu'on dîne à la cour à deux heures, précisement à l'heure de l'oncle Arséniew; l'Empereur en a pris l'habitude. Il faudra voir si cette mode gagnera la ville; les gens en place s'y trouveront peut-être obligés, puis qu'il y en a qui doivent travailler avec l'Empereur; mais si le reste du monde s'allait mettre à l'heure de la cour, j'en serais désespérée. Concevez-vous donc le tourment de sortir de chez-soi avant deux heures? Lors qu'on a une existence comme la mienne, la matinée est le seul tems dont on puisse disposer pour soi; le moyen, je vous prie, d'en perdre deux grandes heures! Non, certainement, je ne sortirai pas d'aussi bonne heure et je finirai par dîner dans ma chambre; ce sera moins bien que chez les autres, mais au moins ce sera à cinq heures.

Lundy dernier, jour de S-t Nicolas, nous eûmes une très-belle parade, après quoi la cour fut à l'église de Casan où le metropolitain dit la messe, et ensuite un Te-Deum. Nous étions dans les carosses dorés, j'ai vu ce jour-là le comte Tolstoï à qui j'ai trouvé une mine parfaite; il m'a promis de venir me voir.

J'ignore ce qui s'arrange pour Eudoxie; il a été question de l'envoyer en France joindre son mari, et on attendait les parents pour se consulter avec eux là-dessus. Je crois que Nancy lui fera sous tous les rapports plus de bien que Pétersbourg. Qu'elle parte seulement, qu'elle s'en aille! Madame de Nesselrode est aussi arrivée. Voilà encore une nouvelle belle-soeur qui embarrassera Eudoxie; je ne l'ai pas encore vue, et je ne sais comment se sera passé la connaissance. Je vous avoue que, prévoyant toutes ces arrivées des Nesselrode et des Tolstoï, je me suis retirée à l'écart afin de ne me mêler de rien absolument; il faut laisser les familles s'arranger entre elles; un étranger est toujours de trop dans les débats qui peuvent avoir lieu. Lorsque les physionomies redeviendront ce qu'elles étaient, je reparaitrai sur l'horison. Hélène m'a écrit hier et aujourd'hui pour m'engager à venir, mais j'élude toujours, et je ne ferai que comme je l'entends.

CI.

Moscou, le 16 décembre 1815.

Le zèle du Seigneur nous arrive à Moscou aussi: nous avons des pécheurs convertis qui n'aspirent à rien moins qu'à opérer des miracles pour convertir à leur tour les endurcis. Je vais vous nommer les masques sous le sceau du secret. Ce saint élan a pris à tous les M . . . .; madame Maltzow prie comme une inspirée et ne parle plus que de grâce et de mysticité; sa soeur la princesse Nathalie Troubetzkoï, de peur de mourir impénitente, fait reveiller au milieu de la nuit et confesseur et curé, et reçoit tous ses sacrements pendant un accès de migraine. Son médecin Richter lui demande le lendemain matin, pourquoi elle a allarmé toute sa famille *sans aucun sujet*? Elle répond: „*ces choses-là sont si consolantes*!" Si elle eût attendu le jour, cela eût été tout aussi consolant; mais cela aurait fait moins d'éclat, et à mon gré en aurait mieux valu. Le lendemain ses fils étaient au bal, et elle-même rétablie. Mais les soeurs ne sont que des profânes auprès de leur frère le prince B . . . Pour lui il vous dit tout uniment qu'il a le don des miracles, et il vous conte du plus grand sang-froid du monde que sa soeur Maltzow ayant l'autre jour de violents maux de reins, il s'en fut, tout ému de pitié, s'enfermer dans sa chambre et se mettre en prière. Il demanda à Dieu avec beaucoup d'ardeur de le charger des souffrances de sa soeur; il prie longtems et avec la foi qui exauce, et voilà que tout-à-coup il éprouve de vives douleurs, se relève bien consolé et court chez mad. Maltzow qu'il trouve

guérie. Une autre fois il eut un violent mal d'estomac sans avoir rien mangé qui pût le provoquer; cela l'étonna fort; mais voilà que tout-à-coup il se souvient qu'il n'a pas sa croix sur lui, il la prend, et le mal se dissipe aussitôt. Depuis ce jour il offre *sérieusement* à tout malade de le guérir par la vertu de sa croix; il ne la confie à personne, mais il la plonge dans un verre d'eau, en boit la moitié lui-même et fait boire le reste au malade. Tout cela est vrai à la lettre. Dites moi ce que vous en pensez? La famille trouve elle-même que B. va trop vite et trop loin et en attendant elle le garde à vue en attendant que ses miracles ayent l'authenticité réquise pour le faire canoniser. Ne parlez de tout ceci qu'à mad. de Noiseville qui ne donne pas dans ces extravagances; mais n'en dites rien à vos mystiques que mon incrédulité scandaliserait.

Parlons de ce monde: il faut bien y revenir parfois. Le blond S....ne s'occupe beaucoup de votre soeur Sophie, je l'ai remarqué décidément au bal de m-r Tormassow Dimanche et à l'Assemblée Mardy. Hier matin je fus chez elle, je lui dis de ce blond tout le bien que j'en pensais; je lui dis qu'avant de le connaître j'avais été prévenu contre lui, et cela pour cette sotte épithète de *blondasse* à laquelle je n'aurais jamais dû faire la moindre attention; j'ajoutai que l'ayant rencontré quelque fois et ayant causé avec lui assez longtems, je l'avais trouvé plein de raison, de bon sens et d'excellents principes et que je me repentais d'avoir, à mon âge, donné dans une ridicule prévention. Sophie me répondit qu'elle éprouvait la même chose que moi, que tout ce qu'elle voyait et entendait de lui redoublait son estime, qu'en outre il professait pour elle beaucoup d'amitié, mais que cette chienne de prévention demeurait là et l'empêchait de sentir le moindre retour et d'avoir autre chose qu'une haute et froide estime. A cela j'ai fait une mine de désaprobation.—Trouvez vous donc que j'ai tort? me demande Sophie.—Mais oui, un peu, répliquai-je, et la chose ne resta là, parce que nous n'étions pas seuls. Je pris alors une plume sur son bureau et j'écrivis naturellement ce que je pensais en la priant de vous communiquer mon idée; je pliai ce papier, le lui remis, et je m'en fuis pendant qu'elle le lisait. Alors elle me suivit dans l'autre chambre et me dit: *je suis prête à tout par raison, je ne demanderais même pas mieux, mais le goût n'y est pas.* Je ne pus rien ajouter, je partais; mais si elle vous envoye mon papier, je vous coujure de battre à platte couture toute objection qu'elle pourrait faire. Le bon sens veut qu'elle tâche d'aimer et de le persuader. Jamais peut-être si bonne occasion ne se présentera. Telle qu'est Sophie aujourd'hui, tout va bien; elle est jeune et forte, elle est gaye et recherchée, elle plaît au monde et se plaît

dans le monde sans qu'il lui manque *rien*. Mais cela ne durera pas toujours; elle deviendra plus sérieuse, elle trouvera pénible de vivre pour les autres, elle perdra sa tante et n'aura pas les mêmes facilités qu'elle a aujourd'hui... Enfin, les avantages d'une affaire de ce genre sautent aux yeux, et je la souhaite à Sophie comme je la souhaiterais à ma propre soeur. Poussez à la roue, je vous en prie. Je me trouve placé à merveille pour donner un coup de collier de mon côté. Je ne suis que simple connaissance de Sophie, je ne serai jamais soupçonné d'avoir une intention, et je vous déclare que sans faire semblant de rien je saurai saisir l'occasion de la vanter avec adresse et d'enflammer ce blondasse de plus en plus. Il ne tiendra pas à moi que son coeur ne soit percé comme une écumoire, en dût-il mourir. Que pensez-vous de ce beau projet? Pour moi, je le trouve excellent.

Je ne vous plaindrai point de dîner chez vous sous le rapport de la société; à mon gré le genre de vie préférable à tout autre serait de ne sortir de toute la journée que de huit heures à minuit; mais sous le rapport de la dépense c'est bien différent: je ne puis consentir à vous voir manger votre argent de table en cotelettes, tandis qu'il vous est si indispensable pour autre chose. Allons, allons, il faudra sortir à deux heures et rentrer à quatre; cela n'est pas agréable, mais c'est votre tâche, et vous vous en tirerez à merveille, car je compte sur vous pour tout ce qui est raison et sagesse, comme sur Minerve elle-même.

CII.

S-t Pétersbourg, le 13 décembre 1815.

Nous n'avons eu de nouveau pour le jour de naissance de l'Empereur que trois demoiselles d'honneur, qui sont: la princesse Ypsylanti, la princesse Lapouchine et mademoiselle Vietinghof, petite-fille de madame de Lieven. Le prince Gortchakow *à sa requête* cesse d'être ministre de la guerre, mais il siège au Conseil avec une pension de trente mille roubles. L'organisation de ce département est changée, il est confié à quatre personnes: le général Konownitzine, le prince Wolkonsky, chef de l'état-major, m-r de Muller et Zakrewsky, aide-de-camp général; aucun n'a la préséance, mais chacun est responsable dans sa partie.

Hier, après 15 jours, j'ai reparu chez madame Gouriew, et comme de raison j'ai été reçue à bras ouverts. Ce sont en vérité d'excellens

amis pour nous. J'y ai trouvé le comte Tolstoï qui revenait de chez l'Empereur où il avait dîné; nous nous sommes embrassés de bien bon coeur; il m'a dit qu'il attendait sa femme à tous les instants. Pas plus d'Eudoxie dans la maison que si elle n'y demeurait pas: dès qu'elle a les yeux ouverts, elle se transporte chez sa tante Ostermann et y reste la journée entière. J'ai demandé à Hélène ce qu'on avait résolu pour elle, et jusqu'ici rien n'est arrêté; toute la famille me semble pressée de l'expédier à son mari, et on engage Paul-Michel Arséniew à lui servir de conducteur, ce dont il s'acquittera sûrement. Hélène m'a conté que le père avait prêché sa fille, mais que c'est en pure perte; dans ce moment elle ne jure que par madame Ostermann qui est devenue son oracle. Je ne comprends pas comment celle-ci ne lui représente pas qu'il est de son devoir cependant de rester un peu plus chez sa belle-mère.

CIII.

Moscou, le 20 décembre 1815.

Vous êtes bien chiche de nouvelles, et nous sommes tous bouche béante à l'arrivée de chaque poste pour attraper ce qu'on nous appendra. Nous ne pouvons pas croire qu'il y ait un seul ministre conservé, un seul gouverneur qui ne soit pas pendu, et ainsi du reste, parce que nous allons toujours aux extrêmes, comme vous savez. Cependant madame Tourguéniew prétend que son fils lui a écrit que Posnikow, gouverneur de Kostroma, a été dégradé de noblesse et envoyé en Sibérie; cela serait bien consolant pour les pauvres *gouvernés*, car ce gouverneur-là s'est rendu coupable des atrocités les plus épouvanttables, si on en croit la voix publique. Madame A.... remet son départ d'un jour à l'autre, pour avoir encore un Mercredy et puis encore un Samedy (ce sont ses jours d'assemblée); je n'ai été à aucune cette année. A Pétersbourg elle ne règne pas comme ici; mais ici même son règne ne prend pas, et son salon est fort dégarni, dit-on. Elle fait les honneurs de l'Assemblée de la Noblesse aussi, et cela ne plaît point, on y va fort peu en conséquence, parce que chacun veut s'y croire chez-soi, et qu'on prétend que lorsqu'une femme veut faire la reine sans y avoir aucun droit, il faut au moins qu'elle soit *reine affable*: on lui reproche d'avoir un peu l'air d'une souvaraine outragée par ses sujets et qui veut le leur faire sentir par la sévérité de ses regards. Je ne sais pas par moi-même ce qui en est: je n'ai point été chez elle et je n'ai vu qu'une seule assemblée.

CIV.

Moscou, le 27 décembre 1815.

La veuvette Walouiew est dans le 3-ème ciel; c'est une exaltation qui finira par la mener aux petites maisons si on n'y prend garde. Elle fait tous les matins chanter la messe aux enfants Maltzow avec des cérémonies et des prières, puis elle les fait se confesser à leur mère tous les jours avec d'autres céremonies et d'autres prières encore. Assurément cela est bien innocent, mais cela prouve néanmoins une tête trop exaltée. Elle ne parle que du pouvoir de l'enthousiasme, et ce n'est pas de l'enthousiasme que Dieu nous demande, parce qu'il conduit au fanatisme et à l'abus des choses les plus saintes. Luther, Calvin et Mélanchton étaient de vrais enthousiastes et n'ont fait qu'un mal affreux à la religion et au monde. Mon Dieu, qu'on aurait besoin ici et ailleurs de prêtres sages et éclairés par lesquels on se laissât conduire sans vouloir rien faire de plus que suivre leurs préceptes. „Tu aimeras Dieu de tout ton coeur, et ton prochain comme toi-même": ce commandement est bien clair et bien simple. Il ne demande pas qu'on aille chercher midy à quatorze heures. Le pauvre prince Bazile . . . . est fou à lier sur le même article aussi. Il se croit Jésus Christ, roi des Juifs. Il dit à ses médecins: „Je me porte bien, et c'est vous autres pauvres malheureux qui êtes malades, comme je vais vous le prouver". En disant cela il leur montre trois doigts en l'air. „Qu'est ce que cela"? Ce sont vos doigts. „Fort bien, mais combien en voyez-vous?" —Nous en voyons trois. Et là-dessus le prince part d'un éclat de rire et dit avec pitié: „Ne vous l'avais-je pas dit, pauvres gens aveugles que vous êtes, vous en voyez trois parce que vous regardez par les yeux de la chair; mais le fait est qu'il n'y en a qu'un pour moi qui les vois par les yeux de la foi; *croyez à moi, et je vous guérirai tous.*" On ne peut le sortir de-là. Sa soeur Maltzow a dû quitter la maison et se refugier chez la princesse Troubetzkoï. On a écrit au frère de Pétersbourg pour qu'il vienne le chercher et le tirer d'ici. Mad. Walouiew s'établit sa garde-malade, et je meurs de peur qu'elle ne dévienne comme lui; ces choses-là se gagnent quand la tête est faible. On assure que le père de mad. Walouiew est mort fou et d'une folie religieuse aussi; il s'était persuadé qu'à force de jeûner il obtiendrait de voir Christ en chair et en os. Il jeûna tant, malgré tous les soins qu'on avait de lui, qu'il mourut au bout de 15 jours.—Nous aurons un spectacle cette semaine chez le prince Dolgorouky-Balcon; il y aura pièce

française et russe; on fait cent mille bassesses pour avoir des billets, et je crois que ce spectacle est une combinaison du *Balcon* pour se remettre à flot dans la société. La maladie de nos Moskovites c'est de vouloir être de tout, et de croire leur importance compromise s'ils sont oubliés pour une seule invitation. Pour moi qui suis bien invité chez le Balcon, je donnerais mon billet avec le plus grand plaisir si cela se pouvait, car je n'attends pas beaucoup de joye du „Séducteur Amoureux“ joué par Pierre Divow et mad. Alexéew, et du „Trésor Supposé“ traduit en russe et joué par je ne sais plus qui. Ce sera pour après-demain.

CV.

S-t Pétersboug, le 27 décembre 1815.

Madame de Noiseville vous a conté le départ subit des Jésuites et l'effet que cette expulsion a produit sur certaines dames. Je prétends, moi ,que ce sont précisément ces bonnes amies qui leur ont rendu le service de les mettre à la porte. Lise Kourakine tournait à la mort le jour où ces pauvres pères se sont mis en route, et je l'ai vue le lendemain arriver chez sa mère avec les yeux rouges comme le poing. N..., qui jusqu'ici s'était tenu tranquille, a également rompu la glace: il a éte déclamer en faveur du catholicisme chez sa tante Michel, et celle-ci qui ne demande pas mieux que de commérer a fait mousser la chose si haut que la peur a saisi la princesse Boris: elle est tombée à bras raccourci sur son fils et l'a abîmé en ma présence, mais comment abîmé, que les cheveux m'en dressaient à la tête. Ce malheureux jeune homme finira mal, j'en ai le pressentiment. A son arrivée ici je ne me suis pas donné la peine de beaucoup l'observer, mais cependant je n'ai pas tardé à me convaincre que ce n'était *rien du tout*, mais absolument rien; il n'a pas une seule idée juste, et on en peut faire un petit scélérat sans qu'il vienne à s'en douter. Je conçois à merveille à présent comment l'abbé Macquart a pu le mener, et il a confessé dernièrement à sa mere que les lettres qu'il vous a écrites lui avaient été à peu près dictées par cet abbé. Après cela que voulez-vous en conclure si non que c'est un *sot* en toutes lettres, capable de se prêter à des vilainies et même à des attrocités sans même s'appercevoir qu'on les lui fait faire. Mad. de Noiseville le voit bien du même oeil que moi, et quand nous en parlons ensemble, nous le jugeons tout de même. Je plains la pauvre princesse d'avoir pu croire un moment qu'il a changé. Hélas, je crains bien qu'il ne soit pis que jamais. La seule grâce qu'on lui demande à présent, c'est de se taire sur ses opinions re-

ligieuses et de n'attirer sur lui l'attention de personne. Je l'ai supplié de se tenir tranquille; il m'a répondu comme un fanatique et de façon à ne rien promettre. Je ne m'étonnerai d'aucune nouvelle incartade de sa part, et je vous répète que je plains beaucoup les parents d'avoir un tel fils. Pour en revenir à nos amies les Révérends, je vous dirai que j'ai soupé depuis peu avec la comtesse Rostopchine et sa soeur; on n'a pas dit un mot sur l'article des Jésuites, et je me suis bien gardée de leur faire la moindre question. A leur tour, elles ne m'ont rien demandé sur le prince Galitzine, ennemi déclaré des Jésuites, et dont elles me croyent l'amie. Avec les deux partis j'use de la même discrétion, et Dieu me garde de pousser à l'aigreur qui que ce soit; j'ai là-dessus une tactique qui me sert à merveille: j'écoute tout, je ne juge personne, je condamne encore bien moins. J'ai ma profession de foi avec laquelle je tâche d'avancer autant qu'il est possible. Je sais qu'on m'a taxée de catholicisme, de martinisme même; j'ai supporté tout cela sans rien répondre. Peu m'importe le jugement du monde qui pour l'ordinaire porte sur des apparences très-mal fondées.

Lorsque je vous dirai que je ne ris pas de l'histoire de M . . . , n'allez pas croire que je fusse aussi l'inspirée; mais il faut vous avouer qu'il y a *telles choses* que je suis loin de rejetter. J'ignore où en est véritablement l'homme dont vous me parlez; peut-etre est-il plus avancé qu'on ne le croit. Madame Guyon a été traîtée de folle, et cèrtes je n'admets pas qu'elle l'ait jamais été. Je suis fâchée en général qu'on ébruite des faits qui devraient rester secrets, par la raison qu'on peut y donner tel sens qu'on veut, et si j'étais de la famille M . . . , je n'irais pas conter *les miracles de la croix* du prince Bazile, ni ceux de son oraison. Si j'en étais convaincue je les tournerais à la gloire de Dieu, mais en les taisant. Aussi, je n'en ai pas dit un mot à mad. de Noiseville et je serais bien aise que vous en fassiez autant.

1816.

I.

Moscou, le 8 janvier 1816.

J'ai été affligé de l'affaire des Jésuites, quoique j'eusse fort approuvé qu'on eût éloigné ceux d'entre eux qui par leur fanatisme et par l'inobservation des loix exposaient toute la société au malheur que quelques membres seuls méritaient. Dites-moi si mon digne ami le père Rosaven s'est rendu coupable de ces conversions; il a tant d'esprit et un si bon esprit que je crois qu'il aura vu le danger de passer les bornes prescrites par les loix et par la raison. Je regarde l'expulsion de tout le corps comme un malheur pour Pétersbourg et surtout pour la colonie catholique qui avait besoin de leurs secours temporels et spirituels. Enfin, la volonté de Dieu soit faite! Dites-moi qui est cette dernière convertie qui a tout conté? Pauvre Lise, pauvre Nicolas, quels faibles appuis les Jésuites ont dans des têtes de ce genre! Ce que vous me dites de Nicolas me fait encore plus de peine, par rapport à sa digne mère, que de plaisir par rapport à moi qu'il finira par justifier en plein, comme je l'ai toujours prédit.

Chère princesse, votre lettre m'éclaire mieux que toute chose sur vos opinions religieuses. Vous faites à merveille de garder la neutralité dans ces différents; mais vous penchez du côté où les âmes tendres se portent avec tant de facilité et vous croyez à ce que vous désirez, c'est-à-dire, à une communication *sensible* du Créateur avec la créature. Dieu me garde de la croire impossible; ce serait nier les écritures et douter de la puissance et de la bonté de Dieu; mais je pense qu'il n'appartient à personne de prétendre à une semblable faveur. Si elle vient chercher quelqu'âme bien humble, se cera en l'éclairant sur le danger de s'en vanter et non pour l'exposer à l'incrédulité des mondains. Je ne sais trop au fond ce qu'était madame Guyon. L'âme pure de Fénélon la croyait digne de toute confiance; l'esprit transcendant de Bossuet la jugeait d'un exemple dangereux par les maximes qu'elle débitait sur l'abandon de soi-même qui pouvait prêter à de graves abus. J'ai lu les ouvrages de cette femme, ils ne m'ont pas fait tout l'effet qu'ils produisent sur certaines personnes; mais je vous avouerai en confidence que la Vie de S-te Thérèse m'a porté pendant un tems au troisième ciel; c'est bien autre chose que mad. Guyon assurément, et si

vous ne l'avez pas lue, je vous conjure de ne la pas lire: il y a de quoi renverser une tête. Un vieux et respectable Jésuite de l'ancienne roche, Jésuite d'avant leur première expulsion de 1772 et que je voyais journellement à Polotzk, m'a prié sérieusement de lui donner ce livre et de ne jamais m'en occuper. C'était une grande sainte, que cette S-te Thérèse, disait mon vieux père Ricca; mais rien n'est plus dangereux que la lecture de ses ouvrages, et depuis que j'exerce le ministère et que je sers le confessional, j'ai vu plus de cent têtes renversées de la façon de cette sainte, et l'expérience m'a prouvé que rien n'est plus dangereux que de s'occuper de visions; parce que ceux qui y laissent aller leur esprit finissent presque toujours par croire qu'ils en ont et par faire en conséquence mille choses inconvenables; ou s'ils se persuadent enfin qu'ils se sont trompés, alors ils abandonnent presque la foi, comme s'ils ne cherchaient dans la religion que des jouissances sensibles et personnelles. Le père Ricca était lui-même un saint, je vous assure, par sa vie exemplaire et simple et par sa profonde piété; mais il m'assurait que depuis 50 ans qu'il disait la messe tous les jours avec une foi parfaite et une dévotion entière, il ne lui était jamais arrivé rien d'extraordinaire, que ses vieux camarades étaient dans le même cas et que les jeunes gens qui entraient dans l'ordre avec une tête ardente ou une âme trop tendre donnaient presque tous dans les choses singulières, mais aussi ne persévéraient jamais dans leur vocation dès qu'ils voyaient qu'on ne croyait pas à leurs visions. Vous sentez, ajoutait-il, que celui qui aurait le bonheur d'avoir des visions se soucierait fort peu que les autres y crussent ou non et que l'esprit qui l'éclairerait le dédommagerait de l'incrédulité des hommes; mais quand cette incrédulité dégoûte le visionnaire de la dévotion, alors c'est une affaire jugée. Les femmes, me disait encore Ricca, voudraient toutes aimer Dieu comme leur amant, et cela a bien son danger aussi; car rien n'est difficile comme de les diriger pour rectifier cette idée sans attaquer leur foi.

C'est votre réflexion sur M. qui m'a amené à cette discussion; croyez le bien décidement fou; ses extravagances sont la nouvelle du jour; on va le mener à Pétersbourg auprès de son frère. Il persiste à se croire Jésus-Christ, et ceux qui ont donné dans ses miracles sont un peu honteux de leur bonne foi. La veuvette Walouiew marche sur les mêmes traces; quand les choses extraordinaires prennent chez nos Moskowites, en moins de rien cela passe toutes bornes: nous sommes extrêmes en tout. Titow est extrême dans le mensonge; vous n'avez pas d'idée avec quel sang-froid il a fabriqué quatre demoiselles d'honneur, citant une lettre de la comtesse Tolstoï à madame Protassow pour sa

preuve; et quand on a remonté à la source c'était le cher Titow qui de sa grâce avait donné ces décorations-là.

Une lettre de Pologne mande que le comte Jean Potocky s'est brûlé la cervelle; c'est dommage, car il était bien aimable.

II.

S-t. Pétersbourg, le 3 janvier 1816.

Nous avons eu le jour de l'an un bal masqué à la cour auquel il est venu vingt mille personnes; plus de 25 mille billets avaient été distribués: vous pouvez juger quelle foule c'etait. Hier soir on contait plusieurs anecdotes de ce bal; par exemple m-r Fredro, aide-de-camp de l'Empereur, y est arrivé sur les épaules d'une dame qui était tombée au moment où il voulait entrer dans la sale de S-t Georges. Cette malheureuse jetait des cris perçants sans qu'il fût possible de lui porter secours; Fredro à cheval sur les épaules de cette dame était entraîné et porté par la foule, quelque peu d'envie qu'il eût d'avancer dans cette ridicule posture. Ce Fredro, qui nous a conté lui-même cette aventure est un grand et gros garçon qui aura brisé les côtes de cette pauvre femme qui n'aura vu du bal que la porte, car on a dû la reconduire à sa voiture toute moulue et rouée. Dans une autre porte le prince Galitzine, maître de la cour, vóulant percer la foule, se sentit arrêté par la jambe qu'on retient et qu'on gratte avec force; il veut regarder, pas moyen de baisser la tête: la foule est trop grande; enfin il prend le parti de crier aussi; on lui fait place, et il aperçoit Laval étendu par terre: on l'avait fait tomber et, fatigué d'être foulé aux pieds, il s'était accroché fortement à cette jambe de Galitzine. Le prince Lobanow a perdu son domino et son cordon; le comte Vinzengerode, ministre de Wurtemberg, a eu le sien en loques. Tout cela a eu lieu dans les grandes salles du palais, mais pour souper on a été à l'hermitage où il n'y a eu que ceux qui ont leurs entrées à la cour, et là on a été fort à l'aise. Les tables ont été servies avec la plus grande élégance, il y a eu des fleurs naturelles comme en été, et les étrangers en sont tous dans l'admiration. Je vous raconte tout cela comme si j'y avais été, et pourtant je ne sais rien que par ouï dire, car j'ai passé cette soirée le plus tranquillement cher madame Gouriew. Depuis les fiançailles je n'ai pas été à la cour et jusqu'aux noces je ne compte pas m'y montrer, si ce n'est les jours où je serai de service. Lentzi, avec sa lettre à *monsieur le conseiller*, n'a pas le sens commun

et ce qu'il vous demande est une bêtise; il n'a pas une idée sur le peu de valeur qu'ont les lettres en général, et s'il voulait m'en croire, il ne frapperait qu'à la porte du prince maréchal Soltikow: c'est le seul qui lui puisse faire quelque chose. Le chef ne sera point changé; ses actions sont, au contraire, fort remontées, et je crois que je finirai par lui parler de Lentzi pour l'acquit de ma conscience, quoique selon toute apparence il me renverra sans rien faire; j'ai tâché d'intéresser en sa faveur le prince Alexandre Soltikow qui m'a fait de belles phrases, et je crois que ce sera tout ce que j'en aurai. Que voulez-vous! C'est la mer à boire que de demander quelque chose à ces messieurs; souvent on aimerait mieux tourner une meule de moulin que de leur parler. Je ne saurais vous dire où en est l'affaire de Kombourley, il y a eu plusieurs séances au conseil à ce sujet; il est grièvement accusé, mais on ne sait point encore comment il s'en tirera. M-r de Noaïlles nous revient incessamment; on croit qu'on lui donnera l'hôtel occupé autrefois par le duc de Vicence, parce que Pozzo conserve à Paris l'hôtel Thélusson. Lebzeltern est nommé ministre d'Autriche; nous l'avons eu longtems comme chargé d'affaires du tems de S-t Julien. Lord Cathcart donne des bals le Jeudy; il a trois demoiselles qu'il est bien aise de faire danser. Pour éviter une invitation je le fuis comme s'il avait la peste. Walpole a donné de ses nouvelles en partant de chez-Ribeaupierre où il a passé dix jours.

III.

Moscou, le 10 janvier 1816.

On nous assure que le tarif est signé et que toutes les productions étrangères entreront librement; cela me semble si beau que j'ai peine à y croire: nous pourrons donc nous faire des chemises et des habits sans nous ruiner et boire notre thé sans compter les morceaux de sucre. Cela ne laisse pas que d'être fort agréable! M-r Gouriew conserve donc sa place, à ce qu'il paraît; j'en suis fort aise pour lui et pour son fils. Tâchez de grâce de savoir quel a été le jugement du gouverneur de Kostroma sur lequel il court ici vingt versions différentes. Je suis surpris que le gouvernement ne fasse pas publier par les gazettes les actes de justice de ce genre: cela serait consolant pour les victimes de ces petits tyrans de province.

IV.

Moscou, le 17 janvier 1816.

Quant à madame A., je sens tout ce que doit lui coûter le rôle de soumission qu'elle est contrainte de jouer chez sa moustachine de mère; on lui laisse prendre ici une attitude tellement impérative que Pétersbourg doit être pour elle comme les coulisses sont pour les héros de théâtre où ils rentrent dans légalité avec les seigneurs et dames de leur suite. Cependant cet hyver on s'est un petit brin révolté contre la prétention de mad. A. de faire les honneurs de l'Assemblée de la noblesse en sa qualité de directrice. Le public a prétendu que les directrices n'avaient et ne pouvaient avoir aucune préponderence; que leur office se bornait à distribuer des billets d'invitation aux étrangers qui en demandent, mais que dans la salle de l'Assemblée on ne devait plus savoir qui était ou n'était pas directrice. Cela ne faisait pas le compte de mad. A., qui se rendait la première pour recevoir comme elle aurait reçu chez-elle et qui en conséquence y a emboursé plusieurs petites mortifications. Dès la seconde fois il n'y a eu que 15 femmes; en entrant elles demandaient, où est madame A.? On leur disait: la voilà à gauche, et madame A. se levait prête à faire la révérence, et l'on prenait à droite en sorte qu'on avait fait tout le tour de la salle avant d'arriver à elle, et quand on en était à six pas, on rebroussait pour l'éviter. Cela n'était pas autrement gai, mais elle a tenu bon. Le Mardy suivant toutes les femmes comme il faut se portèrent à l'orchestre, il y en avait plus de 200, et dans la salle on voyait madame la directrice et sa petite cour, avec 22 ou 23 hommes tout au plus, et bientôt ces hommes sont montés à l'orchestre pour voir leurs connaissances. Monsieur A. était furieux; il est allé chez m-r Tormassow pour le prier de faire courir par la police une invitation d'assemblée extraordinaire à l'effet de demander aux membres du club quels pouvaient être leurs sujets de plainte. Le général-gouverneur a répondu fort prudemment qu'il ne se mêlerait jamais d'une chose de ce genre, qui n'était nullement de son ressort, qu'il était lui-même membre du club et rien de plus. Alors m-r A. a convoqué une assemblée du matin par la gazette, et il a demandé à ceux qui y sont allés quels étaient leurs griefs et qu'il priait qu'on les mît par écrit. Personne n'a voulu écrire, mais plusieurs voix ont crié bien clairement: *les directrices déplaisent,* et là-dessus monsieur A. a donné sa démission de starchina; mais il prétend que sa femme a trop de courage

pour ne pas tenir bon. En attendant, trois des directrices, mad. Wolkow, la princesse Barbe Gagarine et la princesse Obolensky, en apprenant le propos des mécontents, ont envoyé leur démission à l'instant, et A. s'est fâché contre elles au point de se brouiller à peu près avec madame Wolkow. Nous verrons au retour de madame A. comment elle prendra la chose. Tout cela est bien misérable, mais vous connaissez assez Moscou pour comprendre à quel point cela nous occupe. Quand je dis *nous*, croyez que je m'en *bats l'oeil* et que je ne suis jamais pour rien dans toutes ces bêtises. Je n'oublie pas que ma qualité d'étranger me fait une loi de prudence de ne jamais paraître activement dans aucune assemblée élective; je ne donne jamais ma voix pour qui que ce soit. M-r A. voulut l'année dernière me faire signer pour telle ou telle directrice, je m'y refusai; il cherchait des voix partout à cet effet, et m-r Meilhan balotta ces dames en qualité de membre du club. Concevez-vous le relief que cela donne à madame Tolstoï par exemple ou à madame Apraxine d'être balottée par Meilhan et que Meilhau puisse dire: je veux de madame une telle et je ne veux pas de telle autre! Tout ce balottement-là m'a paru la chose du monde la moins galante pour des femmes d'un certain ordre....

Je trouve qu'on peut dire à Talleyrand en réponse à ses bons mots: „Vous ne nous ferez jamais tant rire que vous nous avez fait pleurer". Il a dit assez sarcastiquement quand Richelieu fut nommé à sa place: „On a raison d'en faire un premier ministre, c'est l'homme de France qui connaît le mieux la Crimée!" Avez-vous lu une petite brochure intitulée *Du ministère*, par m-r Léopold Massacré? Vous vous la procurerez facilement à Pétersbourg; elle est du mois de septembre dernier; c'est tout ce qu'on a pu dire de mieux sur ces deux scélérats, Talleyrand et Fouché, et je ne doute pas qu'il n'ait contribué à leur donner le coup d'assommoir. Lisez cette brochure; c'est l'affaire de 20 minutes; cela est fait à merveille et m'a fait un bien grand plaisir. Le roi cajole encore Talleyrand et pourtant il ne l'aime pas. Le roi est plus royaliste que vous ne pensez, mais il a reçu de la nature une forte propension à montrer un extérieur de circonstance. Il est vrai qu'il était constitutionel en 1789, mais je l'ai vu fort despote à Coblence en 1792. Entre nous, je ne choisirais pas un caractère comme le sien pour en faire mon ami; il n'est pas de ces gens sur lesquels on peut compter et qui sont le 31 décembre comme on les a vu le 1-er janvier. La candeur, la franchise et la stabilité dans les sentiments sont des qualités bien précieuses; c'est dommage qu'elles soyent si rares.

V.

S.-Pétersbourg, le 15 janvier 1816.

Vous n'imaginez pas combien je suis en l'air toute cette semaine; depuis Lundy je n'ai rien fait de ce que j'ai voulu. Continuellement une grande toilette, et toujours de service chez l'une ou l'autre des Impératrices. Mercredy, jour des noces de madame la grande-duchesse Catherine, je fus tout le jour à la cour; le matin à l'église, ensuite un grand dîner et le soir bal; je ne me suis rien refusé, et si vous aviez pu me voir avec une belle robe de velours verd-pomme brodée en argent, avec une traîne qui n'avait quasi pas de fin, et puis avec une toque ombragée de plumes qui allaient et venaient, vous eussiez été en doute si c'était bien la *moi* que vous n'avez jamais vu qu'en capote ouattée. Voilà cependant comment j'ai paradé trois jours de suite, et voilà ce qui m'attend encore pour le 28, qui sera le jour des fiançailles de madame la grande-duchesse Anne. Mais que la chose me plaise ou non, tant que je serai à la cour il m'est impossible de ne pas me rendre à mon devoir; il faut se parer, il faut paraître, il faut danser. Le lendemain des noces il y a eu cour chez l'Impératrice Élisabeth; hier on a été complimenter les mariés chez eux. Aujourd'hui on se repose. Demain grand dîner chez l'Empereur, le soir petit bal. Mardy hermitage, et Jeudy grand bal chez l'Impératrice-mère. On a donné à l'occasion des noces quelques cocardes de S-te Catherine, entre autres à mad. de Nesselrode et à la jeune Lieven, ambassadrice en Angleterre, et deux chiffres de d-lle d'honneur à mesdemoiselles Chichkine et Mourawiew. Le prince royal de Wurtemberg a donné de belles boïtes avec son portrait au grand-chambellan, au maître des cérémonies, au chambellan de service et au ministre des finances qui en a reçu une aussi de madame la princesse royale. La princesse Wolkonsky a eu des belles perles avec un saphir entouré de diamants; enfin tout ce qui tient à la cour de madame Catherine a été fort bien traité par son époux. Le prince Gagarine qui l'avait accompagné dans son voyage vient de passer à la cour de l'Empereur comme écuyer et conserve en même tems le traitement qu'il avait à la cour de Twer.

VI.

Moscou, le 24 janvier 1816.

Vous m'avez fait venir l'eau à la bouche en me contant votre parure pour les noces de madame la grande-duchesse Catherine. Une robe vert-pomme brodée en argent avec une traîne presqu'infinie, une toque chargée de plumes ondoyantes, et je parie des épaules bien découvertes et surtout bien blanches que vous passez sous silence, parce que vous croyez peut-être qu'en parlant de soi-même il est bienséant de ne faire mention que des beautés acquises, comme si à un ami de ma sorte on ne pouvait et même on ne devait pas parler sans réserve! J'aurais voulu voir tout cela; j'y aurais pris grand plaisir et j'aurais joui de vos succès plus que vous-même; car je dois vous dire que j'ai pour vous un amour-propre extrême, mais non point un sôt amour-propre, comme on en a souvent pour des avantages que le hasard nous donne: non, non, le mien est un amour-propre éclairé, mettant sa jouissance dans cet accord parfait qui forme le vrai beau et que tout connaissant admirera en vous,—accord entre les qualités essentielles du coeur, les charmes de l'esprit et ceux de la figure, ce qui est aussi rare que précieux, de la piété, de la clémence, de la sagesse, de la mesure, un tact fin pour les convenances par tout à votre place. Faut-il rester chez vous, vous y êtes avec une douce gayeté qui persuaderait que vous n'aimez que la retraite; faut-il être à la cour, vous y allez sans humeur, et rien n'est oublié pour y paraître avec avantage... Voilà ce qui forme une femme parfaite, et je veux vous dire, au risque de me faire gronder, que je vous trouve une ressemblance infinie avec madame de Maintenon; elle avait justement les qualités qui vous distinguent, et ces qualités ont fait sa fortune. Dans les mêmes circonstances vous auriez été ce qu'elle fut. Femme de Scaron, tous vos soins eussent été prodigés à un mari paralytique, et vous eussiez fait de sa maison le rendez-vous de tout ce qui avait du goût et de l'esprit. Appelée à élever des princes, c'est là surtout que vous eussiez brillé, car vous avez le don d'éducation au suprème degré. Dame d'atours d'une dauphine, vous auriez attiré tous les regards et concilié toutes les passions de la famille royale; vous auriez prêché le roi avec autant de grâce et de succès; et parvenue au faîte de la grandeur, nul doute que vos vertus, votre douceur et vos manières aimables n'eussent désarmé l'envie et fait pardonner tout ce que votre fortune aurait eu d'extra-

ordinaire. Ma comparaison, chère princesse, n'est ni fausse ni exagérée; elle m'a souvent passé par l'esprit comme un éclair; mais votre parure noble et élégante m'a rappelé ce que disait l'abbé Gobelin de ces belles étoffes qui tombaient avec profusion à ses pieds et qui semblaient relever encore la modestie de sa pénitente, et je me suis écrié: c'est encore madame de Maintenon, c'est elle en toutes choses, et je veux le lui dire. Scrutez-vous bien et osez me soutenir que je n'ai pas remontré parfaitement juste! Les circonstances ne vous mèneront jamais aussi loin; mais votre tenue et votre manière d'être doivent à la longue vous donner un poste fixe et une existence honorable. On ne peut pas être éternellement demoiselle d'honneur, mais on peut vivre à la cour avec toutes sortes d'agréments sous un titre différent et avec des fonctions moins assujettissantes; c'est à quelque chose de semblable que vous portent tous mes voeux, et je crois voir une espèce de certitude à leur accomplissement dans la bienveillance générale que vous capterez infailliblement en persistant dans cette juste mesure et dans cette conduite parfaite pour vous-même comme pour les autres et qui est le comble de la sagesse.

Vous m'avez intéressé pour ce pouvre comte Ostermann. Il est clair qu'il est sous un joug qu'il n'ose secouer et dont il sent tout le poids; mais son coeur est bon, et il souffre d'autant plus. S'il avait la force de résister à sa femme, il la verrait à ses pieds; il redoute, je pense, les scènes d'éclat que les premiers symptomes de résistance occasionneraient, et pourtant ce serait la seule manière d'obtenir de la tranquilité. „Madame, séparons nous, ou vivons en paix; plus de jalousie, plus de visions, plus de scandale; sinon, je me retire chez moi et ne vous verrai de ma vie"... Ce peu de mots, dits avec la fermeté, qui persuade, changerait en agneau timide cette lionne irritée. Croyez que la jalousie ne peut-être vaincue que par la peur de perdre l'objet qui l'excite. La manière dont Ostermann s'y est pris avec vous est touchante et peint à la fois son bon coeur et sa fâcheuse position.

VII.

Moscou, le 27 janvier 1816.

J'ai écrit à mad. de Noiseville que l'abbé dit hautement qu'il attend la mort du c-te Markow pour se justifier des intrigues qu'on lui impute, et que l'homme d'affaires du comte, un certain Grec, grand fripon, croyant accaparer l'héritière de l'indulgence de laquelle il aura grand besoin à la reddition des comptes, est tout-à-fait de moitié avec l'abbé et parle de son renvoy comme d'une injustice. C'est tout ce qui m'est revenu avec précision, et là-dessus je conclus que l'abbé n'a point abandonné son plan, mais qu'il en a ajourné l'exécution après la mort du comte, si tant est que celui-ci laisse sa fille sans l'avoir mariée. Mad. de Noiseville me répond à cela avec beaucoup de feu que personne de la famille ne pense à s'allier avec madame Hus et compagnie; mais qu'elle sait positivement que la petite a ouvert son coeur à une certaine madame Paris qu'elle a rencontrée je ne sais où, et qu'elle s'est plainte avec amertume des persécutions qu'on lui a fait éprouver. Je crois que l'abbé exagère beaucoup; cette Paris est une vieille actrice française qui a demeuré autrefois chez mad. Hus à qui la petite a bien pu parler un peu et qu'elle aura même chargée de compliments pour l'abbé, mais entre eux ils auront arrangé le reste. Ee fait est que la Paris s'est établie près de Létischew, attendant le retour de la famille où elle fera tout ce qu'il plaira à Dieu de lui laisser faire. Le comte de Markow sait mieux que personne ce qui convient à sa fille. Quant au dedain de Nicolas, je n'y crois nullement. Aujourd'hui il dira *blanc*, et demain l'abbé lui fera dire *noir*. Entre nons, d'après l'aveu du jeune homme confessant que les lettres qu'il m'a écrites lui avaient été dictées par l'abbé, je pense que la mère aurait dû voir dans ce dernier un homme fort dangereux pour son fils, et aurait du en conséquence lui interdire toute communication avec lui. Mais ce sont leurs affaires.

VIII.

St.-Pétersbourg, le 27 janvier 1816.

J'ai toujours oublié de vous parler de ce gouverneur de Kostroma, dont le jugement vous tient si fort à coeur. On dit que c'est un scélérat épouvantable et qu'il doit être jugé incessamment; mais qu'est ce qui en adviendra, c'est ce que personne n'a pu me dire. Quand à m-r Kombourley, cela va mal pour lui, et le Conseil vient de recevoir un nouvel ordre de procéder avec vigueur à son affaire; il me paraît qu'il aura de la peine à se justifier et que les accusations qui pèsent sur lui sont assez graves; personne ne le voit ici, et je ne sais trop où il se tient. Ces gouverneurs font des choses incroyables, et je ne connais rien de malheureux comme les gentilshommes de province qu'on vexe impitoyablement et qui ne trouvent jamais justice contre une autorité qui se permet tout, et qui au besoin couvrent ses déprédations à force d'argent quand il s'en est gorgé aux dépens du public. L'Empereur ignore sûrement tout ce qui se passe dans son Empire; cependant on voit par l'exemple de Kombourley quelle est son indignation contre les prévaricateurs qui par leurs charges devraient être les représentants de sa justice comme de sa clémence.

IX.

St.-Pétersbourg, le 2 février 1816.

...Le fait est que la pauvre Lise dans un moment d'égarement, occasionné par des maux de nerfs, a jugé à propos de se martyriser. Elle s'est renfermée dans son cabinet et a mis sa main droite dans des charbons ardents; peut-être s'y serait elle brûlée entièrement, si son mari et mad. de Noiseville, qu'il avait fait chercher pour calmer l'agitation de sa femme, ne fussent entrés en forçant la porte. Ils la trouverent assise auprès de sa cheminée, pâle, l'oeil hagard, la bouche ouverte.... On lui parla; à peine répondit-elle, et comme on voulut la faire coucher, un mouvement qu'elle fit découvrit sa main toute noire. Kourakine effrayé lui demande ce que c'est, et Lise très-tranquillement dit: „Ce n'est rien, c'est pour l'amour de Dieu; d'autres en ont fait bien davantage, je ne suis qu'une réprouvée, et il est juste que je me purifie par le feu“. Vous imaginez la contenance de mad. de Noiseville.

Pendant qu'on court pour chercher des médecins, on se met en devoir de la secourir; elle délirait complettement, et l'agitation que la brûlure venait d'augmenter était d'une nature fort allarmante.

On envoye à chercher la princesse Aléxis: la seule personne en qui Lise eut de la confiance. Dès que celle-ci fut arrivée, Lise demanda à grands cris les secours spirituels, et tout bien considéré on se décida à faire venir le curé catholique, le bon vieux abbé Pinguelli. Sa présence produisit l'effet qu'on en désirait, il s'enferma avec la malade et parvint à la calmer; mais lorsqu'il sortit de chez-elle, le pauvre cher homme tremblait de frayeur que tout cela ne lui tombât sur le corps, et on eut toutes les peines du monde à le rassurer. Vous comprendrez, combien il est nécessaire de se taire sur ce fâcheux évènement; aussi je compte que vous n'en parlerez pas même à Sophie, je vous le demande en grâce. L'état de la princesse Boris est digne de pitié, elle fait mal à voir; d'abord les souffrances physiques de sa fille, ensuite tout ce qu'elle voit de désordonné dans sa tête la font pleurer à chaudes larmes. Il n'y a plus à douter sur la religion de Lise, elle s'est déclarée ouvertement. A travers tout cela les parents Kourakine vont déclamant contre le catholicisme et les conversions qui se sont faites; la belle-mère raconte, dit-on, l'histoire de la brûlure à qui veut l'entendre, et il en résulte des commérages à n'en pas finir. Moi je me suis déterminée à tout nier, et même à mentir: j'ai dit chez les Gouriew, chez la p-sse Woldemar, chez Théodore, enfin partout où j'ai pu, que Lise en voulant brûler des papiers s'était brûlé la main, qu'ayant vu la flamme s'élever elle s'était effrayée, avait perdu la tête et avait eu des maux de nerfs. On le croira ou on ne le croira pas, cela m'est égal; je me suis arrangée à faire cette histoire et je m'y tiens.

Je vous conjure de ne pas plaisanter avec Sophie au sujet du blondasse; qu'elle l'épouse si elle peut, mais que jusques là elle n'en recoive aucun présent: ce serait se donner l'apparence d'une fille entretenue, et quel moyen de tenir en respect un homme dont on accepte les cadeaux! On peut fort bien plaisanter avec un jeune homme comme S., moi-même il n'y a sorte de folies que je ne dise quelques fois avec André et Woldemar Galitzine; mais au milieu de ces folies je leur tiens la main haute, et je vous réponds qu'ils ne me diront jamais que ce que je veux bien qu'ils me disent.

M-lle Stourza épouse le comte Hedeling, grand-maître de la cour de Weymar, un homme charmant sous le rapport du caractère et de l'esprit; tous nos Russes qui l'ont vu à Weymar m'en ont fait un grand éloge; cela me fait espérer que m-lle Stourza à qui je veux beaucoup de bien sera heureuse; mais je suis fâchée de lui voir quitter le pays:

c'est une personne très-distinguée et qui vous plairait beaucoup si vous la connaissiez. Elle a rapporté de son voyage avec l'Impératrice un grand goût pour l'Allemagne, et il me paraît que ce goût l'a déterminée en grande partie; au reste, qu'elle y aille pourvu qu'elle soit heureuse.

X.

Moscou, le 10 février 1816.

Une prosélyte comme la princesse Kourakine nuira beaucoup à la cause des catholiques, et il faut convenir que cette aventure n'est pas propre à la servir; Dieu préserve qu'un fanatisme pareil se propage! On a très-véritablement abusé de la faiblesse de cette pauvre tête, et des directeurs de cette nature entendent bien mal l'esprit de la religion et même l'intérêt de cette religion qui veut que tout se fasse avec douceur et modération, qui veut qu'on la présente comme une religion consolante et non comme un épouvantail. La peur de l'enfer est faite pour contenir, mais il faut savoir la combiner avec la miséricorde de Dieu; la lecture des actes des martyrs n'est nullement à la portée des têtes faibles ou exaltées. Dieu a permis des martyrs pour fonder le Christianisme, ils ont dû cesser avec les persécutions, et ce serait bien mal entendre les choses que de regarder ce qui arrive aux Jésuites, comme une persécution formée contre la religion. Les chrétiens ne persécutent pas les chrétiens, surtout entre Catholiques et Grecs qui diffèrent si peu; mais un gouvernement sage doit éloigner tout membre qui tend à porter le trouble dans la société, fusse même par le motif le plus saint et le plus pur. C'est ce qui a dirigé le cabinet dans l'expulsion des Jésuites, mais les fanatiques de parti croyent tout perdu et se livrent aux erreurs de leur imagination, et il en arrive ce que nous voyons.

XI.

St.-Pétersbourg, le 14 février 1816.

Depuis Jeudy j'ai été toute occupée de ma jeune cour et je vous conterai ce qui s'y est passé. Je crois vous avoir écrit en allant ou en revenant de l'hermitage; eh bien, le lendemain, avant dix heures, j'étais déjà toute parée dans le salon de la grande-duchesse; m-lle Samarine et nos messieurs arrivèrent de leur côté; le brillant Czernichew, qui est aussi des nôtres, avait eu l'attention de faire faire un bon feu de cheminée, nous nous établîmes autour, et on causa très-agréablement jusqu'à onze heures que nous eûmes la première audience. Elle fut pour l'ambassadeur de Hollande, à la tête de tous les Hollandais et Belges qui se trouvent ici; c'était proprement pour tout ce qui compose la cour du prince d'Orange. Après cela est venu le Saint Synode, puis le Conseil Suprème, puis la maison de l'Empereur, puis les officiers de l'état-major, puis la garde impériale. Cette séance a été d'une longueur terrible; aussi dès qu'elle fut terminée, nos jeunes époux se retirèrent pour aller se reposer un peu. M-r de Czernichew, toujours aimable, me pria d'aller dans le cabinet du prince pour prendre quelque rafraîchissement; en y entrant nous vimes une table de 12 couverts, et il nous fut servi un déjeuner trés-copieux; le plus galamment du monde le général me pria d'en faire les honneurs, et je m'y prêtai de bonne-grâce. Après avoir repris des forces, nous retournâmes dans la salle d'audience pour recevoir les grandes charges de la cour, le corps diplomatique, les dames d'honneur et finalement celles de la ville. Cette séance a duré jusqu'à trois heures. Le reste de la journée a été libre; j'en ai profité pour aller voir la princesse Boris. Samedy matin, le prince et la princesse d'Orange me firent l'honneur de m'engager à déjeuner, et j'y allai à midy; la société était toute hollandaise, il n'y avait de Russes que les personnes attachées à leur cour. Cela fut fort gai, sans façon du tout, mais avec le meilleur air du monde. Le prince est très-aimable, il a été élevé parfaitement, et on voit que cela a été un peu à l'école de l'adversité; il paraît plein de sensibilité et en même tems de raison. Cette fois j'ai causé beaucoup avec lui et j'ai été très-contente de toute sa manière d'être. Après le déjeuner j'eus encore la journée à ma disposition et je la passai chez mad. de Litta où l'on s'amusa à voir un escamoteur fort adroit. Hier, Dimanche, j'accompagnai la princesse d'Orange chez l'Impératrice-mère, ensuite à la messe, après quoi elle donna encore audience à la duchesse de Ser-

ra-Capriola, à lady Cathcart, aux dames de Maistre, puis à quelques hommes; on dîna chez l'Empereur en famille; le soir grand bal dans la salle blanche où je fis une dizaine de verstes en marchant des polonaises; je soupai entre mesdames Strogonow et Apraxine, et je reconduisis ma princesse chez elle. Tout cela me fit veiller jusqu'à une heure et demie. Aujourd'hui toute la journée est pour moi, c'est le tour de m-lle Samarine; mais demain je reparaîtrai sur la scène, car nous aurons un petit bal chez l'Impératrice-mère. Jusqu'ici rien de ma nouvelle existence ne me déplaît; ces jeunes époux sont d'une amabilité charmante; ils sont remplis d'attentions et de politesses; je tâcherai de leur être agréable, et pour le reste ce sera comme Dieu le voudra. Toutes mes connaissances me plaisantent sur ma rentrée dans le monde, chacun plus ou moins m'en semble charmé, et je ne puis qu'être reconnaissante de l'intérêt qu'on veut bien prendre à ma personne. Théodore est comme vous, il rève déjà Dieu sait quoi sur mon avenir; je le laisse faire sans m'inquiéter de la réussite ou du manque de tous ses plans; je suis bien décidée à n'en former aucun: tout a son tems, comme je dis. Si quelque chose a été beau, mais d'une beauté *féerie*, c'est la salle du souper cette nuit; on n'a rien vu de si magnifique. Imaginez une profusion de fleurs naturelles comme en été; plus de cent orangers, les uns chargés de fruits et les autres en fleurs, posés symmétriquement entre les tables; un luminaire superbe, une musique de cor qui arrivait d'une pièce voisine sans qu'on vit les musiciens; c'était délicieux. Les étrangers étaient dans l'admiration, Fredro entr'autres à qui j'entendais dire: il n'y a que l'Empereur de Russie chez qui on puisse voir cela, et je crois qu'il dit vrai.

J'ai vu hier M., qui m'a dit que son frère allait mal; c'est une folie bien décidée, et d'après les renseignements que j'ai eu sur ce malheureux ce n'est nullement la dévotion qui lui a tourné la tête: ce doit être tout-à-fait autre chose. Nous avons aussi en ce moment Constantin Benkendorf qui est arrivé de Berlin malade à peu près comme l'a été ma soeur; il est dans un désespoir effrayant et frappé de l'idée qu'il rend sa femme malheureuse, tandis qu'elle est parfaitement contente de lui. On a appelé tous les médecins, on ne sait ce qu'ils en décideront; mais je crois qu'on essayera le magnétisme, car ce traitement commence à faire fureur. M-r Stoffrégen, premier médecin de l'Impératrice régnante, vient d'établir un baquet; il y en a un autre chez un jeune homme arrivé de Berlin: c'est à qui mieux mieux. Je crois vous avoir dit que je n'accepte la chose ni ne la rejette, je veux avant tout l'aller voir dès que les fêtes seront finies; alors je vous en donnerai des nouvelles. Lise va mieux, cependant elle a de la fièvre

à peu près chaque jour; je ne l'ai pas encore vue depuis l'amputation, ce qui bien me fâche; mais avec la vie que je fais actuellement je vois que je serai souvent bien en arrière avec elle et madame Swistounow. Celle-ci vient enfin de placer son fils chez Jacquinot qui a, dit-on, la meilleure pension de Pétersbourg. Je serais fort d'avis de l'envoyer dans un collége d'Allemagne, mais point dans un de ceux où l'on prèche la religion naturelle, comme on assure qu'il y en a beaucoup.

XII.

Moscou, le 21 février 1816.

Vous voilà attachée à la princesse d'Orange, mais à quel titre et jusques à quand? Voilà ce que je ne sais point. Je félicite l'auteur d'un choix aussi judicieux; si c'est la grande-duchesse elle-même, elle prouve un goût sûr et fin; si c'est le prince d'Orange, je me vanterai d'avoir avec s. a. r. un point de rapport qui me flatte infiniment: car il est sûr qu'à sa place j'aurais fait juste le même choix. Si c'est l'Impératrice-mère, c'est une marque certaine d'un jugement éclairé. Croyez que je ne suis point un mauvais prophète; avant de prédire votre rhume n'ai-je pas annoncé que vous étiez faite pour mieux que la simple cellule du corridor; n'ai-je pas prédit que votre conduite, toute remplie de sagesse et de mesure, vous pousserait tôt on tard? Pouvez-vous me contrarier là-dessus? Chère princesse, je suis ravi pour vous, je ne vous le cache pas et je vous vois marcher selon mes voeux les plus ardents.

Je vous conjure de ne rien croire de ce qu'on vous dira au sujet du magnetisme animal, jusqu'à ce que vous ayez vu par vous-même, mais vu des preuves irrécusables et de nature à n'admettre aucune espèce de fraude. J'ai été magnétisé à trois reprises différentes pendant des maladies assez graves. En Suisse il y a 30 ans, à Londres il y en a 20 et à Moscou en 1813 par le docteur Klein, l'un des apôtres de cette secte. Jamais je n'ai pu parvenir à rien sentir, ni à avoir envie de dormir. Je crains que tout cela ne couvre quelque chose et qu'on ne soit aux regrets d'avoir donné là-dedans avant qu'il soit peu. Votre sagesse veut que vous gardiez là-dessus une neutralité parfaite comme dans l'affaire des Jésuites. Laissez faire et dire et ne vous prêtez à quoi que ce soit, quand bien même les gens en qui vous avez le plus de confiance vous sembleraient persuadés. Les M...... passent ici pour être les grands prôneurs du magnètisme; leur soeur Troubetzkoï est dans le baquet jusqu'aux oreilles. Samarine en conte des dé-

tails qui me font lever les épaules. Encore une fois, gardez-vous de tout cela, de peur que la fin n'en soit ridicule ou même fâcheuse.

Je sais fort bien ce que vous voulez dire quand à la cause du mal de Basile, et je ne doute pas que cela n'ait contribué à lui affaiblir le cerveau; mais c'est précisément sur les cerveaux faibles qu'il faut prendre garde de travailler en matière de religion. Le comte Léon Razoumowsky me parlait il y a trois ans de Basile comme d'un saint, au secours duquel il fallait bien vite venir pécuniairement, attendu qu'il n'avait pas le sou. J'aurais pu certifier alors que c'était un saint qui faisait des choses bien profanes; mais je laissais dire et payer à ce pauvre comte Léon qui n'est dans une certaine secte que pour financer et qui s'en acquitte avec un zèle et une bonne foi qui en font un sujet bien précieux pour certaines gens; je vous dis là des choses qu'il faut garder pour vous, je vous en prie; car les faux dévots m'arracheraient les yeux, et je n'ai point comme la princesse Kourakine de vocation pour le martyre.

Nous voici enfin dans le carême, il y a 15 jours que je languis après ce moment de monotone tranquillité qui succède à une joye plus monotone encore. Les jeunes gens sont sur les dents à force d'avoir dansé. Samedy, au bal du matin de l'Assemblée, les demoiselles étaient pâles comme des spectres, les mamans jaunes comme des coings; tout cela n'avait ni dormi ni reposé depuis 48 heures. A Moscou la modération en toute chose est un être de raison; on ne sait ce que c'est que *mesure*, et le mot *assez* semble être vide de sens. Il n'y a qu'Apollon Maïkow qui ait le sens commun; il a donné toute la semaine de carnaval spectacle matin et soir, mais il a jugé que s'il faisait rire les spectateurs, ce serait pour les achever, en sorte qu'il les a régalé pour les jours gras de Mérope, de Tancrède, Otello, Dmitri Donskoy, le Masque de Fer et toutes les tragédies traduites ou originales qu'il a pu trouver dans son répertoire. Cela vaut bien mieux pour la populace que Pourceaugnac, Jocrisse et autres farces en usage pendant le carnaval. C'est un homme de goût que Maïkow et qui connaît l'à propos.

XIII.

S-t Pétersbourg, le 21 février 1816.

Depuis ma dernière lettre de Lundy je n'ai pas été un moment tranquille. Mardy nous eûmes petit bal chez l'Impératrice-mère, Mercredy des présentations dans la matinée et le soir hermitage, Jeudy on me fit chercher dès dix heures du matin: c'était pour aller en traîneau. Nous fûmes au palais d'Anitchkow où madame la princesse de Wurtembrerg donnait un déjeuner; de-là nous allâmes sur le chemin de Péterhof pour glisser sur les montagnes. Des trois grandes-duchesses, les deux grands-ducs, les princes d'Orange et de Wurtemberg et quelques personnes de leur suite formaient toute la société; nous étions une vingtaine de personnes. On s'amusa à glisser jusqu'à l'heure du dîner, il régnait une grande aisance, beaucoup de gayeté et un certain air de sans-façon qui rendait la partie très-agréable. Le prince d'Orange était enchanté de ce genre de plaisir dont il n'avait pas une idée; celui de Wurtemberg également; c'était à qui glisserait davantage; les chutes qui ne manquèrent pas comme de raison, amusaient royalement les grands-ducs Nicolas et Michel; pour ma part j'en fis une avec le général Czernichew, mais sans me faire le moindre mal, et piquée d'honneur je proposai de reglisser de nouveau, ce qui pour cette fois réussit à merveille. Nous dinâmes à trois heures, à la campagne Zawadowsky où étaient ces montagnes, et c'est madame Catherine qui fit les honneurs du dîner. A cinq heures on retourna en ville, et à huit je fis une nouvelle toilette pour un bal qui se donnait chez lord Cathcart et qui fut assommant. Un local trop petit pour la quantité de monde qu'il y avait, ensuite il avait imaginé d'illuminer la salle du bal avec des lampions à l'huile qui donnaient une odeur de mauvaise salade et une chaleur à ne pas respirer; de plus, ni lui ni sa femme ne sont fort habiles à faire les honneurs. L'ambassadrice ne sait pas un mot de français et s'exprime par gestes comme les sourds et muets; elle a bien ses trois filles et son fils pour faire les truchements, mais ne pouvant les avoir continuellement à ses côtés elle se trouve souvent dans un cruel embarras; je l'ai vue pendant un grand quart d'heure causer ainsi par pantomime avec l'Impératrice Élisabeth: la pauvre Anglaise tournait à la mort lorsque le fils vint enfin à son secours. Lord Cathcart de son côté etait aux abois pour les lampions qui s'éteignaient l'un après l'autre: tantôt il les faisait rallumer, tantôt il les faisait disparaître, et à mesure que cette opération avait lieu, les laquais

couraient avec de petits réchauds pour parfumer, et le parfum occasionnait une fumée au travers de laquelle on ne se voyait plus. Le souper ne fut pas plus heureux; la pièce où il fut servi est fort belle, les tables étaient fort bien décorées, mais il avait plu à je ne sais qui d'établir dans un des coins de la chambre un poële de fonte qui donnait une horrible vapeur. Je fus ravie de voir la fin de cette soirée qui m'avait presque endormie et je rendis grâces au ciel quand je me trouvai dans mon lit.—Vendredy en revanche nous eûmes une fête magnifique à la Tauride, tous les étrangers furent dans l'admiration de la magnificence des salles éclairées à merveille du feu d'artifice et en général de tout le bal. Le souper fut servi au théâtre; la table impériale au milieu, les autres sur les côtés. L'Empereur qui ne soupe pas allait de l'une à l'autre pour voir si tout était bien; il ne manquait rien, et je disais à madame de Strogonow qui était auprès de moi: „Voilà, il faut en convenir, un maître de maison qui sait donner une fête et qui vit bien sans contredit". Vous dites que vous avez de la coquetterie pour moi en certaines occasions, et moi j'en ai pour l'Empereur sous de certains rapports. J'aurais été véritablement fâchée si cette soirée en Tauride avait manqué, mais il s'en fallut bien que la chose fût ainsi; les éloges des étrangers qui parlaient entre eux me faisaient surtout plaisir.—Le lendemain Samedy, la journée entière se passa en fêtes: à midy nous déjeunâmes chez l'Impératrace-mère, ensuite il y eut promenade en traîneau, à trois heures on rentra pour changer de toilette et on se rendit de suite chez le prince d'Orange où il y eut bal; à sept heures on dîna dans la bibliothèque de l'hermitage et au sortir de table on fut tout droit au spectacle qui finit à dix heures et demie. Je me suis encore fort amusée ce jour-là; la promenade en traîneau que j'aime fut fort agréable, car la journée était charmante: un froid de trois degrés par le plus beau soleil du monde. Mon cavalier fut l'ambassadeur des Pays-Bas que Modène me fit prendre pour être en régle. Le prince Soltikow, le général Ouvarow et Théodore Galitzine m'avaient offert leur compagnie; mais, malgré la préférence que je leur donnais dans mon coeur, j'obéis aux ordres de Modène et je m'en allai avec m-r de Heerdt que je connaissais à peine jusques-là. Cependant, comme une bonne action a toujours sa récompense, mon ambassadeur se trouva par hasard être un homme fort aimable qui eut beaucoup de choses intéressantes à me conter; par exemple, comment il s'est sauvé avec le stadthouder, ensuite comme il a été détenu au donjon de Vincennes et transféré de-là à S-t Pélagie, puis dans une maison de santé, tout cela, bien entendu, par ordre de Bonaparte qui ne lui pardonnait pas d'avoir fait un voyage en Espagne où se trouvait alors

le prince d'Orange avec Wellington. M-r de Heerdt, soupçonné d'avoir cherché à insurger en Espagne, fut enlevé pa des émissaires de Napoléon et conduit à Paris pour y subir les traitements accoutumés envers ceux qui déplaisaient au seigneur Napoléon. Tout ce qu'il a su me dire sur ce sujet et sur bien d'autres nous a fort rapproché dans notre promenade; au retour il m'a demandé la permission de venir me voir et a dit à Modene qu'il avait été très-content de sa dame. Je me hâte de vous l'apprendre, puisque vous aimez mes succès; je m'attends donc au premier jour à le voir chez moi. Il me disait dernièrement qu'il avait la plus grande envie de me voir en Hollande et qu'il espérait que j'y accompagnerais la princesse. Je lui ai répondu que je n'en avais pas le moindre espoir, mais je ne vous cacherai pas à vous que je serais très-tentée de ce voyage. Au reste, je suis bien détérminée à ne pas faire là-dessus la moindre démarche; il en sera ce qu'il plaira à la Providence. Je n'ai jamais songé à être auprès de la grande-duchesse, et si j'y suis, c'est bien sans ma participation; peut-être en sera-t-il de même pour le voyage en question. Décidément je ne me mêlerai de rien et ne ferai pas un pas pour cela. Toute cette semaine la cour est en dévotion, aussi n'aurai-je pas grande dépense à faire pour ma toilette: le matin nous allons en simple capotte et le soir en robes courtes; d'ailleurs, nous avons repris le deuil pour la princesse de Mecklembourg, et c'est pour quinze jours.

Il s'est fait une noce avant-hier Dimanche dont on n'a parlé qu'hier et qui a surpris bien du monde. La princesse Jeannette Tchetwertinsky a épousé un certain m-r Wichkowsky, qu'elle voyait depuis deux ou trois ans (en tout bien et tout honneur). Ce mariage qui ne pouvait se faire à cause du peu de fortunes des épouseurs vient de réussir grâce à la munificence de l'Empereur, qui a donné à la princesse deux cent mille roubles et, de plus, lui a loué la maison dans laquelle elle a passé en sortant de l'église. Madame Narichkine avait fait le diable à quatre contre ce mariage, il y a à peu près dix huit mois, mais la soeur ennuyée de son existence ne s'est plus arrêtée à aucune considération et a levé tous les obstacles en intéressant l'Empereur à sa position qui, à vrai dire, était souverainement désagréable.

XIV.

Moscou, le 5 mars 1816.

Est-il marié ce monsieur de Heertd? Je pense que non, puisqu'il a couru tant d'aventures; est-il jeune, riche? Donnez-moi quelques détails. Pourquoi s'apellait-il Bordeau derniérement, ou bien sont-ils deux? Vous vous êtes amusée tout comme une autre et vous voyez que le devoir rend les plaisirs plus faciles que vous ne l'auriez cru, J'espère que cela vous servira de leçon si jamais le dégoût de la cour vous reprend. Je vous répète que c'est là votre place, que c'est à la cour que la Providence vous veut. Vous y servirez de modèle; elle ne vous tournera jamais la tête, vous y conserverez ce bon esprit et ce jugement sain qui sont des qualités si rares et qui vous distingueront toujours. Le caractère inquiet, jaloux, emporté de la comtesse Ostermann, en la rendant très-malheureuse, la rendait aussi peu digne de votre amitié; en rompant avec vous, elle me paraît vous avoir porté bonheur. Il y a des gens desquels il faut savoir se séparer pour la tranquillité de son existence; depuis longtems je pressentais que cette liaison serait une source de peine; quelques mots de sa soeur me l'avaient fait deviner; mais je n'y voyais nul remède. Eh bien, ne voilà-t-il pas que la Providence, qui vous prend sous son aile, permet que cette petite comtesse rompe en se donnant absolument tous les torts de formes et de fond, sans qu'il puisse en retomber quoique ce soit au monde sur vous.

La pr-sse Boris a beau marier ses filles, mad. de Noiseville ne demeure pas moins chargée de veiller sur leur santé morale et physique. Il est vrai que le comte Héracle Markow me fait passer aussi pour le plus grand intrigant du monde, ainsi rien ne doit m'étonner. A propos, je reçois une épitre du comte Arcady la plus aimable possible, mais elle est du 2 janvier, c'est-à-dire de près de deux mois de date. Il est toujours à Naples. La santé de sa fille va bien. Il se plaint lui des progrès de l'âge et il désire son retour en Russie. Je voudrais répondre à la description des fêtes de vos noces, par celle que le comte me fait du ballet de Cendrillon donné par Duport au théâtre de St. Charles à Naples pour le jour de naissance du roi. „J'ai vu de bien belles choses en ma vie, me dit-il, mais dans ce genre je n'ai rien vu qui approche de cela. Imaginez six cent figurants le plus richement habillés, quarante quatre chevaux vivants magnifiquement harnachés et exécutant des charges de cavalerie; des vrais jets d'eau, de véritables cascades, des pièces d'eau, des décorations enchantées, en un mot tout ce que la féerie peut produire de plus beau. Le vieux roi a été si enchanté qu'il a fait relever le rideau et a demandé Duport pour

le faire applaudir sur nouveaux fraix. Cet usage inconnu à Naples a été introduit par l'ordre du roi pour la première fois".

A propos de féerie, pourquoi ne m'avez-vous pas conté la princesse M—l en plumes chez mylord Cathcart courant après l'Empereur, lui serrant les mains et le faisant rire de bon coeur, sans que tant de faveur ait amené même un billet de mascarade pour la Tauride. Cela est cruel au moins! Et Catinka présentée sans façon chez l'ambassadeur d'Angleterre à l'Empereur et aux princesses; cela a dû faire un singulier effet. J'imagine que la princesse M—el, ayant entendu parler des naïvetés d'Eudoxie, a voulu l'imiter, sans compter la petite différence qu'il peut y avoir d'être naïve à 20 ans ou de l'être à 48 bien sonnés. Il y a des gens qui ne se corrigent jamais de la manie de faire effet.—La princesse Tchetwertinsky est tombée de bien haut; mais si elle est heureuse, il n'y a rien à dire: elle a bien fait. Ah, combien j'aime à voir l'Empereur grand et magnanime dans ces occasions-là! Adieu, chère princesse; je suis ravi que le carème prévienne toute récidive de chute avec le beau Czernichew; voyez pourtant ce que c'est que glisser! Monsieur de Heertd a-t-il vu cette chute? Parlez-moi de ce m-r de Heertd, aimez-moi et continuez à m'écrire: cela me rend extrêmement heureux.

XV.

S-t Pétersbourg, le 28 février 1816.

Vous avez tort de croire que les enfans de la princesse Galitzine lui donneront du chagrin. André est un très-bon garçon, il se conduit à merveille, on l'aime dans le monde, il y est agréablement; sans avoir beaucoup d'esprit, il ne laisse pas que d'avoir quelques moyens, il ne cause pas mal, il écrit bien, il a le goût de la bonne compagnie, et on l'y trouve toujours. Il est fort aimé chez la princesse Woldemar et il y va souvent; si on peut lui reprocher quelque chose, c'est de bavarder quelque fois un peu plus qu'il ne convient, mais cela est toujours sans conséquence. Je suis extrêmement pour mon ami André. Je crois que je l'aime encore mieux qu'Alexandre, qui sans contredit est plus raisonnable que ses frères. Nicolas s'est fort calmé aussi, l'histoire de Lise n'a pas été sans fruit pour lui, il se tient tranquille et ne cathéchise plus du tout. Sa mère travaille à le faire aller aussi à Sima pour quelques semaines. Voyez-vous, j'aime cent fois mieux les fils de la princesse Boris (Nicolas même, quelque peu qu'il vaille) que les enfans de la princesse M., tout merveilleux qu'on les trouve. Je

vois en ces derniers un certain fond de méchanceté: ils sont envieux des succès de leurs camarades et se plaisent à en déchirer plusieurs sans rime ni raison. Le cadet, surnommé Vestris, est plein d'affectation, et tous les deux ont une vanité tout-à-fait ridicule. La mère l'autre jour au bal chez lord Cathcart est parvenue à accrocher l'Empereur dans une porte; vous savez comme elle est hardie. Sans hésiter elle l'a attaqué de paroles et un moment après elle est venue me conter les jolies choses qu'on lui avait dites sur ses enfans. C'est bien elle qui leur a donné l'amour-propre excessif qui les domine. Un jeune homme qui est devenu très comme il faut c'est le prince Woldemar, frère de Théodore; je vous le recommande de nouveau: dans une quinzaine de jours vous le verrez à Moscou qu'il ne fera que traverser, parce qu'il va rejoindre le maréchal dont le quartier-général est à Mohilew. Un de ces jours nous aurons une partie de traîneau cher Théodore qui la donne pour la comtesse Strogonow; je suis sûre d'avance que ce sera amusant. Toute la semaine passée nous avons été en dévotion. J'ai vu ma princesse tous les jours; j'allais la chercher le matin pour la mener chez l'Impératrice, Mardy et Samedy je dînai à la cour. Le tourbillon a cessé, Dieu merci; depuis qu'on est revenu au calme, je sens un peu plus les avantages de ma place, et je vous dirai sans faire la mijaurée que je ne suis pas fâchée ni de dîner à la cour ni d'y passer une soirée. On trouve toujours à qui parler dans cette société, et plusieurs des individus que j'y trouve me conviennent sous tous les rapports. M-r Miatlew en a été avec vous pour sa jolie lettre; rien ne vous tirera de votre charmant Moscou, et c'est peine perdue que de vous séduire et par le voisinage du Palais, et par celui des promenades: vous barboterez toute votre vie, je le vois, dans la Twerskoï et dans la Nikitska, à moins qu'il ne plaise à Virginie de bouger. Faites la donc bouger et remuez vous par pitié pour vous-même. Venez rafraîchir vos idées quand ce ne serait que pour un mois.

XVI.

Moscou, ce 6 mars 1816.

Le repos est mon élément, je l'aime de jour en jour davantage, et c'est à tel point que toutes les Virginies du monde iraient à Pétersbourg que je n'en demeurerais pas moins dans mon fauteuil à la Nikitzka, jusqu'au tems où les évènements me permettront peut-être d'aller *me fixer* à Pétersbourg; mais m'y fixer et non y faire une course passagère qui dérangerait toute l'économie de ma petite existence.—Vous ne me parlez point des visions de mademoiselle Famintzine, éleve de l'Institut; cela va faire grand bruit, car le siècle est tourné vers le mer-

veilleux, mais il faut attendre la fin; je me défie grandement de tout cela. M-r Miatlew m'écrit tous les détails que lui content mad. Nagel qui voit la malade journellement.

XVII.

St.-Pétersbourg, le 2 mars 1816.

J'espère que vous ne me forcerez pas à vous conter sur nouveaux fraix comment je suis devenue Orangiste: c'est une histoire trop vieille pour la traiter avec détail; vous saurez seulement que le choix de ma personne est dû à la grande-duchesse qui m'a demandé à sa mère, et l'Impératrice m'a fait signifier ses ordres par le comte Golowkine. Ma compagne, mad-lle Samarine, est une jeune et jolie personne que nous avons à la cour depuis quatre ans et qui était attachée à la personne de la grande-duchesse, elle y reste donc encore; mais comme elle se trouve en grand deuil de son père, elle n'a pu sortir tout le tems que les fêtes ont duré, ce qui m'a mis dans le cas de figurer toute seule. Depuis que nous sommes en carème et qu'il n'est plus question de violons, elle a recommencé son service, et nous le faisons alternativement de deux jours l'un. Je vous disais encore dans ma lettre perdue que notre cour était fort bien composée du côté de notre princesse. Modène est maréchal; le général Czernichew, aide-de-camp de l'Empereur, fait le service en cette même qualité auprès du prince d'Orange; Cyrille Narischkine est chambellan, le comte Wielehoursky—gentilhomme de chambre. Les quatre Hollandais et un Anglais de la suite du prince, sont fort insignifiants, d'un froid et d'une gaucherie tout-à-fait déplaisante. Depuis Lundy je n'ai pas eu l'honneur d'apercevoir ma princesse: toute la famille impériale a été réunie dans son intérieur, et uniquement occupée du départ de madame Catherine qui doit avoir eu lieu il y a deux heures. Elle s'est montrée très-affligée de quitter ses parents, et tous ces jours-ci elle n'a cessé de pleurer. Dieu veuille qu'elle soit heureuse! C'est une femme charmante! Vous avez tort d'imaginer que j'irai voyager; il me semble qu'il n'en sera rien; non que je ne le désire, mais la chose ne me semble point probable. Si quelqu'un accompagne la princesse, ce sera quelque dame à portrait. Soyez donc tranquille sur ma correspondance: elle ira toujours son petit bon homme de chemin; que je sois à Pétersbourg ou ailleurs, je continnerai à l'avenir tout comme à présent. Cependant il y a longtems que je veux vous demander de me faire un jour le sacrifice de toutes les lettres

que je vous ai écrites. Il faut absolument que vous me donniez votre parole de les brûler toutes sans exception; je ne determinerai ni l'heure ni le moment de cette exécution, je la mets entièrement à votre disposition, mais je ne vous cache pas que si vous me promettez d'accéder à ce désir et de ne pas le reculer, je vous en tiendrai un très-grand compte. A quoi bon garder un fatras de papier parfaitement inutile? Croyez-moi, cela n'est d'aucune nécessité.

Un de ces jours j'irai voir magnétiser une personne de ma connaissance, une certaine mademoiselle Lilienthal qui demeure chez madame Nebolsine et qui est sourde comme un pot. Stoffregen veut essayer sur ses oreilles l'effet du pouvoir magnétique; après deux ou trois séances on me permettra d'assister à ce qui aura lieu.

Benkendorf est le frère de celui que vous connaissez; c'est un jeune homme charmant qui a toujours été d'une conduite exemplaire; il épousa il y a 18 mois la fille de m-r Alopéus, notre ministre à Berlin, et ils ont vécu fort heureux jusqu'au moment où cette fatale maladie est survenue; on croit qu'elle a été causée par un froid qu'il a pris à une grande parade chez le roi de Prusse.

J'ai été bien étonnée d'apprendre que mad. de Choiseul avait réellement épousé ce Bachmétew sans jambe que vous avez connu à Nijni. Il est, comme-vous savez, gouverneur-général de la Podolie; c'est donc là qu'ils se sont connus, aimés et épousés. Je ne me doutais seulement pas que le divorce avec Choiseul eût réussi. Victoire le désirait depuis longtems, lorsqu'elle désirait encore se faire épouser par Alexandre Galitzine; mais Choiseuil ne voulait pas en entendre parler. Je ne conçois pas comment ils ont fait pour s'accorder à le solliciter.

XVIII.

Moscou, le 9 mars 1816.

Hélas, chère princesse, cette N. 7 du 11 février n'est malheureusement que trop bien perdu.

Votre N. 11 qui m'apprend comment s'est opérée votre entrée à la cour d'Orange me dédommage un peu; mais ce qui finirait par me rendre cette perte indifférente, ce serait la confirmation de la sentence de mort que vous prononcez contre le trésor renfermé dans mon portefeuille rouge; sentence dont j'appelle au tribunal de votre justice, de votre bonté et de votre indulgence. Mais qu'est ce que cette lubie massacrante qui vous fait condamner aux flammes une correspondence amicale, à laquelle la raison personnifiée ne trouverait pas le plus petit

mot à redire? Je ne lis vos lettres à qui que ce soit au monde; j'en suis jaloux au point de ne dire qu'à votre tante que vous m'écrivez. Virginie elle-même l'ignore, quoique je ne lui cache point ce qui ne regarde que moi seul, et que je lui lise par-ci par-là quelques lettres de madame de Noiseville; mais de vous pas une panse d'a. C'est mon petit trésor secret. Avez-vous peur que je ne meure? Le cas est prévu, et le paquet vous serait remis intact et complet; nul n'y mettrait le nez. Je n'ai pas la moindre envie de mourir; mais une des pensées qui me console quand je m'occupe de cette époque, c'est de l'envisager comme le seul moyen que j'aurai jamais de donner à mes amis quelque preuve d'amitié. Jusques là laissez moi jouir de mon bien et ne m'enviez pas une propriété aussi chère que l'est celle de vos lettres. Je ne désire point que vous brûliez les miennes; vous m'avez mandé jadis que vous les gardiez, et cela m'a fait d'autant plus de plaisir que je sais que ce n'est point chez vous un usage général; à présent je m'attends à ce que vous me disiez au premier jour que vous les avez jetées, et cela porte un petit air d'indifférence qui n'a rien d'obligeant du tout.

Bachmétiew (entre nous) fait preuve de courage. Ce courage au reste ne lui emportera pas son autre jambe, comme celui dont il a fait preuve à la guerre, mais il pourrait bien lui donner quelque chose. Juste Dieu, quelle tâche il s'impose! Suivre une telle femme avec des béquilles ne sera pas une petite besogne. Et vous verrez que Octave Choiseuil épousera mad. Jeanne Potocka, sa belle-soeur; la chose est déjà plus qu'à moitié faite depuis longtems. C'est une famille unique que celle des Potocky, et il suffit de s'y allier pour en prendre aussitôt les moeurs et les usages.

Vous croyez que vous ne voyagerez pas; moi je pense que vous ferez la course. Laissez donc venir le printems; laissez achever de pleurer le départ de madame Catherine: votre aimable princesse reviendra à vous avec plus de plaisir encore, et s'y accoutumera si bien qu'elle demandera à vous avoir auprès d'elle pour les premiers tems de son séjour à Bruxelles. Si l'étiquette l'opposait à cela, je ne saurais trop qu'en penser cependant; mais elle est assez grande dame pour joindre une demoiselle d'honneur fort aimable à la dame à portrait, peut-être fort peu intéressante qu'on lui donnera pour la conduire. On vous aime en s'accoutumant à vous, et les princes plus que les particuliers sont des animaux d'habitude. Le carême vous sera même plus favorable que le tems des fêtes, pour causer et vous faire *bien connaître*, ce qui revient au même *de bien aimer*.

Ratti, après avoir été reçu comme une connaissance de 20 ans dans les trois quarts des maisons de Moscou, après y avoir pris un ton de familiarité souvent fort impertinent, après avoir dit des grossiéretés à plus d'une femme, est enfin parti il y a quatre jours pour Kiew et l'Italie; mais voilà que tout d'un coup on prétend qu'il est retourné à Pétersbourg, qu'il y est au service de la police secrète, et qu'il n'était autre chose ici qu'un espion du gouvernement. Il y a des gens qui ont un pied de nez de cette nouvelle que je crois fausse. Cependant s'il est vrai qu'il soit à Pétersbourg après avoir annoncé son départ pour l'Italie, il pourrait bien y avoir du vrai, et certaines gens n'auront que ce qu'ils méritent.

XIX.

S-t Pétersbourg, le 9 mars 1816.

M-r de Heerdt qui vous tient si fort à coeur et dont il vous plaît déjà de faire un mari pour moi, n'est plus à épouser; il a cinquante ans, je crois, il a une femme et des enfans, c'est à madame de Heerdt qu'il doit sa délivrance de Vincennes: elle remua ciel et terre auprès de Savary pour obtenir cette translation et elle y a réussi. J'ai appris tous ces détails en traîneau, mais j'oubliai de vous en faire part; son fils aîné l'a accompagné ici; c'est un jeune homme de 20 ans. M-r de Heerdt n'est point du tout Bourdeau; il a été nommé ambassadeur pour venir faire la demande de la grande-duchesse; il a rempli sa mission et vient d'être rappelé; nous lui avons fait nos adieux avant-hier, et je le suppose parti d'aujourd'hui. Quant à Bourdeau, il nous demeure en qualité de résident comme il l'était auparavant. C'est un homme qu'on aime beaucoup dans la société, il est fort agréable, de très-bonne compagnie et par là-dessus d'un commerce très-sûr. Ce n'est pas la première fois qu'il vient en Russie: nous l'avons eu il y a 7 ou 8 ans, mais je ne le connaissais pas alors. A l'exception de Bourdeau le reste des Hollandais que nous avons ici est très-insignifiant; ils vivent beaucoup entre eux et ne se livrent pas volontiers. Nous autres Russes de cette cour sommes bien plus aimables. J'aime surtout Modène qui est tout-à-fait à mon gré. Je ne vous ai pas dit à propos de lui, qu'il m'a demandé, s'il était vrai que vous alliez en France avec madame de Broglie? J'ai répondu que rien n'était plus faux, et cependant ne serait-ce pas là *le projet vague* que vous avez et dont vous me parlez dans votre dernière lettre? Dites-moi cela bien vite.

XX.

Moscou, le 16 mars 1816.

Vous avez fort bien répondu à Modène au sujet de Virginie; il n'est pas question pour elle d'un voyage en France, mais elle irait au Monomotapa que je n'en demeurerais pas moins ferme à ma place. Le projet vague dont je vous parlais, porte sur une réunion avec quelques amis décidés à finir leurs jours dans une des capitales, et à la tête desquels je vous place comme de raison. Je ne peux me déplacer qu'une fois en ma vie, ni mon goût ni ma fortune ne me permettent des courses fréquentes, et malheureusement la noblesse russe, grâce aux deux capitales, est sans cesse errante, à quelques exceptions près. J'attends donc que votre sort soit fixé, absolument fixé. Si c'est à Moscou, je n'en bougerai point; si c'est à Pétersbourg je m'arrangerai à y finir mes vieux jours. Voilà le projet vague, puisque vous voulez le savoir. Quand au bruit sur le départ de Virginie, j'en connais la source impure. S—w, beau-frere de Modène, entretient publiquement dans sa maison la ci-devant maitresse de Maisonfort, une fille de boutique française dont il a eu un enfant. En partant Maisonfort me chargea du sort de cet enfant que je mis en pension à deux pas de sa mère qui le voyait souvent et ne lui parlait que de *son père le marquis*. Maisonfort qui ne veut ni ne peut avouer cet enfant adultérin, m'a prié de le dépayser bien vite, de le changer de pension et de le lui envoyer en France par la première bonne occasion. J'ai trouvé une dame âgée qui partira pour Paris au mois de juin et qui veut bien se charger d'y conduire l'enfant, et le prendre même chez elle dès ce moment. Le 1-r février je fus prendre l'enfant pour le conduire chez cette dame, mais la femme qui avait l'enfant, fâchée de perdre les 400 roubles que sa pension lui valait, fit bien vite avertir la mère, et celle-ci arriva comme une folle, jetant les hauts cris sur une séparation aussi brusque; S—w venu avec elle se mêla de la discussion. Je leur représentai que le bien de l'enfant exigeant qu'il allât en France, il n'y avait pas lieu à s'affliger, et pour les rassurer j'insistai sur une occasion excellente d'une dame qui allait partir et tout ce que je dis sur le bonheur de trouver une occasion aussi favorable fut à l'instant interprêté par S—w qui me dit en souriant avec finesse: *je comprends ce que c'est*. Et moi je m'en fus sans comprendre ce que S—w voulait dire; mais au bout de 8 jours le Pont des Maréchaux savait *que j'avais fait la confidence à S—w que Virginie partait au mois de juin et que*

je l'accompagnais. Pradel me conta cela, et j'en ris. Il est tout simple que des gens qui ne vivent que d'adultères croyent que chacun pense et fait comme eux et qu'ils soupçonnent partout et le mal et l'intrigue.

La partie de Krasno-Kabak a dû être charmante et j'aurais voulu en être; mais dites-moi, la princesse Woldemar a-t-elle glissé? Je ne puis me faire à ces grand'mamans qui courent en traîneau; j'en parle, je crois, par jalousie, parce que j'ai perdu tous ces goûts-là. Mais enfin pour Moustachine, il me semble que traîneau à la mazourka il n'y a qu'un pas, et de la mazourka aux glissades il n'y a qu'un coulé; or, pour voir tout cela je ferais le voyage de Pétersbourg à pied. Quant au prince Théodore il est admirable, et le Ciel l'a fait naître pour plaîre à tous et un chacun et pour donner des fêtes. Comment l'Empereur n'en fait-il pas un intendant des menus plaisirs? Avec la bourse impériale et le goût de l'intendant, les choses iraient à ravir, et le palais d'hyver, Czarskoe-Célo, Pawlowsky, Péterhof, Gatchina et la Tauride, sans en excepter le pavillon de Kamennoï-Ostrow, deviendraient autant de palais de fées, et après tout il n'en coûterait que des roubles et de tems en tems une petite paix à faire avec m-r Gouriew. Dites-moi *si la fête du tarif* se donnera bientôt; il y a si longtems qu'on nous la promet en vain, que je ne compte que sur ce que je verrai *imprimé.*

XXI.

S-t Péterbourg, le 17 mars 1816.

Cher Christin, vous ne vous doutez pas que vous me fâchez: l'air de jubitation que je crois vous voir en me parlant de ma nouvelle place à la cour commence à me piquer. Pourquoi imaginez-vous que ce soit là mon élément et comment pouvez vous croire que je veüille y passer ma vie? En vérité, vous me connaissez mal: je mourrais de chagrin, c'est-à-dire je tomberais en consomption, si quelqu'un venaït me dire à présent que jamais je ne quitterai le château. Tous les avantages du monde ne peuvent compenser l'ennui qu'il y aurait à mener pendant longtems le genre de vie qu'on a coutume de mener à la cour. Il suffit d'une couple d'années pour dégriser sur tout ce qui d'abord fait un certain effet; à moins d'être fort jeune il est impossible de se plaîre dans cette existence, et lorsque je vous dis que je ne suis pas fâchée de dîner et de souper quelque fois avec les grands

de la terre, je suis loin de vous dire que j'en suis enchantée. Tant que cela va pour moi comme à présent, c'est bien encore; mais s'il y avait un degré de plus, je sens que cela cesserait de me convenir. Le Ciel m'a ôté toute espèce d'ambition pour ce qui regarde la cour et ses faveurs; je n'en ai pas gros comme un grain de senevé; ne croyez pas que je me fasse illusion là-dessus; d'honneur je me connais. Je suis restée sept ans dans mes mansardes confondue avec le commun des martyres et n'ayant rien perdu pour cela dans le monde, vous le savez; j'y ai eu et des connaissances et des amis. Dans ce moment je me trouve dans une région plus élevée; mais quoique je n'y sois point déplacée, je sens que ce n'est pas la sphère qu'il me faut; je respecte mes supérieurs, mais j'aime extrêmement mes égaux et je ne voudrais vivre qu'avec les gens que j'aime. Je vous apprendrai toutefoit que je suis nommée pour le voyage de Pawlowsky; personne de mes compagnes ne le sait, mais j'en ai été avertie hier par le comte Golowkine; il m'a dit à l'oreille que j'y suivrai madame la grande-duchesse et qu'on avait donné les ordres pour mon appartement; il m'a enjoint de garder le secret sur ce voyage, et je le ferai pour tout ce qui m'entoure ici, mais avec vous je n'ai pas besoin de faire la discrette.

Je ne sais plus comment je ferai pour subvenir à toutes les dépenses de toilette que ce séjour rend indispensables. On dîne chaque jour avec l'Impératrice et l'on soupe de même; les Dimanches on est plus paré, parce qu'il arrive du monde de la ville, de plus il y a les promenades du matin, et tout cela demande différentes mises, en sorte qu'il me faudra une manière de trousseau, et je ne sais comment je m'en tirerai sans faire de dettes, ce que je redoute par-dessus tout.

Je suis bien triste du départ de ma soeur qui s'en va demain matin; l'avant-garde est déjà partie; Lise Kourakine avec mad. de Noiseville et Sophie se sont mises en route hier. Il y a une grande différence entre ma soeur Sophie et Catherine; la première a plus de moyens, sans contredit, mais elle est à cent piques au-dessous pour l'agrément du commerce; vous l'avez très-bien jugée en dernier lieu, elle est d'une inégalité désolante, toute sa vie c'était de même, et je vous assure que c'est bien la raison qui lui a fait manquer deux établissements fort avantageux; blondasse ne peut pas la voir autrement qu'elle n'est, et par conséquent il ne l'épousera jamais. Si elle avait plus de suite, il y a beau tems qu'elle aurait pu être sa femme; voyez cependant si avec les secours de Catherine vous ne pourriez pas donner un coup de colier à cette affaire.

Je ne vous ai pas parlé des visions de mademoiselle Famintzine, justement parce que je savais que Miatlew vous en instrui-

rait: il a eu tous les détails de la première main. Je puis vous dire qu'elle est en pleine convalescence et qu'elle ne se rappelle pas d'un mot de tout ce qui lui est échappé dans ses différentes crises; elle a complettement oublié tout ce qui lui est arrivé. Quand ma soeur sera partie, j'irai à l'Institut et je tâcherai de voir moi-même la malade. Les visionnaires ainsi que les magnétiseurs et les magnétisés sont si fort à l'ordre du jour, que dans la disposition où l'on est, il est presque impossible d'avoir mal au bout du doigt sans faire parler ou attirer l'attention.

XXII.

Moscou, le 23 mars 1816.

„M-r Grichka, m-r Grichka, tôt on tard je vous verrai et je vous tirerai les oreilles pour faire connaissance, c'est un point résolu; après quoi je vous pardonnerai à condition que vous ne retomberez jamais en pareille faute, car une récidive attirerait sur vous une vengeance plus sérieuse". Je prie m-lle de Modène de lui traduire cette petite mercuriale. Après cela, chère princesse, je vous dirai que comme je ne veux point vous fâcher ni vous deplaîre, je garderai pour moi mes idées relativement à votre vocation et je ne vous parlerai plus de ce à quoi je pense que la Providence vous destine; elle saura bien faire avancer votre barque sans que je m'en mêle: toute fois remarquez je vous prie, que vous avez je ne sais quelle humeur contre la fortune, qui vous rend injuste. Quand vous ai-je dit que vous demeureriez longtems dans les mansardes? Je suis bien certain de n'y avoir jamais pensé. Non, mademoiselle, vous en descendrez quand il en sera tems, et descendre de-là ce sera monter... Mais je vous fâche, ne parlons plus de cela. Allez à Pawlowsky en attendant et prenez ce voyage en esprit de mortification, puisque vous ne voulez pas vous en faire un sujet de plaisir. Jusqu'ici je ris, chère princesse, et je prends cette liberté un peu à vos dépends; mais ce qui me rend sérieux c'est l'article de la dépense qui m'a déjà inquiété cet hyver, et qui m'inquiète davantage en prévoyant que la belle saison ne sera point un tems de repos pour votre bourse. Il faut absolument passer cette crise et la passer honorablement, dussiez vous faire une dette momentanée; il ne faut pas que le manque d'un peu d'argent barre le chemin qui vous est ouvert; ce même chemin vous conduira à rembourser avec facilité. Il m'est dur de vous dire *empruntez*, et de ne pas prévenir la chose; mais hélas! je n'ai pas un écu dont je puisse disposer; cette idée a été pour

moi une petite source d'amertume depuis que je vous sais dans l'obligation de faire des dépenses extraordinaires. Vous avez des amis riches, mais aucun qui vous veuille le bien que je vous souhaite; cependant usez avec franchise de leur bonne volonté, et si vous n'y avez pas de répugnance, dites-moi ce que vous aurez fait à cet égard. C'est pour moi comme une épine à mon pied que votre pénurie et la mienne.

Dites-moi, s'il est vrai qu'une des c-esse Worontzow, demoiselle d'honneur, parte pour la Suisse avec 18 mille roubles de pension de l'Empereur, et qu'elle y va joindre madame la grande-duchesse Constantin? On m'a conté cela hier, et que m-lle Worontzow était toujours demeurée en correspondence avec la grande-duchesse et avait toujours désiré cette permission qu'elle n'a obtenue qu'à ce moment. Vous conviendrez que cette magnificence de l'Empereur serait une chose fort encourageante et d'un heureux augure.—Dites-moi aussi, si l'histoire qu'on raconte d'un certain m-r Bock qui a voulu se battre avec le prince Gagarine pour l'empêcher d'épouser m-lle Bobrinsky, est véritable? Cela court la ville, mais je n'en croirai que ce que vous me direz; la chose serait assez disgracieuse pour Gagarine. Il me tarde de voir la princesse Catherine; je ne sais point encore, si le premier convoi est arrivé; je pense que mad. de Noiseville ne me laissera pas longtems ignorer qu'elle est dans mon voisinage, quoiqu'assurément c'est elle qui prendra la peine de faire tous les pas, puisqu'elle ne sera point assez séparée de la famille pour qu'on puisse aller la voir chez elle. Mais la princesse Catherine logera, j'espère, chez sa tante, et j'ai mes entrées libres là pour la voir le plus souvent possible. Il est certain que Sophie est désolante par l'inégalité de son humeur; elle se moque de blondasse en face et demain elle le cajolera, mais celui-ci part pour ses terres de Simbirsk le 1 may, et je doute grandement que d'ici-là on puisse faire quelque chose pour eux. Il se dit toujours amoureux, mais l'objet n'est connu que de Sophie, elle lui garde un fidèle secret et ne veut point convenir que ce soit m-lle Apraxine. Le magnétisme ne prend point encore à Moscou, j'en suis ravi. mais en même tems fort étonné. Nous sommes tous occupés des fermiers d'eau de vie qui sont pour la plus part ruinés ou qui en font semblant; ils mettent en vente tout ce qu'ils ont terres et maisons, pour payer les arriérés de leurs dettes. J'ai bien peur que le prince Boris n'y soit pour quelque grosse somme aussi; on assure qu'il a refusé la permission qu' Alexandre est venu lui demander. En effet on ne peut pas marier un fils sans lui donner quelque chose, et l'on n'a guères à donner là où tout est engagé.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.**
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** имп. **Александра Перваго,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ **В. А. Черкаскомъ.**
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

1881 годъ.

ЦѢНА 8 Р. СЪ ПЕРЕС. 9 Р.

КНИГА ПЕРВАЯ. Русскій паломникъ Барскій.—Воспоминанія Н. П. Шенига.—Александръ Полежаевъ.—Бумаги А. С. Пушкина. Со снимками.

КНИГА ВТОРАЯ. Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Подымовское дѣло, А. М. Жемчужникова.—Письма Грибоѣдова къ Ахвердовой.—Бумаги А. С. Пушкина.—Воспоминанія барона Ѳ. Ѳ. Торнова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Біографія графа А. П. Шувалова.—Воспоминанія А. С. Норова о 1812 годѣ.—Воспоминанія А. П. Бутенева.—Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Бумаги А. С. Пушкина.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

РУССКІЙ АРХИВЪ

въ 1882 году

(ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ)

ШЕСТЬ КНИГЪ

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва,** Ермолаевская Садовая, домъ 175-й. **Въ Петербургѣ:** книжный магазинъ И. И. Глазунова на Большой Садовой.

Цѣна каждой книжкѣ 1882 года въ отдѣльной продажѣ **два** рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 года, въ шести книгахъ съ приложеніемъ двухъ книгъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, со снимками и большою гравюрою, продается по 8 рублей (съ пересылкою по 9 рублей).

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.
Петербургъ, кн. маг. И. И. Глазунова.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

1882

6.

Приложена: Переписка Кристина съ княжной Туркестановой. 1816 годъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

ПИСЬМА М. П. ПОГОДИНА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ *).

XV.

1830. Января 20.

Какое наслажденіе доставили мнѣ твои письма, мой другъ! Я опять было занемогъ и пролежалъ двѣ недѣли; теперь мнѣ лучше, но все боленъ грудью. Мнѣ не велятъ заниматься ничѣмъ важнымъ. Лежу на спинѣ. Но какія божественныя минуты были у меня въ болѣзни! Какъ живо чувствовалъ я однажды: и это сдѣлаю, и то сдѣлаю! Ахъ, хоть бы на одинъ часъ, на одну минуту увидѣться мнѣ съ тобою; взглянуть бы намъ другъ на друга, и умножиться силами. Всю жизнь—просвѣщенію себя и Отечеству! Хоть умереть прежде срока, но оставить по себѣ память. Wer den Besten seiner Zeit genug gethan, der hat gelebt für alle Zeiten **). О, мое Отечество! Буду ли я достоинъ тебя? Другъ мой! Какое великое у насъ Отечество! Чѣмъ больше я думаю объ немъ, чѣмъ больше узнаю его, тѣмъ больше благоговѣю предъ нимъ. Римъ! Ты поклонишься нашей Руси. Другъ мой, мы призваны участвовать въ великомъ дѣлѣ его образованія. Прочь страсти, прочь все мелкое, низкое! Учиться, работать, очищаться, апостольствовать! А человѣкъ? Боже мой, какое это твореніе! Боги ходятъ въ насъ по землѣ. Какіе у меня планы, сколько мыслей! И все исполнится, все. Руку! Впередъ! Прощай, теперь не могу писать больше.

Поцѣлуй руку у княгини; горячо я полюбилъ ее твоею любовью, и говорю ей сердечное спасибо за тебя.

Поклонись князю. «Посланникъ» принятъ былъ, говорятъ, съ восторгомъ и разыгранъ превосходно; несравненно удачнѣе «Дипломата» (1).

---

*) См. выше, стр. 67.

**) Кто удовлетворилъ требованію лучшихъ людей своего вѣка, тотъ жилъ для всѣхъ вѣковъ.

Не думай такъ много о «Вѣстникѣ». Всякая минута твоя мнѣ драгоцѣнна. За «Вѣстникъ» ты примешься послѣ. Я одолѣю его одинъ съ товарищами, которые помогаютъ мнѣ усердно, но не оставлю его ни за что. Это орудіе просвѣщенія. Статьи у меня славныя. Посмотри, что мы изъ него сдѣлаемъ со временемъ! Я нашелъ еще человѣка—Надежду! Ученость, воображеніе, наша пламенная любовь къ просвѣщенію, и онъ нашъ. Подробности послѣ. Не прервется «Вѣстникъ», ибо мы начали его въ чистѣйшую минуту жизни, съ нашимъ незабвеннымъ Дмитріемъ Веневитиновымъ.

Опять грудь болитъ, но допишу хоть что-нибудь. Кир. уѣхалъ въ Петербургъ, а 20 изъ Петербурга (2). Языковъ нашъ тѣломъ и душею. Калайдовичу собрали мы почти 1500 р. Венелинъ ѣдетъ въ Болгарію, Государь утвердилъ. Полеваго Исторія—верхъ невѣжества, дерзости и наглости. Когда я писалъ къ тебѣ о рецензіи Булгарину? Вѣрно шутки. «Лит. Газета» въ Пететербургѣ ничѣмъ еще не отличилась. Духъ негодованія въ «Моск. Вѣстн.» отъ тебя перешелъ ко мнѣ.

1) *Посланникъ*, комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; переводъ съ Французскаго. „Водевиль сей“, сказано въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, „доставилъ новое удовольствіе публикѣ“ (1830 г., I, 226).

2) И. В. Кирѣевскій выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ Января 1830 г., 11 Января былъ уже въ Петербургѣ, а 21-го Жуковскій писалъ къ его роднымъ: „Нынче въ 10 часовъ утра отправился нашъ милый странникъ въ путь свой, здоровый и даже веселый. Мы съ нимъ простились у самаго дилижанса, до котораго я его проводилъ. Ему будетъ хорошо ѣхать. Повозка теплая, просторная; онъ не одинъ; хлопотъ не будетъ никакихъ до самаго Берлина... Для меня онъ былъ минутнымъ милымъ явленіемъ, представителемъ яснаго и печальнаго, но въ обоихъ образахъ драгоцѣннаго прошедшаго, и веселымъ образомъ будущаго, ибо судя по немъ и еще по Мюнхенскому нашему медвѣженку (Петру Васильевичу), въ нашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей. Пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философическое твореніе. Его узнать покороче весело. Вы напрасно такъ трусили его житья-бытья въ Петербургѣ: онъ не дрожалъ отъ холода, не терпѣлъ голода въ трактирѣ; онъ просто жилъ у меня подъ роднымъ кровомъ.“ (Соч. Кирѣевскаго, I, 26—27). Зедергольмъ, уже будучи монахомъ, часто вспоминалъ объ И. В. Кирѣевскомъ и говорилъ К. Н. Леонтьеву, что хотя „всѣ Славянофилы того времени были люди, конечно, православные по убѣжденіямъ, но ни у одного изъ нихъ онъ не находилъ столько сердечной теплоты, столько искренности и глубины чувствъ какъ у Кирѣевскаго. Хомяковъ былъ холоднѣе. Кирѣевскій же былъ весь душа и любовь“ (Леонтьевъ, „Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной пустыни“ М. 1822, стр. 5)!

XVI.

1830. Января 27.

Здравствуй, любезный мой Степанъ Петровичъ! Послѣднее письмо я писалъ къ тебѣ, кажется, въ горячкѣ; теперь спокойно увѣдомляю тебя о нашихъ новостяхъ. У меня теперь 11 пансіонеровъ, съ которыхъ не беру меньше 800 р. асс. съ каждаго, съ другихъ при урокахъ 1500 и 1200. Это приноситъ мнѣ хорошій доходъ, и кромѣ содержанія себя и семейства остается въ скопъ (1). Подписчиковъ на «Московскій Вѣстникъ» по сіе число около 200, будетъ вѣроятно еще 50. Изданіе дѣлаю экономическое, купилъ самъ бумаги, и не дамъ болѣе 6 листовъ въ нумеръ; слѣдовательно мнѣ останется и здѣсь тысячи три.

Симъ годомъ «Моск. Вѣстн.» прекращается. На слѣдующій годъ мною вмѣстѣ съ Надеждинымъ издается *Фонарь* въ 24 книжки, по нашему старому плану. При немъ три прибавленія: 1) *Русалка* (или Нимфа), которое выходитъ *2 раза въ недѣлю* съ картинками модъ всего свѣта древнихъ и новыхъ (2); редакторъ Томашевскій. 2) *Литературная Расправа* (или *Мечъ и Щитъ*), куда входитъ полемика, полнѣйшая библіографія и краткая рецензія, разъ въ недѣлю. 3) *Московская Вѣстовщина*—нравы и театръ тоже разъ въ недѣлю. Редакторъ двухъ послѣднихъ прибавленій Аксаковъ. Цѣна за 24 книжки, 104 картинки, 52 листа «Расправы,» 52 листа «Вѣстовщины» остается тоже — 40 р. асс. Каково! Много, хорошо и дешево. Изданіе окупается 600 подписчиковъ, остальное дѣлится между нами четырьмя и тобою пятымъ. Подробности еще не опредѣлены. Всѣ прибавленія печатаются въ разныхъ типографіяхъ. Я многаго ожидаю отъ изданія этого *). Только такимъ средствомъ, количествомъ и дешевизною, можно привлечь нашу публику къ новому. Прибавь къ этому мою репутацію. Прибавленія откроютъ путь и дѣльному въ самомъ журналѣ. Чѣмъ больше подписки, тѣмъ больше и кругъ дѣйствія, и тогда-то будемъ мы сѣять благія сѣмяна просвѣщенія, искореняя плевелы Полевыхъ и Булгариныхъ. Это наша служба Отечеству. И такъ, мое путешествіе должно отложиться еще на полгода. Я воспользуюсь симъ временемъ, чтобъ на вакаціи осмотрѣть твою сторону: Саратовъ, Пензу, Астрахань, Каспійское море, Елтонское озеро, Сарепту, Уралъ (рѣку) и Нижній Новгородъ.

Основавъ журналъ, поведя его при себѣ полгода, я отправлюсь въ Іюнѣ 1831 на полтора года въ чужіе краи опять съ пользою и для журнала; потомъ соединимся: журналъ, типографія, книжная лавка, и пойдемъ работать. Впередъ, мой другъ! Во славу матушки Святой

---

*) Всѣ эти предположенія не состоялись. П. Б.

Руси! Придумывай же разныхъ вещей въ прибавленія, содержаніе и объявленіе о журналѣ, которое предполагается для нашихъ медвѣдей въ два листа и присылай скорѣе ко мнѣ *). Мы всѣ копимъ. И какія статьи пишутся, затѣваются **)! Надежда—Надеждинъ, если удастся соскоблить семинарскую кору, то онъ будетъ у насъ звѣздою большой величины. Я лучшіе матеріалы, все слѣдовательно, оставлю до слѣдующаго года.

Все это тайна, и никто не знаетъ кромѣ насъ четверыхъ.

Новости. Вышелъ 1-й томъ Исторіи Полеваго—верхъ невѣжества, дерзости, шарлатанства, верхъ Гималайской. Ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной. Я написалъ гремящую статью, которая произвела эффектъ въ городѣ, и даже лютѣйшіе мои враги отдали честь. Никогда я не былъ такъ раздраженъ, и негодованіе водило перомъ. Это случилось среди двухъ болѣзней моихъ, и сильно чувствовалъ—у меня желчь поднималася. Теперь смѣюсь (3). Романъ Загоскина имѣлъ блистательный успѣхъ, и изданіе разошлось въ мѣсяцъ. Даже наши корифеи восхищаются имъ; но я не вѣрю. Это рядъ сценъ, изъ которыхъ иныя очень хороши, и только. Много изобрѣтенія, но мало искусства. Ничего полнаго, отдѣланнаго, совершеннаго.

Въ Пет. выходитъ «Лит. Газета» (титулярный совѣтникъ безъ имени, какъ говоритъ Гречъ), изд. Дельвигъ. Слѣдовательно ты перечтешь сотрудниковъ. Въ явившихся нумерахъ нѣсколько порядочныхъ еще только стиховъ, но прозаическихъ. Статейки слабѣйшія, младенческія понятія о теоріяхъ. Вообрази, что они напечатали въ 5 № своей газеты слова Катенина: «Музыка и Арх. не суть искусства изящныя; качаться на качеляхъ, грѣться у огня, слушать Фильда, смотрѣть на фасадъ—все равно». Невѣжи и невѣжи! (4). Пушкинъ въ крит. разборѣ Исторіи Полеваго является острымъ, веселымъ; но объ историч. критикѣ, о Карамзинѣ, говоритъ какъ младенецъ (5). Гдѣ имъ! А помнишь у насъ бывало: и то не такъ, и это. Мы дадимъ имъ знать себя, и они поклонятся намъ. «Лит. Газета» издается съ цѣлію убить Булгарина и Полеваго; а этотъ говоритъ: постойте, я (Пол.) втопчу ихъ въ грязь (Пушк. Барат., и пр.); вѣдь я ихъ поднялъ, мною они дышали, и начинаетъ ругать ихъ наповалъ. Газета устоитъ небольше какъ на два мѣсяца: Пушкину наскучитъ, и останется редакторомъ мизерабельный Сомовъ. И не стараться всѣми силами возвысить головы! Чрезъ

*) Напр. виды зданій Римскихъ, костюмовъ, арміи и т. д. Слышишь, надо объявленіями ошеломить.

**) Заслуги Ѳеофана, Дмитрія Ростовскаго, Миллера, Татищева, Ломоносова, Шушерина, Карамзина, разборъ всѣхъ ихъ сочиненій.

годъ я ѣду путешествовать, чрезъ два воротимся оба и—громъ, молнія и буря (6). Ты видишь теперь, какая кровопролитная война между журналами.

1) Этотъ пансіонъ впослѣдствіи навлекъ Погодину много непріятностей.

2) Антонъ Францовичъ Томашевскій происходитъ отъ православныхъ Босняковъ, переселившихся еще при Магометѣ II-мъ въ нынѣшнюю Волынскую губернію, гдѣ они были потомъ ополячены. Отецъ А. Ф. Томашевскаго, отказавшись вступить въ послѣднюю Польскую конфедерацію, переѣхалъ въ Россію. Товарищъ Погодина по университету и другъ С. Т. Аксакова, онъ долгое время служилъ въ Московскомъ Почтамтѣ. Гоголь предлагалъ С. Т. Аксакову разыграть *Ревизора* на домашнемъ театрѣ: самъ хотѣлъ взять роль Хлестакова, С. Т. Аксакову предлагалъ Городничаго; а Томашевскому назначалъ роль Почтмейстера („Русь" 1880, № 5, стр. 13).

3) Критику на „Исторію Русскаго народа" Погодинъ напечаталъ въ своемъ „Московскомъ Вѣстникѣ" на 1830 годъ, въ которой между прочимъ читаемъ: „Самохвальство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высокопарныя и безсмысленныя фразы... *Самохвальство*. „Утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи, столь вѣрно, сколь мнѣ отношенія позволили" (IX). Спрашиваю: кто, кромѣ Боговдохновеннаго Моисея, осмѣлится сказать такъ о своей исторіи? *Невѣжество*. Здѣсь надо начать съ самого заглавія. Что̀ такое Исторія Русскаго народа? Развѣ исторія народа не заключается въ Исторіи государства? Развѣ народъ, не составляющій государства, можетъ имѣть Исторію? Развѣ правительство не есть часть народа, не есть его представитель? Развѣ не изъ него образуется?... *Дерзость*. Вотъ что и какъ говоритъ онъ объ Исторіи Карамзина: „Это повѣствовательный разсказъ, а не исторія, и Карамзинъ такъ писалъ его, что 5 глава была еще недописана имъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, была уже переписана и готова къ печати. Когда же думалъ историкъ?" *Шарлатанство*: „Я бралъ изъ Гиббона все, что̀ касалось до Греческой Имперіи, сличая только источники Гиббона, и повѣряя ихъ новѣйшими открытіями" (стр. 89). Прочесть текстъ Гиббона—трудъ; прочесть его примѣчанія—работа; сличить его съ источниками—невозможность, ибо у насъ во всей Москвѣ нѣтъ тысячи книгъ, которыя были источниками Англійскаго писателя; не говорю уже о рукописяхъ... *Высокопарныя и безсмысленныя фразы*. „Дикое стремленіе новыхъ вѣковъ хотѣло ожить въ древнихъ формахъ.... погибшее навсегда для потомства, долженствовавшаго созидать новыя" (ч. I, 165—190). Когда въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1872 года появилась статья, сына автора Исторіи Русскаго народа, П. Н. Полеваго о „Древней Русской Исторіи" М. П. Погодина, то сей послѣдній писалъ К. Н. Бестужеву-Рюмину: „Кажется, будто тѣнь Полеваго встала изъ гроба мстить за статью 1830 года" (Бестужевъ-Рюминъ, „Біографіи и Характеристики". Спб. 1882, стр. 245).

4) Сочиненіе П. А. Катенина: *Размышленія и Разборы* напечатано не въ 5, а въ 4 нумерѣ (Янв. 16) *Литературной Газеты*; тамъ сказано: „Справедливо ли... называть изящными (искусствами) Архитектуру и Музыку? Что̀ есть изящнаго въ какомъ-нибудь строеніи? Почему восхищаться болѣе фасадомъ дома, удобствомъ лѣстницы, разрѣзомъ двери либо окна, нежели

отдѣлкою кареты, фасономъ креселъ, или щегольствомъ наряда? Что можетъ быть высокаго въ Музыкѣ отдѣльно отъ словъ? Рядъ стройныхъ звуковъ доставляетъ удовольствіе физическое: пріятно грѣться у огня, качаться на качеляхъ, кружиться въ пляскѣ, скакать на лошади, слушать соловья въ лѣсу или Фильда въ концертѣ; но благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка до всего этого дѣла нѣтъ" (№ 4, стр. 29).

5) Разборъ Пушкина напечатанъ въ 4-мъ № „Литературной Газеты". Подъ статьею стоитъ Французская литера *P* (стр. 31—32).

6) Въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому (Мартъ 1830), мы читаемъ: „Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы. Поговори объ этомъ съ Блудовымъ" („Русск. Архивъ" 1874, I, 440).

XVII.

1830. Февраля 00.

Хотѣлъ было я и нынѣ писать къ тебѣ длинное письмо, но некогда. На журналистовъ черный годъ: Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ сидѣли на гауптвахтѣ (1); у насъ посадили Глинку (2) за стихи въ Максимовичевой «Денницѣ» (3) и за одну статью («Рекомендація Министра») въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (4). У меня по высочайшему повелѣнію спрашивали о сочинителѣ. Впрочемъ мы всѣ здоровы и спокойны. Можетъ быть, сдѣлаютъ выговоръ за неосмотрительность, но не болѣе. Сейчасъ отправлюсь навѣщать моего цензора. Въ послѣднее время мнѣ не велѣно было заниматься важнымъ, и я переводилъ (2 часть Шлецерова Введенія). Попечитель нашъ тайнымъ совѣтникомъ и въ Сенатѣ. На Полеваго всѣ въ ужасномъ негодованіи, особливо партія Карамзинистовъ, которая ко мнѣ начинаетъ быть благосклоннѣе. Глава—Дмитріевъ ужъ хвалитъ и говоритъ только о старыхъ грѣхахъ. «Лит. Газета» меня лелѣетъ (5), а я по прежнему выдерживаю свой характеръ. Романъ Загоск. весь вышелъ въ мѣсяцъ, и начинается 2-е изданіе. Видишь у насъ есть читатели! Булгарина было почти ругательство на него, и всѣ пришли въ ужасное негодованіе. Противоположная партія даже нарочно славитъ Загоскина, чтобъ уронить Булгарина. Но я прерываю твои прекрасныя впечатлѣнія. Ахъ, другъ мой, какъ хочется мнѣ исторгнуться изъ этого омута и погрузиться въ глубину своей души, вдали отъ людей. Уединеніе послѣ путешествія—мое счастіе. Нѣтъ, безпрестанно я чувствую болѣе и болѣе, что не рожденъ для общества людскаго. Мнѣ даже больно теперь смотрѣть на новое лицо и скучно говорить о старыхъ задахъ. Семейство Аксаковыхъ я люблю больше и больше, особливо Ольгу Семеновну. Добрая, нѣжная, чувствительная женщина и гуманистка. Я завелъ у себя листъ бумаги,

на которомъ будутъ писать къ тебѣ всѣ твои знакомые. Теперь посылаю три лоскутка.—Авдотью Петровну тоже я вижу часто. Она теперь одна. Кирѣевскій долженъ быть ужъ въ Берлинѣ. Давно и я не получаю отъ тебя писемъ. Послѣднее было отъ 29 Декабря № 11. «Галатея» лишилась половины своихъ подписчиковъ. «Телеграфъ» имѣетъ прежнихъ. «Моск. Вѣстникъ» тоже, т.-е. теперь около 225, слѣд. къ концу подписки будетъ около 300 *). Мои старыя изданія расходятся при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Пансіонеры умножаются. Это все хорошо.

1) Въ концѣ 1829 вышелъ Юрій Милославскій Загоскина. По свидѣтельству современниковъ его читали вездѣ, „и въ гостинныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при Высочайшемъ дворѣ.“ Всѣ восхищались *Юріемъ*. Досадовалъ и сердился на него Булгаринъ, отпечатывавшій послѣдніе листы своего *Димитрія Самозванца*. По просьбѣ Булгарина, А. Н. Очкинъ въ Сѣверной Пчелѣ (1830, №№ 7 и 9) написалъ ругательную статью противъ Загоскина, за котораго вступился Воейковъ и „нещадно обругалъ“ Булгарина и всѣхъ его сотрудниковъ. Императоръ Николай, которому понравился „Юрій Милославскій“, повелѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобы они прекратили бой. Несмотря на это, Булгаринъ напечаталъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ (№ 13) отповѣдь Воейкову. Вслѣдствіе сего Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ были посажены на гауптвахту. („Р. Стар.“ 1871, IV, 502—506).

2) „Недавно жилъ“, пишетъ князь П. А. Вяземскій, „среди насъ Русскій писатель, который во время оно проливалъ слезы, слушая *Семиру* Сумарокова, и смѣялся вчера, слушая *Ревизора* Гоголя. Онъ былъ современникомъ и ученикомъ Княжнина и однимъ изъ литературныхъ сподвижниковъ въ эпоху Карамзина. Онъ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ и многими годами пережилъ его. Онъ извѣстенъ съ 1784 года и кончилъ свое земное и литературное поприще въ 1847 году... Писатель сей Сергѣй Николаевичъ Глинка... Перо Глинки первое на Руси начало перестрѣливаться съ непріятелемъ и, подобно г-жѣ Сталь, онъ имѣлъ честь обратить на себя вниманіе и негодованіе Наполеона. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ *Русскаго Вѣстника*... Жизнь Глинки протекла среди разнообразныхъ, великихъ и поучительныхъ явленій... Во всю жизнь былъ онъ въ полномъ значеніи слова: человѣкомъ, гражданиномъ, христіаниномъ. Въ духовномъ отношеніи этого довольно... Успѣхъ, счастіе, не что иное какъ случайности въ жизни. Самыя дарованія, которыя даются намъ отъ Бога, не всегда могутъ быть мѣриломъ внутренняго достоинства человѣка. Внѣ житейскихъ оцѣнокъ есть другое воздаяніе. Виноградари одиннадцатаго часа получатъ также свою мзду“. („Полн. Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, II, 335—347).

3) Въ „Денницѣ“ на 1830 г. напечатано слѣдующее стихотвореніе С. Тепловой (стр. 121). *Къ****:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

---

*) „Галатея“ въ 1829 г. имѣла до 700 подписчиковъ, по свидѣтельству одного из главныхъ ея сотрудниковъ, до нынѣ здравствующаго. П. Б.

О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,—
Что не страшна твоя могила,
И не постыденъ твой позоръ.

Стихи эти, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, были написаны на смерть утонувшаго юноши. „Не знаю почему, приняли подозрѣніе, что въ этой элегіи оплакивается кто-нибудь изъ тѣхъ, которые содержались въ казематахъ по происшествію 14 Декабря 1825 года... Вдругъ прислано было повелѣніе посадить С. Н. Глинку на Ивановскую гауптвахту (у колокольни Иванъ-Великій)... Но это было торжествомъ Глинки. Какъ узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, бросились навѣщать его... Дядя мой (И. И. Дмитріевъ), бывшій нѣкогда министромъ юстиціи, одинъ изъ первыхъ навѣстилъ его. Не всякій бывшій министръ на это бы рѣшился". („Мелочи", стр. 109).

4) Статья *Рекомендація Министра* напечатана въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1830 г., подъ рубрикою *Нравы*. Издатель получилъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ: „Посылая въ объявленное вами отдѣленіе вашего журнала *Нравы* три статьи, я спрашиваю васъ, можете ли вы напечатать нѣкоторыя статьи о злоупотребленіяхъ преимущественно тѣхъ, кои можно дѣлать на полицейскихъ мѣстахъ". На это издатель отвѣчалъ, между прочимъ: „...Мы имѣемъ законную цензуру, которая разумѣется не пропуститъ непозволительнаго. Въ ободреніе вамъ указываю еще на примѣры негодяевъ полицейскихъ, представленные въ Выжигинѣ и принятые благосклонно отъ высшаго начальства". (Ч. I, 118—121). Статья эта принадлежитъ С. Т. Аксакову.

5) Въ 5-мъ № (21 Янв.) „Литературной Газеты" сказано, что „Московскій Вѣстникъ почти постоянно отличается статьями любопытными, дѣльными критиками и благонамѣренностію" (стр. 38).

XVIII.

1830. Февраля 19.

Я совсѣмъ почти здоровъ, работаю большею частію лежа и стоя. Пришли мнѣ непремѣнно какъ можно скорѣе свой портретъ, хоть Соболевскаго попроси написать его, только похожій; непохожаго и не присылай.—Вен. Алеша уѣзжаетъ завтра въ Пет., и я одинъ. Хомяковъ воротился изъ похода ко мнѣ на подмогу. Языковъ—мое вѣрное копье. Журналъ идетъ хорошо, кромѣ подписчиковъ, которыхъ опять только 250.—«Лит. Газета» слаба, и критика ея ничтожна: наши патриціи не знаютъ, гдѣ Востокъ въ искусствахъ и наукахъ. Есть только хорошіе стишки, и то у меня больше. Подписч. у нея нѣтъ. «Сѣв. Пчела» упала духомъ послѣ того какъ издатели были на гауптвахтѣ и не бранится. Нашъ Глинка посаженъ на двѣ недѣли за пропускъ стиховъ въ Денницѣ Макс. и анекдота въ Моск. Вѣстникѣ «Рекомендація Министра». Мы ожидаемъ еще, чѣмъ это кончится для насъ, т. е.

меня, какъ издателя, и Аксакова, какъ сочинителя, который вызвался самъ и объявилъ свое имя, когда стали спрашивать у меня. Надѣемся, что не будетъ никакой непріятности. Я готовъ бы перенести ее, но боюсь за Акс. Впрочемъ, послѣ его благороднаго вызова, да и по незначительности статьи нельзя ожидать ничего. Писаревъ въ тайные совѣтники и сенаторы, а къ намъ, говорятъ, Строгоновъ, уволенный на 1½ года за границу (1); а въ отсутствіе его Волковъ, братъ Рахмановой (2). Гимназіи у насъ откроются въ нынѣшнемъ году. Ты, можетъ быть, встрѣтишься гдѣ нибудь со Строгоновымъ. Это хорошо. Ѳедоръ Глинка издалъ «Карелію», стихотвореніе въ негодной рамкѣ; но тамъ есть духовныя рѣчи монаха—возвышаютъ душу, прекрасны и безъ прежнихъ его неровностей и невыдержанностей (3). Иліада вышла. Трудъ почтенный, но не послѣдній. Неровности его даже разительны. Во Франц. театрѣ было какое-то смятеніе нашихъ глупыхъ баричей (4), и ихъ разсажали теперь по съѣзжимъ, на 8 дней (графа Потемкина, И. Пушкина и другихъ).—«Телеграфъ» ругаетъ безъ памяти Пушкина, Баратынскаго, Дельвига и И. И. Дмитріева. Оболенскій переводитъ Демосѳен. Филиппики (5). Стихотвореніе князя печатается (6) въ альманахѣ *Эхо* для Калайдовича (который вошелъ въ себя, но очень слабъ и тѣломъ и душею). Тамъ же и стихи твои къ княгинѣ. Не успѣешь ли ты поправить «Лучшій перлъ моей короны?» Это говорится у насъ только о царицахъ. И еще: «Что же дѣлать мнѣ несчастной?» Поскорѣе!—Мои старыя изданія пошли хорошо въ Харьковѣ, Костромѣ и проч. Пансіонеровъ у меня прибавилось еще, теперь человѣкъ 13.—Павелъ Мухановъ пріѣхалъ, но я не видалъ еще его (7).

Въ концѣ письма сдѣлана слѣдующая приписка М. А. Максимовича: «Милому Шевыреву, свѣтлой надеждѣ нашей, привѣтъ и рукожатье отъ Максимовича. Красному солнышку кланяется «Денница», мой альманахъ, который Веневитиновъ обѣщалъ доставить къ вамъ въ Италію. Ему обязанъ я за пьесу княгини. Погодину за Пѣсню Гремиславы (8). За вы и за многая «Денницѣ» отъ Булгарина досталось. Много шуму изъ нея вышло. Попросите у княгини и сами присылайте стиховъ и прозы альманашнику; да привозите травку ботанику.»

1) Назначеніе графа Сергія Григорьевича Строганова попечителемъ Московскаго учебнаго округа состоялось позднѣе, а именно 1 Іюля 1835 года. Вотъ что писалъ А. И. Тургеневъ по поводу этого назначенія: „Какъ воспитанникъ университета Московскаго, какъ сынъ бывшаго директора, отъ сердца порадовался назначенію графа Строганова. Авось онъ будетъ истиннымъ попечителемъ о наукахъ, а не полицеймейстеромъ!“ („А. И. Тургеневъ въ его письмахъ“ съ нашими примѣчаніями, Русск. Старина 1881, XXXI, стр. 202). „На одной изъ лекцій“, пишетъ К. С. Аксаковъ, „передъ выпускомъ нашимъ,

увидали мы въ числѣ слушателей, на лавкѣ въ сторонѣ,—генерала. Это былъ графъ Строгановъ. Онъ былъ предвозвѣстникомъ новаго порядка, который, вскорѣ послѣ нашего выхода, и завелся въ университетѣ" („День" 1862, № 40, стр. 6—7). Тургеневъ не ошибся. Попечительство графа Строганова прославило его имя въ исторіи Русскаго просвѣщенія.

2) О Сергѣѣ Аполлоновичѣ Волковѣ находятся любопытныя свѣдѣнія у князя П. А. Вяземскаго. Въ своей *Грибоѣдовской Москвѣ* онъ пишетъ: „Многіе годы С. А. Волковъ былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ собесѣдниковъ Петербургскихъ салоновъ. Онъ былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ графомъ и графинею Нессельроде, съ графомъ Киселевымъ, Орловымъ, княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ. Съ семействомъ Вьельгорскихъ былъ онъ въ родственной связи... Долго живъ въ обществѣ, онъ многое зналъ отъ другихъ, много подмѣтилъ и самъ собою. Между тѣмъ сношенія съ нимъ были совершенно надежны... Разговоръ его былъ живой, часто остроумный, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ насмѣшливости... Кажется, въ первыхъ годахъ царствованія императора Николая былъ онъ предназначаемъ въ попечители Московскаго университета, но по какимъ-то обстоятельствамъ назначеніе не состоялось. Племянникъ Родіона Александровича Кошелева и потому пользовавшійся благорасположеніемъ князя А. Н. Голицына, онъ въ царствованіе Александра I не сдѣлалъ что̀ называется *блестящей служебной карьеры*. Онъ, полагать должно, былъ характера и привычекъ довольно независимыхъ. Долгая отставка не тяготила его; многіе у насъ не умѣютъ уживаться съ нею: они смотрятъ какими-то разрозненными томами въ богатой общественной библіотекѣ. Волковъ не обижался своею разрозненностью, не сѣтовалъ на нее; не рвался онъ, чтобы какъ нибудь прильнуть къ роскошному экземпляру и попасть въ офиціальный каталогъ. Онъ, не состоявшій *ни при чемъ и ни при комъ*, умѣлъ усвоить себѣ приличное мѣсто въ высшемъ обществѣ, гдѣ такіе образцы, что̀ ни говори о чиновничествѣ, все-таки встрѣчаются... Кстати замѣтить, что если-бы Сергѣй Аполлоновичъ оставилъ по себѣ свой дневникъ, то онъ былъ бы гораздо любопытнѣе и занимательнѣе писемъ его сестры Маріи Аполлоновны Волковой". (VII, 380—382).

3) „Карелія или заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой", описательное стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, въ четырехъ частяхъ или пѣсняхъ. Въ рамѣ историческаго событія авторъ изобразилъ преданія и повѣрья лѣсной Карелы. Въ 3-й части помѣщены четыре сказки о Витязѣ Заонѣгѣ.

4) Разъясненіе этого мы находимъ въ Старой Записной Книжкѣ князя П. А. Вяземскаго. „Русская барыня (Карцева) содержала нѣкоторое время труппу Французскихъ актеровъ. Лучшее Московское общество охотно посѣщало ея театръ. По какимъ-то обстоятельствамъ, содержательница не взлюбила молодой актрисы, которая была любимицею публики. Однажды въ ея роли на сцену явилась другая актриса. Публика встрѣтила ее дружнымъ шиканьемъ... Публика начала вызывать къ отвѣту директрису театра. Завелась гласная и крупная полемика между креслами и сценою. Полиція была въ недоумѣніи... Казусъ выходилъ неслыханный въ лѣтописяхъ полиціи и театра. Разумѣется, донесли о немъ въ Петербургъ и, вѣроятно, съ нѣкоторыми преувеличеніями. Изъ Петербурга не замедлило приказаніе арестовать зачинщиковъ театральнаго скандала и разсадить военныхъ по гауптвахтамъ, а статскихъ по съѣзжимъ домамъ... Въ числѣ временныхъ жильцовъ съѣзжей былъ

и богатый графъ Потемкинъ. Сей *великолѣпный* Потемкинъ если не Тавриды, а просто Пречистенки, на которой имѣлъ онъ свой домъ, перенесъ изъ него въ съѣзжій домъ всю роскошную свою обстановку. Здѣсь давалъ онъ веселые обѣды... Все это было драматически и забавно“. (VIII, 324—325). Объ этомъ происшествіи Пушкинъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому (Мартъ 1830): „Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени Царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что Государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ Московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны... Бенкендорфъ извинялся передъ Потемкиной. Quand à m. Карцовъ, tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... Знаешь ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ. Каковъ! Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую“... (Р. Арх. 1874, I, 436, 438).

5) Василій Ивановичъ Оболенскій былъ профессоромъ Греческаго языка и Словесности въ Московскомъ университетѣ съ 1833 по 1843 годъ. Скончался въ отставкѣ, въ Маѣ 1847 года. По свидѣтельству профессора Пѣховскаго жизнь Василія Ивановича была открыта и ясна всѣмъ, его знавшимъ. Онъ былъ набоженъ и соблюдалъ всѣ уставы церкви, которую тщательно и усердно посѣщалъ. Дома читалъ всякій день молитвы и нѣкоторыя главы изъ Библіи на Греческомъ языкѣ. Имѣлъ сердце чистѣйшее и добрѣйшее, совѣсть неукоризненную... Всегда былъ расположенъ и готовъ дѣлать добро, и дѣлалъ его даже не въ соразмѣрности съ своими средствами... Въ домашней жизни довольствовался малымъ. („Слов. М. Унив.“ II, 157—159).

6) *Эхо*, литературный Альманахъ на 1830 годъ. Москва, въ типографіи Селивановскаго.

7) Павелъ Александровичъ Мухановъ родился въ 1798 году, скончался въ Вюрцбургѣ, 16 Декабря 1871 года. Тѣло его погребено въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. По свидѣтельству М. П. Погодина, судьба любимаго брата, декабриста, поразила Павла Александровича жестоко... Исторія доставляла ему единственное разсѣяніе. Въ Турецкой и Польской войнѣ принималъ онъ непосредственное участіе. По окончаніи войнъ, будучи уже полковникъ гвардіи, поселился онъ въ Москвѣ, гдѣ и предался совершенно исторіи. По поводу изданныхъ имъ въ Москвѣ Записокъ Гетмана Жолкевскаго одинъ Польскій ученый писалъ: „Таилась и портилась отъ сырости по библіотекамъ Польскимъ рукопись побѣдителя подъ Клушинымъ, тріумфатора надъ царями; полковникъ Россійскій находитъ ее въ Варшавѣ и тотчасъ же печатаетъ въ Москвѣ“. („Записки Гетмана Жолкевскаго“. Второе изданіе Спб. 1871, стр. VII—VIII). Въ 1842 году П. А. Мухановъ переселился въ Варшаву и занималъ тамъ высокія должности до 1861 года. Исторіи и древностямъ Русскимъ Мухановъ остался вѣренъ до конца своей жизни и умеръ въ званіи предсѣдателя Археографической Коммиссіи. Дѣятельность его въ этомъ учрежденіи еще очень памятна живущимъ нынѣ членамъ Археографической Коммиссіи.

8) Княгиня З. А. Волконская помѣстила въ *Денницѣ* Максимовича (1830) статью подъ заглавіемъ *Портретъ* (стр. 114—117); а *Пѣсня*

Гремиславы, напечатанная тамъ же, принадлежитъ С. П. Шевыреву (стр. 254—256).

XIX.

1830. 8 Марта.

Два письма твои, любезный Степанъ Петровичъ, подъ № 13 и 14 я получилъ вдругъ. Спасибо! Они мнѣ какъ бальзамъ на раны. Скоро ли вырвусь я изъ этого душнаго чистилища? Думаю передать журналъ съ Іюня и летѣть въ Италію. Какъ только подумаю о храмѣ Петра, о твоемъ Искіо, Неаполѣ, такъ и выростаютъ крылья. Здѣсь мнѣ по литературѣ и наукѣ только что непріятности, безпрерывно продолжающіяся; ни чести, ни выгодъ, ни удачи, хотя бы для шутки. Надо позабыться, освѣжиться, запастись волею, терпѣніемъ, матеріаломъ. Но съ чего начать? Не лучше ли съ Германіи, а въ Италію на возвратномъ пути, чтобъ оттуда въ Грецію, Египетъ, Іерусалимъ, Константинополь и Одессу? Мы все сговаривались съ Хомяковымъ на послѣднее путешествіе; но мать его не пускаетъ, а въ Европѣ, чай, можно найти попутчиковъ. Увѣдомь меня, сколько временя вы пробудете въ Италіи.—Я вѣдь все хочу кончить, какъ Крылова Голубокъ въ 1½ года. Иначе у меня недостанетъ денегъ. Если я начну Германіей, то все-таки въ Италіи буду къ будущему карнавалу. Напиши-ка объ этомъ пообстоятельнѣе. А мнѣ непремѣнно хочется увидѣть тебя въ Римѣ. Теперь о литер. новостяхъ. Романъ Загоскина сдѣлался модною книгою. При дворѣ о немъ говорили безпрестанно. Государь (который четвертаго дня пріѣхалъ въ Москву нечаянно, такъ что *никто* не зналъ о его прибытіи), восхищенный «Юріемъ Милославскимъ», желаетъ видѣть автора и приглашаетъ къ себѣ его во дворецъ нынѣ въ 11 часовъ. Второе изданіе уже готово. «Дим. Самозв.» Булгарина холоденъ, одноцвѣтенъ, но имѣетъ прекрасно-изображенныя положенія, много любопытныхъ подробностей изъ старыхъ книгъ, и всѣ отрицаютъ достоинства автора. Объ немъ говорятъ мало. Скоро выйдетъ романъ Перовскаго—«Монастырка», Свиньина—«Шемякинъ Судъ», Ѳедорова — «Курбскій», повѣсть Подолинскаго «Нищій» въ стихахъ. «Лит. Газета» теоризируетъ младенчески, а пишетъ хорошо и пріятно. Хомяковъ и Языковъ—мои каменныя стѣны для «Вѣстника». Аксаковы здоровы, кромѣ прекрасной Любиньки, которая страдала недѣли три, а съ нею и все семейство. У нихъ я бываю очень часто и въ ихъ дружбѣ между собою и ко мнѣ, въ ихъ согласіи и семейственномъ счастіи и чистыхъ,

благородныхъ порывахъ нихожу много услажденія. Павелъ Мухановъ пріѣхалъ изъ арміи, увѣшанный орденами. Онъ съ большою и удивительною пользою для себя кончилъ кампанію, былъ въ Греціи, Смирнѣ и проч. Ладыженскій, мой старый товарищъ, ѣдетъ въ Пекинъ: вотъ гдѣ корреспондентъ для «М. Вѣстника»! Іакинѳъ поѣхалъ тоже въ Китай для нѣкоторыхъ справокъ и повѣрокъ (между прочимъ) своего большаго описанія Китая. Строевъ отправился на 2 года. Index къ Карамз., раздраженный, принужденъ былъ взять назадъ, и теперь онъ не печатается (1). Да, мнѣ надо побранить тебя. Какъ тебѣ не стыдно написать такое непростительное письмо къ Верстовскому: «чѣмъ глупѣе будетъ, тѣмъ для меня лучше», и проч? Вѣдь это очень оскорбительно для Аксакова, который здѣсь изъ дружбы только для Верстовскаго брался расположить общія мысли. Какъ глупо я сдѣлалъ, что не уничтожилъ этого письма! Я просилъ однакожъ Верстовскаго не показывать его Аксакову, а тотъ безтолковый не послушался, и теперь музыка оставлена, и Аксаковъ отказался (2).

Какъ народъ восхищается нечаяннымъ пріѣздомъ Государя! Я всякій день хожу въ Кремль и любуюся.

Въ началѣ письма сдѣланы слѣдующія приписки:

А. П. Елагиной: «Возможно ли, милый Шевыревъ, что къ вамъ письмо должно начинать извиненіями, увѣреніями? Къ вамъ, мысль о которомъ такъ тѣсно соединена со всѣмъ для насъ драгоцѣннымъ! И потому извиненіе допустить еще можно: заботы, горесть неожиданной разлуки, уныніе ею оставленное, все это и подобное, достаточныя могутъ быть причины молчанія; но увѣреній вы сами не захотите. *Вы знаете*, какъ мы сердечно дѣлимъ все до васъ касающееся, какъ безпрестанно входите вы въ кругъ нашихъ надеждъ, какъ дорога мнѣ ваша дружба къ моимъ дѣтямъ, какъ близки сердцу всѣ ваши дѣйствія, и въ настоящемъ, и въ будущемъ! Я знаю объ васъ и отъ Соболевскаго, и отъ Погодина, и отъ Петруши: всѣмъ радуюсь за васъ, всѣмъ занимаюсь съ вами, слушаю ваши разговоры съ великимъ Римомъ, любуюсь вашими успѣхами, вашимъ восхищеніемъ, люблю avec attendrissement вашу милую, деликатную княгиню. Не имѣть объ васъ извѣстія было бы грустно... Проводя Ванюшу, ничего у меня не осталось ни въ душѣ, ни за душею! Вся жизнь проходитъ теперь въ этихъ благословенныхъ каракулькахъ, полученіе и отправленіе которыхъ одни интересныя эпохи въ жизни. Вотъ ужъ два мѣсяца какъ мы съ нимъ розно; до перваго Апрѣля онъ останется въ Берлинѣ, потомъ отправится къ брату, въ Мюнхенъ, куда, надѣюсь, подговоритъ и Рожалина. Мысль объ ихъ свиданіи есть лучшая утѣшительная мечта моего воображенія, дальше не думаю; слѣд. у меня, какъ у древнихъ Полеваго, есть гря-

дущее, а нѣтъ будущаго. Я рада, что Ванюша не читалъ этихъ злыхъ нападеній на его благонамѣренное обозрѣніе: ему было бы грустно, и еслибъ онъ не удержалъ своего негодованія и отвѣчалъ кому нибудь, тогда мнѣ было бы досадно и грустно (3). Возвращайтесь всѣ съ пріобрѣтеніемъ свѣдѣній дѣльныхъ, разнообразныхъ, многостороннихъ, а *польза*, прекрасной вашей дѣятельностью произведенная, лучшій будетъ отвѣтъ зависти и злости. Гдѣ проведете вы весну и лѣто? Можетъ ли Ванюша васъ увидѣть? Напишите къ нему пожалуйста въ Берлинъ. Вы не знаете тоски одиночества съ тѣми людьми, съ которыми живете... Да и мнѣ-то здѣсь, на родинѣ, все начало чужимъ казаться».

Алексѣя Андреевича Елагина: «Елагинъ посылаетъ вамъ дружеское объятіе. Не икается ли вамъ отъ всей брани, которую Кирѣевскаго похвала доставила? Пора вамъ возвратиться въ Россію. Н. А. Полевому безъ васъ соскучилось, не взирая, что Максимовичъ вашего имени въ присутствіи Полевыхъ произносить не смѣетъ» (4).

1) Для продолженія своего археологическаго путешествія, П. М. Строевъ выѣхалъ изъ Москвы въ Вологду, въ концѣ Апрѣля 1824 года. Еще въ 1824 году, П. М. Строевъ сдѣлалъ Карамзину предложеніе составить Алфавитный Указатель или Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго. Исторіографъ согласился на это предложеніе, и при этомъ онъ прежде всего попросилъ о слѣдующемъ: „Пожалуйте, замѣчайте ошибки; вамъ онѣ будутъ виднѣе, нежели мнѣ“. Все время, остававшееся свободнымъ отъ другихъ занятій, Строевъ посвящалъ этому по истинѣ Египетскому труду, который былъ имъ почти оконченъ еще до начала Археографической Экспедиціи, въ 1828 году. „Помню“, писалъ ко мнѣ въ 1870 году покойный М. А. Максимовичъ, „когда бывало ни зайдешь въ П. М. Строеву, жившему въ домѣ Селивановскаго на Дмитровкѣ, вѣчно застанешь его надъ Ключемъ къ Исторіи Карамзина“. Объ этихъ занятіяхъ самъ Строевъ писалъ въ послѣдствіи слѣдующее: „Сей тяжелый, чрезмѣрно утомительный трудъ, сія мелкая, но неоцѣненно-важная критика, сводящая въ едино раздѣльныя мнѣнія и сужденія историка, обнаруживающая обширность или тѣсные предѣлы его знаній, подстерегающая его ошибки и промахи и вмѣстѣ выясняющая блескъ его генія—сей трудъ и сія критика едва было не истощили мое терпѣніе въ теченіи трехгодичныхъ, безпрерывныхъ занятій ими...“ Въ теченіе трехъ лѣтъ, Строевъ трудился надъ своимъ Ключемъ, не получая ни копѣйки за свой трудъ... Не нашелъ даже издателя! Въ Мартѣ 1830 года, Строевъ показывалъ свой Ключъ Пушкину, который вполнѣ оцѣнилъ важность этого труда и тотчасъ же отписалъ въ Петербургъ, къ князю П. А. Вяземскому, что „Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову объ этомъ“. Ходатайство это было безуспѣшно, точно также и ходатайство графа Ѳ. А. Толстаго, который по этому поводу писалъ Строеву: „Хотѣлъ добиться отъ Ливена толку на счетъ *Ключа* твоего, но добился не въ пользу твою; онъ рѣшительно отказался, въ нынѣшнее военное время, безпокоить Государя побочными расходами“. Долго пришлось этому

циклопическому труду пролежать въ портфелѣ; только въ 1836 году онъ узрѣлъ, наконецъ, свѣтъ Божій. (См. мою книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 95—97, 205). Погодинъ съ *профессорскою* важностью утверждалъ, что Пушкинъ, „объ исторической критикѣ, о Карамзинѣ говоритъ какъ младенецъ“ (см. Письмо XVI); но этотъ *младенецъ* однако изъ весьма немногихъ проникъ въ трудъ Строева и оцѣнилъ его, и такъ привѣтствовалъ явленіе его въ печати: „Издавъ сіи два тома, г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской Исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской Исторіи“ („Современникъ“ 1836, IV, 306).

2) Говорится о постановкѣ на сцену трагедіи Шевырева „Вадимъ“.

3) По настоянію М. А. Максимовича, И. В. Кирѣевскій написалъ для его *Денницы* на 1830 годъ Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ и подъ этою статьею въ первый разъ подписалъ свое имя. Въ Запискахъ Пушкина читаемъ: „Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя Муза его покрывается иногда душегрѣйкой новѣйшаго унынія... Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику“.

4) Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, бывшій артиллеристъ, участникъ заграничныхъ походовъ, влюбился въ свою троюродную сестру Авдотью Петровну Кирѣевскую и, 4 Іюля 1817, въ городѣ Козельскѣ, женился на ней. — Елагинъ былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ и живой любезнательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ отличнымъ хозяиномъ (Бартеневъ „Русскій Архивъ“ 1877, II, 491). Елагинъ, горячо и нѣжно любившій своихъ пасынковъ Кирѣевскихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1822 года. Въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго „Критику чистаго разума“ Елагинъ вывезъ съ собою изъ заграничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненіями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ (Кирѣевскій, I, 7). Елагинъ скончался 21 Марта 1846 года.

XX.

1830. Апрѣля 10.

Поздравляю тебя еще съ свѣтлымъ праздникомъ и еще желаю тебѣ набираться свѣту больше и больше, чтобъ послѣ освѣтить темныя урочища, которыхъ такъ много у насъ въ областяхъ всѣхъ искусствъ и наукъ.—Третьяго дня получилъ отъ тебя проектъ Эстетическаго Музея, и въ восторгѣ. Да здравствуетъ княгиня! Она алмазными буквами вписываетъ свое имя въ лѣтопись Москвы, или лучше всей Россіи. Ея подарокъ дороже, значительнѣе цѣлой области съ народо-

населеніемъ. Нынѣшній разъ пишу къ тебѣ только объ этомъ, и вотъ мои мысли, утвержденныя благонамѣреннѣйшими нашими профессорами, которымъ я показывалъ планъ. Пять тысячъ сумма столь незначительная, что поднимать Москву и Петербургъ на собраніе ея не нужно. Университетъ одинъ можетъ внести вдругъ десять и больше; а послѣ, когда основаніе будетъ положено, можно будетъ обнародовать планъ и пригласить доброхотныхъ дателей чрезъ князя Волконскаго и князя Голицына, но и журналы. И потому планъ дѣйствія долженъ быть вотъ какой. Княгиня да пришлетъ проектъ прямо въ *Совѣтъ Импер. Моск. университета.* Ты потрудишься переписать въ другой разъ—такъ и быть—точно въ томъ видѣ какъ онъ у меня, даже до словъ: «требуетъ многаго времени». Далѣе, вмѣсто третьяго лица (кн. Зин. Ал. Волк.) должно быть первое, ибо предложеніе подпишется ею. Вмѣсто словъ: «принимаетъ на себя обязанность надзирать за исправностію и доставленіемъ оныхъ слѣпковъ и моделей», должно быть: «надзирать за *приготовленіемъ* сихъ копій» etc. (причину увидишь сейчасъ). Весь слѣдующій періодъ отъ словъ: «безъ пожертвованій» до словъ: «самыми произведеніями» отсторонить, и вмѣсто него, послѣ словъ: «симъ уничтожится первая и главная трудность найти мѣсто для Музея», начать: *суммы, нужной на собраніе всѣхъ исчисленныхъ памятниковъ, нужно столько-то тысячъ рублей* (полагая примѣрно); *главнѣйшіе же изъ нихъ и нужнѣйшіе, находящіеся въ нашемъ спискѣ подъ № такимъ-то, стоятъ пять тысячъ рублей* (но должно сихъ главнѣйшихъ указать, не на пять, а по крайней мѣрѣ на *десять* тысячъ рублей), *которые и послужатъ основаніемъ предполагаемаго Музея.* Распространить сей Музей въ скоромъ времени безъ пожертвованій и проч., какъ у васъ, исключа только слова, несогласныя съ написанною мною перемѣною (NB. здѣсь всего нужнѣе представить обстоятельное и à peu près вѣрное исчисленіе по именамъ тѣхъ слѣпковъ, которые можно имѣть за 10.000 р., сумму, имѣющую пожертвоваться университетомъ). Повторю содержаніе сказаннаго: Музей (ваяніе) стоитъ столько-то тысячъ, главнѣйшее изъ него то, и то, стоитъ 10.000 (если же всѣ исчисленные у васъ памятники ваянія будутъ стоить небольше этой суммы, то и еще, разумѣется, лучше, и тогда не нужно будетъ говорить: главнѣйшее и проч.). Это выдастъ университетъ, распространятъ же пожертвователи, Москва и Петерб., ибо etc. Въ одно время съ предложеніемъ въ Совѣтъ университета имѣютъ быть препровождены копіи точныя съ него при письмахъ отъ княгини въ Петерб. къ Блудову, князю Ливену и другимъ значительнымъ людямъ, напр. Уварову, Строганову, въ Москву къ князю Сергію Михайловичу Голицыну (который будетъ, кажется, нашимъ верховнымъ попечителемъ) и Сергѣю Аполлоновичу

Волкову, который будетъ, кажется, его помощникомъ (братъ Рахмановой). Это родъ циркуляровъ, и слѣд. княгиня, дѣйствуя во благо Отечества, можетъ разослать ихъ, не взирая на лица, хотя бы ей и незнакомыя и нисшія». Въ бумагѣ въ Совѣтъ, на концѣ, имѣетъ быть сказано для вѣсу, что копіи я-де ужъ послала къ такимъ-то, а въ письмахъ къ нимъ: «вотъ и копія съ предложенія моего въ университетъ». Въ проектѣ особенно ударить должно вотъ на что: «Можетъ быть долго не случится быть такому счастливому стеченію обстоятельствъ (я подразумѣваю познанія, вкусъ, любовь къ искусствамъ, долгое пребываніе княгини и знакомство съ первыми людьми по сей части въ Италіи), слѣдовательно грѣхъ предъ Отечествомъ и просвѣщеніемъ ими не воспользоваться» etc. Это предложеніе.

Скорѣе какъ можно! Вотъ мой расчетъ: я пишу 10 Апрѣля, письмо къ вамъ придетъ 10 Мая (с. с.) и если *чрезъ недѣлю* вы оборотите его, т.-е 17 Мая, то оно придетъ сюда только что къ 17 Іюня, времени предвакаціонному; а до вакаціи универс. долженъ непремѣнно рѣшиться и послать отъ себя бумагу къ министру; иначе все пойдетъ въ долгій ящикъ. Я мечтаю ужъ объ исполненіи. Университетъ, (которому безъ его вѣдома не такъ давно купили минеральный ненужный кабинетъ за 25 т. р.) согласится тотчасъ, а въ Петерб. приготовленные люди подтвердятъ, и да здравствуютъ княгиня Зинаида Волконская и ея помощникъ! Но какъ она въ короткое время принимаетъ на себя такую трудную обязанность: выбирать, заказывать, расчитываться во всѣхъ городахъ Италіи? Гдѣ она возметъ времени? Если бы ей угодно было выписать меня (свѣтлая мысль!) къ себѣ на полгода, отъ Сентября до Февраля, для сношеній съ художниками подъ ея руководствомъ, освѣдомленій, уложенія, отправленія, дабы въ Москвѣ помочь уставить, если не самому сдѣлать? И мало ли *сколько причинъ можешь найти ты.* А какъ бы это было славно! Я принялъ бы хотя страдательное участіе въ прекрасномъ дѣлѣ, проѣхался бы по Европѣ, поцѣловалъ бы тебя. А каково это? И все это возможно! Если княгиня одобритъ мою мысль, то напишите въ проектѣ послѣ словъ: «Я принимаю на себя обязанность» etc. слѣдующее: «а для сношеній съ художн. *и проч. и проч.* я прошу выслать мнѣ чиновника изъ универс. и указываю на адъюнкта Погодина, наиболѣе мнѣ извѣстнаго и для того способнаго». Ну да если я пріѣду къ вамъ въ Августѣ! «На проѣздъ его (чиновника) и шестимѣсячное пребываніе нужно три тысячи рублей». Прочее я добавлю и отъ себя. Съ завтраго принимаюсь опять за Итальянскій языкъ. Напишите обстоятельно, что̀ стоитъ перевозка моремъ отъ Рима до Петербугра и во сколько времени Музей можетъ быть доставленъ.

Слѣдовательно, получа письмо отъ княгини для Дмитр. Владим. *), я скажу ему, чтобъ онъ подождалъ собирать подписку, о чемъ послѣ напишу и къ князю Волк. въ Петербургъ. Если Музей стоить будетъ съ перев. и 15000 или даже 20000 р., то не бойтесь: университетъ въ силахъ дать эту сумму. Залу можетъ дать и Кокошкинъ. На слѣд. почтѣ напишу къ тебѣ тоже на случай, что это письмо пропадетъ. Грудь у меня болитъ ужъ немного; но Италія, Италія!

Отъ этого предпріятія остался только «Планъ учрежденія скульптурной галлереи для Московскаго университета», одобренный Торвальдсеномъ, написанный Шевыревымъ и напечатанный въ *Телескопѣ* Надеждина.

XXI.

1830. Апрѣля 29.

Поздравь меня на новосельѣ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ! Я купилъ домъ и совсѣмъ уже въ него перебрался и разобрался, и пишу теперь къ тебѣ съ высокаго Парнаса, съ котораго виды на нѣсколько верстъ кругомъ. Пріѣзжай: кабинетъ для тебя—чудо! Не знаю, какъ удастся мнѣ эта спекуляція. Вотъ въ чемъ дѣло. Домъ на прекрасномъ мѣстѣ (князя Тюфякина, гдѣ былъ пансіонъ Перне), на стрѣлкѣ четырехъ улицъ (двухъ частей Мясницкой, переулка Златоустовскаго и Лубянскаго), большой, каменный, съ вѣрными жильцами. Указалъ мнѣ его мой пріятель, Юрцовскій, кондитеръ и любитель литературы. Я тотчасъ отнесся къ князю, который живетъ въ Парижѣ, и онъ, не получая никакого дохода отъ дурнаго управленія, согласился при посредствѣ Новосильцовыхъ уступить мнѣ его за 30.000 р., между тѣмъ какъ въ дому несгараемаго матеріала, камня, земли и желѣза, больше этой суммы. Я положилъ своихъ 14.000 р. и 17.000 занялъ (12 у Геништы и 5 у дядина знакомаго), предполагая заложить домъ въ Коммиссіи Строеній и взять оттуда тысячъ 15 безъ процентовъ на 15 лѣтъ для заплаты долга (1). Такія ссуды Коммиссія дѣлаетъ по своему постановленію, на которое твердо надѣясь я и рѣшился занять. Поправокъ немедленныхъ домъ требуетъ немного, а по времени, сбирая съ жильцовъ и изъ собственныхъ доходовъ, можно все отдѣлать. Пансіонеровъ у меня теперь 12, кои платятъ по 1.500, 1.200 и 800 рубл. Теперь, при бо̀льшемъ мѣстѣ, и еще возьму. Отдавать въ наймы буду бель-этажъ и нѣсколько комнатъ во флигеляхъ. Устроивши все это, я

---

*) Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, Московскій ген.-губернаторъ.

успокоюсь: что̀ со мной ни сдѣлалось бы, у семейства моего всегда будетъ насущный хлѣбъ. Еслибъ я и сію минуту умеръ, то зять и братъ легко, по вѣрному предначертанному плану, могутъ кончить начатое. Въ своемъ мезонинѣ я теперь царь: ни одинъ звукъ до меня не доходитъ, и я, окруженный книгами, имѣя предъ глазами живыя картины, занимаюсь всласть. Дай Богъ силы и здоровья!

Теперь вопросъ о путешествіи. На свои деньги я, разумѣется, ужъ не могу нынѣшній годъ; но твердо надѣюсь, что если княгиня въ своемъ предложеніи университету назоветъ меня, то меня пошлютъ ей въ помощь при закупкѣ и отправленіи статуй на полгода.

Пушкинъ все здѣсь: онъ прикованъ, очарованъ и огончарованъ, какъ говоритъ (2).

Въ концѣ письма сдѣланы слѣдующія приписки.

П. А. Муханова: «Съ восторгомъ читалъ ваше письмо изъ Рима. Проэктъ Эстетическаго Музея въ Москвѣ—мысль счастливѣйшая! А всѣхъ счастливѣе вы; ибо находитесь на развалинахъ міра классическаго, и *все изящное столь къ вамъ близко*! Наслаждайтесь и возвратитесь къ намъ скорѣе *со всѣмъ изящнымъ*, которое столь необходимо для чистыхъ радостей Москвы.»

Ю. Венелина: «Право славное дѣльцо видѣть классическую страницу, какова Италія! Наблюдайте, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, рисуйте все съ натуры на мѣстѣ, а по воображенію можно и въ Москвѣ. Послѣ завтра ѣду и я въ страну классическую, классическую для Руси, Литвы и Венгріи—въ Болгарію, отечество Бояна, Славянскаго Оссіана, отечество священнаго намъ языка и т. д. Ѣду на счетъ Россійской Академіи. Цѣль великая, позволили бъ только мѣстныя обстоятельства. Прошу васъ, отъ имени всѣхъ славянолюбцевъ, на возвратномъ пути не оставить безъ вниманія Славянскихъ жителей Краина, Каринтіи, Карніоліи, Штиріи и даже живущихъ по ту сторону Isonzo въ Венеціанскомъ королевствѣ отъ Гориціи къ Cividale и т. д. въ горахъ, о коихъ до сихъ поръ не могли еще добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Я думаю, что даже въ самомъ Римѣ вы можете найти уроженцевъ Венеціанскихъ, Фіумскихъ, Чивидальскихъ, Капо д'Истрійскихъ, отъ коихъ могли бы почерпнуть многія свѣдѣнія о нашихъ соплеменникахъ тѣхъ странъ. Можно сдѣлать себѣ статьи особенныя: 1) о пространствѣ ихъ жилищъ, 2) объ оттѣнкахъ ихъ нарѣчія, 3) нравы, обыкновенія, костюмы, 4) домоводство, 5) собрать то, что̀ напечатано на ихъ языкѣ. Побывайте въ Римѣ въ Русскомъ Уніатскомъ монастырѣ; въ Ватиканской осмотрите Славянскія рукописи, ихъ содержаніе вообще etc. Это для VI тома моихъ Болгаръ будетъ весьма нужно. Въ немъто васъ и поблагодарю.»

А. С. Хомякова: «Сколько вамъ препорученій! Да не спрашивайте у Италіянцевъ объ Славянахъ: мы для нихъ варвары. Любезный Степанъ Петровичъ, полюбите Италію, наберитесь ея воздуха, ея воспоминаній и привезите ихъ намъ. Я немного ее видѣлъ, и мало времени удалось мнѣ ею напитываться; за то теперь съ горемъ чувствую, что я ее уже утратилъ. Но проѣзжая черезъ Славянскія земли въ южной Австріи, говорите какъ можно болѣе съ жителями: васъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напоминать имъ иногда объ Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ. Прощайте, веселитесь, благодарите судьбу и пожалѣйте объ насъ. Здѣсь ужасное однообразіе. Вашъ отъ души.»

На эти строки Венелинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

«Не слушайтесь нашего любезнаго Хомякова; хотя бы Славянъ Италійскіе Латыны и почитали варварами, но если они сами просвѣщенны, непремѣнно сумѣютъ сказать объ нихъ свое просвѣщенное мнѣніе; это для того, ибо можетъ быть, что не возвратитесь чрезъ землю Славянъ: у обстоятельствъ свои причуды. Въ Москвѣ нѣтъ новостей, кромѣ того что на дняхъ праздновали Пасху.»

X. Гёрке *): «Я очень радъ, что имѣю случай прибавить строчку. Вы вѣрно о многихъ забыли, а мы васъ всѣ помнимъ.»

Мельгунова: «И мнѣ дали мѣсто въ общемъ письмѣ, но не болѣе какъ на пару строкъ. Мнѣ остается повторить тебѣ мои увѣренія въ дружбѣ, и поздравить съ Святой, Русской недѣлей...»

О. С. Аксаковой: «Христосъ Воскресе, нашъ любезнѣйшій Степанъ Петровичъ! Благодарю васъ отъ души, что вы и въ Италіи не забываете Аксаковыхъ. Дѣти васъ очень помнятъ и «Петроградъ» наизусть читаютъ.»

Томашевскаго: «Вотъ и я тутъ же пристроиваюсь, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ. Христосъ Воскресе! Любите и помните».

С. Т. Аксакова: «Христосъ Воскресъ, возлюбленный Степанъ Петровичъ! Желаемъ вамъ всего наилучшаго, какъ близкому родному всего нашего семейства. Вы вѣрно узнали руку жены моей. Обнимаю васъ.»

Фролова: «Христосъ Воскресе! Давно я не бесѣдовалъ съ вами. любезнѣйшій другъ, и очень жалѣю, что не могу при семъ случаѣ наговориться съ вами досыта; а сколько новаго, новаго для сердца и ума!... Но, кромѣ изъявленія вамъ искренней моей дружбы, которая вамъ и безъ того извѣстна, варваръ Погодинъ не позволяетъ писать ничего и кричитъ: «довольно, довольно; ужъ пять строчекъ!»

---

*) Гувернеръ Д. В. Веневитинова.

Андросова: «Поздравляю васъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, съ нашимъ старостильнымъ праздникомъ. Примите трудъ передать мое поздравленіе Папѣ и Риму. По гробъ Андросовъ.»

А. П. Елагиной: «Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы разсказывать, кто милаго Шевырева любитъ, помнитъ, кто имъ радуется, кто всякой всячины ему желаетъ, кто ждетъ отъ него стиховъ, прозы, писемъ и благословеннаго возвращенія, то мнѣ, Авдотьѣ Елагиной, непремѣнно надобно дать первое, или подлѣ перваго мѣсто.—Пишутъ ли къ вамъ Кирѣевскіе? Пишете ли вы къ нимъ? Увидитесь ли вы гдѣ-нибудь? Не возвращайтесь прежде ихъ, вамъ будетъ здѣсь несносно скучно; а пока можно, веселитесь, набирайтесь добра и берегите теплоту души, чтобы не иззябнуть на родинѣ. Это значитъ—Богъ съ вами!»

А. А. Елагина: «Елагинъ васъ обнимаетъ; въ этомъ объятіи заключается все: воспоминаніе, любовь, дружба, споры, Телеграфъ, Вѣстникъ, и все хорошее и пакостное, что̀ собственно и составляетъ нашу жалкую жизнь.»

А. С. Пушкина: «Примите и мой сердечный привѣтъ, любезный Степанъ Петровичъ. Мы, жители прозаической Москвы, осмѣливаемся писать къ вамъ въ поэтическій Римъ, надѣясь на дружбу вашу. Возвратитесь обогащенный воспоминаніями, новымъ знаніемъ, вдохновеніями. Возвратитесь и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу.»

В. Рожалина: «Здравствуйте, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ.»

Н. М. Языкова: «Христосъ Воскресъ.»

С. Раича:

„Въ письмѣ двѣ-три строки
Увидите вы и моей руки.
Прочтите ихъ вдали, у стѣнъ Капитолійскихъ
И вспомните объ насъ душой къ вамъ близкихъ.“

1) Домъ этотъ на Мясницкой, противъ бывшей Чертковской библіотеки, на углу Златоустинскаго переулка. Гепишта былъ музыкантъ, жившій въ домѣ князя Трубецкаго, а Погодинъ во время своей университетской жизни каждое лѣто проводилъ у Трубецкихъ въ ихъ селѣ Знаменскомъ подъ Москвою, нынѣ принадлежащемъ М. Н. Каткову.

2) Еще въ Мартѣ 1830 года, Пушкинъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы“. („Русск. Архивъ“ 1874, I, 140).

XXII.

1830. Мая 15.

Былъ я у Троицы, любезнѣйшій мой Степанъ Петровичъ, ходилъ пѣшкомъ съ Елагиными и Языковымъ, молился и доволенъ (1). Какія

умилительныя сцены тамъ бываютъ: какое усердіе, молитвенный жаръ, вѣра! Всѣ люди одно чувствуютъ, хотя и называютъ это одно разными именами: Богомъ и случаемъ, природою и закономъ. И сколько воспоминаній тамъ! Кланялся опальной могилѣ Годунова. Библіотека, архивъ съ богатствами несчетными и неописанными. Всѣ книги о новой Нѣм. философіи въ рукахъ у студентовъ, и профессоръ философіи, хоть пахнетъ щами, но чудный человѣкъ, какъ утверждаютъ всѣ, чему и я не нашелъ противорѣчія въ короткое знакомство (2). Еслибъ наше духовенство приладилось къ мірянамъ, научилось бы сообщаться съ ними, то просвѣщеніе наше вдругъ увеличилось бы втрое! Но объ этомъ пространнѣе въ статьѣ. Я жду съ нетерпѣніемъ предложенія княгини въ университетъ. Попечителемъ у насъ утвержденъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Онъ человѣкъ сильный и можетъ сдѣлать все, что̀ захочетъ. Еслибъ княгиня убѣдила его, то все кончено бы было. Жду-не дождусь. О utinam!—О финансахъ моихъ вотъ что̀: обнадеживаютъ, что Коммиссія для Строеній дастъ 15—20.000 р. безъ процентовъ, коими я и заплачу долгъ Геништѣ и проч. Чтобъ получать хорошій доходъ съ дома, надо употребить на него 25.000 р., которые употребитъ зять, заложивъ свою деревню. Мнѣ даютъ много барыша за домъ, но я не хочу ни за что отдавать: мѣсто прекрасное и вѣрное. Наконецъ, могу сказать тебѣ смѣлѣе о моемъ сочиненіи, но *между нами.* Удивись: «Мареа Посадница», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ ямбами. Три дѣйствія кончены, четвертое и пятое почти. Первое написалъ я въ 7 дней, второе въ 7, третье въ пять. Пушкинъ случайно допытался до моей тайны и заставилъ меня прочесть: былъ въ восторгѣ, плакалъ, цѣловалъ, говорилъ, что его народныя сцены ничто передъ моими, и проч. и проч. Если моя трагедія въ половину имѣетъ достоинства въ сравненіи съ его мнѣніемъ, то я доволенъ. Можетъ быть, слушая меня, онъ самъ много вообразилъ, бросалъ свое золото, какъ алхимикъ, не знаю. Впрочемъ я предупреждалъ его: «Моя цѣль на другомъ поприщѣ, неудача на этомъ меня не опечалитъ, будьте откровенны и скажите: хорошо ли это, или есть ли надежда на хорошее или дурное?» Для меня было пріятно услышать его отзывъ, но не слишкомъ; даже теперь пріятнѣе описывать тебѣ. Онъ только ободрилъ меня: что̀ мнѣ стало казаться общими мѣстами, то̀ ему нравится. Пришлю къ тебѣ первое дѣйствіе на слѣдующей почтѣ. Еще скажу: я вовсе не дорожу ею теперь; но, писавши первое дѣйствіе, я не спалъ, бредилъ, былъ какъ сумасшедшій: такъ поднялась чувствительность. Знаю, что, заставляя тебя ожидать многое, я порчу будущее впечатлѣніе твое, даю большое заемное письмо и обанкручусь, но хотѣлъ поскорѣе доставить тебѣ хоть минутное удовольствіе (3). Все таки это эпизодъ, а поэма моя—

Исторія. Я ей себя посвящаю и съ каждымъ днемъ люблю ее болѣе и болѣе. Только бы мнѣ съѣздить на годъ, прогуляться по Европѣ; а тамъ, благословясь, пустимся въ землю обѣтованную. Довольно.—Въ 30 № Пчелы анекдотъ на Пушкина, который отвѣчалъ подобнымъ же въ Л. Газетѣ о Видокѣ. Пушкина вообще ругаютъ теперь такъ, какъ тебя не ругивали. Довольно ли? Замѣчанія твои объ Иліадѣ мнѣ очень нравятся: почва твоя тучнѣетъ. Письмо твое оправдательное къ Серг. Тим. Ольга Семеновна знаетъ, думаю, наизустъ. Какъ они насъ любятъ! О храмѣ Петра—мысль чудная и обильная; я восхищаюсь ею. Радуюсь успѣхамъ князя и поздравляю. Дай Богъ, чтобъ нашего полку прибыло!—Не слишкомъ ли много вдругъ вы дѣлаете? Стѣны Рима внушаютъ благоговѣніе. Мельгуновъ съ Андросовымъ будутъ издавать журналъ. Прощай. Ахъ, еслибъ до свиданія! Да, я нынѣ буду говорить рѣчь на актѣ юбилея. Хочется грянуть о просвѣщеніи, о надеждѣ Европы и Россіи, о мѣстѣ ея etc.

1) Языковъ написалъ стихотворный отчетъ этому пѣшему многолюдному хожденію. Изъ Языковскаго описанія сохранились въ печати прекрасные стихи о происхожденіи Мытищинскаго ключа (Бартеневъ, „Русск. Архивъ" 1877, II, 492). Автографъ этого стихотворенія подаренъ мнѣ М. А. Максимовичемъ и хранится въ моей библіотекѣ.

2) Протоіерей Өеодоръ Александровичъ Голубинскій родился въ Костромѣ, 22 Декабря 1797, скончался тамъ же 22 Августа 1854. Отпѣваніе надъ нимъ совершено однимъ изъ учениковъ его, преосвященнымъ Филоөеемъ епископомъ Костромскимъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій). О. Голубинскій преподавалъ философію въ Московской Духовной Академіи съ 1818 года и до кончины своей. С. П. Шевыревъ въ своей *Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь* въ 1847 году (М. 1850) пишетъ: „Въ числѣ лучшихъ моихъ духовныхъ пріобрѣтеній у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную бесѣду съ Өеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Въ Ильинскомъ предмѣстіи, за рѣчкой Садовой, въ укромномъ домикѣ живетъ почтенный представитель христіанской философіи у насъ. Простота и смиреніе осѣняютъ его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицомъ и особенно глазами напомнилъ онъ мнѣ Шеллинга, котораго я видѣлъ въ первый разъ также въ сельскомъ уединеніи, около Мюнхена. Таже ясная голубизна въ глазахъ, таже дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть; въ чертахъ Русскаго мудреца господствуетъ спокойное самоуглубленіе. Въ сельскомъ пріютѣ своемъ Өеодоръ Александровичъ Голубинскій живетъ, окруженный тремя сыновьями... Кругомъ по стѣнамъ пріемной комнаты развѣшаны портреты нѣкоторыхъ лицъ, просіявшихъ духовною жизнію. Тутъ вы увидите Тихона Воронежскаго, Серафима, отшельника Саровской Пустыни, Паисія Величковскаго, Георгія Алексѣевича, затворника Задонскаго... Мнѣ пріятно было заслушиваться этой рѣчи, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце..." Свиданіе съ Ө. А. Голубинскимъ навѣяло на Шевырева слѣдующія мысли:

„Много расточено великихъ и прекрасныхъ силъ по нашему Отечеству, которыя не сознаны; много свѣтильниковъ таящихся подъ спудомъ, а не горящихъ на свѣщникѣ. Русское смиреніе часто укрываетъ таланты Божіи, и люди, призванные быть благовѣстниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служеніе, которое за нихъ всякой другой могъ бы исправить. Какъ часто у насъ тамъ не сознается личность, гдѣ она является сосудомъ мысли свѣтлой, божественной, и сознается сильно тамъ и кричитъ на всю Россію, гдѣ она только сосудъ самолюбія, а иногда и того хуже". (I, 20—24).

3) О *Мароѣ* Пушкинъ писалъ Погодину: „...Ура! Я было, признаюсь, боялся, чтобы первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ—я все-таки при томъ же мнѣніи: Мароа имѣетъ Европейское, высокое достоинство. Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности и съ языкомъ поступаете какъ Іоаннъ съ Новымъ Городомъ. Ошибокъ граматическихъ, противныхъ духу его, усѣченій, сокращеній—тьма. Но знаете ли? И эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе; разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность... Покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ... Вотъ главная критика моя. Остальное—остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что̀ и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь. О слогѣ упомянулъ я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на царя" („Москвитянинъ" 1842, № 10, стр. 461—462). Въ томъ же 1830 году Погодинъ издалъ свою „Мароу" отдѣльною книжкою. Считаемъ здѣсь нелишнимъ привести примѣчательныя мысли Сеньковскаго, высказанныя имъ, кажется, по поводу историческихъ трагедій Погодина. Эти мысли могутъ быть весьма поучительны для нашихъ историческихъ романистовъ и живописцевъ: „Мужики древніе говорили также, какъ мужики XIX вѣка; но бояре никогда не говорили какъ мужики. Древняя Русская аристократія была непросвѣщенна, могла даже имѣть грубыя привычки, но она не была груба на словахъ. Поѣзжайте въ Киргизскую степь,—вы удивитесь вѣжливости разговоровъ степныхъ вельможей. Нынѣшніе Турки также непросвѣщенны, какъ были Русскіе во время Самозванцевъ и, не смотря на то, высшій классъ ихъ слыветъ своей обходительностью въ цѣлой Европѣ. Богатство и знатность всюду имѣютъ свои пріемы. Непросвѣщенные народы чрезвычайно горды и презираютъ все иностранное, и знатнѣйшія лица у нихъ имѣютъ постояннымъ правиломъ ничему не удивляться. Тотъ, кто не путешествовалъ, не можетъ быть живописцемъ въ исторіи".

XXIII.

1830. Іюля 10.

Множество пріятныхъ вѣстей, любезный мой Степанъ Петровичъ, и не знаю ужъ съ чего начать тебѣ. Я кончилъ ‹Мароу Посадницу› Іюля 6-го. Пушкинъ и другіе наши знакомые хотятъ, чтобъ я напечаталъ ее тотчасъ, но я не рѣшаюсь еще: пусть полежитъ, и можетъ быть

я самъ со временемъ увижу новые недостатки ея и средства ихъ поправить. Теперь только что переворачиваю листы (чистыхъ 20, да черновыхъ подъ 40), переглядываю съ удовольствіемъ. Стихи по 450 во всѣхъ дѣйствіяхъ кромѣ 3-го, гдѣ 600. Не пишу о содержаніи: лучше прочту все. Принимаюсь за перечитыванье лѣтописей, чтобъ понабраться стараго языка для нѣкоторыхъ поправокъ въ слогѣ. У меня нѣтъ ни любви, ни насильственной смерти, ни трехъ единствъ. Главное дѣйствующее лицо—народъ. Играть ее не возможно до тѣхъ поръ, пока не будетъ хорошихъ 50 актеровъ для всякаго вѣстника и простолюдина. Это—первое, а вотъ второе: университетъ отправляетъ меня на годъ путешествовать съ 3000 р. и если министръ утвердитъ, то въ Августѣ я на пути къ тебѣ, моему сокровищу. Вчера прочелъ я проектъ князю Дмитрію Владимировичу, и онъ взялся убѣждать нашего сильнаго попечителя, князя Сергія Михайловича Голицына и открыть со временемъ подписку для распространенія Музея, которому основаніе должно положить правительство. Итакъ по полученіи бумагъ отъ васъ я немедленно дамъ знать ему, и начнется дѣйствіе. Между тѣмъ затрубимъ въ журналахъ и публикѣ. Я могу тогда получить и на дорогѣ инструкцію, чтобъ оборотиться въ Италіи въ помощники нашей благодѣтельной княгинѣ. Я говорилъ на нашемъ юбилейномъ актѣ (75 лѣтія) рѣчь о назначеніи университетовъ вообще и въ особенности Русскихъ и прославилъ торжественно просвѣщеніе. Много писалъ я въ ней со слезами на глазахъ и произнесъ, говорятъ, съ чувствомъ. Да начнется же ею новая эра въ исторіи нашего университета; всѣ мы съ чистымъ сердцемъ принимаемся теперь служить Отечеству и наукамъ. Да благословитъ насъ Богъ и пошлетъ намъ Своего Духа-Утѣшителя! За рѣчью послѣдовали рукоплесканія, которыхъ я сперва очень испугался, почитая ихъ слѣдствіемъ какой-нибудь интриги съ намѣреніемъ запятнать меня въ глазахъ университетскихъ стариковъ; но послѣ раздались такія же стихамъ Мерзлякова, и я успокоился: они были точно выраженіемъ невольнаго удовольствія. Рѣчь моя неважна, ибо я написалъ бóльшую половину ея экспромтомъ, среди размышленій объ «Мареѳѣ»; но кое-что̀ сказано горячо и ново, и вотъ причина успѣха (1). Я успѣлъ въ послѣднее время сдѣлать много полезныхъ знакомствъ въ пользу просвѣщенія: съ Варшавскимъ профессоромъ Кухарскимъ, который пять лѣтъ обозрѣвалъ Славянскія земли, жилъ полгода у насъ въ Москвѣ, ученѣйшій филологъ и пламенный Славянинъ. Чрезъ него у нашего журнала вѣрнѣйшая корреспонденція съ Польскою литературою, и онъ доставилъ мнѣ ужъ очень много важныхъ статей. Съ однимъ ученымъ Богемцемъ *Шауфиномъ* (2), который ѣдетъ теперь въ Прагу, можетъ быть со мною вмѣстѣ. Повѣришь

ли, онъ поклонился мнѣ въ ноги, плача, когда я проявилъ ему готовность войти въ литературное сношеніе съ Прагою о Славянскомъ языкѣ и древности: «языкъ—наша душа; а у насъ (въ Богеміи) его убиваютъ; будемте жъ общими силами трудиться къ сохраненію его». Я наберу ему возъ Русскихъ книгъ въ Прагу (3). Какіе виды для Моск. Вѣстника, котораго я люблю, да, платонически и который, освященный именемъ незабвеннаго Дмитрія, начатый нами въ лучшую минуту жизни, долженъ продолжаться на вѣки вѣковъ. Нужды нѣтъ, что онъ имѣетъ теперь 250 подписчиковъ; но его читаютъ, уважаютъ лучшіе, достойнѣйшіе люди, и я горжусь симъ изданіемъ. Мы будемъ изливать чрезъ него свѣтъ просвѣщенія, сколько намъ его дастъ Богъ. И ты, и ты, люби его, какъ любишь, и не малодушничай!—Кстати ужъ о послѣднемъ письмѣ твоемъ: на которое я разсердился было (радъ, что не отвѣчалъ тебѣ тотчасъ). Хомяковъ и Языковъ преданы Моск. Вѣстн. всею душею. Пушкинъ, смѣю сказать, едва ли не столько же. Въ Лит. Газетѣ, гостинной и пріятной, забавенъ только Вяземскій; Дельвигъ ничего не дѣлаетъ. Стиховъ Пушкина меньше, нежели въ Моск. Вѣстникѣ, да двѣ-три примѣчательныя статьи въ прозѣ. Подписчиковъ у нея менъше нашего, едва 100. Редакторъ Сомовъ (4). Твою статью я прочелъ тамъ (5) съ неудовольствіемъ: послѣ семилѣтнихъ глупыхъ отзывовъ объ насъ Сѣв. Цвѣтовъ намъ неприлично туда показываться, развѣ поклонясь въ поясъ безъ колѣнопреклоненія: они сами попросятъ. Полновѣснаго ничего тамъ нѣтъ, и я очень жалѣю, что ты, вѣроятно вслѣдствіе какого-нибудь пріятельскаго письмеца изъ Петербурга, говоришь мнѣ, что наши статьи умираютъ въ Моск. Вѣстникѣ. Я имѣю слишкомъ много доказательствъ, что онъ даетъ прекрасный плодъ въ душахъ почтенныхъ людей. Не понимаю еще, о какомъ сорѣ говоришь ты, объ ученическихъ стихахъ. Прочти самъ (и почему не присылаютъ вамъ его?), и ты увидишь, измѣнился ли онъ въ дурную сторону. Предосадно мнѣ было, но теперь прошло.—Сблизился я еще съ г. Гульяновымъ (6), который обѣщаетъ все для Моск. Вѣстника, и съ нашей Троицкой Академіею, въ которой множество людей первокласныхъ (7). Вообрази, что тамъ переведено почти все изъ новой Нѣмецкой философіи, и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому-нибудь интригану Давыдову. Сотрудниковъ тамъ множество. И чтобы я при такой перспективѣ уничтожилъ Моск. Вѣстникъ! Молчи, нетвердый! Да что̀ у насъ будетъ, когда черезъ годъ мы сядемъ всѣ дома и единодушно начнемъ свое священнодѣйствіе? Умолкнутъ предъ нами эти шмели, эти дряни и поклонятся.

Аксаковы здоровы. Они замѣнили мнѣ отсутствующихъ Трубецкихъ (8); къ нимъ ѣзжу я со своими надеждами, успѣхами, неудачами,

Въ мое отсутствіе издавать Вѣстникъ будетъ Надеждинъ. Да, въ Ватиканѣ должна быть библіотека древняго знаменитаго Пражскаго университета, взятая Густавомъ Адольфомъ и переданная Христиною папѣ. Поройся-ка! (9)

Раичъ отдалъ Галатею на содержаніе Артёмову. Полевой бьется, какъ рыба объ ледъ, ибо обѣщался выдать нынѣ 12 томовъ, а не выдалъ еще и втораго. Говорятъ, что онъ очень добръ: Исторія выдала его, а онъ не выдаетъ Исторіи.

1) Въ день семидесятилѣтняго существованія Императорскаго Московскаго университета, 26 Іюня 1830 года, М. П. Погодинъ произнесъ рѣчь о назначеніи университетовъ вообще, и въ особенности Россійскихъ. Сказавъ, что Россія не имѣла почти ни одного внѣшняго обстоятельства, наравнѣ съ западными Европейскими государствами, „возбуждающаго душевную дѣятельность, внутреннее волненіе, любопытство, начало просвѣщенія", ораторъ спрашиваетъ: „Какимъ же образомъ при столь важныхъ препятствіяхъ существуетъ у насъ просвѣщеніе?... Какимъ же образомъ могли у насъ образоваться Ломоносовы, Муравьевы, Карамзины, Платоны? Кто произрастилъ намъ этотъ богатый плодъ, на который смѣло можемъ мы указать Европѣ? Кто?" И ораторъ отвѣчаетъ: *Правительство.* Такъ скажу, безъ лести, по внутреннему убѣжденію, внимательно изучая отечественную исторію... Благословимъ же теперь... память великихъ самодержцевъ Россіи:... *Рюрика*, которому судьба назначила славный жребій поставить на первую ступень гражданскаго образованія то дикое общество, почти семейство, которое нынѣ разродилось въ обширнѣйшую на свѣтѣ Имперію, гдѣ никогда не заходитъ солнце; *Владимира I*, озарившаго насъ свѣтомъ христіанской религіи.. *Іоанна III*, соединившаго разсѣянныя части Россіи въ одно политическое цѣлое... *Бориса Годунова*, въ 1606 году замышлявшаго основать университетъ въ Москвѣ.. *Ѳеодора*, основателя Заиконоспасской Академіи. *Божественнаго Петра*, который въ глухой стѣнѣ Россіи прорубилъ широкое окно въ Европу, Петербургъ; кланялся Лейбницу за его наставленія и совѣты, привлекъ иностранцевъ, посылалъ своихъ подданныхъ учиться въ чужіе краи, учился самъ, завелъ многія школы въ городахъ, умирающею рукою уже писалъ уставъ Академіи Наукъ; который смѣло, по выраженію поэта, самодержавною рукою сѣялъ просвѣщеніе. *Елисавету*, основавшую въ 1755 году университетъ Московскій на краеугольной мысли Ломоносова, по ходатайству Шувалова. *Екатерину II*, учредительницу гимназій и народныхъ училищъ. *Александра I*, въ 1805 году даровавшаго университету уставъ. Зивидую будущимъ ораторамъ, которымъ представлено прославить царствующаго нынѣ императора *Николая I*". („Моск. Вѣстникъ" 1830, ч. III, 291—318). При этомъ случаѣ были первыя рукоплесканія въ университетѣ; ихъ начали А. А. Елагинъ и Н. М. Языковъ, а публика подхватила. „Какъ благодаренъ я вамъ, милый папенька", писалъ И. В. Кирѣевскій изъ Мюнхена, и за то, что вы не позабыли подѣлиться съ нами университетскимъ засѣданіемъ. Знаете ли, что оно и насъ тронуло до слезъ. И народъ, который теперь можетъ быть одинъ въ Европѣ способенъ къ восторгу, называютъ непросвѣщеннымъ! Поцѣлуйте Погодина, поздравьте его и поблагодарите отъ

насъ за подвигъ горячаго слова. Какъ бы я отъ сердца похлопалъ вмѣстѣ съ вами!" (Кирѣевскій, I, 65). На этомъ же актѣ, въ послѣдній разъ, „звучалъ голосъ" вдохновеннаго Мерзлякова: онъ пропѣлъ здѣсь свою лебединую пѣснь:

Цвѣти нашъ вертоградъ священный,
Крѣпися въ силахъ, зрѣй въ плодахъ;
Какъ былъ, пребуди неизмѣнный
Общественныхъ источникъ благъ!
Подъ Николаевымъ покровомъ
Явись въ обильѣ, въ блескѣ новомъ!.. и пр.

2) Свѣдѣній объ этой личности намъ не удалось найти.

3) Въ автобіографіи Погодина читаемъ, что „онъ не помнитъ времени, когда онъ началъ любить Славянъ. Кажется онъ родился съ этою любовію. Венелинъ, Карпатороссъ, жившій у него нѣсколько времени передъ тридцатыми годами, содѣйствовалъ много развитію этой любви, исторически и политически". (Н. А. Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель" М. 1879, I, стр. 3).

4) Князь П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: „На *Литературную Газету* надежды мало, Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только sur sa bête de somme ou de Somoff" („Русск. Архивъ" 1879, № 8, стр. 484). На это Пушкинъ отвѣчалъ: „Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его *Газета* хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣсть нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно" (Русск. Арх. 1874, I, 442).

5) Въ № 36, Іюня 25 „Литературной Газеты", помѣщено *Письмо изъ Рима къ издателю Л. Г.* Безъ подписи автора.

6) Иванъ Александровичъ Гульяновъ родился въ 1789 году, скончался въ Ниццѣ 23 Декабря 1841 (Геннадій, „Спр. Словарь", I, 268). Въ 1826 году князь П. А. Вяземскій писалъ: „Авторъ *Археографическихъ Опытовъ*, скрывающійся подъ завѣсою псевдонима и состязающійся нынѣ въ Парижѣ съ Шампольономъ, есть нашъ Русскій уроженецъ г. Гульяновъ, членъ Россійской Академіи, числящійся секретаремъ посольства въ Брюсселѣ, покровительствованный покойнымъ Государемъ Александромъ I и пользующійся въ ученой Европѣ уваженіемъ людей, каковы Абель-Ремюза, Клапротъ, С. Мартенъ и другіе" (Сочиненія, I, 216). Въ позднѣйшей *Припискѣ* князя П. А. Вяземскаго читаемъ: „Гульяновъ принадлежитъ Русской литтературѣ и по другимъ отношеніямъ. Онъ безъимянно напечаталъ, не помню гдѣ, стихи къ Пушкину. Поэту показалось, что стихи должны быть написаны женщиною, и онъ отвѣчалъ на нихъ прекраснымъ стихотвореніемъ: *Къ анониму*. Сохранились ли бумаги его и гдѣ и у кого хранятся онѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ много любопытнаго. Онъ былъ и трудолюбивъ и находился въ близкихъ сношеніяхъ со многими современными извѣстностями и знаменитостями. Все, что по немъ могло остаться, принадлежитъ вѣдѣнію Русской литературы, и желательно, чтобы не хранилось оно подъ спудомъ, а было

оглашено печатью. По довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Гульяновъ сынъ бывшаго Молдавскаго господаря князя Маврокордата, который жилъ и умеръ въ Москвѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія" (I, 217--218). Сколько намъ извѣстно, бумаги Гульянова пріобрѣтены покойнымъ фельдмаршаломъ княземъ А. И. Барятинскимъ. Въ архивѣ князя П. П. Вяземскаго хранятся письма его къ адмиралу Шишкову.

Въ 1838 г., Т. Н. Грановскій познакомился съ Гульяновымъ въ Дрезденѣ. Сохранилось письмо Грановскаго, въ которомъ описывается это знакомство: „У дверей надпись: Essuyez vos pieds. Прекрасная квартира, паркетъ такъ гладокъ, что я, раскланиваясь, едва не палъ къ ногамъ хозяина. Самъ Гульяновъ мнѣ чрезвычайно понравился. Странности его немного мелки, самолюбіе и уваженіе къ чинамъ замѣтны тотчасъ; но за этимъ столько любви къ наукѣ, столько свѣдѣній, что можно бы извинить гораздо бо̀льшіе недостатки. Я сказалъ ему откровенно, что ничего не читалъ изъ писаннаго имъ и что даже не знаю, что̀ онъ сдѣлалъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать о своихъ трудахъ... „Болѣе всего мучитъ меня мысль, что все это пропадетъ, когда я умру"... Я едва не засмѣялся, когда онъ сказалъ мнѣ, что у него объясненіе встрѣчающейся въ гіероглифахъ тросниковой корзинки занимаетъ болѣе 300 печатныхъ страницъ. Въ самомъ дѣлѣ статья о тросниковой карзинкѣ заключаетъ въ себѣ всю демонологію Египта и объясняетъ весьма многое въ Ветхомъ Завѣтѣ. То что̀ я слышалъ очень умно, просто и было для меня совершенно ново и очень хорошо". (Русск. Архивъ 1873, 0479—0480).

7) Подъ покровомъ Преподобнаго Сергія и подъ мудрымъ руководствомъ приснопамятнаго митрополита Филарета процвѣтала ученость въ Московской Духовной Академіи. „Недовѣрчиво спрашиваютъ въ Петербургѣ", писалъ митрополитъ Филаретъ, „что̀ у насъ дѣлаютъ, особенно по философіи. Пусть бы что-нибудь прочитали и увидѣли, что мы, по благости Божіей, мудрствуемъ въ цѣломудріи".

8) Каждое лѣто, въ продолженіе своей университетской жизни, М. П. Погодинъ проводилъ у князя Ивана Дмитріевича Трубецкаго, въ его селѣ Знаменскомъ подъ Москвою. Въ кабинетѣ М. П. Погодина всегда висѣлъ на стѣнѣ, передъ письменнымъ столомъ, рисунокъ этого села, сдѣланный Александромъ Всеволодовичемъ Всеволожскимъ, который былъ женатъ на княжнѣ Софьѣ Ивановнѣ Трубецкой.

9) Въ 1822 году, Ватиканскую библіотеку посѣтилъ нашъ знаменитый путешественникъ А. С. Норовъ. Вотъ что онъ писалъ объ ней: „Библіотека Ватиканская, заключающая въ себѣ 30000 рукописей и которая можетъ разлить столько свѣта на исторію среднихъ вѣковъ, недосягаема, какъ гаремъ Султана; не даромъ входятъ въ нее чрезъ желѣзную дверь. Кромѣ шкафовъ вы ничего тамъ не увидите. Правда, вамъ покажутъ нѣсколько Египетскихъ рукописей на папирусѣ, изъ которыхъ вы тоже узнаете, что̀ и самъ аббатъ Маіо, хранитель сихъ сокровищъ".

XXIV.

1830. Августа 3.

Нашъ чистый, нашъ добрый, нашъ славный Мерзляковъ скончался 26 Іюля ст. ст., и въ какомъ положеніи: бѣдный, забвенный, оскорбленный, унылый! Какъ горько было мнѣ смотрѣть на него, лежащаго въ постелѣ: такъ блистательно начать свою жизнь и такъ жалостно кончить ее. Сердце ныло у меня. Я только что собрался проѣхать къ нему въ Сокольники, какъ вдругъ получаю извѣстіе. Ровно за мѣсяцъ онъ съ сильнымъ напряженіемъ прочелъ большіе стихи свои на актѣ, и на другой день слегъ и не вставалъ. Хоть рукоплесканія единодушныя, продолжительныя усладили послѣднюю его литературную минуту. Это была пѣснь лебедя. Начавъ писать ихъ, больной, онъ сказалъ женѣ: «такъ я докажу же моимъ врагамъ, что у меня есть силы». Въ стихахъ много прекраснаго, чего въ голову никогда не придетъ нашимъ нищимъ-моднымъ поэтамъ. Пятеро дѣтей остались безъ куска хлѣба; но я увѣренъ, что они получатъ всякое пособіе отъ правительства. Приняты мѣры. Я радъ, что въ рѣчи своей и послѣ я успѣлъ сказать ему пріятное. Между прочимъ я сказалъ ему: «если мнѣ придется, чрезъ 25 лѣтъ, празднуя 100-лѣтіе университета, говорить еще рѣчь, я вспомню о нынѣшнихъ вашихъ стихахъ», и исполню (1). Между тѣмъ подумаемъ и объ живущихъ. Мѣсто его, по чистой моей совѣсти и внутреннему убѣжденію, принадлежитъ тебѣ. Это не голосъ друга, а голосъ университетскаго профессора и патріота, который предапъ пользѣ и славѣ Отечества и просвѣщенія. Я вижу въ тебѣ еще много недостатковъ, но они исправятся, и ты будешь у насъ достойнымъ преемникомъ славнаго Мерзлякова. Умъ, познанія, даръ слова, піитическій талантъ, энтузіазмъ, любовь къ просвѣщенію—аксіосъ! Въ Субботу я написалъ ужъ письмо къ Титову и Одоевскому; завтра Авдотья Петровна напишетъ къ Жуковскому. Здѣсь надѣюсь убѣдить многихъ профессоровъ. Молодъ—да развѣ Мерзляковъ старше началъ свое поприще? Разумѣется, старики наши этого не понимаютъ. Но въ Петербургѣ должны убѣдиться, что университетъ можно поставить на надлежащую степень, только не допуская профановъ ни на одно значительное мѣсто. Ну какъ мы всѣ примемся вмѣстѣ за сѣяніе! А разумѣется твоего отказа я не предполагаю: и честь и польза... Да что и говорить пустое! Ты можешь кончить свое путешествіе, какъ хочешь, а между тѣмъ пусть преподаетъ пока Побѣдоносцевъ (2). Соперниками будутъ, думаю: онъ, Раичъ, Перевощиковъ, Бутырскій (3), Глаголевъ (4) и Давыдовъ. Если объявятъ конкурсъ, тѣмъ лучше (5). Теперь при-

нимаюсь переписывать «Марѳу» и напечатаю подъ чужимъ именемъ (6). Представленіе о моемъ путешествіи пошло къ министру 14-го Іюля. Жду не дождусь рѣшенія; не то выйду въ отставку и поѣду.—Здѣсь была Зонтагъ и очаровала. Павловъ написалъ ей стихи и носится теперь съ статьею о балѣ въ честь ея. Учреждаются библіотеки публичныя въ губерніи, и я вызвался пожертвовать Вѣстника и проч. на 8.000 рублей.

1) Знаменитый профессоръ поэзіи и краснорѣчія А. Ѳ. Мерзляковъ родился въ 1778 г. Родители его принадлежали къ числу весьма небогатыхъ купцовъ города Далматова. Дарованія мальчика первый замѣтилъ родной его дядя, правитель генералъ-губернаторской канцеляріи А. А. Мерзляковъ. Онъ уговорилъ брата отпустить племянника въ Пермь. Здѣсь былъ онъ опредѣленъ въ народное училище. Тринадцати-лѣтній ученикъ написалъ *Оду на заключеніе мира съ Шведами.* Директоръ народнаго училища Иванъ Ивановичъ Панаевъ представилъ эту оду правящему должность генералъ-губернатора въ намѣстничествахъ Пермскомъ и Тобольскомъ, генералъ-поручику и кавалеру Алексѣю Андреевичу Волкову. Графъ Д. А. Толстой напечаталъ въ *Русскомъ Архивѣ* журналъ Коммиссіи объ учрежденіи училищъ (1792 года Августа 27), въ которомъ помѣщено письмо А. А. Волкова къ главному начальнику народныхъ училищъ графу П. В. Завадовскому съ приложеніемъ оды тринадцатилѣтняго мальчика (1881, I, 422—423). Въ собственноручной запискѣ Мерзлякова мы читаемъ: „Благодѣтельная Государыня приказала напечатать сіе сочиненіе и сверхъ того нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя". Экземпляры эти были присланы въ Пермь, при Высочайшемъ рескриптѣ, къ директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, былъ Мерзляковъ отправленъ на казенный коштъ въ Петербургъ или Москву, для продолженія наукъ. („Біогр. Слов. М. Ун.", II, 52—53). Такъ началось благородное служеніе Мерзлякова Музамъ и Русскому просвѣщенію, которымъ до самаго конца своей жизни служилъ онъ честно. По свидѣтельству М. П. Погодина „всякое его слово съ каѳедры, отъ души сказанное, западало въ душу и навсегда въ ней оставалось". Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, въ письмѣ своемъ къ одному изъ пріятелей, трогательно описалъ погребеніе Мерзлякова: „Мы лишились Мерзлякова. Я былъ у него на погребеніи въ Сокольникахъ. Прекрасное утро, сельскіе виды, повсюду зелень, скромный домикъ, откуда несли его въ церковь; присутствіе двухъ архіереевъ, трехъ кавалеровъ съ звѣздами, изъ коихъ два были Кудрявцевъ и Бантышъ-Каменскій, и подлѣ гроба, на подушкѣ, одинъ только крестикъ Владиміра: все какъ-то сказывало, что погребаютъ поэта!" Чистая душа Мерзлякова выразилась въ его стихотвореніи къ *Несчастію*:

Явись, какъ Ангелъ умиленный,
И миръ небесный возвѣсти!
Терпѣньемъ, мудростью священной
Мое ты сердце освяти;
Влей въ чашу золъ мнѣ утѣшенье,
Возжги во мнѣ къ добру стремленье,
Учи любить, прощать въ свой вѣкъ;
Да, о другихъ всегда болѣю,
Смирюсь въ душѣ, уразумѣю,
Что я такой же человѣкъ.

Замѣчательно, что сатира не была въ духѣ Мерзлякова. Онъ написалъ только одно сатирическое произведеніе: *Разговоръ въ таможнѣ*. (Шевыревъ, „Біогр. Слов. М. ун.", II, 79). Собраніе стихотвореній Мерзлякова издано въ Москвѣ Обществомъ Любителей Россійской Словесности. „Теперь ставятъ ни во что критики Мерзлякова", пишетъ князь П. А. Вяземскій, „въ полномъ самодовольствѣ невѣжества пренебрегаютъ ими, смѣются надъ ними. Можно и должно не порабощаться суевѣрно критическимъ взглядамъ и законамъ Мерзлякова; но все же нельзя не признать въ немъ критика образованнаго, который говоритъ не на обумъ. Въ голосѣ и мнѣніяхъ его отзывается изученіе образцовъ, съ которыми знакомился онъ въ самомъ источникѣ. Есть чему научиться отъ него, потому что онъ самъ учился". (VIII, 164—165).

2) Профессоръ Россійской Словесности въ Московскомъ университетѣ Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ родился въ Москвѣ 22 Сентября 1771 года, скончался тамъ же 30 Сентября 1843. По свидѣтельству его біографа, П. В. Побѣдоносцевъ главное вниманіе обращалъ на практическія занятія, на чистоту рѣчи и на строгое соблюденіе правилъ грамматики. Въ переводахъ съ Латинскаго и Французскаго языковъ, которыми онъ занималъ студентовъ, тщательно избѣгалъ всякаго иностраннаго оборота рѣчи. Много поколѣній Русскихъ дворянъ обязано П. В. Побѣдоносцеву своимъ знаніемъ Русскаго языка. („Біогр. Словарь М. унив.", II, 228—230).

3) Никита Ивановичъ Бутырскій, профессоръ поэзіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1808 году онъ посланъ былъ за границу, для приготовленія къ профессурѣ. Оттуда вернулся въ 1812 году. При открытіи С.-Петербургскаго университета состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ. „Какъ учили его", пишетъ В. В. Григорьевъ, „посылая за границу, что главная цѣль словесности есть образованіе вкуса чрезъ вѣрное познаніе превосходныхъ твореній древности, такъ этому направленію и остался онъ вѣренъ въ преподаваніи своемъ цѣлую жизнь" („Исторія Спб. университета"). Въ Архивѣ князя П. П. Вяземскаго хранятся два письма Никиты Иван. Бутырскаго къ А. С. Шишкову, въ которыхъ заключаются любопытныя біографическія данныя объ этомъ ученомъ. Въ письмѣ отъ 15 Марта 1825 г. читаемъ: „Уже болѣе 15 лѣтъ какъ я окончилъ курсъ ученія въ бывшемъ Педагогическомъ Институтѣ. Послѣдній день торжественнаго испытанія, 4 Сентября 1807 года, день, освященный присутствіемъ Августѣйшаго Монарха нашего, остался незабвеннымъ въ моей памяти.... Съ того времени посвятилъ я всего себя усовершенствованію наукъ словесныхъ. По возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ подвергся я строгому испытанію и, бывъ удостоенъ званія адъюнкта въ томъ же заведеніи, въ которомъ образовался, я имѣлъ то преимущество предъ многими другими, что пользовался лучшими пособіями.... При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ невозможно было для меня пріобрѣсть нѣкоторую славу на поприщѣ писателей... Но я... предпочелъ жребій образователя юношества, и не сожалѣю. Правда, онъ стоитъ въ отдаленномъ углу театра, ежели позволено выразиться иносказательно, никѣмъ не примѣченъ; но похвалы, которыми осыпается ученикъ, проливаютъ въ сердце учителя неизъяснимую отраду. Смѣю сказать, что я оживлялся сею отрадою: иначе могъ ли перенесть столь многія несчастія по службѣ?... Теперь признаюсь—всему есть предѣлъ—мысль, что сіи несчастія по службѣ могутъ быть приписаны или недостатку моихъ талантовъ, или неусердію къ

отправленію должности, или даже предосудительному поведенію, начинаетъ меня тревожить и лишаетъ бодрости духа... Желаніе не лишиться уваженія соотечественниковъ побуждаетъ меня распространить кругъ моего дѣйствія открытіемъ публичнаго курса Словесности... Главная моя цѣль распространить лучшія правила Словесности, опровергнуть ложныя, доселѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и низшихъ, господствующія, и тѣмъ содѣйствовать къ очищенію вкуса, который—не отказываюсь доказать—примѣтно портится. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе появляются сочиненія, или дышащія развратною нѣгою, или преисполненныя колкихъ личностей, или блестящія ложнымъ остроуміемъ, которое не терпитъ простаго выраженія мыслей. Открыто, съ каѳедры надлежитъ убѣдить молодыхъ людей (ибо юношество большею частію уловляется въ сѣти), что они гоняются за привидѣніемъ, думая стяжать подобными произведеніями пера нетлѣнный вѣнецъ истинной славы. Надлежитъ доказать неопровержимо, что простое и нравственное въ изящномъ неразлучны, что подобныя сочиненія суть, или плоды страсти, всегда низкой, а не истиннаго восторга, рождающаго только благородныя чувствованія, или холоднаго ума, который, за недостаткомъ мыслей и глубокаго чувства, старается одну и туже мысль повторить въ разныхъ оборотахъ, болѣе или менѣе хитросплетенныхъ, но всегда затемняющихъ оную... Отъ воли вашего превосходительства зависитъ остановить нѣсколько сей вредный потокъ, позволивши мнѣ, ежели нужно, подъ строжайшимъ надзоромъ, открыть публичный курсъ Словесности...“ Въ письмѣ отъ 3 Января 1829 года, Бутырскій, между прочимъ, пишетъ: „13 сего Февраля (sic) рѣшился я открыть публичный курсъ Словесности или, лучше сказать, продолжать чтенія о Словесности вообще и въ особенности о Россійской, начатыя мною, съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, въ 1825 году. И такъ я могу и долженъ сказать съ Гораціемъ, что ежели еще дышу, и чувствую, и мыслю, то вамъ обязанъ. Печальныя обстоятельства того времени были причиною, что Несторъ между нашими писателями не посѣтилъ моихъ чтеній. Позвольте мнѣ теперь надѣяться, что увижу васъ хотя однажды между моими слушателями и почерпну изъ взоровъ вашихъ мужество слѣдовать путемъ, проложеннымъ вами, то есть сражаться съ чудовищами, искажающими языкъ нашъ и наводняющими прекрасную нашу Словесность уродливыми произведеніями. Чувствую, что этотъ подвигъ превышаетъ мои силы... Но отчаяваться не должно. Мысли о Сумароковѣ и новыхъ писателяхъ суть стрѣлы, подаренныя Алкидомъ Филоктету. Ахъ! Я употреблялъ ихъ неосторожно и стражду отъ ранъ, втайнѣ врагами лучшаго вкуса мнѣ наносимыхъ. Но Алкидъ еще живъ,

И тихо шепчетъ врагъ съ врагомъ:
Увы! Онъ скоро грянетъ.

О! да услышимъ мы еще голосъ лебединый, и трогательная пѣснь на кончину Маріи да не будетъ послѣднею пѣснію! Я особенно имѣю сильное побужденіе желать, чтобы жизнь ваша продлилась. Подъ начальствомъ вашимъ я начиналъ дышать свободнѣе и ежели остался по прежнему ненагражденнымъ за труды свои, то виню судьбу; но вы были ко мнѣ благосклонны и не гнушались бесѣдовать со мною. Я даже слышалъ, что вы, оставляя министерство, просили особеннымъ письмомъ преемника своего обратить на службу мою вниманіе. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ; но я и за то благодаренъ. Впрочемъ,

мое уваженіе къ вамъ не зависѣло ни отъ мѣста, ни отъ сана; оно было чистое, какъ дань слабаго критика Аристарху, ученика учителю, однакоже такого ученика, который не слѣпо вѣритъ".

4) Андрей Гавриловичъ Глаголевъ. Скончался въ 1844 году. Служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (Геннади, I, 218). Въ литературѣ онъ извѣстенъ слѣдующимъ сочиненіемъ: *Умозрительныя* и *Опытныя основанія Словесности* въ IV частяхъ. Спб. 1834. Изъ предисловія къ этому сочиненію мы узнаёмъ, что авторъ издалъ „свой *опытъ* не по совѣту друзей и благодѣтелей, а по силѣ положенія о Демидовыхъ преміяхъ, обязывающаго меня къ сему изданію. Самая мысль отважиться на предпріятіе ученаго труда родилась во мнѣ случайнымъ образомъ. Поводомъ къ сему было слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1831 года Императорскій Московскій университетъ обнародовалъ программу о конкурсѣ для занятія каѳедры краснорѣчія, стихотворства и языка Русскаго, остававшейся праздною послѣ умершаго Мерзлякова. Но сія каѳедра въ послѣдствіи поручена другому, въ уваженіе засвидѣтельствованія ближайшаго начальства объ усердной его службѣ, свѣдѣніяхъ и способностяхъ" (стр. 1—III). Кромѣ того А. Г. Глаголевъ извѣстенъ какъ путешественникъ и археологъ. Въ 1837 году, въ С.-Петербургѣ, онъ издалъ въ четырехъ частяхъ свои „Записки Русскаго Путешественника, съ 1823 по 1827 годъ." Въ 1-й части описано его путешествіе по Россіи и Австріи; во 2-й—Тироль, Швейцарія, Ліонъ и Гренобль; въ 3-й—Женева, Савоія, Верхняя Италія и въ 4-й—Парижъ, Лондонъ, Германія. Въ приложеніи къ 1-й части помѣщены: „Римско-католики и Греко-униты". Въ приложеніи къ 4-й части помѣщено: „Сравнительное обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи съ состояніемъ его въ прочихъ государствахъ Европы". Съ 1838 года Глаголевъ сталъ издавать *Краткое обозрѣніе древнихъ Русскихъ зданій* и другихъ отечественныхъ памятниковъ, составляемое при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, ч. I, тетрадь 1-я о Русскихъ крѣпостяхъ. Въ 1840 году вышла 2-я тетрадь этого труда: Описаніе церквей и монастырей. „По старымъ уставамъ", пишетъ М. А. Максимовичъ, „и по нашимъ прежнимъ понятіямъ, степень *доктора не медицины* была весьма трудно-достижимая, такъ что въ пятнадцатилѣтнюю бытность мою въ Московскомъ университетѣ (1819—1834) я помню только трехъ магистровъ, взошедшихъ на эту высоту учености. Только С. А. Масловъ въ 1820 году сталъ докторомъ нравственно-политическихъ наукъ, да Глаголевъ въ 1823-мъ году и Надеждинъ въ 1830-мъ году—докторами словесныхъ наукъ". (См. изданныя мною „Письма о Кіевѣ". Спб. 1871, стр. 81—82).

5) С. П. Шевыревъ писалъ М. П. Погодину изъ Рима (отъ 21 Сент.): „Жаль, жаль Мерзлякова... Да, въ немъ былъ огонь священный; передъ смертью онъ долженъ былъ вспыхнуть. Иначе не бываетъ. Въ такихъ людяхъ душа праздно не разстается съ тѣломъ... Предложеніе твое мнѣ лестно, но я еще молодъ и прежде двухъ лѣтъ не возмогу возложить на себя такого святаго долга. Требованія увеличились съ вѣкомъ... Мнѣ надо сосредоточиться, пропасть перечесть, а тамъ изыти на поприще... Что касается до соперниковъ, то со всѣми пойду на конкурсъ, кромѣ Давыдова: онъ мой наставникъ, и ему я многимъ обязанъ. Слѣдовательно съ нимъ я спорить не стану: это всякій имѣлъ бы право назвать хвастовствомъ непростительнымъ. Въ адъюнкты къ нему—съ охотою". („Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ", стр. 18—19).

6) Свою „Мареу" Погодинъ издалъ въ 1830 году, въ Москвѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Мареа, посадница Новгородская. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ.* Въ предисловіи, подъ которымъ однако подписано „М. Погодинъ", между прочимъ сказано: „Сочинитель этой трагедіи, трудясь и имѣя цѣль на другомъ поприщѣ, не драматическомъ, не можетъ судить съ вѣроятностію о произведеніи въ новомъ для себя родѣ, не вѣритъ своимъ друзьямъ, которые разумѣется смотрятъ на него съ пристрастіемъ,—а съ другой стороны стыдится представить публикѣ сочиненіе, совершенно недостойное ея вниманія. Вотъ причина, почему онъ хочетъ теперь остаться неизвѣстнымъ. Если изъ голоса критики онъ узнаетъ, что недостатки его трагедіи выкупаются сколько нибудь ея достоинствами, то объявитъ свое имя..."

XXV.

1830. Марта 23.

Повѣришь ли, всякій день бросаетъ меня то въ жаръ, то въ ознобъ при мысли о путешествіи. И хочется ѣхать поскорѣе, чтобъ забыть всѣ здѣшнія мелочи, обыкновенности, дрязги, гадости, обновиться, набраться впечатлѣній, силы, и кажется необходимымъ остаться на нѣсколько времени, чтобъ прочесть то и другое, приготовиться получше. Нѣтъ—ѣхать! Путешествіе будетъ полезно для меня даже и тѣмъ, что я прерву свои занятія, поведу другую жизнь. Въ экономическомъ отношеніи тяжело, но—авось! Вообрази, что жалованья я до сихъ поръ не получаю! Подписчиковъ у меня 250; но я печатаю по 6 листовъ въ книжку, безъ всякихъ другихъ расходовъ, и кое-что остается. Книгъ продалось у меня тысячи на три.

Литературныхъ новостей множество. Пушкинъ здѣсь (1). Какъ бы ты думалъ—его ругаютъ наповалъ во всѣхъ почти журналахъ: въ Сѣв. Пчелѣ, С. От., Тел., Гал., В. Евр. С. Пчела говоритъ даже, что онъ картежникъ, чванится вольнодумствомъ предъ чернью, а у знатныхъ ползаетъ, чтобъ получить шитый кафтанъ и проч. (2). Мои отношенія къ нему прежнія, т. е. очень хорошія. Онъ зоветъ тебя въ Москву: «что не летитъ этотъ къ намъ воронъ, здѣсь для него столько труповъ». Мнѣ очень жаль, что эти площадныя брани его слишкомъ трогаютъ, какъ бывало тебя. O irritabile genus! Онъ поетъ твои куплеты и отпаливается эпиграммами. Вотъ содержаніе одной: «у меня есть собраніе насѣкомыхъ, вотъ Гл. Божія коровка, вотъ Кач. злой паукъ, вотъ и Св. Россійскій жукъ... Водъ Р. гадкая козявка... Смотрите, они всѣ подъ стеклами у меня торчатъ на острыхъ эпиграммахъ (3). Каковъ послѣдній стихъ! Говорятъ, что онъ женится на Ушаковой старшей (а меньшая выходитъ за Киселева) и замѣтно степенничаетъ.—«Телеграфъ»,

остервенѣлый и застрахованный, кажется, пишетъ пародіи на него, Баратынскаго, И. И. Дмитріева, Дельвига, Языкова, Вяземскаго, почти напрямки. Онъ получилъ, говорятъ, перстень за поднесенный I-й томъ Исторіи чрезъ ген. Бенкендорфа (4). Языковъ также здѣсь, привезъ мнѣ множество драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ и преданъ «М. Вѣстнику» душевно. Онъ держитъ вмѣстѣ съ Петерсономъ экзаменъ въ университетъ. И Хомяковъ здѣсь. Вчера были они всѣ вмѣстѣ у меня, и недоставало тебя для этой кадрили поэтовъ. Другая кадриль была Славянскихъ археологовъ: К. Калайдовичъ, все еще слабый, но уже не сумасшедшій, Строевъ, ожидающій здѣсь отправленія во второе путешествіе, Венелинъ, получившій уже деньги, Кухарскій, профессоръ Варшавскаго университета, обозрѣвавшій всѣ Славянскія страны и пріѣхавшій сюда изъ Рагузы, очень ученый Полякъ (5). Кстати ужъ о вчерашнемъ вечерѣ. Были у меня еще Аксаковъ, Надоумко, которому хотѣлъ я внушить больше уваженія къ Пушкину, а послѣднему—хоть лучшаго мнѣнія, и удалось отчасти (6), Елагинъ (къ которому пересталъ ходить Максимовичъ, считающій себя обиженнымъ насмѣшками), Томашевскій, разведшійся съ «Галатеею» (500 подписч.), Курскій мѣщанинъ - астрономъ, которому хочется исходатайствовать пенсію, братъ Языкова, Перевощ., Щепкинъ, Верстовскій, Максимовичъ, Всеволожскій (7). Вотъ одна изъ остротъ. Полевой написалъ планъ романа и нѣсколько главъ изъ разныхъ частей, собралъ матеріалъ и проч. и отдалъ додѣлывать и дописывать—Свиньину! «А Исторію-то, видно, отъ него получилъ», пробормоталъ Языковъ флегматикъ. «Основаніе Исторіи Свиньина, исполненіе—Полеваго! Какова книга!» — Вышелъ «Самозванецъ», Выжигинъ 17-го столѣтія, какъ говоритъ Загоскинъ. Загоскина Государь принялъ съ особливою благосклонностію. Глинкѣ далъ 3000 р. по выпускѣ съ гауптвахты. Николай великодушенъ! Дай Богъ ему счастія и хорошихъ помощниковъ!—Говорятъ о большихъ преобразованіяхъ, уничтоженіи чиновъ и проч.; но это все слухи, хотя и достовѣрные, да безъ подробностей (8). Однако признайся, что я пишу къ тебѣ очень связно, послѣдовательно, какъ сиръ Бертранъ. «Монастырку», романъ Погорѣльскаго, хвалятъ всѣ. Дѣйствіе въ Малороссіи.—Я хотѣлъ было писать къ тебѣ много, но поздно всталъ, долго держалъ корректуры,—и пора на почту. До слѣдующаго разу. Не разсѣевайся слишкомъ, «не отдавай души своей на жертву суетнымъ желаньямъ; но воспитай спокойно въ ней огонь *возвышенныхъ* страстей». Увѣдомь меня, какъ ты провелъ 15 Марта. У меня обѣдали Хомяковъ и Мельгуновъ (9); мы говорили о незабвенномъ Димитріѣ, читали стихи его.

1) Въ письмѣ Пушкина (отъ 14 Марта 1830 г.) къ князю П. А. Вяземскому читаемъ: „Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были: Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые...“ („Русскій Архивъ“ 1874, I, 435).

2) Въ *Сѣверной Пчелѣ* № 30, 11 Марта 1830 года, помѣщенъ слѣдующій *Анекдотъ*. „Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ... Надлежало имѣть исключеніе изъ правила, и появился какой-то Французскій стихотворецъ, который, долго морочилъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера, хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ, наконецъ упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику, и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи Французовъ, злой человѣкъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный Французъ, и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности Французовъ съ умысломъ, для возвышенія своихъ земляковъ, Нѣмцевъ. Гофманъ, вмѣсто отвѣта, напечаталъ къ одному почтенному Французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей. Предъ вами предстаютъ на судъ, во первыхъ, природный Французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели Музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного, возвышеннаго чувства, у котораго сердце холодное.... а голова родъ побрякушки, набитой гремучими рифмами.... который бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ, и у котораго одно господствующее чувство— суетность. Во вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнилъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи, и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціею; который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью, на полѣ битвъ, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума... и т. д.“ Въ концѣ сказано, что взято „Изъ Англ. Журнала“. Пушкинъ. прочитавъ этотъ анекдотъ, писалъ князю П. А. Вяземскому: „Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою; сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно“. („Русск. Архивъ“ 1874, I, 439—440).

3) Въ изданіи сочиненій А. С. Пушкина 1859, I, 429—430:

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ.
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ ни рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ Глинка, Божія коровка,
Вотъ Каченовскій злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ, Россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ, чорная мурашка;
Вотъ Раичъ, мелкая букашка.

Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

4) Сохранилось письмо графа А. Х. Бенкендорфа, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Я не рѣшился бы писать къ вамъ и дѣлать мои замѣчанія на ваши сочиненія, еслибы неоднократные опыты вашего ко мнѣ добраго расположенія не давали мнѣ права полагать, что разсужденія мои вы примете доказательствомъ моего къ вамъ уваженія и доброжелательства... Писатель съ вашими дарованіями принесетъ много пользы государству, если онъ дастъ перу своему направленіе благомыслящее, успокоивающее страсти, а не возжигающее оныя". Это писано 8 Февраля 1832 года. („Русскій Архивъ" 1866, стр. 1753—1756).

5) С. Т. Аксаковъ въ письмѣ своемъ къ А. С. Шишкову, отъ 30 Мая 1830 г., писалъ: „Г. профессоръ Кухарскій, податель сего письма, отправленный Варшавскимъ университетомъ для путешествія по Славянскимъ землямъ, извѣстный своими познаніями Славянскихъ діалектовъ и пламенною любовію къ родному языку и отечеству, просилъ меня познакомить его съ вашимъ высокопревосходительствомъ, ибо его высокое уваженіе къ вамъ—безпредѣльно. Хотя его имя, познанія и цѣль достаточны для обращенія вашего вниманія, но, считая себѣ за честь таковое посредничество, имѣю счастіе поручить г. Кухарскаго вашему милостивому благорасположенію" („Архивъ князя П. П. Вяземскаго... Автографы).

6) Въ 1830 году, по свидѣтельству М. П. Погодина, „Пушкинъ, кажется проигрался въ Москвѣ, и ему понадобились деньги. Онъ обратился ко мнѣ, но у меня ихъ не было, и я обѣщался ему перехватить у кого-нибудь изъ знакомыхъ, начиная съ Надеждина". На эту тему сохранилось одиннадцать записокъ Пушкина къ М. П. Погодину. „Сдѣлайте божескую милость, помогите. Къ Воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или недоумка недоумѣваетъ? Надеждинъ хоть изрядно насъ *тешитъ* иногда (тесать) или *чешетъ* etc., но лучше было бы, если онъ теперь потѣшилъ—двѣ тысячи лучше одной, Суббота лучше Понедѣльника». (Утро, М. 1868, стр. 435—436).

7) Николай Сергѣевичъ Всеволожскій началъ свое военное поприще въ 1786 году сержантомъ Семеновскаго полка. Сражался со Шведами и Поляками, а въ 1796 году съ чиномъ подполковника уволенъ отъ службы. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I началось для него поприще гражданское въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1808 году назначенъ вице-президентомъ Московской Медико-Хирургической Академіи. Въ это же время, на собственный капиталъ, завелъ онъ превосходную типографію, для которой выписалъ изъ Парижа отъ славнаго Дидо образцовыя литеры. За тѣмъ, онъ долго былъ Тверскимъ губернаторомъ. Въ началѣ царствованія Николая I оставилъ службу и обратился къ любимымъ своимъ литературнымъ занятіямъ. Н. С. Всеволожскій скончался 9 Февраля 1857 года, 85-ти пяти лѣтъ и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. По поводу его кончины замѣчено, что „свѣтское общество лишилось въ покойномъ любезнѣйшаго и образованнѣйшаго своего представителя; обладая обширною памятью и даромъ

слова, Н. С. Всеволожскій былъ душею бесѣды. Орловы, Потемкинъ, митрополитъ Платонъ, Державинъ, Суворовъ, Безбородко, Кутузовъ были извѣстны ему не по одной славѣ и имени" (Моск. Вѣдомости 1857 г. № 23). Имя Всеволожскаго извѣстно и въ литературѣ нашей. Въ 1813 году онъ издалъ въ Москвѣ „Dictionnaire géographique et historique de l'empire de Russie. Въ 1836 году Николай Сергѣевичъ предпринялъ путешествіе на Востокъ. „Конечно странно покажется", пишетъ онъ въ своемъ предисловіи къ Путешествію, „что я на 64 году моей жизни совершалъ путешествіе, которымъ съ 15-ти лѣтняго возраста бредилъ; но занятія службы, политическія обстоятельства въ Европѣ и домашнія отношенія препятствовали и всегда меня отвлекали. Надо и то сказать, что какъ при вступленіи моемъ въ свѣтъ счастье меня отмѣнно было забаловало, такъ быстрѣе потомъ покинуло.... Служба не льстила; со всѣмъ усердіемъ моимъ на этомъ сороколѣтнемъ поприщѣ, по истинѣ не провинясь ни разу, я отсталъ чинами, наградами, почестями отъ всѣхъ моихъ не только товарищей, но даже подчиненныхъ. Обдумавъ хорошенько такое горе... я рѣшился жить дома, зарылся опять въ богатую свою библіотеку, снова полюбилъ литературу... Опять вспомнилъ я старыхъ друзей: Омира, Пиндара, Иродота, Ѳукидида и проч. и проч. Я не забылъ еще ихъ языка.... Я встряхнулся... Такъ сяду на пароходъ и, въ родѣ стараго Донъ-Кихота, пущусь искать приключеній.... И такъ, помолясь у Иверской Божіей Матери, распрощавшись со старымъ Кремлемъ и царскими теремами, я отправился молиться ко Влахернской Богородицѣ, къ стѣнамъ Константиновымъ и ко дворцу Ѳеодосіеву... Время весеннее, погода прелестная, коляска готова, ямщикъ на козлахъ: Ступай! Я выѣхалъ изъ Москвы въ Серпуховскую заставу 17 Апрѣля 1836 года, въ 9 часовъ утра" (I, 1—3). Въ 1839 году нашъ путешественникъ издалъ въ Москвѣ, въ двухъ томахъ, свое *Путешествіе, чрезъ южную Россію, Крымъ и Одессу, въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, южную Францію и Парижъ въ 1836 и 1837 годахъ.* Рецензія на эту книгу написана Т. Н. Грановскимъ и напечатана въ *Библіотекѣ для Чтенія.* „Лѣта Н. С. Всеволожскаго", читаемъ въ ней, „даютъ ему большое преимущество передъ огромнымъ большинствомъ туристовъ: пожилой наблюдатель менѣе увлекается идеями. Опытность позволяетъ ему яснѣе видѣть положительное въ жизни, и прежнее долговременное наблюденіе общества доставляетъ уму его для сравненій множество опредѣленныхъ точекъ, которыхъ молодой путешественникъ напрасно ищетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и которыя онъ по необходимости принужденъ замѣнять готовыми формулами, идеями, часто не идущими къ дѣлу. Это качество придаетъ особенную занимательность замѣчаніямъ и разсказамъ Н. С. Всеволожскаго... Во всѣхъ городахъ Россіи, въ чужихъ краяхъ, его принимаютъ съ радушнымъ почтеніемъ, какъ человѣка степеннаго, какъ наблюдателя, давно уже заслужившаго уваженіе общества, котораго онъ теперь хочетъ быть судьею. Ко всѣмъ властямъ и начальствующимъ лицамъ имѣетъ онъ важныя рекомендаціи, и получаетъ отъ нихъ доказательства особеннаго вниманія. Ему очень покойно между людьми, ничто не мѣшаетъ ему размышлять, ни на большой дорогѣ, ни въ гостинницѣ, ни даже въ гостинной; и какъ при томъ для него уже нѣтъ ничего новаго въ жизни, то онъ никогда и не сердится на людей, зная по опыту, что это ни къ чему не послужитъ. Онъ беретъ мужчинъ, какъ они есть; женщинъ—какими онѣ хотятъ

казаться; дѣла какъ они дѣлаются, и правы какъ они уже сдѣланы окончательно. Для него, какъ и для мудраго Ѳалеса, это все равно: пусть свѣтъ идетъ своимъ чередомъ, лишь бы онъ не мѣшалъ мудрому странствовать для усовершенствованія своей мудрости. И мы съ наслажденіемъ будемъ внимать повѣсти возвратившагося во свояси мудреца, который говоритъ просто, безъ прибавленій и безъ утайки, обо всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ". Въ 1845 году, въ Москвѣ же, Н. С. Всеволожскій издалъ новый свой трудъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Хронологическій указатель внѣшнихъ событій Русской Исторіи, отъ пришествія Варяговъ до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора Николая I*. „Любя изъ дѣтства", пишетъ авторъ въ своемъ предисловіи, „заниматься исторіею моего отечества, я при чтеніи источниковъ имѣлъ обыкновеніе записывать въ особой книжкѣ годы событій для того, чтобы въ послѣдствіи легче было мнѣ припоминать прочитанное... Недостатокъ въ нашей литературѣ историческаго хронографа подалъ мнѣ мысль издать въ свѣтъ мои замѣтки... Я старался излагать событія какъ можно кратче, рубриками, не входя въ изложеніе спорныхъ изслѣдованій о темныхъ мѣстахъ нашей Исторіи, какъ напримѣръ: О происхожденіи Руси, о убійствѣ царевича Димитрія Іоанновича и проч. Это дѣло исторической критики. Здѣсь простыя лѣтописныя событія, при коихъ иногда я указывалъ и на происхожденіе ихъ совершителей, также на мѣну фамилій въ разныхъ отрасляхъ одного рода. Это поможетъ..... потомкамъ, ревностнымъ къ славѣ имени предковъ, доставить удовольствіе видѣть дѣла отцовъ своихъ, не забытыя современниками.... Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что книга, мной издаваемая, не вовсе безполезна и утѣшаюсь мыслію, что на старости лѣтъ принесъ я хоть малую лепту въ сокровищницу нашей исторической науки".

8) Въ письмѣ Пушкина (отъ 15 Марта 1830) къ князю П. А. Вяземскому читаемъ: „Государь уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революцію Петра. Вотъ тебѣ случай писать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы"... („Русск. Архивъ" 1874, I, 437—438).

9) Николай Александровичъ Мельгуновъ скончался въ Москвѣ, въ Мартѣ 1867. Молодость провелъ въ Москвѣ, гдѣ занимался литературою, потомъ долго жилъ за границею. Подъ статьями своими подписывался (въ Москвитянинѣ): *Н. Л—скій* и (въ Спб. Вѣдомостяхъ и Отечественныхъ Запискахъ) *Н. Ливенскій*. Онъ участвовалъ съ Шевыревымъ и В. П. Титовымъ въ переводѣ книги: *Объ искусствѣ и художникахъ, размышленія отшельника, любителя изящнаго*. М. 1826 г. (Геннади, „Словарь", II, 307).

XXVI.

1830. Августа 28.

Печатаю «Марѳу». Если правительство хорошо вникнетъ въ духъ ея, то скажетъ мнѣ спасибо. Теперь мысль моя носится между двумя предметами: жизнь Ломоносова для простаго народа простымъ языкомъ

и повѣсть—Адель. Думаю, что Ломоносовъ перетянетъ. А въ немъ ужъ будутъ штуки: какъ мужикъ нашъ сѣръ, а умъ не чортъ у него съѣлъ; какъ Ломоносовъ Нѣмцевъ за поясъ заткнулъ и проч. Да что ты не позаботишься объ расходахъ княгини въ Римѣ? Ее тамъ обманываютъ. Зубковъ сказывалъ мнѣ: 10 т. столъ и буфетъ, мелкіе расходы въ двухъ статьяхъ 4.500, отопленіе 3.000. Это ни на что̀ не похоже!

Пушкинъ опять здѣсь. Схоронили мы недавно Василія Львовича (1). Съ Прагою заведена у меня вѣрная литер. и ученая корреспонденція, съ Варшавою и Вильною также. Съ Гульяновымъ я сблизился. У него тьма хорошаго, и я жалѣю, что этотъ годъ не будемъ жить вмѣстѣ. Его надо поддерживать и удерживать. Ко мнѣ набираются пансіонеры. Ну, некогда!

1) Еще въ Маѣ 1830 года, Пушкинъ отзывался къ князю П. А. Вяземскому о своемъ дядѣ В. Л. Пушкинѣ: „На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ“. („Русск. Архивъ“ 1874, I, 443); а 9 Сентября того же года, Пушкинъ писалъ: „Бѣдный дядя Василій,—знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня; погоревалъ, потомъ помолчавъ: *какъ скучны статьи Катенина*! И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что̀ значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ“. Пушкинъ пѣшкомъ проводилъ его тѣло съ Басманной въ Донской монастырь“ („Русск. Архивъ“, 1870, стр. 1369).

XXVII.

1830. Сентября 22.

Между страхомъ и надеждою пишу къ тебѣ, любезный Степанъ Петровичъ. Помолись о Москвѣ въ храмѣ Св. Петра и обо мнѣ особенно, если я достойнѣе другихъ. Въ южной и юговосточной Россіи свирѣпствуетъ зараза cholera morbus. Есть близко Москвы. Всѣ мѣры взяты теперь: вездѣ карантины, городъ оцѣпленъ, университетъ запертъ, фабрики распускаютъ. На дняхъ у насъ нѣсколько человѣкъ умерло, но съ признаками сомнительными, а городъ унылъ было ужасно. Я спокоенъ. Четвертаго дня упало было сердце, но теперь лучше. Ужасно сойти со свѣта, не исполнивъ своихъ надеждъ; если же онѣ суетны, неосновательны, то да не идетъ чаша мимо! Вчера былъ въ Кремлѣ; умилительное зрѣлище, какъ народъ около собора повалился весь на колѣни! Какія выраженія лицъ! Слѣпые! И холера можетъ быть благодѣяніе Божіе: она тревожитъ души и возбуждаетъ сонныхъ людей (1)! Мудровъ (2), Дядьковскій (3), Закревскій (4) посланы въ Саратовъ, центръ городовъ болѣзненныхъ. Но въ двухъ верстахъ отъ него, въ деревнѣ,

холеры нѣтъ. Болѣзнь свирѣпствуетъ въ простомъ народѣ; но теперь вездѣ утихаетъ, и сила ея ослабла. При пособіяхъ болѣзнь часто вылѣчивается. Признаки болѣзни: головокруженіе, поносъ и рвота. Лѣкарство: кровопусканіе, каломель, опій. Астрахань, Саратовъ и Тифлисъ принесли ужъ ей жертву; теперь она въ Пензѣ, на Дону и еще въ нѣкоторыхъ городахъ.—Мы ждемъ къ себѣ Государя. Да сохранитъ его Богъ за чадолюбіе! Это произведетъ удивительный эффектъ. Мы взяли всѣ мѣры: закупили провизіи на полгода, наняли въ домъ доктора, приготовили лѣкарства.—Между тѣмъ «Марѳа» моя отпечатана кромѣ двухъ листовъ.—На всякій случай вотъ мое завѣщаніе. Имѣніе мое: домъ, библіотека, экземпляры. Мнѣ должны: Юрцовскій 2.000 р., Загряжскій 2.000 р., Пономаревъ около 800 р. Я долженъ: 12.000 р. Генииштѣ, 5.000 р. Кузнецову. (Ширяеву за напечат. Вѣстника тысячи полторы пока; съ нимъ можно расчесться «Марѳою». У Аксакова на провизію и проч. беру только 1.500 р. Ему заплатить можно отъ пансіонеровъ, которые мнѣ должны всѣ. Венелину останусь около тысячи, другую нынѣ посылаю отъ «Марѳы». Еще: я заплатилъ ужъ 700 р. асс. Шишкову за его право печатать театръ, которые можно взять со всякаго книгопродавца). Все въ скобкахъ я надѣюсь во всякомъ случаѣ самъ устроить. Библіотеку оставляю тебѣ. Имѣніе—матери за заплатъ долговъ по ея смерть; послѣ нея раздѣлить между братомъ, сестрой и тобою. Или лучше: библіотеку и всѣ экз. мои, право печатать мои сочиненія—тебѣ, а прочее имъ. Изъ книгъ моихъ раздай пріятелямъ на память. Костенькѣ отбери побольше. Но вотъ тебѣ важнѣйшее завѣщаніе: напиши непремѣнно трагедію «Борисъ Годуновъ». Онъ не виноватъ въ смерти Димитрія: въ этомъ я убѣжденъ совершенно, и съ того свѣта, если попаду туда, пришлю тебѣ дополненіе къ моимъ доказательствамъ. Надо же снять съ него опалу, наложенную кромѣ вѣковъ Карамзинымъ и Пушкинымъ. Представь человѣка, котораго обвинить стеклись всѣ обстоятельства; и онъ это видитъ и дрожитъ ужъ будущихъ проклятій. Въ моемъ разсужденіи найдешь много матеріаловъ и убѣжденій. Да, не оставь Венелина, и если пойдетъ хорошо моя «Марѳа» или повѣсти, дай ему тысячку-другую. Но чтò я говорю? Я не умру, мы еще увидимся съ тобою, и я напишу и Бориса, и Самозванца, и Шуйскаго, и Грознаго. Неужели судьба остановила въ пятый разъ мое путешествіе (мнѣ не позволятъ), чтобъ оставить здѣсь на жертву холерѣ? Давыдовъ просился на мѣсто Мерзлякова, но министръ отказалъ. Присылай просьбу въ Совѣтъ скорѣе: я учился тамъ-то, такого-то класса, послѣ былъ библіотекаремъ, нынѣ третій годъ въ Италіи занимаюсь тѣмъ-то (между прочимъ Греч. и Лат. слов.) и желаю посвятить себя на службу университета по такой-то части.

Присылай же скорѣе просьбу. А каково, братъ? Путешествовать я опять не могу и долженъ былъ подать самъ просьбу объ отсрочкѣ, а пора и жениться: 30-й годъ. Все къ лучшему, говоритъ мнѣ исторія и сердце. До проектовъ теперь не время, и я удержалъ бумаги. Я усѣлся дома и пишу сочиненьице объ исторіи.—Какъ я люблю Аксакову, что̀ за прекрасная женщина! И какъ она любитъ насъ! У нихъ только и бываю, да у Елагиныхъ. Если вздумаютъ Кирѣевскіе поѣхать назадъ, отговаривай ихъ. Мы вчера толковали. Ужасный вредъ отъ этого можетъ быть. Если мы здѣсь умремъ, то останетесь вы. Да и на чьи руки останутся маленькіе Елагины? А къ дѣтямъ холера не пристаетъ.

1) Среди этого народнаго бѣдствія раздавалось „художественное слово" приснопамятнаго святителя Московскаго Филарета: „....Повергнемъ, братія, сердца наши предъ Богомъ во смиреніи, въ покорности неисповѣдимымъ судьбамъ Его. Признаемъ не только правосудіе Бога, готоваго карать грѣхи наши, обличающаго наше житіе, недостойное имени христіанскаго, но и Его милосердіе и долготерпѣніе... Покаемся, братія, и принесемъ плодъ достойный покаянія, то-есть исправленіе житія. Отложимъ гордость, тщеславіе и самонадѣяніе. Возбудимъ вѣру нашу. Исторгнемъ изъ сердецъ нашихъ корень золъ, сребролюбіе. Возрастимъ милостыню, правду, человѣколюбіе. Прекратимъ роскошь. Откажемъ чувственнымъ желаніямъ, требующимъ ненужнаго. Возлюбимъ воздержаніе и постъ. Облечемся, если не во *вретище*, то въ простоту. Отвергнемъ украшенія изысканныя... Презримъ забавы суетныя... Умножимъ моленія, тайныя на всякомъ мѣстѣ и во всякое время, общественныя, по руководству Святыя Церкви. Употребимъ внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецѣлебное врачевство: мирную, безкровную жертву, пріобщеніемъ Пресвятаго Тѣла и Крови Хрістовы" (II, 118).

2) Матѳей Яковлевичъ Мудровъ, профессоръ медицины въ Московскомъ университетѣ, родился въ Вологдѣ въ 1772 г. Любовь къ медицинѣ и человѣколюбіе онъ унаслѣдовалъ отъ отца своего, благоговѣйнаго іерея Вологодскаго Іакова Іоанновича Мудрова, который былъ мужъ просвѣщенный, хорошо изучившій древніе языки, Еврейскій, Греческій и Латинскій. Отецъ Іаковъ очень уважалъ врачебную науку, любилъ читать творенія Гиппократа и Цельса, давалъ врачебные совѣты бѣднымъ людямъ и былъ въ тѣсной пріязни со всѣми Вологодскими врачами. Какъ добрый пастырь душъ и сердецъ, онъ былъ вовсе не любостяжателенъ, но весь преданъ дѣламъ милосердія. Онъ не умѣлъ отказывать просящимъ милостыни, а такихъ въ Вологдѣ всегда великое множество: это прохожіе на поклоненіе къ Соловецкимъ чудотворцамъ, бѣдные, недужные и увѣчные богомольцы, чающіе божественной помощи въ ихъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ. Съ такимъ добродѣтельнымъ образомъ жизни, отецъ Іаковъ претерпѣвалъ крайніе недостатки. Отправляя сына своего Матѳея въ 1794 г. въ Московскій университетъ и благословляя его мѣднымъ крестомъ, онъ сказалъ ему: „Будь прилеженъ къ добрымъ дѣламъ, служи Государынѣ вѣрою и правдою, и Господь Богъ не оставитъ призрѣть на тебя многощедротнымъ окомъ, такъ и будешь человѣкъ". На дорогу онъ могъ ему

дать только 25 коп. денегъ и старую чайную фаянсовую чашку на случай испить воды изъ ручья дорогою. Мудровъ пошелъ къ Москвѣ „пѣшъ". Первымъ благодѣтелемъ его въ столицѣ былъ профессоръ университета Францъ Францовичъ Керестури, а затѣмъ онъ сблизился съ директоромъ университета Тургеневымъ. Профессорская дѣятельность его началась съ 1808 года. Кромѣ медицины, Мудровъ особенно любилъ и уважалъ языкъ Славянскій и дорожилъ старинными рукописями и старопечатными книгами. При появленіи холеры, Мудровъ получилъ, 4 Сентября 1830 г., предписаніе отправиться въ Саратовъ, въ учрежденную тамъ временную центральную коммиссію для прекращенія болѣзни-холеры. Въ концѣ Декабря того же года коммиссія прибыла въ Москву. Въ началѣ Мая 1831 г. Мудровъ былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь 8 Іюля того же года, „при первомъ ударѣ благовѣста къ ранней обѣднѣ въ Казанскомъ соборѣ", скончался отъ холеры. Погребенъ на Выборгской сторонѣ, на холерномъ кладбищѣ, что̀ за церковію Св. Сампсонія. („Біогр. Слов. М. ун.", II, 114—139).

3) Профессоръ медицины въ Московскомъ университетѣ, Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій, сынъ бѣдныхъ родителей духовнаго званія, родился 1 Іюня 1784 г. въ селѣ Дядьковѣ, близъ Рязани, скончался 22 Іюля 1841 г. По свидѣтельству его біографа, вся жизнь Дядьковскаго проведена съ книгами, больными, учащимися. Чтеніе его не ограничивалось одними сочиненіями по части естественныхъ наукъ и медицины. Онъ любилъ сочиненія историческія и философскія, часто занимался чтеніемъ и изученіемъ Св. Отцевъ церкви, преимущественно Василія Великаго. („Біогр. Слов. М. унив.", I, 315—325). У него въ домѣ нашелъ пріютъ молодой Надеждинъ, по своемъ пріѣздѣ изъ Рязани въ Москву, и Дядьковскій, по свидѣтельству М. А. Максимовича, „не могъ довольно налюбоваться своимъ даровитымъ землякомъ" („Москвитянинъ" 1856, № 3, стр. 225—226).

4) Сынъ недостаточнаго дворянина Тверской губерніи, Арсеній Андреевичъ Закревскій родился въ 1786 г. и скончался во Флоренціи 11 Января 1865 года. Императоръ Николай I унаслѣдовалъ отъ брата своего довѣренность къ Закревскому и въ 1828 году повелѣлъ ему быть министромъ внутреннихъ дѣлъ. При появленіи холеры въ 1830 году, Николай пожелалъ, чтобы графъ Закревскій могъ лично на мѣстахъ приводить въ исполненіе мѣры принятыя противъ этой болѣзни, для чего и облекъ его обширнымъ полномочіемъ. Въ концѣ Августа 1830 г., графъ Закревскій отправился на встрѣчу страшной холерѣ. Въ Ноябрѣ 1831 графъ Закревскій былъ уволенъ отъ службы и семнадцать лѣтъ провелъ частнымъ человѣкомъ. Въ 1848 г. онъ былъ снова призванъ занять должность Московскаго военнаго генералъ-губернатора („Русск. Архивъ" 1865, стр. 371—380). Русская литература и наука должны помянуть добрымъ словомъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго: онъ усладилъ жизнь несчастнаго Баратынскаго въ Финляндіи, и онъ же сочувствовалъ и содѣйствовалъ знаменитой Археографической Экспедиціи П. М. Строева. Недавно изданная біографія графа П. Д. Киселева, сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, содержитъ въ себѣ множество свидѣтельствъ объ умѣ, политической независимости и сердечномъ благородствѣ графа Закревскаго.

XXVIII.

1830. Октября 9.

Печальныя извѣстія сообщу тебѣ нынѣ, любезный другъ мой. Холера въ Москвѣ усиливалась до вчерашняго числа; что̀ Богъ дастъ впередъ, не знаемъ. Врачи утверждаютъ, что припадки слабѣе. Для успокоенія города я предложилъ князю издавать бюллетень ежедневно съ вѣрными извѣстіями. Князь согласился, и я съ 21-го Сентября съ утра до вечера въ Медиц. Совѣтѣ, по уши въ вѣдомостяхъ и рапортахъ. Бюллетеня печатается 20.000 экз. (10.000 особливо, около 10.000 въ газетахъ). Наконецъ дожилъ я до такого сочиненія (разсмѣйся), которое раздается обывателямъ безденежно (1). Добрый Государь пріѣзжалъ къ намъ и дѣлилъ съ нами всѣ опасности восемь дней. Теперь выѣхалъ на нѣсколько времени въ Тверь (2). Москва оцѣплена: въѣздъ и выѣздъ запрещены, кромѣ необходимостей особливыхъ и припасовъ. Городъ раздѣленъ на части. Во всякой части временная больница подъ начальствомъ сенатора и старшаго медика, къ коему въ помощь молодые лекаря и студенты. Припасы у насъ почти по обыкновенной цѣнѣ: мука 1 р. 40 к., говядина 12 к. Я до такой степени прислушался къ холерѣ, обращаясь безпрерывно со всѣми медиками города, что она сдѣлалась для меня общимъ мѣстомъ, и я совершенно спокоенъ. Что̀ будетъ, то и будетъ. Предаюсь въ волю Божію. Четвертаго дня у меня въ домѣ во флигелѣ жилецъ-Нѣмецъ умеръ холерою, и трупъ пролежалъ 12 часовъ до ночи; другой тогда же занемогъ, и я не испугался. Но вотъ въ чемъ было замѣшательство. Наканунѣ я перетащилъ къ себѣ жить Кубарева, который у себя дома умиралъ отъ страха (такъ обробѣлъ), и какъ нарочно у меня тогда же случилось несчастіе. Насилу скрыли отъ него. Къ Аксаковымъ я ѣзжу только подъ окошко. Всѣ заперлись: Загоскинъ, Верстовскій, какъ зайцы. Елагины всѣ здоровы; не ѣзжу къ нимъ, чтобъ не принесть случайно заразы, ибо я безпрестанно говорю съ такими людьми, кои отъ умирающихъ. Для своихъ пансіонеровъ и семейства я закупилъ провизіи на 6 мѣсяцевъ, нанялъ въ домъ лекаря etc. Но полно объ этомъ. Всего этого не пускай въ огласку; впрочемъ мы это здѣсь печатаемъ все.—Давыдова не утвердили на каѳедрѣ, и послѣдняя благородная твоя скрупулезность не имѣетъ мѣста. Ты долженъ быть профессоромъ въ университетѣ Русской Словесности и принять каѳедру Мерзлякова. Говорю это не по дружбѣ, а по внутреннему убѣжденію, какъ сынъ Отечества и другъ просвѣщенія. Читать на время поручено Каченовскому. Присылай просьбу. Къ прежнему прибавь: «Теперь я путешествую, занимаюсь

древней словесностью и, если угодно университету удостоить меня званія адъюнкта, то черезъ годъ, окончивъ свои ученыя занятія, я явлюсь.» Сосредоточишься, читая лекціи; я это знаю по опыту. На каѳедрѣ узнаешь свои недостатки и будешь платить прорѣхи (3). Я хотѣлъ послать къ тебѣ денегъ; но суди, въ какихъ я обстоятельствахъ: напечаталъ было «Марѳу» и надѣялся получить что-нибудь, но теперь до нея-ли? Я и не бралъ ея изъ типографіи, а между тѣмъ за бумагу долженъ заплатить 600 р. Не несчастный-ли я Мурадъ? Ничто не удается. Благодарю еще Бога, что далъ мнѣ твердость, и я не унываю.—Я снялъ себѣ чудную копію съ Маріи Карла Дольче, и по цѣлымъ часамъ сижу надъ ней въ сердечномъ умиленіи, восторгѣ. Буди мнѣ по глаголу Твоему! Христа ради прошу тебя: лишай себя теперь даже нужнѣйшаго, но привези изъ Италіи лучшіе портреты Рафаеля, Корреджіо, Доминикино, Медицисовъ и всѣхъ великихъ людей для меня, да эстамповъ хорошихъ. Если Богъ пронесетъ тучу, я пришлю тебѣ много денегъ, хотя займу. Я непремѣнно хочу имѣть все это. Покупай книги. Мураторн—сокровище. Вчера, получивъ письмо твое, растревожилось мое сердце, и я замечталъ о развалинахъ Помпеи, о храмѣ Св. Петра, о гробницѣ Данта. Господи! Не смѣю роптать...

1) Бюллетени эти издавались при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Вѣдомости о состояніи города Москвы". Вышло 160 номеровъ съ 27 Сентября 1830 по 6 Января 1831. „Сначала было очень тяжело", писалъ князь П. А. Вяземскій, изъ Остафьева 30 Октября 1830 г., И. И. Дмитріеву, „тяжело и нынѣ, особливо же при полученіи Московской почты, когда она приноситъ *страшные итоги* Погодина... Въ числѣ новостей ограничиваюсь *убійственною литературою* Маркуса и Погодина, а прочаго не читаю" („Русск. Архивъ" 1868, стр. 613—614). Полное собраніе этихъ бюллетеней находилось въ Чертковской библіотекѣ.

2) Князь Д. В. Голицынъ на свое донесеніе о появленіи въ Москвѣ первыхъ признаковъ холеры получилъ слѣдующій отвѣтъ императора Николая, отъ 24 Сент. 1830: „Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ получилъ я ваше печальное извѣстіе. Увѣдомляйте меня съ эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависить мой пріѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды. Преданность въ волю Божію! Я одобряю всѣ ваши мѣры. Поблагодарите отъ меня тѣхъ, кои помогаютъ вамъ своими трудами. Я надѣюсь всего болѣе теперь на ихъ усердіе". Изъ *Вѣдомостей о состояніи города Москвы*, мы узнаемъ, что „29 Сентября, въ 11 часовъ утра „Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть изъ С.-Петербурга въ сію столицу". Въ 3 часа того же дня митрополитъ Филаретъ встрѣчаетъ Государя у вратъ Успенскаго собора и привѣтствуетъ: „Благочестивѣйшій Государь! Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы чело-

вѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь Небесный провидитъ сію жертву сердца твоего, и милосердо хранитъ тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срѣтаемъ тебя, Государь: да идутъ съ тобою воскресеніе и жизнь!" (II, 330). 7 Октября Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ Москвы.

3) На это Шевыревъ отвѣчалъ (отъ 23 Ноября): „Теперь о важномъ дѣлѣ: отвѣтъ на твое дружеское предложеніе. Я было не писалъ объ немъ, потому что не до этого было, а только объ холерѣ думалъ, да объ васъ. Теперь Рожалинъ пишетъ, что Авдотья Петровна Елагина ужъ хлопотала у Жуковскаго, и что путь открытъ. Прежде всего поцѣлуй ручки несравненной нашей Авдотьи Петровны. Господи, пошли ей счастія столько же, сколько добра она! Теперь давай разсуждать. И такъ два пути передо мною: сцена и каѳедра. Готовиться надо на оба, потому что у насъ—запасайся двумя тетивами. Склонность моя внутренняя влечетъ меня къ первой, съ которой соединяю я и каѳедру въ школѣ театральной для актеровъ.... Но скажи: какое право имѣю я теперь на каѳедру? Нѣсколько отдѣльныхъ критическихъ пьесъ, и то еще какъ написанныхъ, даютъ ли мнѣ его? Каѳедра Словесности не требуетъ ли подвига въ теоріи оной? Всѣ эти вопросы я самъ задаю себѣ *честно*, а не отъ другихъ слышу... Но если сцена не удастся, конечно, мнѣ останется одна каѳедра профессорская: чтобы заслужить ее, я долженъ написать непремѣнно книгу дѣльную, и вотъ будетъ мое право и отвѣтъ на мои себѣ вопросы. Въ этой книгѣ я сосредоточу свои знанія" („Воспоминаніе", стр. 19).

XXIX.

1830. Октября 23.

И теперь не могу сообщить тебѣ пріятныхъ извѣстій; впрочемъ, слава Богу, болѣзнь уменьшается у насъ. Въ Саратовѣ и уѣздахъ холера прекратилась, въ прочихъ мѣстахъ дѣйствуетъ очень слабо. Удивительное дѣло! До сихъ поръ нельзя убѣдиться, заразительна ли она или нѣтъ. Въ Москвѣ есть генералъ Сталь, который начальствуетъ надъ Сущевскою временной больницею; онъ вынимаетъ больныхъ изъ кареты, кладетъ на постель, спитъ подлѣ нихъ, разсматривалъ умершихъ и безъ всякихъ предосторожностей, и до сихъ поръ здоровёхонекъ (1). Скажутъ, его организмъ не принимаетъ заразы; но тоже дѣлаютъ его люди, служители при больницѣ, докторъ. Въ Москвѣ теперь около ста студентовъ, которые служатъ больнымъ, и никто почти не умеръ. Изъ всѣхъ докторовъ умерло двое. Съ другой стороны, на пространствѣ отъ Астрахани до Москвы есть множество мѣстъ, гдѣ холеры не было, и вотъ еще странность: въ одной деревнѣ она есть, а за сто саженъ нѣтъ. Сарепта, огражденная, спаслась совершенно. Рѣшительно то, что безъ магнита (простуды, страха, обремененія желудка, гнѣва) она не пристаетъ, и потому-то подвергаются ей больше неосторожные и не-

воздержные простолюдины. Доктора спорятъ, и я насмотрѣлся на ихъ штуки. Газъ, напримѣръ, въ засѣданіи Медицинскаго Совѣта, начинаетъ рѣчь: «По всѣмъ моимъ тщательнымъ наблюденіямъ и многократнымъ опытамъ я удостовѣрился, что кровопусканіе есть самое убійственное средство, и потому вотъ вамъ мой ланцетъ, г-нъ Маркусъ!» (Маркусъ секретарь Совѣта). Въ эту же минуту съ другой стороны Мухинъ начинаетъ: «По всѣмъ моимъ наблюденіямъ и опытамъ я удостовѣрился, что кровопусканіе есть спасительное средство.» Рѣшительное первое лекарство—произвесть испарину въ тѣлѣ. Изъ Смоленска пріѣхалъ одинъ мѣщанинъ, который лечитъ припарками изъ трухи. Захваченная болѣзнь всегда почти вылечивается. Нѣсколько дней городъ былъ въ уныніи, улицы опустѣли, кое-гдѣ развѣ увидишь человѣка, карету съ больнымъ или Иверской Божіей Матерью (2). Теперь мы и привыкли, да и опасность уменьшилась, такъ всѣ повеселѣли. Между тѣмъ присутственныя мѣста закрываютъ. Добрый нашъ Государь въ Твери. У меня хлопотъ много: всякій день выходитъ по большому полулисту кругомъ Вѣдомости. Да дѣло вотъ въ чемъ: за вѣрность списковъ мнѣ надо сражаться съ утра до вечера съ невѣжествомъ и небрежностію. И съ этимъ управиться можно; но являются еще патріоты и филантропы, которые безъ всякаго образованія и понятія хотятъ мудрить по своему и мѣшаютъ вмѣсто помощи. Прибавь еще самолюбіе суетное. Чортъ васъ возьми дураковъ, предосадно! Чѣмъ бы дѣлать, а они топорщатся. Авось Богъ дастъ чрезъ недѣлю все пройдетъ. По крайней мѣрѣ я много насмотрѣлся на князей міра сего. Разумѣется, теперь никому до литературы, и все утихло. А ты, между тѣмъ, изъ Рима переписываешься съ Булгаринымъ, шутишь и остришь. Какъ мнѣ было досадно! Неужели ты можешь подумать, что я, знающій всѣ здѣшнія отношенія, не увѣдомилъ бы тебя тотчасъ, если бы было что-нибудь требующее твоего отвѣта? Забытую, давно пренебреженную выходку ты вздумалъ вынуть изъ-подъ краснаго сукна и дать себя на очень возможное уязвленіе. Еще въ Римѣ два года живетъ! Почему же ты не прислалъ ко мнѣ и не предоставилъ мнѣ вообще разсудить, годится ли или нѣтъ. «Къ несчастью я читалъ Сѣв. Пчелу». Это очень пошло, а въ самомъ дѣлѣ къ несчастью, потому что тревожишь себя по пустякамъ и кладешь ложку дегтю въ кадку меду. Ужъ разругалъ бы я тебя, если бы ты былъ здѣсь и еще—если бы не спѣшилъ со двора (3). Зубковъ отличается по Якиманской больницѣ, а Загоскинъ, Верстовскій, Кубаревъ—дрянь дрянью: оробѣли и носу не кажутъ никуда. Теперь къ намъ новая союзница-зима, и мы, увидѣвъ ее, сильно оживились.

1) *Стааль*, Карлъ Густавовичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, съ 15 Декабря 1830 г. по 16 Февр. 1853 (день кончины) Московскій комендантъ, род. 30 Авг. 1777 г. Эти показанія списаны П. Н. Петровымъ съ его надгробнаго памятника на Московскомъ Нѣмецкомъ кладбищѣ.

2) „Я разъ стоялъ въ часовнѣ", говорилъ И. В. Кирѣевскій Герцену, „смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больныхъ, стариковъ стояли на колѣняхъ и крестясь клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты, и мало по малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцемъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахѣ, и на святую икону—тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовію смотрѣла на этихъ простыхъ людей... И я палъ на колѣни и смиренно молился."

3) Въ Литературной Газетѣ (1830, № 56, Октября 3) напечатано письмо С. П. Шевырева (Римъ 1830, Сентябрь) къ издателю. Поводомъ было появленіе въ 94 № Сѣверной Пчелы письма Булгарина; въ немъ было сказано, что „въ Дерптѣ получено письмо изъ Парижа, въ которомъ увѣдомляютъ, что въ чужихъ краяхъ странствуютъ нѣсколько юныхъ Россіянъ, которые выдаютъ себя за первоклассныхъ Русскихъ поэтовъ, философовъ и критиковъ, и всѣмъ журналистамъ обѣщаютъ сообщать извѣстія о Россіи, и болѣе о Русской литературѣ. Тотъ критикъ и наименованъ въ числѣ первыхъ сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ! Другой, авторъ писемъ изъ Италіи, помѣщаемыхъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, и соучастникъ по изданію сего журнала". (Стр. 161—163).

XXX.

1830. Ноября 5.

Во всей Россіи, кромѣ Москвы и Харькова, умерло нынѣшняго года холерою 14.066 человѣкъ, выздоровѣло 8.849. Холера больше дѣйствовала по большимъ городамъ. Главное лекарство—произведеніе сильной испарины. Наши доктора приметались. Заразы боятся немногіе, и безъ магнита болѣзнь не пристаетъ. Встрѣчается много и смѣшныхъ анекдотовъ. Одинъ докторъ обѣщалъ приготовить трупъ для медицинскаго чиновника. Тотъ пріѣзжаетъ въ назначенное время. «Ахъ, Боже мой, извините меня, вѣдь онъ выздоравливаетъ: такая досада!» Зубковъ завелъ особливую больницу въ части Якиманской. Между тѣмъ начальство въ части, Брозинъ и докторъ Броссе, заставляютъ всѣхъ больныхъ возить къ себѣ. Зубковъ въ отчаяніи. «Помилуйте, подлѣ

меня человѣкъ занеможетъ, а его везутъ къ Броссе! У нихъ комнаты сырыя, у меня—теплыя, а больница не полна» и пр. Пьянаго подняли на улицѣ, посадили въ карету (больныхъ возятъ въ каретахъ); онъ очнулся тамъ.—«Куда везутъ меня?»—«Потрошить», отвѣчаетъ буто-шникъ. Какъ хватитъ кулакомъ въ дверцы, тѣ полетѣли; а онъ прыгъ и подавай Богъ ноги! Такъ ускользнула одна старуха, привезенная ужъ на дворъ больницы. Хватились ея, побѣжали за нею; ея и слѣдъ простылъ, а попадается на встрѣчу другая. Ее за воротъ. Удальцы нарочно притворяются больными, чтобъ *поѣздить въ каретѣ.*

По всѣмъ частямъ у насъ богадѣльни, бѣдныхъ кормятъ; а мой бюллетень всякій день въ печатный листъ, такъ что въ глазахъ рябитъ отъ одной корректуры. Между тѣмъ у меня еще дѣло—алфавитъ всѣхъ больныхъ (подъ 6.000 именъ); но безъ него нельзя добраться до истины, нужной для Россіи и для Европы. Я составлю вѣдомость въ отношеніи къ днямъ, поламъ, возрастамъ, званіямъ, мѣстамъ жительства и прогрессіямъ занемогавшихъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ. Отдѣлалъ 7 частей уже, и еслибъ не помѣхи невѣждъ, то все шло бы успѣшнѣе. Пожертвованія важнѣйшія: Бекетовъ 20.000 р. (1). Серпуховской части купечество содержитъ всѣхъ своихъ бѣдныхъ. Шереметевъ отдалъ свой домъ и содержитъ всѣхъ бѣдныхъ въ немъ 1½ мѣсяца (2). Но довольно о холерѣ. Признаюсь, она наскучила мнѣ. Время занято полезно, это правда, но не питательно. Бываютъ только минуты пріятныя—мечты. Какъ жаждетъ душа моя уединенія! Прежде хотѣлъ я уединиться послѣ путешествія. Путешествіе мнѣ не достается, и я бросился бы теперь въ деревню. Тамъ, въ тишинѣ и спокойствіи, въ бесѣдѣ съ природою и мудрыми, протекла бы жизнь моя, и творческія думы созрѣли бы въ душевной глубинѣ. Ты не повѣришь, какъ эта мысль овладѣла мною: изъ-за алфавита, изъ-за корректуры вскакиваю и хожу по комнатѣ, мечтая объ этомъ счастливомъ времени. Придетъ-ли оно? Десять лѣтъ я тружусь, до сихъ поръ ничего не видалъ себѣ кромѣ неудачъ; неужели не исполнится и это желаніе? Нѣтъ, оно исполнится, и ты пріѣдешь ко мнѣ на берегъ какой-нибудь Клязьмы или Истры съ новымъ своимъ сочиненіемъ, и я прочту тебѣ тоже, и мы выпьемъ по бокалу Шампанскаго! Да увѣдомь меня, что̀ стоитъ мраморный и что̀ стоитъ гипсовый слѣпокъ съ Христа Торвальдсена. Еще: какая лучшая картина, представляющая Христа молящагося и размышляющаго? Непремѣнно къ 1-му Января я пришлю тебѣ двѣ тысячи рублей на закупки для будущей моей обители. Лѣтописи Италіи среднихъ вѣковъ, папскія письма, писателей, абрисы, карты, портреты, непремѣнно хочу я имѣть, и это все закупишь ты. Господи, да пошли же Ты мнѣ хоть въ чемъ нибудь удачу, чтобъ я могъ получить все это безъ затрудненія!

«Вѣстникъ» опять буду издавать. Судьба не велитъ мнѣ оставлять его. Авось изъ 20.000 моихъ теперешнихъ читателей *) останутся мнѣ вѣрными хоть 500.

Холера коснулась и журналистовъ: Галатея простудилась, Атеней объѣлся, а у Вѣстника Европы поднялась желчь. На сей годъ они не будутъ издаваться.

Да, насмотрѣлся я еще на магнатовъ, и желчь моя кипитъ. Невѣжество, надменность, суетность—вотъ я васъ!

1) Въ „Вѣдомостяхъ о состояніи города Москвы" напечатано: „Д. с. с. Иванъ Петровичъ Бекетовъ, извѣстный важными пожертвованіями въ пользу общую, явилъ новый знакъ своей благотворительности, приславъ къ военному генералъ-губернатору 21.000 рублей для тѣхъ несчастныхъ, которые имѣютъ нужду въ помощи по нынѣшнимъ обстоятельствамъ". (№ 44).

2) Въ „Вѣдомостяхъ о состояніи города Москвы" напечатано слѣдующее письмо графа Д. Н. Шереметева къ Московскому военному генералъ-губернатору, отъ 13 Октября 1830 г.: „Первою обязанностію считаю принесть в. с—ву мою душевную благодарность, что удостоили пріобщить и меня къ числу моихъ соотчичей, подающихъ въ толь тяжкую годину помощь страждущему человѣчеству. Назначеніе Воздвиженскаго моего дома для призрѣнія бѣдныхъ пріемлю за великую честь и удовольствіе, объ отданіи коего въ распоряженіе Комитета, на сей предметъ учрежденнаго, я съ симъ вмѣстѣ предписалъ Московской домовой моей канцеляріи; равно и о томъ, дабы весь тотъ домъ, въ теченіе 45 дней, отапливать моими дровами и продовольствовать, въ теченіе помянутаго времени, всѣхъ призрѣнныхъ въ ономъ пищею на мой счетъ, если вашему сіятельству угодно будетъ осчастливить меня вашимъ на то благоволеніемъ." По поводу этого письма М. П. Погодинъ замѣтилъ: „Имя Шереметевыхъ драгоцѣнно для Московскихъ жителей. Вотъ новое право на ихъ живѣйшую благодарность!" (№ 31. Октября 23).

XXXI.

1830. Ноября 20.

Слава Богу, холера въ Москвѣ проходитъ, и городъ ожилъ... Авось Богъ дастъ къ Николину дню все придетъ въ прежній порядокъ. Ну, братъ, насмотрѣлся, наслушался я всякой всячины въ нашихъ совѣтахъ. И хотя хлопотъ было много, но за то пріобрѣлъ опытности. Теперь занимаетъ меня алфавитъ, который издамъ непремѣнно. Для отдохновенія и освѣженія принимался за Овидія. Баратынскій написалъ повѣсть въ 8 пѣсняхъ «Цыганку». Нѣтъ, это не поэзія, и далеко кулику до Петрова дни (1). Пушкинъ за карантинами въ Лукояновѣ (2). Хомя-

*) Т.-е. читателей холерныхъ вѣдомостей. П. Б.

ковъ въ Смоленскѣ. Венев. все здѣсь. Иванъ Кирѣевскій, услышавъ въ Вѣнѣ о холерѣ, какъ истый рыцарь, прискакалъ въ Москву къ своимъ и ругаетъ Нѣмцевъ на поваль: ни чести, ни человѣколюбія, ни любви къ наукамъ (3). «Вѣстникъ» издавать раздумываю и берусь доставлять и твои статьи, преимущественно историческія, въ «Телескопъ», журналъ Надеждина (4). Отъ него надѣюсь много хорошаго. Присылай и ты. На первый случай онъ полагаетъ для тебя 500 р., которые и вышлю чрезъ Зубкова съ своими. «Лит. Газета»—дрянь, и я съ торжествомъ будто поддразниваю Ивана Кирѣевскаго. Не знаю ужъ, какъ перевалится она за этотъ годъ: ни одной статьи важной, а новости заднимъ числомъ. Вотъ то-то и есть: море сжечь трудно синицамъ. Да что же ты не присылаешь просьбы въ Совѣтъ объ каѳедрѣ?—Увѣдомь меня съ первою почтою что̀ будетъ стоить копія съ Тайной Вечери Леонарда ди Винчи и Іеронима Корреджіо. Помѣшался я на нихъ и хочу свое уединеніе украсить этимъ изящнымъ произведеніемъ. Что-нибудь да удастся: или «Телескопъ», или «Марѳа», или «Алфавитъ», или повѣсти, и тогда черезъ годъ я въ деревнѣ. О, utinam! Пришли мнѣ скорѣй посланіе къ Пушкину. Мнѣ хочется прочесть что-нибудь твое большое и порадоваться твоимъ успѣхамъ. Разсужденіе объ октавѣ (5) какъ кстати было бы для университета! У Загоскина новаго романа написано три части (6). Съ Гульяновымъ мы сближаемся, и я его подстрекаю къ окончанію прекрасныхъ трудовъ. Да, жаль, кажется ослабѣлъ—очень пристрастился къ свѣту. Да, губерніи Тамбовская, Курская, Саратовская, Пензенская и земля Войска Донскаго, также Казань и Кострома, объявлены благополучными.

1) И. В. Кирѣевскій, въ своемъ *Обозрѣніи Русской Словесности за 1831 г.*, между прочимъ писалъ: „Поэма Баратынскаго имѣла въ литературѣ нашей ту же участь, какую и трагедія Пушкина: ея также не оцѣнили, также не поняли... Не рѣдко случается намъ встрѣчать людей образованныхъ, которые не понимаютъ всей красоты поэзіи Баратынскаго и которые, вѣроятно, нашли бы ее болѣе по сердцу, еслибы въ его стихахъ было менѣе простоты и обдуманности, больше шуму, больше оперныхъ возгласовъ и балетныхъ движеній". (Сочиненія, I, 94—102).

2) Пушкинъ писалъ Погодину: „Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ: Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога! Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что̀ моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино". („Москвитянинъ", 1842, № 10, стр. 461).

3) Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій воротился въ Москву 16 Ноября 1830 года. Въ письмахъ его изъ Германіи встрѣчаются весьма рѣзкіе отзывы

о Нѣмцахъ: „...Нѣтъ ничего глупѣе, какъ видѣть смѣющагося Нѣмца, а онъ смѣется безпрестанно... Еслибы вы видѣли, чѣмъ восхищаются Нѣмцы, и еще какимъ нелѣпымъ восторгомъ! Нѣтъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе Нѣмцевъ. Булгаринъ передъ ними геній.“ (Сочиненія, I, 39, 64—65, 79).

4) „Телескопъ, журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый Николаемъ Надеждинымъ“ въ Москвѣ, начался въ 1831 г. и кончился въ 1836 знаменитыми *Философическими письмами къ г-жѣ****, Чаадаева.

5) Въ *Телескопѣ* 1831 напечатано: „О возможности ввести Италіянскую октаву въ Русское стихосложеніе и нѣсколько строфъ изъ VII пѣсни Освобожденнаго Іерусалима, переведенной октавами С. Шевыревымъ (ч. III, 466—497; VI, 461—481).

6) Немедленно по выходѣ въ свѣтъ *Юрія Милославскаго*, Загоскинъ задумалъ писать другой историческій романъ: *Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году*, напечатанный въ 1831 году. Этотъ романъ удался меньше перваго.

XXXII.

1830. Декабря 8.

6-го Декабря, въ день Николая Чудотворца и Государевыхъ имянинъ, снято наружное оцѣпленіе, которое очень стѣсняло жителей. Ты не можешь себѣ представить, что̀ это была за радость: нарочно иные ѣздили прогуляться за заставу, чтобъ только воспользоваться этимъ правомъ. Какъ бы скорѣе сжить ее съ рукъ. Устали! А какова холера западная? Дня съ три я даже тосковалъ, размышляя о судьбѣ Европы. Господи! Какъ дорого люди покупаютъ свои опыты!—Въ Москвѣ, разумѣется, нѣтъ литературныхъ новостей кромѣ слѣдующей: съ тяжелымъ вздохомъ прекращаю я Моск. Вѣстникъ (1), а принимаю въ свое завѣдываніе историческую часть въ Телескопѣ Надеждина. Присылай статей и стиховъ. Въ Москвѣ уничтожились всѣ журналы, кромѣ Телеграфа, Политическаго Журнала и Магазина. Авось будетъ выгода отъ Телескопа.—Да чтоже просьбу въ университетскій Совѣтъ? Христа ради, скорѣе! И готовь сочиненіе о Русской литературѣ. Назначенъ конкурсъ. Разсужденіе объ Иліадѣ и октавѣ у тебя также на мази. Устраивай и вмѣстѣ три сочиненія грянемъ въ Совѣтъ. Нынѣшній годъ почти пропалъ въ университетѣ: студенты разъѣхались, и едва-ли курсъ начнется съ Февраля. Кирѣевскіе здѣсь оба и ругаютъ Нѣмцевъ безъ памяти. У меня начались съ ними схватки за поэзію Баратынскаго и древность Дельвига, но хочу ихъ прекратить, а признаюсь, съ удовольствіемъ посмѣялся надъ пустотою литературной синицы (2).

1) Въ концѣ XVI части „Московскаго Вѣстника“ 1830 помѣщено прощальное слово *отъ издателя*. „Прекращая Московскій Вѣстникъ, долгомъ

поставляю засвидѣтельствовать искреннюю мою благодарность... не публикѣ, коей благосклонности я не искалъ и не получилъ,—но почтеннымъ нашимъ литераторамъ и ученымъ, которые, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, удостоивали сей журналъ своимъ вниманіемъ, ободреніемъ и дѣятельнымъ участіемъ. Московскимъ Вѣстникомъ, сознаюсь откровенно, очень много не исполнено изъ того, что̀ предполагали мы сами съ незабвеннымъ Д. Веневитиновымъ, Шевыревымъ и прочими сотрудниками, въ пылу юношескихъ надеждъ, начиная изданіе. Но онъ смѣло можетъ сказать, что ревностно боролся съ дерзкими шарлатанами, которые сѣятъ плевела на священной нивѣ отечественнаго просвѣщенія,—боролся тогда еще, какъ сами корифеи наши, возставшіе теперь за личныя оскорбленія, поддерживали ихъ, къ стыду своему, легкомысленнымъ покровительствомъ; что смѣло вразумлялъ посредственныхъ педантовъ въ ихъ собственныхъ недостаткахъ, дабы впредъ они принимали какой нибудь скромный опытъ робкаго, но достойнаго юноши, предстающаго на судъ публики, съ меньшею грубостію, если ужъ по несчастному расположенію души не могутъ этого сдѣлать съ бо̀льшимъ доброжелательствомъ или должнымъ уваженіемъ..."

2) Какъ бы въ отвѣтъ на недоброжелательные отзывы Погодина о *Литературной Газетѣ*, издатель ея сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Нѣсколько журналистовъ, которымъ *Литературная Газета* кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей рѣшительный, по ихъ мнѣнію, ударъ; они хотятъ въ концѣ года обрушить на нее страшную громаду брани, доведенной ими до nec plus ultra неприличія и грубости, и тѣмъ отбить у нея подписчиковъ. Издатель Литературной Газеты, привыкшій хладнокровнымъ презрѣніемъ отвѣчать на ихъ отчаянныя выходки, надѣется спокойно выдержать и сей въ тайнѣ приготовляющійся бурный натискъ. Онъ не будетъ отбраниваться даже и тогда, когда сверхъ всякаго чаянія демонъ корыстолюбія имъ овладѣетъ." (№ 58, стр. 180).

XXXIII.

1831. Января 25.

....Всякое письмо твое меня волнуетъ на нѣсколько дней. Храмъ Св. Петра, повѣришь ли, такъ и мерещится мнѣ на яву и во снѣ. Неужели я не помолюсь въ немъ никогда? Ѣхать чрезъ нѣсколько лѣтъ женатому; но тѣ ли будутъ впечатлѣнія! Теперь бы, теперь съ свободною душею!... Въ Римѣ была у васъ какая-то вспышка; но я испугался только на минуту, потому что тогда же узналъ чрезъ домъ князя Гагарина, что всѣ наши благополучны. Посланіе Пушкину отдалъ; очень, очень благодаренъ и хотѣлъ отвѣчать тебѣ стихами же; развѣ только свадьба теперь помѣшаетъ: на дняхъ женится (1). Присылай статьи, Надеждинъ человѣкъ честный. Если хорошо журналъ пойдетъ, получишь больше 500 р. Смотри же, присылай разсужденіе въ университетъ, хоть къ Іюлю мѣсяцу. Пушкинъ и Кирѣевскіе (оба) здѣсь.—Загоскина

романъ готовъ и печатается. Ему даютъ за нѣсколько изданій до 40.000 р., а Булгарину за Выжигина—32.000 р. Видишь, какъ и у насъ цѣнятся счастливо книги? Это время я все писалъ сказки и читалъ Гизо, съ котораго должна начаться новая эра исторіи. И зачѣмъ его понесло въ министры! Министровъ во Франціи много, а историки такіе родятся вѣками. Мнѣ предосадно было. Теперь онъ хоть и въ отставкѣ, но все еще не на своемъ поприщѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ жду Ромула. Всѣ наши товарищи отъ литературы отстали; остаемся почти мы двое: одни лѣнятся, другіе служатъ... Я очень доволенъ состояніемъ души. Дѣятельность безпрерывная. И чувствую силы. Плеча поднимаются, и изъ сердца пышетъ. Авось Богъ поможетъ, и не даромъ мы проживемъ на землѣ.

Ежовскій, что̀ читалъ лекціи въ нашемъ университетѣ, проситъ тебя сказать Мицкевичу, что онъ очень печалится о его молчаніи: такъ давно онъ не пишетъ къ нему и не отвѣчаетъ (2).

1) Вѣнчаніе Пушкина съ Наталіею Николаевною Гончаровою происходило въ Москвѣ, въ церкви Большаго Вознесенія, что̀ на Никитской, 18 Февраля 1831 года. Вотъ свидѣтельство очевидца этого событія въ жизни Пушкина, нынѣ учредителя и предсѣдателя Общества Любителей Древней Письменности, князя П. П. Вяземскаго: „Я принималъ участіе въ свадьбѣ, и по совершеніи брака въ церкви, отправился вмѣстѣ съ П. В. Нащокинымъ на квартиру поэта, для встрѣчи новобрачныхъ съ образомъ. Въ щегольской гостинной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоими, подъ лиловый бархатъ, съ рельефными набивными цвѣточками, я нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана, никогда мною невиданное и неслыханное собраніе стихотвореній Кирши Данилова. Былины эти, напечатанныя въ важномъ форматѣ и переданныя на дивномъ языкѣ, приковали мое вниманіе на весь вечеръ... Съ жадностью слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго Русскаго стиха. Тутъ же я услышалъ, что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сборникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ, поэтическихъ пѣсенъ доселѣ неизданныхъ и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Кирѣевскаго“ („А. С. Пушкинъ“, II, 41—42).

2) О своемъ пребываніи въ Римѣ Мицкевичъ писалъ: „...Римъ оглушилъ меня, и куполъ церкви Св. Петра покрылъ собою всѣ памятники Италіи. По музеуму я еще только прошелся скорымъ шагомъ; у меня разбѣгались глаза, и я едва успѣвалъ останавливать ихъ на Аполлонѣ, Лаокоонѣ и Гладіаторѣ. Если бы кто собралъ вмѣстѣ статуи и гипсы Дрезденскіе, Венеціянскіе и даже Флорентинскіе, то легко бы могъ упрятать ихъ всѣ въ уголокъ Ватикана. Здѣшній музеумъ есть настоящій городъ статуй, заваленный саркофагами и выштукатуренный надписями. Послѣ Рима отпадетъ навсегда охота осматривать собранія статуй и картинъ... Римскіе ученые едва по слуху знаютъ Нѣмцевъ и Англичанъ и смѣются надъ Байрономъ. За то у нихъ есть свои

великіе люди... Ливій имѣетъ особенную прелесть здѣсь на мѣстѣ, ибо вечеромъ можно пойти осмотрѣть сцену событій, прочитанныхъ по утру." („Литературная Газета", 1830, № 6, стр. 48).

Іосифъ *Ежовскій* преподавалъ (1826—1827 годы) Греческій языкъ въ Московскомъ университетѣ. Послѣ выѣхалъ на Волынь. Извѣстны два его ученые труда: 1) Сочиненіе, написанное на Польскомъ языкѣ по поводу перевода разговоровъ Платона о законахъ В. И. Оболенскимъ. Москва 1829 г. 2) Изданіе первыхъ 6 книгъ Одиссеи съ Латинскими примѣчаніями, въ 1830 году, въ Москвѣ („Біогр. Слов. М. унив.", I, 325—326).

XXXIV.

1831. Февраля 26.

Послѣднее время прошло у меня въ неудовольствіи: всего больше надоѣдалъ мнѣ «Алфавитъ», который надо составить изъ тысячей безграмотныхъ рапортовъ. Студенты помогаютъ, да безъ своего глаза нельзя ничего оставить. Предметомъ моего сочиненія теперь Гизо. И радуясь читая его, и тоскую. Радуюсь, узнавая много и встрѣчаюсь часто съ своими мыслями. Тоскую, и тоскую даже до смерти, что не могу въ уединеніи, безъ помѣхи, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ устремиться на Исторію. Чувствую силу въ себѣ, плеча мои поднимаются,—а гири на ногахъ. Господи, помози мнѣ! Ну если этотъ жаръ пройдетъ, и сила истощится на эфемерные опыты? Иногда грусть беретъ: зачѣмъ не преодолѣваю сихъ препятствій; бросить все и ѣхать въ чужую деревню. Вѣдь это можно, зачѣмъ же не дѣлаю, зачѣмъ останавливаюсь мелкими разсчетами? Зачѣмъ думаю о завтрашнемъ кускѣ? А если будетъ у меня семейство! И эти вопросы борются между собою въ глубинѣ моего сердца... и тоска. Посѣтители прервали нить моей Іереміады. Чтò Богъ дастъ, то будетъ. «Мареы» все еще я не выпускаю: опасаюсь кривыхъ толкованій отъ враговъ. На Телескопъ подписчиковъ 500. Ей Богу, Моск. Вѣстника не должны мы стыдиться въ своей душѣ: публика не приняла его, но образованные люди отдали намъ справедливость. Сами себя укорить не можемъ ни въ чемъ: все честно, благородно. Писалъ я въ послѣднее время статьи розничныя: о Польской Исторіи, о Исторіи среднихъ вѣковъ, повѣсть, рецензіи, но надумываюсь на большія, и, если Богъ дастъ, лѣтомъ примусь за нихъ. Языковъ досталъ мнѣ письма Карамзина отъ 95 до 25 года. И онъ цѣлый вѣкъ жаловался, терпѣлъ неудачи, тосковалъ о будущемъ и просилъ, искалъ себѣ подписчиковъ на журналъ и Исторію! Какая же дрянь осмѣлится роптать?—Пушкинъ повѣнчался въ прошедшую Середу. Въ Воскресенье будетъ концертъ въ пользу холерныхъ сиротъ,

а въ прошедшее былъ маскарадъ для нихъ же. Меня заставляютъ писать всѣ афишки. Верстовскій написалъ благодарность за избавленіе отъ холеры. 300 музыкантовъ. Слова Языкова:

Великъ Господь! Земля и неба своды
Свершители судебъ Его святыхъ:
Благословенъ, когда казнитъ народы,
Благословенъ, когда спасетъ ихъ.
Пославшій намъ годину искушенья,
Не до конца рабовъ своихъ каралъ;
Намъ возсіялъ желанный день спасенья,
День милости Господней возсіялъ.
Великъ Господь! Къ Нему сердца и руки,
Ему хвалу гласи тимпана звонъ,
Ему хвалу играйте пѣсенъ звуки:
Великъ Господь, и святъ Его законъ!

XXXV.

1831. Апрѣля 13.

Ваша холера опаснѣе нашей, и мы безпокоимся, хотя ты скрываешь вѣрно многое; но я увѣрился въ вашемъ спокойствіи, потому что безъ него не пришли бы въ голову ни эпиграммы, ни октавы.

Михаилъ Ивановичъ *) вслѣдствіе разныхъ спекуляцій купилъ деревню подъ Москвою (50 верстъ), заложивъ свою Нижегородскую, и я повергаюсь въ объятія природы и науки. Послѣ праздника подамъ просьбу объ отставкѣ или объ должности смотрителя Дмитровскаго училища и оставляю Москву. Мочи нѣтъ! Читать, читать, учиться. Начитавшись, надумавшись, безъ помѣхи, на просторѣ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, я опять могу вступить въ университетъ года черезъ два-три. Теперь совѣстно всходить на каѳедру: а учить и вмѣстѣ учиться невозможно въ нужной степени. Съ восторгомъ смотрю я на слѣдующее время. Чтò Богъ дастъ! Надо бы жениться, но не знаю которая суженая, стало-быть и нѣтъ еще ея.—О двухъ рѣчахъ я не писалъ къ тебѣ до сихъ поръ, но я думалъ, а выдумалъ—ничего. Вопросъ мудреный: много есть pro и много contra. Чужой совѣтъ здѣсь мало значитъ. Свое сердце и свой умъ—вотъ кого надо спрашивать. Помолись-ка покрѣпче въ храмѣ Св. Петра, да ложась спать задумай думу, не увидишь ли чего во снѣ, иль не возникнетъ ли новая мысль по утру. Или еще лучше: старайся забыть все тамъ, отдаляй мысли,

*) Мессингъ, родственникъ Погодина.

занимайся своимъ, а здѣсь, на родинѣ, въ дружескомъ совѣтѣ, можетъ быть, Богъ и надоумитъ. Но пріѣзжайте скорѣе домой; что̀ вамъ дѣлать теперь въ чужихъ краяхъ! Видите, какой бурный духъ носится повсюду. Климатъ—но почему же княгиня не хочетъ поселиться въ Крыму?—Что̀ написать тебѣ о литературѣ? Вышелъ Петръ Выжигинъ, но я не читалъ его, угощенный батюшкой. Загоскинъ—директоръ театра и камергеръ. Пушкинъ написалъ тьму. Онъ показывалъ и читалъ мнѣ все по секрету, ибо многое хочетъ выдавать безъ имени: Онѣгина 8-я и 9-я главы, Сцены, Моцартъ, Донъ-Жуанъ, повѣсть пресмѣшная и большая октавами, т.-е. октавами Жуковскаго, нѣсколько повѣстей въ прозѣ, множество статей прозаическихъ о критикѣ, объ Исторіи Русской литературы и проч. Завтра повезу къ нему твои октавы. Жена его премилая, и я познакомился съ нею молча. Они ѣдутъ скоро въ Петербургъ.—Музы Языкова и Хомякова запѣли, и они написали по нѣскольку прекрасныхъ стихотвореній, а замышляютъ большіе. Да, ей-Богу, у насъ есть литература! Надеждина расходится 700 экз., и онъ на нынѣшній годъ предлагаетъ тебѣ по 50 р. асс. за листъ. Денегъ къ тебѣ не послали мы съ общаго совѣта, опасаясь, чтобы они не пропали по причинѣ такихъ смутныхъ обстоятельствъ. Максимовичъ разсорился съ Полевымъ и написалъ къ нему отзывъ: «Я оставляю васъ, разумѣется, не первый, но ужъ вѣрно послѣдній» etc. и Алексѣй Андр. *) въ восторгѣ. Кирѣевскаго я не понимаю: лежитъ и спитъ; да неужели онъ ничего не надумываетъ? Невѣроятно. У насъ будетъ спектакль въ пользу холерныхъ: будетъ играть кн. Гагаринъ Медею, Семирамиду. Малиновскій тебѣ кланяется.

1) Прочитавъ въ запискахъ К. А. Полеваго „О жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго“, слѣдующія строки: „Г. Максимовичъ долго былъ въ самыхъ близкихъ, пріязненныхъ сношеніяхъ съ моимъ братомъ, *а потомъ сдѣлался непріятелемъ его—увидимъ далѣе, какимъ образомъ*“ (стр. 162—163), за разъясненіемъ этихъ строкъ я обратился къ М. А. Максимовичу и получилъ отъ него, съ Михайловой Горы, слѣдующій отвѣтъ (отъ 11 Іюня 1870 г.): „...Я съ прискорбіемъ доскажу вамъ то, чего не досказалъ Ксенофонтъ въ упомянутыхъ вами *Запискахъ*, которыхъ и знать не хочу. Только съ моимъ Малороссійскимъ долготерпѣніемъ и упорствомъ не хотѣлъ я прервать давнюю пріязнь съ ними. Но когда я неожиданно узналъ, что они, *либеральничая* на пропалую въ своемъ *Телеграфѣ*, въ тоже время *шпіонничали* ежесуботными доносами Булгарину и Гречу на Московскихъ литераторовъ; когда въ одну ночь, у меня, заночевавшаго у нихъ (на Дмитровкѣ) по случаю непогоды, Ксенофонтъ проникъ въ мой карманъ боковой и тамъ нашелъ письмо моего покойнаго благожелателя О. М. Сомова (Порфирія Байскаго), къ сожа-

*) Елагинъ.

лѣнію въ тотъ же день мною уничтоженное, и—полагая меня спящимъ—пересказывалъ содержаніе его брату Николаю: послѣ того я, хотя и съ болью душевною, но долженъ былъ расплеваться съ этими торгашами, оставивъ себѣ только уваженіе къ старшей сестрѣ ихъ, К. А. Авдѣевой, на старшей дочери которой, Александрѣ, женился мой любезный товарищъ М. П. Розбергъ".

XXXVI.

1831. Мая 11.

«Если же эти звуки (страшусь за свою надежду) покажутся вамъ родными, тогда я буду просить извиненія, что октавы слишкомъ часто отзываются нашимъ тоническимъ ямбомъ, и впредъ на вашу благосклонность буду отвѣчать бо́льшею смѣлостію». Вотъ, вотъ, любезный Степанъ Петровичъ, чего я отъ тебя требую—бо́льшей смѣлости, и вотъ объ чемъ писалъ я къ тебѣ въ прошедшемъ письмѣ. Твои октавы будутъ тогда великое, полное завоеваніе, а теперь только счастливые набѣги, опыты силы и смѣлости, частныя побѣды. Разсужденіе твое вырвалъ у меня изъ рукъ Кубаревъ и только вчера возвратилъ, обѣщаясь написать тебѣ замѣчанія и, сказавъ мнѣ, что онъ почерпнулъ изъ нихъ много поучительнаго и важнаго для своихъ изслѣдованій (1). Пушкинъ очень доволенъ; но, рѣшительно не любя Тасса, умоляетъ тебя приняться за Данта. «Мнѣ надо написать къ нему умное и большое письмо», говоритъ онъ, «но кочевой я такъ не привыкъ еще къ осѣдлой жизни, что не знаю, какъ и когда приниматься за дѣло».—Я не рѣшилъ еще, печатать ли твое разсужденіе или прямо подать, дождавшись втораго, въ Совѣтъ университета. На безпристрастность и благонамѣренность Совѣта я не надѣюсь: Каченовскій, пользующійся выгодами литературной каѳедры, упрется руками и ногами на несоотвѣтствіе программѣ. Съ другой же стороны, Надеждинъ, который вѣроятно скоро утвержденъ будетъ въ званіи профессора, и старый твой пріятель Снегиревъ (онъ бѣсится на меня за жестокій разборъ его рѣчи, пис. Куб.) тебѣ будутъ рады (2); но главные защитники въ Петербургѣ—Блудовъ, Жуковскій и Дашковъ. Пушкинъ ѣдетъ туда, облеченный во всеоружіе брани за тебя. Совѣсть моя и любовь къ университету говорятъ мнѣ, что это мѣсто долженъ занимать ты. Авось правая сторона побѣдитъ. Я выхожу и пишу въ своей просьбѣ, что университетъ можетъ удержать меня въ своей службѣ, давъ мѣсто смотрителя уѣзднаго училища и т. п.; но что два-три года мнѣ необходимы для пріобрѣтенія профессорскихъ свѣдѣній. И восхищаюсь я своимъ уединеніемъ, и не могу привыкнуть къ мысли, что буду тамъ одинъ, т.-е. безъ жены, а жениться мудрено. Не повѣришь, какъ это

мнѣ досадно, а иногда смѣшно. Призракъ,—а непріятность! Сколько неудовольствій я получилъ въ послѣднее время, отъ которыхъ иной, а не я что̀ сдѣлалъ бы надъ собою,—ты представить себѣ не можешь. Страшна клевета! Ну да чортъ ея возьми!—Опять о тебѣ: Загоскинъ директоромъ театра; слѣдовательно тебѣ широкая дорога, бывъ при университетѣ, дѣйствовать и для сцены.

...Какъ я грустенъ! Ты видишь это и по безпорядку въ моемъ письмѣ. Одно только истинное живое участіе—Ольги Семеновны. Какъ я радъ буду позабыть въ деревнѣ эти отвратительныя лица, эти противные звуки, сплетни, козни! Но грѣшно роптать: съ нѣкотораго времени, налетаютъ на меня иногда минуты такого сладкаго спокойствія, такой внутренней тишины благодатной! Напримѣръ на Святой Недѣли я ѣздилъ въ эту деревню. Я былъ одинъ на цѣлой половинѣ большаго дома. Изъ окна видъ предалекій. Ложась спать, я чувствовалъ въ себѣ какъ будто бы предъ Благовѣщеніемъ. Господи, буди мнѣ по глаголу твоему! Нѣтъ, сердце говоритъ, что есть для человѣка гдѣ-нибудь пріютъ другой: въ дому Отца Моего обители многи суть. Неужели это естественная слабость? Слезы навернулись у меня теперь на глазахъ. Клянусь: сердце у меня любящее—за что же... Но я выражу, выражу себя, и эти низкія гагары со стыдомъ въ свое болото.

1) А. М. Кубаревъ занимался теоріей Русскаго стихосложенія и въ 1837 году издалъ въ Москвѣ отдѣльную объ этомъ предметѣ книжку.

2) А. М. Кубаревъ, подъ псевдонимомъ Евдокимъ Лущенко, напечаталъ въ Московскомъ Вѣстникѣ 1830 г. „Письмо къ редактору Московскаго Вѣстника, заключающее въ себѣ разборъ Латинской рѣчи произнесенной профессоромъ Снегиревымъ на университетскомъ юбилеѣ“. Въ этомъ письмѣ между прочимъ сказано: „...Признаюсь, что я самъ плохой латинистъ, но обучаясь еще въ дѣтствѣ моемъ въ Кіевской Академіи, получилъ страсть къ этому языку. И съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Кіевскую Академію, не перестаю заниматься языкомъ Цицероновымъ, коего судьба нынѣ, какъ кажется, не весьма завидна въ Московскомъ университетѣ. Разительнымъ сему доказательствомъ служитъ разсужденіе, на которое я намѣренъ теперь обратить вниманіе Россійскихъ филологовъ и которое весьма не похоже на разсужденія преждебывшаго или преждебывшихъ профессоровъ языка Латинскаго. Признаюсь, м. г., въ жизни моей мало я читывалъ сочиненій сему подобныхъ; я не могъ прочесть ни одной страницы,—что я говорю?—почти ни одного періода безъ того, чтобы не спотыкнуться на какое-нибудь слово, или фразу, или цѣлую мысль.“ (Ч. VI, 146—164). На университетскомъ юбилеѣ 26 Іюня 1830 г. И. М. Снегиревъ въ Латинскомъ словѣ изложилъ исторію первоначальнаго университета въ царствованіе его основательницы, императрицы Елисаветы.

XXXVII.

1831. Іюня 7.

Ахъ, братецъ, что̀ ты загородилъ въ письмѣ къ Мельгунову? Неужели ты думаешь, чтобъ я пересталъ писать къ тебѣ часто безъ всякой причины,—еще что̀,—чтобъ я позабылъ тебя? Оставимъ эти общія мѣста другимъ. Неужели еще намъ нужны увѣренія въ памяти, упреки за забвенье? Мнѣ было до зла-горя все послѣднее время, мѣсяца три. Множество обстоятельствъ самыхъ непріятныхъ стекалось. Мнѣ не хотѣлось жаловаться, наскучать, мѣшать тебѣ. И вообще я не былъ расположенъ писать. Скажу тебѣ изъ *многаго* одно: мои финансы разстроены. Я купилъ домъ, и взялъ въ заемъ у Геништы и другихъ 16.000 р. Домъ можетъ дать хорошій доходъ, но за нимъ надо смотрѣть и поправлять, а я ни того ни другаго не могу. Надо, напримѣръ, подать просьбу въ Коммиссію, чтобъ взять деньги на отстройку подъ закладъ его, а я мѣсяцъ не могу собраться, чтобъ идти въ какое-нибудь присутственное мѣсто. Какъ будто домовой не пускаетъ. А между тѣмъ доходу нѣтъ, и проценты плати. Получивъ десятый отказъ въ путешествіи и кучу досадъ, я встосковался по уединеніи, котораго желалъ бы всегда и при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ это время нагородили мнѣ турусы на колесахъ объ деревнѣ. Я убѣдилъ Мих. Ив. *) купить ее, обѣщая помочь ему. Онъ вмѣсто 40 тыс. получилъ только 14, и достальное я долженъ былъ доставить ему. Во вѣки вѣковъ не позабуду я этого времени. Ко многимъ своимъ пріятелямъ я ѣздилъ, и знаешь ли, не могъ выговорить слова: отказъ мнѣ будто звенѣлъ въ ушахъ, и я возвращался домой ни съ чѣмъ. Не могши попросить ни у кого, я рѣшился взять 10.000 р. у Надеждина, хотя сначала менѣе всѣхъ расположенъ былъ прибѣгать къ нему. 2.000 р. взялъ еще у Аксакова изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ, уѣзжая въ Симбирскъ, оставилъ женѣ на домашніе расходы. Ты можешь судить о состояніи моего духа, когда я тебѣ скажу, что у него даже я не могъ спросить лично, а уже наканунѣ его отъѣзда ввечеру послалъ къ нему записку. Въ это же время я получилъ требованіе отъ тебя, и отъ Венелина, у котораго занималъ на домъ. Прибавь къ этому извѣстіе, что деревнею насъ обманули, что вмѣсто 35.000 р., на которые можно продать тотчасъ лѣсу, какъ насъ увѣряли люди казалось знающіе и надежные, мы не можемъ продать и на половину,—какова же

---

*) Мессинга.

перспектива?... Не пугайся! Я самъ начинаю успокоиваться. Это не такъ страшно, какъ кажется съ перваго взгляда. Слушай: собственно я для себя долженъ 15.000 р., но за домъ сейчасъ всякій дастъ 40.000 р. По крайней мѣрѣ я купилъ еще опытъ. Во вѣки вѣковъ, безъ наличныхъ, лишнихъ денегъ, я не войду ни въ какія спекуляціи, какъ бы выгодны и соблазнительны онѣ ни были. Не наше дѣло. При всемъ томъ не забывай, что я содержу семейство (въ томъ числѣ брата въ Петербургѣ), изъ 15 человѣкъ состоящее. Но это было на счетъ пансіонеровъ.—Чрезъ недѣлю я ѣду въ деревню. Тамъ погружусь я въ прошедшее и забуду настоящее. Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ творческую душу, которая не надолго огорчается неудачами этого рода. Новая мысль, которая сверкаетъ подъ часъ изъ-за этихъ тучъ, утѣшаетъ меня и заставляетъ позабывать и Губернское Правленіе, и Палату, и всякое неудовольствіе. Деревня обѣщаетъ мнѣ ихъ много, много. О! она выкупится, выкупится и съ барышемъ. Никогда еще во всю мою жизнь я не имѣлъ мѣсяца совершенно свободнаго, безъ всякой обязанности впереди. А теперь у меня цѣлый годъ—до срока заемнымъ письмамъ. Я набралъ книгъ, устроилъ планъ. Начинаю съ Гиббона. Потомъ Сисмонди и Гизо для Франціи, Тьеръ, Галламъ для Англіи, Амперъ для Испаніи, Сисм. и Дарю для Италіи, Дени, Капфигъ для Нормановъ, и проч., и проч. Въ два года я непремѣнно перечту, пережую ихъ всѣ, и тогда братцы, я примусь и напишу вамъ: размышленія объ Исторіи Европы. Между тѣмъ общія понятія объ Исторіи почти готовы. Тьфу чортъ возьми! Намъ ли жаловаться! Дай Богъ лишь здоровья. Все перемелится, и будетъ мука, а намъ хлѣбъ съ солью.

Университету никакихъ предложеній ученыхъ дѣлать нельзя, ибо теперь это—скопище невѣждъ, плутовъ и эгоистовъ. О музеѣ я удержалъ у себя всѣ бумаги, ибо и правительству теперь не до дѣлъ такого рода. О прочемъ (о твоей статьѣ) будетъ отвѣчать тебѣ Мельгуновъ. Объ немъ: онъ прекрасный, предобрый, преблагонамѣренный человѣкъ; но не совѣтую тебѣ вступать съ нимъ ни въ какія обязательныя сношенія. У него нѣтъ основательности: c'est un homme à projets. Нынѣшній годъ у него было такихъ мыльныхъ пузырей 20. Что же толку? Надо еще мнѣ подержать тебя въ своихъ рукахъ годика два. Объ октавѣ разсужденіе и пѣснь печатаю въ Телескопѣ (1). Напиши мнѣ тотчасъ, когда получите «Мареу»; я послалъ ее къ князю Никитѣ Григ., и за нее я заплатилъ 600 р., а она лежитъ годъ въ типографіи.

XXXVIII.

1831. Ноября 1.

Пишу къ тебѣ сердитый, очень сердитый на тебя, любезный Степанъ Петровичъ. Ты жалуешься на меня всякому встрѣчному, и за что? Стыдно быть такъ легкомысленному въ Римѣ. Нынѣшній годъ я писалъ къ тебѣ рѣже; но еслибы ты влѣзъ въ мою кожу, не знаю, написалъ ли бы ты и столько. Въ Москвѣ, Богъ дастъ, тебѣ скажутъ, какъ провелъ я все это время. Еще обвиненіе, отчего я не доставляю тебѣ извѣстій о родныхъ. Да гдѣ мнѣ ихъ взять? Если я самъ ничего отъ нихъ не имѣю для пересылки, то что же мнѣ пересылать?... Наконецъ, въ 3-хъ, «онъ обѣщалъ мнѣ 500 р. отъ Телескопа, но не присылаетъ». Я пять разъ писалъ къ тебѣ, что эти деньги взялъ у Надеждина для тебя и издержалъ для себя, бывъ въ крайней нуждѣ, и пришлю тогда, какъ поправлюсь хоть немного; ибо я теперь въ долгу, по своимъ проклятымъ спекуляціямъ, какъ въ шелку. Я долженъ Аксакову, Веневитинову, Мальцову, Надеждину, Венелину, Генинштѣ, твоему дядѣ и проч.

Ты пишешь всѣмъ, что я тебя тащу въ «Телескопъ». Кто тебя тащитъ? Я хотѣлъ доставить тебѣ выгоду—вотъ и все. Посмотримъ, какъ ты получишь ее индѣ. Какъ будто ты не знаешь нашихъ журнальныхъ дѣлъ. Я самъ отъ Телескопа не получилъ *ни гроша.* Я бралъ взаемъ отъ Надеждина 7 т. Телескопскихъ денегъ (да 3 его собст.), изъ которыхъ заплатилъ ему 4. Что за несчастная судьба моя: вмѣсто спасибо получать себѣ упреки и терпѣть неудовольствіе вездѣ съ обѣихъ сторонъ. Исторія Арцыбашевская повторяется надо мною ежедневно. «Не постигаю, какъ у него 800 подписчиковъ, а у Московскаго Вѣстника было 300... Ужъ у него не моды ли?...» Да моды, моды и всякую недѣлю... не входя въ дальнѣйшія объясненія.

Я думалъ,—я ужъ отъ тебя не получу огорченія, а нѣтъ: видно осталось что-то на днѣ. Ахъ не дѣлайте меня мизантропомъ. Легкомысленный еще, но съ добрымъ сердцемъ, ты просишь ужъ у меня прощенія, и я прощаю тебя.

Въ Петербургъ я съѣздилъ ни пошто и привезъ ничего. Пушкинъ, Жуковскій, Блудовъ, Крыловъ и проч. приняли меня съ комплиментами всяческими.

Совѣтовъ тысяча надавано полезныхъ,
А дѣломъ такъ никто бѣдняжкѣ не помогъ.

На мою жъ бѣду Государь съ Бенкендорфомъ уѣхали изъ Петербурга нечаянно въ Москву, и я натурально не могъ представить своихъ сочиненій. Что̀ прикажешь дѣлать? «Петра» оставилъ на послѣд-

немъ мытарствѣ. Водили, водили меня, и наконецъ Главное Правленіе Цензурное устами Блудова сказало мнѣ, что въ трагедіи нѣтъ ничего противнаго уставу, но что оно не смѣетъ рѣшить такого необыкновеннаго случая, непредусмотрѣннаго уставомъ и будетъ просить высочайшаго разрѣшенія (1). О «Мареѣ» Бенкендорфъ предъ отъѣздомъ назначилъ было мнѣ аудіенцію; но по моему несчастію его приглашеніе пролежало у Смирдина три дня, и я получилъ его какъ срокъ прошелъ и генералъ уѣхалъ въ Москву. И такъ я, проживщись, потерявши время два мѣсяца почти, опять въ Москвѣ. Я жилъ въ Петербургѣ у Веневитинова—предобрая душа, и я очень ему благодаренъ. Одоевскимъ также. Онъ занимается литературой. Но въ Петербургѣ нельзя заниматься: столько разсѣяній по службѣ, свѣту и проч. Нѣтъ, въ деревню, въ деревню. Княгиня Трубецкая (Ек. Ал.) скончалась.

Государь, какъ отецъ, въ своей доброй Москвѣ, между дѣтьми; лишь дѣлà нашего университета очень плохи, и не находится ни одинъ человѣкъ, который бы представилъ ихъ Государю въ настоящемъ видѣ...

1) „Держась правила", писалъ Погодинъ, „о свободѣ мнѣній" въ журналѣ, я продолжалъ помѣщать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* замѣчанія Арцыбашева на Исторію Карамзина, кои дѣлать, казалось мнѣ и теперь кажется, имѣлъ онъ полное право, заслуженное также тридцатилѣтними трудами; а друзья покойнаго Карамзина, ревнители его славы и нѣкоторые безусловные порицатели, считали не только сочиненіе, но и помѣщеніе ихъ литературнымъ преступленіемъ,—особенно въ то время, какъ не остылъ еще его прахъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были правы; всего больнѣе для меня было то, что въ числѣ ихъ были большею частію люди, которыхъ я искренно уважалъ и которымъ былъ обязанъ. И. И. Дмитріевъ, ласкавшій меня прежде много, началъ отзываться обо мнѣ такъ, что я почелъ за лучшее даже и не показываться ему на глаза; В. А. Жуковскій сталъ холоднѣе; князь П. А. Вяземскій, принявшій живое участіе въ первомъ моемъ литературномъ изданіи (*Уранія* 1826), доставившій мнѣ знакомство и стихотворенія Пушкина, помогшій посредствомъ графа Д. Н. Блудова издать Славянскую грамматику Добровскаго,—написалъ стихотвореніе съ особымъ замѣчаніемъ, которое я долженъ былъ принять отчасти на свой счетъ, и начать переписку. Наконецъ, избранный тогда же единогласно по представленію Круга за разсужденіе о происхожденіи Руси въ адъюнкты Академіи Наукъ, я былъ, вслѣдствіе этого происшествія, какъ мнѣ казалось, не допущенъ до этого сословія, и лишился возможности заняться Норманскими древностями подъ руководствомъ знаменитаго академика. Одинъ Пушкинъ сохранялъ ко мнѣ прежнее расположеніе и ободрялъ меня говоря: все перемелется, мука будетъ". („Москвитянинъ", 1845, № 9).

2) Здѣсь рѣчь идетъ о трагедіи *Петръ I*, которой долго пришлось пролежать въ портфелѣ М. П. Погодина „безъ движенія", и только въ 1873 году она напечатана въ Москвѣ и посвящена авторомъ „Драгоцѣнной для Русскихъ

памяти Александра Сергѣевича Пушкина, сей трудъ геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Михаилъ Погодинъ." Въ послѣсловіи между прочимъ сказано, что автору случилось прочесть свою трагедію покойному В. А. Каратыгину, и онъ „горячо пожелалъ сыграть Петра. Съ его ростомъ и наружностію, при усвоеніи всѣхъ извѣстныхъ привычекъ Петровыхъ, ему можно было, въ самомъ дѣлѣ, оживить предъ нами образъ могучаго царя. Каратыгинъ осмѣливался сказать это два раза Государю Николаю Павловичу, когда тому случалось заходить на сцену. Государь въ оба раза отвѣчалъ, улыбаясь: хорошо, но надо подождать" (стр. 157—158). Гоголь написалъ Погодину письмо, исполненное болѣе чѣмъ странныхъ идей, которыми, впрочемъ, онъ самъ не воспользовался въ своихъ изображеніяхъ *Малорусской старины*, по которыми со всеусердіемъ воспользовались новѣйшіе историческіе романисты и живописцы: „Ради Бога прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо, такъ даже, чтобъ они непремѣнно были смѣшны. Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина! А доказательство въ наше время... А у васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ нашихъ вельможъ". („Петръ I, трагедія, 1831. М. 1873, стр. 159—160).

Княгиня Екатерина Александровна Трубецкая, рожденная Мансурова, супруга князя Ивана Дмитріевича Трубецкаго, владѣльца села Знаменскаго подъ Москвою. Она скончалась 20 Октября 1831 года, переживъ своего мужа, который скончался 1 Марта 1827 года.

XXXIX.

1831. Декабря 21.

....Лѣто я прожилъ въ деревнѣ и написалъ «Петра». Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ я повезъ его въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобъ представить его Государю и исходатайствовать позволеніе напечатать. Но моя темная звѣзда надо мною... Если ни одна изъ моихъ недеждъ не исполнится, то придется друзьямъ выкупать меня изъ ямы. Холодно при мысли, какъ мнѣ будетъ расплачиваться съ долгами. Ну—о другомъ. Хомяковъ здѣсь, пишетъ 4-е дѣйствіе «Самозванца». Языковъ написалъ множество стиховъ (лирич.) и прекрасныхъ.—Пушкинъ здѣсь, но что-то пасмуренъ и разсѣянъ (1). Проектъ его—писать Исторію Петра, кажется, еще не утвержденъ (2). Кирѣевскій издаетъ «Европейца». Всѣ аристократы у него: журналовъ на 3.000 р. почти. Книжки по 10 листовъ. Вотъ, братъ, какъ выѣзжаютъ на нашихъ опытахъ. Я радъ его журналу: это возбудитъ его дѣятельность (3). Мельгуновъ прожектируетъ. Венелинъ воротился, но боленъ бѣлой горячкой, и новая забота мнѣ. Раичъ перевелъ 5 книгъ Аріоста.

1) Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 6 Декабря 1831 года и остановился у Нащокина у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской. Въ письмахъ его

къ женѣ мы между прочимъ читаемъ (отъ 8 Декабря): „...Съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того гляди выкинешь на 105 ступени комендантской лѣстницы... Напиши, не притѣсняютъ ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить". („Вѣстникъ Европы" 1878. Янв., стр. 24). Отъ 10 Декабря: „Не люблю я твоей Москвы... Въ вашемъ Никитскомъ домѣ я еще не былъ. Не хочу, чтобы холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Наталіи Ивановны (своей тещи); иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе" (стр. 24). Отъ 16 Декабря: „Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили... Дѣла мои затруднительны... Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ? И свои надоѣли" (стр. 25). Отъ 16 Декабря: „...Письма твои меня не радуютъ... Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что-нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... Здѣсь мнѣ скучно..." (стр. 25).

2) Впослѣдствіи Пушкинъ писалъ къ Погодину: „Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ" („Москвитянинъ" 1842, № 10, стр. 468). Принявшись за исторію Петра I, Пушкинъ просилъ у Государя Погодина къ себѣ въ помощники. „Радъ безъ памяти", писалъ Погодинъ Пушкину, „и благодарю безъ ума. Но зачѣмъ вы зовете меня въ Петербургъ? Мнѣ довольно Москвы, и на долго... Главное, исходатайствуйте скорѣе право—дубинку надъ иностраннымъ архивомъ... Напримѣръ, я приду къ Малиновскому съ писцомъ, съ студентомъ, онъ пуститъ: „позволено вамъ, а не etc."... Дѣло съ человѣкомъ 72 лѣтъ, архивомъ par excellence, прототипомъ архива, который думаетъ, что архивъ, слѣдовательно и онъ, тогда только важенъ, пока неизвѣстенъ... Скажу съ солдатами: радъ стараться на память о батюшкѣ нашемъ Петрѣ Алексѣевичѣ" („Бумаги А. С. Пушкина", I, 38—39). „Въ Пушкинѣ", пишетъ князь П. А. Вяземскій, „было вѣрное пониманіе исторіи, свойство, которымъ одарены не всѣ историки. Принадлежности ума его были: ясность, проницательность и трезвость. Онъ былъ чуждъ всѣхъ систематическихъ, искусственно составленныхъ руководствъ; не только былъ онъ имъ чуждъ, онъ былъ имъ враждебенъ... Онъ не исторію воплощалъ бы въ себя и въ свою современность, а себя перенесъ бы въ исторію и въ минувшее. Онъ не задалъ бы себѣ урокомъ и обязанностію, во что бы то ни стало, либеральничать въ исторіи и философничать умозрительными анахронизмами. Пушкинъ былъ одаренъ... самоотверженіемъ личности своей настолько, что могъ отрѣшать себя отъ присущаго и возсоздавать минувшее, уживаться съ нимъ, породниться съ лицами, событіями, нравами, порядками, давнымъ давно замѣненными новыми поколѣніями, новыми порядками, новымъ общественнымъ и гражданскимъ строемъ. Все это качества необходимыя для историка, и Пушкинъ обладалъ ими въ достаточной мѣрѣ. Исторія прежде всего должна быть, такъ сказать, разумнымъ зеркаломъ минувшаго, а не переложеніемъ того, чтó есть. Въ старину переводились у насъ иностранныя драмы *съ переложеніемъ на Русскіе нравы*, такъ что все выходило ложно: былъ искаженъ и подлинникъ, были искажены и изнасилованы нравы. Тоже бываетъ и съ исторіями, выкроенными по послѣднему образцу и по послѣднему вкусу, то есть переложенными на новые либеральные нравы. Съ Пушкинымъ опа-

саться того было нечего. Онъ перенесъ бы себя во времена Петра и былъ бы его живымъ современникомъ; но былъ ли бы онъ законнымъ и полномочнымъ судіею Петра и всего, что̀ онъ создалъ? Это другой вопросъ. Не берусь рѣшить его ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ отношеніи" (Сочиненія князя Вяземскаго, II, 373—374).

3) Вотъ эти *аристократы*, которые соединились въ *Европейцѣ* для безкорыстной, дружной дѣятельности: Языковъ, Баратынскій, Хомяковъ, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, А. И. Тургеневъ, князь В. Ѳ. Одоевскій. Жуковскій въ концѣ года пріѣхалъ въ Москву и отдалъ для перваго нумера свою сказку *О спящей царевнѣ* и, тотчасъ послѣ выхода первой книжки, прислалъ *Войну мышей и лягушекъ, Судъ Божій, Царя Берендея*. Пушкинъ, довольный разборомъ Бориса Годунова, помѣщеннымъ въ 1-мъ № Европейца, написалъ Языкову, что пришлетъ для Европейца все, что̀ будетъ имъ окончено, радовался новому журналу и обѣщалъ свое полное и дѣятельное сотрудничество. „Европейца" вышло всего двѣ книжки. Имѣется, какъ рѣдкость, нѣсколько листовъ книжки третьей.

XL.

1832. Января 20.

....Да скоро ли ты пріѣдешь въ Россію? Пора! Увѣдомь меня объ этомъ поскорѣе. И что̀ тебѣ дѣлать теперь въ чужихъ краяхъ! Пожилъ довольно. Ступайте на мѣсяцъ въ Парижъ, на мѣсяцъ въ Лондонъ, побудьте мѣсяца два въ Германіи, и къ намъ, на родину. Я здоровъ, перебиваюсь кое-какъ и устраиваю по немножку свои дѣла, а удачъ особливыхъ все еще нѣтъ. «Марѳу» выпустить позволено, но пошла еще тихо. «Петра», трагедію напечатать запрещено по Высочайшему повелѣнію. Блудовъ прислалъ мнѣ сказать, что Государь Императоръ читалъ его съ большимъ удовольствіемъ, но печатать ее нельзя. Теперь, усталый, занимаюсь трудомъ механическимъ: перевожу Беттигерову исторію, а послѣ примусь за жизнь Ломоносова на простонародномъ языкѣ для крестьянъ.

Въ Телескопѣ я участвую трудами и не знаю ничего опредѣленнаго de honorario. Онъ имѣетъ уже болѣе 700 подписчиковъ на новый годъ. «Европеецъ» съ именами и статьями Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и проч.—только пятьдесятъ. Вотъ вамъ новое стороннее удостовѣреніе. Что-то будетъ впередъ; а если подписчики пойдутъ въ этой пропорціи, то выдавать по 10 листовъ въ книжкѣ и выписывать на 3000 журналовъ будетъ тяжело. Надеждинъ утвержденъ профессоромъ Изящныхъ Искусствъ, Давыдовъ—Русскаго языка, Дядьковскій — Патологіи и Терапіи. Въ нашей литературѣ и учености примѣтно сильное движеніе. Множество выходитъ книгъ и переводовъ замѣчательныхъ, не смотря на утвержденіе Кирѣевскаго,

что мы младенцы. Напримѣръ на Шекспира выходятъ теперь четверо: одинъ Харьковскій адъюнктъ перевелъ Лира, кто-то Юлію и Ромео, Петръ Кирѣевскій Отелло и проч., и всѣ съ Англійскаго. Хомяковъ пишетъ уже 5-е дѣйствіе «Самозванца». Языкова стихъ поетъ звучнѣе и звучнѣе.

Трагедія Хомякова *Дмитрій Самозванецъ* была напечатана въ Москвѣ въ 1833 году. 13 Апрѣля 1832 года, князь П. А. Вяземскій писалъ изъ Петербурга И. И. Дмитріеву: „Хомяковъ читалъ намъ свою трагедію *Дмитрій Самозванецъ,* продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго. Вообще произведеніе очень замѣчательное и показывающее зрѣющій талантъ автора. Онъ отдаетъ ее въ печать, и кажется она уже вышла изъ когтей цензуры съ немногими царапинами" („Русск. Архивъ" 1868, стр. 617). Царапины эти будутъ указаны въ Ѵ-мъ томѣ „Сочиненій А. С. Хомякова".

XLI.

1832. Марта 14.

Наконецъ, ты возвращаешься къ намъ, любезный Степанъ Петровичъ, и я обниму тебя,—увы не въ Римѣ, какъ я надѣялся, а въ Москвѣ. Что дѣлать! Такъ видно было угодно Богу. Спѣши, спѣши и освѣжи мою душу... Я здоровъ, но дѣла всѣ плохи по прежнему. Блеснула было надежда продать домъ, но опять исчезла. *Петра* Государь не позволилъ напечатать. Кажется, онъ думалъ, что я прошу о представленіи; а объяснить, видно, было не кому, что Петръ всякій день выводится на сцену у насъ въ повѣстяхъ, анекдотахъ, поэмахъ, слѣдовательно можетъ и въ трагедіи, какъ особливой только формѣ. Мнѣ было это очень горько, ибо «Петромъ» я доволенъ несравненно больше чѣмъ «Маѳою», которая предъ нимъ проба пера. Хочу писать къ г. Бенкендорфу и объяснить ему, что позволеніе напечатать «Петра» имѣло бы государственную пользу. Вопервыхъ, я старался въ трагедіи оправдать безсмертнаго нашего преобразователя, котораго обвиняютъ несмысленные иностранцы и соотечественники, изобразивъ вѣрно положеніе его въ отношеніи Россіи. Вовторыхъ, представляя заговоръ страшный противъ Петра, я показываю, какъ легко самыя лучшія мѣры могутъ быть злонамѣренными людьми растолковываемы въ дурную сторону. Мои заговорщики самые отвратительные люди, злодѣи для Россіи. Разумѣется, еслибы все это я могъ объяснить на просторѣ, еслибы я могъ самъ прочесть свою трагедію Государю, то онъ сказалъ бы мнѣ спасибо, ибо онъ своею душею понимаетъ душу Петра. Но какъ это дѣло невозможное, то и долженъ я страдать молча. Кстати о запрещеніяхъ: запретили «Европейца», журналъ

Кирѣевскаго. Слухи разные—за какую статью. Одни говорятъ за «XIX Вѣкъ». Въ этой статьѣ я не вижу ничего преступнаго, ничего непозволительнаго; но она мнѣ не нравится съ другой стороны, какъ собраніе историческихъ парадоксовъ, и я собирался писать на нее резенцію; но теперь нельзя. Кирѣевскій мѣряетъ Россію на какой-то Европейскій аршинъ, я говорю въ смыслѣ историческомъ, а это — ошибка. «Европа себѣ, мы себѣ», говоритъ у меня Долгоруковъ въ трагедіи. Россія есть особливый міръ, у ней другая земля, кровь, религія, основанія, словомъ—другая исторія. Мы должны учиться, вотъ главное, и не заботиться о томъ, чего у насъ нѣтъ, что у другихъ есть и чего намъ не надо. О еслибы мнѣ средства, помощь, я написалъ бы многое о Россіи, чего въ голову не приходитъ нашимъ государственнымъ людямъ и чему удивились бы всѣ Европейцы. Чортъ возьми! Россія особливый міръ. Всей Европы надежда должна быть на Россію; а эти крикуны и болтуны въ парламентахъ и палатахъ стращаютъ дѣтей Россіею, какъ пугаломъ. Невѣжи! Да и насъ похвалить нельзя, что мы отвѣта не даемъ на ихъ дикіе вопли. Пора сражаться намъ съ Европой не на однихъ штыкахъ, а и на словахъ... И мы дадимъ ей законы, дадимъ, хоть бы надсѣлись кричавши пресловутые ораторы. Ты представить себѣ не можешь, какъ мнѣ хочется отвѣдать силъ своихъ съ этими Гизо, Баланшами etc. Русскій человѣкъ имѣетъ такія способности, какихъ не имѣютъ ни Нѣмцы, ни Французы, ни Англичане.

Жаль Авдотью Петровну, которая отъ этого несчастія схватила было желчную горячку. Теперь лучше. Но вотъ что тебѣ всего непріятнѣе: отставили нашего добраго, благороднаго, умнаго Аксакова. Какой-то пьяница написалъ глупую книжку: «12 спящихъ бутошниковъ». Аксаковъ пропустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ «Ябеду» и проч.; а оберъ-полицемейстеръ, человѣкъ сильный, вступился, и отецъ многочисленнаго семейства лишенъ службы. Я искренно люблю нашего Царя, ибо вижу въ немъ что-то Петровское и увѣренъ въ благородной, смѣлой душѣ его. Вотъ почему мнѣ бываетъ вдвое больно, когда его наводятъ на какія-либо дѣйствія не совершенно справедливыя.

Погодинъ жаловался Пушкину: „Что вы не упомянули Царю о моемъ *Петрѣ* при такомъ благопріятномъ случаѣ? Богъ вамъ судья!... Да, я и забылъ: меня смѣшивали съ Полевымъ!! Господи, Боже мой! Ждалъ ли кто такой напраслины? Да кто же ругалъ и обличалъ этого.... больше моего? И я за это страдалъ!“ („Бумаги А. С. Пушкина“, стр. 39).

За Петра писалъ въ то время также И. В. Кирѣевскій въ своемъ *Европейцѣ*: „На чемъ же основываются тѣ, которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая извнутри нашего быта? Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ, не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-Русскому. Но что же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятное повтореніе мыслей чужихъ, мыслей Европейскихъ, занятыхъ у Французовъ, у Нѣмцевъ, у Англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы: всѣ обратились къ своему, народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней... Но у насъ искать національнаго, значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ Европейскихъ нововведеній, значитъ изгонять просвѣщеніе..... Развѣ самая образованность Европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?... Благоденствіе наше зависитъ отъ нашего просвѣщенія, а имъ обязаны мы Петру. Потому будемъ осмотрительны, когда рѣчь идетъ о преобразованіи, имъ совершенномъ" („Европеецъ" 1832, № 1).

Статья И. В. Кирѣевскаго, помѣщенная въ 1-мъ нумерѣ *Европейца*, подъ заглавіемъ *XIX Вѣкъ*, была перетолкована, и 22 Февраля 1832 года журналъ былъ запрещенъ. Въ офиціальной бумагѣ сказано: „что хотя сочинитель и говоритъ, что онъ пишетъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ разумѣетъ свободу, *дѣятельность разума* означаетъ у него *революцію*, а искусно отысканная *средина* ничто иное, какъ *конституція*...... и вся статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ". Помѣщённый въ этомъ же нумерѣ разборъ *Горя отъ ума*, признанъ за самую непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ. Посему цензоръ *Европейца*, С. Т. Аксаковъ, былъ подвергнутъ законному взысканію, и несчастный Кирѣевскій офиціально признанъ человѣкомъ *неблагомыслящимъ* и *неблагонадежнымъ*; а онъ съ своими друзьями *аристократами*, какъ обозвалъ ихъ Погодинъ, мечталъ: „возвратить права истинной религіи, изящное согласить съ нравственностію, возбудить любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнить уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысить надъ чистотою слога". Мать Кирѣевскаго, А. П. Елагина заболѣла вслѣдствіе запрещенія „Европейца". Жуковскій тоже былъ тяжко оскорбленъ этою мѣрою. Онъ позволилъ себѣ выразиться предъ Николаемъ Павловичемъ, что за Кирѣевскаго онъ ручается. „А за тебя-то кто поручится?" возразилъ Государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ. Государыня Александра Ѳедоровна

употребила свое посредство. „Ну, пора мириться“, сказалъ Государь, встрѣтивъ Жуковскаго, и обнялъ его (Разсказъ А. П. Елагиной). П. Б.

Много лѣтъ спустя, а именно въ 1852 году, И. В. Кирѣевскій, въ своемъ, такъ сказать, исповѣданіи вѣры писалъ: „....Большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности Европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя Европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо Европейскаго вліянія. Тогда начались живыя историческія разысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтѣ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины *(Археографическая Экспедиція П. М. Строева)*. Тогда Русскіе ученые, можетъ быть въ первый разъ послѣ полутораста лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества и, изучая въ немъ новые для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, чтó касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія, и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,—почти во всемъ, говорю я,—они были до сихъ поръ обмануты; не потому, чтобы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ, но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи... Писанія св. отцевъ Православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ, сложился и воспитался коренной Русскій умъ, лежащій въ основѣ Русскаго быта... Одного только желаю я, чтобъ тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи Святой Православной Церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій нашихъ; чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ Европейскимъ и не вытѣсняя его, но, напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей Православной Россіи....“ (Кирѣевскій, II, 229—280).

Въ *Сѣверной Пчелѣ* 1832 г. подъ рубрикой *Новыя Книги* напечатано: „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ, Поучительная Баллада. Сочиненіе Елистрата Фитюлькина“, М. 1832, въ Универ. тип., съ 8, 46 стр. Рецензія этой книжки заключается только въ слѣдующемъ: „Ни слова!“ (№ 37). Въ 1863 году, въ Петербургѣ вышло второе изданіе этой баллады.

XLII.

1832. Іюля 13.

Какъ ты опечалилъ меня, любезный Степанъ Петровичъ, своимъ нечаяннымъ извѣстіемъ! А я начипалъ ужъ ожидать тебя и всякую минуту надѣялся обнять. какъ другъ. И какое извѣстіе! Дай Богъ, чтобы

кончились ваши страданія поскорѣе. Христа ради, увѣдомляй чаще о болѣзни княгини. Здѣсь въ Москвѣ пренепріятные слухи.

.....Послѣдніе полгода по литературѣ были у меня безплодные: я только что кончилъ изданіе повѣстей, изъ коихъ послѣдняя (Счастіе въ несчастіи) занимала много мою голову и долго не могла изыти на свѣтъ. Еще нѣсколько рецензій и мелкихъ подѣлокъ. Но прочелъ кое-что. Мой «Петръ» лежитъ все подъ спудомъ. Если голова будетъ свѣжа, то лѣтомъ примусь за Бориса, а если нѣтъ, то буду только читать лѣтописи наши. Хочется пройдти Русскую Исторію въ родѣ Гизо. Какъ удивились бы иностранцы нашей Исторіи—настоящая Америка для нихъ. Но я уже, кажется, писалъ тебѣ объ этомъ. Накопилось у меня много. Кстати жъ я буду читать на слѣдующій годъ Русскую Исторію (все еще какъ адъюнктъ въ политич. отдѣл., но это все равно). Экзамены въ университетѣ идутъ отлично, и новый полу-попечитель Голохвастовъ сидитъ въ день по 10 часовъ. Эффектъ превосходный на студентовъ. И какая у нихъ (у большой части) охота учиться! Пріѣзжайте, пріѣзжайте! Жатвы у насъ много, а дѣлателей мало. Рожалину надежды очень мало занять мѣсто въ университетѣ. Не знаю, вылечится ли онъ отъ своей нелѣпой, недостойной мысли о низости ученаго званія, о которой, признаюсь, я не могу и вспомнить безъ омерзѣнія. По начальству у насъ перспектива, боюсь чтобъ не сглазить, утѣшительная. Съ кн. Серг. Мих. *) вы встрѣтитесь на пути въ Карлсбадѣ или въ Италіи; успѣете переговорить и объ Музеѣ, о которомъ я не говорилъ ни слова, не видя благопріятныхъ обстоятельствъ. Если поѣдете чрезъ Берлинъ, побывай у Мансуровыхъ; тамъ и княжна Трубецкая. Можетъ быть, они дадутъ тебѣ какое порученіе въ Россію. Въ Дрезденѣ (въ Пирнѣ) мой знакомый докторъ Дитрихсъ; спроси у него письма̀ или посылки ко мнѣ. Гульяновъ, получивъ деньги отъ правительства, теперь тоже долженъ быть тамъ. Въ Прагѣ хорошо еслибъ ты побывалъ и познакомился съ Славянскими литераторами Ганкою, Челяковскимъ и попросилъ у нихъ ихъ сочиненій. Я послалъ къ нимъ много книгъ черезъ одного Шафарика. Въ Варшавѣ Павелъ Мухановъ при Паскевичѣ. Мой зять, Мих. Ив. Мессингъ, тоже будетъ тамъ.... Аксаковы здоровы (ихъ уже 12) и ждутъ тебя. Если будешь въ Калишѣ, то познакомься съ Левашовымъ. Предложи ему отвезти письмо къ его женѣ, которая теперь здѣсь.

Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ началъ службу въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, потомъ служилъ въ Москвѣ по выборамъ, съ 1831 по 1847

---

*) Голицынъ.

былъ помощникомъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа; а 25 Ноября 1847 назначенъ попечителемъ. Скончался въ 1849 году (Геннади, „Спр. Слов." I, 241). По свидѣтельству М. П. Погодина, Д. П. Голохвастовъ „былъ православный христіанинъ и свято исполнялъ всѣ обязанности, возлагаемыя на насъ Церковію... На службу смотрѣлъ онъ, какъ на священный долгъ дворянина; не служить дворянину, или служить какъ нибудь, считалъ онъ безчестіемъ, неблагодарностью, униженіемъ достоинства. Честность и безкорыстіе его всѣмъ извѣстны. Былъ домовитый хозяинъ и попечительный помощникъ. Крестьяне, узнавъ объ его кончинѣ, испросили позволеніе нести тѣло покойнаго на рукахъ до заставы, а другіе провожать до мѣста фамильной усыпальницы Голохвастовыхъ, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, въ погостѣ Субботникахъ... Голохвастовъ не только говорилъ, но и писалъ хорошо. Зная хорошо языкъ, любя его особенно въ устахъ митрополита нашего Филарета, ясный, твердый, положительный, онъ возмущался искаженіями его въ разныхъ журналахъ, и написалъ двѣ статьи, гдѣ показалъ и остроту, сколько ему позволяло его decorum („Москвитянинъ" 1845). Въ литературѣ нашей Д. П. Голохвастовъ извѣстенъ слѣдующими трудами: Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры (Москвитянинъ 1842—1845) и О родѣ дворянъ Голохвастовыхъ („Чтенія М. Общ. И. Д. Р."). При его содѣйствіи напечатанъ былъ *Домострой*. Въ послѣднее время онъ былъ приведенъ въ восторгъ этимъ памятникомъ нашей старины и погрузился въ разсужденія о старой жизни. Всѣ эти труды отличаются дѣльностію, обдуманностію, осмотрительностію, силою діалектическою и имѣютъ тѣсную связь съ его гражданскимъ воззрѣніемъ („Москвитянинъ" 1850, II, 62—65).

XLIII.

1832. Іюня 30.

...Радъ, что княгинѣ, а стало быть и всѣмъ вамъ, лучше. Увѣрь ее въ нашемъ искреннемъ, живомъ участіи. Мы любимъ ее какъ Русскую Музу. Веневитиновъ проѣхалъ черезъ Москву въ Воронежъ и Орелъ. Послѣ, говорятъ, пріѣзжаетъ Одоевскій съ женою въ деревню. Мнѣ жаль, что я не могъ увидаться съ ними. Я познакомился хорошо съ его женою.... Какъ мнѣ хочется пріурочить васъ къ университету.

Помощникомъ попечителя теперь Голохвастовъ, человѣкъ благонамѣренный, твердый, отмѣнно дѣятельный и строгій, что̀ все для насъ, Русскихъ людей, хорошо. Были за нимъ нѣкоторыя странности, особенно въ началѣ, но теперь дѣло обходится. Со мною онъ очень хорошъ. Вчера, т.-е. третьяго дня, былъ у меня экзаменъ (экзамены продолжались полтора мѣсяца, по 10 ч. въ день—каково!) и кончился блистательно.

Я проходилъ Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій и предложилъ присутствующимъ предлагать каждому изъ отлично рекомендованныхъ сту-

дентовъ какой угодно годъ, дабы онъ описалъ тогдашнее политическое состояніе Европы; они разинули ротъ. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній выпускъ отличный: есть молодцы. И что грѣха таить—большая часть самоучки. А приставь-ка къ нимъ человѣкъ по пяти въ отдѣленіи хорошихъ профессоровъ—чудеса сотворятъ Русскіе люди! Пріѣзжайте, пріѣзжайте. Божусь тебѣ—слышать, видѣть блестящіе успѣхи производитъ во мнѣ радость живую и сладостную. А мысль, что здѣсь и моего хоть капля меду есть! Нѣтъ, ни на какомъ поприщѣ нельзя дѣйствовать благороднѣе, полезнѣе, пріятнѣе. Ученіе впередъ! Ахъ, какая будущность, работать, работать. Скоро пріѣдетъ Гоголь-Яновскій, написалъ двѣ части повѣстей Малороссійскихъ. Много прекраснаго. Онъ здѣсь. И Ѳедоръ Никол. Глинка здѣсь же.

У Пушкина родилась дочь. Не слѣдуетъ ли и здѣсь подражанія Байрону?

Въ Воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова мы находимъ свѣдѣнія о появленіи Гоголя въ Москвѣ: „Въ 1832 году, когда мы жили въ домѣ Слѣпцова, въ Аѳанасьевскомъ переулкѣ, Сивцевомъ Вражкѣ.... по Субботамъ, постоянно обѣдали у насъ и проводили вечера короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ.... игралъ я въ карты въ четверной бостонъ. Вдругъ Погодинъ, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату съ неизвѣстнымъ мнѣ, очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь!"... Я очень сконфузился и прекратилъ было игру, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій... Всѣ мои гости (тутъ были П. Г. Фроловъ, М. М. Карніолинъ-Пинскій и П. С. Щепкинъ) тоже какъ-то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но смущенный... Скоро однако прибѣжалъ сынъ мой Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостію. Я очень обрадовался... Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстиженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленые воротнички придавали совсѣмъ особую физіономію его лицу. Намъ показалось, что въ немъ было что-то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство; у меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣтлый жилетъ съ большою цѣпочкою. Черезъ часъ Гоголь ушелъ. Сынъ мой не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ въ это свиданіе; но помнитъ, что Гоголь держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ-то свысока... Ему не понравились манеры Гоголя» („Русь" 1880, № 4, стр. 15—16).

XLIV.

1832. Августа 11.

...Да пріѣзжай скорѣе! Скоро ли я обниму тебя, поцѣлую, посмотрю, послушаю?.. О, какъ мы заработемъ вмѣстѣ! За ушьми запищитъ у всякаго негодяя. Во славу матушки Россіи!..

Что Рожалинъ? Привезешь ли ты его? Что ему тамъ дѣлать? Для его самолюбія въ Москвѣ—испытаніе; но неужели къ 30 годамъ не научился онъ изъ наукъ, что высшее благо и счастіе въ своей душѣ etc. Потолкуй ему, а мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы его познанія и способности пошли на пользу университета, а не на какую-либо канцелярію. Въ университетѣ дѣла̀ пошли гораздо лучше, а надежды еще бо̀льшія.

Я здоровъ, переѣхалъ изъ деревни, чтобъ наблюдать за стройкой и приготовить тебѣ комнатку потеплѣе. Ульрихсъ подалъ въ отставку. Я имѣю полное право по службѣ на его мѣсто, а начальство и товарищи расположены. Не знаю что̀ будетъ.

Юлій Петровичъ Ульрихсъ былъ ординарнымъ профессоромъ Всеобщей Исторіи, Статистики и Географіи въ Московскомъ университетѣ, съ 1807 по 1832 годъ. Въ концѣ Сентября 1832 года, С. П. Шевыревъ возвратился въ Москву и вступилъ въ университетъ. Ему назначено было Совѣтомъ написать разсужденіе объ одномъ изъ предметовъ своихъ занятій. Шевыревъ избралъ Данта. Тогда, по свидѣтельству М. П. Погодина, Шевыревъ „заперся въ своей комнатѣ (онъ жилъ тогда подъ Новинскомъ, у товарища Мельгунова), мѣсяцевъ шесть не выходилъ никуда ногой со двора, перечиталъ всѣ источники и написалъ классическое разсужденіе о Дантѣ, какому не было подобнаго въ Русской литературѣ“. Сочиненіе это подъ заглавіемъ: *Дантъ и его вѣкъ* было напечатано въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета* (№ V, 1833—№ XI, 1834 г.).

XLV.

1832. Ноября 29.

Я видѣлъ піесу *) и скажу тебѣ откровенно, что она при всей своей нелѣпости *спасла* твою литературную честь: теперь ты имѣешь полное *право* отказаться отъ нея, что́ и сдѣлалъ; теперь никто не имѣетъ *права* приписывать ее тебѣ; теперь по твоему счету хоть половина не считаетъ ее твоею; а еслибъ она осталась въ прежнемъ видѣ, то ты долженъ бы былъ отвѣчать за нее и публикѣ, и критикѣ. Отвѣчать было бы очень нелегко; ибо она, при всѣхъ своихъ хорошихъ стихахъ, растянутая, отвлеченная и не драматическая, безъ дѣйствія и со множествомъ лишнихъ лицъ и эпизодовъ; словомъ—первый опытъ юноши на драматическомъ поприщѣ; упалъ бы совершенно, и нанесли бы тебѣ нареканіе, и нареканіе справедливое.

*) „Вадима“, сочиненіе С. П. Шевырева.

Считая себя терпящимъ, ты могъ бы оправдаться, напечатавъ свою пьесу, какъ ты ее написалъ; но этого не присовѣтуетъ тебѣ и врагъ. Ясное доказательство, что тужить не о чемъ. Ты прочти свою піесу, взгляни на играемую и разочти, что̀ было бы произведено выброшенною частію вмѣстѣ съ остальною. Повторяю, ты спасенъ по счастливому стеченію обстоятельствъ.

Уважая себя, справедливость, приличіе, уважая свои отношенія, и наконецъ по разсчету, чтобъ не показаться съ невыгодной, смѣшной стороны, ты долженъ теперь умолкнуть и отклонять отъ себя всякій разговоръ о «Вадимѣ». До сихъ поръ ты вредилъ (и много) себѣ, музыканту и піесѣ, а продолжая, ты будешь вредить только одному себѣ.

По своей горячности, самолюбію и помѣшательству на этой точкѣ (мы безпрестанно помѣшиваемся на точкахъ), вооружаясь софизмами, ты не поймешь можетъ быть меня, не поймешь, что это положительный образъ дѣйствій для тебя; но я совѣтую тебѣ взять это хоть на вѣру отъ меня, хоть основываясь на опытѣ (ибо часто ты долженъ былъ признавать справедливость словъ моихъ, казавшихся тебѣ сначала несправедливыми).

Если ты *мнѣ* сказалъ вчера нѣсколько оскорбленій, и оскорбленій чувствительныхъ (которыя я принялъ равнодушно потому только, что мнѣ 33-й годъ, что я стою выше ихъ, что я знаю твой характеръ и потому, что я все это дѣло, во всѣхъ его видахъ, считаю вздоромъ, недостойнымъ служить даже предметомъ разговора),—то что̀ могъ ты говорить или хоть думать о другихъ? По своей дружбѣ къ тебѣ, жалѣя тебя, я считалъ обязанностью предостеречь тебя.

Отвѣта мнѣ не надо, благодарности ни искренней, ни иронической: и такъ я пожертвовалъ уже слишкомъ много времени на этотъ вздоръ, посылая въ чужіе края замѣчанія на твою нелѣпость, объясняясь съ тобою вчера и пишучи нынче. И такъ, чтобъ ни одного сло̀ва не было говорено со мною ни объ «Вадимѣ», ни объ чемъ касательно до него. Читалъ ли вчера Данта?

XLVI.

1833 Марта. 16.

Посылаю тебѣ на новоселье бюстъ Мерзлякова, любезный мой Степанъ Петровичъ! Хоть онъ имѣлъ много недостатковъ, принадлежавшихъ отчасти его времени, но у него были и великія достоинства. Да будетъ ихъ сторицею у тебя, нареченнаго мною его преемника, во славу твою, мою, нашу и Русскую. Этого отъ души тебѣ при вступленіи твоемъ на новое поприще желаетъ М. П. Погодинъ.

ЗАМѢТКИ СОВРЕМЕННИКА НА ПИСЬМА ПОГОДИНА КЪ ШЕВЫРЕВУ.

(къ письму V-му, стр. 102).

Письмо князя Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву писано въ 1829 году, когда князь Вяземскій былъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ Полевому и во враждебныхъ къ его противникамъ. Въ тоже время въ журналѣ Раича «Галатея» была помѣщена статья подъ заглавіемъ *Г. Полевому*. На нее и указываетъ князь Вяземскій. Въ этой статьѣ, служившей отвѣтомъ на грубыя выходки «Телеграфа» о личности Раича, было сверхъ того въ первый разъ печатно разоблачено намѣреніе Полеваго написать Исторію Русскаго Народа, и этимъ разъяснялись его неблаговидныя сужденія о Карамзинѣ, какъ историкѣ и писателѣ. Inde ira. Вышло изъ письма не то, чего хотѣлось: И. И. Дмитріевъ, узнавъ суть дѣла, удвоилъ свое расположеніе къ Раичу.

*

(письмо XXV, стр. 162).

Семеновъ, тогда наиболѣе извѣстный всему Курску подъ уличной кличкой: *Зуйкинъ*. Отецъ его былъ прасолъ и не только не способствовалъ, но всячески старался мѣшать сыну учиться и даже намѣренно послалъ его, по 15-му году, торговать скотиной по уѣздамъ Курской и Воронежской губерній. Ничто не помогло: юноша учился, въ степяхъ во время дневокъ и на ночлегахъ по деревнямъ, пріобрѣлъ впослѣдствіи глубокія свѣдѣнія въ Математикѣ, особенно въ Астрономіи, и такъ какъ послѣ отца былъ отчасти обезпеченъ, то прекратилъ торговлю и поселился въ Курскѣ. Здѣсь онъ, въ захолустьѣ города, купилъ небольшой домъ, устроилъ при немъ обсерваторію, гдѣ и проводилъ ночи, наблюдая движеніе небесныхъ тѣлъ. Погодинъ, проживая

нѣсколько дней въ Курскѣ, узналъ о немъ, обласкалъ и уговаривалъ побывать въ Москвѣ, гдѣ обѣщалъ познакомить съ профессоромъ Перевощиковымъ. Этого было достаточно, и Семеновъ пріѣхалъ въ Москву. Перевощиковъ удивлялся его познаніямъ въ Математикѣ и Астрономіи и, кажется, исходатайствовалъ ему какое-то поощреніе отъ Академіи Наукъ.

*

(къ письму XLII, стр. 198).

Докторъ Дитрихсъ былъ человѣкъ замѣчательный. Онъ привезъ въ Москву изъ чужихъ краевъ больнаго Батюшкова и прожилъ въ Москвѣ около полугода. Онъ выучился порусски и прекрасно переводилъ стихи Пушкина на Нѣмецкій языкъ, хотя говорить по-русски не могъ. Переводы эти помѣщались въ «Галатеѣ».

Дитрихсъ разсказывалъ про Батюшкова, что во время переѣздовъ по Саксонской Швейцаріи красота природы производила на него чарующее вліяніе: несчастный поэтъ на нѣкоторое время успокоивался и освобождался отъ своего умственнаго недуга.

Дальнѣйшія письма Погодина къ Шевыреву появятся въ Русскомъ Архивѣ въ 1883 году. Въ томъ, что́ напечатано выше, мы опустили частныя житейскія подробности, извлекая лишь черты характерныя. Отвѣтныя письма Шевырева должны храниться въ богатомъ Погодинскомъ архивѣ, принадлежащемъ вдовѣ его. П. Б.

СВѢДѢНІЯ О КНЯЖНѢ ВАРВАРѢ ИЛЬИНИШНѢ ТУРКЕСТАНОВОЙ.

1775—1819.

Княжна В. И. Туркестанова, которая была нѣкогда украшеніемъ Русскаго двора и высшаго общества и переписка которой съ Швейцарцемъ Кристиномъ нынѣ помѣщается въ «Русскомъ Архивѣ», была Грузинскаго происхожденія. Она—внука князя Бориса, который былъ довѣреннымъ лицомъ царя Вахтанга, когда, въ 1722 году, Вахтангъ прибѣгнулъ къ покровительству своего могущественнаго сосѣда Петра I-го. Княжна Варвара Ильинишна была старшая въ своемъ семействѣ. Когда умеръ ея отецъ князь Илья Борисовичъ (1736—1788), ей было 13 лѣтъ, а по кончинѣ своей матери княгини Марьи Алексѣевны (1750—1795) она была уже 20-ти лѣтнею дѣвицею.

Изъ десяти человѣкъ дѣтей князя Ильи Борисовича достигли зрѣлаго возраста только княжна Варвара и двѣ ея сестры Екатерина (1779—1866) и Софья (1780—1846), остальныя умерли въ дѣтствѣ. Послѣдній ребенокъ былъ князь Александръ, родившійся въ годъ кончины своего отца (1788). Князь Илья Борисовичъ похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Вотъ имена лицъ, бывшихъ воспріемниками сестеръ и братьевъ княжны Варвары Ильинишны. Имена эти, выписанныя изъ метрическихъ книгъ, покажутъ, въ какомъ обществѣ жило семейство Туркестановыхъ.

1779 Олсуфьевъ, Александръ Матвѣевичъ, генералъ-маіоръ.
Романова, Прасковья Сергѣевна, вдова полковника.
1780 Бестужевъ, Николай Ивановичъ, генералъ-маіоръ.
Еропкинъ, Михаилъ Алексѣевичъ, премьеръ-маіоръ, дядя.
Олсуфьева, Наталья Адамовна.
Олсуфьева, Марья Васильевна.
1782 Голицына, княгиня Марья Адамовна.
1785 Корсакова, Екатерина Александровна, дѣвица.
1788 Олсуфьевъ, Дмитрій Адамовичъ.
Олсуфьева, Марья Адамовна.

Мать княжны Варвары Ильинишны, Марья Алексѣевна, была дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Михаиловича Еропкина и Анны Васильевны Салтыковой, сестры извѣстнаго Сергѣя Васильевича.

Въ 1759 г. Еропкины жили въ собственномъ домѣ въ Китай-городѣ, въ приходѣ Георгія, что̀ на Варваркѣ.

Прилагаю выписку изъ Архива Московской Духовной Консисторіи о составѣ этого семейства въ 1759 году:

Алексѣй Михайловичъ Еропкинъ 51 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ; жена его Анна Васильевна 47 лѣтъ; дѣти: Наталья 16, Екатерина 13, Петръ 11, Михаилъ 10, Марья 9, Софья 4, Варвара 3, Анна 2 лѣтъ. Одна изъ этихъ дочерей ,тетка В. И. Туркестановой, была за Московскимъ дворянскимъ предводителемъ Арсеньевымъ.

Окончу эти краткія свѣдѣнія о моей двоюродной теткѣ семейными преданіями:

1) Отецъ мой князь Николай Васильевичъ (1782—1866) мнѣ передавалъ въ дѣтствѣ моемъ стихи, въ которыхъ упоминался «бровистый» князь Илья Борисовичъ Туркестановъ.

2) Когда приближалось похоронное шествіе умершей княгини Марьи Алексѣевны къ Екатерининской пустыни (близъ Москвы, гдѣ она похоронена) колокола сами зазвонили, и одинъ изъ монаховъ на это замѣтилъ, что везутъ тѣло праведницы.

Князь Николай Туркестановъ.

*

Извиняемся передъ читателями въ томъ, что не имѣемъ возможности представить переписку Кристина съ княжной Туркестановой иначе, какъ въ подлинникахъ: изготовленіе Русскаго перевода превысило бы наши издательскія средства и самые размѣры нашего изданія.

Продолженіе этой переписки, имѣющей столь высокую историческую и психологическую занимательность, появится въ „Русскомъ Архивѣ“ въ 1883 г.

П. Б.

ГРАФЪ РОСТОПЧИНЪ О ВОЛЬТЕРѢ.

Въ прошломъ году, г-нъ Леузонъ-Ледюкъ издалъ въ Парижѣ, въ немногомъ числѣ оттисковъ, небольшую книжку, подъ заглавіемъ *Le Sottisier de Voltaire.* Заглавіе очевидно придумано издателемъ. Sottisier значитъ сборникъ дурачествъ. Тутъ разнаго рода замѣтки, анекдоты, выписки, острословія геніальнаго вольнодумца, по большей части относящіяся къ первому времени его дѣятельности. Рукопись этого сборника хранится въ нашемъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ, вмѣстѣ со многими другими бумагами Вольтера. Ихъ пріобрѣла Екатерина Вторая вслѣдъ за кончиною Вольтера (1778). Леузонъ-Ледюкъ, долго жившій въ Россіи учителемъ, кажется, у Демидовыхъ, и вхожій въ домъ къ покойному графу С. С. Уварову (Французскія сочиненія котораго имъ изданы), разсказываетъ, что эрмитажныя рукописи Вольтера были ему доступны только урывками и что онъ боялся ихъ списывать, такъ какъ его пугали стоявшіе у дверей солдаты съ заряженными ружьями, причемъ, разумѣется, онъ говоритъ недоброжелательно про Николая Павловича и про отвращеніе его къ памяти Екатерины. Но какъ эти отзывы, такъ и самая книжка съ безбожными до пошлости замѣтками Вольтера для насъ вовсе не новы и не занимательны, а любопытна только слѣдующая страничка графа Ростопчина, помѣщенная въ предисловіи.

Оказывается, что знаменитый графъ Ростопчинъ (вѣроятно, въ царствованіе Павла, когда ему доступны были наши архивныя тайны и когда онъ, между прочимъ, нашелъ въ бумагахъ Екатерины показаніе объ умыслѣ Московскихъ Мартинистовъ на жизнь Государыни) собственноручно переписалъ изданную нынѣ по его списку рукопись Вольтера и сопроводилъ ее такимъ неумолимымъ по его обычаю приговоромъ:

J'ai copié ce manuscrit mot à mot, et le tout dans l'ordre avec lequel c'est écrit *en entier* de la main de Voltaire. Je n'ai passé que quelques pages écrites en anglais, italien et latin, et qui ne sont que des copies ou des extraits, et quelques vers si impies et si dégoûtants que nulle plume n'oserait les copier. Dans ce manuscrit, Voltaire écrit toujours *oi* et non *ai*, et presque à chaque ligne on trouve des fautes les plus grossières contre l'orthographe, la grammaire et la phraséologie. Je suis intimement convaincu que Voltaire, livré à lui seul, n'aurait pu écrire une page bonne à imprimer; mais tout ce qu'il a écrit devait être corrigé par des secrétaires avant d' être livré à l'impression. Si quelqu'un voulait imprimer ce manuscrit, il devrait l'intituler: «Voltaire en robe de chambre». Pour lui donner du prix, il faudrait presque pour chaque ligne des notes qui relèveraient les impiétés de Voltaire, ses niaiseries, son ignorance, ses naïvetés, ses enfantillages, sa lubricité, son manque de philosophie, sa crédulité, etc. etc. Cependant le gredin avait bien de l'esprit, mais ce n'est pas ce livre qui le démontre. Les qualités les plus éminentes de Voltaire: l'impromptu, le sarcasme, le jet y manquent complétement; en un mot, si on n'avait des preuves certaines que c'est son écriture, on ne pourrait le croire. Si quelqu'un est d'un autre avis que moi, je m'en...

Oui, monsieur de Voltaire,
Pour le bonheur du genre humain,
Vous auriez mieux fait de vous taire
Et de rester tout simplement un vilain.

Переводъ. Я переписалъ эту рукопись слово въ слово, и въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ всё въ ней цѣликомъ написано рукою Вольтера. Пропустилъ я только нѣсколько страницъ на Англійскомъ, Италіанскомъ и Латинскомъ языкахъ, да и то копій или выписокъ; еще опущено мною нѣсколько стиховъ столь нечестивыхъ и столь отвратительныхъ, что никакое перо не осмѣлилось бы ихъ повторить. Въ этой рукописи Вольтеръ пишетъ постоянно *oi*, а не *ai*, и на каждой почти строкѣ встрѣчаются самыя грубыя ошибки противъ правописанія, граматики и фразеологіи. Я глубоко убѣжденъ, что Вольтеръ, предоставленный самому себѣ, не могъ бы написать ни единой страницы удобной къ печати, а что всё приходилось выправлять секретарямъ до сдачи въ типографію. Если бы кто хотѣлъ издать эту рукопись, то слѣдуетъ озаглавить ее „Вольтеръ въ халатѣ". Но для приданія цѣны изданію, нужны бы къ каждой почти строкѣ примѣчанія, указующія на нечестіе, глупость, невѣжество Вольтера, на его наивность, его дѣтскость, его сладострастіе, недостатокъ философіи, легковѣріе и проч. Однако подлецъ былъ умёнъ... Но не эта книга о томъ свидѣтельствуетъ. Первенствующія качества Вольтера:

сарказмъ, внезапность, порывъ—тутъ совершенно отсутствуютъ; однимъ словомъ, не будь вѣрныхъ доказательствъ, что это его рука, невозможно бы этому повѣрить. А если кто не раздѣляетъ моего мнѣнія, то я презираю...

Да, господинъ Вольтеръ,
Для счастія людскаго рода,
Вамъ лучше бы молчать
И въ низкой пребывать породѣ.

*

Кто-то, можетъ быть изъ Французскихъ потомковъ графа Ростопчина (дочь его Софья была за графомъ Сегюромъ) доставилъ Леузону-Ледюку эту тетрадь Вольтера, переписанную графомъ Ростопчинымъ. Она очевидно относится къ его молодости, когда онъ дѣйствительно могъ дѣлать ошибки правописанія.

Увлеченіе Вольтеромъ, столь сильное въ нашихъ предкахъ и можетъ быть болѣе искреннее у насъ, нежели въ Западной Европѣ, вызывало не менѣе сильное противодѣйствіе. Отзывъ о немъ графа Ростопчина напоминаетъ намъ про отца извѣстныхъ писателей Василія Ивановича Кирѣевскаго († 1812), человѣка очень умнаго, начитаннаго, много занимавшагося богословіемъ и въ тоже время химіей. Онъ имѣлъ обыкновеніе откладывать извѣстную, немалую сумму изъ своихъ доходовъ на истребленіе Вольтеровыхъ писаній. Осенью, проѣзжая изъ своего Долбина на зимнее житье въ Москву, отправлялся онъ во Французскія книжныя лавки (къ Аллару или Рису), закупалъ что̀ было Вольтера и потомъ въ теченіе зимы сжигалъ у себя въ печкахъ.

Любопытно однако, что графъ Ростопчинъ возымѣлъ охоту и располагалъ досугомъ, чтобы своеручно списать довольно толстую Вольтеровскую тетрадь. Конечно тутъ дѣйствовала самая запретность рукописи.

П. Б.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ О ЩАПОВѢ.

Письмо къ вліятельному лицу.

(1862).

Пишу тебѣ, любезный другъ, можно сказать съ отчаянія, потому что я, право, уже не знаю, къ кому мнѣ обращаться противъ наглости нашихъ писателей и вольности нашей цензуры; а что̀ еще будетъ, когда ее совсѣмъ уничтожатъ? Я ужъ писалъ изъ Кіева и графу Строгонову, и министру внутреннихъ дѣлъ о несвоевременныхъ выходкахъ «современнаго слова», которое повсюду старается распространить обзоръ всѣхъ конституцій и свои на нихъ либеральные взгляды. Министру я напоминалъ даже о долгѣ присяги, которая заставляетъ насъ быть вѣрными самодержавію, доколѣ стоитъ оно на Руси, и не допускать такъ безсовѣстно его колебать; но всѣ мои возгласы остались безъ отзыва и послѣдствій.

Теперь явилась новая книжка: *Земство и Расколъ* Щапова, который былъ за Казанскую исторію чуть не сосланъ въ Соловецкій монастырь, и вмѣсто того причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по уваженію къ его таланту (хотя я никакъ не могу сообразить, что̀ можетъ быть сходнаго между Соловками и министерствомъ); а куда направленъ его талантъ, мы видимъ изъ его брошюры. Еще это только первый выпускъ; если же съ рукъ сойдетъ, то каковы будутъ послѣдующіе? И всѣ молчатъ; а брошюра сія была уже напечатана отдѣльными статьями въ журналахъ.

Дѣлать изъ нея выписки нахожу излишнимъ, потому что вся она, отъ начала до конца, проникнута тѣмъ же мятежнымъ духомъ, который обнаруживается въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Сущность книги: что расколъ есть ничто иное, какъ *протестъ земства противъ правительства*, по его нестерпимымъ злоупотребленіямъ, и что слѣдственно характеръ раскола не есть религіозный, а гражданскій. Вы-

брало себѣ нѣкогда земство царя, но царь не въ силахъ былъ одолѣть всѣхъ злоупотребленій людей и чиновныхъ, и приказныхъ; а сынъ его царь Алексѣй составилъ свое Уложеніе мимо земства и сталъ править по своей волѣ, почему и прослылъ *самодержцемъ*. Отъ сего образовался расколъ въ царствѣ, и земство отпало отъ царя; отъ того и первые раскольники стали бѣгать по лѣсамъ и пустынямъ, что̀бы отыскать себѣ свободу, такъ какъ иго сіе уже становилось невыносимо. Осьмой же царь-антихристъ, т.-е. Петръ Великій, въ потокахъ крови похоронилъ старую Русь, и началась еще болѣе тяжкая эпоха при устроителѣ *новой политическо-географической, Петербургско-губернской централизаціи властей*. По выраженію автора (стр. 58), расколъ есть недовольство народное. Все горе-злосчастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ онъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласье, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живучую, неумирающую вѣковую оппозицію раскола. Это настоящій *коммунизмъ* съ безпрестанными выходками противъ бояръ и чиновниковъ, требующій уравненія во всемъ, съ частыми ссылками на раскольничьи книги, изъ которыхъ приводятся цѣлыя тирады съ народными пѣснями; однимъ словомъ, расколъ выбранъ орудіемъ, или, лучше сказать, *рычагомъ*, чтобы все поднять для какой-нибудь новой Пугачевщины. И это поняли весьма хорошо наши заграничные агитаторы, которые къ расколу обращаютъ свои воззванія, надѣясь чрезъ его посредство возмутить Россію, такъ какъ она, вопреки ихъ чаянію, осталась спокойною послѣ освобожденія крестьянъ. А между тѣмъ расколъ все болѣе и болѣе распространяется, потому что ему дѣлаютъ всякаго рода поблажки, и напрасно думаютъ, что духовенство само собою, одними пастырскими увѣщаніями, можетъ безъ содѣйствія правительственныхъ мѣръ искоренить эту язву, которая теперь дѣйствительно имѣетъ характеръ болѣе политическій, нежели духовный, такъ какъ расколъ образуетъ родъ status in statu.

Но обратимся къ цензурѣ. Я весьма понимаю, что талантливый авторъ, промѣнявшій Соловки на разгульную жизнь, пишетъ подъ веселый часъ такого рода книжки, каковы «Земство и Расколъ», получая за нихъ, отъ кого слѣдуетъ, денежную плату и стараясь такимъ образомъ возблагодарить правительство за оказанную ему милость, какъ это въ такомъ случаѣ всегда бываетъ. Я понимаю также и издателя *Кожанчикова*, который съ такою дѣтскою наивностью увѣрялъ, будто онъ, какъ человѣкъ торговый, вовсе не понимаетъ, что̀ самъ издаетъ и, разумѣется, внутренно смѣется надъ тѣми, которые ему столь же наивно вѣрятъ на слово, когда между тѣмъ онъ успѣлъ вызвать изъ мрака цѣлую раскольничью литературу. Я понимаю и цензоровъ, ко-

торые принадлежатъ большею частью къ тому же классу, изъ котораго произошли и авторы новѣйшихъ произведенiй плачевной литературы нашей, и отъ того держатъ ихъ руку и все имъ пропускаютъ, будучи сами твердо увѣрены не только въ совершенной *безнаказанности*, но даже и въ тепломъ *заступничествѣ* ближайшаго и высшаго своего начальства: потому что еслибы хотя одинъ изъ нихъ, при первомъ своемъ умышленномъ промахѣ, вмѣсто родительскихъ увѣщанiй немедленно лишился-бы *мѣста,* а чрезъ то и *насущнаго хлѣба,* то всѣ прочiе тотчасъ-бы отрезвились.

Но если можно чему дивиться, такъ это равнодушiю тѣхъ, на чьей отвѣтственности лежитъ наблюденiе за высшей цензурой, въ особенности министра просвѣщенiя: ибо это его прямая обязанность, хотя онъ, для большей прочности своего мѣста, хитро подѣлился сею отвѣтственностью съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; а тотъ добродушно принялъ, вѣроятно по тому убѣжденiю, что, при множествѣ и разнообразiи ввѣренныхъ ему частей управленiя, будетъ ли одною больше, или одною меньше— все равно! Но если главный надзоръ за цензурою и строгая за нее отвѣтственность не будутъ лежать на одномъ лицѣ, то всегда будутъ тѣже несчастныя послѣдствiя. Это вовсе не дѣло министра внутреннихъ дѣлъ, но собственно министра просвѣщенiя. А теперь, какъ слышно, есть еще новое предположенiе вовсе уничтожить *предварительную* цензуру, оставивъ только *карательную,* т.-е. правительство хочетъ само у себя отнять возможность предупреждать зло и прямо вручаетъ факелъ въ руки зажигателей. Позволятъ ли однако чумному заразить цѣлое селенiе, и что̀ пользы, если его запрутъ, когда уже распространится болѣзнь? Не тоже ли и здѣсь? Когда богохульная или возмутительная книга будетъ переходить изъ рукъ въ руки и заражать общество, какая польза въ томъ, что станутъ судить автора, достигшаго своей адской цѣли? Не лучше ли предупредить зло въ началѣ, вмѣсто того, чтобы карать безъ пользы въ послѣдствiи?

Изумительно также равнодушiе нашихъ верховныхъ сановниковъ не только къ сему дѣлу, но и вообще къ либеральному или, лучше сказать, возмутительному направленiю умовъ, котораго они хотя сами и не раздѣляютъ, но однако потворствуютъ ему вполнѣ своимъ равнодушiемъ. Невольно вспомнишь острое слово покойнаго Алексѣя Петровича Ермолова, при учрежденiи корпуса жандармовъ: «Теперь», говорилъ онъ, «у каждаго или голубой мундиръ, или голубая подкладка, или хотя голубая заплатка». Не тоже ли и теперь можно сказать, съ перемѣною только голубаго цвѣта на красный? Иной улыбается, другой пожимаетъ плечами, всѣ *чего-то* боятся, а чего—сами не знаютъ, потому что паническiй безотчетный страхъ овладѣлъ всѣми. Разгулъ

небольшой шайки развратныхъ пролетаріевъ или исключенныхъ поповичей представляется имъ какъ будто голосомъ всего народа, и этой шайкѣ позволяютъ бушевать по произволу. Изъ недостойныхъ видовъ популярности, они прислушиваются къ тому, что̀ скажетъ о нихъ Европа, и не хотятъ слышать того, что̀ вопіетъ въ ихъ слухъ Россія; а между тѣмъ зло усиливается отъ такаго малодушія, которое походитъ, можно сказать, на какую-то водобоязнь.

Но не отъ умышленнаго ли разврата писателей XVIII вѣка, безнаказанно возстававшихъ на церковь и на правительство, при совершенной распущенности нравовъ, которая теперь доускается и у насъ, возникла Французская революція? Не тоже ли повторяется въ Россіи, съ такою лишь разницею, что приготовлявшееся тогда десятками лѣтъ, теперь, съ уничтоженіемъ времени и пространства, совершится быстро; да сверхъ того у насъ еще есть мятежная Польша! Когда вспыхнулъ въ Духовъ день предъ нашими глазами Петербургъ, то всѣ на минуту встрепенулись, потому что каждаго задѣло за живое, а потомъ опять всѣ заснули. Но какъ вспыхнетъ со всѣхъ концовъ наша матушка Россія, и явится раскольничья Пугачевщина, что̀ тогда сдѣлать? Отъ искры можетъ вспыхнуть пламя, а его здѣсь разносятъ безнаказано цѣлыми головнями!

Извини, любезный другъ, что, отъ избытка огорченнаго сердца, я тебѣ такъ пространно высказалъ то, что̀ у меня было на душѣ. Прими это письмо, какъ выраженіе той увѣренности и того уваженія, какое я къ тебѣ питаю за твою истинно-патріотическую ревность къ общему дѣлу, когда уже у многихъ опустились руки.

1862.
Декабрь
С.-Петербургъ.

Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ, сынъ сельскаго дьячка Иркутской губерніи, по матери Бурятъ или Тунгузъ, а со стороны отца происходившій изъ старообрядцевъ, воспитанникъ Иркутской семинаріи и Казанской академіи, потомъ профессоръ Казанской академіи и университета, род. въ 1830 г., умеръ въ 1876 г. Это былъ человѣкъ необыкновеннаго трудолюбія и дарованій. Суровая житейская обстановка была главною причиною отрицательнаго направленія въ его дѣятельности. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЕ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Андрею Николаевичу Муравьеву.

Кіевъ, 7-го Августа 1869.

Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва
Воздушный, свѣтозарный храмъ
Уходитъ выспрь—очамъ на диво—
Какъ бы парящій къ небесамъ;
Гдѣ первозваннаго Андрея
Еще по днесь сіяетъ крестъ—
Не небѣ Кіевскомъ бѣлѣя,
Святый блюститель здѣшнихъ мѣстъ;

У ногъ его, свою обитель
Его покровомъ осѣня,
Живешь ты въ ней—не праздный житель
На склонѣ трудоваго дня.
И кто бы могъ, безъ умиленья,
И нынѣ не почтить въ тебѣ
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую въ борьбѣ?

Да, много, много испытаній
Ты перенесъ и одолѣлъ!
Живи жъ, не въ суетномъ сознаньи
Тобой свершенныхъ добрыхъ дѣлъ;
Живи и бодрствуй—для примѣра,
Намъ заявляющаго вновь,
Что̀ можетъ дѣйственная вѣра,
И непреклонная любовь.

Ѳ. Тютчевъ.

(Сообщено Владиміромъ Сергѣевичемъ Муравьевымъ).

ИЗЪ БУМАГЪ АДМИРАЛА М. П. ЛАЗАРЕВА.

Три письма Русскаго моряка изъ Англіи въ Россію.

1.

26 Ноября 8 Декабря, 1850, Лондонъ.

Касательно осмотра здѣшнихъ королевскихъ адмиралтействъ и всего для насъ полезнаго встрѣчаются немалыя затрудненія. Въ Англіи, по принятому обычаю, рекомендательныя письма необходимы; имѣя ихъ отъ такого лица какъ посланникъ, конечно можно видѣть все безпрепятственно, но г-нъ Бруновъ, кажется, думаетъ, что единственная цѣль нашихъ поѣздокъ—заказъ судовъ, и я рѣшаюсь почтительнѣйше просить ваше высокопревосходительство принять во вниманіе совершенно изолированное положеніе наше въ Англіи. Повѣрка чертежей мачтоваго искусства, переданныхъ мною по вашему приказанію Коршакову, требуетъ долговременнаго пребыванія въ Порсмутскомъ или Чатамскомъ адмиралтействахъ, а даваемыя изъ Sommercet-House позволенія годны только на одинъ разъ. Рекомендательное письмо Брунова къ port-admiral или superitendant'у устранили бы всѣ затрудненія, и я просилъ его снабдить имъ Коршакова; но министръ отговаривается холодностію, существующею въ настоящее время между правительствами. Безъ сомнѣнія нѣсколько словъ отъ вашего высокопревосходительства принудятъ его горячѣе приняться за дѣло это, столь важное для нашего флота.

Я проѣзжалъ Германію во время общаго броженія. Споръ Пруссіи съ Австріею касательно первенства на сеймѣ и вмѣшательства въ дѣла Касселя и Герцогствъ, настроилъ всѣ умы къ воинственной развязкѣ, а безпрерывное движеніе войскъ по различнымъ направленіямъ еще болѣе убѣждало публику въ основательности ея ожиданій. Пруссія поднялась мгновенно по призыву короля; я былъ въ Берлинѣ въ день открытія палатъ и видѣлъ восторгъ, возбужденный несовсѣмъ мир-

ною рѣчью Фридриха, подъ часъ подверженнаго припадкамъ искусственной храбрости. Патріотическія пѣсни раздаются отъ Вислы до Рейна, 300000 милиціи призваны подъ ружье, и если все кончится мировою, какъ кажется должно ожидать, то Прусскому правительству не легко будетъ разоружить такую массу, оторванную отъ семействъ и дневныхъ работъ. Неосторожный намекъ въ тронной рѣчи на притязанія Австріи воспламенилъ мгновенно все народонаселеніе Пруссіи, и теперь, когда правительство начинаетъ уступать этимъ притязаніямъ вслѣдствіе вліянія Европейскихъ кабинетовъ, трудно будетъ уложить народныя волны въ прежнее тихое лоно. Я поторопился въ Лондонъ, гдѣ все идетъ обычнымъ чередомъ. Wiseman, пустымъ титуломъ архіепископа Вестминстерскаго, нарушилъ нѣсколько обыкновенный порядокъ, за что платитъ теперь собственною особою, что̀ мнѣ случается часто видѣть изъ окна, дающаго прямо на домъ кардинала. Третьяго дня въ Гринвичѣ вздумали жечь его чучелу; но полиція, допускавшая плакарды, карикатуры и надписи, поняла, что auto-da-fé можетъ слишкомъ озлобить народъ противъ папскаго легата и вмѣшалась въ дѣло съ своими магическими жезлами. Сборище разошлось съ криками down the popery! God save the Queen!—и все кончилось мирно.

2.

Лондонъ, 14 (26) Декабря 1850.

Англія совершенно погружена въ спекуляціи о предстоящей выставкѣ, болѣе и болѣе оживляющіяся быстрымъ, ежедневнымъ, можно сказать, ростомъ громаднаго стекольчатаго зданія, предназначеннаго для этой гигантской мирной цѣли. Въ ожиданіи изданія подробныхъ плановъ и описаній, постараюсь въ немногихъ словахъ представить вашему высокопревосходительству очеркъ воздвигаемаго въ Hyde-Park'ѣ хрустальнаго дворца, какъ называютъ его Англичане. Передъ нимъ тонутъ въ ничтожествѣ дворцы Семирамиды и храмы Соломона, если даже вѣрить описаніямъ явно составленнымъ на сомнительныхъ данныхъ изустныхъ преданій. 11-го Іюня нѣкто Paxton явился въ комитетъ выставки, уже готовившейся приступить къ постройкѣ зданія по планамъ знаменитаго Brunell'я, просилъ позволенія изложить свою мысль и кратко выразилъ ее, начавши словами: «I am not a speaker, in the common acceptation of the term, Iam rather a man of action than words» *). Благородный Brunell тотчасъ же взялъ сторону соперника.

*) Я не ораторъ въ обыкновенномъ употребленіи этого слова; я скорѣе человѣкъ дѣйствія, нежели словъ.

15-го Іюня Paxton принесъ на прозрачной бумагѣ всѣ детальные чертежи предполагаемаго зданія. Комитетъ утвердилъ ихъ, но прибавилъ обременительныя условія. Затрудненія, которыя можетъ побороть умъ, здѣсь устранить легко; гораздо труднѣе преодолѣть силу привычки. Многіе постоянные посѣтители парка привыкли гулять именно въ той части, которая занималась зданіемъ, и настоящее поколѣніе смотрѣло на уничтоженіе вѣковыхъ деревьевъ, укрывавшихъ дѣдовъ отъ лучей солнца, какъ на святотатство. Отсюда пренія въ палатахъ и полемика въ журналахъ, извѣстныя уже вашему высокопревосходительству. Paxton не задумался ни минуты, тотчасъ измѣнилъ планъ, прибавя на срединѣ сводъ для деревьевъ—и публика успокоилась.

Осталось другое условіе. Нашелся человѣкъ, который обязался взять на себя постройку зданія, начать его не прежде когда нужно для окончанія къ данному сроку и потомъ, послѣ выставки, тотчасъ разобрать и покрыть по прежнему все щебнемъ и дерномъ. Внимательный взглядъ на Fox'а тотчасъ убѣждаетъ въ его способностяхъ; трудно представить себѣ болѣе рѣзкое выраженіе предпріимчивости, рѣшительности и совершенной увѣренности. Въ Августѣ Hyde-Park огласили первыми звуками молота, и теперь наружность зданія кончена. Всколыхавшаяся публика съ удивленіемъ смотритъ на поднявшійся волшебный замокъ и очень довольна, что любимыя деревья защищены стеклами отъ вліянія зимнихъ непогодъ. Чтобы составить себѣ довольно точное понятіе о зданіи, нужно вообразить три прямоугольные параллелопипеда, поставленные одинъ на другой; изъ нихъ верхній уже средняго, а этотъ нѣсколько уже нижняго. Высота перваго этажа 24 ф., втораго 44, третьяго 64; длина зданія 308 саженъ, ширина 76. По срединѣ куполъ, или лучше сводъ, высотою въ 108 футъ; въ немъ заключены деревья, за которыя такъ стояли жители. Въ постройку входитъ только чугунъ, желѣзо и стекло, отъ чего зданіе имѣетъ необыкновенно легкій видъ и дѣйствительно можетъ быть сравнено съ стекляннымъ колпакомъ. 3300 колоннъ, 2224 балки и 1128 раскосинъ и супортёровъ, на огромной поверхности 900000 квадратныхъ футъ стекла, кажутся тонкою паутиною и, не смотря на зданіе, котораго вмѣстительность 33000000 кубическихъ футъ, невольно дрожишь за него, думая, что каждый проходящій школьникъ, ударомъ камня, разсыпетъ громаду въ дребезги: такъ она воздушна. Но всего занимательнѣе смотрѣть на производство работъ. Не говоря уже о кранахъ для подъема колоннъ на мѣсто, пильныхъ машинахъ и т. п., внутри зданія положены по всѣмъ направленіямъ рельсы и по нимъ, на тросахъ, бѣгаютъ вагоны съ тяжестями, инструментами и рабочими, приводимые въ движеніе паровыми машинами, установленными въ раз-

ныхъ углахъ зданія. При всей этой суматохѣ до сихъ поръ не одного несчастнаго случая, и при мнѣ, по крайней мѣрѣ, не разбили ни одного стекла. Можно имѣть приблизительное понятіе о поверхности крыши, зная, что для стока воды понадобилось 51 верста трубъ. Все зданіе состоитъ изъ рамъ; на нихъ натянуты тенты изъ тонкаго полотна, которые предохранятъ отъ града, защитятъ зрителей отъ лучей солнца и устранятъ вредное вліяніе отблесковъ ихъ отъ стекла на разныя цвѣтныя вещи внутри зданія. Подъ этотъ хрупкій покровъ Англія приглашаетъ на чудовищный meeting весь подлунный міръ и такъ убѣждена въ своей нравственности, такъ твердо стоитъ на должномъ пути истиннаго просвѣщенія, что до сихъ поръ никто не сказалъ слова о прибавкѣ полиціи, хотя разсчитываютъ на 500000 иноземныхъ посѣтителей; заботятся только о томъ, чтобъ не внесли болѣзней, стекаясь съ разныхъ краевъ свѣта. Такая мысль и такое зданіе естественно вытѣсняютъ всякую наклонность заниматься политикою и вмѣшиваться въ волненія Европы. Всѣ заняты исключительно выставкою и еслибъ не Wiseman съ своимъ титуломъ, Лондонъ былъ бы безвыходно въ Hyde-Park'ѣ; но папа задѣлъ Англичанъ за живое, и до сихъ подъ еще ежедневно отправляются процессіи съ вѣрно-подданическими адресами королевѣ. Наши дамы считаютъ ее за счастливѣйшую смертную, но еслибъ онѣ могли видѣть процессію Оксфордскихъ fellows и муниципалитета, отправившуюся на прошлой недѣлѣ, подъ предводительствомъ Веллингтона и лорда-мера, то вѣроятно пожалѣли бы о молодой женщинѣ, которая лишена даже удовольствія смѣяться при такомъ зрѣлищѣ. The iron duke, въ мантіи Оксфордскаго канцлера съ огромнымъ парикомъ и шляпою à la Franconi, чинно двигался къ закоптѣлому С-тъ Джемскому дворцу съ безконечною коллекціею набранною, казалось, въ зоологическомъ саду, и несчастная повелительница 120000000 подданныхъ должна съ торжественною важностію принимать почтенныхъ сановниковъ, нарядившихся комическими шутами, удерживаясь отъ весьма естественной улыбки. Впрочемъ, возникшее на дняхъ судное дѣло отвлекло публику отъ Wiseman'а и дало ему возможность вздохнуть свободнѣе. Въ филантропической Англіи, гдѣ такъ заботятся о мягкомъ обращеніи съ животными, нашлись люди, обратившіе на себя вниманіе неслыханнымъ варварствомъ къ себѣ подобнымъ. Нѣсколько дней назадъ, въ Guildhall'ѣ, я былъ при допросѣ подсудимаго m-r Sloane, и слышалъ ужасы, отъ которыхъ не только становятся дыбомъ волосы, но стынутъ чернила; и, что всего удивительнѣе женщина, m-rs Sloane, далеко превзошла мужчину въ безчеловѣчіи. Несчастная жертва ихъ лютости, дѣвушка 17 лѣтъ, Jane Wilbred, сидѣла подлѣ альдермана и казалась призракомъ

Почтенный альдерманъ открылъ засѣданіе, увѣдомивши судей, что бѣдная страдалица, къ удовольствію его, вѣситъ семью фунтами болѣе, нежели въ первое засѣданіе; тогда же Jane Wilbred, отъ звѣрскаго съ нею обращенія хозяевъ, вѣсила всего 43 фунта! Начали отборъ показаній и личныя ставки; открылась истина, передъ которою блѣднѣютъ всѣ ужасы Парижскихъ Тайнъ и Вѣчнаго Жида. Удерживаемая законами, публика выражала негодованіе судорожными движеніями, потрясавшими древнее судилище, и, по выходѣ на улицу, Sloane былъ бы непремѣнно разорванъ, еслибъ ловкій полицейскій не напомнилъ толпѣ, что виновный подвергнется болѣе страшному мщенію закона. Общество принимаетъ въ дѣлѣ самое живое участіе, и фунты сыплются на жалкую Jane Wilbred въ изобиліи; ясно, что Лондонъ стыдится обнаружившейся истины и старается доказать, что между жителями его Sloane исключеніе.

3.

Лондонъ, 24 Февраля 1850.

Вмѣстѣ съ книгами прилагаю для Екатерины Тимофѣевны планъ Французскаго національнаго собранія, по которому можно судить, откуда выходятъ краснорѣчивыя разглагольствованія, повторяемыя иногда и въ нашихъ газетахъ. На правой сторонѣ бонапартисты, легитимисты и орлеанисты, центръ хочетъ править вдругъ на всѣ румбы, а на лѣвой сторонѣ, исключая Кавеньяка, Ламорисьера и немногихъ другихъ, увлекающихся республиканизмомъ подъ вліяніемъ разсудка и правилъ чести, засѣдаютъ истые демагоги называемые *красными*, но въ самомъ дѣлѣ черные или лучше грязные. Безпокойное море собранія часто колышется шквалами снисходящими съ этой уродливой горы, и тогда воспламененные ораторы ея, съ нечесанными гривами и немытыми физіономіями, представляютъ самое отвратительное изображеніе отчаянныхъ enfants de peuple. Мнѣ случилось быть въ Парижѣ въ довольно занимательный періодъ, именно во время смѣны Шангарнье и споровъ по поводу арестованія за долги депутата Maugain. Изъ краткаго описанія засѣданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, ваше высокопревосходительство заключите о новомъ средствѣ управлять краемъ, придуманномъ Французскими законодателями. Испробовавъ всѣ возможныя методы, они, кажется, думаютъ, что для спокойствія народа нужно, чтобъ власти были въ вѣчной борьбѣ. Шангарнье, при всѣхъ его достоинствахъ, принялъ важность человѣка, увѣреннаго въ своей необходимости, и, склоняясь попеременно на сторону

президента или собранія, смотря по тому, кого изъ нихъ желалъ унизить, сталъ наконецъ невыносимъ. Президентъ рѣшился смѣнить его, и какъ бывшіе министры не посмѣли контрасигнировать приказа объ отставкѣ генерала, Лудовикъ назначилъ новыхъ, согласившихся съ его желаніемъ. Вопросъ чистой дисциплины превратили въ политическій. Собраніе приняло поступокъ президента за личную обиду, и, желая отмстить ему, рѣшилось выказать свое неудовольствіе изъявленіемъ недовѣрія къ дѣйствіямъ вновь назначенныхъ министровъ и благодарности смѣненному генералу. Но здѣсь предстояло затрудненіе въ наборѣ нужнаго числа голосовъ. Гора, всегда готовая низвергнуть власть, охотно ухватилась за случай; но Шангарнье держалъ ее въ покорности 100000-ною арміею и чествовалъ пофельдфебельски. Соглашаясь съ радостію на изъявленіе недовѣрія къ правительству, красные дали свои голоса съ тѣмъ, чтобъ о ненавистномъ Шангарнье не было и помину. Произошла постыдная сдѣлка, доказавшая, что въ собраніи нѣтъ Французовъ, а какіе-то себялюбцы, одаренные къ несчастію способностію говорить на самомъ обработанномъ діалектѣ міра. Правая сторона, отложивъ въ сторону честь, рыцарскія понятія и самый разсудокъ, пустила фаворита на дно и протянула дружески руку всему, что̀ есть недостойнаго въ человѣчествѣ. Самолюбіе перетасовало всѣ партіи, и изъ хаоса безумія и безчестія вышелъ знаменитый приговоръ только-что созданнымъ министрамъ. Собраніе объявило просто, не высказавши причины, что новый кабинетъ не пользуется его довѣріемъ. Результатъ балотировки произвелъ неистовый шумъ: орлеанисты и легитимисты громко радовались, потряся единственную власть, мѣшавшую ихъ кандидатамъ; гора гремѣла буйнымъ восторгомъ, добившись безпорядка и, какъ она полагала, безначалія; бонапартисты, понеся пораженіе, ворчали въ унынія, раскинувшись на скамейкахъ изъ презрѣнія къ товарищамъ, а хитрый Тьеръ, съ сатанинскою самодовольною улыбкою, окидывалъ взоромъ жертвы своей ловкости, любуясь результатомъ кабалы имъ составленной и окрещенной пристойнымъ названіемъ парламентскаго союза (coalition parlementaire). Тщетно Dupin звонилъ въ колоколъ, приглашая къ молчанію: какой-то вихрь поднялъ легкомысленныхъ законодателей и кружилъ ихъ въ предѣлахъ обширной залы. Наконецъ кто-то закричалъ громовымъ голосомъ: «Нація платитъ намъ ежедневно по 25 франковъ, чтобъ заниматься дѣлами, а не разсказами»! Мало-по-малу стало тише, и съ скамейки министровъ, справедливо называемой *скамьею скорби* (banc des douleurs) мѣрными шагами приблизился къ каѳедрѣ Barroche, глава несчастныхъ страдальцевъ. Переговоря съ президентомъ, онъ быстро вознесся на

каѳедру и какъ новый Юпитеръ приготовился метать громы, выжидая молчанія съ нѣмымъ достоинствомъ. Осѣненный важнымъ презрѣніемъ къ противникамъ, которое можетъ выражать только человѣкъ воспитанный и прямодушный, Barroche принялъ такой величественный видъ, что въ галлереяхъ дамы, скоро схватывающія все высокое и прекрасное, заглушили говоръ депутатовъ рукоплесканіями. Все утихло, и ораторъ, столько же извѣстный даромъ слова сколько откровенностію и силою характера, прочиталъ бездушному собранію горькій урокъ. По словамъ его, министерство существовало всего три дня и успѣло подписать только отставку Шангарнье, слѣдовательно собраніе изъявило недовѣріе министрамъ единственно за смѣну генерала, но не смѣло сознаться въ этомъ. Утвердивши невинность министровъ, Barroche ясно развернулъ весь процессъ парламентскаго заговора, высказалъ правой сторонѣ, что она вела себя безчестно, промѣнявши пользу націи на удовлетвореніе личности; лѣвой, что она была игралищемъ противной партіи, добивавшейся ея содѣйствія только на этотъ случай, а всѣмъ вообще, что они поступили противъ здраваго смысла, обвинивши людей, которые еще не начали дѣйствовать. Сознаніе собственной невинности и неоспоримая виновность жалкихъ противниковъ придавали Barroche'у необыкновенную энергію, и lord Normandy, по выходѣ изъ собранія, сдѣлалъ эксцентрическое сравненіе, свойственное Англичанину: «c'était un torreau dans un magasin de porcelaine». Такъ рѣшился вопросъ, отъ котораго зависила участь Франціи.—Арестованіе Maugain за долги вызвало на сцену красныхъ ораторовъ. Защищая товарища, они говорили въ собственную пользу. Каждый изъ нихъ подлежитъ болѣе или менѣе тюремному заключенію, и умѣренная партія, не нуждаясь болѣе въ помощи горцевъ, осыпала ихъ насмѣшками. Какой-то соціалистъ, не имѣющій обыкновенія платить долговъ, настаивалъ на неприкосновенность депутатовъ. «Какъ», говорилъ онъ, «насъ хватаютъ за воротъ по выходѣ изъ этого собранія, и отводятъ въ тюрьму за нѣсколько су, тогда какъ мы жертвуемъ отечеству всѣмъ состояніемъ?—«У васъ его нѣтъ!» отвѣчаетъ правая сторона. Другой, имѣя тюрьму Clichy въ перспективѣ, метаясь на каѳедрѣ, стучалъ кулакомъ по периламъ и безпрестанно пилъ сахарную воду. Heckeren (противникъ Пушкина) не вынесъ приторныхъ выходокъ оратора. «Г. Шельшеръ кривляется какъ капельмейстеръ, будто дирижируетъ оркестромъ»!—и все собраніе разразилось громкимъ хохотомъ. Потерявши пять дней на войну съ президентомъ и съ юридическою властію, депутаты, испугавшись народнаго ропота выраженнаго журналами, принялись за дѣло и въ одно засѣданіе утвердили 13 новыхъ законовъ. Это объяснило мнѣ, почему въ библіотекѣ Британскаго Музея законода-

тельство всѣхъ Европейскихъ народовъ занимаетъ четыре полки, а одной Франціи—цѣлую комнату. Но даже рѣшившись приняться за дѣло, Французы не могутъ быть серьозными. Готовились судить о вновь предложенномъ законѣ о Парижскихъ бойняхъ. Съ трудомъ добившись молчанія, Dupin объявилъ, что г. Le Boeuf будетъ возражать на предложенныя постановленія. «Г. Le Boeuf! ему очень кстати разсуждать о рогатой скотинѣ»!—и ораторъ, понявши, что въ этомъ случаѣ всего лучше отшутиться, началъ такъ: «Господа! вы ошибаетесь; вовсе не личная причина заставила меня взойти на каѳедру».

Такимъ образомъ ведутся государственныя дѣла избранными великаго народа. Польза края, честь и благоразуміе—пустыя слова; все жертвуется для удовлетворенія тщеславія. Видя, что мудрое хладнокровіе президента отклонило схватку, которой они добивались, депутаты теперь отняли у него средство собирать у себя пріятное общество, урѣзавши 1500000 франковъ содержанія, точно какъ въ корпусѣ прячутъ мѣлъ и губку, чтобъ учитель не могъ читать лекціи. Народъ однакожъ спокоенъ, потому что уличная война ему надоѣла, или по другой простой, но весьма сильной причинѣ: правительство уничтожило мостовыя, превращавшіяся съ такою легкостію въ твердые оплоты мятежа, и замѣнило ихъ шоссе, разведя грязь, въ которой соединенныя движенія массъ невозможны.

Французы играютъ въ республику, если можно такъ выразиться; но монархическая власть также врядъ ли возможна. Стоитъ только взглянуть на разбитыя зеркальныя двери Тюльери, на изорванные въ лохмотья гобелены, украшавшіе частный залъ вѣнценоснаго семьянина, на истерзанную мебель, вышитую царскими руками и на мозаиковые столы навсегда обезображенные виномъ пировавшей черни, чтобъ убѣдиться въ неуваженіи народа къ державной власти. Никакая сила воли, никакія способности доступныя смертному, не въ состояніи очистить столько разъ опозоренный тронъ и окружить его на долго сіяніемъ величія. Въ настоящее время Парижъ кажется крѣпостью, особенно послѣ Лондона, гдѣ солдатъ такъ же рѣдокъ какъ ясный день; но нельзя не сознаться, что теперь даже, послѣ гибельнаго нашествія вандализма и невѣжества, есть великолѣпныя доказательства образованности народа. Архитектурою публичныхъ зданій Парижъ далеко оставляетъ за собою прочія столицы Европы, и многіе величественные памятники напоминаютъ о славѣ, встрѣчаемой рѣдко въ исторіи другихъ государствъ. Общій видъ безпечнаго города особенно пріятенъ человѣку неизбалованному пріятными ощущеніями. Видимо все торопится жить и хочетъ веселиться, во что бы ни стало. Кровавыя революціи рушатъ все знатное и пышное, устилаютъ улицы трупами, облекаютъ весь городъ въ трауръ,

и лишь только кончился пиръ смерти и опустошенія, весь Парижъ вновь на бульварахъ и Елисейскихъ поляхъ, разодѣтый будто на торжественную церемонію: все дышетъ весельемъ и любезно до невозможности. На балахъ, въ самыхъ мирныхъ позахъ, танцуютъ тѣ, которые наканунѣ сходились на баррикадахъ съ орудіями смерти, и въ театрахъ остряки-актеры выставляютъ смѣшнымъ за что вчера еще ихъ же слушатели щедро лили кровь.

Поразителенъ контрастъ между народами. Выѣхавши 2-го Февраля изъ Парижа, я былъ 4-го въ Лондонѣ при открытіи парламента и могъ вывести довольно безошибочное сравненіе подъ свѣжимъ вліяніемъ только что оставленныхъ сценъ шумнаго собранія. Новый домъ парламента представляетъ огромную массу твердаго темнаго камня, щедро украшенную рѣзьбою, и палата лордовъ, въ которой происходило открытіе, отдѣлана рѣзнымъ дубомъ съ позолотою. Перы, въ малиновыхъ тогахъ, накинутыхъ сверхъ пальто и jackets (церемонія происходила утромъ), собрались въ 12 часовъ, сопровождаемые семействами. Въ ожиданіи намека съ трона на послѣдній поступокъ папы, весь аристократическій прекрасный полъ присутствовалъ при открытіи. Для иностранца, не привыкшаго къ формамъ Англійскаго правительства, всего страннѣе видѣть въ высшемъ государственномъ собраніи столько молодыхъ людей, едва освободившихся отъ вліянія гувернеровъ. Сначала кажется, что при такихъ юныхъ Ликургахъ и Солонахъ дѣла должны идти плохо; но, видя въ тоже время множество старцевъ съ капиталомъ почти вѣковой опытности, скоро убѣждаешься, что въ механизмѣ правленія существуютъ силы, уничтожающія взаимные недостатки: старость удерживаетъ опрометчивые порывы молодости, а эта, въ свою очередь, придаетъ болѣе рѣшимости и энергіи дѣйствіямъ патріарховъ. Громъ пушекъ извѣстилъ о приближеніи скромной владычицы седьмой части вселенной, и черезъ нѣсколько минутъ явилась царица океана. Съ обычною догадливостію, скоро указывающую женщинѣ позу, которая идетъ къ ней болѣе, коротенькая Викторія бросилась довольно быстро въ тронныя кресла и велѣла позвать депутатовъ. Взоры всѣхъ сосредоточились на повелительницѣ, и въ залѣ царствовало такое молчаніе, что шорохъ шлейфа и бряцанье бриллiантовъ, при малѣйшихъ тѣлодвиженіяхъ королевы, ясно раздавались подъ сводами. Изрѣдка только нарушалась тишина хриплымъ кашлемъ престарѣлаго герцога, стоявшаго съ государственнымъ мечемъ по лѣвую руку. Опора престола такъ ослабѣла подъ бременемъ фельдмаршальскаго мундира и герцогской мантіи, что опиралась на него въ видимомъ изнеможеніи. Глухой шумъ предувѣдомилъ о прибытіи депутатовъ, ворвавшихся въ залу плебеянами и нарушив-

шихъ нѣсколько торжественность случая. Набѣжавшая волна отхлынула отъ рѣшетки и тотчасъ замерла въ коридорѣ соединяющемъ палаты. Королева приняла рѣчь отъ канцлера, чистымъ внятнымъ голосомъ поздравила подданныхъ съ общимъ миромъ, предложила улучшенія во внутреннемъ управленіи и, весьма легко коснувшись притязаній папы, выразила рѣшимость противиться всѣмъ попыткамъ противнымъ ея правамъ и власти, сдѣлавши на послѣднія слова значительное удареніе. Черезъ четверть часа зала опустѣла и, выйдя на улицу, я услышалъ громкіе крики: десятки тысячъ народа привѣтствовали маститаго героя Ватерлоо, возвращавшагося домой верхомъ въ охотничьей курткѣ въ сопровожденіи грума. Ретивый конь прыгалъ, востря уши при каждомъ восклицаніи, и дряхлый герцогъ, за минуту передъ не могшій стоять безъ подпоры, невольно джигитировалъ передъ толпою.—Уже двѣ недѣли какъ начались засѣданія. Журналы заблаговременно столько писали противъ таксы на окна, что всѣ ожидали совершеннаго ея отмѣненія, но министры думали занять публику папскимъ вопросомъ и выставкою. Въ самомъ дѣлѣ, народъ казался погруженнымъ въ спекуляціи и удовлетвореннымъ въ своемъ желаніи тѣмъ, что правительство дозволило выстроить безпошлинно огромное зданіе изъ стекольчатыхъ рамъ. Но противники не дремали. Джентльмены оппозиціи, подъ вліяніемъ впечатлѣній недавней охоты, преслѣдовали усердно на парламентскихъ поляхъ Russel'я и его сподвижниковъ, и когда вчера, въ надеждѣ на общее усыпленіе, министры предложили, вмѣсто ожиданнаго уничтоженія таксы на окна, замѣнить ее нѣсколько меньшею таксою на дома, къ оппозиціи примкнуло столько новыхъ приверженцевъ, что сегодня на всѣхъ углахъ прибито объявленіе объ удаленіи министровъ.

И такъ въ теченіи мѣсяца мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ паденія кабинетовъ на обѣихъ сторонахъ канала. Разность только въ томъ, что во Франціи кризисъ былъ шуменъ, и борьбу начали самые охранители власти, а здѣсь отставка министровъ кажется дѣломъ обыкновеннымъ, и революція совершена публикою.

Въ хрустальный дворецъ теперь болѣе не пускаютъ, потому что началась разстановка присылаемыхъ издѣлій. Россія, такъ широко раскинувшаяся по земному шару, занимаетъ не весьма почетный уголокъ въ чертогахъ искусства и промышленности: ей отведено менѣе мѣста, нежели кому-либо. За то соотечественники наши во множествѣ собираются дивиться зрѣлищемъ и уже заказываютъ квартиры.

Здѣсь я покорнѣйше попрошу ваше высокопревосходительство простить мнѣ слѣдующія разсужденія; онѣ раждаются отъ желанія видѣть васъ здоровымъ и способнымъ приносить пользу нашей Россіи

многія и многія лѣта, а также отъ безграничной привязанности къ вашему семейству, которое не можетъ быть счастливо, если преждевременная слабость овладѣетъ вами. Совѣты медиковъ, васъ не видящихъ, конечно могутъ навести пользующихъ васъ на мысль, которая не приходитъ имъ въ голову, но всего лучше быть въ центрѣ сообщеній и учености. Здоровье вашего высокопревосходительства требуетъ временнаго спокойствія и развлеченія, и еслибъ Провидѣніе внушило вамъ благую рѣшимость оторваться отъ трудовъ, то вѣроятно нигдѣ вы не поправились бы такъ скоро, какъ въ странѣ богатой воспоминаніями вашей молодости и любимымъ вашимъ элементомъ. Лисянскій сообщаетъ вамъ мнѣніе Brodie, а изъ Гаги я пришлю отзывъ извѣстныхъ тамошнихъ врачей. Дай Богъ, чтобъ въ нихъ явилась святая мысль; но на мѣстѣ все таки несравненно вѣрнѣе и удобнѣе: Парижъ, Брюссель и вся Германія здѣсь подъ рукою, и черезъ нѣсколько часовъ можно имѣть всѣ пособія; да врядъ ли вы будете и нуждаться въ нихъ, развлекаясь любимыми сценами. Изъ Вѣны можно пріѣхать въ Лондонъ на третій день самымъ спокойнымъ образомъ; что же касается до квартиры, то мы будемъ очень счастливы, если вамъ угодно будетъ занять теперешнюю нашу, нанятую до Сентября мѣсяца въ ожиданіи, что цѣны возвысятся. Я не смѣлъ бы дѣлать вамъ подобнаго предложенія въ другое время, но при предстоящей суматохѣ врядъ ли кто изъ пріѣзжихъ будетъ помѣщенъ спокойнѣе. Наша квартира въ Golden-Square, мѣстѣ очень центральномъ, и состоитъ изъ двухъ пріемныхъ комнатъ и большой спальни въ первомъ этажѣ и одной спальни на верху. Вы будете имѣть здѣсь цѣлую эскадру; можетъ быть и «Оріанда» не отстанетъ отъ лебединаго стада и придетъ поддержать давнюю славу. Государь безъ сомнѣнія тотчасъ согласится на ваше увольненіе и дастъ всѣ средства. Отъ васъ собственно зависятъ ваше здоровье, благоденствіе семейства и польза нашего флота. Еще разъ прошу васъ простить мнѣ эти мысли и передать мое уваженіе Екатеринѣ Тимофѣевнѣ. Истинно желая, чтобъ нѣжное вліяніе ея понудило васъ рѣшиться на поѣздку за границу и въ ожиданіи счастія быть здѣсь вашимъ тендеромъ, имѣю честь и пр.

Желаніе преданнаго лица не исполнилось: М. П. Лазаревъ получилъ отъ Государя дозволенія ѣхать въ чужіе края; но смерть застигла славнаго адмирала въ Вѣнѣ 11 Апрѣля 1851 г. П. Б.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

С. С. Уваровъ и адмиралъ Шишковъ.

Въ 1818 году, Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, учредивъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ двѣ каѳедры для преподаванія Восточныхъ языковъ, по Высочайшему повелѣнію, призвали изъ Парижа Деманжа и Шармуа, образовавшихся наставленіями извѣстныхъ оріенталистовъ: Сильвестра-де-Саси, Ланглеса, Шези и другихъ. Въ это же время возобновлена была каѳедра Исторіи, порученная профессору Раупаху.

Тогдашній президентъ Академіи Наукъ и попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа Сергѣй Семеновичъ (впослѣдствіи графъ) Уваровъ, давно считалъ необходимымъ преподаваніе Восточныхъ языковъ въ Россіи; а преподаваніе исторіи, по его собственному свидѣтельству, «почиталъ всегда главнымъ дѣломъ народнаго воспитанія». По поводу этого событія С. С. Уваровъ въ торжественномъ собраніи Главнаго Педагогическаго Института, 22 Марта 1818 года произнесъ *рѣчь*. Имѣющійся въ нашей библіотекѣ отдѣльный оттискъ этой *Рѣчи* замѣчателенъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испещренъ собственноручными замѣчаніями А. С. Шишкова, которыя мы здѣсь и воспроизводимъ, указывая на страницы знаменитой рѣчи.

Стр. 33. Христіанская религія есть великій урокъ *моральнаго равенства*, Богомъ міру преподанный. Не народы Германіи, не воины Сѣвера и Востока, даже не пороки тирановъ и не развратъ народа разрушили колоссъ Римской Имперіи; Христіанская религія нанесла ему смертельный ударъ. Онъ палъ подъ десницею Того, *Чье царство нѣсть отъ міра сего*!

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Ежели не враги, не пороки тирановъ, не развратъ народа разрушили Римскую Имперію, а Христіанская религія нанесла ей смертный ударъ: то въ какомъ же видѣ представляется здѣсь сія религія, нанесшая безъ всякой причины цѣлой Имперіи больше зла, нежели всѣ ея враги, пороки тирановъ, и самый развратъ народъ? За что палъ онъ подъ десницею Того, *Чье царство нѣсть отъ міра сего*! Похвала ли это вѣрѣ и Богу?

Стр. 34—35. Когда ваше вниманіе, юные питомцы, обратится на огромное зданіе Рима, тогда вы постигните истинный переходъ человѣческаго ума къ лѣтамъ опыта и зрѣлости. Тамъ вы увидите въ первый разъ, что̀ значитъ слово *человѣкъ*, а еще болѣе, что̀ значитъ слово *гражданинъ*. Въ Греціи сіи два понятія почти всегда сливались въ одно или, лучше сказать, *человѣкъ* всегда торжествовалъ надъ гражданиномъ. Гдѣ *прекрасное* (τὸ κάλον) было верховный законъ, тамъ строгое понятіе о должностяхъ гражданскихъ не могло существовать. Буйный духъ Греческихъ республикъ всегда увлекался страстями и первымъ впечатлѣніемъ. Аѳины осуждали на смерть Сократа и Ѳокіона, на изгнаніе Аристида и Демосѳена. Греки въ одно время боготворили и казнили своихъ великихъ мужей. Минута рѣшила ихъ судьбу, какъ и судьбу республики.

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Доселѣ хула Греціи.

Стр. 35—36. Пылкая фантазія управляла Греками, строгій и наблюдательный разсудокъ царствовалъ въ Римѣ; тамъ вы увидите верхъ воображенія и искусствъ, здѣсь верхъ политической мудрости и проницательности; въ Аѳинахъ гражданинъ уступалъ человѣку, въ Римѣ человѣкъ былъ жертвою гражданина; но въ Римѣ вы изумитесь, увидя чудесное вліяніе сильной воли и постояннаго славолюбія; вы узнаете въ Римской республикѣ, въ самой колыбели ея, будущую благодѣтельницу міра. Поколѣнія измѣняются, Капитолій бодрствуетъ. Какой рядъ государственныхъ людей великихъ въ дѣлахъ мира и войны! Какая цѣпь важныхъ происшествій! Какое торжество глубокаго и не ослабѣвающаго разума!

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Отселѣ великая похвала Риму.

И вотъ чѣмъ вся похвала оканчивается.

Стр. 36 — 37. И когда, послѣ осми столѣтій, счастливый Октавій садится на тронъ вселенной, то при блескѣ такого величія мы почти забываемъ, что двѣ трети человѣческаго рода стенали подъ игомъ жесточайшаго рабства; что Римляне, гиганты въ доблести и порокахъ, пили въ золотыхъ чашахъ слезы и кровь вселенной, и въ безпечномъ упоеніи не вѣдали, что *Освободитель міра* родился подъ соломеннымъ кровомъ, въ забытомъ краѣ ихъ огромной Имперіи.

Стр. 39. Мы, по примѣру Европы, начинаемъ помышлять *о свободныхъ понятіяхъ*.

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Хорошее начало!

Стр. 40. Геній Германскихъ народовъ возсѣлъ на дымящіяся развалины Всемірной Имперіи Римлянъ, и съ того времени начинается новая исторія. Германскіе народы, феодальная система и крестовые походы, а выше всего тайное, но сильное вліяніе Христіанской религіи:

вотъ степени перерожденія Рима, тѣсно между собою связуемыя и одна отъ другой происходящія!

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Какъ? Христіанская религія породила всѣ тѣ бунты и безначалія, отъ которыхъ пролилось столько крови, и всѣ пороки облеклись въ добродѣтель! Хорошая цѣль проповѣдыванія! То-есть надобно всѣхъ рѣзать, чтобы добиться до этого.

Стр. 41—43. Политическая свобода не есть состояніе мечтательнаго благополучія, до котораго можно было бы достигнуть безъ трудовъ. Политическая свобода, по словамъ знаменитаго оратора нашего вѣка лорда Ерскина, есть *послѣдній и прекраснѣйшій даръ Бога*; онъ сопряженъ съ большими жертвами, съ большими утратами. Въ опасностяхъ, буряхъ, сопровождающихъ политическую свободу, находится вѣрнѣйшій признакъ всѣхъ великихъ и полезныхъ явленій одушевленнаго и бездушнаго міра, и мы должны, по совѣту того же оратора, или не страшиться опасностей, или вовсе отказаться отъ сихъ великолѣпныхъ даровъ природы. Естественный ходъ политической свободы, видимый въ исторіи Европы, удостовѣряетъ насъ въ сей истинѣ. Человѣческій умъ идетъ не всегда прямымъ, твердо означеннымъ путемъ. То смѣлымъ порывомъ подается впередъ, то вдругъ останавливается. Часто, увлекаемый обманчивыми призраками, онъ прерываетъ свое стремленіе, и подобно задумчивому генію на памятникахъ древней пластики, онъ обращаетъ свой факелъ къ землѣ. Но успокойтесь! Факелъ не можетъ погаснуть; онъ безсмертенъ, какъ душа человѣческая, какъ вѣчное правосудіе, какъ истина и добродѣтель.

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Правда, факелъ этотъ горитъ, но нынѣ начало его задувать.

Стр. 44. Подъ знаменами Спасителя, всѣ воины были свободны и равны.

Замѣчаніе А. С. Шишкова. Неправда! И тогда, какъ нынѣ, были полководцы и рядовые. Почему они свободны? По Христіанской вѣрѣ, по свободности души. Въ семъ случаѣ тожъ и нынѣ царь и пастухъ равны и свободны.

*

Рѣчь Уварова произнесена была вслѣдъ за открытіемъ Варшавскаго сейма, гдѣ, въ Февралѣ этого года, изъ устъ самаго Государя раздались свободолюбивые обѣты.

Николай Барсуковъ.

28 Сентября 1882 г.
Село Остафьево.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ.

Изъ воспоминаній восьмидесятилѣтняго старца, служившаго въ военной службѣ болѣе 30-ти лѣтъ, которая начата была въ Преображенскомъ полку въ 1818 году.

Въ 1822 году Государь Императоръ Александръ Павловичъ былъ встревоженъ возмущеніемъ любимаго своего Семеновскаго полка и, къ крайнему огорченію, вынужденъ былъ раскасировать его, а прочіе полки всей гвардіи двинуть изъ Петербурга, якобы для похода въ Италію. Пришлось, слѣдовательно, выступить изъ Петербурга и намъ.

Мы отправились на Витебскъ и остановились въ Бешенковичахъ, гдѣ былъ общій сборъ войскъ. Бывшій въ то время корпуснымъ командиромъ гвардіи Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ собралъ съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества весь синклитъ начальниковъ и офицеровъ съ цѣлью устроить обѣдъ Монарху. Мнѣ, какъ участнику этого обѣда, пришлось быть свидѣтелемъ обнаруженія необыкновенной доброты и мягкости сердца Государя, который тутъ-же простилъ многихъ заблудшихъ.

Разсадникъ заговорщиковъ, со времени возвращенія нашихъ войскъ изъ Франціи, находился какъ въ полкахъ гвардіи, такъ и въ корпусахъ 2-й арміи. Заговорщики вербовали новыхъ сообщниковъ и тайно подвигали свое дѣло впередъ.

Когда былъ открытъ заговоръ, Государь Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ Императрицей Елисаветой Алексѣевной находились въ Таганрогѣ. Болѣзнь Императора не дала ему возможности строго отнестись къ бунтовщикамъ. По кончинѣ же Императора эти послѣдніе начали дѣйствовать открыто.

Отказъ Константина Павловича отъ престола въ пользу Николая Павловича послужилъ предлогомъ возстанія для вожаковъ заговора: они выставили этотъ отказъ незаконнымъ. Въ тоже время они успѣли повліять на нѣкоторыхъ изъ молодежи въ полкахъ 2-й арміи и гвардіи.

Въ это время я былъ въ Петербургѣ и состоялъ адъютантомъ начальника 1-й кирасирской дивизіи ген.-адъют. Бенкендорфа, коимъ былъ посланъ въ Гатчину къ командиру кирасирскаго Ея Величества полка для приведенія послѣдняго къ присягѣ Константину Павловичу. Тутъ могъ уже я замѣтить нѣкоторое волненіе и говоръ офицеровъ и старшихъ унтеръ-офицеровъ. «Точно-ли умеръ Александръ Павловичъ?! Мы указа не видали!» Однако полкъ присягнулъ Константину Павловичу. Съ таковымъ рапортомъ отъ полковаго командира я явился къ моему начальнику и предварилъ его, что я замѣтилъ нѣкоторое волненіе во время присяги.

Прошло десять дней послѣ описаннаго, въ теченіе которыхъ происходили переговоры съ Императоромъ Константиномъ Павловичемъ, который, отрекаясь отъ престола, не хотѣлъ принять царствованія надъ Россіей.

Злоумышленники, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, распространяли въ полкахъ враждебныя мысли противъ Николая Павловича и распускали ложный слухъ, что Константинъ Павловичъ содержится въ цѣпяхъ въ Варшавѣ.

Насталъ день 14-го Декабря.

Генералъ Бенкендорфъ, мой начальникъ, рано утромъ призываетъ меня и приказываетъ немедленно ѣхать въ лейбъ-гвардіи конный полкъ къ генералу Орлову для присутствованія при присягѣ полка Императору Николаю Павловичу. Я спросилъ генерала: «взяты-ли мѣры предосторожности; ибо мы слышали, что есть полки, не желающіе присягать Николаю Павловичу, но которые хотятъ принести на рукахъ Константина Павловича?» Генералъ отвѣчалъ, что предосторожности уже взяты, и добавилъ, чтобы я послѣ присяги пріѣзжалъ въ кавалергардскій полкъ, гдѣ будетъ онъ самъ находиться.

Я сдѣлалъ такъ, какъ было предписано и, пріѣхавши въ кавалергардскій полкъ, видѣлъ уже нѣсколько арестованныхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ заговорѣ. Затѣмъ я отправился въ Зимній дворецъ, гдѣ нашелъ моего брата, адъютанта в. к. Михаила Павловича, который мнѣ объяснилъ, что в. к. уѣхалъ въ артиллерійскія казармы, гдѣ также существовало броженіе, проявившееся во время присяги. Затѣмъ въ коридорѣ дворца я встрѣтилъ Императора Николая Павловича. Государь спросилъ меня, дома-ли великій князь, на что я отвѣчалъ, что его нѣтъ во дворцѣ. Тогда онъ на-ухо приказалъ мнѣ тотчасъ же ѣхать въ конную гвардію къ генералу Орлову съ приказаніемъ собрать полкъ и выѣхать на Сенатскую площадь. Я въ точности исполнилъ данное мнѣ Государемъ повелѣніе. На площади меня остановили Каховскій, Якубовичъ и др. заговорщики и спросили, куда я направ-

ляюсь. Отъ нихъ я узналъ, что Московскій полкъ возмутился и идетъ на Сенатскую площадь; имъ же я, конечно, воздержался сказать, куда и кѣмъ посланъ, видѣвъ въ этихъ лицахъ главныхъ зачинщиковъ.

Исполнивъ порученіе и возвратясь къ Зимнему дворцу для донесенія Его Величеству, увидѣлъ я неожиданно Государя у главныхъ воротъ дворца среди столпившагося вокругъ народа. Онъ держалъ на рукахъ 7-ми лѣтняго Наслѣдника и, обратясь къ народу, громкимъ голосомъ произнесъ: «если меня не станетъ въ живыхъ, вотъ вашъ Императоръ!» Его твердый, спокойный взглядъ произвелъ успокоительное дѣйствіе на всѣхъ.

Когда ему подвели лошадь, онъ бодро сѣлъ на нее и, окруженный толпой народа, предъ которой уже былъ выстроенъ Преображенскій батальонъ, поѣхалъ по направленію къ Сенатской площади. Такъ какъ мой начальникъ не отходилъ отъ Императора, то и я слѣдовалъ за нимъ. Въ это время подошелъ ко мнѣ Якубовичъ (съ которымъ я былъ знакомъ) повидимому, удивляясь всему происходящему, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ въ карманѣ пистолетъ, изъ котораго, по условію съ заговорщиками, долженъ былъ стрѣлять въ Государя. Лицо Русскаго Царя, полное увѣренности и рѣшимости, какъ-будто удержало его гнусное намѣреніе. Онъ даже рѣшился подойти къ новому Императору съ слѣдующими словами: «Ваше Величество, я былъ противъ Васъ, теперь же я хочу умереть за Васъ!» Государь поцѣловалъ его и сказалъ: «Въ такомъ случаѣ поди къ возмутителямъ и уговори ихъ сдаться.» Но онъ, послѣ столь великодушнаго обращенія съ нимъ Императора, отойдя отъ него на нѣсколько шаговъ, вынулъ платокъ и, махая имъ мятежникамъ, подавалъ этимъ знакъ крѣпко держаться.

Между тѣмъ Государю приходятъ доложить, что Измайловскій полкъ, который находится еще въ казармахъ, не присягаетъ. Тогда Императоръ энергически приказываетъ привести этотъ полкъ по Вознесенской улицѣ къ Исакіевскому собору.

Твердость новаго Государя не покидаетъ его ни на минуту, не смотря на то, что вся драма происходитъ на глазахъ нѣжно любимыхъ имъ матери, супруги и дѣтей, съ трепетомъ слѣдящихъ за его дѣйствіями изъ оконъ Зимняго дворца. Полкъ привели. Подъѣхавъ къ нему, Государь спросилъ: «съ вами-ли боевые патроны?» Отвѣтъ былъ утвердительный. Тогда Императоръ скомандовалъ: «Ружье къ ногѣ! Ружье заряжай!» Когда это было исполнено, Государь, приказавъ взять ружье на плечо и въѣхавъ въ средину полка, громкимъ голосомъ спросилъ: «Видите-ли вы передъ вами вашего Императора?» — «Ура! Ваше Императорское Величество!» прогремѣло ему въ отвѣтъ.

Начало смеркаться. Въ это время бѣгутъ роты лейбъ-гренадерскаго полка по площади отъ дворца и кричатъ: «Конституцію!» На вопросъ, что они разумѣютъ подъ этимъ, они отвѣчали: «жену Константина Павловича!» Государь приказалъ пропустить этихъ несчастныхъ къ мятежникамъ, и вслѣдъ затѣмъ по приказанію его привезенныя 4 орудія были выстроены противъ стоящихъ у Сената мятежниковъ на весьма близкомъ разстояніи. Думая устрашить ихъ появленіемъ артиллеріи, Императоръ не могъ легко рѣшиться проливать кровь своихъ подданныхъ. Въ эту критическую минуту къ Государю подошелъ Французскій посолъ графъ Лаферонне, и говоритъ: «становится темно, и мнѣ кажется, Государь, что безъ пушекъ обойтись нельзя, потому что кабаки дадутъ случай развернуться бунту въ городѣ.» Убѣжденный этимъ доводомъ, а равно рѣшительными совѣтами генераловъ Толя и Васильчикова, Государь приказалъ дать первый выстрѣлъ въ зданіе Сената вверхъ. Мятежники не двигались. Тогда открытъ былъ уже огонь по нимъ картечью. Всѣ они обратились въ бѣгство по Галерной улицѣ и Невѣ, которая была покрыта льдомъ.

Войска преслѣдовали бѣгущихъ частію по Галерной улицѣ и частію по набережной р. Невы. Многіе сдавались, прося прощенія.

Только поздно вечеромъ кончилась эта драма, и Императоръ успокоенный вошелъ во дворецъ, встрѣченный со слезами дорогой ему семьей.

Не смотря на то, что эпизодъ 14-го Декабря появлялся въ печати нѣсколько разъ, но въ виду или не совсѣмъ точнаго, или не совсѣмъ подробнаго объясненія дѣла въ этихъ разсказахъ, я, какъ близкій очевидецъ, рѣшился вызвать еще разъ изъ памяти этотъ прискорбный въ Русской исторіи фактъ.

Генералъ-маіоръ Павелъ **Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой.**

ВСТРѢЧА СЪ ПОЛЕЖАЕВЫМЪ.

Письмо къ издателю «Русскаго Архива».

На дняхъ, въ степной глуши, нечаянно попались мнѣ въ руки первыя книги Р. Архива 1881-го года, и съ величайшимъ интересомъ прочла я біографическій очеркъ «Александръ Полежаевъ», Д. Д. Рябинина. На страницѣ 369-й стоятъ слѣдующія слова:

„Желательно было бы вызвать этимъ біографическимъ очеркомъ возможныя поправ-„ки и дополненія къ нему отъ лицъ, которыя въ состояніи сообщить ихъ, а въ особен-„ности со стороны современниковъ Полежаева, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо личныя „сношенія, если изъ числа этихъ лицъ,—какъ можно надѣяться,—нѣкоторыя находятся „еще въ живыхъ".

Выше на стр. 356-й: „Итакъ, вліяніе высокаго, всеобновляющаго чувства любви „съ его женственными идеалами, если когда нибудь и коснулось, хотя легкимъ дунове-„ніемъ, до многострадальной души, обуреваемой житейскими невзгодами и волненіемъ „нечистыхъ страстей, то уже *слишкомъ поздно* для нравственной ея переработки. Это при-„косновеніе оставило лишь слѣды въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ, гдѣ слышится изъ „глубины отжившаго сердца тяжелый вздохъ посмертныхъ о себѣ поминокъ....."

Бѣлинскій говоритъ въ статьѣ своей о Полежаевѣ: „И Полежаевъ пережилъ этотъ „періодъ *идеальнаго чувства*, но уже слишкомъ не во время, какъ мы увидимъ. И по-„тому неудивительно, если не во время и не въ пору явившееся *мгновеніе* было для по-„эта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на ра-„дость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту „страшную, похоронную пѣснь самому себѣ (смотри стихотвореніе: „Черные Глаза"). Эти „Черные Глаза", очевидно, были *важнымъ*, хотя уже и безвременнымъ, *фактомъ* въ жизни Полежаева; скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса—„Грусть".

Повѣсть объ этомъ *мгновеніи*, объ этомъ, по словамъ Бѣлинскаго, *идеальномъ чувствѣ*, *важномъ фактѣ* въ жизни Полежаева, извѣстна одной мнѣ. Позволяю себѣ непривычнымъ перомъ разсказать ее вамъ. Если сочтете этотъ первый опытъ моихъ сѣдинъ достойнымъ помѣщенія въ вашемъ изданіи, предоставляю вамъ на него полное право.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie ewig neu *).

Heine.

---

*) Это старая исторія, но вѣчно остается новою. *Гейне.*

*

Въ 1834-мъ г. мы провели весну и лѣто въ селѣ Ильинскомъ. Родители мои, проживая зиму въ Москвѣ для нашего дѣтскаго образованія, весной уѣзжали всегда въ степное свое имѣніе. Но въ 1834-мъ году, старшій братъ мой готовился поступить въ юнкерскую школу: нельзя было прерывать уроковъ, а между тѣмъ не хотѣли лишить насъ деревенскаго, живительнаго воздуха. Родственникъ нашъ, графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ, предложилъ матери моей свой загородный дворецъ въ селѣ Ильинскомъ, отстоящемъ отъ Москвы въ семнадцати верстахъ. Учители моего брата и мои согласились, за извѣстную плату, пріѣзжать по нѣскольку разъ въ недѣлю въ село Ильинское. Дѣло сладилось.

Не стану описывать прелестнаго Ильинскаго, въ послѣдствіи купленнаго императрицею Маріею Александровной. Москвичамъ хорошо извѣстны эти дивные сады съ тѣнистыми аллеями, эти ковры пестрыхъ душистыхъ цвѣтовъ, этотъ великолѣпный паркъ, раскинутый по живописному берегу Москвы-рѣки. Въ то время по этимъ садамъ разбросаны были красивыя дачи, гдѣ жило отборное общество. Изъ числа его назову графа Буксгевдена съ молодой его женой. Графъ былъ отличный музыкантъ; мелодическіе звуки его скрипки раздавались по вечерамъ; гуляющіе съ восторгомъ къ часто нимъ прислушивались. Тутъ же проводила лѣто А. П. Елагина съ милой дочерью и дѣтьми. Старшій ея сынъ, отъ перваго брака, Кирѣевскій, издавалъ журналъ, который не задолго предъ тѣмъ былъ запрещенъ. Кто знавалъ это почтенное семейство, тотъ никогда не забывалъ всей прелести ихъ сообщества. Елагина къ высокому уму и образованію умѣла присоединять рѣдкую доброту, простоту въ обращеніи и благосклонность къ намъ, дѣтямъ. Всегда скромно одѣтая, съ добродушной улыбкой встрѣчала она насъ, возрастающее поколѣніе, а между тѣмъ самые строгіе и глубокомыслящіе люди искали ея бесѣды и гордились ея вниманіемъ. У нея собирались всѣ знаменитости тогдашней литературы. Я въ то время была очень молода, мнѣ только минуло шестнадцать лѣтъ; но меня влекло къ этой умной, почтенной и доброй женщинѣ, окруженной всеобщимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣвшей такъ снисходительно на наши дѣтскія игры.

Отецъ мой, оставя насъ въ Ильинскомъ, уѣхалъ въ свое степное имѣніе по дѣламъ хозяйства. Но въ Іюнѣ онъ написалъ матери моей, что, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, ѣдетъ въ городъ ***,

чтобъ посовѣтоваться тамъ съ докторомъ. Изъ *** отецъ писалъ матери, что докторъ удержалъ его при себѣ, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіемъ лѣченія, но что онъ не только не скучаетъ въ уѣздномъ городкѣ, а проводитъ время самымъ пріятномъ образомъ. «Въ городѣ ***, писалъ онъ, стоитъ пѣхотный армейскій полкъ, гдѣ служитъ унтеръ-«офицеромъ разжалованный поэтъ Полежаевъ. Я познакомился съ пол-«ковникомъ и выпросилъ у него дозволеніе взять къ себѣ на квартиру «несчастнаго молодаго человѣка, въ обществѣ котораго время для меня «летитъ незамѣтно. Ведетъ онъ себя безукоризненно».

Далѣе въ письмахъ своихъ отецъ сообщалъ намъ о злополучной судьбѣ Полежаева: какъ за поэму его «Сашка» онъ, бывши студентомъ, схваченъ былъ и приведенъ въ кабинетъ Государя Николая Павловича; какъ тотъ заставилъ его вслухъ читать свою поэму, а онъ неудобныя для чтенія мѣста экспромптомъ замѣнялъ другими стихами; какъ Царь, заподозривъ подлогъ, вырвалъ у него изъ рукъ тетрадь и убѣдился въ справедливости своей догадки. Николай никогда не прощалъ тому, кто дерзалъ его обманывать. Полежаевъ этому обстоятельству приписывалъ всю тщетность просьбъ о его помилованіи. У отца моего Полежаевъ отдыхалъ душевно, писалъ стихи, но большая часть времени проходила въ живыхъ бесѣдахъ. Отецъ мой былъ образованъ и уменъ, самъ на досугѣ писалъ стихи и умѣлъ цѣнить дарованіе и умъ въ молодомъ поколѣніи. Всѣ письма его полны были похвалами поэту, котораго полюбилъ онъ отъ души.

Наконецъ, получаемъ письмо, гдѣ отецъ извѣщаетъ, что чувствуетъ себя хорошо и что на дняхъ пріѣдетъ къ намъ въ Ильинское и привезетъ съ собой унтеръ-офицера, чтобъ обучать старшаго моего брата ружейнымъ пріемамъ, въ виду подготовки къ юнкерской школѣ.

Пріѣзжаетъ отецъ въ концѣ Іюня поздно вечеромъ, когда мы уже всѣ спали. Утромъ рано, на другой день, прибѣгаетъ къ намъ на верхъ мой меньшой братъ, мальчикъ десяти лѣтъ, и говоритъ намъ въ большомъ волненіи:

— Какого страннаго унтеръ-офицера папа привезъ съ собой!

— Что жъ въ немъ страннаго?

— Да онъ не похожъ вовсе на солдата!

— Чѣмъ же?

— Il a un regard d'aigle! (У него орлиный взглядъ).

Мы съ меньшой сестрой разсмѣялись надъ мальчикомъ и надъ воображаемымъ орлинымъ взглядомъ унтеръ-офицера.

— Что ты вздоръ мелешь! Какой такой орлиный взглядъ?

Мальчикъ обидѣлся, разсердился и убѣжалъ назадъ къ своему новому знакомому, приговаривая:

— Ну, вотъ сами увидите, сами увидите!

Мы съ сестрой не обратили никакого вниманія на слова маленькаго брата; она взяла свой учебникъ, грамматику, а я отправилась твердить свои Бетховенскія сонаты въ огромную залу дворца (въ углу которой моя рояль казалась незамѣтной точкой).

Собрались пить чай; отецъ, матушка, сестра меньшая, наша гувернатка помѣстились вокругъ чайнаго стола, накрытаго посреди залы. Пришли братья съ учителемъ, съ ними и унтеръ-офицеръ. Я не сочла нужнымъ обратить на него вниманіе и продолжала свои музыкальныя занятія. Но вдругъ замѣчаю что-то не совсѣмъ обычайное. Отецъ всталъ и принялъ какой-то торжественный видъ. Я смолкла, слушаю.

— Душа моя, говоритъ отецъ, обращаясь къ матери, дѣти! Я васъ всѣхъ обманулъ! Представляю вамъ Александра Ивановича Полежаева.

Матушка поднялась съ креселъ и протянула обѣ руки Александру Ивановичу. Не помню, какъ я въ мигъ изъ дальняго угла вдругъ очутилась рядомъ съ матерью. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ. У отца, у матери, у насъ всѣхъ выступили слезы. Мои глаза встрѣтились съ глазами Полежаева. Мнѣ показалось, что и онъ былъ тронутъ нашимъ пріемомъ.

Съ этой минутъ Александръ Ивановичъ сталъ у насъ своимъ человѣкомъ. Отецъ захотѣлъ, чтобъ я срисовала портретъ съ его любимца. Я тогда недавно начала учиться живописи. Портретъ этотъ писанъ акварелью, ученической рукой; но онъ разительно похожъ, тогда какъ оба портрета, изданные при стихотвореніяхъ Полежаева, нимало его не напоминаютъ *).

А. И. Полежаевъ былъ не хорошъ собой. Роста онъ былъ не высокаго, черты лица его были неправильны; но вся наружность его, съ виду некрасивая, могла въ одно мгновеніе освѣтиться, преобразиться отъ одного взгляда его чудныхъ, искрометныхъ, большихъ черныхъ глазъ. Этотъ regard d'aigle, поразившій десятилѣтняго мальчика, выражалъ все могущество его творческаго духа. Этого взгляда и нѣтъ въ вышеупомянутыхъ его портретахъ.

Братья мои чуть не молились на поэта. Они были счастливы, когда онъ дозволялъ имъ молча сидѣть въ его комнатѣ, пока онъ писалъ. У насъ онъ перевелъ изъ Виктора Гюго нѣсколько «Orientales»,

---

*) Почтенная старушка сообщила въ Русскій Архивъ фотографическій снимокъ съ этого портрета. П. Б.

между прочимъ: «Въ водахъ полусонныхъ играла луна»... Писалъ своего Коріолана, лучшія мѣста котораго не дозволены цензурой. Написалъ «Божій Судъ», и вотъ по какому случаю. У отца были связи въ Петербургѣ; онъ надѣялся испросить другу своему облегченіе участи; съ этой цѣлью онъ сказалъ Александру Ивановичу:

— Напишите мнѣ что-нибудь такое, что̀ бы я могъ при письмѣ послать графу Бенкендорфу.

Полежаевъ написалъ «Божій Судъ», который тогда почему-то озаглавилъ «Тайный голосъ». Отцу понравились стихи.

— Но вы, Александръ Ивановичъ, не можете ли прибавить, подъ конецъ, что-нибудь въ родѣ просьбы о прощеніи?

На это Полежаевъ рѣшительно отказался.

— Я противъ Царя ни въ чемъ не виноватъ, просить прощенія не въ чемъ.

Какъ ни умолялъ, ни уговаривалъ его отецъ, ничего съ поэтомъ сдѣлать не могъ: онъ остался непреклоненъ. Тогда отецъ самъ приписалъ три строфы въ заключеніе и принесъ мнѣ оба стихотворенія.

— Неловко, говоритъ, послать стихи въ этомъ видѣ; почеркъ разный въ началѣ и на концѣ.

Я тотчасъ вызвалась переписать все стихотвореніе лучшимъ своимъ почеркомъ и радостно припрятала оба автографа, которые до сихъ поръ у меня хранятся. Вотъ эти стихи

ТАЙНЫЙ ГОЛОСЪ.

Есть духи зла—неистовыя чада
Благословеннаго Отца;
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада,
А жизнь—мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній Перстъ
Изъ тьмы вѣковъ эфиръ одушевленный
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ;

Когда Творецъ торжественное слово
Въ премудрой благости изрекъ:
„Да будетъ прахъ—величія основой!“
И всталъ изъ праха человѣкъ...

Тогда Ему—свѣтлы, необозримы,
Хвалу воспѣли небеса,

И юный миръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь—волшебная краса....

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ Іорданскія струи,
Вокругъ Его, Властителя Святаго,
Вились Архангеловъ рои.

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ трепещущимъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ,
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ!.... Могучая десница
Подъяла молнію и громъ—
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ.

И плачъ, и стонъ, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытія;
И отказалъ въ надеждѣ примиренья
Ему правдивый Судія.

Съ тѣхъ поръ враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ,
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ преступные свободы:
Они противны небесамъ;
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ.

А Полежаевъ.

Но нѣтъ! Кто снялъ завѣсу Провидѣнья?
Кто цѣль Всевышняго постигъ?
Уже ли Онъ не можетъ для прощенья
Быть столько жъ благъ и столь великъ?

О Боже! И во мнѣ среди страданій
Надежды пламень не погасъ.
Твердитъ душѣ глаголъ предвозвѣщаній:
„Твоей отрады придетъ часъ!"....

Быть можетъ и меня, во мглѣ атомовъ,
Воспомнитъ Царь во дни щедретъ,
И надъ главой моей —мечу законовъ:
„Пощада, милость!" изречетъ!

***

С. Ильинское, 1834 г. Іюля 8-го.

Письмо, съ переписанными стихами, тутъ же отправлено было къ графу Бенкендорфу.

Но и эта послѣдняя попытка спасти поэта-страдальца не увѣнчалась успѣхомъ. «Видно, такъ на роду ему было написано».

Стояли тогда у насъ дни ясные, чудные. Подобнаго лѣта не припомню. Утромъ всякій изъ насъ занимался дѣломъ, но съ обѣда до полуночи мы всей семьей, а съ нами и Александръ Ивановичъ, гуляли по садамъ и по прелестнымъ окрестностямъ Ильинскаго. Во время прогулокъ, братья ни на шагъ не отходили отъ Полежаева. Мы всѣ жадно прислушивались къ его разсказамъ. Онъ говорилъ о Кавказѣ, о набѣгахъ Чеченцовъ, о своихъ походахъ, о томъ, какъ онъ съ товарищами-солдатами на плечахъ перетаскивалъ черезъ горы тяжелыя орудія, пушки, а между тѣмъ направленныя на нихъ изъ-за скалъ мѣткія пули Черкесовъ на-вѣрняка выбирали свои жертвы. Онъ разсказывалъ просто, безъ хвастовства, безъ напыщенности, не билъ на эффектъ, и каждое слово дышало правдой и умомъ. А между строкъ сколько слышалось невысказанныхъ страданій, лишеній, горя... Это было въ 1834-мъ году. Для насъ, юношей и дѣтей, все это было тогда ново, исходя изъ устъ очевидца; мудрено ли, что мы увлекались этими разсказами?

Иногда, въ свѣтлыя лунныя ночи, мы всѣ катались на лодкѣ по Москвѣ-рѣкѣ. Братья и Александръ Ивановичъ попеременно гребли; я сидѣла на рулѣ, сестра меньшая и гувернантка помѣщались на скамейкахъ. Разъ, посреди рѣки, на глубокомъ мѣстѣ, я увидала прелестную бѣлую кувшинку и вскрикнула отъ восторга. Полежаевъ перегнулся весь черезъ бортъ, лодка сильно покачнулась въ его сторону. У меня замерло сердце. Но онъ вскорѣ поднялся и подалъ мнѣ сорванную кувшинку съ плавучимъ ея зеленымъ листомъ. Этотъ засушенный листъ и теперь покоится въ завѣтной старой тетради.

Родные отъ меня не скрыли изъ бурной жизни Полежаева то, что̀, при строгомъ нашемъ воспитаніи, можно было сказать дѣвушкѣ моихъ лѣтъ, т.-е. знала я лишь одну половину несчастныхъ наклонностей, испортившихъ его жизнь и преждевременно сведшихъ его въ могилу. Но и одной половины было достаточно, чтобъ убѣдить меня, что общая будущность для насъ немыслима. Семья, общество, самъ разсудокъ непреодолимой преградой раздѣляли насъ. На что̀ мнѣ было будущее? Я полной жизнью жила настоящимъ.

Думы дѣвичьи, завѣтныя,
Кто васъ можетъ разгадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.

Эта идилія продолжалась двѣ недѣли. Пятнадцать только чистыхъ, ясныхъ дней во всей жизни многострадальца-поэта!

Полежаевъ былъ отпущенъ на срокъ, за порукою моего отца. Срокъ насталъ. Отецъ, привыкшій съ малыхъ лѣтъ къ военной дисциплинѣ, былъ неумолимъ. Ѣхать надо. При прощаніи, когда мы всей семьей провожали Полежаева, онъ подалъ мнѣ на память ту книжку Гюго, изъ которой всегда дѣлалъ переводы. Въ ней былъ сложенный листокъ бумаги; и та и другое хранится у меня до сихъ поръ. Вотъ эти стихи: они нигдѣ не напечатаны.

Зачѣмъ хотите вы лишить
Меня единственной отрады
Душой и сердцемъ вашимъ быть
Безъ незаслуженной награды?
Вы наградили всѣмъ меня,
Улыбкой, лаской и привѣтомъ,
И если я ничто предъ цѣлымъ свѣтомъ,
То съ этихъ поръ—я до̀рогъ для себя.
Я не забуду васъ въ глуши далекой,
Я не забуду васъ въ мятежной суетѣ.
Гдѣ бъ ни былъ я, вездѣ съ тоской глубокой
Я буду помнить васъ, вездѣ!

Первое четырехстишіе относится къ тому, что мы, дѣти, зная стѣсненныя обстоятельства уѣзжающаго, сдѣлали складчину изъ нашихъ маленькихъ сбереженій и дали ихъ отцу, чтобъ онъ присоединилъ ихъ къ своей лептѣ, но съ тѣмъ, чтобъ Полежаевъ не зналъ, отъ кого

именно идетъ эта помощь. Но, видно, отецъ проговорился. Полежаевъ, хотя положительно терпѣлъ нищету, но былъ до крайности гордъ и деликатенъ въ денежныхъ дѣлахъ. Отецъ долго не могъ его уломать и уговорить принять отъ него пособіе. Честность его доходила до щепетильности. Онъ тогда только согласился что либо принять отъ отца моего, когда самъ полюбилъ его какъ друга. Но, не смотря на ихъ близость, никогда Полежаевъ не говорилъ ему о своихъ родныхъ. Часто отецъ заговаривалъ съ нимъ на эту тему, но онъ всегда отвѣчалъ уклончиво и перемѣнялъ разговоръ. Мы не знали, ни кто онъ, ни какого онъ происхожденія. Прочитавъ «Очеркъ» Д. Д. Рябинина, я поняла причину молчанія Полежаева. Замѣчательно то, что человѣкъ, такъ явно всю жизнь шедшій въ разрѣзъ съ законами общества, такъ упорно ими пренебрегавшій, стыдился своего происхожденія. Въ этомъ, по видимому, противорѣчіи чувствуется врожденное, свыше внушенное желаніе видѣть безукоризненными тѣхъ, уваженіе къ кому повелѣвается и природою, и божественною заповѣдью. Почему же онъ родителей укорялъ въ томъ, что́ самъ не только считалъ позволительнымъ, но даже воспѣвалъ въ продолженіи почти всей своей жизни? Нѣтъ, видно, истина одна и неизмѣнна, и какъ бы ни палъ высокій духъ, но онъ безсознательно стыдится порока и въ глубинѣ своей сознаетъ величіе того, что̀ мы называемъ добродѣтелью.

Подъ портретомъ, мною рисованномъ, Александръ Ивановичъ написалъ слѣдующее шестистишіе:

Судьба меня въ младенчествѣ убила,
Не зналъ я жизни *тридцать лѣтъ*,
Но ваша кисть мнѣ вдругъ проговорила:
„Возстань изъ тьмы, живи, поэтъ!“
И разцвѣла холодная могила,
И я опять увидѣлъ свѣтъ.

*

Ни Полежаева, ни Ильинскаго я больше не видала. Нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, наступила непогода; мы возвратились въ душную Москву, къ прозѣ обыденной жизни; хуже того: мы узнали, что неисправимый грѣшникъ не возвратился въ полкъ свой, а пропалъ, поглощенный вѣроятно трущобами столицы. Впрочемъ это одно предположеніе; какъ и куда онъ изчезъ, никогда я не узнала. Но на нашу квартиру явился присланный полковникомъ фельдфебель, чтобъ отыскать бѣглеца. Этому солдату мой старшій братъ показалъ рисованный мной портретъ Александра Ивановича: онъ его тотчасъ призналъ.

Отецъ мой очень разсердился, узнавъ, что Полежаевъ поставилъ его въ такое щекотливое положеніе: онъ взялъ его съ собой безъ отпуска, за своей порукой, на честное слово.... Чтó скажетъ онъ полковнику? Не знаю, какъ это дѣло уладилось.

Недолго послѣ этого грустнаго заключенія нашихъ ясныхъ дней, старшій братъ сообщилъ мнѣ по секрету, что слышалъ отъ своего учителя студента, что Полежаевъ написалъ новое стихотвореніе «Черные Глаза» и что оно написано для меня. Я, конечно, объ этомъ молчала. Не знаю, какимъ образомъ это сообщеніе дошло до отца, который страшно разсердился на брата и при мнѣ жестоко сталъ его распекать.

— «Какъ смѣлъ ты подобный вздоръ выдумать? «Черные Глаза» *не* написаны и *не* могли быть написаны на твою сестру! Ces vers sont une horreur!» *) прибавилъ онъ съ негодованіемъ.

Братъ смолчалъ, но когда мы остались съ глазу на глазъ онъ мнѣ вновь подтвердилъ, что знаетъ *навѣрное*, что «Черные Глаза» написаны для меня и что учитель говоритъ, что стихи *очень* хороши.

«Учитель говоритъ: стихи хороши», подумала я, а отецъ о нихъ «отзывается, que c'est une horreur! Чтó бы это значило?» Но такъ и осталась я при своемъ недоумѣніи.

Вѣроятно и учителю досталась головомойка, и позаботились о томъ, чтобъ horreur не попалась мнѣ на глаза. Это несчастное стихотвореніе, которое я прочла нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ печати, по всей вѣроятности причина тому, что съ тѣхъ поръ домъ нашъ на вѣки былъ закрытъ для бѣднаго грѣшника. Отецъ мой вѣроятно не прерывалъ съ нимъ сношеній: но. въ моемъ присутствіи, никогда о немъ не упоминали. Старшаго брата увезли въ Петербургъ въ юнкерскую школу; не у кого было мнѣ и узнать, чтò сталось съ несчастнымъ поэтомъ. У родныхъ я боялась спросить, чтобъ не услыхать непріятнаго о немъ отзыва, чтò было бы для меня хуже самой неизвѣстности.

Чтоже дальше? спросите вы, можетъ быть. Геніальное перо Пушкина мѣтко и вѣрно очертило участь дѣвушекъ тридцатыхъ годовъ:

Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны....

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, участь эта во многомъ измѣнилась къ лучшему. Полно, къ лучшему ли?

---

*) Эти стихи ужасны.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно написать нѣсколько томовъ. Здѣсь оно не у мѣста.

Что же вышло изъ этой идиліи, изъ этого краткаго, но полнаго созвучія двухъ душъ, одной отжившей, другой дѣтской, пробуждающейся къ жизни? По словамъ Бѣлинскаго, у поэта оно выразилось въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ исполненныхъ силы и таланта. Это—для читающей публики. Но то, что̀ страдало и томилось внутри человѣка, то осталось на вѣки съ нимъ погребено.

Въ пробуждавшейся душѣ это созвучіе породило стремленіе ко всему истинно-прекрасному и непреодолимое отвращеніе отъ всего пошлаго, въ какомъ бы видѣ оно ни появилось.

Безсмертный Мицкевичъ сказалъ, что не да́ромъ прожилъ тотъ,

Kto poznał Boga wielkego na niebie
I kohał męźa wielkego na ziémi *).

Старушна изъ степи.

*) Кто позналъ Бога великаго на небѣ и любилъ человѣка великаго на землѣ.

О ПОЛЬСКОМЪ КАТИХИЗИСѢ *).

Изъ Записокъ Василія Алексѣевича Фонъ-Роткирха.

27 Сентября 1872 г. Витебскъ.

На 1553—1576 страницахъ «Русскаго Архива» 1872 года, г. Пржецлавскій, въ видахъ возстановленія исторической истины, старался доказать, что пресловутый «Польскій Катихизисъ» никогда не существовалъ и поддерживалъ доказательство это разными аргументами, о которыхъ будетъ сказано ниже. Статья г-на Пржецлавскаго написана по поводу извѣстныхъ Записокъ Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ.

Въ видахъ возстановленія тойже истины, я рѣшаюсь снова подать мой забытый голосъ и привести другіе аргументы, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе приведенныхъ г-номъ Пржецлавскимъ.

Съ 1861-го по конецъ 1863 года, въ бытность мою старшимъ адъютантомъ главнаго штаба 1-й арміи, я былъ вице-директоромъ *особой канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія*, учрежденной при намѣстникѣ Царства Польскаго и главнокомандующемъ 1-ю арміею. Въ канцеляріи этой сосредоточивались всѣ свѣдѣнія изъ цѣлаго края о ходѣ мятежа, и изъ нея исходили всѣ распоряженія по усмиренію его. Все, чтò Россія въ тогдашнее время знала о мятежѣ, знала по большей части отъ меня, какъ стоявшаго у источника всѣхъ новостей изъ края и заявлявшаго ихъ своевременно «Московскимъ Вѣдомостямъ», «Русскому Инвалиду» и «Варшавскому Дневнику».

Слѣдовательно, мое свидѣтельство, какъ оффиціальнаго лица и непослѣдняго дѣятеля тогдашняго времени, полагаю, должно заслуживать вѣры.

---

*) Катихизисъ этотъ напечатанъ много разъ, между прочимъ въ концѣ книги Ю. Ѳ. Самарина „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“ (изд. 3-е). Помѣщаемая теперь статья не могла быть напечатана въ 1872 году. П. Б.

Въ чемъ же состоятъ аргументы г-на Пржецлавскаго?

Во первыхъ, онъ доказываетъ, что, занимая высокій постъ въ одномъ изъ важныхъ государственныхъ учрежденій [1]) и въ тоже время будучи знакомъ съ высшею Польскою аристократіею въ С.-Петербургѣ, онъ никогда не слыхалъ о существованіи «Польскаго Катихизиса», до появленія его въ Русской печати.

Аргументъ этотъ опровергать не нужно. Мятежники, зная Русскій патріотизмъ автора, не осмѣлились высказывать предъ нимъ свои революціонныя идеи. Нечего удивляться, что авторъ, хотя и Польскаго происхожденія, но Русскій душою [2]), ничего не зналъ о существованіи «Катихизиса». Всѣ мы, Русскіе, также о немъ ничего не знали, до появленія его въ печати. Не похоже было бы на Поляковъ открывать предъ нами и обрусѣвшими Поляками, подобными автору, содержаніе такого предательскаго «Катихизиса»: иначе, всякая цѣль погибла бы безвозвратно.

Во вторыхъ, авторъ усматриваетъ въ «Катехизисѣ» какой-то рутинный, канцелярскій, чуть-ли не столоначальническій стиль, доказывающій канцелярское его происхожденіе—хоть бы напримѣръ изъ какого нибудь Губернскаго Правленія.

Нѣтъ, г. авторъ. Канцеляристы такъ не пишутъ; такъ пишутъ только іезуиты, въ родѣ Поссевина. Сравните любой проектъ его съ «Катихизисомъ», и вы найдете тотъ же систематическій порядокъ въ изложеніи, туже безпощадную ненависть ко всѣмъ Русскимъ, тоже глубокое, всестороннее изученіе трактуемаго предмета, тотъ же стиль, льстивый для Польскаго самолюбія, ясный и доступный для всѣхъ Поляковъ Въ каждомъ словѣ «Катихизиса» проглядываетъ предательская, кошачья физіономія Поссевина.

Въ третьихъ, авторъ увѣряетъ, будто бы «Катихизисъ» первоначально былъ сочиненъ Нѣмцами и появился въ ихъ газетахъ въ 1846 году; приведенный же въ Русскихъ газетахъ «Катихизисъ» передѣланъ Русскими, съ примѣненіемъ его къ Россіи.

Какъ это? Стало быть, авторъ узналъ о существованіи «Катихизиса» давно, еще въ 1846 году? Какъ же онъ, только что предъ симъ, увѣрялъ насъ, будто узналъ о немъ впервые только изъ Русскихъ газетъ?

Итакъ, по мнѣнію автора «Катихизисъ» сочинили Нѣмцы и Москали!

---

[1]) Г-нъ Прежцлавскій служилъ по цензурѣ. П. Б.

[2]) Изъ твореній г-на Пржецлавскаго, появившихся въ печати послѣ того какъ написана эта статья и помѣщенныхъ уже не въ Русскомъ Архивѣ (гдѣ онъ выступилъ подъ именемъ „Ципринуса“), выяснилось, какого рода былъ въ немъ Русскій патріотизмъ. П. Б.

Бѣдные Поляки! Они народъ самый кроткій, самый миролюбивый, неспособный ни къ какимъ манифестаціямъ, ни къ какимъ мятежамъ. Ко всѣмъ безпорядкамъ подстрекаютъ ихъ *Московскіе шпѣги* (шпіоны), и бѣдное *Панургово стадо* безсознательно идетъ за ними! И для чего же Москали подсылаютъ этихъ *шпѣговъ*? Для того, чтобъ имѣть удовольствіе пострѣлять немного въ бѣдныхъ, *безбронныхъ* Поляковъ, *зупельне* *) *невинныхъ*.

Но припоминаете ли вы себѣ, чтò значитъ *зупельне-невинный* повстанецъ? Въ года манифестаціи и мятежа, всѣ прошенія на имя намѣстниковъ переполнены были этимъ выраженіемъ; газеты наши достаточно тогда насмѣялись надъ нимъ. *Зупельне-невинный* обвинялся, напримѣръ, только въ томъ, что онъ повѣсилъ четырехъ хлоповъ на своихъ воротахъ. Отчего же хлопа и не вѣшать? Вѣдь онъ этого не чувствуетъ: онъ *быдло*.

Вспомните 1861 и 1862 годы. Послѣ каждаго пораженія манифестаціонной толпы, Поляки кричали на всѣхъ перекресткахъ, что подкупленные Московскіе шпіоны поджигаютъ толпы. Мало того: «Часъ», «Надвислянинъ», «Газета Народóва», «Дзенникъ Познаньскій» et tutti quanti, а за ними и купленныя Поляками газеты: «Opinion Nationale», «Siecle», «Patrie», «Monde» и нѣкоторыя Нѣмецкія и Англійскія газеты, трубили на всѣ четыре вѣтра, будто рубли Московскіе умышленно вызываютъ народное волненіе въ Польшѣ.

И чего, чего *зупельне-невинные* Поляки и ихъ органы не сваливали на варваровъ-Москалей? Москали, послѣ каждой манифестаціи, сотнями топили въ Вислѣ задавленныхъ и убитыхъ Поляковъ и при томъ такъ искусно, что Полякамъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, не удалось никогда вытащить изъ воды ни одного трупа, въ знакъ вещественнаго доказательства варварства Москалей! (corpus delicti).

Даже покусившійся на жизнь Великаго Князя Намѣстника, *Ярошинскій*, по увѣренію тѣхъ же газетъ, былъ чисто-Русскій купеческій сынокъ. Когда же «Всеобщій Дневникъ» фактически доказалъ, что Ярошинскій былъ *родовитый Полякъ* и Варшавянинъ (подмастерье у портнаго), то вся клика заграничныхъ Польскихъ газетъ начала вопіять, что къ несчастію въ семьѣ не безъ урода, что увы! и между Поляками нашелся такой *выродокъ* (sic), который за Московскіе рубли осмѣлился опозорить Польскую исторію, незапятнанную цареубійствомъ.

Всей Польшѣ извѣстно, что одни только эти газетные отзывы и заставили Ярошинскаго сдѣлать полное и чистосердечное сознаніе во

*) Отмѣнно.

всемъ. Сидя въ цитадели, онъ упорно отказывался отъ всякихъ показаній и открытія своихъ соумышленниковъ. «Выстрѣлилъ, и баста», говорилъ онъ: «вѣшайте меня!» Тогда Слѣдственная Коммиссія начала давать ему для чтенія заграничныя Польскія газеты. Чтеніе ихъ видимо волновало Ярошинскаго; но онъ долго не довѣрялъ имъ, вѣроятно подозрѣвая какую-нибудь хитрость Москалей. Но когда къ нему стали отсылать газеты прямо съ почты, нераспечатанныя, онъ убѣдился, что Поляки не только не оцѣнили его жертвы, но еще сваливаютъ на него, какъ на купленнаго шпіона, позоръ цѣлой Польши и имя его предаютъ анаѳемѣ потомства. Тогда онъ попросился въ Слѣдственную Коммисію и открылъ все, назвавъ и соумышленниковъ своихъ: шляхтича *Хмѣленскаго* и портнаго *Родовича*, успѣвшихъ уже бѣжать за-границу.

На публичномъ полевомъ военномъ судѣ, въ который Его Высочеству благоугодно было назначить меня членомъ, я публично спросилъ Ярошинскаго:

— Чтò понудило васъ сдѣлать полное признаніе, послѣ упорнаго запирательства? Не строгое ли обращеніе съ вами въ цитадели? Не репрессивныя ли какія-нибудь мѣры?

— Нѣтъ, отвѣчалъ публично, во всеуслышаніе, Ярошинскій. Со мною обходились въ цитадели кротко и милостиво. Адъютанты Великаго Князя почти каждый день навѣщали меня и спрашивали, не терплю ли я какихъ нибудь притѣсненій? Нѣтъ! Но къ полному сознанію вынудили меня наши же Польскія газеты: «Часъ», «Дзенникъ Познаньскій», «Газета Народòва», «Надвислянинъ» и прочія, которыя я читалъ въ цитадели. Меня увѣряли мои соотечественники, что убійствомъ Намѣстника я спасу мою ойчизну и навѣки освобожу ее отъ Москалей и что имя мое со славою перейдетъ въ позднѣйшія поколѣнія. Когда же я замѣтилъ, что могу попасться и быть повѣшеннымъ, то Хмѣленскій съ презрѣніемъ сказалъ: «Чтожъ за бѣда! Отъ этого не сдѣлается въ небѣ дыры (dziura w niebie nie zrobi sie), а между тѣмъ, имя твое будутъ боготворить благодарные потомки». Я пожертвовалъ моею жизнію изъ чистой любви къ ойчизнѣ. Но увидя изъ газетъ, что меня жестоко обманули, что соотечественники мои не только не цѣнятъ моей жертвы, но клянутъ мою память за то, что я опозорилъ страницы Польской исторіи и притомъ за деньги, я рѣшился открыть все, чтобы очистить мою память и доказать моимъ соотечественникамъ, что я жертва патріотическаго фанатизма, жертва обмана, а не какой-нибудь уличный убійца, купленный на Московскіе рубли».

Такимъ же точно образомъ сочиненъ Москалями и Нѣмцами «Польскій Катехизисъ». Онъ, по обыкновенію, свaленъ съ больной головы на здоровую. Это очень легко и удобно.

Но съ какой стати было Нѣмцамъ сочинять такой «Катехизисъ»? «Поляки ненавидятъ Нѣмцевъ столько же, сколько и Русскихъ, если еще не болѣе; но Нѣмцы не обращаютъ на это никакого вниманія, нисколько не заботятся ни о Польскихъ симпатіяхъ, ни о ихъ непріязненныхъ чувствахъ, а твердо идутъ по пути онѣмеченія Поляковъ. Для Нѣмцевъ тысячи Поссевиновскихъ катехизисовъ и проектовъ—вздоръ, ребячество, не могущее уязвить ихъ. При такомъ положеніи дѣлъ есть-ли какой смыслъ, чтобы Нѣмцы занимались сочиненіемъ какой-нибудь безцѣльной для нихъ глупости?

Нѣтъ, пресловутый «Катехизисъ» сочинили сами Поляки—Познанскіе, Галиційскіе или Варшавскіе, для насъ это совершенно безразлично, и сочинили не для однихъ Нѣмецкихъ или Русскихъ Поляковъ, а для всѣхъ земляковъ своихъ, на всемъ земномъ шарѣ. Можно поручиться, что онъ дѣйствуетъ не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ.

Въ Константинополѣ Польско-турецкій легіонъ, составленный исключительно изъ однихъ эмигрантовъ-Поляковъ и прославившійся жестокостію при истребленіи Кандіотовъ, жестокостію, заставившею поблѣднѣть самую Турецкую свирѣпость,—не дѣлаетъ даже секрета изъ «Польскаго Катехизиса»: онъ открыто валяется на столѣ у Польскаго казака, потому что Турки попольски не понимаютъ.

Въ Парижѣ «старая Польская эмиграція» (1831 года), знаетъ о существованіи «Польскаго Катихизиса», но относится къ нему съ презрѣніемъ, такъ какъ онъ есть произведеніе «новой эмиграціи», которую она презираетъ за предательскій образъ дѣйствій въ послѣднюю революцію.

— Мы сражались съ вами, говорятъ ветераны-эмигранты Русскимъ, какъ рыцари, грудь съ грудью, мечъ съ мечомъ; а какъ сражалась нынѣшняя эмиграція? Кинжаломъ, ядомъ да веревкою, изъ-за-угла, предательствомъ, коварствомъ и жестокостію, вѣшала, рѣзала и закапывала живьемъ въ землю своихъ же крестьянъ, да Нѣмецкихъ колонистовъ, не хотѣвшихъ становиться въ ряды мятежа. Вотъ заслуги убійцъ, вздумавшихъ поднять край безъ арміи, безъ оружія, безъ госпиталей, безъ интендантства, безъ Европейской помощи и въ то время, когда Россія, Пруссія и Австрія пользовались всѣми благодѣяніями мира и силы! Эта эмиграція одна погубила Польшу и притомъ навсегда, безъ воскресенія даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ!

Въ заключеніе, г-нъ Пржецлавскій спрашиваетъ, почему «Польскій Катехизисъ» найденъ только на *одномъ* убитомъ повстанцѣ, тогда

какъ документъ этотъ, обязанный пользоваттся, повидимому, популярностію, долженъ бы находиться на *многихъ* жертвахъ мятежа?

На это скажу я вотъ что.

Въ теченіи всего вооруженнаго мятежа, послѣ разбитія каждой шайки, во ввѣренную мнѣ *особую канцелярію* присылались начальниками войскъ цѣлые чемоданы и саквояжи, наполненные бумагами, отбитыми у повстанцевъ. Всѣ эти бумаги я разбиралъ собственноручно и важнѣйшія изъ нихъ переводилъ на Русскій языкъ для намѣстника и для газетъ. Однажды попалась мнѣ въ руки небольшая тетрадка, сложенная въ четверо, пробитая штыкомъ и окровавленная. Очевидно она была на груди, въ боковомъ карманѣ одного изъ погибшихъ повстанцевъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней я отмывалъ съ тетрадки кровь кислотами, взятыми изъ аптеки Уяздовскаго военнаго госпиталя, и когда чернила выяснились, я увидалъ, что это «Польскій Катехизисъ». Я перевелъ его на Русскій языкъ и хотѣлъ отослать въ тѣ газеты, которыхъ былъ корреспондентомъ; но мнѣ показали двѣ или три другія газеты, въ которыхъ онъ былъ уже напечатанъ.

Такимъ образомъ, я нашелъ «Катехизисъ» на *другомъ* повстанцѣ. Послѣ того, въ теченіи 1863 года, я находилъ между бумагами еще по крайней мѣрѣ пять разъ, если не болѣе, такой же «Катехизисъ»; но какъ онъ утрачивалъ уже интересъ послѣ появленія въ печати, то каждый разъ былъ мною истребляемъ, въ числѣ прочихъ неважныхъ бумагъ. Стало быть, «Катехизисъ» былъ находимъ не на *одномъ* повстанцѣ, а на *многихъ*, несмотря на то, что вѣроятно Польская революціонная интилегенція дѣлала изъ него великій секретъ и не хотѣла посвящать въ него цѣлое *Панургово стадо*; между тѣмъ, это-то самое стадо и разболтало его всѣмъ враждебнымъ Польшѣ народностямъ.

Но самымъ важнымъ доказательствомъ существованія «Польскаго Катихизиса» и извѣстности его какъ высшимъ, такъ и низшимъ сферамъ революціонеровъ, служитъ то, что ни одна изъ упомянутыхъ выше заграничныхъ газетъ, не смотря на весь свой цинизмъ, не осмѣлилась ни однимъ словомъ опровергнуть существованіе его, такъ точно, какъ не осмѣлилась опровергать подлинности и другихъ опубликованныхъ мною въ Русскихъ газетахъ документовъ, именно: *программы революціи* Мѣрославскаго; *постановленія Сандомірскаго духовенства* о принятіи участія въ мятежѣ; *отчета Центральнаго Комітета* въ его дѣйствіяхъ диктатору Лянгевичу; *рапортовъ и отчетовъ разныхъ довудцовъ* о состояніи и бѣдствіяхъ ихъ шаекъ; *рапорта командира «адской роты» Рошбрюна* своему довудцѣ, о томъ, что повстанцы насмѣхаются надъ его босоногою, оборванною ротою; *инструкцій и*

приказовъ жандармамъ вѣшателямъ; списковъ жертвамъ, приговореннымъ жондомъ народовымъ къ смертной казни и проч. и проч.

Всѣ эти документы были разновременно находимы мною въ бумагахъ, которыя доставлялись по разбитіи шаекъ.

Подлинность документовъ этихъ запечатлѣна собственною моею кровью. Революціонеры, не имѣя возможности опровергнуть ихъ путемъ печати, дабы не компрометировать самихъ себя, рѣшились положить конецъ моей публичной дѣятельности посредствомъ уличныхъ своихъ убійцъ,—и я получилъ изъ-за угла два удара отравленнымъ кинжаломъ, стоившихъ мнѣ годовыхъ страданій, о чемъ своевременно и напечатали наши журналы.

Въ доказательство, прочитайте № 63 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1864 годъ.

Да и не я одинъ приговоренъ былъ жондомъ народовымъ къ смерти: ей обречены были всѣ чиновники *особой канцеляріи*, которая была для жонда словно соль въ глазу; вслѣдствіе чего зарѣзаны два начальника отдѣленій ея, *Фелькнеръ* и *Ратайскій* и нѣсколько агентовъ, а также «закинжаленъ» (zasztyletowany) полковникъ *Любушинъ*, но по ошибкѣ, вмѣсто меня, единственно по сходству мундировъ, въ каковой ошибкѣ, на другой день, жондъ народовый, въ плакатѣ своемъ, извинялся предъ вдовою Любушина.

Но хотя заграничнo-польская пресса не отвергала существованія непреложныхъ фактовъ, не менѣе того, она не переваривала моего имени, и къ величайшей гордости моей, долго предавала его анаѳемѣ, даже въ то время, когда я прекратилъ уже мою журнальную дѣятельность.

«Часъ» и «Ойчизна» за 1863—1864 гг. служатъ доказательствомъ.

Грустно мнѣ разгребать весь этотъ пепелъ; боюсь вызвать въ какой-нибудь изъ Русскихъ газетъ опасенія, чтобы «развалины эшафотовъ не помѣшали двумъ братскимъ народамъ протянуть другъ другу братскую руку» *).

Но пусть сердобольные миротворцы не хлопочутъ о сліяніи двухъ «братскихъ народовъ». Никогда до этого не дойдетъ, несмотря ни на какія Русскія симпатіи. Давно доказано, что съ Польскою идеею примириться нельзя: или ей нужно подчиниться, или вырвать ее съ корнемъ вонъ. Сами Поляки сложили поговорку: «jak swiat swiatem, polak nie będzie Moskalowi bratem» (пока свѣтъ свѣтомъ, Полякъ не будетъ Москалю братомъ).

---

*) „Голосъ“ 1863 года.

Пока существуетъ Польскій *мессіянизмъ*, до тѣхъ поръ будетъ существовать и племенная, безпричинная ненависть Поляковъ къ намъ; теперь же еще болѣе, потому что революціонеры уже не въ состояніи обмануть насъ, будто бы они ратуютъ «*за вашу и нашу свободу*», какъ увѣряли они насъ въ 1863 году. Конечно и тогда нелѣпая идея эта разбилась о здравый смыслъ Русскаго народа; но за то сильно было и разочарованіе мятежной шляхты. Помните ли, какъ послѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ Русскаго дворянства Освободителю, пораженная въ самое сердце шляхта, закричала въ своихъ плакатахъ:

«Дворянство Русское, мы плюемъ тебѣ въ глаза!»

(Szlachto Rossyjska, my plujem ci w oczy!)

Этими словами высказалась давнишняя, скрытая ненависть Польской шляхты къ нашему дворянству, и дворянство съ своей стороны убѣдилось, что шляхта эта всегда жила по догматамъ «Польскаго Катихизиса» и выработала ихъ на практикѣ.

Полковникъ Фонъ-Роткирхъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ.

I.

За деньги лгать и клясться рада
Ты, какъ безбожнѣйшій торгашъ;
За деньги измѣнишь, гдѣ надо;
За деньги душу ты продашь.

*

Не вѣришь ты, что, взявъ ихъ груду,
Быть можетъ совѣсть не чиста,
И ты за то коришь Іуду,
Что онъ продешевилъ Христа.

II.

Братайтеся: къ взаимной оборонѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены;
Но здравый смыслъ не братъ у васъ въ притонѣ,
Бездарные писцы-хлопотуны.

*

На оборотъ союзнымъ во благое
Реченнаго, любезные друзья,
„Аминь, аминь“, сказалъ Онъ вамъ: „гдѣ двое
Вы будете, не буду съ вами Я“.

III.

Подражаніе Фету.

(1863).

Руси дѣтское незнанье,
Флоріановская рѣчь,
Непрестанное вилянье,
Чтобы мѣсто уберечь.

*

Риги съ Вильной упованье
И отчаянье Москвы,
Недовольство и роптанье
Всей общественной молвы.

*

Къ Руси полное презрѣнье,
Во Французѣ идеалъ,
Къ Первозванному стремленье,
Чтобъ онъ перси украшалъ.

*

Съ сильнымъ дружбы заключенье,
Страсть Каткова взять въ тиски:
Вотъ твое изображенье
О Marquis, Marquis!

IV.

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что Русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, Русскіе, Европы не спросясь....

*

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;

*

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя,
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ—
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?..

*

Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ, спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло, увы! и пошлостямъ роднымъ.

*

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

12 Ноября 1863.
Петербургъ.

Когда М. Н. Муравьевъ водворилъ спокойствіе въ Западномъ краѣ, друзья и почитатели его послали ему въ Вильну привѣтственное письмо, ко дню его имянинъ (8 Ноября). Высокопоставленное лицо въ Петербургѣ, князь и потомокъ одного изъ народныхъ героевъ, открыто порицалъ такое заявленіе и вызвалъ тѣмъ напечатанные здѣсь стихи. — Исторія не затруднится сказать, на чьей сторонѣ было больше правды въ тогдашнемъ препирательствѣ мнѣній нашего образованнаго общества. Любопытно вспомнить, что тѣ самые старообрядцы, настойчивость которыхъ открыла правительству глаза на то чтó творилось въ Западномъ краѣ Поляками къ 1862 году и послужила поводомъ къ смѣнѣ Назимова Муравьевымъ, подвергались жестокому преслѣдованію со стороны того лица, которому написаны эти стихи, до такой степени, что у нихъ время его управленія приравнивается къ Діоклетіанову гоненію первыхъ христіанъ. Ю. Ѳ. Самаринъ угодилъ въ Алексѣевскій равелинъ, благодаря тому же либералу-гуманисту. Великая заслуга М. Н. Муравьева выражена стихами Тютчева, по случаю его кончины:

На гробовой его покровъ,
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ,
Кладемъ слова простыя:
Немного у него враговъ,
Кто бъ не былъ и врагомъ Россіи.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ

РУССКАГО АРХИВА

1882 года.

(тетради 5 и 6).

Цыфры напечатанныя курсивомъ относятся къ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой.

*

*

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1882 ГОДА

(тетради 5 и 6).

XXIII.

St.-Pétersbourg, le 20 mars 1816.

Non, monsieur, je ne révoque point ma sentence sur les lettres que je vous ai adressées; j'ai signé leur arrêt et je demande qu'elles soyent brûlées; à quoi bon garder un fatras d'inutilité? Je vous répète que je ne veux déterminer ni le tems ni le lieu de cet auto-da-fé, mais je tiens ce que cela soit, et promettez moi que vous le ferez. Toutes vos lettres à vous sont rangées le plus exactement dans mon bureau; elles sont un milliard de fois plus aimables, plus intéressantes et plus jolies que les miennes, je les relirais toujours avec plaisir; cependant, si vous exigiez que j'en fusse privée (c'est le mot véritable) sans entrer dans la moindre explication sur ce qui peut vous le faire désirer, je vous obéirais. Il y a un mois que je visitai tous les tiroirs et toutes les cassettes de mon secrétaire et de mes tables; ce que j'y trouvai de lettres me fit frémir. La vue de quelques-unes me donna un noir affreux; il y en avait que je ne me suis pas senti le courage de fixer; je fermai les yeux, je pris le paquet en main et m'approchant de la cheminée je le lançai dans les flammes; le sentiment que j'éprouvai à la suite de ce mouvement ne fut point désagréable. Au contraire, je fus bien-aise d'avoir fait volontairement le sacrifice d'une chose à laquelle je tenais encore beaucoup. Je suis sûre que si je me fusse laissée aller à relire quelques lettres de ce paquet, j'aurais pris une certaine dose de boisson énivrante, et c'est à quoi je ne me sens nullement disposée.

Ratti est de retour; je ne sais plus qui l'a vu et me l'a dit; s'il était ce que vous dites, ce serait un triste personnage. Heureusement qu'ici ce n'est point comme à Moscou: on ne lui fait pas plus fête qu'il ne faut, et je crois que la maison du comte Maistre est la seule où il soit reçu familièrement. Je l'ai vu une fois chez le comte Litta assis modestement à la porte et sans qu'on y fît grande attention; mais vous autres, Moscowites, vous l'avez porté aux nues! Voilà ce que c'est que la disette d'hommes dans laquelle vous êtes habituellement.

XXIV.

Moscou, le 26 mars 1816.

Un prince Gortchakow est arrivé ce matin en quatre jours, il a trouvé les chemins mauvais, mais point encore impraticables; qui peut donc retenir mad. de Noiseville si longtems! Vous me demandez comment je ferai pour la voir? Il faudra qu'elle fasse toutes les avances et qu'elle vienne chez moi, ou que nous nous donnions de fins rendez-vous chez le tiers et le quart: il n'y a pas de milieu. Je n'ai aucune animosité contre la princesse, Dieu le sait; mais elle a pris la mouche, et la correspondence de m-r Nicolas pour lequel elle a pris parti, ne me permet aucune avance. Je l'ai vu et revu, ce pauvre jeune homme, et sa maigreur m'a fait une peine affreuse; je n'ai pas senti le moindre mouvement de haine contre lui, bien au contraire mon coeur me portait à aller l'embrasser; mais me souvenant des menaces qu'il m'a écrites, j'ai fait avant tout ce que je devais et reprimant tout mouvement de bon coeur qui eût pu se mal interprêter, je suis allé m'asseoir en face de lui à la table des gazettes au Club Anglais et je me suis mis à parler avec le prince Gagarine. Au premier son de ma voix, Nicolas qui lisait a levé les yeux sur moi, je l'ai fixé sans le saluer, et je me suis remis à causer pendant une grosse demi-heure au bout de laquelle il s'en est allé. Le lendemain à ce même club je l'ai trouvé qu'il regardait une partie de billard, je me suis assis entre m-r Tchertkow et lui et j'ai fait la conversation avec Tchertkow; j'ai demandé des glaces et les ai mangé tout à mon aise; je le regardais de moment en moment; il baissait les yeux et poussait de gros soupirs; je mourrais d'envie de lui tendre la main et de lui dire quelque chose d'amical qui amenât une franche explication; mais je me suis retenu, parce que de ma vie ces mouvements-là ne m'ont réussi. S'il était possible qu'il sentit ses torts avec moi, ils seraient tous oubliés, et je ne lui en ferais jamais le moindre reproche; mais c'est à moi à le voir venir.

Lundy, 27 mars à midy.

Je trouvais hier chez madame Tolstoï Alexis Pouchkine faisant une lecture du Joueur de Regnard, qu'il a traduit en russe. Comme il n'en était encore qu'au second acte, je n'ai pas eu la patience d'attendre la fin et je me suis retiré sans rien savoir de ce que je voulais apprendre. Ce matin à mon reveil j'ai envoyé chez le prince Boris et pour

le coup on m'a fait dire que toute la caravane est arrivée hier au soir. Dieu soit béni!

J'accepte l'ordre de brûler avec la condition expresse d'être maître de l'époque. A présent fiez-vous en à moi et n'en parlons plus.

XXV.

St.-Pétersbourg, le 28 mars 1816.

Woldemar Galitzine, le frère de Théodore, vous a-t-il vu à son passage à Moscou? S'il n'a pu y rester plus de deux jours, je crains que le tems ne le lui ait pas permis; je l'avais chargé de mille compliments pour vous et je désirais que vous le vissiez pour lui parler de moi, parce qu'il s'est pris d'une grande affection pour moi. Il est devenu un fort joli jeune homme, et si rien ne vient à gâter tout ce qu'il y a de bon dans Woldemar, ce sera dans quelques années un sujet fort distingué. Ma soeur, à propos des Galitzine, vous a-t-elle parlé du projet de Michel Vestris d'aller tenter fortune à Moscou auprès de notre cousine Mamonow? Demandez un peu à Catherine, si elle a dégraissé la figure de cette cousine qui est toujours peinte comme les poupées de Nuremberg. Si elle ne l'a fait encore, qu'elle se dépêche donc; car je vais lui envoyer le séduisant Vestris, et il faut pourtant qu'à la première vue il ne la prenne pas pour un masque de carnaval. Je crois que si mariage s'en suivait, les parties contractantes ne seraient pas fâchées: Michel veut de la fortune, la cousine un merveilleux, et voilà de l'un et de l'autre.

Après Pâques nous aurons les noces de Schouwalow, et d'après les préparatifs ce seront celles de Gamache. Tout ce qu'on donne à la promise est d'une élégance parfaite. Tout ce que fait le promis dans sa maison est d'un cossu achevé. Ce couple s'adore à la lettre, et de mémoire d'homme on n'en a jamais vu un de cet âge être aimé autant qu'il paraît l'être. Vraiment il ne faut pas disputer des goûts; celui-ci par exemple ne serait jamais le mien.

On nous a donné Jeudy dernier chez l'Impératrice-mère un oratorio magnifique. J'ai entendu des morceaux de la Création de Hayden avec un plaisir inexprimable; d'autres de Sarti de la plus grande beauté aussi. Je me désolais de n'avoir pas à mes côtés de véritables amateurs: le marquis Paulucci, tout Italien qu'il est, me semblait insensible à

toutes ces choses-là; pour moi il y avait longtems que je n'avais entendu une musique aussi délicieuse; d'abord un accord d'instruments parfait et de plus tous les chantres de la chapelle impériale.

XXVI.

St.-Pétersbourg, le 3 avril 1816.

Je vous remercie, cher Christin, pour votre sollicitude sur l'article de mes finances. Jusqu'ici mes dépenses, toutes extraordinaires qu'elles ayent été, ne m'ont pas dérangée du tout. Je paye presque toujours argent comptant, et cela ne va point mal. Le séjour de Pawlowsky est un peu effrayant à la vérité; mais comme j'ai déjà un joli fond de garderobe, je me flatte que ce qui me reste à faire n'est plus aussi considérable. Il y a des chapeaux à acheter, et cet article est le seul désespérant, car il est vraiment hors de prix. Pour le reste, comme gants, souliers, fleurs artificielles, odeurs, pommades etc. etc., j'y ai pensé tout comme si j'avais eu le pressentiment de mes hautes destinées. J'ai fait venir ces objets de Paris et je les attends incessamment. Le comte Ojarowsky m'a apporté une charmante boîte avec des pommades de toute espèce, j'en aurai sûrement pour plus d'un an; ainsi de ce côté me voilà amplement fournie. Je me trouve également avoir quelques étoffes pour robes que j'employerai en tems et lieux. On dîne chaque jour avec l'Impératrice, mais on est moins paré qu'en ville; on porte toute la semaine des robes courtes, il est permis d'en porter en mousseline, mérinos et cétera. Le Samedy soir on fait une toillette plus élégante, parce qu'il arrive du monde de la ville, mais encore en robe ronde. Le Dimanche matin on les prend à queues, parce qu'on va à la messe, et qu'il y a dîner pour les arrivants. Le soir on fait une toillette plus simple pour la promenade à pied ou en ligne. Voilà comment cela se passe, et si je ne me trompe, il me semble que mes petits revenus me suffiront. Ma seule ambition est de ne pas faire de dettes. Je ne me soucie d'aucun emprunt, tel momentanné qu'il puisse être, par la raison que j'ai les dettes en horreur; si vous saviez quel tourment j'endure pour ne m'être pas acquittée avec vous depuis plus d'une année, vous ne me conseilleriez pas de recourir à un nouvel emprunt. Au reste, avec de l'ordre on peut faire face à beaucoup, et si Catherine vous a parlé de ma toilette de cour, elle aura pu vous dire que bien loin d'être mal mise, je le suis toujours avec élégance. Je ne porte rien de passé ou *de frippé*; dès qu'une parure quelconque n'est

pas fraîche, je l'abandonne. M-lle de Modène me coïffe et m'habille à merveille, et grâce à son talent je fais un effet surprenant. Croiriez vous qu'il ne m'est jamais arrivé que l'Impératrice ou les grandes-duchesses n'ayent pas remarqué soit ma robe, soit mes coïffure, et châque fois c'est une plaisanterie sur mon élégance. Cependant je n'ai rien de merveilleux: tout dépend de la manière de s'arranger. Autrefois je n'avais ni goût ni adresse, mais la nécessité m'a fait acquérir de l'un et de l'autre.

Il est très-vrai que la comtesse Worontzow part et va se fixer auprès de la grande-duchesse Constantin, qui vient d'acheter une terre en Suisse, je ne sais de quel côté. Il y a longtems que m-lle Worontzow est ennuyée de son existence ici. Elle est d-lle d'honneur d'une princesse qui court la prétentaine depuis quinze ans; elle n'a ni le chiffre, ni les petits avantages qu'ont les demoiselles de la grande cour; le seul qui lui soit resté est celui de loger au château et d'aller au spectacle de l'hermitage dont elle ne se soucie plus; elle a toujours désiré d'aller voir la grande-duchesse qui lui écrivait de tems à autre. Cela ne pouvait pas s'arranger faute de moyens; mais l'Impératrice Élisabeth a eu la bonté de s'employer à cette négotiation et a obtenu pour la comtesse la permission de s'absenter pour deux ans, en conservant tout son traitement avec la bonification du change. Je suis bien aise pour m-lle Worontzow qu'elle ait arrangé la chose qu'elle désirait si fort; mais je doute que ce voyage lui procure les agréments qu'elle en espère. Quinze ans de séparation (fussent même avec une amie intime) peuvent apporter bien du changement dans les sentiments. Les lettres ne remplacent jamais la causerie, et telle vive que soit une correspondence, je soutiens qu'elle avance beaucoup moins que la présence de la personne qui intéresse. Voilà pourquoi si vous ne venez ici l'hyver prochain, c'est moi qui irai chez vous.

XXVII.

St.-Pétersbourg, le 13 avril 1816.

Vous croyez que je me plais dans mon existence actuelle, et cela est si peu vrai que je disais hier au comte Litta que si j'avais la certitude de devoir la continuer longtems, je la quitterais net dès ce moment, sans quoi j'en deviendrais complettement hébétée; car je sens quelle est faite pour tuer les facultés intellectuelles. Croyez-moi: on devient machine au milieu de tout ce monde, à moins qu'on n'y porte ce stimulant que j'appelle ambition qui met en jeu ces facultés, mais qui me manque absolument.

XXVIII.

St-.Pétersbourg, le 24 avril 1816.

J'ai demandé au comte de Bray, ministre de Bavière, s'il était vrai que m-r de Maistre dût s'en aller? Il m'a répondu qu'il en était question, mais qu'il ne savait là-dessus rien de positif. Il prétend qu'il n'a pas de quoi vivre vu la modicité de son traitement, le roi de Sardaigne ne lui donnant que trente six mille roubles; il est certain qu'avec une femme, deux grandes filles qu'on mène dans le monde et un fils au service, cette somme est tout-à-fait insuffisante pour vivre ici. De plus, tout ce qui s'est passé autérieurement lui ayant donné du chagrin, il est très-possible qu'il ait demandé son rappel; et on assure bien que c'est lui qui le demande sans qu'aucun avis l'y ait engagé. En revanche nous avons de nouveau m-r de Noailles qui eut hier son audience et qui paraît fort content de son titre d'ambassadeur; il va occuper l'hôtel qu'on avait donné autrefois à Caulincourt, parce que Pozzo conserve celui de Thélusson. Il nous annonce sa femme et en attendant il nous a amené son fils âgé de sept ans. Nous verrons si pour le coup il tiendra maison; quoiqu'on le paye plus libéralement que m-r de Maistre, je doute qu'il ait le traitement de Caulincourt qui recevait sept cent mille francs. Altri tempi! Puisque me voici sur le chapitre des ambassadeurs, je vous apprendrai aussi le départ du Persan qui prendra congé Dimanche prochain. C'est m-r Yermolow qui est nommé à l'ambassade de Perse, et il commandera en même tems toute la ligne du Caucase à la place de m-r Rtitchew. Beaucoup de jeunes gens désirent de le suivre, entr' autres mon consin Olsoufiew et André Galitzine, mais je ne pense pas que ce dernier obtienne la permission de ses parents pour aller aussi loin.

Vous verrez bientôt madame Ostermann à Moscou: elle a pris congé des Impératrices et se met en route dans le courant de la semaine. La destination de son mari n'est plus pour Харьковъ, il va à Smolensk, et peut-être iront-ils directement, ce que j'ignore au reste, car les Ostermann sont actuellement pour moi comme au fond de l'Amérique, quoiqu'ils soyent à deux cent pas de moi. Le comte Golowkine m'a annoncé Pawlowsky pour la semaine prochaine, il dit que j'y serai très-bien logée; mais on prétend que nous n'y serons que 15 jours, qu'on en passera autant à Gatchina et puis à Péterhof; tout cela pour amuser madame la princesse d'Orange. Je prévois donc pour tout l'été une vie nomade, et comme elle est entièrement opposée à mes goûts, vous pouvez juger si cet avenir me divertit.

XXIX.

Moscou, Lundy, 1-er mai 1816.

Nous avons passé toute la semaine dernière en enterrements. D'abord celui de la jeune princesse Chakhowskoï, qui a été fort extraordinaire, pour ne rien dire de plus. Ses sensibles et sentimentales amies ont porté le cercueil; nul homme n'y a touché, le corps était vêtu de gase blanche et couronné de roses; il n'y avait ni archévêque ni archimandrites, mais deux simples prêtres avec le confesseur; le cercueil était entouré de madame Hélène Pouchkine, la princesse ***, de madame Anikéew, de madame Guérard et de dix autres dont j'ai oublié les noms. Ces dames, et même m-r Davidow, beau-frère de la défunte, avaient sous leurs bras des corbeilles de roses blanches, qui, vu la saison, étaient artificielles, et de tems en tems en jettaient sur leur amie avec grand accompagnement de sanglots. A une certaine prière elles se sont mises à genoux, mais par malheur m-me Guérard avait oublié la place qui lui avait été assignée aux répétitions (car on avait fait des répétitions), et cet oubli a prodigieusement troublé la dévotion de la princesse ***, qui pendant la prière n'était occupée qu'à lui faire signe de reprendre son poste. En se relevant, c'était l'instant du grand pathétique, et m-me Anikéew était si pénetrée de l'esprit de son rôle qu'elle est tombée en pamoison dans les bras du prince ***, et comme on ne sait plus ce qu'on fait quand on est évanouie, elle a laissé tomber sa petite bougie sur le cercueil, où cette gaze et cettes roses de batiste ont pris feu et on pensé consumer cette pauvre morte; on est accoru avec de l'eau bénite qui a fait miracle en cette occasion.

Le lendemain on enterra la vieille princesse Galitzine; là il y avait beaucoup moins de roses et beaucoup plus de prêtres; trois archévêques, cinq archimandrites et une légion complète de popes et de protopopes; on dit que cela était magnifique. On a donné deux mille roubles à Augustin avec un beau carosse et six beaux chevaux, harnois etc. etc. etc. Tout ce cortège a rencontré dans la rue l'enterrement du commandant Essen qui était porté par la troupe en grande tenue; grand embarras et grandes politesses de part et d'autres; personne ne voulait prendre le pas, et l'on se faisait force révérences sans avancer, ce qui a mouillé le clergé, la noblesse et le tiers-état, car il pleuvait à verse.

XXX.

Moscou, Mercredy, 17 may 1816.

Comment ne savez-vous pas qui est Métaxa? Un gros homme, court, de 35 ans, plus noir qu'un Цыганъ renforcé, un nez qui est déjà dans le salon quand le Grec est encore dans l'antichambre, officier de marine, chevalier de St.-George, demeurant chez Warlam à qui il sauva la vie quand ses gens voulurent l'assassiner, que tout l'univers connaît et que vous avez vu cent fois chez le comte Rostopchine en ma présence en 1813. Sophie le connaît de longue main, je l'ai rencontré souvent chez elle le matin; c'est un habitué de Marie Iwanowna Korsakow.

Avez-vous lû le procès des trois Anglais qui ont enlevé Lavalette après sa sortie de prison? Avez-vous vu la correspondance de Wilson avec son frère? Voilà, chère princesse, des agents ou plutôt des meneurs de cette affreuse secte. Wilson a bien travaillé contre Napoléon dont la puissance surpassait toute force et opprimait même le parti qui l'avait poussé comme usurpateur; mais à peine ce colosse a-t-il été renversé que l'autorité de Louis 18 lui est devenue odieuse par la seule raison qu'elle *est légitime* et que sa présence et son maintien previent tout désordre ultérieur. Les débats de ce procès sont fort curieux et fort intéressants sous le rapport de la lutte existante entre l'ordre qui tend à tout conserver et le désordre qui cherche à tout détruire.

XXXI.

St.-Pétersbourg, le 15 may 1816.

Depuis huit ans que je suis à la cour, il m'est arrivé pour la première fois de dîner chez l'Empereur, c'est-à-dire à son dîner particulier et de famille. Samedy dernier il invita la cour d'Orange et par conséquent mad-lle Samarine et moi. Jamais il ne m'avait parlé; cette fois il a bien fallu nous dire quelques mots en passant, et c'est ce qu'il fit pendant que l'Impératrice faisait cercle. Mais à table, comme on vint à parler de Carlsbad et des autres bains de l'Allemagne, l'Empereur fit mention de Landek et, se tournant de mon côté, il me dit qu'il y avait vu mes soeurs dont il me demanda aussitôt des nouvelles. Je lui répondis que Catherine avait passé un an chez moi et qu'elle était retournée à Moscou; alors il demanda où était Sophie. Après le dîner

il vint encore auprès de moi et me parla de choses et d'autres. Je n'étais pas embarrassée le moins du monde, si bien que je parlais fort à l'aise et avec beaucoup de gayété Je l'ai trouvé parfaitement aimable et si je le voyais souvent comme ce jour-là, je crois que je l'aimerais à la folie.

Avant d'aller à Pawlowsky, je me propose de faire un voyage sentimental à Kamennoï-Ostrow. J'ai prié mad. Nesselrode de m'y mener après demain; je sens que j'aurais un plaisir extrême à revoir ce canton où j'ai passé quatre étés fort agréables. Chaque coin m'intéresse, j'aime toutes les maisons qui s'y trouvent et toutes les promenades qui y sont.

XXXII.

Pawlowsky, le 21 may 1816.

J'ai trouvé un appartement très-commode et, plus que cela, très-agréable. Il est composé d'une grande et belle chambre à coucher à deux croisées, d'un fort joli salon et d'une antichambre; en outre deux petites chambres pour Nathalie et Nadejda; nous sommes toutes à merveille. De toutes les croisées on découvre une vue délicieuse, car véritablement Pawlowsky est charmant sous le rapport des jardins. La vie du château serait agréable, si ce n'était l'article de la toilette; d'obligation il faut s'habiller et se déshabiller plusieurs fois dans la journée: d'abord pour dîner, ensuite pour la soirée où il est toujours question de promenades, ceci est parfaitement ennuyeux. Au reste, on a toute la matinée à sa disposition, ce n'est qu'à deux heures qu'on descend. L'Impératrice arrive au salon aussitôt que le monde y est rassemblé; elle parle aux uns et aux autres, ensuite on passe dans la chambre à manger où l'on se met à table dans le même ordre qu'en ville; après le dîner il y a encore un petit bout de cercle pendant lequel on sert le café; cela terminé, chacun retourne chez-soi. Dès qu'on est rentré dans sa chambre, un valet de pied vient vous faire part de ce qui aura lieu dans la soirée, et dès qu'il sonne sept heures, toute la société se rassemble de nouveau, et l'on se met en marche. La promenade dure une heure de tems et aboutit toujours à quelque pavillon où l'on sert le souper. A dix heures tout est terminé, et chacun regagne son logis ou fait ce qu'il veut. La société est composée, outre la famille impériale, de la princesse Prozorowsky et m-lle Nélidow, dames d'honneur, de mesdemoiselles Diwow, Kotchetow, Anrep (charmante petite per-

sonne), Samarine et moi, demoiselles d'honneur. En hommes nous avons le prince Jaques Lobanow à titre de grande charge, pour présenter; Pachkow, maréchal de la cour; Branitsky, Czernichew, Modène, Vilehoursky (celui-ci n'est que pour un tems seulement) et les cavaliers de Weymar et d'Orange. Tout cela fait assez de monde. Si parmi tout cela il y avait quelqu'un qui tint maison, comme par exemple Théodore, on pourrait après la soirée de la cour en aller commencer une autre entre soi et s'amuser un peu davantage. Mais ce que nous avons n'est pas autrement gai, et je ne comparerai jamais cette existence, avec tous ses honneurs, à la précieuse liberté de Kamennoï-Ostrow. Non, en vérité. Il n'est rien de tel que de vivre avec ses égaux. On les voit sans toilette, à l'heure qu'on veut, sans qu'il soit question de se parer sans cesse et d'avoir toujours l'oeil fixé sur l'aiguille d'un cadran, de peur de manquer l'heure *ordonnée.*

Lundy, matin, 22 mai.

Hier il n'a plus été question d'écrire: toute la journée on resta comme des poupées en représentation. L'Empereur dîna ici et avec lui beaucoup de monde de sa suite. Le soir il y eut un petit bal très-animé; la grande-duchesse de Weymar aime la danse, de manière qu'elle s'en amuse beaucoup. On dansa une mazourka qui fut fort bien exécutée; en cavaliers trois polonais des plus huppés, Ojarowsky, Branitsky et Vilehoursky, le quatrième fut le général Potemkine qui danse aussi à merveille. L'Empereur est venu me parler des charmes de la campagne. Je lui ai dit que je l'aimais, mais nulle part comme à Kamennoï-Ostrow. Lui qui m'en semble dégoûté, m'a fait l'éloge de Czarskoé-Sélo, et moi j'ai toujours répété: «Sire, j'aime Kamennoï-Ostrow et, quelque chose que vous disiez sur ce que la verdure en est fort arriérée, je l'aimerai toujours". Il me demanda si j'etais curieuse de voir Péterhof?—„Non, en vérité, dis-je, car je n'aime pas les déplacements". Il plaisanta sur me paresse et dit que c'était un grand défaut.—„Ah mon Dieu, Sire, si je n'avais que celui-là, mais c'est qu'il est accompagné d'un grand nombre d'autres". Là-dessus l'Empereur me fit un compliment et passa outre. La connaissance de l'autre jour se soutient, comme vous voyez, et certes je saurai bien la soutenir, car je ne vous cache pas que je ferai quelques fraix. Je vous jure que si cet hommelà n'étais pas un souverain, je me sentirais de grandes dispositions à lui plaire; car de son côté il me plaît infiniment: il est impossible de voir une physionomie plus aimable.

XXXIII.

Pawlowsky, le 28 may 1816.

J'ignore quelles ont été les vues de la Providence en me plaçant où je suis, mais s'il y est entré l'intention de m'exercer à la patience et à un parfait renoncement à mes goûts, je ne puis pas me vanter d'y avoir répondu jusqu'ici. Je me suis conduit bien sottement tous ces jours passés; j'ai eu de l'humer, de l'ennui, du découragement et, qui pis est, quelques mouvements de colère. Voilà ce que me vaut d'habiter l'impérial château de Pawlowsky. Je demande à Dieu de me faire participer à l'esprit qui y régne et de me rendre bien souple et docile à faire la volonté des autres préférablement à la mienne, que ma position jusqu'à cette année-ci avait rendue un peu trop déterminée. Enfin, j'espère que cela ira de manière à ce que je retire quelque fruit de ce séjour. Que faire quand il pleut à verse pour passer le tems agréablement? La grande-duchesse proposa de petits jeux; je n'y avais joué depuis dix ans pour le moins, de manière que je m'y trouvais fort empruntée, mais il fallait en passer par-là. On mit donc en train la toilette de madame, le corbillon, la ménagerie, le petit bonhomme vit encore etc. etc. Tout cela cause une joye universelle du moins à l'apparence, on se tenait les côtés de rire en entendant miauler les châts de la ménagerie, ou le bêlement des moutons. Pour moi qui étais chien, je tournais à la mort quand il me fallait aboyer, et vous pouvez vous représenter ma figure courante et sautante pour attraper une chaise qu'on se pressait d'occuper lorsque madame demandait toute sa toilette. Je vous assure que la chose me semblait si ridicule que je croyais rêver de me trouver à pareille fête. Hier le tems s'était remis au beau, et j'ai cru un moment qu'on en profiterait pour aller courir soit à pied, soit en équipage; mais point du tout: une petite incommodité survenue à l'Impératrice nous a encore fait demeurer au salon, et le prince d'Orange a proposé de jouer à la corde, ensuite au chât et à la souris. Cependant j'ai cru voir que ce plaisir commençait à s'user, car on a servi le souper de meilleure heure et l'on s'est retiré tout de suite après. A travers tout cela je dois convenir que j'ai eu quelques moments agréables: la société des chanoinesses de Weymar est une très-grande ressource. Ces dames sont bonnes personnes tout-à-fait, elles ont de l'esprit, des moyens, et mieux que cela un peu d'amitié pour-moi; je m'arrange très-bien avec elles, la c-sse Eglofstein surtout est fort de mon goût. C'est une personne douce, serieuse pour l'ordinaire et très-sensible, cela

se voit même à sa physionomie, et comme il est arrivé à quelques uns de la surprendre en distraction et en rêverie, on lui fait les honneurs d'une grande passion. Je ne vous dirai pas à quel point cela est vrai ou faux, comme je ne me mêle jamais d'affaires qui ne me regardent pas, je ne me suis point donné la peine d'aller à la découverte de la chose. Je prends ma chanoinesse telle qu'elle est et je m'en trouve à merveille. Depuis hier nous avons établi des lectures entre le dîner et le souper, elles se passeront alternativement dans ma chambre ou dans la sienne, et la première qui eut lieu hier nous a attiré un des chambellans de Weymar, un m-r Fitzthum, dont je crois vous avoir déjà parlé; c'est aussi un jeune homme fort aimable et qui a beaucoup de connaissance en littérature, avec cela bon enfant, gai par caractère et fort disposé à m'entendre et sur mes ennuis et sur toute autre chose. Voilà donc ce qui va faire ma société, et s'il vous prenait fantaisie de penser à moi de manière à ne pas vous attrister, ne me cherchez nulle part que dans la chambre de m-lle Eglofstein ou à côté de monsieur de Fitzthum, auquel, je ne puis vous le cacher, j'ai promis la lecture d'une de vos lettres.—La princesse d'Orange part dans une quinzaine de jours, la petite Samarine l'accompagne; je vous ai dit que je n'ai pas remué le bout du doigt pour être du voyage et je ne m'en repens pas. Il ne vaut pas la peine de traverser la Prusse qui n'offre rien d'intéressant pour s'arrêter huit jours à Berlin et revenir aussitôt sur ses pas. Si jamais je voyage, j'espère que ce sera pour aller plus loin et pour voir de plus beaux pays.

XXXIV.

Moscou, Samedy, le 3 juin 1816.

Je connais fort bien vos tarataïka; il y a juste 20 ans que je courais Pawlowsky et Tzarskoé-Célo en tarataïka; il y a juste 20 ans que je fus chez l'Impératrice Catherine à Tzarskoé-Célo, le jour du batême du grand-duc Nicolas. S. M. I. me promit de fort belles choses; je venais de lui rendre un grand service en Suéde. Elle ne tint rien, parce que *la camarde* vint peu de mois après faucher mon affaire avec sa vie. C'est une terrible chose qu'un changement comme celui qui s'opéra alors! Dieu nous préserve de revoir jamais rien de semblable. Le seul débris que j'aye sauvé de ce grand naufrage, c'est l'estime et l'amitié du c-te Markow, et je ne me plains pas de mon lot. Mais voyez un peu où m'a ramené votre tarataïka! Je ne serais point sur-

pris que Fouché, Carnot et compagnie fussent les promoteurs des troubles de Paris. Qu'ont-ils de mieux à faire que de chercher à pendre ceux qui leur ont si bêtement fait grâce de la corde! Quel usage plus avantageux pour eux peuvent-ils faire des richesses immenses qu'on leur a si stupidement abandonné, que de tâcher de remonter sur leur bête! Ne croyez pas que je sois bien fâché de l'affaire de Grenoble; je désire que le papa-roi reçoive souvent des preuves de la nécessité de changer de principes. Toutes les niaiseries phylantropiques qu'il met en avant jusqu'ici, le mèneront loin et mal. Il faut savoir sur qui on règne. J'ignore si jamais les Français ont mérité la réputation qu'ils se faisaient jadis d'adorer leurs rois; je sais seulement qu'ils ont toujours plié devant les sévères, et qu'ils ont souvent assassiné les meilleurs et les plus doux. Je sais mieux encore, que, nationalement parlant, c'est aujourd'hui un peuple de brigands qui regrettent leur capitaine et que Louis 18 ne viendra à bout de les reduire qu'en les fusillant napoléoniquement. Ils ne l'aimeront jamais, mais ils le craindront demain s'il veut; et quand cette crainte salutaire sera venue, ils croiront qu'ils l'adorent et ils feront pour lui tout ce qu'il voudra. Ce ne sont pas là des idées libérales, mais ce sont des idées saines, et cela vaut mieux. C'est un cardinal de Richelieu qu'il leur faudrait à ce moment; un homme qui ne tergiversât jamais et qui frappât des coups sûrs et prompts. Tous ces ménagements pour les révolutionnaires ne font que prolonger la lutte; il faudra bien enfin qu'un des deux partis demeure le maître, et le plustôt que le roi aura écrasé ses ennemis sera le mieux. Ah, que de gens crieraient *au sacrilège* s'ils lisaient ceci! Eh bien vous le verrez tôt ou tard: il en faudra venir à une séverité active.

P. S. Je rouvre ma lettre pour vous dire que Catherine m'a envoyé celle qu'elle a reçue de vous hier. J'ai jetté un cri d'horreur en lisant que vous vous servez de drogues pour vous faire maigrir. Est-il possible que vous donniez dans ce travers! Allez à confesse sur-le-champ, car vous êtes en péché mortel. L'embonpoint c'est la santé; vouloir diminuer cet embonpoint c'est se tuer petit-à-petit.. Mais c'est l'a. b. c. de la morale que cela, et il faut que je vous l'apprenne! Grand Dieu, où en sommes nous? Où est votre raison? Vous êtes très-bien comme vous êtes, je ne vous voudrais pas une once de graisse de moins; vous êtes fraîche et belle, vous vous fanerez en maigrissant, vous en serez en suite au désespoir et vous vous mettrez aux consommés pour regagner ce que vous aurez perdu; mais votre estomac sera gâté et ne voudra plus entendre parler de reprendre ses fonctions, et vous serez punie de votre tentative meurtrière et suicide.

XXXV.

Du château de Peterhof, le 4 juin 1816.

J'avais eu le projet de faire ici une manière de journal, mais c'est impossible; car c'est un vrai délire que la vie que nous faisons. Nous sommes arrivées à Péterhof Vendredy pour l'heure du dîner. Ne sachant pas du tout en partant de Pawlowsky, si on nous ferait dîner chez l'Empereur ou bien dans nos chambres, chacune de nous jugea à propos de se munir d'une robe afin de s'en servir s'il fallait paraître avant l'arrivée des bagages, et bien nous en prit; car au moment même de notre arrivée on nous annonça qu'il y avait table à *Monplaisir* et que nous y étions priées. Imaginez cependant notre embarras! Pas une femme de chambre qui fût arrivée: elles étaient toutes restées en arrière avec les cartons, chapeaux et l'attirail qui s'en suit. Il fallut nous aider mutuellement, et avant que nous fussions prêtes, vous pouvez vous imaginer les allées et venues pour se procurer les choses de première nécessité, de l'eau, un peigne, une serviette. Nous courrions comme des folles, pas une âme pour nous servir; enfin ce fut une fort plaisante histoire, et nous n'avions pas mal l'air d'une troupe de comédiennes ambulantes. La toilette ne fut pas aussi bien ordonnée que de coutume, mais à l'impossible nul n'étant tenu on descendit le mieux qu'on put. Le dîner terminé on alla prendre le café sur un balcon qui a l'air d'être dans la mer et que vous connaissez sans doute, puisque vous avez été à Péterhof. On jouit de-là d'une vue magnifique de la côte et au loin on voyait Cronstadt et la flotte de l'Empereur qui était en rade. Ma chanoinesse de Weymar qui n'avait jamais vu la mer, en resta toute ébahie, le sentiment l'avait prise si fort au gosier qu'elle en perdit la parole. Tandis que nous étions ainsi dans l'admiration, l'Empereur vint nous parler et me montra plusieurs vaisseaux en les nommant l'un après l'autre. „Sire", lui dis-je, „il ferait bon de les voir de plus près, et moi qui ai la vue mauvaise je ne distingue rien d'ici".—„Eh bien, cela dépend de vous: il faut faire un voyage pour les approcher".—„Et pour voir Cronstadt?" repris-je.—„Mais si cela vous fait plaisir, pourquoi pas et, pour peu que la chose vous convienne, ma frégate est à vos ordres".—„Si Votre Majesté parle sérieusement, je la prends au mot et je vais à l'instant chercher des compagnons de voyage".—„Oui, oui", dit l'Empereur, „recrutez, et nous verrons". Alors, me tournant vers plusieurs de nos dames, je leur répétai mot pour mot la conversation. La comtesse Eglofstein, m-lle Kotche-

tow, m-lle Aurep, m-lle Nélidow, témoignèrent l'envie de venir et, croyant toujours que ce serait une plaisanterie, elles me permirent de les nommer. Mais moi qui ne comptais nullement en faire un sujet pour rire, je fus dire aussitôt à l'Empereur que le projet venait d'être adopté. Il me répondit: „C'est fort bien". On quitta Monplaisir, je rentrai dans ma chambre; ces demoiselles ne savaient trop où nous en étions de notre voyage; pour moi je ne doutais pas qu'il n'eût lieu et je les en assurai positivement. En effet, le soir, aussitôt arrivée au salon, l'Empereur vint m'apprendre qu'il en avait parlé à l'Impératrice-mère, qu'elle y avait donné son consentement, et lui ses ordres au prince Wolkonsky pour arranger notre voyage. L'Empereur lui-même allait de son côté à Cronstadt pour y faire la revue de toute sa flotte. Lorsqu'on entendit l'Impératrice -me faire des plaisanteries sur la navigation qui devait avoir lieu le lendemain, on vit bien que la chose était positive, et tous ceux qui devaient s'embarquer l'allèrent remercier de la permission accordée. Hier donc je m'éveillai à 4 heures du matin pour mettre tout le monde sur pied; nous nous habillâmes au plus tôt et sans avoir pris notre déjeuner nous nous rendîmes dans une chambre que le prince Wolkonsky nous avait indiquée la veille afin de nous y trouver toutes rassemblées; les cavaliers de Weymar, m-me de Fitzthum et Bielke nous y attendaient déjà. On descendit au jardin pour gagner le canal où nous devions trouver une chaloupe pour nous transporter à la frégate. Un officier de marine vint audevant de nous, on lui avait donné tous les ordres nécessaires. A six heures, par le plus beau tems du monde, toutes de fort bonne humeur, nous nous embarquâmes et au bout d'une demie - heure, à travers mille folies que mes compagnons dirent et firent, nous atteignîmes la frégate. Une musique superbe se fit entendre à notre approche; le capitain du bâtiment nous reçut à bord, et tandis qu'on levait l'ancre, que les matelots couraient chacun à son poste et que les officiers se plaisaient à nous faire voir tous les détails de cette frégate, on nous servit un bon et copieux déjeuner. J'aurais donné beaucoup en vérité pour vous avoir dans la cabine de l'Empereur qui est une chose charmante: des murs en boiseries, de belles glaces, un divan en maroquin verd dans le fond avec une belle table vis-à-vis, un voltaire, de bons fauteuils bien commodes, un tapis anglais, je vous assure un vrai bijou. On nous donna notre café dans ce délicieux reduit, et au moment où je le versais on tira le canon de dessus notre bâtiment pour saluer l'Empereur qui à cet instant sortait d'Oranienbaum. Après cela nous allâmes nous établir sur le tillac; malheureusement le vent était si mauvais qu'à peine pouvait on avancer, si bien qu'après une heure et demie de navigation,

messieurs de la marine proposèrent de se mettre en chaloupe. Cet expédient nous réussit beaucoup mieux; cependant avec toute la diligence possible nous ne trouvâmes plus l'Empereur à Cronstadt: il venait d'en partir pour aller visiter la flotille. Alors je proposai à tout notre équipage de ne mettre pied à terre qu'au retour et d'avancer vers tous ces vaisseaux rangés en ordre. L'avi reçu, nous poursuivîmes notre voyage et arrivés en face du cutter de l'Empereur nous pûmes jouir en plein du beau coup d'oeil qui vint s'offrir à nos yeux. Sa Majesté fit l'inspection de plusieurs bâtimens, et nous autres, pour ne pas perdre le tems, nous allâmes également voir un vaisseau de 84 canons appelé *le Hambourg* dont on nous fit voir tous les coins et recoins. De retour à notre chaloupe nous entendîmes les *vivat*, et rien ne me parut plus joli que ces pavillons de toutes couleurs qu'on arbora tous à la fois pour saluer de nouveau. Une canonnade partit en même tems de tous les bâtiments. C'était magnifique! Dès que l'Empereur tourne du côté d'Oranienbaum, nous allâmes à Cronstadt, et quoiquil fut une heure et que le dîner dut être à deux et demie, nous courûmes partout où il fut possible d'aller, m-lle Kotchetow et moi, ainsi que les cavaliers de Weymar auxquels j'ai voulu laisser un souvenir de cette partie de plaisir en leur offrant des bagatelles prises dans la première boutique. C'est qu'il s'agissait d'avoir quelque chose de Cronstadt! En retournant à la chaloupe je trouvai la comtesse Eglofstein dans une appréhension mortelle qu'on ne tardât pour le dîner; la pauvre créature en avait la fièvre; pour la rassurer et aller plus vite, on joignit les voiles aux rames, et de cette manière nous fumes bientôt à Oranienbaum; mais hélas, les craintes de ma chanoinesse se trouvèrent justifiées: on était à dîner. L'Empereur, qui avait ignoré que nous avions achevé notre voyage en chaloupe, nous supposait toujours sur la frégate et voyant que celle-ci allait très-lentement à cause du calme, il en avait auguré que notre navigation durerait fort longtems. Sa surprise fut extrême en nous voyant entrer après qu'on fut sorti de table, et dès qu'il m'apperçut il vint me demander compte de ce qui s'était passé. Alors je fis le récit exact de tout, la beauté de la frégate, la musique, le déjeuner, la résolution de le suivre à la flotille, la canonnade, Cronstadt etc. etc. Il voulait avoir l'air de ne pas croire que tout cela eût eu lieu, et me faisait mille questions pour m'embarrasser afin de savoir la chose au vrai; mais comme rien ne l'était davantage, je répondis à tout, et alors il se convainquit de l'entière vérité. Je ne puis vous rendre toute son amabilité et la grâce parfaite qu'il met à ce qu'il dit et fait. En lui parlant je jouissais du plaisir qu'il avait à m'écouter, et lorsque je vins à jeter les yeux sur cette foule qui m'en-

toura dès qu'il m'eut quittée, croiriez-vous que dans le moment même je fis un examen rapide de toutes ces physionomies: il semblait que tout ce monde-là me voyait pour la première fois! C'était à qui me parlerait, à qui m'approcherait, je vous assure que j'en ris encore alors que j'y pense; mais le fait a existé depuis que le monde est monde et depuis qu'il y a des souverains et des courtisans. Ces choses-là sont la marche ordinaire des cours. N'en discutons pas et laissons le prochain faire là-dessus comme il l'entend.

Notre séjour-ici est une véritable enchantement; le tems est superbe, la campagne dans toute sa beauté, et Peterhof est d'un style vraiment grand et beau. Ces magnifiques jets d'eau, la vue de la mer, ce monde dans les jardins, cette musique qu'on trouve partout, ces promenades en ligne... Enfin, que n'êtes-vous ici et que ne voyez-vous tout cela! Aujourd'hui la journée a commencé par la messe, ensuite il y a eu grand dîner, après-midy goûter à l'hermitage et le souper vient d'être servi à Monplaisir, sur ce balcon qui s'avance dans la mer. J'en suis revenue depuis une heure, et aussitôt déshabillée je me suis mise à vous écrire pour la poste de Mardy: si quelqu'un va en ville demain, cette lettre pourra vous arriver avec le courrier du six. Nous retournons demain à Pawlowsky et Mardy nous y avons une fête en mémoire de la journée de Waterloo, dont vous aurez les détails par la suite. Adieu, cher Christin; portez-vous bien, aimez-moi et réjouissez vous en même tems avec moi de ce que je n'ai ni dix huit ni vingt ans: à cet âge les petites faveurs que j'ai eues ces deux jours auraient pu me devenir très-dangereuses, au lieu qu'à présent, malgré le plaisir qu'elles m'ont fait éprouver, je vous réponds que j'ai toute ma tête et, qui plus est, parfaitement libre.

XXXVI.

Pawlowsky, le 12 juin 1816.

La veille du jour où nous allâmes en ville, l'Impératrice me dit qu'elle voulait me garder auprès d'elle et que si cela pouvait me faire plaisir elle était fort aise de m'en procurer. Vous savez tout ce que je pense de ce séjour, mais les autres n'en savent rien, en sorte que j'ai dû faire un acte de reconnaissance et baiser la main pour la faveur qui venait de m'être accordée. A dîner toute la cour vint me féliciter. „Ah maintenant vous voilà des nôtres à tout jamais". Dieu sait ce que j'en pensais au fond du coeur, et pourtant je répétais de droite et de

gauche: „Oui, oui, des vôtres!“ Au reste, j'aurai sûrement le bon esprit de me rendre ce séjour de Pawlowsky et agréable, et utile; je m'astreindrai à un genre de méthode qu'il me faut absolument. Depuis huit heures jusqu'à deux je peux me promener, prier, lire, montrer l'histoire à Louise Hertel, et même faire quelques points de broderie. L'après-dîner je peux rentrer chez-moi pour causer ou lire encore. Je tâcherai d'être souvent seule, car cela me repose extrêmement, et puis, pour les sept heures et demie, qu'il faut rentrer au salon, j'espère reprendre des forces. Enfin, avec l'aide à Dieu, cela ira; il n'y a dans tout cela que l'inconvenient de la toilette, et puis le défaut du choix des gens qu'on voudrait voir: il faut être avec ce que vous trouvez et non pas avec ce que vous voudriez. Allons, tant mieux; par ce moyen on n'en devient que plus maniable et plus détachée de sa volonté.

La princesse d'Orange est partie Samedy matin. Elle m'a donné son chiffre en diamants; cela peut valoir 1500 roubles et pas davantage. Si mes finances étaiont en désordre, ce cadeau ne serait point une ressource, car il ne serait pas décent de vendre un chiffre. Heureusement ce n'est pas mon cas.

XXXVII.

Pawlowsky, le 14 juin 1816.

L'Impératrice a eu la bonté de me dire la veille du départ de mad. la princesse d'Orange qu'elle me gardait auprès d'elle; si bien qu'après lui en avoir fait mes remerciements je me suis arrangée pour faire venir ici le reste de mes hardes et mon grand fauteuil à la Voltaire, sans lequel je ne puis exister qu'à demi. Actuellement donc que je me vois entièrement installée à cette cour, j'ai pris bravement mon parti et je suis toute décidée à m'y trouver agréablement. Je vais mettre à profit tout ce que vous me dites que vous eussiez fait à ma place, et j'espère que cela ira à merveille. La société que je trouve sous la main offre cependant plus d'une ressource, il faut être juste; j'ai à qui parler, ma chanoinesse d'un côté, m-r Fitzthum d'un autre, Branitzky qui vient quelquefois baliverner, et deux jeunes personnes qui sont tout-à-fait bonnes filles et que je puis avoir quand je veux. Tout cela ne laisse pas que d'être fort bonne compagnie. J'ai une couple d'heures dans l'après-midy parfaitement agréables. M-r Fitzthum me les donne volontiers; nous causons, nous lisons la gazette de Leyde, le Journal des Débats, nous discutons; aujourd'hui, par exemple, je lui

ai lu votre lettre, précisement celle que j'ai reçue ce matin et dans laquelle il est question *de lui*. Comme il a de l'esprit et du goût, vous pouvez imaginer s'il a été charmé de votre style; cela a été un véritable enchantement! Au reste, vous en saurez quelque chose par luimême, car il aura l'avantage de faire votre connaissance. Le prince de Weymar a l'intention de faire une course à Moscou, il l'y accompagnera, et je lui donnerai une lettre pour vous. Je n'ai pas besoin de le recommander, car je suis bien certaine que votre amitié pour moi vous portera à lui être utile dans une ville où il sera parfaitement étranger à tous. C'est un homme très comme il faut, constitutionnel sans le moindre excès; je lui ai entendu énoncer des opinions très-sages, d'une manière ferme et noble. Il est Saxon; sa mère était Irlandoise; il a toujours servi dans le militaire; ce n'est que depuis 1814 qu'il a abandonné le métier des armes pour passer à la cour; il est chambellan auprès de notre grande-duchesse de Weymar; il est marié à une fort jolie femme dont il a le portrait en poche; il est père de deux enfans; voilà sa biographie. S'il vous avait passé par la tête d'en faire un mari pour moi, vous auriez compté sans votre hôte. Cette idée m'est venue, parce qu'il vous plut un jour de me marier aussi avec m-r de Heerdt, cet ambassadeur d'Hollande avec qui j'allai me promener en traîneau; vous le rappelez-vous? Eh bien, ni l'un ni l'autre ne sont plus à épouser, au reste, tout autant que moi, qui ai renoncé au mariage depuis fort longtems.

Je ne vous ai pas encore répondu sur toute l'histoire de Lise Troubetzkoï, parce qu'elle n'a pas le sens commun. Je parie tout au monde qu'elle ne pense pas à ce comte Potemkine et qu'elle est loin de perdre de vue Branitzky; elle aura été entraînée par ces fous de Gagarine qu'à la place de la princesse Boris j'aurais mis à la porte. Je ne croirai jamais non plus que la princesse voulût donner une de ses filles à cet extravagant Potemkine qu'elle connaît de reste: d'ailleurs son intérêt devrait la porter à désirer son célibat, puisque toute sa fortune doit revenir à Alexandre Potemkine, mari de Tatiana. Ma pauvre princesse est inconséquente à l'excès; souvent elle n'a pas plus de raison que Louise Hertel et elle paye les pots cassés dans toutes les tracasseries qui se passent soit chez-elle, soit chez les siens. Il me paraît qu'àprès toutes les leçons qu'elle a reçues dans ce genre, elle devrait être bien plus sûr ses gardes. On a bien tort de croire Branitzky imprenable: il est assez disposé à se marier, il le fera pour complaire à ses parents, il leur en a donné sa parole. Ses tantes le prêchent beaucoup là-dessus, et mad. de Litta l'entretient dans l'idée de ne pas chercher

une autre femme que Lise. Il m'a dit il y a trois jours que ce serait peut-être la seule personne qu'il pût épouser avec un certain sentiment, qu'elle lui plaisait beaucoup, qu'il la trouvait jolie et bon enfant. Vous pouvez croire si j'ai abondé dans son sens, mais je me garderai bien de faire part de tout cela à la princesse Boris, car elle serait capable de prendre des chevaux de poste et de nous arriver sonica. Rappelez-vous de ce que je vous dis: Lise Troubetzkoy se mariera plus tôt que Sophie et Alexandrine Galitzine, et elle sera plus heureuse que toutes les filles de la princesse Boris. C'est une prophétie que j'ai faite depuis longtems, et vous verrez qu'elle s'accomplira *).

Ne me grondez pas pour mon envie de me *dégraisser*; soyez sûr que cela ne vient pas de coquetterie, mais de précaution. Je tiens que la graisse n'est pas du tout signe de santé, tout au contraire: ce n'est qu'un amas d'humeurs qu'il faut détruire avant qu'il en résulte du mal. J'en ai parlé à Chreiton qui trouve mon raisonnement fort juste, c'est par son ordre que j'ai pris du calomel, et ce n'a été que deux fois. M-r Fitzthum d'après vos ordres s'est mis en devoir de faire une visite domiciliaire chez moi afin de découvrir quelque phiole; il s'est jetté à corps perdu sur quatre ou cinq qu'il a découvertes dans un coin et a pensé me priver de mon opiat pour les dents de miel antiscorbutique, du petit lait dont je me lave le visage etc. etc. A peine ai-je pu arrêter sa fureur: il allait tout casser et tout briser. Tenez-vous donc tranquilles, messieurs: je n'ai pas la moindre envie de m'empoisonner.

Vous ai-je dit que la princesse d'Orange en partant m'a donné son chiffre en diamants. Je le porte au cou, et hier S. M. l'Impératrice m'a également donné un bracelet en malaquite avec un entourage de diamants et rattaché avec une chaîne d'or. La malaquitte fait le nom de Marie et j'ai eu bien soin d'en témoigner toute ma reconnaissance. En général je suis trop bien pour que cela puisse durer longtems de cette manière.

---

*) La prophétie ne s'est point accomplie. La princesse Lise Troubetzkoy se maria avant ses cousines Galitzine, il est vrai; mais elle épousa le comte Potemkine, avec lequel elle a été parfaitement malheureuse. *Remarque de m-r Christin.*

XXXVIII.

Moscou, le 26 juin 1816.

Je suis trop bien, dites-vous, pour que cela puisse durer longtems de cette manière! Eh bien, voilà une remarque tout-à-fait à sa place et un sentiment que je partage du fond du coeur. Je ne crois point toutefois que vous ayez nul changement à redouter: vous avez une mesure trop parfaite en tout, et trop d'esprit et de conduite pour que l'attrait qu'on a pour vous n'aille pas en croissant plus tôt qu'en diminuant. Toutefois des évènements ou des circonstances qu'on ne peut ni prévoir ni prévenir pourraient venir à la traverse et déranger votre position actuelle, car rien n'est stable *même à la cour*. Eh bien, vous diriez avec calme: je n'ai rien recherché, rien désiré, je m'en suis remise de toutes choses à la Providence, elle voit ce qu'il me faut, elle me le donne; elle le juge superflu, elle me le retire; que Sa volonté soit faite! Après cela vous reprendriez votre ancien train de vie avec le même calme que vous l'avez quitté, et vous n'en seriez que plus aimée de vos amis et plus estimée de vos connaissances.

Je vis parfaitement retiré et n'aurai nulle occasion de voir le prince de Weymar que son chambellan ne quittera guères. M-r de Tormassow les promènera, les fêtera et à coup sûr ne m'invitera point; on leur montrera nos ruines prodigieuses et nos commencements de construction, et ce sera Youssoupow et Tzitzianow qui seront chargés de les accompagner, et je vois d'ici qu'à peine m-r de Fitzthum trouvera le moment de m'apporter sa lettre et que je devrai le prendre au saut du lit pour lui rendre sa visite. Cependant, je ne devine pas ce qu'ils deviendront le soir: nous n'avons pas de quoi leur donner un concert, bien moins encore un spectacle. M-r de Tormassow ne trouvera qu'à peine dans cette saison les acteurs suffisants pour un bal; il faudra que la reine de Lgova se mette en mouvement, qu'Alexis Pouchkine joue quelque farce, que Bazile Pouchkine fasse quelque ballade, ode ou couplets, que Melhian prépare un feu d'artifice et une illumination. C'est tout ce que je vois de faisable à moins d'un grand dîner à Arkhangelsky; car enfin nous n'avons plus à Moscou de grands seigneurs que le prince Youssoupow et m-r Apraxine. La princesse Boris devrait revenir pour cette occasion; voilà un *boute-en-train*! En ville je ne connais de maison fréquentée le soir que cette de Marie Iwanowna Korsakow, encore n'en jugé-je que par les lumières qu'on y voit, car jamais je n'y suis entré; mais c'est la seule maison éclairée

dans tout Moscou. Jugez de nos ressources! A propos, où donc logera le prince de Weymar? Prévenez bien m-r de Fitzthum de la vie qu'il fera ici, et assurez-le que je serai ravi de faire sa connaissance et trop heureux de lui être bon à quelque chose si cela est possible.

XXXIX.

Pawlowsky, le 22 juin 1816.

Vous ai-je dit que la santé du c-te Strogonow est devenue meilleure? A l'heure qu'il est il fait une croisière sur les côtes de la Baltique et depuis qu'il est en mer, il se sent beaucoup mieux. L'Empereur lui a donné une de ses frégates avec laquelle il voyagera à peu-près tout l'été. Il y a longtems que les médecins avaient envie de le faire sortir de Pétersbourg, mais ils ne savaient pas trop si ce serait par terre ou par mer, et on a trouvé que ce dernier mode serait le plus salutaire. Le Monarque continue toujours à être très-aimable pour moi; dernièrement il a eu la bonté de m'apporter le passeport de ma soeur que je lui avais demandé, moitié sérieux, moitié en plaisantant. Il me l'a donné deux jours après que je lui en avais parlé, et si je m'étais adressé au Comité des ministres je suis sûre que ces messieurs auraient lanterné quinze jours pour le moins, encore c'eut été trop heureux! Enfin il a juré de se faire adorer par moi et il y a tout-à-fait réussi. Il y a huit jours qu'il est établi dans notre voisinage à Tzarskoé-Célo. L'Impératrice y est également avec ses trois dames qui sont: la princesse Wolkonsky, m-lle Walouiew et m-lle Sabloukow. Je ne sais par trop si ces infantes font bon ménage ensemble, mais je puis vous assurer que chez nous tout est en parfaite harmonie: nous vivons dans la meilleure intelligence possible, mes jeunes personnes surtout sont de bien bons enfans. Mademoiselle Anrep est parfaitement distinguée; dix huit ans, une figure charmante, de l'esprit, de l'instruction et une modestie qui fait plaisir à voir; il y a longtems que je n'ai rien vu de si comme il faut; elle vient beaucoup chez-moi, et nous lisons ensemble le discours de Bossuet sur l'histoire universelle.

On a eu des nouvelles de la princesse d'Orange. Elle a écrit le 18 de Riga; elle voyage lentement, elle est grosse, elle vomit continuellement; cependant sa santé est fort bonne, et nous croyons toujours qu'en trois semaines elle sera arrivée à Berlin.

XL.

Moscou, le 29 juin 1816.

Je suis invité à Ouska aujourd'hui, jour de S-t Pierre; il serait assez convenable d'y aller, mais je ne m'en sens pas la force: la chaleur est excessive, je suis lourd comme une meule de moulin dans cette saison, et pour aller dîner avec Titow, la cousine Chérémetew, Semen Iwanowitch et quelques vieilles commères, sans pouvoir causer avec la comtesse Tolstoï, la seule qui ait de la conversation, je vous avoue que je ne m'en sens pas le courage. C'est pour moi un sujet d'étonnement toujours nouveau qu'une femme qui a autant le goût et le sentiment des bonnes choses (car ses lectures sont du meilleur genre et prouvent une femme de beaucoup d'esprit, ainsi que la manière dont elle raisonne sur les sujets sérieux) puisse s'accommoder d'un entourage pareil à celui qu'elle a habituellement! J'aime bien mieux le tact de celui qui vous apporte les passeports que vous lui demandez; je suis enchanté des preuves de bon goût qu'il donne dans tout ce qui vous regarde: c'est une preuve de plus qu'entouré de gens d'esprit il ferait des choses en grand avec l'à propos et la mesure qu'on voit si rarement sortir de la fabrique des faiseurs qu'il employe. Ce sont des novices que vos ministres, sans en excepter un seul. Mais nous n'allons pas traiter les intérêts de l'état, et il est inutile d'appuyer sur un sujet qui nous regarde si peu l'un et l'autre en particulier, mais qui intéresse le public en masse plus qu'on n'a l'air de le croire.—C'est un beau tour de force que ce qu'on fait au Kremlin où le palais commencé depuis un mois sera prêt le 15 aoust à recevoir l'Empereur. Le prince Youssoupow est là comme Virgile nous représente Didon bâtissant Carthage, animant mille ouvriers divers, donnant de l'âme à tout et présidant chaque partie avec la même activité. Il a par dessus cela une intégrité au-dessus de tout soupçon, et c'est dans ce pays une vertu d'autant plus précieuse qu'elle est presque introuvable. Vous voyez bien que j'ai dans la tête quelqu'injustice qui me choque, car j'en reviens malgré moi à fronder le genre humain. Je ne prétends pas le corriger au reste et je me dis chaque jour qu'il en est des abus comme de la sécheresse qui nous désole et contre laquelle il n'y a rien à faire qu'à prier Dieu pour qu'Il fasse pleuvoir sur nos foins et nos avoines qui sèchent à faire craindre que nos bêtes ne meurent avant l'hyver. Voilà de ces malheurs contre lesquels personne ne murmure, et le silence qu'on garde dans ces cas-là m'a toujours paru un hommage rendu involontairement à la toute puissance de Dieu à laquelle chacun se soumet.

XLI.

Pawlowsky, le 27 juin 1816.

M-r de Fitzthum vous donnera de mes nouvelles en grand détail, puisque voilà bientôt six semaines que nous habitons sous le même toit; il vous parlera de nos dîners, de nos soirées et de ma bonne et de ma mauvaise humeur. J'ai secoué un peu le noir qui s'était emparé de mon esprit; je me suis mise en retraite depuis hier pour pouvoir communier Jeudy. Chaque année je le fais le 26 de ce mois, mais comme le 25 qui était le jour de naissance du grand-duc Nicolas j'ai dû paraître au salon, j'ai commencé ma retraite le lendemain. Je suis donc restée hier toute la journée en pleine liberté; tout le monde a été à Gatchina où l'Empereur s'est rendu de son côté. On s'y est peut-être fort amusé, malgré cela je n'ai envié le sort de personne et je ne puis vous rendre combien j'ai savouré la douceur d'être avec une capotte bien large, les cheveux roulés et de me taîre une dizaine d'heures! J'en reviens à mon refrain: non, il n'est pas de faveur au monde qui vaille cette aimable existence! Je vous assure que je le sens si fort, que si je me laissais aller à ce que me dicte mon goût; je serais fille à faire un coup de tête et laisser là tous mes succès de cour.

L'Empereur est venu ici avant-hier, et comme la causette est déjà chose établie, il vint à moi tout de suite en sortant de table. Je tâchai de n'être pas maussade et je crois que cela n'alla pas mal. D'ailleurs ce qui m'avait *chipotté* quelques jours avant n'était plus dans sa première force, et ma figure se trouvait plus claire. En vérité, cher Christin, lorsque je m'examine un peu, je vois que je suis bien misérable. Imaginez que souvent il m'arrive d'avoir du chagrin pour avoir fait une chose que la raison dictait, mais que le coeur désavouait en plein; je sais parfaitement qu'il fallait agir ainsi, mais ce que j'éprouve de peine en n'écoutant que la voix de la raison ne peut pas se rendre! Voyez, je vous prie, quelle bizarrerie et dites s'il n'y a pas de quoi pleurer d'en être presque à se repentir d'avoir été sage.

Nous avons eu Dimanche la ville et les fauxbourgs. Il m'est venu dans ma chambre la princesse Dolgoroukoï avec la petite Lanskoï (celle qu'Alexandre Galitzine doit épouser); ces dames ont fait leur toilette chez moi, et la première n'a pas laissé que d'être fort satisfaite de sa course à Pawlowsky, car elle a eu le bonheur d'arranger ses affaires d'hypothèque. L'Empereur l'a acostée, lui en a parlé le premier, et la

bonne dame qui est habile de son naturel, a trouvé moyen de l'attendrir si bien qu'il lui a fait la promesse d'aller chez elle à Kamennoï-Ostrow pour traiter de tout cela coeur-à-coeur; elle en est restée toute enchantée, et une fois rentrée chez-moi nous avons fait chorus sur la grâce et l'amabilité du Monarque. La petite Lanskoï de son côté m'a fais part de son mariage pour cet hyver, et cette nouvelle s'accorde parfaitement avec ce que m'en dit la princesse Boris, qui ajoute que son mari cherche à acheter des dimants et des chals pour sa future belle-fille, circonstance que je n'ai pas traitée avec celle-ci pour lui menager une surprise agréable. Cette petite personne a de l'esprit; sans être jolie on la trouve gentille; autrefois elle avait des manières un peu polonaises, mais elle s'en corrige visiblement. Enfin, je suis d'avis qu' Alexandre s'en arrangera à merveille. Quant à la princesse Boris, elle sera enchantée: c'est une personne de plus dans son salon, et elle ne demande pas mieux. Tatiana me donne de tristes nouvelles de sa soeur Kourakine; elle ne veut ni parler ni rire, et il me paraît que rien n'a changé pour le moral; je la plains de tout mon coeur. L'oncle Kourakine qui est ici à demeure m'a fait voir une lettre de son frère qui mande que sa belle-fille a le plus grand désir de s'éloigner de sa famille, trouvant qu'on l'excède de soins. Il parle aussi de ce projet d'Odesse et abîme son fils qu'il reconnaît coupable de tous les maux de Lise. En tout autre tems j'aurais plaidé la cause de Boris, mais actuellement je suis si convaincu qu'il ne vaut pas la peine qu'on le défende, que je m'en suis tenue au silence.

XLII.

Moscou, le 3 juillet 1816.

J'appris hier Dimanche, chère princesse, l'arrivée du prince de Weymar et je demeurai tout le jour à la maison de peur de manquer m-r de Fitzthum en cas qu'il vint. Je sortis à 9 heures du soir, et il arriva à 9 heures et demie, en sorte que je trouvai votre lettre en rentrant. Devinant qu'il n'aurait que peu de moments à sa disposition, e suis allé chez lui ce matin avant dix heures et je l'ai trouvé en robe de chambre. Nous avons fait sous vos auspices une prompte connaissance, son air franc et ouvert, son ton simple et facile ont beauboup abrégé les formalités. Nous avons parlé de vous en courant, parce qu'il fallait le laisser faire sa toilette pour suivre son prince. Ils ne passeront que neuf jours ici, et tous ces jours sont destinés à des cour-

ses, de façon que je ne verrai guères l'aimable chambellan qu'à l'aube du jour, quand il pourra me donner quelques moments.

Je comprends mieux que qui que ce soit la peine qui vous tourmente, ou pour mieux dire le genre de peine (car je ne sais encore que l'espèce). Qui n'a pas éprouvé la dure tyrannie qu'exerce la raison! Qui n'a pas été cent fois tenté de lui arracher l'empire, pour s'abandonner aux penchants si doux du coeur! Vous parlez à un expert qui depuis trente ans est frappé de la vérité de ces vers de mad. Deshoulières en parlant *de la raison*:

Et déchirer un coeur qui l'appelle à son aide,
Est tout l'effet qu'elle produit!

Cependant, chère princesse, heureux qui éprouve ces révoltes du coeur plutôt que les reproches de la raison si amers à la longue! Il vaut mieux regretter que se repentir. Les sacrifices portent leur recompense avec eux, le tems efface la peine, et le dédommagement va toujours croissant. C'est le contraire quand on permet aux passions d'écarter la raison; alors le goût passe, et le repentir devient la pénitence de toute la vie. Je vous félicite donc de ce qui vous afflige par fois; vous avez comme tant d'autres marché entre un chemin semé d'épines et un précipice caché sous des fleurs. Mais vous avez, comme le très-petit nombre, préferé vous blesser dans le sentier étroit plutôt que de vous perdre en vous livrant au piège. C'est là la vertu: car qui dit *vertu* dit *force*. Dites-vous bien tout cela quand ces regrets viendront troubler votre repos.

Mardy, 4 juillet.

J'appris à huit heures que le prince de Weymar était *aux étangs*. Le public courait pour le voir, et moi qui ne suis pas autrement badaud, j'y courus aussi pour voir votre ami Fitzthum. Je trouvai tout au haut d'une estrade entourée de musique, le prince Youssoupow et m-r Tormasow en grands costumes, ayant son altesse entre eux deux et la régalant de thé et de glaces; six cent personnes debout, les yeux fixés sur le prince de Weymar examinant sans doute si le beau-frère d'un empereur mange par la bouche ou par l'oreille. J'avais mis mes meilleures lunettes et j'en cherchais vainement une autre paire sur le nez du chambellan; je ne vis rien et je m'éloignai, mais à peine avais-je fait cent pas que je le rencontrai avec l'autre cavalier de Weymar et m-r Bibikow le maître de police; il quitta sa société et vint à moi

en m'engageant de faire un tour à nous deux. Nous causâmes alors fort à notre aise, et vous fûtes, chère princesse, le premier sujet de notre conversation; vous étiez, je vous assure, en fort bonnes mains, mais je ne vous répèterai point ce que nous dîmes. Nous fîmes notre promenade trop longue: quand nous revînmes à l'estrade, tout était parti, et m-r de Fitzthum se trouvait à pied et sans voiture; si bien que je le ramenai en drochki ce qui avança beaucoup les affaires, car vous comprenez que deux hommes, qui viennent des étangs à la Twerskoï sur un petit drochki, se connaissent de très-près au bout du voyage. S'il se trouve aussi bien que moi de la connaissance, il reviendra sûrement, et je crois même que ce sera demain matin.

Vous saurez que Jeudy dernier, jour de S-t Pierre, quarante personnes étaient rassemblées à Ouska chez la comtesse Tolstoï (cependant comme c'est Titow qui est le narrateur, je crois que nous pouvons reduire ces quarante à dix ou douze). Après dîné l'orage a grondé, les nuages se sont approchés, on a eu peur, on a quitté une certaine chambre pour se retirer dans une autre dont les fenêtres présentaient un ciel moins sombre. Titow, accablé de la chaleur, est demeuré seul dans cette chambre exposée à l'orage pour essayer de dormir; à peine a-t-il été étendu sur le divan que, *patatra*, voilà un tonnerre effroyable qui tombe sur la maison, casse toutes les vitres, renverse les meubles, perce le plafond et répand une odeur de souffre insupportable; vous jugez de la frayeur générale. Cette partie de l'histoire n'est nullement exagérée, car Pizzikow me l'a contée mot-à-mot comme le général.

La semaine est très-mauvaise pour ce pauvre général; ouvrez vos oreilles et écoutez une histoire qui vous fera plaisir, j'en suis sûr; elle m'en a fait beaucoup par rapport à Catherine. La comtesse Ostermann ne peut pas prendre sur elle d'aller à Ouska, sa sensiblerie ne lui permet pas de voir un lieu qui a appartenu à son charmant frère: cela oblige madame Tolstoï à faire tous les pas et à aller sans cesse à Illyinska, ce qui contrarie beaucoup ses goûts casaniers. Pour rendre la chose moins ennuyeuse, elle engagea le jour de S-t Pierre toute sa société à aller passer quatre jours de suite chez la c-esse Ostermann, savoir Nathalie Arbamowna et sa fille Gagarine, la vieille Tourguéniew et quelques autres femmes du bon genre. La partie est acceptée, on fixe le jour à Dimanche dernier, et Titow instamment prié s'y rend exactement de son côté. La soirée de Dimanche fut fort bien, le déjeuner de Lundy de même; mais un gros caprice passa sans doute par la tête de la petite comtesse à l'heure du dîner. En se mettant à table, Titow s'avisa de remarquer qu'il était le seul homme entre onze femmes, et il dit ces propres mots: *Il faut avouer que j'ai bien du courage de m'asseoir ici*

seul homme contre onze femmes. Ces mots, bien simples et surtout bien innocents dans la bouche de Titow, parurent une grosse indécence et une insulte grave à mad. Ostermann. Elle devint aussitôt furieuse, elle cria, s'emporta et lui dit: „J'espère, monsieur, que c'est la dernière fois que vous tiendrez de semblables propos dans ma maison qui désormais vous sera fermée". Titow, tout ébahi, lui demanda si elle parlait sérieusement.—„Oui, monsieur, très-sérieusement, et pour vous le prouver, je vais faire mettre vos chevaux à votre voiture"; et aussitôt, elle ordonne, d'un ton à se faire obéir, qu'on attele la voiture du général. Tout le dîner fut consterné; mad. Tolstoï et la princesse Gagarine voulurent calmer mad. Ostermann, on n'obtint rien. Le dîner fut très-court et en sortant de table, Titow prit sa canne et son chapeau, passa dans le jardin et monta en voiture en évitant tout ce qu'on aurait pu dire pour le retenir. Ce matin il a reçu une lettre de mad. Ostermann qui l'a obligé à venir me conter toute l'affaire; car vous saurez que je suis en possession de composer les lettres françaises du cher général depuis sept ou huit ans (ceci est un grand secret que je vous confie et que je ne trahis que pour vous seule: vous en avez même reçu une de ma façon deux ans au moins avant que j'eusse le bonheur de vous connaître). Il est donc entré chez-moi ce matin, plus ému que je ne saurais vous le dire; il a commencé par me conter mot-à-mot toute cette histoire, jurant ses grands dieux qu'il n'y ajoutait ni n'en retranchait un seul mot. Après quoi il me pria de lire la lettre qu'il me présenta et de lui faire la réponse la plus fière et la plus piquante que je pourrais. Voici la lettre de la comtesse: „Vous avez pris au „sérieux, mon cher ami, une plaisanterie que j'avoue moi-même avoir „poussée trop loin; mais si vous avez pour moi l'amitié que vous m'a- „vez si souvent jurée, vous viendrez aujourd'hui à Waréwa, où nous „allons toutes pécher du poisson. Nous vous y attendons sans faute. Je „sais que vous ménagez vos chevaux, c'est pourquoi j'ordonne à Fro- „low de vous en mener six que j'ai laissés à Moscou; servez-vous en „pour venir, et ils vous reconduiront en ville; vous me prouverez par „là que vous n'avez aucun rancune contre votre sincère amie L. c. O." Titow avait les yeux hors de la tête. „Comment peut-elle appeler *plaisanterie* l'insulte la plus grave qu'on puisse faire à un homme! Elle m'a chassé de sa maison, je n'y remettrai jamais le pied; je vous prie en grâce de me faire la lettre la plus *terrible* que vous pourrez". Je lui ai répondu que jamais je ne prêterais ma plume pour écrire rien d'offensant à une femme; que d'ailleurs le seul ressentiment qui lui convint était une noble froideur et que s'il m'en croyait (puis qu'à aucun prix il ne voulait accepter l'invitation) le mieux serait de la refuser poli-

ment et sans aucune explication quelconque. Il a eu de la peine à se ranger à mon opinion, mais cependant il a fini par me croire, et voici ce qu'il a répondu sous ma dictée: „Je suis bien fâché, madame la „comtesse, de ne pouvoir point accepter l'invitation que vous avez la „bonté de me faire. J'ai l'honneur d'être votre très-humble serviteur „Titow". Vous sentez que sa colère passée, on l'aura bientôt ramené; car il ne peut pas plus se passer de ces dames qu'elles ne peuvent se passer de lui; mais au moins une fois il aura eu du sens et de la modération et me saura gré de ne lui avoir pas fait écrire des sottises. Je vous avoue, chère princesse, que je suis enchanté que la petite virago ait eu un emportement de ce genre devant ses amies intimes; un emportement bien gratuit et poussé au de-là de toutes les bornes sans la moindre provocation. Cela explique sa conduite plus qu'absurde envers Catherine; cela donne la mesure de son caractère, et cela prouve selon moi qu'elle est folle, car la folie peut seule expliquer une conduite comme la sienne dans ces deux circonstances.

J'ai encore d'autres avantures tragi-comiques à vous conter et je les tiens de votre soeur Catherine et de m-r Dmitriéw, l'ex-ministre de la justice, l'un et l'autre acteurs dans les malheureuses scènes que je vais vous rendre. C'était chez le prince W . . . . . à la campagne, aussi le jour de S-t Pierre. Je vous ai mandé que Catherine y était allée la veille, ce qu'elle n'a fait que pour avoir l'occasion de visiter à 7 verstes de-là le tombeau de sa mère. Le Mercredy, veille de la fête, votre soeur, en dînant, se querella avec Alexis Pouchkine, Dieu sait à quel propos; après dîner elle éprouva de vives douleurs d'estomac, fut obligé de monter dans sa chambre et vomit son dîner et ensuite par quatre ou cinq fois une grande quantité de bile; elle attribua tout cela à sa petite colère en mangeant. Elle se moqua d'elle-même et fit ensuite le même soir son pèlerinage au couvent, sans qu'il fut plus question de rien. Le lendemain il arriva beaucoup de monde pour la fête; on dîna, et votre soeur, pour menager son estomac, fut d'une sobriété extrême. Aussitôt après le dîner on entend dire que le prince Tchetwertinsky est malade, on y court, il vomissait tripes et boyaux; pendant qu'on le secourait, on vient avertir que madame Pouchkine (Алена Григорьевна) est dans le même état ainsi que sa fille, puis m-r Riabinine et puis surtout le jeune Lounine; celui-ci vomissait du sang. On ne savait auquel entendre, c'était une émoi affreux dans la maison. Cependant quand on eut porté de l'eau de menthe à celui-ci, de la camomille à celle-là, quand on eut placé chacun sur un lit pour leur faire reprendre des forces avant l'heure du spectacle, W . . . . cherchа à distraire le reste de ses hôtes, et pour leur faire oublier les ma-

lades du château il les mena en pleins champs. Une jolie rivière se présenta avec un radeau plus joli encore, on s'y embarque gayement; mais comme la prudence et les précautions semblaient ce jour-là avoir déserté les jardins du prince aussi bien que ses cuisines, il se trouva qu'on se plaça seize personnes sur un radeau qui n'était tout au plus de force que pour huit. Cependant tout alla assez bien jusqu'au milieu de l'eau, et ce ne fut que là, qu'on s'apperçut que le radeau submergeait; on voulut rebrousser, mais la terreur s'empara de toutes les têtes, on se jetta tout-à-coup à droite et quand l'eau arrivait à la cheville du pied, on poussait des cris et on revenait à gauche tous en masse, si bien que le radeau tourne et jette mes seize embarqués dans la rivière. Les hommes en avaient jusqu'aux épaules et les femmes jusqu'au cou; on jetta des cordes, on retira tout le monde, personne ne fut noyé, mais la frayeur fut au comble. On assure que cet esprit fort de Pouchkine en ressentit l'atteinte plus que qui que ce soit, qu'il fit des signes de croix, des actes de contrition et que sa figure avait l'expression de terreur d'un grand pécheur, qui commence ses comptes avec le Ciel. Vous vous représentez la mine de W . . . . ramenant sa troupe mouillée à la maison; vous vous imaginez l'embarras de trouver des habits pour tout le monde. Les uns prirent la chose gayement, les autres tragiquement. Dmitriéw, le doyen de la bande, avoue qu'il était honteux à mourir de se trouver couvert de fange au milieu de ces étourdis. On ne put jamais le décider à voir le spectacle; la princesse alla le supplier de descendre, il refuse. „J'en avais bien assez, dit-il, et je ne voulais pas m'exposer au nouveau ridicule de paraître sans perruqnes au milieu de cette jeunesse avec des pantalons faits pour un homme de vingt ans, des bottes de maroquin jaune et une capote ouattée pour tout habit; je préferai de me mettre au lit, de prendre du thé et de me restaurer jusqu'au lendemain que je revins chez-moi, en jurant bien qu'on ne me rattraperait plus à semblable fête". Vous sentez que la comédie et le feu d'artifice en furent bien troublés et que le pauvre W . . . . aurait voulu n'avoir jamais rêvé à cette malheureuse fête. Il faut croire qu'il fera étamer ses casseroles et renforcer ses radeaux pour la prochaine occasion.

Des désastres de W . . . . passons aux désagrements que viennent d'essuyer trois sénateurs qui ont eu une reprimande pour la chose du monde la moins digne d'occuper un tribunal suprême; ces messieurs sont Baranow, Gagarine, et j'ai oublié le nom du troisième. Voici l'origine de la chose. Dans je ne sais quel village reculé, une vieille femme recevait des copéques des paysans pour placer de petites bougies devant les images de l'église. Elle fut soupçonnée de s'appro-

prier une partie de l'argent, surveillée et convaincue d'avoir escamoté à son profit la somme de 26 copéques sur l'argent que les paysans lui avaient confié. Que le staroste du village fit de ce délit une chose grave et en punit l'auteur, c'est tout simple; mais qu'un tribunal de district reçoive la plainte et veuille juger, on commence à s'en étonner. Cependant la chose a eu lieu ainsi, et de plus d'appel en appel ce procès est arrivé au Sénat de Moscou qui s'en est occupé sérieusement, et qui pour rendre le délit plus grave l'a rangé dans la classe des sacrilèges, sans comprendre que le sacrilège eût consisté à voler ce qui est déjà consacré et non à filouter quelques sous sur l'argent destiné à acheter des cierges. Ces trois sénateurs ont conclu au knout pour la malheureuse vieille, et la sentence allait être exécutée si m-r Mansourow, en sa qualité de procureur du Sénat, n'eût mis opposition à la chose jusqu'au retour de l'avis qu'il en donnait an ministre de la justice. Le ministre en a rendu compte à l'Empereur, qui, justement indigné qu'on usât de tant de rigueur pour un délit si mince, a fait remercier m-r Mansourow et reprimander vertement nos illustres magistrats en leur intimant de ne pas arrêter les affaires essentielles pour s'occuper de misères comme celle-là. Et cela a causé une grande rumeur parmi les sénateurs et surtout dans les familles de ceux qui ont des belles-mères comme Nathalie Abramowna qui se permettent de tout dire.

Pour le coup, chère princesse, voilà le fond de mon sac; si vous n'avez pas assez de mes nouvelles, vous n'avez qu'à en chercher ailleurs, car Moscou n'offre plus rien.

LXIII.

Pawlowsky, le 2 juillet 1816.

Eh bien, comment avez vous trouvé m-r de Fitzthum? Son absence nous laisse un grand vide, et la première fois qu'il m'est arrivé de descendre au salon j'ai bien senti qu'il y manquait. Je n'en dirai pas autant de son compagnon m-r de Bielke; cela peut-être un parfait honnête homme, je suis toute prête à le croire, mais pour agréable, ce n'est pas son fait. En général ce départ du prince de Weymar me donne un aperçu du vide que nous éprouverons lorsqu'il sera question de celui de madame la grande-duchesse. Nous nous sommes si fort habitués à sa présence, à la voir continuellement qu'on sera fort longtems avant de s'accoutumer à ne plus la trouver parmi nous.

Quant à l'Impératrice, je n'imagine pas comment elle fera pour s'en passer: depuis l'instant du déjeuner jusqu'à celui du coucher, elle ne quitte presque pas sa fille, et tout d'un coup elle ne la verra plus! Je ne comprends pas, en vérité, de quelle manière elle arrangera son tems pour ne pas sentir combien elle sera seule. Le grand-duc Michel, ayant des maîtres presque toute la journée, ne peut-être une grande ressource pour elle; je la plains de tout mon coeur, je vous assure.

L'Empereur a dîné hier ici, il portait l'uniforme des chasseurs de la garde qui lui allait à merveille; il était gai et tout-à-fait aimable. Il m'a demandé si mes oreilles ne m'avaient pas *corné* il y a quelques jours, parce qu'il avait, disait-il, beaucoup parlé de moi, et puis il me donna à deviner: avec qui? Je lui répondis que si je ne savais pas que mad. Strogonow était absente, je croirais que c'est avec elle, mais que la sachant dans sa terre je ne pouvais tomber que sur madame de Litta. Il me nomma alors la princesse Dolgoroukoï chez qui il a été et dont il vient d'arranger les affaires en lui prêtant trois cent mille roubles qu'il lui fallait pour payer les arrérages de ses fermes de vin. Quoique ce soit une nouvelle dette que la princesse Dolgoroukoï vienne de contracter, cet emprunt peut être regardé comme un véritable bienfait, puisqu'il la met à même de conserver des terres qui allaient être vendues à l'encan. Jamais elle n'eut pu trouver cette somme chez des particuliers à moins d'en payer un intérêt fort onéreux. Je suis bien aise qu'elle s'en soit tirée à si bon compte, mais je vois d'ici tous les envieux que cela va lui donner, et comme on glosera! Eh, messieurs, glosez si cela vous amuse: l'affaire n'en est pas moins faite.

Notre soleil de Pawlowsky s'amuse à nous brûler, de telle façon qu'il me fallait hier toute l'eau du canton pour me rafraîchir; il fait une sécheresse affreuse, on prie dans toutes les églises pour la pluye, on fait des processions; rien ne vient jusqu'ici. Mais dans le moment où je vous écris j'entends de loin gronder le tonnerre, et la pluye pourrait bien nous arriver à la suite de ce petit bruit-là.

C'est Dimanche aujourd'hui, nous avons du monde, et je vais vous quitter pour aller me faire belle. A tantôt donc; mais à propos, il faut encore que je vous conte que hier nous fîmes une promenade par eau qui a failli ne pas être plaisante du tout; il en est venu dans la chaloupe par en bas, et cela a été si vite, si vite, que plusieurs personnes en ont eu jusqu'à la cheville. Moi j'ai monté sur un banc et puis, donnant la main à un matelot, j'ai sauté dans un autre petit bateau qui s'était avancé pour venir à notre secours; en moins d'une seconde je me trouvai suivie par cinq ou six autres de notre société; notre matelot sa mit à ramer des deux bras, et tout de suite nous

transporta sur le rivage. Celles qui furent mouillées se sont amusées à se déchausser et à faire un bout de toilette au pavillon des roses. Contez cela à m-r Fitzthum si vous voulez, et dites lui, je vous prie, que s'il avait été ici, c'est à lui que j'aurais reservé le plaisir de me tirer de danger.

Je reviens, monsieur, pour vous dire que j'ai dîné côte-à-côte avec madame Golowine qui est venue faire sa cour aujourd'hui avec ses filles; je l'ai trouvée dans les amours pour madame Rosalie Rzeuska. Vous savez qu'il faut toujours un objet d'admiration à mad. Golowine; l'année passée c'était Aglaé Davidow, actuellement le hasard vient lui offrir Rosalie, et il n'y en a plus que pour elle; c'est une perfection, a entendre parler mad. Golowine, vertu, beauté, esprit, talents, tout est réuni dans la personne de mad. Rzeuska dont elle fait sa société journalière. La comtesse Golowine lui fait son portrait, enfin je vous assure que c'est une exaltation et une extase parfaites. Je vous avoue que de tems à autre j'aime assez l'espèce de divagation que cause un sentiment exagéré, si ce n'est passionné. J'ai donc laissé parler madame Golowine et en vérité je l'ai trouvée fort aimable à travers son délire; elle a également la manie de faire valoir tout ce qui lui appartient, et toujours avec une certaine exagération. En me parlant tout-à-l'heure de sa fille cadette, „Lise est à mourir", dit-elle, „il lui échappe de ces choses qui ne viennent en tête à personne. Eugénie (jeune fille élevée dans la maison) lui demandait l'autre jour: mademoiselle, que veut dire un vertigo? Lise sans s'arrêter: mon enfant, c'est un torticolis moral.—Qu'en dites-vous? Vous pensez bien qu'il m'a fallu faire les honneurs du torticolis moral, quoiqu'à vrai dire je ne vois pas que cela fasse le vertigo". Vous qui avez plus d'esprit que moi, dites un peu si cela est joli pour que je le trouve de même. Je ne demande pas mieux.

XLIV.

Moscou, le 10 juillet 1816.

Voici, chère princesse, votre lettre du 2. Je l'ai reçue hier au soir, et un moment après elle est arrivé m-r de Fitzthum à qui j'ai fait part de ce qui le regardait; imaginez que je ne l'avais pas revu depuis les étangs: il avait couru à Troitza, à Woskrecensky, à Tzaritzino, à Archangelsky, à Wassiliewsky et je ne sais où encore; si bien qu'il n'avait pas eu un moment à me donner au milieu de toutes ces courses. Hier il me sacrifia le spectacle et m'a promis de revenir aujourd'huy prendre ma lettre pour vous la remettre Vendredy.

Nous avons beaucoup parlé de vous d'abord et puis de politique; car ce sujet revient toujours bon gré mal gré qu'on en ait. Nous sommes dans des idées différentes, sans pour cela différer de principes: nous voulons l'un et l'autre le plus grand bien de tous, mais nous voyons deux chemins pour y arriver. J'ai par devers moi une triste expérience qui me fait croire à la nécessité de mener les hommes un peu comme des moutons qu'on tond, mais qu'on n'écorche jamais. Il a pour lui les illusions du jeune âge qui lui persuadent que les moutons sont assez sages pour donner de leurs toisons, ce qu'ils croyent suffisant au berger, et pour le donner quand et comment il leur plaît. Dans son système, qui prouve une belle âme, il fait abstraction des passions de tous genres que la loi est souvent insuffisante pour reprimer et contenir, et qui doivent être maîtrisées par une autorité suprême, et qui n'est suprême qu'autant qu'on lui est soumis presque sans raisonnement. L'intérêt du despote ne peut être que de bien gouverner: car s'il abuse de son autorité, les sujets en reviennent bientôt au droit de nature qui est celui du plus fort. Le despote, homme de bien, peut et doit faire un excellent souverain. Mais je crois bien difficile d'être gouverné paisiblement par une collection d'hommes qui ont mille intérêts personnels croisés en sens contraire. La constitution anglaise a des côtés admirables, j'en conviens; mais elle en a de bien défectueux aussi, et souvent la lettre de la loi en tue l'esprit; et puis elle a été fondée sur trois siècles de guerres civiles et de massacres. Malgré cela, son existence de 128 ans est à mes yeux un miracle dont les autres pays pourront bien n'être pas favorisés, et je ne vois pas sans frayeur le projet de faire partager la puissance souveraine aux peuples. M-r de Fitzthum pensera dans 20 ans peut-être comme je pense aujourd'huy; l'expérience sera pour lui comme pour tant d'autres le grand-maître auquel les esprits droits, comme le sien, ne resistent pas à la longue. Lisez-lui ceci de ma part, je vous prie, en l'invitant à me dire en 1836 ce qu'il juge de son système d'aujourd'huy. Si par hasard je m'en étais allé savoir la vérité des choses dans un monde meilleur, priez le du moins de se souvenir de moi à cette époque reculée, quand il verra les abus et les inconvénients des gouvernements représentatifs. Toutefois je ferai de mon mieux pour vivre jusques là afin d'avoir le plaisir de jouir de sa conversion politique. Priez-le donc de mettre dans son agenda une note qui lui fasse souvenir qu'il me doit une lettre pour le mois de juillet 1836. Ces matières de gouvernement doivent être soumises à l'expérience bien plus qu'au raisonnement: à peine ce dernier peut-il nous convaincre que les hommes ayent besoin d'un maître et que la loi naturelle ne soit pas la meilleure. Mais l'histoire

nous prouve que les républiques sont turbulentes dès qu'elles ne sont pas despotiques comme Venise, et que les états fleurissent sous de grands rois malgré leur toute puissance. J'aimerais mieux la France de Louis 14 que celle de Louis 18, je crois que chacun y connaissait mieux ses droits et sa place. J'aimerais assez le bâton de Pierre-le-Grand: il ne tombait que sur les épaules qui méritaient de le sentir, les autres vivaient en paix à l'abri de cette autorité vigoureuse. Mais quand toutes les ambitions sont déchaînées, que chacun veut parvenir à tout et que chacun se croit propre à tout, il en résulte un conflit d'intrigues et de haines qui engendre mille désordres, sans être plus favorable pour cela au succès du mérite et des talents réels. L'homme de mérite ne sait pas faire son chemin avec les coudes; il attend qu'on le démèle de la foule. Mais qui le démèlera? Sera-ce une chambre législative dont chaque membre redoutera un concurrent? Non, sans doute. Mais ce sera probablement un souverain attentif à s'entourer et à s'aider des sujets les plus propres à concourir avec lui au bien de l'état, qui encore une fois ne peut qu'être le but de tout souverain homme de sens.

Mais je m'aperçois que j'écris à m-r de Fitzthum et non à vous, chère princesse. Il faut donc que j'en revienne à vous dire combien je suis ravi que l'Empereur parle de vous dans l'occasion; cela prouve son goût, je le répète, et cela doit soutenir votre constance contre les dégoûts du grand monde. Quand on y est, il est agréable d'y être sur un pied agréable et honorable.

XLV.

Pawlowsky, le 8 juillet 1816.

Certainement j'ai désiré d'être à la cour; il y a 8 ans que j'en avais la plus grande envie; mais pourquoi? Pour vivre à Pétersbourg que j'aime; pour y rester avec des personnes qui me convenaient alors, et en même tems pour ne pas dépendre de ces mêmes personnes. Or, quel était le moyen qui devait me procurer cette existence? C'est celui d'être demoiselle d'honneur. Je savais fort bien que c'était à peu près un rêve creux, et je crois vous avoir conté comment j'en fis la demande au c-te Tolstoï en manière de plaisanterie; je me souviendrai toute ma vie de ce dîner chez madame Pachkow où je risquai la proposition. J'étais loin d'imaginer qu'un jour elle aurait son effet. Enfin, il plut à la Providence de me placer où je suis, puisque le c-te m'ay-

ant proposé à l'Empereur je fus accepté aussitôt. Mais je puis vous assurer qu'une fois logée et établie au château, jamais il ne m'est entré en tête de vouloir sortir de la foule; je n'ai jamais cherché ni désiré aucune distinction; la petite préférence qui me fut accordée pour mon logement me fit plaisir sous le rapport qu'on avait eu égard à ma prière, mais nullement pour m'avoir distinguée de mes compagnes, que je voyais d'ailleurs fort contentes des leurs. Je me suis tenue dans ce logement *exalté*, comme vous dites, pendant sept ans, non-seulement tranquillement, mais agréablement qui plus est, et je ne vois pas ce qu'il y avait de *pénible* à ma position. Je vivais d'une manière conforme à mes goûts; je faisais mon service quand mon tour arrivait, je pouvais jouir de tous les droits attachés à mon titre: le spectacle, le bal, l'hermitage; j'en usais quand ces choses-là m'amusaient, du reste parfaite liberté, ayant la possibilité de sortir quand je voulais, de m'absenter les étés.... Que pouvait-il me manquer! L'Empereur ne se doutait presque pas de mon existence, et vous voyez que cela ne m'a pas empêchée d'avoir et de très-bonnes connaissances et d'excellents amis. Je n'ai jamais fréquenté que la haute société, comme on a coutume d'appeler une certaine classe choisie, ce qui vous prouve qu'on ne s'est pas réglé *sur ce que j'étais à la cour*. L'opinion qu'on a pu prendre de moi était tout-à-fait indépendante de ma place, et il n'y a pas de raison pour qu'à l'avenir il en fût autrement. La petite circonstance de l'hyver dernière où l'on a cherché à faire tort à ma soeur, n'a amené aucun changement; tout au contraire, si j'ose le dire, j'ai vu en ce tems-là des témoignages d'intérêt et d'amitié que je n'oublierai de ma vie; la princesse Boris et mad. Gouriew se montrèrent alors en amies réelles, et cela fait plaisir quand on voit que ces choses-là ne tiennent à aucune considération étrangère à ma personne. Le projet de me retirer de la cour tient absolument à l'idée qu'on sert mieux Dieu dans la retraite que dans le monde, qui vous force à des relations si étendues; mais encore n'ai-je pas définitivement arrêté que cette idée soit juste; je le suppose seulement, et il me paraît qu'aucune faveur ne pourrait m'en détacher, car rien de ce genre n'a pu avoir prise sur moi.

La personne qui a été si aimable pour moi à Péterhof, m'a demandé si je voudrais la recevoir *chez-moi*, qu'elle avait eu l'intention de venir s'acquitter d'une commission que la comtesse Strogonow lui avait donnée, mais que la crainte d'être indiscret l'avait retenue. J'ai répondu que j'en aurais eu un grand plaisir, mais que n'ignorant pas que cela ne se pratiquait pas pour d'autres, je voulais être sur la même ligne; on m'a assuré qu'on avait été voir telle et telle. J'ai dit

alors que je n'en avais jamais rien su. Cette personne, qui voulait peut-être me tourmenter un peu, a prétendu qu'apparemment elle ne m'inspirait aucune confiance, et comme je m'apprêtais à y répondre encore, quelqu'un est venu nous interrompre, et ç'en est resté là. Que pensez-vous et de ce qui m'a été dit et de ce que j'ai répondu? Je vous avoue que je désirerais cette visite, mais je vous assure que je ne la provoquerai point. Ce sera comme il lui plaira.

Nous avons passé hier la journée entière à Tzarskoé-Célo; on a dîné au palais Alexandre, l'après-dîner on a été se promêner en ligne. J'ai vu les jardins entretenus dans la dernière perfection, un gazon comme le plus beau velours et d'une fraîcheur admirable. Lorsqu'on est rentré au château, la famille impériale a été chez elle, et moi je suis allé chez la princesse Sophie Wolkonsky qui m'avait engagée et j'y suis restée jusqu'à l'heure où l'on s'est rassemblé de nouveau. On a été faire une autre promenade par eau, il y avait plusieurs chaloupes très-élégantes; sur la colonne rostrale que vous connaissez sans doute on avait placé de la musique, nous avons fait ainsi deux ou trois fois le tour du lac, et puis on a fait aborder à une isle où l'on a trouvé une fort belle colation dont je n'ai pris qu'une tasse de thé. L'Empereur était très-aimable, faisant les honneurs à merveille et s'occupant de tout le monde. Nous étions près de cinquante personnes, entr'autres m-r et mad. Karamsine qui sont habitants de Tzarskoé-Célo; du reste, en femmes de la ville personne que madame Pleschéew qui demeure à Pawlowsky et qui est de notre société journalière. Nous sommes revenues à neuf heures chez-nous, et vous n'imagineriez pas ce qui m'attendait à mon retour. Une demoiselle Palavichini dont j'avais pris la place cet hyver auprès de la princesse d'Orange était à sa mort depuis huit ou dix jours; je l'allais voir trois ou quatre fois dans la journée; hier donc, aussitôt arrivée de Tzarskoé-Célo, je me rendis dans sa chambre comme de coutume, je trouvai toutes ses femmes autour de son lit qui m'apprirent qu'elle venait d'expirer. Je la fixai un moment ne pouvant croire que ce n'était plus qu'un corps inanimé; le médecin lui ferme les yeux en ma présence, et je sortis de-là avec le coeur tout serré. Aujourd'huy toutes nos dames ont été la voir, je n'en ai pas eu le courage. Hier cependant je l'avais bien vue, mais dans son lit elle ne m'inspirait aucune terreur, au lieu qu'avec cet appareil de mort je sens que j'en aurais eu peur. Ne contez pas cela à ma soeur Catherine.

XLVI.

Moscou, Samedy 15, pour Lundy 17 juillet 1816.

Il y a eu bien du grabuge à Sima; la grand'maman de Géorgie a enlevé sa petite-fille et la menée à Nijnei pour en faire une comtesse Potemkine contre vents et marée. Tout Sima met les pieds contre le mur pour empêcher cette belle alliance; cependant on est allé reconduire la grand'maman jusques je ne sais où. Tatiana n'a pu être de la partie, son petit était malade: ces enfans de huit mois vivent rarement. Celui-ci, après avoir été mieux, est mort la nuit de Lundy à Mardy d'une convulsion qu'on n'a pas pu arrêter. Vous jugez de l'état de cette pauvre mère! Elle fut reveillée par un accès de toux et se leva pour passer chez l'enfant; précisement on parait ce pauvre petit corps. Mad. de Noiseville lui barra l'entrée de la chambre, sans trouvez une autre excuse pour le moment que celle de dire qu'on promenait l'enfant en voiture par ordre du médecin, parce qu'il avait été fort malade. Jugez qu'il était trois heures du matin. Tatiana comprit à l'instant ce qui en était; elle ne fit pas de scène, pas de cris, mais depuis ce moment elle est dans les larmes aussi bien que son mari, et cette affliction est bien profonde.

M-r Miatlew me mande que le comte Worontzow, commandant en chef l'armée Russe en France, s'était battu en duel contre un colonel sous ses ordres nommé Löwenstern et l'avait tué. J'ai peine à croire à cette nouvelle, dites-moi ce que j'en dois penser. Pour nous, nous avons arrêté ici un fameux brigand, je ne sais trop dans quel village. Cet homme dépouillait les passans, mais il ne les tuait qu'à la dernière extrémité, et les isprawniks qui sont fort indulgents sur l'article du vol, surtout quand ils partagent, ne mettaient aucune activité à le prendre, ni aucune précaution pour le garder, aussi s'étail-il déjà sauvé de je ne sais combien de prisons. Cette fois-ci on dit qu'on veut l'enfermer tout de bon, parce qu'il corrompait bon nombre de paysans. Ce sont des femmes qui l'ont pris dans un bois; elles ont fait comme Dalila: elles l'ont régalé, l'ont caressé, l'ont endormi, désarmé et lié, et puis elles l'ont livré à la police. Voilà de maîtresses femmes au moins!

On raconte que quelques jours avant sa catastrophe cet homme passa dans une terre qu'habite madame Wolkow et qu'il rencontra mademoiselle Marie Wolkow se promenant seule dans un bois. Il l'aborde, la questionne, et lui demande entr'autre: si elle est femme ou

fille? Sur sa réponse il lui représenta qu'il était fort imprudent à une demoiselle de courir les bois toute seule; elle répliqua qu'elle était très-près de sa maison et que ce bois était fort sûr.—Qu'appelez-vous sûr? Vous ne savez donc pas que le fameux brigand *Iliouchka* est tout près d'ici?—Mon Dieu non, dit m-lle Wolkow, et vous me faites peur.— Ah, ah, vous n'êtes pas si brave *que vous en avez l'air*! Mais que ferez vous quand vous saurez que je suis cet Iliouchka?—A ces mots la pauvre fille fut prête à se trouver mal; mais *l'honnête* brigand la rassura, donna un coup de sifflet qui fit approcher aussitôt quatre jeunes gens auxquels il dit d'un ton impérieux: Reconduisez mademoiselle jusque à sa porte et ayez pour elle tous les égards qu'elle mérite. M-lle Wolkow rentra ainsi saine et sauve chez elle. J'ignore si ce conte est bien exactement vrai; peut-être est-ce une invention d'Iliouchka ou de ses amis pour lui gagner le beau séxe; et il est certain que les femmes vantent beaucoup la politesse du brigand et font des voeux pour son pardon; celles qui l'ont pris si traîtreusement passent pour des agens de la police qui méritent d'être reniées à tout jamais par les coeurs tendres et compatissants.

A propos, le vieux Lounine des Enfans Trouvés est mort après une longue maladie; mais ce qui est fort extraordinaire, c'est qu'il est mort deux fois. Jeudy il expira, et selon la barbare coutume de ce pays de ne pas même laisser refroidir un corps dans son lit, on le lava aussitôt, on l'habilla et on le mit sur la table où il ne fut pas plus tôt qu'il demanda à boire; il revint si bien à lui, qu'il fut tout étonné de sa belle toilette et de sa position. Il devina ce qu'on avait cru et se fit remettre au lit; mais, hélas, le lendemain il remourut, et cette fois ce fut pour longtems. Le baron Cerdobine est mort aussi à Penza; nous avons une saison très-meurtrière.

Vous m'en croirez si vous voulez, chère princesse, mais je m'attendais à la proposition qui vous a été faite; il y a de l'entraînement que je conçois mieux que personne et dont je désire la durée pour vous moins encore que pour lui. Vous êtes sage et d'un fort bon esprit, votre connaissance ne peut être qu'un bien autant qu'un agrément pour cette personne. Votre réponse a été fort mesurée, on reviendra à la charge, et les visites s'établiront peut-être. Si elles commencent, je dois croire qu'elles continueront: vous êtes trop aimable pour qu'on s'en tienne à la première. Au reste, j'approuve votre silence et je ne dirai mot à personne; tenez-moi au courant, je garderai pour moi ce que vous m'en direz. Vos lettres deviennent un des grands intérêts de ma vie à cause de tout ce que je vous souhaite, en conséquence de l'attachement que

je vous ai voué. Et cependant vous ne croirez pas que cet attachement puisse s'accroître ou diminuer par les circonstances; non, sans doute; mais l'intérêt en devient plus ou moins vif, et dans ce moment il est très-éveillé.

Je suis précisément depuis ce matin comme vous avez été auprès de m-lle Palavichini, c'est-à-dire dans des scènes de mourants. Un enfant d'un laquais qui avait coutume d'être auprès de moi quand je prends mon thé, qui se traînait sur mon tapis quand je suis à mon bureau et qui m'amusait de son babil naissant, est tombé tout-à-coup dans des convulsions affreuses; les père et mère plus absurdes cent fois qu'on ne le saurait dire, le laissaient mourir sans secours, disant qu'il est ensorcelé et qu'il n'y a rien à faire; la mère m'assure que le diable est entré dans le corps de cet enfant et que ce serait un *péché* de lui donner des remèdes. Je les ai envoyé paître; je me suis fait apporter cette pauvre petite créature, j'ai appelé un bon médecin et je lui fais administrer des bains et des potions dont je n'espère pourtant pas grand'chose, mais que je fais faire sous mes yeux. L'enfant n'a plus ni pouls ni connaissance, et je doute qu'il passe la nuit.

Lundy, matin 17.

Hé bien, l'enfant vit, et les convulsions sont presque cessées; j'espère qu'on le sauvera, mais je vois dans chaque circonstance combien notre peuple est encrouté d'ignorance et incapable de se gouverner par lui-même; il est impossible de raisonner avec lui, il faut commander, et il obéit mieux qu'aucun autre; c'est tout ce qu'il sait faire, et c'est déjà beaucoup.

J'avais entendu vanter le nain jaune comme plein d'esprit; il vient de me tomber sous la main, et j'ai eu le plaisir de le trouver extrêmement plat; je dis que j'en ai eu du plaisir, parce que je suis charmé toutes les fois que les agitateurs révolutionnaires manquent leur but. Avez-vous lu dans le Journal des Débats l'affaire *des patriotes de 1816*? Y a-t-il rien de si dégoûtant qu'une trame aussi odieuse, ourdie par la lie de la populace! Je crains bien cependant qu'on n'ait manqué les fils qui rattachent cette conspirations à des gens puissants demeurant derrière le rideau.

XLVII.

Moscou, Mardy, 18 juillet 1816.

Hier, au moment où je venais de cacheter ma lettre, je vis entrer dans ma chambre un grand garçon qui faisait des éclats de rire immodérés en disant: Me reconnaissez-vous? Je vis du Galitzine dans cette figure, et à sa taille je devinai que c'était ***. Nous nous embrassâmes de bien bon coeur, et je lui sus gré de sa visite; mais je ne l'eus pas vu une heure que je me convainquis qu'il était encore le même étourdi que j'avais connu en 1810 et que six ans n'avaient pas mis un grain de raison dans cette tête. Je lui demandai des nouvelles de ses baronnes.—Ah mon Dieu, me dit-il, je ne donne pas dans les baronnes; je suis bien changé et je m'occupe de choses plus sérieuses.—Et de quoi vous occupez-vous donc?—Mais, de sainteté.—En vérité? Et qui a fait cette conversion?—Le libraire Veyer.—Et comment donc s'y est-il pris?—En me vendant les oeuvres de St.-Martin et me recommandant de les lire; c'est un livre *superbe*.—Ah, mon cher..... mon bon ami, jettez-moi ce livre et prenez l'Évangile si vous voulez aller droit votre chemin; gardez-vous du martinisme; on vous fera faire mille sottises.—Mais peut-être suis-je déjà trop avancé pour reculer?—Bon Dieu! Et où en êtes-vous donc?—*Au milieu du premier volume.*—A cette réponse j'ai pensé éclater de rire. Mais *** a repris très-sérieusement que ce livre était celui de la sagesse.—Je ne pars que ce soir, je veux vous l'envoyer d'ici; là vous verrez que j'ai fait des notes en marge, et vous me direz ce que vous en pensez. J'en porte un exemplaire à mon père qui s'est un peu *abruti* dans ses villages avec son sérail; je veux le remettre dans la bonne voye.—Bravo, ***; vous voilà apôtre, et apôtre martiniste; si vous n'étiez pas plus fort que moi, j'aurais envie de vous donner le fouet. J'espère que votre père vous arrangera de la bonne manière et brûlera vos livres avant tout.—Mais attendez du moins pour juger que vous les ayez lus, et là-dessus il appelle son laquais Parisien et lui ordonne d'aller chez-lui chercher un livre broché en bleu.—Je sais, je sais, dit le jeune Français: les oeuvres posthumes de St.-Martin.—Comment, mon chez prince, votre laquais lit aussi ce livre?—Sans doute, il est pour tout le monde. Et le domestique revient avec le livre, et *** me quitte en me recommandant bien fort de lire le texte et les notes marginales qu'il y a faites.—Si vous ne croyez pas, ajouta-t-il, qu'on puisse avoir des visions

et des révelations, c'est que vous êtes un incrédule, et ce livre vous le prouvera.—Allez, mon cher ami, ces sortes de livres n'ont jamais fait que des dupes et des fripons, et si vous avez besoin de vous instruire, prenez-moi un bon catéchisme, l'Évangile et l'Imitation de Jésus-Christ, sans aller chercher les révélations des martinistes et des illuminés. Il sortit me laissant son livre, et je me mis réellement à le parcourir. Les bras me sont tombés en lisant cette rapsodie qui n'est qu'une suite de sottises triviales, obscures, et pas une pensée saillante ni digne d'être citée.

Voilà pourtant avec quoi on prend le comte Léon, Vilehoursky et cent autres gens d'esprit qui veulent avoir des visions et *aller plus loin que le Christ!*.... Le but n'est pas modeste. Ce pauvre prince *** est fou à lier, mais c'est le meilleur enfant du monde; voici un billet qu'il a écrit pour vous sur ma table; il fait profession de vous adorer. Adieu, je vous quitte pour écrire à mad. de Noiseville par André; je reprendrai la plume demain.

A 7 heures du soir.

Je suis bouleversé, chère princesse. Voilà André qui rentre tout hors de lui, tout en larmes; deux exprès arrivent à l'instant de Sima. Lavalée écrit à Scudery pour le prier de venir bien vite à son secours avec des instruments et des médicaments dont la pauvre Tatiana a le besoin le plus pressant; elle est très-mal, elle éprouve des accidents fort dangereux; avant le départ du dernire courrier qui n'a été que 24 heures en route, elle avait été confessée et communiée. La princesse Boris écrit aussi à Scudery, et ce malheureux médecin se trouve à la campagne à 60 verstes d'ici, et le premier courrier court après lui avec les lettres. André se désespère, il me consulte, je lui conseille de partir à l'instant avec le chirurgien Launay qui prend tous ses instruments....

Jeudy, soir, 20 juillet.

Dieu soit loué, voici Launay de retour. Tatiana est sauvée des accidents les plus pressants. La maladie était le renversement d'un organe qui prouve qu'il n'y avait pas de grossesse.

XLVIII.

Pawlowsky, le 15 juillet 1816.

Votre lettre me fait voir que vous vous êtes communiqués vos opinions politiques m-r de Fitzthum et vous. Je crois vous avoir dit avant que vous le connussiez qu'il était constitutionnel; bien souvent nous avons causé et même disputé sur cet article. Il tient extrêmement à ce que vous appelez ses *erreurs* et ayant une belle âme, comme vous le dites, il rêve un bonheur à peu-près idéal. Il m'est arrivé de lui représenter les dangers des personnalités dans un gouvernement où chaque état avait une voix; il m'a toujours soutenu que ce danger était infiniment moins grand que celui d'une autorité indivisible, et pour me le prouver il s'est appuyé de raisonnements que souvent je trouvais convainquants. D'un autre côté, tout ce que vous dites sur ce sujet est si clair, l'expérience que vous avez et le terrible exemple de la France, tout cela est si fort que je me sens l'envie de me ranger sous vos drapeaux monarchiques. Si Dieu permet, que m-r de Fitzthum, vous et moi, puissions atteindre l'époque que vous fixez, nous verrons alors qui de vous deux gagnera le procès. En attendant je vous dirai que si tous les souverains étaient faits sur le modèle du nôtre, ce serait trop heureux; mais n'oubliez pas que pour un seul Alexandre il y a plusieurs landgraves de Hesse qui font la désolation de leurs états! Et ceux-là en vérité pourraient sans inconvénients avoir leurs griffes un peu roguées. Mais en voilà trop sur la politique.

C'est hier que nos voyageurs sont arrivés; j'étais à dix heures du soir chez-moi, prenant du thé avec m-lle Kotchetow et Louise lorsque le son des sonnettes des chevaux de poste vint frapper nos oreilles. Au même instant nous fîmes courir pour voir si ce n'était pas nos voyageurs. En effet ils arrivaient. Personne de la famille impériale ne se trouvait ici, tout notre monde est allé hier en ville pour assister aujourd'hui à l'inauguration de la nouvelle bourse et à un banquet que donne le corps des marchands. Comme on a consulté les volontés pour savoir qui serait de cette course, m-lle Kotchetow, la comtesse Samoylow et moi, avons déclaré que la nôtre était de rester ici, et on nous y a laissé tranquillement. Cela fait que le prince de Weymar est allé tout de suite dans sa chambre, et que m-r de Fitzthum est venu dans la mienne. Nous avons veillé jusqu'à une heure du matin, et quoiqu'à bâtons rompus, je me suis fait conter tout son séjour à Moscou. Il en

est charmé tout-à-fait, et je vois que les étrangers en général sont d'un même avis sur l'aspect que présente cette ville. Il est certain qu'elle a un cachet d'antiquité tout particulier et que le Kremlin est d'un effet unique en Europe. Fitzthum est bien fâché de n'avoir pas vu le champ de Borodino; il tenait fort à cette course qui ne s'est point faite un peu à cause de la paresse du prince. Le baron m'a remercié beaucoup de lui avoir procuré votre connaissance malgré la diversité de vous opinions; vous voyez qu'il est bien aise d'avoir eu le plaisir de vos voir; il m'a donné d'excellentes nouvelles sur votre personne; il dit que vous êtes frais, bien portant et que vous n'avez pas plus l'air d'avoir 52 ans, que lui d'en avoir 10.

Une mort qui m'a singulièrement frappée l'autre jour, est celle du prince Ypsylanti que j'ai vu il y a un mois au bal à Pawlowsky se portant à merveille; il était venu faire ses adieux partant pour Kiew et nous promettait de revenir au commencement de l'hyver pour s'établir à Pétersbourg avec toute sa famille. Imaginez que cet homme le lendemain de son arrivée n'existait plus! On écrit qu'en arrivant il soupa avec sa femme et ses enfans le plus gaiment du monde sans éprouver aucune fatigue de son voyage; il se coucha tranquillement, s'éveilla le lendemain à six heures avec un point de côté qui lui coupoit la respiration. On courut chercher un médecin qui ne put rien empêcher: à sept heures il était mort. On lui a trouvé un polype au coeur. Voilà mot pour mot la relation envoyée à l'Impératrice, et je ne puis vous rendre combien cette nouvelle m'a étonnée et affligée! Connaissiez-vous le prince Ypsylanti? Il avait beaucoup d'esprit, était fort aimable, et j'aimais en lui cette imagination vive et exaltée de la plupart des orientaux. De plus, il me trouvait fort à son gré et venait me voir quelque fois. Un sujet qu'il aimait à traiter avec moi était celui de l'amour désintéressé qu'il ne voulait jamais admettre; il disait qu'il était fâché que Fénélon n'existât plus pour soutenir cette thèse contre lui.

Il y a trois jours que j'ai perdu mon chiffre en diamant avec le noeud et tout ce qui s'en suit. Nous soupions à la ferme, je l'avais toute la soirée; on est ensuite revenu en ligne, et en me déshabillant je m'aperçus qu'il me manquait; je l'ai fait chercher partout où j'avais passé, mais inutilement. J'ai fait avertir la police de Pawlowsky, on a expédié des ordres à celle de Pétersbourg, mais jusqu'ici rien n'a paru, et il se peut bien qu'il soit perdu sans retour. Au reste je suis bien décidée à ne pas m'en faire un nouveau; je resterai sans chiffre et dans les grandes occasions j'en emprunterai un chez quelque femme mariée de ma connaissance, et je l'attacherai avec 10 épingles pour

ne pas le perdre comme le mien. Je suis sûre que si je disais un mot *vous savez à qui*, j'en aurais un tout de suite, mais que le Ciel m'en préserve! Ne contez pas cela à ma tante: elle croirait que je suis ruinée.

Tatiana m'écrit des lettres pleines de tendresses, elle attend ma soeur avec impatience, et son amitié pour Catherine me la rend deux fois plus chère. En l'emmenant avec elle en Italie, cette jeune personne montre une fermeté de caractère inappréciable à mes yeux. Je sais de bonne part qu'*on* lui avait insinué de ne pas la prendre; *on* a tâché de lui faire partager les animosités de certaine dame. Tatiana a tenu bon, s'est bouché les oreilles et n'en a pas démordu.

XLIX.

Moscou, le 24 juillet 1816.

Tatiana a été si près de la mort, qu'elle avait déjà ce regard voilé qui precède le dernier moment, son salut est un miracle. Prête à quitter tout ce qui l'attache à la vie, elle a songé à tout le monde: elle a dicté une lettre pour son mari, la plus touchante du monde; elle a fait écrire son testament par mad. de Noiseville, et elle l'a signé; puis elle a fait retirer mad. de Noiseville et a fait entrer Lavalée à qui elle a dicté une codicile en faveur de mad. de Noiseville. Elle était administrée, les images étaient là, l'archévêque et tout l'appareil de la mort, lors qu'on s'est avisé d'essayer une forte dose de musq et de quinquina qui ont fait disparaître les accidents. Enfin l'espoir est rentré dans l'âme de tous les habitants de Sima.

On attendait des étoffes de Paris pour meubler le Kremlin, et voilà qu'il y a trois jours le prince Youssoupow apprend que ces étoffes n'arriveront point et qu'il faut en trouver ici à tout prix. Les marchands n'en avaient pas. Le prince, sachant que le c-te Markow en a de très-belles, vient me presser de les vendre à l'Empereur. Je réponds que je n'y suis nullement autorisé, mais que je connais trop le c-te Markow pour n'être pas persuadé qu'il se fera un plaisir et un devoir de contribuer à tout ce qui pourra être agréable à S. M. I. et que si ces étoffes sont indispensables à l'ameublement du Kremlin je prendrai sur moi de les vendre. Cela fut dit à 9 heures du soir, et le lendemain à dix heures du matin le prince Youssoupow était chez-moi pour les voir. Il les trouve très-belles, m'en demande le prix que j'ignore, et il m'en indique un, *auquel je consens de confiance.* Il part, me disant qu'il

va les envoyer prendre; mais à peine est-il sorti que j'apprends du marchand Abramouchka que les prix indiqués par le prince, sont justement la moitié de la valeur réelle. J'écris aussitôt au prince que j'ai fait une étourderie en donnant mon consentement si légèrement; mais qu'il vaut mieux demeurer coupable d'une étourderie que de commettre une *malhonnêteté*, et que c'en serait une de ma part envers m-r de Markow que de donner à vil prix des effets qui ne m'appartiennent pas et que je n'ai pas le droit de vendre; que je le supplie en conséquence de changer les prix et de consentir à ceux que je lui indique qui sont fort au-dessous encore de ceux des marchands. Là-dessus il arrive chez-moi, ma lettre à la main, me dit qu'un honnête homme n'a que sa parole; que l'achat est déjà enrégistré sur les livres, qu'on n'y peut rien changer, et que si je ne livre pas les étoffes il enverra ma lettre à l'Empereur et me rendra responsable du non-succès de l'ameublement du Kremlin où S. M. I. arrivera dans 3 semaines. Vous sentez que je n'ai pas cru un mot de tout cela; mais le prince le prenait sur un ton, qu'il fallait s'en faire un mortel ennemi ou céder. J'ai préferé le dernier parti moyenant une augmentation insignifiante et qui me laisse dans la nasse comme un sot. Le prince aura l'honneur et le profit d'avoir meublé à moitié prix le palais de l'Empereur, et moi j'aurai le tort *positif* d'avoir disposé à moitié prix d'une chose qui ne m'appartient pas. Voilà ce qu'on gagne à vouloir obliger *noblement*, croyant qu'on sera payé par de procédés analogues.

L.

Moscou, le 27 juillet 1816.

Il me semble qu'il est très-convenable que vous contiez à l'Empereur (que désormais nous nommerons *m-r Le Grand*) ce qui vous a séparé des Ostermann; je ne vois nul inconvénient à mettre au jour une violence de plus de ce caractère généralement connu et dont l'Empereur a eu lui-même à se plaindre à Paris (comme je pense que vous le savez) au point qu'il ne lui a plus parlé depuis. De la part de madame Ostermann toute extravagance est croyable, mais vous saurez fort bien séparer madame Tolstoï qui le mérite de toute manière par l'affection qu'elle vous conserve, et par les regrets que la perte de votre relation lui causent. Il y avait dans ces trois soeurs une telle exagération d'esprit de famille, qu'on ne pouvait toucher à un cheveu de la maison sans qu'elles prisent feu à tort et à travers. Cela leur a fait faire

mille choses peu convenables de ma connaissance, et cela a fait grand tort à madame Tolstoï qui a voulu soutenir toutes les infamies de son défunt frère; et aujourd'hui ce même esprit l'entraîne encore contre Catherine, mais c'est malgré elle; on voit que la raison balance la passion, et quand il est question de vous, non-seulement la raison reprend le dessus, mais le goût parle encore et l'emporte.

L'Empereur nous arrivera ici dans trois semaines; vous verrez que cela ne fera que rendre ma correspondence plus active comme ayant probablement plus de sujets à traiter. Je vois que dès à présent cette arrivée met tout le monde en campagne: chacun se prépare d'une manière ou de l'autre, chacun s'agite, espère ou craint quelque chose. Je demeure impassible au milieu de ces passions diverses. Je me dit que tous les souverains de l'Europe viendraient à Moscou sans déranger d'un quart d'heure la monotonie assez douce de mon existence. L'obscurité a bien son bon côté, je vous assure. Quand tout le monde se lèvera matin pour courir au Kremlin, je resterai sur mon fauteuil avec ma plume et ma tasse de thé sans envier personne. Si l'on donne des fêtes, comme il y a lieu de le croire, je n'y serai point convié; et le fussé-je, je n'y serais point apperçu.

LI.

Moscou, le 30 juillet 1816.

Moscou ressemble à Salente; quelques milliers d'ouvriers travaillent sans relâche au Kremlin; quelques milliers encore à la nouvelle place des boutiques. Cette activité est agréable à voir, et j'en ferais souvent l'objet de mes promenades s'il plaisait à la pluye de nous donner du relâche. Ce qui reste encore à terminer pour le 15 aoust me semble fabuleux, et pourtant la sécurité du prince Youssoupow me prouve que tout sera fait. L'Empereur sera ici le 15; il arrivera pour la messe; le grand-duc Nicolas viendra avec lui; on n'entend que cela partout où l'on va. Cependant une nouvelle qui faisait hier une sensation fort agréable sur nos dames, c'est l'arrivée de mad. Xavier avec toute sa boutique de modes. Tout ce qui était commandé chez mad. Goute ou chez la Dumoncy est contremandé. Mad. Xavier aura seule la vogue, c'est tout simple: elle arrive de Pétersbourg; elle apporterait des cornes qu'elle les vendraient. soyez en sûre. Vous savez comme sont nos dames, et surtout celles qui arrivent de Tambow, de Penza. de Woronége, de Kharkow. de Koursk, de Kalouga, de Toula, de Ré-

zan, de Wladimir, de Nijni, de Kazan, de Simbirsk et de Saratow, car nous aurons les élégantes de toutes ces villes-là assurément, et mad. Xavier emportera une bonne partie de l'obrok des bons paysans de ces provinces, contre ses gases, ses fleurs et ses rubans. Vous saurez que m-r et mad. Apraxine avaient annoncé un voyage pour le mois d'aoust, motivé sur l'impérieuse nécessité de visiter leurs terres d'Orel; vous devinerez qu'on jasait sur ce voyage et qu'on disait que la crainte de n'être pas aussi bien en cour qu'on en aurait le désir, était la seule cause de cette absence, que les envieux voyaient avec plaisir. Mais hier tout a changé: m-r Apraxine a annoncé qu'il reste, par le conseil et presque par l'ordre de sa belle-mère; et comme les bruits publics vont toujours d'une extrémité à l'autre, on ajoute que la princesse Woldemar a annoncé à son gendre que l'Empereur s'arrêterait à Petrowsky avant d'entrer à Moscou et déjeunerait chez m-r Apraxine dans la maison qu'il vient d'acheter des héritiers du prince Bariatinsky. Je ne sais pas si cela est fondé, mais je sais bien que je ris du changement des visages opéré par ce seul bruit, peut-être fort en l'air.

Lundy, 31 juillet.

En allant chez votre tante hier, j'ai rencontré le prince Youssoupow qui m'a entraîné au Kremlin, et cela m'a pris toute la soirée. En rentrant j'ai trouvé une lettre de Sima où tout irait bien sans l'excessive délicatesse de la malade qui laisse tout à craindre. Mad. de Noiseville est toute prête à passez la frontière s'il le faut et à conduire Tatiana au fond de l'Italie. J'ai encore été interrompu par le prince Youssoupow qui m'emprunte des bronses pour le Kremlin.

On a expédié le prince A. à Liskowa: son père ne peut le souffrir près de lui. C'est un vieux cerf qui garde ses biches contre les jeunes et fait rage quand on les approche. S-t Martin n'a produit aucun effet sur ce prince-père, à ce qu'il paraît, et il ne regarde point les plaisirs de ce monde comme du *caca de chat*; on a beau lui frotter le nez dessus, comme dit élégamment S-t Martin.

LII.

Pawlowsky, le 27 juillet 1816.

Je ne vous ai point écrit de Peterhof, car au lieu d'y rester huit jours, comme on se l'était proposé, nous en sommes revenus le quatrième, c'est-à-dire Lundy 24. Le mauvais tems nous en a chassé: il pleuvait comme au déluge, pas moyen de mettre le nez à l'air, et dans la plus part des appartements une humidité à ne pas y tenir. Autant Peterhof est magnifique avec du soleil, autant il devient désagréable par un tems pluvieux; le voisinage de la mer donne un vent froid qui pénétre d'outre en outre. Au reste, le 22, jour de la fête de l'Impératrice, il fit une journée charmante dont je ne profitai cependant pas pour me promener, car ayant eu grande messe, deux baise-mains chez l'Impératrice et chez la grande-duchesse de Weymar, puis au sortir de-là un dîner très-pompeux, je revins chez-moi bien fatiguée avec le projet de dormir jusqu'à l'heure du bal. Je me déshabillai donc; mais à peine fus-je en robe de chambre, ne voilà-t-il pas qu'il m'arrive la princesse Dolgorouky, m-r Choulépow, m-r Chichkow et par là-dessus le vieux Kourakine, si bien qu'au lieu de dormir j'ai dû faire les honneurs de mon appartement à tout ce monde. Enfin est venu le bal marqué, et à dix heures souper chez l'Empereur, et pour clôture les promenades en lignes pour voir l'illumination qui a très-bien réussi, parce qu'il faisait doux et très-obscur. Tel fut l'emploi de la journée du 22. Le lendemain la pluye revint de plus belle, de sorte que Lundy matin, après avoir vu partir l'Empereur pour la ville, nous fumes dîner à Strelna chez le grand-duc Constantin, et puis on revint à Pawlowsky sur les dix heures du soir.

J'ai retrouvé à Peterhof *la personne* que vous savez plus aimable que jamais. Nous avons causé beaucoup, je suis tout-à-fait à l'aise vis-à-vis d'elle, et je sens que je me livre davantage. De son côté j'ai cru voir la même chose: il y avait une bonhomie, un laissez-aller, qui, je vous le confesse, me charmait au de-là de ce que je pourrais vous dire. On n'est pas revenu sur l'intention de me venir voir, mais si on m'en parle encore je suis décidée à accepter la proposition. Je disais dernièrement à cette personne: „Savez vous bien que votre *position* met à la gène le sentiment que vous inspirez; on meurt d'envie de vous en faire part, et l'idée que cela peut vous paraître flagornerie oblige à reprimer l'expression“.—„Eh bien“, me dit-elle, „soyez per-

suadée que l'accent de la vérité en est un tout particulier et qu'il est difficile de s'y méprendre!... Et si vous saviez aussi le charme qu'on éprouve à être aimé véritablement!" Je lui ai serré la main de tout mon coeur, car ses paroles m'allaient droit à l'âme, et tout le reste de la soirée je l'ai regardé avec un plaisir extrême. Vous me parlez d'entraînement, pour mon compte voilà qui en donne par exemple! Il me semble que si on lui a parlé une seule fois dans sa vie, on lui a voué le zèle et l'attachement le plus vrai. Je vous promets de vous tenir au courant des progrès que fera cette connaissance, mais c'est toujours avec la condition expresse de n'en ouvrir la bouche à personne. Dieu vous garde d'en écrire un mot en Italie! Vous sentez bien que mes entours ne sont pas aveugles sur la manière dont on me traite; en pareil cas on voit même plus qu'il n'y a. Mais loin de vouloir exciter leur envie, je me suis fait un devoir de redoubler d'honnêteté à leur égard; je fais mine de ne rien remarquer et je continue à être au mieux avec tout le monde: il n'y a que cela qui puisse faire pardonner des succès.

L'histoire de votre brigand est singulière au moins. Sa rencontre avec m-lle Wolkow m'a fait venir la chair de poule; cette question: êtes-vous femme ou fille? ma figé le sang. J'ai cru voir déjà Marie Wolkow sur le point de.... Elle en a été quitte pour une politesse, et j'ai respiré! M-r Nélédinsky, qui revient de Moscou, m'a parlé de cet homme, il l'a vu chez madame Toutolmine; ce sont même les femmes de son village qui ont été les Dalila de l'affaire; une fois qu'elles l'eurent saisi, elles le menèrent dans la cour de leur maître pour faire parade de leur victoire. Il dit à tous ceux qui voulurent l'entendre, que c'était pour la septième fois qu'on le prenait; il en parlait fort à son aise et comme ayant la certitude de s'échapper encore. Si nous avions un *Ilioucbka* aux environs de Pawlowsky, m-lle Kotchetow aurait eu le sort de m-lle Wolkow: elle se promène toujours seule et s'éloigne quelque fois jusqu'à dix verstes. J'ai envie de lui lire l'histoire de Marie Wolkow.

Mes lettres vous arrivent avec le cachet impérial et pas du tout avec celui des Soltikow. Je les envoye à la chancellerie de l'Impératrice qui les expédie et qui en répond. Voilà pourquoi l'homme à cheval arrive si vite, et le livre est pour prouver qu'elles ont été remises. C'est là le mot de l'énigme. Mais dites-moi un peu si elles sont bien cachetées et si l'adresse est bien de mon écriture? Ne les ouvre-t-on point, par hasard? Lorsque je les envoye, elles ont toujours le cachet du *B.* ou des *six lames.* Comment se fait-il donc qu'on y met encore l'aigle? Répondez à ceci.

LIII.

Moscou, Mercredy, 3 aoust 1816.

Chère princesse, je trouvai hier au soir votre lettre 35; il est arrivé douze heures plus tard que de coutume, et cette fois sans livre, quoiqu'avec le cachet aux aigles. Pour vous bien mettre au fait de ce cachet, je vous renvoye votre enveloppe d'hier; je ne sais si le *B.* ou les *six lames* se trouvent dessous; tant y a que depuis six semaines le cachet est le même. Il me semble que celui de l'Impératrice devrait avoir une couronne; et puis qu'est ce que c'est que l'étoile et le ruban? Serait-ce S-te Catherine? C'est moi qui vous demande explication sur cela. Les lettres pour mad. Arséniew, renfermées dans les miennes, ont toujours le *B.* bien intact. Quoiqu'il en soit, je vous conseille de les envoyer toujours à cette chancellerie, puisque la voye est sûre, et quand à l'ouverture, elle a lieu partout si la chose est ordonnée; sous ce rapport donc il n'y a rien à gagner comme rien à craindre, parce que ceux qui lisent les lettres sont sous le serment le plus terrible du secret, et qu'ils ont tant à lire qu'ils oublient tout ce qui n'est pas de leur ressort, c'est-à-dire tout ce qui ne tient pas aux affaires d'état.

J'en viens à présent à la personne que vous avez retrouvée à Peterhof; cette rencontre m'a fait autant de plaisir qu'à vous, et je vois avec une satisfaction infinie cette espèce de connaissance prendre pied et consistance. Comment pouvez-vous me demander de n'en pas écrire en Italie! Il faudrait que je fusse bien peu de mon âge, ou que j'eusse bien peu de tact et de bon sens. Sauf André Galitzine qui m'a dit que l'Empereur causait et dansait beaucoup avec vous, je n'ai pas encore entendu prononcer votre nom sous le rapport de cette connaissance. Cela viendra pourtant tôt ou tard, et je vous dirai si on défigure les choses. Ce qu'on vous a répondu sur *l'accent de la vérité* et sur le charme qu'on éprouve d'être aimé véritablement, était bien fait pour toucher votre coeur; je crois qu'on éprouve de l'attachement aussi en vous peignant si bien ce charme. Je voudrais qu'on vous vît par mes yeux, qu'on vous jugeât par mon esprit et mon goût et qu'on eût pour vous le coeur que j'ai moi-même. Vous voyez que je suis bien désintéressé, mais c'est que je vous aime pour vous, et comme il faut aimer, sans égoïsme ni personnalité. Dites-moi s'il est vrai que l'Empereur s'en ira d'ici à Carlsbad? Y restera-t-il longtems? Cela m'intéresse.

Nathalie Abramovna est rétombée dans ses apopléxies; à chaque instant sa langue s'embarrasse, elle dit un mot pour l'autre, elle bal-

butie, puis elle fond en larmes, s'apercevant très-bien de son piteux état. C'est son gendre Gagarine qui m'a conté tout cela, car je n'y vais plus depuis près de deux ans.

Pawlowsky vous donne du loisir surtout si le baron de Fitzthum est parti. A propòs, je suis presque fâché qu'il ait manifesté ici sa manière de penser. Je dinaîs avant-hier chez le prince Youssoupow qui en parlant de lui disait: c'est un jeune homme prodigieusement imbu *des idées libérales du siècle.* Il faut donc qu'il se soit ouvert avec ce prince dans ses conversations, et vous sentez que cela ne prend pas sur ces vieux piliers des anciens principes, qui ont vu crouler les monarchies au fur et à mesure que les nouvelles idées se propageaient.

LIV.

Pawlowsky, le 31 juillet 1816.

Ceci ne sera encore qu'un billet pour vous prier de remettre l'incluse à ma tante; cependant un billet intéressant, puisqu'il vous apprendra que *la personne* en question a été chez-moi. Le jour où je vous écrivis ma dernière lettre, *elle* vint dîner ici. Au sortir de table la causette habituelle s'établit, et comme vous l'avez très-bien prévu, on revint à me parler de l'intention qu'on avait déjà témoignée. Je répondis que puisque la chose avait existé pour d'autres, je n'y voyais plus d'inconvénient; on me remercia, et tout en resta là. J'étais loin d'imaginer que le projet serait si tôt mis en exécution; je pensais, au contraire, qu'il n'aurait lieu qu'au retour du voyage qu'on est à la veille de faire, c'est-à-dire en hyver et quand nous serions de retour en ville. Point du tout: le lendemain, comme j'étais à lire, Louise Hertel accourt pour me dire qu'un domestique à livrée militaire demandait à me parler. Je vais dans la chambre de m-lle de Modène et je vois que c'est de la part de l'Empereur qui m'annonce sa visite pour sept heures. Il en était à peu-près cinq; je donnai ordre qu'on arrangeât l'appartement, puis je vins reprendre mon livre; cependant je ne crois pas avoir lu avec beaucoup d'attention. Au bout d'un quart d'heure j'entends marcher: c'était le comte Ojarowsky, l'aide-de-camp général qui venait me voir. Il y avait une heure que nous causions, lorsque je crus nécessaire de l'avertir de la visite que j'attendais; je le lui dis donc tout bonnement en le priant de faire comme il le jugerait à propos. Il s'en alla quelques moments après. A sept heures l'Empereur arriva en me disant qu'il avait trouvé quelque chose qui m'appartenait et me pré-

sentant un chiffre à la place de celui que j'avais perdu. Il resta trois quart d'heures, et je ne pourrais jamais vous rendre tout le charme, tout l'intérêt et toute la bonté d'une conversation que je n'oublierais pas, dussé-je vivre cent ans. Il m'a promis de me venir voir quelque fois, et je crois qu'il tiendra parole. Comme toute la ville va être informée de cette visite, je viens de l'écrire à ma tante, en lui apprenant la perte que j'avais faite de mon chiffre, que l'Empereur a réparée. Mad. Arséniew vous parlera sans doute de tout cela; n'ayez pas l'air d'en avoir su quelque chose avant elle, car elle pourrait s'en piquer, et vous savez combien j'aime à la ménager. Si on revient me voir, je suis décidée à n'en jamais parler qu'autant qu'on me le demanderait; je ne veux faire aucun mystere d'une chose qui n'en demande aucun; mais d'un autre côté je ne me soucie pas d'en sonner les cloches, ce qui aurait toujours l'air d'une vanterie. Voilà pourquoi, cher Christin, je vous serais obligé de n'en parler avec personne qu'avec ma soeur et ma tante.

LV.

Moscou, Dimanche, le 6 aoust 1816.

Dans le moment où je vous écris, savez-vous ce qu'on fait dans ma chambre? Vous ne le devinerez sûrement pas: on enlève mon fauteuil et avec lui tous les meubles de mon appartement. Pourquoi faire? Vous le devinerez encore moins: pour meubler la chambre-à-coucher de Sa Majesté Impériale au Kremlin. Vous saurez que mes meubles sont du même damas vert que j'ai cédé au prince Youssoupow et qui tapisse les murs de la dite chambre-à-coucher de l'Empereur. Il a été impossible de trouver rien d'assortissant pour les fauteuils, chaises et canapés, en sorte que le prince m'emprünte mon petit mobilier qu'il me rendra au départ de Sa Majesté, et ce qui fait honneur à mon goût, c'est qu'il prend aussi mes tables et pendules pour les arranger chez l'Empereur comme chez-moi. Quand je meublais mon appartement il y a une année, je ne croyais pas du tout que tout cela servirait pour cet usage. Toutefois je suis charmé de pouvoir être bon à quelque chose dans une occasion comme celle-ci.

Votre tante m'a lu sa lettre. C'est un trait d'esprit sage que d'avoir dit à l'Impératrice la visite que vous aviez reçue; la même sagesse doit vous empêcher d'en parler à moins qu'on ne vous questionne, ce qui ne peut arriver qu'à des amis bien anciens et bien intimes comme mad.

Strogonow et sa mère. Votre plan là-dessus a ma pleine approbation. Je n'ai pas besoin de vous recommander de tenir votre tête à deux mains pour qu'elle ne vous tourne pas. Possédez-vous bien, mais jouissez de cette faveur, puisqu'elle vient vous chercher; jouissez en pleinement, et si le coeur se met de la partie, tâchez de le tenir en bride aussi. C'est bien difficile, je ne me le dissimule pas; cependant il le faut sous peine de voir des chagrins vifs et perçants succéder au délire des premiers tems. Voyez toujours l'avenir pour vous diriger dans le présent! S'il était possible qu'une *amitié* solide et durable s'etablît entre vous avec cette nuance de tendresse que la différence des sexes amène toujours, ce serait un *paradis* pour vous sur cette terre!... Je vous le souhaite par-dessus tout, ma chère princesse; c'est le souhait d'un ami tendre revenu du pays des passions; mais ce paradis aura son serpent, et ce serpent vous tentera, n'en doutez nullement. Les visites se succèderont sans doute, et je ne suis peut-être pas fâché qu'une absence aussi prompte, tout en vous affligeant, vienne vous donner le tems de réfléchir. Je désire extrêmement qu'on vous demande une correspondance pendant le voyage, et qu'au retour cette liaison prenne un caractère solide et durable. Le choix de l'Empereur prouve son bon goût et me donne la plus excellente opinion de son esprit; car sans vous flatter le moins du monde, je peux vous dire ce que je vous ai dit souvent, que vous êtes une femme parfaitement aimable. Vous voilà à une grande épreuve; je suis certain que vous vous en tirerez bien. Tous mes voeux vous accompagnent, et vous êtes presque ma pensée habituelle. Vous vous souvenez sans doute de la personne à laquelle je vous comparais l'hyver dernier; je vous comparais pour le caractère avant que la comparaison pût avoir la moindre analogie pour la situation. Prenez cette personne pour modèle, je vous le demande en grâce, et occupez-vous de tout ce qui peut vous rappeler son souvenir; ayez son bon esprit, sa modération, sa modestie et sa haute prudence. Ces vertus auront leur récompense; quand ce ne serait que d'éloigner l'envie et de fermer la bouche aux malveillants, ce serait déjà beaucoup. Je prie Dieu pour vous, et je vous dis la vérité, c'est tout ce que j'ai à faire.

LVI.

Pawlowsky, le 3 aoust 1816.

Ah, cher Christin, quelles affreuses nouvelles j'ai reçues hier! Elles m'ont accablé entièrement. J'étais inquiète de la santé de Tatiana, après la mort de son pauvre enfant, extrêmement inquiète, mais je ne m'attendais pas à apprendre qu'elle avait été à deux doigts de mourir elle-même! Ma soeur me donne tous les détails de la terrible maladie de cette chère amie. Le spectacle édifiant qu'elle a donné en se préparant à quitter la vie, ne me surprend point: je la connais assez pour ne pas m'étonner de cette résignation au bon plaisir de Dieu. C'est un ange que cette jeune femme! Elle est trop parfaite pour rester longtems sur cette terre. Si elle échappe à cette fièvre nerveuse, vous verrez qu'elle tournera à la consomption dont elle a toujours été menacée. Enfin, je suis sûre que je ne la reverrai plus, et si nous la perdons, ce n'est pas sur elle que je pleurerai, mais sur tous ceux qui sont destinés à lui survivre. Son mari, sa mère.... ah, ils seront bien malheureux! Il faut l'avoir suivie dans tous les moments de sa vie ainsi que j'ai eu occasion de le faire, pour savoir tout ce qu'elle vaut. C'est son exemple que Lise Kourakine eût dû suivre plutôt que les avis de m-r de Maistre et du fanatique père Jourdan. Tatiana professait la véritable religion et n'était pas seulement attachée aux formes. Mais j'en parle, hélas, tout comme si elle n'était déjà plus. Par charité, tenez-moi au courant de ce qui se passe à Sima.

LVII.

Pawlowsky, le 9 aoust 1816.

Impératrice allant en ville Samedy matin pour y célébrer le 6, la fête du régiment de Préobrajensky, je lui demandai la permission de l'accompagner. On descendit à l'institut de S-te Catherine et dès que j'y eus fait ma visite aux petites Swistounow, à ma nièce Potemkine et à Mathilde Choiseul, je tirai ma révérence à S. M. et je m'en allai au palais d'hyver pour écrire à Schoulépow de me venir voir. Il accourut aussitôt pour m'apprendre ce qu'il savait, ce qui était à peu-près ce que vous m'aviez mandé. Je me hâtai d'aller chez la princesse Yous-

soupow, mais n'ayant pas de voiture j'écrivis à Gouriew de me mener, et il eut la complaisance de me venir prendre. La princesse Youssoupow me donne à lire toutes les lettres qu'elle avait reçues de la princesse Boris et de son fils lui-même. Ils paraissent fort rassurés, mais moi je ne le suis pas du tout. Schoulépow qui est fort attaché à Tatiana, qui estime beaucoup mad. de Noiseville et qui reconnaît toute l'utilité de sa présence auprès de mad. Potemkine, a ainsi que moi la plus grande envie de la savoir avec elle en voyage. Il a donc dit à la princesse que la difficulté attachée à ce passeport était une simple formalité qu'une caution lèverait en répondant des dettes que pourrait avoir mad. de Noiséville, puisque son départ n'a pas été publié sur les gazettes, et que lui Schoulépow s'offrait pour être cette caution en sorte que le passeport s'obtiendrait tout-de-suite.

Vous recevrez cette lettre au milieu de tout le brouhaha occasionné par l'arrivée de l'Empereur qui aura lieu, comme vous dites, le 15. Aujourd'hui il vient dîner ici, et nous lui ferons nos adieux. Je désire beaucoup un prompt retour, et comme la diète de Pologne n'aura pas lieu, j'aime à croire qu'il nous reviendra pour le jour de naissance de sa mère, qui est le 14 VIII-bre. Le comte Ojarowsky qui l'accompagne m'a dit qu'on resterait à Moscou jusqu'au 31, par conséquent 15 jours; de-là on va à Kiew, Mohilew et Warsovie; en deux mois on aura vu beaucoup de choses. J'ai beau me creuser le cerveau, je ne puis imaginer quelles seraient les fêtes qu'on peut donner à l'Empereur dans ce Moscou à moitié rétabli; il n'y a ni théâtre ni promenade qui ait l'air de rien. D'ailleurs je ne vois que madame Apraxine et la comtesse Orlow qui puissent figurer dans un bal; il me semble que Moscou est vide entièrement. Les dames de Kalouga, de Koursk et de Tambow n'entrent pas dans ma tête, j'ai beau les coiffer de toutes les toques de la Xavier: ce ne seront jamais que des figures hétéroclites. Ne me faites grâce d'aucun détail et, tout solitaire que vous êtes, je vous prie de vous faire conter ce qui se passera afin de me le transmettre. Au reste, je ne puis croire que vous vous refusiez le plaisir d'aller voir l'Empereur quelque part que ce soit, et le jour que vous l'aurez vu, remarquez, je vous prie, l'uniforme qu'il portera afin que je puisse me le représenter tout-à-fait bien. Le départ de madame la grande-duchesse de Weymar est fixé au 18. Nous allons perdre à la fois huit personnes de notre société journalière: le prince, la princesse, les deux chanoinesses, les deux chambellans, Branitsky et m-r Albédil. C'est une grande brêche à notre cercle, et je prévois qu'on sera longtems avant de s'accoutumer à cette absence. La bonne Impératrice surtout sera bien isolée: elle a pris l'habitude d'être avec sa fille qui ne la

quittait pas de toute la journée. Le grand-duc Nicolas joindra l'Empereur à Moscou et ne reviendra ici qu'en septembre et pour un moment seulement, car il doit aller à Berlin. Nous avons encore un mois à rester à Pawlowsky après quoi nous irons à Gatchina. Cette perspective me plaît beaucoup: on m'assure qu'à Gatchina on mène une vie de château, les toilettes y sont plus simples, on n'y reçoit pas du monde comme ici et les soirées commencent plus tard, ainsi une grande partie de tems se passe chez soi, ce qui est fort de mon goût.

LVIII.

Moscou, Mercredy, le 16 aoust 1816.

L'Empereur est arrivé dans la nuit de Lundy à Mardy; hier toute la noblesse, les marchands et le peuple l'attendaient ou dans les cathédrales ou sur la place du Kremlin. Au moment où S. M. parut sur le Красное Крыльцо, elle fut accueillie de hourras mille fois répétés. L'archévêque Augustin le harangua à la porte de l'église, au grand déplaisir des assistants qui ne purent entendre un seul mot de son discours que le bruit des cloches et de la foule couvrait absolument. L'Empereur, après les révérences aux images et aux réliques, entendit la messe très-dévotement. Tout le clergé était en habits de velours cramoisi et sur chaque habit étaient brodés en or ces mots: *1812 Dieu nous a aidé.* Je vous les dis en français pour ne pas faire de fautes en slavon. Après la messe l'Empereur visita les trois autres cathédrales et remonta au palais où il dîna avec les deux premières classes; j'ignore quel fut l'emploi de sa soirée, mais je suppose qu'il visita une partie de la ville. Aujourd'hui toute la noblesse en masse est admise à lui être présentée par les predvoditels, après quoi ils n'y aura plus, dit-on, de présentation particulière. Ce matin la noblesse ayant été présentée à l'Empereur, S. M. lui adressa le discours le plus flatteur et lui dit qu'il se félicitait de posséder la première noblesse de l'Europe, qu'aucune dans aucun autre pays n'avait donné tant de preuves de son attachement à son souverain et à sa patrie.

Savez-vous que la manière dont la belle-mère de Tatiana prend la résolution courageuse de mad. de Noiseville, est faite pour révolter et dégoûter. Ne dirait-on pas qûe c'est pour son plaisir qu'elle veut faire le voyage le plus pénible, se consacrer aux soins continuels qu'exige une femme malade et qui peut-être, hélas! ne reviendra en Russie

que dans un cercueil! Et l'on prend cela froidement; et l'on ne réfléchit pas que le mari est un homme de paille pour les occasions où il faut de la tête; que Mulhausen est un garçon susceptible qui se pique dix fois par jour; que Tatiana sans mad. de Noiseville ne saurait à qui s'adresser pour faire marcher le voyage d'un bon pied et pour rendre les séjours agréables; elle sera une compagne de toutes les heures et de toutes les minutes, de jour comme de nuit, et la princesse Youssoupow, qui se porte bien, Dieu merci, ne conçoit point l'utilité de sa présence... Que Dieu la bénisse!

Parlons de l'Empereur. Le 15 il fut à la cathédrale en habit de général verd et collet rouge brodé, l'écharpe et le cordon sur l'habit. Hier matin, Mercredy, il fut à la parade, mais il eut toutes les peines à passer la porte de Spass: tant le peuple se jettait à lui avec des cris de joye. Arrivé sur le nouvelle place des boutiques (qui est superbe) et où les régiments se trouvaient rassemblés, il voulut faire manoeuvrer les soldats, mais le peuple le pressait tellement qu'il n'y avait pas place pour la moindre évolution. Le maître de police se mit en devoir d'écarter la foule; l'Empereur lui cria: „потише, потише, какъ можно потише", et dès que le peuple entendit ces mots de la bouche du Souverain, il n'y eut plus moyen de le retenir. Ce fut un enthousiasme qu'aucune force ne pouvait reprimer; il se jetta à l'Empereur, c'était à qui baiserait sa botte, son habit, sa main quand on pouvait l'attraper; son cheval se cabra et jouait de l'épinette sur tout ce monde sans en faire reculer un seul; on prenait les pieds du cheval pour les remettre à terre. L'Empereur riait, et assurément riait de bon coeur; il se prêta à tout et voyant que cela n'aurait aucune fin, il fut obligé de renoncer à la parade; il ordonne aux régiments de retourner chez eux comme ils étaient venus, et il rentra au Kremlin au petit pas et presque porté par la foule dont l'enthousiasme n'avait plus de borne. Voyez, disait le peuple, il nous aime autant que ses soldats. *Quand tu voudras, nous serons tous soldats, nous mourrons tous pour toi.* Je n'ai pas eu le bonheur d'être témoin de cette scène touchante, mais un marchand me la contait ce soir en pleurant encore et me disant qu'il avait fondu en larmes le matin.—Vous n'êtes donc plus fâchés d'avoir perdu vos boutiques, lui demandai-je?—Eh comment peut-on être fâché quand on voit son Souverain content; nous avons perdu un peu d'argent, mais il nous en reste encore à son service. Il nous donne la paix qui nous ramènera l'abondance, que Dieu le conserve et lui donne une longue vie! Voilà mot-à-mot le récit du marchand. Le soir on se partagea entre le théâtre et le jardin d'été: on avait cru que l'Empereur serait dans l'un de ces deux endroits; il ne fut nulle part. Il avait

dîné à trois couverts seulement, et je ne sais à quoi il employa sa soirée. Chacun assure qu'on ne l'a jamais vu plus poli, plus aimable et de meilleure humeur. Je ne sais comment aura été la parade de ce matin; on a annoncé pour ce soir le jardin. Demain, Vendredy, assemblée au club de la noblesse; on n'en sait pas davantage.

Ou avez-vous pris que j'ai offert mes étoffes? Jamais de vie. J'ai cru ne pas pouvoir les refuser, mais on me les a bien demandées. Au reste, vous vous trompez quand vous croyez que sans elles le Kremlin eût été meublé; pas un brin. Demandez au grand-duc Nicolas comment ses chambres ont été tapissées? Du papier de Moscou à 10 copéques l'archine, attendu qu'on n'a rien pu trouver de mieux. Grâces à mes damas l'Empereur a eu du moins un appartement décent.

Je ne me souviens pas si je vous ai mandé que le prince Troubetzkoy, père de Lise, a écrit au comte Potemkine: „J'ai repris ma fille; „j'en dispose seul, et je vous l'accorde si vous en voulez encore". Je ne sais quelle sera la réponse; il serait piquant que la difficulté vaincue refroidit ce beau monsieur! La lettre du père est très-vraye; le prince André Gagarine à qui elle était adressée ouverte l'a contée à mad. de Noiseville et l'a envoyée au promis dans ses terres.

LIX.

Moscou, le 21 aoust 1816.

Jeudy matin, 17, les directeurs de l'Assemblée de la noblesse furent inviter l'Empereur à une fête pour le lendemain. L'Empereur en acceptant, leur dit qu'il manquait de terme pour exprimer ce que son séjour à Moscou lui faisait éprouver de plaisirs et de bonheur. „Chaque pas que je fais est pour moi un sujet de surprise et de joye". Il fut le matin rendre visite à la maréchale Kamensky, à la princesse Lapouchine et à la mère du c-te Arakchéew; le soir il se rendit au jardin d'été où toute la ville l'attendait. Vendredy, 18, S. M. visita la Pension de l'Université et le soir elle fut à l'Assemblée de la noblesse où j'eus le bonheur de la voir fort à mon aise. L'Empereur portait l'uniforme écarlate des chevaliers gardes et était vraiment superbe. Il faut que je vous dise, chère princesse, et pour vous seule, parce que vous m'avez recommandé de ne laisser échapper aucun détail, que dès le jour de son arrivée, l'Empereur à la cathédrale rencontrant les yeux de Virginie la salua très-gracieusement et avec l'air dont on se remet les traits d'une ancienne connaissance. Vendredy, à l'Assemblée, l'Empereur

débuta par une polonaise avec la maréchale Kamensky, la seconde fut avec la princesse Lapouchine, et c'est au moment où il prenait la main de cette dame qu'il aperçut Virginie et qu'il lui dit: «Ah, madame, que j'ai de plaisir à vous revoir, je vous ai reconnue tout-de-suite à la cathédrale, et vous m'avez rappelé bien des souvenirs; que de choses se sont passées depuis que nous ne nous sommes vus"! Et l'Empereur disant ces mots partit avec sa princesse pour la polonaise. La 3-me fut avec la comtesse Orlow; la 4-me avec madame Apraxine et la cinquième avec la comtesse de Broglie. Je ne me souviens pas du rang des autres qui durèrent assez longtems; mais quand ce premier acte de polonaises fut achevé et qu'on se mit à valser, l'Empereur revint à Virginie et soutint avec elle seule une conversation qui dura tout le tems des valses, c'est-à-dire une demie-heure au moins. Il l'avait vue chaque jour dans le tems de son couronnement, et cette époque et les suivantes servirent de textes à la conversation. Je vous avoue, chère princesse, que cette distinction, dont elle jouit seule ce soir-là et dont elle jouit sous les yeux de tout Moscou, me fit grand plaisir; parce que ce même Moscou semblait avoir pris à tâche d'humilier et écraser une personne qui a souvent obligé essentiellement et qui n'a jamais nui à qui que ce soit ni de fait, ni de volonté. Je pensais à vous et je me disais, connaissant votre bon coeur, que vous seriez bien-aise aussi, si vous étiez ici, de voir cette preuve de la justice de l'Empereur et que vous y auriez applaudi. Cela fit sur la foule environnante le même effet que vous produisîtes à Oranienbaum en revenant de Cronstadt: il semblait qu'on voyait Virginie pour la première fois, et le lendemain elle en eut et des visites et des billets. Samedy matin, l'Empereur fut voir quelques régiments, et le soir à la promenade „Pod Donskoy", puis prendre du thé au retour chez m-lle Orlow. Hier, Dimanche, S. M. fut à la cathédrale, à la parade et dîna chez le gouverneur-général Tormassow; le soir il fut au spectacle dont je n'ai encore aucune nouvelle. Aujourd'hui il dîne à Soukhanowa chez la princesse Wolkonsky.

La pauvre Tatiana, outre ses maladies connues, en a encore une plus dangereuse peut-être que toutes les autres. Cette maladie qu'on appelle *diabète* est fort rare, dit-on. Mad. Potemkine en est attaquée depuis l'âge de 13 ou 14 ans, mais par intervals fort longs heureusement. Cela provient d'une dissolution du sang, et j'en ai vu mourir un jeune prince Troubetzkoy âgé de 16 ans.

LX.

Pétersbourg, Palais d'hyver, le 18 d'aoust 1816.

Nous sommes en ville depuis hier soir à cause du départ de la grande-duchesse qui aura lieu après demain 20. Nous sommes tristes de la voir s'en aller, et en mon particulier je la regrette infiniment: elle a été très-aimable pour moi et si bonne que je crois toujours lui être en grande partie redevable de la connaissance de certaine personne. Je le lui ai même dit plus d'une fois quoiqu'elle ait l'air de s'en défendre. Tous ces jours-ci on était mal à son aise à Pawlowsky, l'Impératrice arrivait au salon avec des yeux rouges et gros comme le poing, on voyait bien qu'elle avait passé la matinée à pleurer, et tout de suite cela donnait du triste aux autres; le prince Labanow était le seul qui cherchait à être gay, il imaginait mille folies pour distraire et quelque fois il y parvenait en attirant du moins l'attention sur ce qu'il faisait. Avant-hier soir on essaya de petits jeux sans beaucoup de succès; bref, tout se ressentait des prochains adieux. Je n'ai pas vu la grande-duchesse au moment où elle a quitté Pawlowsky, elle est sortie par une petite porte dérobée pour monter en voiture; nous autres nous sommes venues par *le char-à-banc*: c'est le nom que j'ai donné à une grande voiture d'or, à six places, qu'on attèle de huit chevaux et dans laquelle, à la rigueur, on peut être aussi huit personnes. M-lles Kotchetow, Nélédinsky, Anrep, Nélidow, Samoïlow, Louise et moi composions la société; personne n'a été fort causant, et c'est dans cette disposition qu'on nous a déposé au château; j'en excepte pourtant la petite Samoïlow qui s'en allait coucher à l'Institut et que cela mettait hors d'elle-même de joye.

Qu'avez-vous à vous inquiéter pour le cachet mystérieux? Que vous importe d'où il vient, pourvu qu'il vous porte mes lettres? Je vous avoue que jusqu'ici je n'ai rien fait pour découvrir pourquoi elles vous arrivent tantôt avec mon *B.* ou mes six lames et tantôt avec l'aigle; mais je vous promets de tirer la chose au clair dès que je verrai m-r Wolf, secrétaire de l'Impératrice, qui est celui qui se charge de toutes mes écritures. Aujourd'hui, par exemple, j'envoye droit à la poste et je cachette avec quelque chose qui ne m'appartient pas d'où je présume que vous aurez ma lettre 24 heures plus tard. Mais vous ne vous en apercevrez pas dans le brouhaha de Moscou. Adieu!

LXI.

Moscou, Mercredy, le 23 aoust 1816.

Tatiana n'avait pas hier en apparence pour un mois de vie, et elle semblait bien s'en douter. Cependant sa mère la croit parfaitement guérie et se livre aux distractions avec un abandon admirable. Elle partira quelques jours après Tatiana, car il faut aller aujourd'hui au bal de m-lle Orlow et demain il faudra faire à Arkhangelsky les honneurs du dîner: l'Empereur y viendra au retour de Woskrécensky. Le prince Youssoupow a prié la princesse Boris de faire la liste des femmes pour ce dîner; elle a mis à la tête madame Apraxine et ses filles, et le prince les a rayées sur-le-champ en disant: „je n'aime pas le mari et je ne veux pas de la femme". Plus loin il a trouvé le nom de la princesse Menschikow née Protassow; il l'a rayée aussi en disant: *elle est trop laide*. Enfin, le cher prince est le maître chez lui et le fait bien voir. Il y aura donc à ce dîner la princesse Boris et ses deux filles, votre soeur Catherine, Wéra Wiasemsky et la princesse Gagarine, née Menschikow avec la petite Lanskoy, future d'Alexandre Galitzine; j'oublie m-lle Orlow et la princesse Lapouchine.

Jeudy, 24 aoust.

Le bal de la comtesse Orlow a été superbe, le feu d'artifice a réussi à ravir; je n'ai rien vu de tout cela, mais j'en ai eu les détails. L'Empereur a eu les mêmes bontés pour Virginie. J'aurais trop à vous dire si je voulais vous répéter tout ce que le dépit fait imaginer aux personnes qui semblaient avoir pris à tâche de l'humilier. Ma voisine la princesse Gortchakow n'a été ni saluée ni remarquée, ni à l'Assemblée ni hier; on sait probablement que son salon est un rassemblement de frondeurs. Alexis Michel Pouchkine ne se montre pas.

LXII.

Moscou, Vendredy, le 25 aoust 1816.

Le cher prince, qui n'aime ni ne souffre monsieur Apraxine, croyait que l'Empereur ne distinguait point le mari ni la femme. La *rayeure* avait couru la ville comme bien vous pensez; mais voilà qu'au bal de m-lle Orlow l'Empereur s'approche de madame Apraxine, lui demande quand elle voudra le recevoir chez elle; mad. Apraxine le prie de fixer le jour; l'Empereur dit que ce sera Dimanche. Mad. Apraxine dit: Votre Majesté voudrait-elle me faire la grâce de dîner chez moi? L'Empereur dit: *volontiers*. Et voilà la renommée qui va corner aux oreilles du prince Youssoupow toute cette conversation. Il était à un boston; ses réflexions ne furent ni longues ni difficiles: il donne ses cartes à je ne sais qui et vient prendre mad. Apraxine pour une polonaise et pendant qu'ils la dansaient, le fin courtisan lui glisse mille douceurs *et une belle invitation* pour le lendemain à son fameux dîner, pour elle, son mari, ses filles et pour tous ceux qu'elle voudrait amener. Ce n'est pas tout: craignant d'avoir fait aussi une sottise à l'égard de la princesse Menschikow, il la traîne en polonaise et l'invite de même. Celle-ci, sachant de quoi il retournait, lui fit une révérence et refuse net. Voilà de la fierté bien placée selon moi. Sans doute que mad. Apraxine n'était pas si bien instruite, car elle a accepté. Tout cela a fait un peu rire aux dépends du vieux courtisan. On m'a dit que l'Empereur avait demandé à voir vos soeurs. Catherine a dîné hier, et Sophie sera du dîné de Dimanche. La princesse Boris est partie cette nuit. Je ne puis vous dire combien ces choses me semblent frivoles et vaines en comparaison de cette Tatiana mourante et qui rapelle des idées si sérieuses et si loin des orages de la vanité.

Samedy, 26 aoust.

Voici André Galitzine qui part demain pour Kiew et qui est venu passer une heure avec moi. Il m'a conté les joyes de sa mère à Arkhangelsky où elle faisait les honneurs du dîner, et où en conséquence l'Empereur lui a donné le bras à la promenade et a beaucoup causé avec elle. André est très-bon à entendre sur les exclamations et les ravissements de la bonne princesse Boris qui a pardonné de ce moment-là toutes les préférences des jours précédents qui n'avaient point été pour elle. Il est sept heures, chacun va à l'Assemblée où les

marchands donnent leur bal à l'Empereur. Je ne puis me résoudre à y aller, la foule sera terrible, et je préfère me reposer chez moi et entendre demain les récits divers qu'on viendra m'en faire. Je fais plus de cas de quatre heures de solitude, n'ayant d'ailleurs rien à faire au bal, que de cette chaleur, de ce bruit, de ce fracas d'une assemblée de ce genre.

LXIII.

Pawlowsky, le 23 aoust 1816.

Tout notre monde de Weymar est parti Dimanche, 20, à dix heures du matin; je ne saurais vous dire quel chagrin j'ai eu en voyant la grande-duchesse affligée comme elle l'était à l'audience de congé qui eut lieu Vendredy. On voyait qu'elle avait peine à quitter les personnes qui ont fait sa société journalière. Samedy j'y retournai à une heure, elle était sortie; j'y allai encore une demie-heure plus tard, elle venait de rentrer et faisait sa toilette. On m'introduisit; je la trouvai toute en larmes. Elle est bonne par excellence cette princesse, d'une humeur gaye pour l'ordinaire, beaucoup d'instruction et avec cela d'une simplicité admirable. La princesse d'Orange a quelque chose de pedantesque qui la rend sèche, malgré toutes ses phrases agréables; c'est que chez l'une cela est naturel, tandis que l'autre travaille à être aimable. J'ai profité du tems que je suis resté en ville pour voir mes connaissances de Kamennoï-Ostrow: j'ai dîné deux fois chez les Gouriew, j'ai été chez la princesse Dolgorouky, madame Ojarowsky etc. etc.; j'ai vu deux fois mad. Swistounow dont je suis *parfaitement contente*; enfin, j'ai fait tout ce que je me proposais de faire. J'ai trouvé le monde occupé de trois histoires qu'on va contant de tout côté. Une madame Poutiatine, jeune femme très-élégante, a chassé son mari la semaine dernière; un m-r Touloubiew a renvoyé sa femme, et un m-r Kleinmichel a enlevé une d-lle Kakochkine. Tout cela s'est fait coup sur coup. La dame qui a mis son époux à la porte prétend que c'est pour cause d'infidélité, qu'elle lui a découvert une belle avec trois enfans; d'autres disent que c'est par ce qu'elle a pris de l'amour pour un grand blondin, officier des chevaliers-gardes qu'elle veut épouser et qu'elle plaide en divorce accusant son mari de tout autre chose que d'infidélité. Le Touloubiew est, dit-on, un mauvais sujet qui, après avoir dépensé tout le bien de sa femme qui était riche, ne veut plus la garder. Le séducteur Kleinmichel est un joli jeune homme, aide-de-camp de l'Empereur; il était amoureux de m-lle Kakochkine et en tout bien

tout honneur l'avait demandé à sa mère. Celle-ci ne le trouvant pas un parti sortable l'avait refusé comme gendre, mais cependant ne le recevait pas moins chaque jour chez elle. Il ne fut pas difficile aux jeunes gens de s'arranger pour un enlèvement, si bien qu'un beau soir que mad. Kakochkine s'en fut à l'église avec sa fille, celle-ci, au moment où sa mère était toute à la prière, sortit de l'église pour aller joindre son amoureux au coin de la rue où il l'attendait dans une voiture. Les vêpres finies, mad. Kakochkine veut monter dans la sienne, elle cherche, elle appelle sa fille, pas de nouvelles; les gens disent ne l'avoir pas vu sortir et pendant qu'ils vont et viennent dans l'église pour l'y découvrir, des vieilles femmes à la porte lui apprennent qu'une jeune personne très-bien mise avait passé devant elles pour aller dans la rue; le signalement était précisément celui de la demoiselle; une heure et plus s'était écoulée depuis, donc pas moyen d'aller à la poursuite; la belle fugitive en quittant une église avait été droit à une autre pour y recevoir le sacrement. Le lendemain les époux allèrent implorer le pardon de la mère, qui était dans une telle fureur de désespoir qu'elle ne voulut voir ni fille ni gendre. On a tout lieu de croire cependant que cette histoire finira comme bien d'autres de ce genre, et que mad. Kakochkine pardonnera d'autant plus volontiers que Kleinmichel est protégé par certaines autorités qui soutiendront sa cause. Si vous contez ceci à mad. de Noiseville, dites-lui que c'est un neveu de madame Richard.

La soeur de Ribeaupierre vient de partir pour la Suisse avec l'intention de s'y fixer auprès des parents de son père; madame de Roverea, sa tante, la désire depuis longtems, et comme m-lle de Ribeaupierre est née à Rolle, qu'elle y est restée jusqu'à l'âge de 5 ans, il lui est resté une extrême envie de demeurer un jour dans ce pays-là.

A propos de la Suisse, j'ai lu dernièrement une lettre de m-r de Sybourg à la comtesse de Lieven; il est fort mécontent de l'esprit qui régne à Genève; il dit que messieurs les horlogers sont tout-à-fait prononcés contre l'ordre de choses établi depuis que notre Empereur s'est mêlé des affaires, que les propos de ces mécontents sont si peu convenables que lui Sybourg a pris la résolution de s'éloigner de Genève et de n'y plus rentrer; il est à Mornans sans en sortir, et c'est là qu'il aura été joint par sa soeur, qui avait accompagné la princesse d'Orange jusqu'à Francfort. Comment va la vôtre? Dites-moi si vous en avez de meilleures nouvelles.

LXIV.

Moscou, Mercredy, le 30 aoust 1816.

Je suis de votre avis que mad. Kakochkine pardonnera à sa fille et à son gendre; mad. Kazitzky a bien pardonné à Laval dans le tems, et c'est toujours par-là que ces choses finissent. Aussi bien c'est un mal où il n'y a pas d'autre remède. Je serai curieux de savoir si m-lle de Ribeaupierre s'accoutumera facilement au genre de vie de Rolle, si différent de celui de Pétersbourg; sa tante, mad. de Roverea, est une femme charmante. Ce que mande m-r de Sybourg ne me surprend point du tout: Genève n'est pas le seul canton qui soit mécontent, et ce mécontentement vient de ce qu'on a maintenu la révolution de 1798 dans le tems où l'on rétablissait l'ancien ordre de chose par toute l'Europe. Les Suisses savent que ces morcellements de cantons sont dûs à un homme puissamment soutenu et que tant que cet homme vit et jouit de l'appui qu'on lui prête, il serait inutile de penser à remuer; mais les hommes sont mortels et les pays éternels, et on verra tôt ou tard un autre ordre de choses en Suisse. Au reste, je fais bien mieux que Sybourg qui quitte Genève pour Mornans: je ne veux de ma vie remettre le pied en Suisse. Je suis Russe de coeur et d'âme, je vivrai et mourrai en Russie. Je n'ai plus, hélas! qu'un seul point d'affection en Suisse, c'est ma soeur, et cette pauvre femme est si malade qu'il est très-douteux qu'on puisse la conserver. Déjà elle ne peut plus m'écrire elle-même; son mari est son interprète, et les nouvelles qu'il m'en donne sont de jour en jour plus déplorables.

On vient de m'apprendre les grâces qui ont eu lieu ce matin: m-r Tormassow fait comte, le prince Youssoupow a le grand cordon de S-t Wladimir, Wolkow, Choulguine, Kisselew, Poliwanow et le sourd Dolgorouky—le cordon de S-te Anne. Quelques généraux-lieutenants et 43 généraux-majors. Le prince Tsitsianow est fait sénateur.

Jeudy, 31 aoust.

L'Empereur est parti à 3 heures du matin; le bal d'hier fut un peu cohue. L'Empereur y fit des adieux très-aimables à ses connaissances. Il a fait quelque chose pour Virginie, mais elle-même ne sait pas encore ce que c'est. M-r Tormassow lui a seulement dit au bal: L'Empereur m'a ordonné d'avoir soin que l'oubli de la commission de 1813 fût réparé à votre égard, madame. Vous savez qu'elle avait eu trois

maisons capitales brûlées en 1812. Vous savez que l'aimable Rostopchine, quand elle présenta ses preuves et demanda un emprunt à la commission, raya son nom de la liste avec la ***même brutalité*** dont usait sa femme envers cette pauvre Virginie, qui ne leur avait jamais rien fait. Ce fut à cette même époque que la société l'accabla de tout ce qu'elle avait de plus amer. Elle souffrit en silence, s'occupa de ses affaires, vendit une de ses masures et emprunta à gros intérêts quarante mille roubles pour réparer les deux autres. Elle se reservait d'avoir recours à l'Empereur, et au mois de mars dernier elle lui écrivit pour lui représenter l'embarras où l'incendie avait mis ses affaires et le supplier de permettre qu'elle empruntât à la commission de secours, à raison de 200 roubles par paysan, la somme de 40 mille roubles qu'elle devait à intérêt onéreux aux particuliers. L'Empereur répondit qu'*elle avait tout droit à cet emprunt et qu'il la renvoyait pour cet effet à la dite commission.* Avec cette lettre et l'aîde de m-r Tormassow elle présente une nouvelle supplique. Le gros Arseniew et le sourd Afrosimow, chefs de cette commission, tirèrent le tems en longueur, et forcés enfin de répondre, prétendirent que la première distribution de l'argent de la commission ayant été approuvée et confirmée par l'Empereur, ils ne pouvaient plus rien y changer à moins d'un oukase de S. M. et que la réponse de l'Empereur n'étant pas un oukase, ils étaint forcés de n'y avoir aucun égard. La chose en demeura là, et Virginie ne put effectuer son emprunt. Dès que l'Empereur la vit, il lui parla le premier de ses pertes comme les croyant réparées. Virginie répondit, qu'elles ne l'étaient pas encore. L'Empereur dit: *c'est étonnant.* Puis il lui parla fort longtems de ses campagnes, du congrès de Vienne, de l'effet qu'avait produit sur tous ces souverains la rentrée de Napoléon en France, et revenait toujours à lui dire: „Nous sommes de bien anciennes connaissances, madame; je sais que vous avez des bontés pour moi, j'espère que je peux compter sur vous, comme je vous prie de compter sur moi". Il lui répéta cela si souvent au bal de la c-tesse Orlow qu'enfin elle s'enhardit à la fête des marchands, Samedy dernier, à lui dire: „Sire, vous me traitez avec tant de bontés que j'oserais vous demander une grâce si je ne craignais de perdre ces mêmes bontés".—„Dites, madame, dites; si la chose que vous demandez est juste, elle sera faite; si elle ne l'était pas, je vous le dirais franchement, mais dans aucun cas ne craignez rien: *nos relations seront toujours les mêmes*". Alors elle le supplia de faire finir cette affaire de la commission.—„Quoi, elle ne l'est pas? Ce n'est que cela, dit l'Empereur; ah, je vous promets que je m'en occuperai". Et la conversation changea de sujet. Hier Tormassow dit à Virginie ce que je vous ai cité plus haut; et dès

la première polonaise que l'Empereur dansa avec elle, il lui dit: „Madame, j'ai donné des ordres, et votre affaire est faite". Mais cependant elle ignore ce qui est fait, si cela porte sur les 40 mille roubles qu'elle demandait, ou seulement sur une partie comme Afrosimow le lui a fait entendre. Enfin, cela s'éclaircira et au fond n'est pas très-important, car plus elle recevra et plus il faudra rendre dans cinq ans. Ce qui est plus essentiel c'est que l'Empereur par ses aimables attentions soutenues soit parvenu à *débredouiller* Virginie de cette série de peines de tout genre qui ne l'a pas quitté une minute depuis quatre ans précisement. Ce n'est pas que l'Empereur parti on l'en accueillira mieux, je suis bien sûr du contraire; mais elle a le sentiment consolateur de se croire appuyée au besoin par son Souverain. Il n'a cessé de lui dire des choses aimables et obligeantes; il lui a témoigné du regret de ne l'avoir pas vue au dîner de Youssoupow et autres choses de ce genre. Je vous conte ces détails pour que vous soyez au fait de la vérité pure et que si vous entendez parler de Virginie, vous sachiez à quoi vous en tenir sur ce qui s'est passé. Si on en parle, on le défigurera peut-être; voilà le vrai, *mot-à-mot*. L'Empereur a beaucoup engagé Virginie à aller cet hyver à Pétersbourg. Elle en est bien tentée. Je l'en détournerai autant que je pourrai: sa santé est misérable au fond; et puis pourquoi irait-elle? Au reste, si elle y allait, je ne l'y accompagnerais sûrement pas, car je ne voudrais pas être la pierre d'achoppement à Pétersbourg comme à Moscou. Elle n'a point d'ami, point de famille, et sa fortune est trop bornée pour avoir une maison qui tienne lieu de tout cela.

LXV.

Moscou, le 8 VII-bre 1816.

L'Empereur a dû être en effet très-content du peuple Moscovite qui n'a pas cessé jusqu'au dernier moment de lui témoigner l'enthousiasme le plus vif et le plus réel; mais la noblesse est plus difficile à contenter et s'en prend aujourd'hui au général Tormassow du peu de grâces répandues sur elle pendant cette dernière époque: on avait espéré que chaque jour donnerait lieu à une nouvelle récompense et sauf le Kremlin et la police, personne n'a rien reçu. On trouve que dans les visites que S. M. faisait dans les divers établissements où elle avait la bonté de trouver tout très-bien, m-r Tormassow aurait dû lui indiquer une personne sur laquelle aurait pu tomber une distinction; c'est

ce qu'il n'a pas fait. On le blâme bien plus encore d'avoir invité le golova des marchands à dîner chez lui avec l'Empereur et de n'avoir pas prié le maréchal de la noblesse. C'est la seule chose où je suis de l'avis général: cette omission semble blesser les convenances. Pour le reste, comme je suis hors du cercle des prétentions, je ne me mêle pas d'approuver ou de blâmer et j'écoute ce qu'on dit sans y prendre part ou porter mon jugement.

Je viens de recevoir une longue lettre de mad. Tolstoï, datée de Mohilew du 1-er VII-bre. Elle me dit que son mari part à l'instant pour aller joindre l'Empereur sur le chemin de Kiew et qu'elle attend son retour pour savoir quelle sera leur future destination. Nous la savons ici depuis le 30 aoust: il commandera le corps qui est à Moscou, et son quartier-général sera son hôtel à Léwontiew peréoulok, ce qui plaira infiniment à mad. Tolstoï, malgré tout le bien qu'elle me mande de Mohilew, de ses environs, de sa société, de la maison du maréchal Barclaï-de-Tolli, de sa femme, de leur manière de recevoir, des beaux bals qu'ils donnent, et des promenades délicieuses qu'elle fait avec Sophie et ses nièces Tolstoï. La société des bonnes amies de Moscou fera oublier bien vite les charmes de la Russie Blanche.

On parle d'un oukase qui réhabilite le défunt Wérestchaguine, ce jeune homme que Rostopchine fit massacrer, le jour de l'entrée des Français à Moscou; des gens prétendent l'avoir lû. En avez-vous entendu parler? Ce serait un rude soufflet sur la face de notre patriotique Rostopchine, qui perd de jour en jour dans l'esprit de ses compatriotes. C'est peut-être, parce que les Allemands le jugent plus favorablement et qu'il est à Dresde à ce qu'on assure. On croit que sa douce et indulgente moitié doit passer l'hyver ici. Mon Dieu, que ces gens-là me rappellent une vilaine époque de ma vie, qu'ils ont troublée et agitée bien vainement. Mais la Providence, toujours bonne, a mis le remède à côté du mal, et je n'oublierai point que cette même année 1813 fut celle qui me procura votre connaissance comme un dédommagement à mille chagrins: le mal est passé, le bien me reste; je n'ai donc plus qu'à louer Dieu.

LXVI.

Au Palais Tauride, le 6 VII-bre 1816.

Sophie me parle de son dîner chez mad. Apraxine, et je suis bien aise que mes soeurs ayent joui de l'avantage de voir l'Empereur autrement qu'en public où pour paraître: il eût fallu faire des dépenses extraordinaires et inutiles. Nous avons depuis 3 jours la liste de toutes les grâces accordées le 30. Vous pouvez vous représenter la *surprise universelle*, en apprenant la nomination de Spéransky au gouvernement de Penza. Le premier moment a été absolument pareil à celui où l'on apprit le départ du personnage en question en 1812: personne ne voulait y croire, et cette fois c'était tout de même.

LXVII.

Moscou, Samedy, le 16 VII-bre 1816.

J'ai des lettres de Castellamare du 4 (16) aoust; la petite se porte à merveille, et ils sont tous sur leur retour, si bien que m-r de Markow me prie de lui répondre à Vienne, ce que j'ai fait par la dernière poste. Avez-vous entendu parler du duel du comte Grégoire Orlow *avec un asne*? C'est un accident fâcheux sans doute, mais si ridicule qu'on ne peut s'empêcher d'en rire avant de plaindre le blessé. Le comte Orlow a passé l'été à l'isle d'Ischie pour la santé de sa femme; il se promenait sur son asne, monture du pays, et n'avait à sa suite qu'un domestique et quelques chiens. Voilà qu'un autre asne, libre et sans charge, vient fort innocemment à la rencontre du cavalier; voilà que les chiens du comte Orlow cherchent querelle au survenant, l'attaquent et se pendent à ses oreilles, en sorte qu'un combat en régle s'établit entre ces animaux. Voilà que le comte Orlow descend pour les séparer et que sans qu'il puisse expliquer comment, sa main gauche se trouve engagée dans la vaste bouche de l'asne qui se met aussitôt à la broyer avec fureur. Heureusement que le domestique, saisissant l'asne à la gorge, le force à lâcher prise, et plus heureusement encore que tous les secours de l'art se trouvèrent à portée de donner au comte Orlow les soins dont il avait besoin. M-r de Markow en apprenant cet accident s'embarqua aussitôt de Castellamare pour aller voir le malade qu'il trouva hors de danger quoique fort souffrant, mais au moins

avec la certitude de conserver sa main, ce qui avait été douteux dans les premiers moments. Voilà certainement un des accidents les plus bizarres qui puisse arriver à un paisible promeneur.

J'oublie de vous dire que le comte Markow est partagé entre le désir de rentrer bientôt en Russie et celui d'aller faire un petit tour à Paris. Sa suite nombreuse le retient, et il me mande que s'il parvient à la décider à poursuivre sa route sans lui, il pourra fort bien aller acheter le trousseau de Warinka chez les marchands les plus fameux de la France. Ce désir m'a fait rire, mais me fait un vrai plaisir, parce que cela me prouve qu'à 70 ans il tient encore aux jouissances de la vie. Que Dieu la lui conserve au gré de mes voeux! Il me tarde de le voir établi à Moscou, mais il y a un peu d'égoïsme dans ce souhait, et pourvu qu'il se porte bien, qu'il habite les lieux qui lui seront agréables.

Monsieur Gillet me contait hier les 24 heures de la princesse Boris à Belkino; elle n'a parlé que d'Arkhangelsky et de l'Empereur. Tatiana selon elle se portait à merveille, nulle inquiétude à avoir; mais l'Empereur lui avait dit ceci, lui avait demandé cela, avait dîné à côté d'elle, lui avait donné le bras pour faire le tour du jardin; lui avait dit en partant: *au revoir à Kiew*. La tête de cette bonne princesse en tournait; c'est un enfant de 50 ans, me disait Gillet; et ses filles ont mille fois plus de tenue, de tact et d'aplomb. Vous sentez qu'elle serait allée à Kiew à pied si elle n'avait pu faire racommoder sa voiture à Borowsk.... l'Empereur l'y attend, et on n'ose pas lui manquer de paroles comme de raison.

Voici ce qui m'a été affirmé hier, comme une chose vue et lue. C'est un rescript de l'Empereur au père du malheureux Wérestchaguine, portant en substance ce qui suit. „Ne pouvant réparer la perte que vous „avez essuyée, je vous offre au moins pour consolation l'assurance que „votre infortuné fils n'est pas déshonnoré. Sa mort n'est due qu'à la „ferocité (злоба) d'un homme qui en s'éloignant de son pays *s'en est exilé*". Le viellard voulait faire imprimer ce rescript dans la gazette; mais Brocker, maître de police et créature de Rostopchine, a prévenu ce coup par persuasion. Cependant tous les amis et connaissances de Wérestchagnine peuvent aller en prendre lecture; de plùs, il est communiqué au Sénat et sera imprimé dans sa volumineuse gazette que peu de gens lisent. C'est un terrible soufflet sur la joue du patron Rostopchine, mais aussi l'action qui le lui a attiré, n'était certes pas moins terrible. Savez-vous qu'avant que Spéransky fut envoyé de Nijni à Perm par ordre de S. M., Rostopchine l'avait demandé au comte Tolstoï; il est probable qu'il en voulait faire aussi un petit auto-da-fé à sa ma-

nière. Le comte Tolstoï le refusa. J'aurais bien des choses à vous dire encore à ce sujet; ce sera pour notre première entrevue. Voici le Conservateur avec l'oukase sur m. m. Speransky et Magnitzky en français. Je le crois mal traduit. Cet oukase est loin de les laver, et cependant on leur donne des places de confiance pour se blanchir. Si j'étais Spéransky, j'aimerais mieux un jugement qu'un oukase aussi équivoque; et s'il ne réclame pas contre la teneur d'un semblable papier, il laissera le monde persuadé qu'il est coupable. Un innocent à mon avis ne voudrait jamais rentrer au service par une telle porte. Qu'en pensez-vous? On ne manque pas de croire que cette première faveur sera suivie de bien d'autres et qu'il remontera par de rapides degrés au poste qu'il occupait en 1812. Cela me paraît à moi très-peu probable par des raisons que je ne serais pas embarrassé de déduire.

Dimanche soir.

Depuis que j'ai quitté ma plume, j'ai changé de sentiments et mieux instruit, je crois à présent fort probable que ces messieurs remonteront sur leur bête. Je viens de passer une heure tête-à-tête avec Magnitzky avec lequel j'étais anciennement très-lié à Paris; quand je revins des prisons du Temple à Pétersbourg, il fut le seul qui vint me voir, tandis que tout le monde me fermait sa porte, jusqu'à Laval, ce qui me semblait de sa part le coup de pied de l'asne. Aujourd'hui, en dînant, j'ai appris que Magnitzky venait d'arriver, et comme son père loge à ma porte, je suis allé le voir aussitôt. Nous avons causé bien à l'aise, et je ne lui ai point caché que la tournure de l'oukase ne me plaisait pas pour lui. Il m'a répondu que cet oukase ayant été écrit tout entier de la main de l'Empereur, à 3 heures du matin, la nuit du 30 au 31 aoust, après le bal de Tormassow et avant de monter en voiture, il lui paraissait prouver que le mot *se laver* qui est inséré dans l'oukase, provenait de la hâte avec laquelle cette rédaction avait été faite; puis qu'il avait la certitude que l'Empereur les reconnaissait l'un et l'autre pour parfaitement innocents. Quand S. M., revenant au mois de décembre dernier à Pétersbourg, se fit rendre compte de l'examen de leurs papiers saisis en 1812 et qu'elle apprit que l'on n'avait absolument rien trouvé qui pût les inculper le moins du monde, elle parut frappée de l'idée que ces deux hommes ne pourraient jamais pardonner au fond de leur coeur le traitement qu'ils avaient essuyé. Et quand Magnitzky, en janvier dernier, écrivit à l'Empereur pour lui demander la permission de venir se justifier en personne, il reçut pour réponse,

que s'il paraissait à Pétersbourg cela ferait trop d'éclat, mais qu'il pouvait se rendre à Grousino où il trouverait un homme qui écouterait tout ce qu'il aurait à dire. Il fut reçu à merveille par le comte Arakchéew, mais quand il lui demandait les chefs d'accusation existans contre lui, le comte répondait: je n'ai pas d'ordre pour traiter ce chapitre; et quand Magnitzky fournissait les preuves écrites de sa parfaite innocence, on lui disait de même: je n'ai pas ordre de vous répondre sur ce sujet; en sorte que toute la conversation roulait sur des questions relatives aux sentiments que Magnitzky conservait pour l'Empereur. Magnitzky m'assure avoir répondu à cela clairement: que se trouvant sous le poid·des chaînes qui le génaient, ce n'était pas le moment de faire des déclarations d'amour et des protestations d'attachement, et que si une fois il se voyait débarrassé de ces entraves, il saurait prouver s'il aime son Souverain et son pays. Après cette entrevue de Grousino, il reçut l'ordre de retourner à Wologda. A peine y fut-il arrivé qu'il reçut par estafette la permission d'écrire à l'Empereur directement aussi souvent qu'il le voudrait, et le gouverneur de Wologda eut l'ordre d'envoyer ses lettres en droiture à S. M. Magnitzky a tenu bon cinq mois sans profiter de cette permission, croyant d'un jour à l'autre que son innocence serait mise au grand jour comme un acte de justice, et ce n'est que tout-à-fait en dernier lieu qu'il a écrit dans le sens suivant. „Sire, je suis innocent. V. M. en est convaincue, je ne l'ignore pas, et „cependant une accusation vague pèse sur moi. A quoi tient donc ma „réhabilitation dans l'opinion? A de simples ménagements que V. M. „croit devoir observer envers le public. Elle peut au moins graduelle-„ment me remettre en activité de service, témoigner ainsi qu'elle me „juge innocent et me mettre à même d'en convaincre mes compatrio-„tes". Cette lettre qui semble avoir servi de modèle à la tournure de l'oukase, a été aussitôt remise à l'Empereur et aussitôt répondue le 30, comme je vous l'ai dit. L'oukase lui a été envoyé à Wologda par estafette accompagné d'une lettre fort aimable du c-te Arakchéew; et un autre estafette l'a rencontré à Yaroslaw, lui apportant 5000 roubles de la part de l'Empereur pour fraix de voyage. Enfin Magnitzky croit avoir toutes les raisons d'espérer qu'on n'en restera pas là pour lui, non plus que pour Spéransky; mais il ne sait point encore ce qu'on aura fait de particulier pour ce dernier, qui n'est pas arrivé jusqu'ici et qu'on attend d'un moment à l'autre. Il est positif que l'Empereur croit avoir été induit en erreur à leur sujet; il est bien certain aussi qu'il témoigne le désir de les dédommager et que tout ce qu'il a fait écrire à Magnitzky est parfaitement dans ce sens-là. Magnitzky a toujours eu la tête exaltée et a pu prêter à bien des soupçons; mais il

est clair que ses ennemis n'ont pu rien prouver contre lui et que dès lors l'Empereur l'envisageant comme véxé, croit qu'il est de sa justice de l'indemniser; mais qu'il est encore un peu retenu par cette opinion publique si prononcée contre ces deux hommes.

Les Tolstoï sont allés de Witebsk à Troitzkoé; or, Troitzkoé pour le comte Pierre c'est le paradis retrouvé, en sorte que je ne sais plus quand on doit les attendre.

LXVIII.

Pawlowsky, le 13 VII-bre 1816.

La comtesse Strogonow m'a chargé de vous demander, si une madame Christin d'Yverdun, à ce qu'il me paraît, dont Jean Jaques a été éperduement amoureux, ne se trouve point être votre mère, ou votre tante, ou votre parente enfin? Je vous assure qu'elle est si curieuse de le savoir, qu'il faut absolument que vous le lui disiez. Prenez un peu les Confessions de Rousseau et cherchez-moi là cette madame Christin.

LXIX.

Moscou, Vendredy, 22 VII-bre 1816.

Vous me renvoyez aux Confessions de Rousseau pour une histoire que je sais par coeur depuis plus de 30 ans. Si c'était madame Golowine qui m'interrogeat, je croirais devoir mentir pour ne pas déchoir dans son opinion, et dire que cette madame Christin, née m-lle de Vulson, était ma grand'mère, ou tout au moins ma grande-tante; mais pour la comtetse de Strogonow qui je crois fait plus de cas de la vérité que de ce petit reflet romanesque, je dois convenir que cette belle de m-r Jean Jacques, qui était d'Aubonne et non d'Yverdun, ne tenait en rien à ma famille, si ce n'est par la similitude du nom. Ne croyez pas cependant que Rousseau fût étranger à ma mère; il avait 12 ans quand il connut m-lle de Vulson; il en avait 50 lorsque, persécuté pour son Émile, il se refugia en Suisse et passait son tems entre Yverdun et Motiers Travers, qui ne sont qu'à 10 ou 12 verstes de distance. Et si cela peut intéresser mad. de Strogonow, je vous prie de lui dire que pour mon malheur je vins au monde tout juste à cette époque, et que Rousseau fréquentait familièrement la maison de mon père qui

était un homme plein de sens et de raison, tandis que ma pauvre mère tenait un peu de madame Golowine pour les engouements. Il arriva que Rousseau fit jouer son Devin du Village dans la société, et qu'à tort ou à raison, il déclara que ma mère était de toutes les dames d'Yverdun celle qui le chantait avec le plus d'âme et d'expression. Il n'en fallait pas tant pour que Jean Jaques devint l'oracle de la maison; aussi, en dépit des sages représentations de mon père, fus-je élevé comme Émile, c'est-à-dire qu'on me faisait courir sans chapeau, sans bas et sans souliers, par la pluye et dans la néige; j'en attrappais des rhumes épouvantables, mais cela devait me fortifier, et on persistait. Je ne sais par quel hasard j'échappai au rabot, sans doute que mon père ne poussa pas la complaisance jusqu'à permettre qu'on fît de moi un ménuisier. Malheureusement on ne suivit que trop la méthode d'Émile pour mes études; on ne me contraignit en rien, j'étudiais à peu-près quand je voulais et je le voulais très-rarement; on attendait tout de l'occasion et du tems; l'occasion ne venait point, et le tems se passait; il en est résulté qu'à 15 ans je ne savais presque rien, et que ce n'est guères qu'à 20 ans que j'ai senti le besoin de réparer le tems perdu. Voilà ce que je dois à m-r Jean Jacques. Ma mère conservait un lacet qu'il lui avait envoyé de Motiers Travers, comme on conserve une rélique. Pour moi, tout en rendant justice à ses talents et à son esprit, j'avoue que ce n'est pas mon homme, et que je crois qu'un caractère comme le sien est aussi insupportable à celui qui en est doué, qu'à ceux qui ont le malheur d'être appelés à vivre près de lui. C'est ce que l'histoire de toute sa vie a bien prouvé. Il fallait entendre la vieille comtesse de Boufflers sur ce chapitre; je l'ai fort connue, et elle a entièrement confirmé mon opinion sur cet homme avec lequel elle avait vécu pendant des années chez la duchesse de Luxembourg. J'espère, chère princesse, qu'en voilà sur Rousseau plus que vous ne m'en demandiez. Ma plume quand elle ecrit pour vous a l'air d'une échappée des petites maisons: elle trace tout ce qui me passe par la tête, et ne s'arrête que quand la main fatiguée lui refuse service, comme à présent par exemple où le sommeil engourdit mes doigts et mon esprit.

Je vous confesse que sans nécessité je répugne à faire mouiller bêtes et gens faute de savoir rester chez-moi, où après tout je me trouve toujours mieux qu'ailleurs. C'est un grand point gagné pour le bonheur que ce goût de solitude. Il me manque encore celui de la campagne que je crains bien de n'avoir jamais, car je sens qu'il me faut une ville et même une grande ville où tout ce dont on a besoin se trouve sous la main; il me faut la poste, la gazette, un bon boulanger, une boucherie où l'on trouve de bons beafstakes; or, quelques simples

que soyent ces choses-là, on ne les trouve pourtant point dans les campagnes en Russie; on n'y trouve non plus ni médecins ni apothicaires. Et les livres donc! Il faut bien les mettre au moins sur la même ligne que le quinquina et l'émétique; et à moins d'être richissime on ne peut avoir sa propre bibliothèque vu le prix exhorbitant des livres français dans ce pays. Les bibliothèques de Moscou ont beau avoir été pillées. Bouvat a beau n'avoir plus que le plus médiocre cabinet littéraire, cependant j'y trouve encore des trésors, antiques à la vérité, mais qui n'en sont que plus précieux. Sous des tas de bouquins couverts de poussière je déterre des ouvrages excellents que je ne connaissais que de réputation.

A commencer de la semaine prochaine il y aura 3 jours d'assemblée par semaine: une chez le comte Tormassow, l'autre chez le prince Youssoupow et la troisième chez le prince Dolgorouky, gouverneur civil; le tout sans femmes, mais avec un bon souper. Cela vous peint ce qu'est Moscou et sa société. Madame Apraxine est arrivée hier au soir; peut-être recevra-t-elle aussi un jour ou deux par semaine et vraiment pour le coup, dit Titow, Moscou sera une grande ville! Cela me rappelle ce qu'un gros marchand à barbe me disait en 1811 avec admiration: „Vous, monsieur, qui avez beaucoup voyagé, avez-vous jamais vu une ville qui réunisse autant d'agréments et de plaisirs que notre Moscou? Je pense que cela ne peut se trouver nulle part avec tant d'abondance. Nous avons le Dimanche le jardin de la cour, le Mardy et le Vendredy le boulevard, le Jeudy les étangs; le 1 may Sakolnik; à la Trinité le bois de Marie; à telle époque la promenade des Trois Montagnes, à telle autre celle de la montagne des Moineaux, puis celle des couvents de Donskoï, de Pod-Déwitchy et de S-t Siméon; au carnaval les montagnes de glace sur la rivière; à Pâques les balançoires et toute l'année la comédie cinq fois la semaine! Convenez, monsieur, que pour les plaisirs publics, notre Moscou peut être appelée la capitale du monde“. Je me gardai bien de tirer ce brave homme d'une erreur qui lui faisait chérir son pays. Titow est un peu comme ce marchand: les titres, les charges et les cordons sont pour lui le souverain bien.

LXX.

Pawlowsky, le 17 VII-bre 1816.

Nous savions depuis le 3 de ce mois tout ce qui s'était passé le 30 aoust, à l'exception cependant du prêt fait à mad. de Broglie, qui selon moi ne peut être consideré comme une grâce, puis qu'il est fondé sur hypothèque. Si jamais la fantaisie de venir ici lui prend, Dieu vous garde de l'accompagner; vous en dites vous-même de fort bonnes raisons, et vous avez bien assez fait déjà de vous promener en Paul et Virginie, comme vous savez. J'ai oublié de vous dire que madame de Nicolaï, née princesse de Broglie, m'a parlé d'elle. Elle a été à Paris voir sa mère, elle y a entendu parler du comte de Broglie et m'a témoigné son étonnement de ce que sa femme n'allait pas le joindre en France. Je n'ai pas jugé à propos d'entrer en explication sur le ménage et je l'ai laissé s'étonner tant qu'elle a voulu; mais au fond je suis comme madame de Nicolaï: je voudrais que Virginie allât se réunir à son mari; elle serait dans un meilleur climat, et en même tems vos connaissances profiteraient beaucoup de son absence, en ce qu'elle n'absorberait plus votre tems.

Nous quittons Pawlowsky après-demain, et avant de partir l'Impératrice donne une petite fête à tous les enfans qui sont ici, il y en a beaucoup. Elle a eu la bonté de penser à Louise Hertel qu'elle n'a jamais vue, mais dont elle a entendu parler; j'ai été toute étonnée lors qu'elle m'a dit de la faire venir. Ah, si cette enfant avait le bonheur de lui plaire qu'elle m'en déchargeât, je vous avoue que j'en aurais le coeur bien à l'aise. Dans huit jours elle aura 14 ans. Le moyen de la garder chez-moi! En la prenant l'année dernière, je vous avoue que je n'ai pas trop réfléchi à tout cela, je n'ai suivi qu'un mouvement de compassion; je la voyais dans la rue avec une mère extravagante, elle me fit pitié; nous étions à la campagne chez Tatiana, qui me permit de l'y garder tout le tems que nous y serions. Je lui ai enseigné à lire et à écrire le français, elle connaît parfaitement la grammaire, elle sait les quatre régles de l'arithmétique; a une idée de géographie et d'histoire, en sorte que si l'Impératrice voulait la prendre dans un de ses instituts, elle ne donnerait pas la peine que causent les commençantes.

LXXI.

Moscou, le 28 VII-bre 1816.

Vous me donnez un conseil superflu en me priant de ne point accompagner mad. de Broglie à Pétersbourg (où au reste elle n'ira probablement pas). Elle y a des parentes qui l'invitent: la comtesse Wassiliew, madame Miatlew, la duchesse de Serra Capriola, mais qu'est ce que tout cela fait s'il n'y a pas de nécessité d'aller? Quant à rejoindre son mari en France, ce n'est pas chose aisée avec un genre de fortune comme la sienne; il faut avoir des terres à l'obrok pour pouvoir s'absenter et non des fabriques qui exigent des soins assidus et une économie suivie pour payer les dettes, suites des malheurs de 1812.

LXXII.

Gatchina, le 21 VII-bre 1816.

Gatchina est tout-à-fait différent de Pawlowsky, le site en est beaucoup moins riant, ou plutôt il ne l'est pas du tout; c'est quelque chose de majestueux; la nature y semble grave et silencieuse; le jardin est d'un beau style, on y voit un lac magnifique tant pour l'étendue que pour la transparance des eaux; elles sont si claires, si pures qu'en y laissant tomber une pièce de monnaye on la voit aller au fond. Autour de ce lac il y a une promenade charmante; le sapin, arbre si commun aux environs de Pétersbourg, ne se voit pas ici en aussi grande quantité; le bouleau est plus commun, ce qui fait que j'ai trouvé à Gatchina l'automne plus avancé, parce que la couleur du vert est extrêmement passée. Outre le grand jardin, on en trouve un autre d'une moindre étendue, fait à la manière anglaise, mais que je n'ai pu voir jusqu'à présent. Quant au château, il est bâti sur le modèle de ceux de la féodalité; il est très-vaste; l'architecture est d'une belle apparence, il est flanqué de tourelles, et en outre de deux grandes tours sur les ailes, qui pourraient bien mériter d'être appelées comme dans les romans la Tour du Nord ou de l'Est. Sur l'une d'elles est placée l'horloge du château et sur l'autre le pavillon impérial qu'on élève et fait flotter dès que l'Impératrice y loge. Le château se présente très-bien, et comme il est sur une hauteur, il se voit de loin. D'un côté il y a vue sur le jardin, de l'autre sur une plate-forme à l'extrémité de laquelle sont placés des canons audessous desquels est un large fossé; enfin

c'est un château en toute régle. L'intérieur en est si vaste que tout le monde est logé sous le même toit. On y voit une longue enfilade de chambres de parades avec une quantité de dégagements qui conduisent à des appartements fort commodes; tout cela est coupé par de longues galeries qui dans un tems de pluye peuvent servir de promenades. Ici les demoiselles d'honneur ne sont pas toutes ensemble comme à Pawlowsky, les unes sont au rez-de-chaussées et les autres au second étage; je suis au nombre des dernières. Mon appartement est à côté de la tour de l'horloge, il est composé de trois pièces dont deux pour moi et la troisième pour mes femmes. Chaque chambre a deux croisées dont les chassis son en bois de chène, les portes sont aussi du même bois ce qui donne quelque peu d'obscurité, mais c'est en harmonie avec le style de Gatchina en général. J'ai aussi deux grandes cheminées en marbre brun, des meubles en damas et des glaces encadrées à l'ancienne manière avec des ornements en fleurs dorées, comme vous en aurez sûrement vu autrefois. Ma seule voisine est la comtesse Samoïlow, un petit corridor nous sépare; de l'autre côté j'ai une des galeries. Ce qu'il y a de fort joli ici, c'est la salle où l'on se rassemble ordinairement. C'était un arsénal, que l'Impératrice a arrangé à merveille dans le tems où elle passa deux hyvers ici pour l'éducation des jeunes grands-ducs. C'est une pièce énorme, dans le milieu de laquelle sont des arcs qui font différentes séparations; le fond est occupé par un joli théâtre avec des coulisses toutes placées; à droite du théâtre est un charmant établissement en manière de cabinet, avec un divan, des chaises, une grande table ronde sur laquelle sont toutes les gazettes, un écritoire, papier, plumes et encore une cheminée dans le coin. On peut s'y croire chez-soi. A gauche du théâtre est une montagne de bois sur laquelle on glisse fort bien. Dans un autre endroit de la même salle se trouve un billard, un trou-madame, plus loin un piano, en un mot tout ce qu'on peut imaginer pour s'occuper ou s'amuser. C'est aussi là qu'on dîne et qu'on soupe. Le jour de notre arrivée l'Impératrice était en retraite, et nous sommes restées chez-nous. Hier S. M. n'a pas paru non plus, mais l'Impératrice Élisabeth étant venue avec ses dames, on a donné l'ordre d'éclairer l'arsénal, et nous y avons passé la soirée; je l'ai trouvé d'un fort joli effet. Je conçois à présent que l'Impératrice ait passé ici deux hyvers fort agréablement. Elle y recevait moins de monde qu'à Pawlowsky, mais toujours assez pour se faire une société de son goût.

Samedy, 23 VII-bre.

L'Impératrice Élisabeth est restée ici deux jours, elle avait amené ses trois infantes et le comte Litta. J'ai fait hier une longue promenade avec ce dernier qui m'a fait voir beaucoup de choses que je ne connaissais pas encore; un endroit charmant qu'on appelle la *Prieuré*; une tour séparée du château, qui porte le nom du Connetable; plusieurs isles, entr'autres une qui s'appelle *l'isle d'amour*. Le comte Litta m'a expliqué que Gatchina a été bâti sur le modèle de Chantilly et que c'est pour cela qu'on y retrouve tout ce qui se voyait dans les jardins de ce beau lieu. Après avoir marché deux heures, montre à la main, m-r de Litta m'a conduit auprès d'un certain bassin d'eau; puis, m'ayant fait descendre trois ou quatre marches, il me fit entrer dans une grotte et suivre un souterrain d'une vaste étendue, éclairé d'espace en espace par des ouvertures rondes pratiquées dans la voute; ce souterrain s'étend sous une grande partie du château, se termine à un escalier par lequel on revient chez-soi. La découverte du souterrain prête plus à l'imagination qu'autre chose, si bien que je trouve à Gatchina tous les matériaux nécessaires pour la composition d'une *radcliffade*. Que de visions ne pourrait-on pas avoir dans les galeries! Quels bruits n'entendrait-on pas au-dessous! L'héroïne serait logée dans une des tours, et malheureuse selon la régle, toute sa consolation serait un vénérable religieux habitant du Prieuré. Je suis un peu embarrassée pour le héros, mais s'il pouvait se rencontrer déguisé dans une des sentinelles du château, cela ne ferait pas si mal. Voyez, je vous prie, si vous n'aimeriez pas à vous servir de ce canevas pour faire du moins *une nouvelle*; je suis sûre que vous feriez, si vous vouliez, quelque chose de charmant. Mais en attendant que vous m'envoyiez ce petit chef-d'oeuvre, je vous avoue que j'aimerais bien à recevoir de votre prose accoutumée. Imaginez que depuis votre lettre du 31 aoust je n'ai encore rien reçu.

LXXIII.

Moscou, Samedy, le 30 VII-bre 1816.

Madame de Rastopchine est arrivée; elle prendra, dit madame Toncy, deux jours par semaine, un pour le bal et l'autre pour l'assemblée; vous sentez que j'y serai fort assidu. Nous avons, grâce à Dieu, une jolie petite histoire scandaleuse pour amuser nos beaux esprits. Une d-lle Pouchkine, soeur de celle qu'élève mad. Apraxine, est partie l'autre jour de chez sa tante madame Karr avec un joli valet de

chambre de la maison, sujet de sa tante; elle l'a épousé en tout bien et tout honneur et a écrit ensuite à sa tante pour demander la liberté de son mari qu'elle adore, *comme de raison*. La princesse Gagarine est dans une fureur, qui lui fera faire une fausse couche si elle ne se calme. Madame Hélène Pouchkine dit: „Ça n'est pas trop bien, mais cependant si cela lui fait plaisir à la pauvre petite.... au fond il n'est rien de tel que d'aimer et d'être aimée! Et l'amour, qui veut qu'on aime, ne regarde point au rang". Chacun en dit un mot à sa manière, et l'on a un sujet de conversation tout fait, où qu'on arrive; c'est un vrai plaisir. Mais par malheur cela ne durera pas, et dans 8 jours on n'y pensera plus. Nous avons bien une autre histoire de ce genre, mais ça ne s'écrit pas: ce sont des lettres d'une d-lle de haute vertu, qui sollicite un homme marié de quitter sa femme et de voyager avec elle. Le monsieur les a montré à sa femme, qui n'en a fait confidence qu'à trois ou quatre amies intimes, qui n'en parlent presque qu'à l'oreille, en sorte que je ne sais rien du tout, et vous voudrez bien vous contenter de cela.

Dites-moi, l'Impératrice est-elle elle-même de ce chien de makao? J'ai envie de savoir cela au juste.—Il y a 30 ans que je vous aurais bâclé une nouvelle en un tour de main sur le riche canevas que vous me fournissez; mais mon imagination est morte, morte et enterrée: il n'en est plus question. Pourtant je me suis remis (pour vous seule) à tracer une esquisse de ce qui m'est arrivé depuis que je suis dans ce bas monde; cela n'exige qu'une mémoire toujours fidèle pour nous retracer les évènements de notre jeunesse, et j'en écarte avec soin tout ce qui n'est pas scrupuleusement vrai, comme aussi tout ce qui pourrait ennuyer. Cela m'amuse assez, mais plus autant que la première fois, car cela était assez avancé quand l'incendie de Moscou me l'a fait perdre. J'en ai écrit 100 pages, et à vue de pays il n'y en a pas le quart. Il y a un mois que je n'y ai mis la main; il faut être en train pour écrire ces choses-là, et ça ne vient pas tous les jours.—Gagarine m'a conté l'avanture amoureuse de m-lle Catherine Pouchkine sa cousine; elle est musicienne; le jeune homme était valet de chambre musicien, il accompagnait souvent mademoiselle au clavecin, il a fini par l'accompagner ailleurs, et il paraît qu'ils étaient fréquemment en harmonie et en accord parfait. Je suis surpris que ces choses n'arrivent pas plus souvent avec le genre d'éducation qu'on donne aux demoiselles dans ce pays-ci.

Le chirurgien Launay vient de faire un miracle avec mon petit brûlé, condamnée par deux médecins à cause de la gangrenne qui effectivement couvrait toutes ses playes. Launay, en le voyant, n'a point dé-

sespéré; il a fait un traitement pour enlever cette gangrenne, et en effet une croute noire comme de l'encre s'est détachée de ce petit corps qui est aujourd'hui en vive chair sur nouveaux fraix, et Launay a grand espoir de le tirer d'affaire; mais il aura tout le corps comme le prince Kourakine à la main.

LXXIV.

Gatchina, le 28 VII-bre 1816.

Louise, le jour du bal, habillée très-élégamment, quoique simplement, fut vraiment fort jolie, et lorsque nous entrâmes au salon, je crus remarquer qu'elle faisait de l'effet; plusieurs personnes vinrent me le dire à l'oreille. L'Impératrice entra. Elle fit le tour de la salle et lorsqu'elle fut près de Louise, je la lui présentai. Comme elle connaît sa mère, qui a été quelque tems sous-gouvernante dans la maison des Enfans Trouvés (d'où, par parenthèse, sa violence l'avait fait chasser), elle me dit qu'elle ne trouvait pas que la jeune personne ressemblât à sa mère, qu'elle était fort bien, et qu'elle ne l'avait pas supposée si grande; ensuite elle s'éloigna. De mon côté j'abandonnai m-lle Hertel pour aller me placer ailleurs. Les enfans se mirent à danser; plusieurs polonaises et quadrilles avaient déjà passé lorsqu'on vint à une mazourka. Louise en fut, elle ne la danse pas mal, et l'Impératrice parut la regarder avec plaisir. Au bout de quelques minutes on vint m'appeler auprès de S. M., qui me dit: „Savez-vous que la petite est très-bien; l'avez-vous depuis longtems?“ Alors, cher Christin, je lui contai comme quoi je la connaissais depuis trois ans, que d'abord elle avait été en pension, mais que depuis plus d'un an elle était chez moi, que je lui enseignais ce que je pouvais; j'ajoutai qu'elle commençait un peu à me donner dè l'embarras à cause de son âge, qui demandait une plus grande surveillance et qu'avec le genre de vie que nous menions toutes en hyver la chose devenait difficille. L'Impératrice écouta tout, ne dit rien et après la mazourka elle alla faire une caresse à m-lle Hertel. Depuis ce bal elle avait eu la bonté de me demander quelquefois de ses nouvelles. Mais hier, comme nous étions au makao, elle me dit tout bas: „J'ai pensé à votre petite, je veux la prendre; il y aura une sortie dans l'une de mes maisons d'éducation où je la ferai entrer à titre de pensionnaire; en attendant gardez la cet hyver et tâcher de l'avancer pour les études, car c'est toujours autant de gagné. Au mois de mars

je m'en charge". Concevez-vous ma surprise et en même tems ma joye! Si j'avais suivi le mouvement de mon coeur, je me serais jettée aux pieds de la meilleure des femmes; il fallut se contenir et ne pas même lui baiser la main. Je lui exprimai toute ma reconnaissance aussi discrettement que possible et j'en suis vraiment pénétrée.

On a des nouvelles de l'Empereur de Varsovie en date du 20. Il se portait à merveille; le grand-duc Constantin lui a fait voir des troupes superbes, toute la garde royale; elles sont, dit-on, exercées supérieurement bien. Dans une des parades qui ont eu lieu il s'est passé un évènement tragique: le cheval d'un officier s'est emporté, est sorti des rangs et est allé donner contre un général Sokolinsky, qui était à la tête de l'artillerie; le choc a été si violent que ce dernier est tombé de cheval, s'est fendu le crâne et est mort sur la place.

LXXV.

Moscou, Mardy, le 3 VIII-bre 1816.

Le prince Boris est ici; il est si content des succès de sa femme près de l'Empereur, qu'il lui donnera pour cet hyver tout l'argent dont elle aura besoin; il veut qu'elle tienne une maison digne d'y recevoir S. M., si la fantaisie lui prend de cultiver sa connaissance. Il s'avise de se souvenir à présent que sa femme est du vrai sang royal de Géorgie et qu'elle doit vivre en conséquence. Attendez-vous donc à un faste asiatique.

Il me paraît que Magnitzky a plus écrit au Maître que Spéransky. Ce dernier est ici à ce moment, logé chez un marchand et ne voyant personne. Vous les reverrez sur l'eau, n'en doutez pas. Ils ont le bon esprit de rejetter la cause de leur disgrâce sur un mauvais *français* dont Magnitzky m'a dit le nom et que j'ai oublié, mais qui était un employé secret de la police sous Balachow; ils n'accusent que cet étranger-là et pas un Russe.

LXXVI.

Gatchina, le 8 VIII-bre 1816.

Pourquoi en voulez-vous à notre makao? Savez-vous que je l'aime bien mieux que le boston: il ne demande pas d'attention et n'empêche nullement de causer avec son voisin; si on y perd ce n'est que 5 roubles, et si on gagne la poule on en retire cent, comme cela m'est arrivé 3 fois, et ce gain m'a servi à jouer sans toucher à ma bourse. Mon voisin est toujours le grand-duc Michel; nous parlons tout à notre aise lorsque l'envie nous en prend et, si nous venons à mourir des premiers, nous faisons encore une partie de douraki. Cela m'arrange beaucoup mieux que le boston ou le bal, dont nous sommes menacés ce soir, car on dit qu'il y a beaucoup de jeunes gens arrivés. Notre proverbe doit être joué demain.

LXXVII.

Moscou, Jeudy, le 12 VIII-bre 1816.

Maisonfort m'écrit en date du 10 VII-bre: „Ne vous étonnez pas si à l'entrée des chambres nous avons quelque tapage". Ah, qu'il est affligeant de ne pouvoir jamais envisager la tranquillité comme stable! Maisonfort me mande aussi sur les dames Russes, qui sont à Paris, des choses qui font peine à lire. A l'exception de madame Narichkine, qui s'y conduit à merveille, on n'en peut fréquenter aucune: elles ne reçoivent que des gens tarés, les partisans outrés de Buonaparte, les ennemis les plus déclarés du roi, ceux qui ont fait le 20 mars 1815 et qui voudraient encore recommencer, en un mot, ceux qui en bonne justice devraient être pendus. Par-dessus cela elles s'endettent et ne payent point. Mad. Chouvalow est à peu près arrêtée, et elle vit sous caution. La princesse Serge Galitzine a été arrêtée prête à monter en voiture pour fuir ses créanciers. Pozzo a été obligé de payer deux mille francs pour elle afin qu'elle pût s'échapper avant que les autres créanciers ayent pu y mettre empêchement. Cela fait un tort affreux aux Russes qui voyagent, car cela se répand de proche en proche, et leur crédit se perd tout-à-fait.

LXXVIII.

Moscou, Mardy, le 17 VIII-bre 1816.

Vous me demandez où en est Titow avec sa comtesse. Ils sont comme deux coeurs. Cela me rappelle le proverbe qui dit: Querelle de vilain ne dure jamais. Ce qu'il y a de plaisant, c'est que Titow, après avoir occupé tout Moscou de cette affaire et avoir juré à chacun que jamais il ne reverrait celle qui l'avait si mal mené, n'a pas plustôt vu mad. Ostermann tenant maison ici, quoique pour huit jours seulement, mais en l'absence des Apraxine et des Tolstoï, qu'il y a été dîner et souper comme si de rien n'était. Le jour de l'arrivée de la comtesse il dîna avec elle chez m-r Mertens, et le lendemain, ayant reçu un billet d'invitation de mad. Ostermann, il lui répondit avec toutes les formes *russes* qu'il aurait l'honneur de se rendre *à ses ordres*. Il m'envoya le billet ci-joint, avec copie de sa réponse, me priant de lui en faire une (pour montrer au public sans doute) ce que je n'ai pas cru nécessaire. Vous verrez dans sa prose comme il se vante d'avoir soutenu son caractère.

LXXIX.

Gatchina, le 15 VIII-bre 1816.

Les premiers jours de la semaine nos occupations dramatiques ont pris tout mon tems. Après cela nous est arrivée l'Impératrice Élisabeth avec son monde, et finalement l'Empereur, qui est arrivé ici le 13 pour dîner. Je l'ai retrouvé pour moi dans les mêmes dispositions. Il m'a beaucoup parlé de Catherine et m'a répété que je devais être tranquille de la savoir avec madame Potemkine qu'il a laissée en pleine convalescence. Il prétend que jamais il n'aurait pu croire qu'elle relève d'une maladie aussi terrible: tant il lui a vu bonne mine. Il m'a fait de grands éloges des filles de la princesse Boris, surtout de Sophie qu'il trouve très-aimable, et hier *de son propre mouvement* il a fait les deux soeurs demoiselles d'honneur. J'en ai eu tant de plaisir que je l'ai remercié, je crois, la larme à l'oeil. Ce n'est point là un bonheur, mais le tout tient à la grâce qu'il y a mis. Il se réjouissait avec moi de la surprise qu'elles en auraient et m'a bien confirmé que c'est absolument une idée *à lui seul*. Je viens d'écrire à la princesse Boris pour la féli-

citer à ce sujet et je voudrais bien être la première personne à le lui apprendre. Mon Dieu, comme elle va être heureuse! Au reste, je ne la tiens pas quitte de ma leçon, je la lui ferai coûte qui coûte: je la supplierai de ne pas s'exalter avec le tiers et le quart et de se borner à moi et à Choulépow pour tous les récits qu'elle est dans le cas de faire.

LXXX.

Moscou, le 23 VIII-bre 1816.

Une madame Chen... demeurant à la Pokrowka, a fait battre *à mort* deux de ses domestiques; le troisième s'est échappé pendant l'exécution et a couru à la police. On a trouvé cette horrible mégère cachant les cadavres dans la cave. Le gouverneur-général Tormassow s'y est transporté; on a arrêté cette femme affreuse, et la chose finira mal pour elle. Ces choses-là font frémir et par malheur se renouvellent trop souvent; il serait tems d'ôter aux seigneurs ce droit.

LXXXI.

S-t Pétersbourg, le 21 VIII-bre 1816.

Savez-vous que je me suis extrêmement trompée sur le genre de vie que je mènerai cet hyver; les choses tournent bien autrement pour moi que les années précédentes. L'Impératrice reçoit quatre fois la semaine, et les habitantes de Pawlowsky sont de fondation à chaque soirée. Les Mardy et Dimanche les dames à portrait ont le droit de venir, et ces jours-là notre société est encore augmentée de deux demoiselle d'honneur de service, le reste de l'assemblée se compose d'hommes. Sa Majesté joue au boston avec les principaux personnages; il y a un makao pour nous autres et quelques parties pour les messieurs; on sert le soupé sans table sur des assiettes, et tout finit à onze heures. Le Jeudy il y a grande assemblée où beaucoup de dames de la ville sont invitées, il y a spectacle dans une des salles intérieures et soupé sur de petites tables rondes. L'Empereur et l'Impératrice Élisabeth seront quelque fois de ces soirées. Le Samedy l'Impératrice reçoit dans un grand cabinet, point de dames d'honneur ni de demoiselles de ser-

vice: ce jour est pour la seule société de Pawlowsky, on y est en robe courte et même en bonnet si on le veut.

Théodore Galitzine nous est arrivé pour tout l'hyver et aussitôt débarqué m'a prié d'aller le voir. J'ai passé la journée d'hier avec lui, nous avons dîné chez mad. Litta et soupé chez la maréchale Prozorowsky; il m'a paru moins gras, la princesse au contraire a très-bonne mine, quoiqu'elle soit grosse. Leur maison est charmante; il y a un salon en faux marbre, deux autres en tentures magnifiques, des corniches dorées, des meubles superbes; la maréchale a aussi un appartement délicieux. Ils vont occuper tout cela après le 26 de ce mois, parce qu'il y a une certaine superstition qui empêche de le faire plustôt, et dès qu'ils seront domiciliés, les soirées recommenceront. Voilà une maison bien-agréable à fréquenter, et vous l'aimeriez beaucoup si vous étiez ici. Théodore à Pétersbourg avec la société qu'il voit d'habitude vous conviendrait extrêmement. J'y ai vu hier Wilehoursky qui est de retour de Witebsk; sa femme est très-souffrante, parce qu'elle est dans le même état que la princesse Théodore. Ils sont venus vivre ici à la barbe des Athéniens; ils ne semblent inquiets de rien, et je crois que nous les verrons circuler partout, comme si leur mariage était le plus simple et le plus commun du monde. O tempora, o mores! direz vous; au reste, je le dis bien aussi.

J'ai été interrompue dans mes écritures par un messager qui m'a annoncé la visite *de m-r le Grand* pour l'après-midy; si bien, que laissant là ma lettre je me suis un peu occupé à donner meilleur air à mon appartement; j'ai dîné à 4 heures précises, et à six on est venu me voir. Je ne vous cacherai pas que j'ai passé deux heures délicieuses, que la conversation a été des plus intéressantes, qu'on m'a laissé lire dans la plus belle âme qui puisse exister, et que plus d'une fois nous nous sommes trouvés à l'unisson sur bien des articles. J'ai parlé le coeur sur la main et avec une liberté qui plaisait, je crois, car on me le témoignait. L'occasion de parler de madame Ostermann s'est présentée le plus naturellement du monde; j'ai conté tout ce qui s'est passé l'année dernière, sans rien dire cependant qui puisse prouver la moindre haine ni le plus petit ressentiment, car au fait rien de pareil n'existe dans mon coeur. Je me suis bornée aux faits tous simples. On n'a pas eu l'air étonné; on m'a conté également quelques incartades dont on avait connaissance, on s'est fort étendu sur l'orgueil de la famille en général. Je vous assure qu'il les connaît tous à merveille. Comme cet homme a une bonne judiciaire! C'est à l'admirer vraiment; avec cela on n'est pas plus aimable. Cher Christin, j'en reviens à dire: quel bonheur pour moi *de friser la quarantaine*; sans cela il y aurait

de quoi sonner l'allarme. La soirée qui avait lieu chez l'Impératrice où je devais me rendre, a mis fin à la visite. J'ai averti à regret que huit heures venaient de sonner; on m'a quitté en réitérant la promesse de cultiver une bonne connaissance, et on a dit qu'on prendrait un jour plus favorable à la chose. La première fois donc que j'aurai le bonheur de recevoir cette visite, je me propose de donner du thé sur les neuf heures. Je vous recommande toujours de ne citer à personne un mot de tout cela; je n'en parle qu'à vous seul et à ma tante qui ne doit pas l'ignorer. Ici, jusqu'à présent je n'en ai ouvert la bouche qu'avec le prince Galitzine du Synode que j'ai vu hier matin. Je ne doute pas que mon corridor n'en soit informé, puisqu'enfin on l'a vu entrer et sortir. Mais, quelque chose qu'on en dise, personne assurément ne m'interrogera, et de mon côté je garderai le silence.

LXXXII.

Moscou, Mardy, le 31 VIII-bre 1816.

La Providence vous traite en enfant gâté; acceptez ce chemin de velours avec une humble reconnaissance, mais ne vous flattez pas de ne rencontrer jamais quelques épines au milieu de tant de fleurs. Il faudra prendre leur piqûre en patience et toujours aller votre train. Pensez de mon horoscope: tout ce que vous voudrez, j'y persiste.... Il est vrai que tout en vous m'aide à merveille à tirer mes conclusions: vous allez d'un pas modeste et sûr, vous arriverez à un port honnorable et tranquille. Je fais pour vous des voeux soir et matin, et votre avenir est une des idées favorites sur lesquelles mon coeur aime à se reposer et mon esprit à s'occuper.

Ces causeries à coeur ouvert sont une charmante chose avec un ami ordinaire; elles sont mille fois plus aimables et plus agréables avec un Souverain qui est forcé pendant les trois quarts de sa vie de peser ses paroles et de renfermer ses pensées. Accoutumez-le à cette franchisse qui vous est naturelle: elle ne peut que lui plaire, puisqu'elle lui fera voir votre âme et le fond de votre coeur. Quelque modestie que vous mettiez dans votre conduite, vous n'échapperez pas entièrement à l'envie et à la jalousie; les succès de tous genres ne s'obtiennent qu'à ce prix. Mais en paix avec vous-même et forte de votre conscience, refusez constamment de savoir si vous faites des jaloux et des envieux: c'est le plus sûr moyen de les déjouer tous.

J'ai été hier matin chez mad. Tolstoï, elle écrivait à Eudoxie qui a passé quelque tems à Paris. D'ici on avait fort recommandé à Gouriew de ne la mener à Paris qu'à la fin du séjour qu'ils feraient en France, de peur de lui rendre la garnison de Maubeuge insipide par la comparaison. Gouriew avait approuvé le conseil et promis de le suivre; mais sa femme a été la plus forte et l'a entraîné dans la capitale, ce qui fait craindre aux parents d'ici qu'Eudoxie ne prenne trop d'ascendant et que le mari ne soit faible. Cette crainte fait honneur au comte Tolstoï qui me l'a exprimée.

Que dites-vous de ce gros prince Dolgorouky, le protégé de Youssoupow, qui, partant Samedy soir gayement de chez-lui pour aller faire son boston chez le prince Howansky, y arrive mort. Il ne s'en est fallu de rien que l'accident n'arrive dans la voiture de m-r Arséniew, votre oncle, qui devait le mener et qui ne l'a manqué que de cinq minutes. Dolgorouky était parti quand m-r Arséniew est allé le prendre et en le rejoignant chez Howansky il le trouve étendu sur un lit où l'on faisait d'inutiles efforts pour le rappeler à la vie. Une apoplexie foudroyante l'avait frappé dans sa voiture d'où on avait eu toutes les peines du monde de retirer ce gros corps inanimé.

Vous ai-je dit que j'ai une longue lettre de Radziwilow de madame de Noiseville? Elle me mande que votre soeur se porte à merveille et est fort gaye; mais que tous les Juifs du pays ont la fureur de la prendre pour la femme de Lavalée. Une Juive, la voyant aller coucher dans une chambre à part avec mad. de Noiseville, lui disait: „Comment peut-on quitter un joli mari comme celui - là pour aller coucher *avec cette vieille!*“ Elle me prie de lui répondre à Rome, ce qui me prouve qu'on ne compte pas s'arrêter à Vienne.

Voilà Moscou en train, dit-on: Dimanche grand bal chez madame Apraxine, Lundy bal chez la comtesse Rostopchine, Mercredy soirée chez mad. Apraxine, Jeudy chez madame Melgounow, Vendredy chez madame Dourassow, Samedy autre bal chez madame Rostopchine. Voilà André Galitzine qui vient de m'interrompre. Il a été dans un bal de noce chez un marchand, ami de l'oncle de Géorgie, où les femmes avaient des diamants par boisseaux, les hommes la barbe et le maître de la maison sept cent mille roubles de rente; le vin de champagne y coulait comme l'eau de la Néva.

LXXXIII.

S-t Pétersbourg, le 27 VIII-bre 1816.

Ce que vous me dites sur les Tolstoï me semble louche de leur côté; je crois en vérité qu'ils aimeraient venir se fixer à Pétersbourg, et que mad. Tolstoï, malgré le charme de Moscou, ne dédaignerait pas un poste qui fixerait son mari près de l'Empereur; et le voyage du comte pourrait bien avoir ce but. J'ignore ce qu'on a pu lui dire à Mohilew, mais je sais que l'Empereur a dit en ma présence qu'il l'avait vu et *qu'il croyait* le voir arriver ici *pour quelque tems.* Nous verrons comment cela tournera, et peut-être le saurai-je de la première main. Chargez-vous aussi de féliciter mad. Tolstoï de ma part sur le chiffre que Sophie vient de recevoir. Convenez que si elle s'établit ici, il sera bien embarrassant pour moi de ne plus aller dans une maison où j'ai passé ma vie, et surtout chez des gens auxquels j'ai voué une reconnaissance aussi vraye que méritée. Dernièrement encore, j'ai senti le besoin de dire à l'Empereur que je ne regardais pas autrement le comte Pierre que comme mon bienfaiteur, et c'est parfaitement juste. Eh bien, avec tout cela nous sommes dans une position qui nous empêchera absolument de nous voir tant que mad. Ostermann sera dans la même ville. Je vous dirai encore une chose; je crois que ma société à présent ne pourrait plus convenir à ces dames: la tournure de mon esprit a si fort changé depuis quelques années qu'en vérité je leur paraîtrais ennuyeuse; elles seraient gênées avec moi, comme je pourrais l'être avec elles. Nous parlons aujourd'huy une langue si différente! Quant à madame Gouriew la mère, malgré ses agitations il est impossible de lui refuser des qualités essentielles et de plus un ton et des manières bien plus aimables que n'ont les deux soeurs; si bien que s'il y avait à choisir pour moi entre mes anciennes amies et la nouvelle je ne vous cache pas que celle-ci l'emporterait.

Jeudy on nous a régalé de l'opéra d'Aline reine de Golconde, qui a beaucoup mieux réussi que je n'aurais cru; nous avons vu débuter une assez jolie danseuse, qui, avec les soins de Didelot, pourra devenir quelque chose de distingué. Nous attendons Albert et la Bigottini qui sont déjà partis de Paris, de sorte qu'on aura de beaux ballets cet hyver; il est fâcheux que nous n'ayons pas de comédie française, mais les sujets sont si chers que la direction n'y peut pas songer: les deux danseurs qui arrivent coûtent cinquante mille roubles par année; il y a de quoi en pleurer, et je vous prie de croire qu'ils auront de plus

chacun un bénéfice. A propos de Bigottini qui me ramène à Paris, expliquez-moi l'intéret tout particulier que vous prenez à la France; pourquoi allez-vous au-devant de malheurs qui n'arriveront peut-être jamais, et que vous importe ce qui s'y passe? Tout article de la gazette m'a l'air de vous toucher si fort que j'ai presque envie de vous gronder. Votre pays maintenant est la Russie, qu'avez-vous à vous inquieter pour la France! Si vous voulez des nouvelles de ce pays-là, je puis vous dire que le roi est fort aimé à Paris. Nicolas Dolgorouky en arrive, je lui ai fait mille questions auxquelles il a répondu dans un sens très-satisfaisant. Le renvoy de Chateaubriand n'a pas fait la moindre sensation: il s'est conduit comme un fou ou tout au moins comme un exagéré; il veut être plus royaliste que le roi lui-même. Le roi tient à la charte en vertu du serment qu'il a fait d'en maintenir l'intégrité; pourquoi veut-on lui faire voiler ce serment? Quand il sut que Chateaubriand allait publier son ouvrage, il le fit prier de n'en rien faire; ensuite il le lui commanda, et malgré ses ordres l'auteur le livra à l'impression et le fit paraître quelques jours après, ce qui occasionna une rumeur à laquelle la gendarmerie dut porter remède; c'est ensuite de cette désobéissance à la volonté du roi, que s. m. n'a plus voulu de Chateaubriand pour son ministre. De la manière dont l'histoire de cette destitution m'a été contée, je trouve, contre ma première opinion, que le roi a très-bien fait, et je répète encore que Louis 18 fait preuve de sagesse en parlant un langage modéré plutôt que de rompre en visière avec les idées dominantes du siècle. Tous les généraux de Napoléon lui sont devoués de coeur et d'âme, et il est aimé et admiré pour sa sagesse. Les princes aussi commencent à être plus goûtés. J'ai demandé ce qu'était madame de Berry? Une petite femme jusqu'ici sans aucune tournure et à qui on fait danser des françaises pour lui en donner. Monsieur et madame d'Angoulème sont un peu trop dévots; le duc de Richelieu est beaucoup mieux que nous ne le croyons ici.

Lundy, 30 VIII-bre.

Notre soirée de Samedy a été très-calme; on a fait un makao. L'Impératrice a reparlé de proverbes, et je crains bien qu'elle n'en fasse jouer encore ici. Passe à la campagne, mais en ville cela deviendrait un tourment; personne d'ailleurs n'y étant disposé, on ferait la chose de mauvaise grâce. Je maudis mon beau talent, car on ne me fera pas grâce s'il faut jouer. Mais quelle fureur de se trémousser! C'est bien se chatouiller pour se faire rire.

Ma tante m'avait écrit le mariage de Bové! C'est incomprehensible; une femme qui a cinq enfans, de la fortune, un beau nom, faire une semblable folie! En vérité on est un peu fou à Moscou sur l'article des épousailles: un peintre, un architecte, un valet de chambre tout est bon pourvu qu'on épouse. Cette princesse Troubetzkoï ou plutôt cette madame Bové, est la cousine germaine de m-r Gouriew; je leur ai fait compliment sur le nouveau parent qu'ils viennent d'acquérir. „Dieu mercy, me dit mad. Gouriew, nous avons deux artistes pour un à vous offrir, le cousin Tonci et le cousin Bové; vous n'avez qu'à choisir".

LXXXIV.

Moscou, Lundy soir, 6 IX-bre 1816.

Chère princesse, toutes mes craintes sont confirmées: ma pauvre soeur n'a survécu que 19 jours à sa lettre; hélas, quand je l'ai reçue, elle n'existait déjà plus; elle n'a pas eu la consolation de lire de ma main la réponse qu'elle a désirée, mais qu'elle avait fort-bien devinée! Nous nous connaissions parfaitement. Cependant quel bonheur c'eût été pour moi si elle eût pu recevoir ce dernier témoignage de mon affection, comme elle s'en flattait encore.

Vous me demandez le nom de cette soeur chérie; elle s'appelait Émilie, et son mari est m-r Pillichody, dont le frère, maréchal de camp au service de France, commande un des deux régiments des gardes suisses à Paris. Ce mari n'est pas un méchant homme, tant s'en faut; mais c'est un homme comme nous en avons mille dans ce pays-ci, dont l'éducation a été négligée, gâté par de vieilles tantes qui l'ont élevé et lui ont laissé une belle fortune qu'il a mangée en chiens et en chevaux; après quoi il a mangé la moitié de celle de ma soeur depuis la mort de mon père. Avec cela plein d'attentions pour sa femme et tout-à-fait bon enfant. Je ne peux encore prendre sur moi de lui répondre. Elle me demandait des prières dans sa dernière lettre; *il me semble*, me disait-elle, *que les prières de ceux que j'aime, me font plus de bien que les miennes propres et sont plus efficaces.* Chère princesse, joignez y les vôtres aussi! Je vous avoue que mon coeur est brisé. Je me contrains devant le monde, je ne refuse pas les amis qui viennent me voir, mais je ne sors point. Je ne me sens soulagé que depuis une heure que je vous écris et que mon coeur se desserre en épanchant sa douleur dans le vôtre. Aucun lieu ne m'attache plus à la Suisse, et pour le coup je sens qu'il me serait impossible d'y retourner. La Russie est mon pays plus que jamais et pour toujours.

LXXXV.

Moscou, le 9 IX-bre 1816.

Titow m'a dit hier que la destination du comte est changée et qu'il en est bien fâché, ainsi que sa femme. On attribue ce changement au prince Wolkonsky qui avait désiré que Tolstoï prît pour chef d'état major un certain Grösser, beau-frère du dit Wolkonsky. Tolstoï avait des engagements avec un autre, et de-là la mauvaise volonté qui a amené ce changement. Le prétexte est venu de ce que l'Empereur, passant à Riga et ayant été mécontent du corps de Witgenstein, a voulu en changer le chef et y a nommé Wintzenrode qui commande à Grodno. Il ne savait qui mettre à la place de Wintzenrode, et Wolkonsky y a fait glisser Tolstoï, dont l'expédition pour Moscou n'avait pas encore été signée. L'Empereur l'y a nommée sans croire lui faire la moindre peine.

Vous voulez que je vous explique ce qui fait que je prends un intérêt si vif à ce qui se passe en France, qui n'est pas ma patrie? La chose est bien-simpe. La France, où je ne veux jamais aller, où aucun individu ne m'intéresse, ne m'est rien par elle-même; mais elle est le foyer où s'est allumé ce grand et terrible incendie qui a pensé embraser l'Europe; elle est le centre d'où sont partis tous les maux dont nous avons gémi pendant 25 ans. Sa langue, ses livres, sa civilisation et ses productions territoriales, rendent ce pays voisin de tous les autres, même ceux que de grandes distances en séparent comme la Russie. Ce qui se passera en Espagne n'aura jamais d'influence sur nous; il en est tout autrement de ce qui se passera en France, et je suis convaincu que l'ordre de chose qui s'y établira influera sur Pétersbourg et Berlin à peu près comme sur Paris et Lyon. Je crois en mon âme et conscience que si les souverains entendaient leurs véritables intérêts, ils auraient imposé à la France son roi légitime et son ancienne monarchie, en écartant du trône tous les scélérats qui avaient travaillés à le renverser et qui avaient trafiqué de ses débris. Quitte ensuite au roi de publier *librement* les amnisties qu'il aurait cru de sa clémence d'accorder. Cela était facile en 1814 en faisant pour ce but de tranquillité ce qu'on a fait en 1815 pour des contributions, c'est-à-dire en laissant en France des troupes pour appuyer la royauté. On a fait le contraire, on a traité avec les grands coupables, on les a autorisé à imposer des conditions au roi, et la première de ces conditions a été l'impunité. Morale affreuse et qui aura les suites les plus désastreuses: souvenez-vous en. Pou-

vez-vous vous faire illusion sur le motif qui dans toute l'Europe fait approuver cette fatale indulgence? Ne voyez-vous pas qu'on encense encore l'idole révolutionnaire qui promet à ses partisans les dépouilles des riches et des puissants, et que ceux qui portent aux nues cette mesure d'indulgence, ne demanderaient pas mieux si l'occasion se présentait que de faire comme des amnistiés et d'acquérir des titres et des richesses au même prix que les héros de la révolution. Cependant en 1815 le retour de Bonaparte avait fait sentir au roi que trop de bonté et de condescendance pouvait exposer sa couronne, et en conséquence il eut le bon esprit de convoquer une chambre de députés choisis parmi le petit nombre de Français demeurés fidèles à la monarchie, et cette chambre allait droit au rétablissement de celles des anciennes loix qui pouvaient s'adopter aux circonstances; cette chambre, pénétrée de l'idée si simple que l'existence des régicides sur le sol français était une injure à la nation, venait d'obtenir du roi, non leur condamnation, non la confiscation de leurs fortunes aussi scandaleuses que colossales, mais seulement leur exil de la France. On sentait que la France ne pourrait jouir d'aucune considération aussilong tems que les assassins de Louis XVI seraient admis dans les antichambres et même dans les conseils de Louis 18, et l'honneur national obtint cette première réparation. Aussitôt tout ce qu'il y a de Jacobins en Europe, et il y en a dans les premières classes de la société plus peut-être que dans les dernières, jettent les hauts cris et soutiennent que tout est perdu en France et que le trône est en danger. Par un effet inconcevable de l'aveuglement général, ce même cri part de tous les cabinets des souverains au moment où ils auraient dû adresser des félicitations et *des remerciements* surtout au roi de France. Enfin, Louis 18 est tellement circonvenu qu'il prend le parti de dissoudre la chambre *trop royaliste* et d'en convoquer une nouvelle par des formes plus populaires. Il punit ses partisans et les écarte autant qu'il est en lui de le faire, pour favoriser les créatures de Buonaparte. Il restait un dernier acte révolutionnaire à consommer, et c'est le roi qui le fera en ordonnant la vente des biens du clergé qui n'ont pas encore été vendus, et parlà il s'associera à la révolution sans prévoir où cela le conduit, ou plutôt le prévoyant, mais n'ayant pas la force de résister au torrent qu'il ne pouvait arrêter qu'en s'entourant des fidèles royalistes dont le nombre aurait augmenté journellement par l'ascendant qu'a l'honneur au grand jour, sur le vice contraint à se cacher dans l'ombre. Je compare Louis 18 à Henry 3 se déclarant clef de la Ligue par faiblesse, quoique pleinement convaincu que la Ligue visait à lui enlever sa couronne. Mais je m'écarte, et j'en reviens à votre question. Je prends

intérêt à la France, parce que tout le mal qui s'y fera réjaillira sur nous· immanquablement. La guerre des canons nous a atteint, malgré nos six cent lieues de distance; la guerre des opinions nous atteindra beaucoup plus vite encore.... et voilà ce qui me fait peur quand je la vois s'allumer de nouveau à Paris. Ferdinand 7 va peut-être trop vite et trop loin, mais je suis sûr au moins que le mal qu'il fera ne tombera que sur un très-petit nombre d'individus, tandis que le mal que fait une faction subversive, est incalculable. Si je croyais que ce qui se passe en France n'eût aucune influence pour nous, je vous assure que les querelles de Louis et de la chambre des députés ne m'occuperaient pas plus que la guerre du Grand-Seigneur contre les Véchabites. Me comprenez-vous bien à présent? Rassurez-vous, je ne vous crois point imbue d'idées trop libérales, mais je vous crois entourée de gens dont quelques uns voyent clair et beaucoup sont trompés, quoique tous tiennent le même langage. Il serait difficile que vous eussiez une autre opinion que celle des gens que vous voyez. Pour moi, qui me fonde sur une longue, triste et cruelle expérience, je ne peux plus penser d'après les idées d'autrui. J'ai vu depuis 25 ans. Je vois. Je crains. Quant à Chateaubriand on m'écrit qu'il y a eu la foule chez lui le jour de sa disgrâce et que c'était à qui s'y ferait écrire. Justement comme lors du renvoy du duc de Choiseul en 1772 ou comme chez Beaumarchais le jour où il fut *blâmé* par le Parlement. Je suis loin d'approuver ces choses-là, cela sent la Fronde et la révolution. Je veux qu'on respecte le roi dans les ordres qu'il donne. Je blâme aussi m-r de Chateaubriand d'avoir désobéi: il devait l'exemple comme ministre, et si la conduite du ministère était contraire à ses principes, il devait se retirer et dire au roi *seul* ce qu'il a eu le tort de livrer à l'impression, quoiqu'il eût probablement raison de le penser. Mon Dieu, pardon de tout ce verbiage sur un sujet qui vous intéresse si peu. Je me suis abandonné à ma verve.

LXXXVI.

St.-Pétersbourg, le 6 IX-bre 1816.

Avant tout vous saurez que je viens de faire un arrangement pour notre correspondence dont vous allez être satisfait. Mes lettres partiront avec celles de l'Impératrice dans le paquet de m-r Wolf, son secrétaire, et l'aigle-protecteur continuera à vous rendre les bons offices de l'été; et moi je recevrai les vôtres par m-r de Kozadawlew, ministre de l'intérieur, qui m'a fait la galanterie de me le proposer luimême.

J'ai eu le plus grand plaisir à revoir la princesse Boris Galitzine chez qui je suis allée au moment de son arrivée; je l'ai trouvée assez raisonnable dans ses joyes et j'ai profité de cette disposition pour risquer mes avis, en les dirigeant adroitement sur ses filles. J'ai représenté l'inconvenance d'afficher en public un air de familiarité *avec la personne en question*, comme aussi de s'extasier avec le tiers et le quart sur ce qu'on a pu lui dire d'aimable. On m'a beaucoup remercié et on a promis d'agir en conséquence. Je suis presque sûre que les jeunes personnes me tiendront parole, surtout Sophie; mais pour la maman cela dépendra souvent de l'occasion. Enfin, c'est égal, j'irai toujours parlant, toujours prêchant pour le seul acquit de ma conscience. La maison ira d'un train magnifique: depuis six jours qu'on est ici, il y a déjà eu bien de l'argent dépensé; on a arrangé deux cabinets charmants, ça été une féerie, la veille j'avais vu un appartement dégarni, le lendemain il était délicieux, des lampes, des tapis, une couleur lapis sur les murs qui 24 heures auparavant étaient tout blancs et tout nuds, bref deux pièces meublées par excellence. La princesse ne prend pas de jours pour rester chez elle, il n'y aura pas de soirées fixes comme autre fois; elle se tiendra à la maison aussi souvent que possible et de cette manière aura tous les jours quelques personnes à souper. J'ai approuvé cet arrangement et je tâcherai de la maintenir tout l'hyver. Le deuil que la cour vient de prendre pour le roi de Würtemberg, empêchera les bals pour quelque tems, si bien que ma princesse n'en pourra donner qu'à Noël, et c'est autant d'argent épargné. L'Empereur ignorait l'arrivée de ces dames; avant-hier je le rencontrai chez la comtesse de Lieven et je le lui appris en lui témoignant toute la reconnaissance de la famille, ainsi qu'on m'en avait chargé. Il me dit qu'il était bien aïse de leur avoir fait plaisir et me pria de leur faire part de sa réponse, mais je n'en eus pas le tems; car en sortant de chez mad. de Lieven il rencontra la princesse Boris dans l'antichambre où elle lui fit tous ses remerciements; puis il rentra en donnant le bras à la princesse et s'approchant de moi il me dit: „Vous voyez que quand on parle du soleil, on en voit les rayons“. Il demeura encore cinq minutes et se retira. Tout ce qui était chez la vieille comtesse fut témoin de cette réception, et dès le soir on en aura parlé dans tous les salons de Pétersbourg, ce qui mettra notre princesse encore un peu plus haut; mais pourvu qu'elle demeure tranquille, je ne crains pas ces sortes de clabaudages. Au reste, je dois vous dire que l'arrivée des Galitzine, tout en me faisant plaisir, ne laisse pas de m'inquiéter par le tems infini que ces dames croiront que je dois leur donner. Vous connaissez la princesse, elle n'admet par qu'on passe un

jour sans la voir, et je sens que cela m'est impossible: le cercle de mes connaissances est si grand déjà qu'il me rend la vie fatigante. Voilà huit jours que je ne suis allée chez mad. de Litta et c'est une maison où l'on est si bien disposé pour moi que je ne dois pas la né gliger. Avec Théodore c'est réglé sur mes trois soirées libres; je lui en donnerai une par semaine, comme aussi je ne peux plus dîner qu'une fois chez les Gouriew. J'ai profité de la retraite de l'Impératrice, qui ne reçoit pas depuis la nouvelle de la mort de son frère, pour courir un peu chez une tante et chez la princesse Marie Adamowna et pour souper deux fois chez la princesse Woldemar. Mais actuellement que c'est fini, j'ai une extrême envie de voir recommencer ces soirées de la cour, si commodes et qui vous servent d'excuses pour ne pas aller en ville. Nous voici en deuil pour deux mois: point de dépenses de toilette jusqu'au nouvel an, ce qui est encore fort bon.

LXXXVII.

Moscou, Mardy, 14 IX-bre 1816.

J'ignorais la mort du roi de Wurtemberg; voilà donc notre grande-duchesse Catherine reine! Je me disais cette nuit dans mon lit, pendant mes insomnies accoutumées, qu'on aurait bien surpris l'impératrice Catherine si on lui eût prédit les évènements de vingt ans après elle. On aurait pu lui dire: V. M. a employé tout son esprit et tous ses talents pour faire une grande-duchesse reine de Suède et la mettre ainsi sur le seul trône où il y eût place pour elle; eh bien, tout cela échouera; l'obstination d'une jeune enfant de 18 ans renversera en un instant tout ce que votre sagesse avait préparé pendant des années; mais voilà une autre de vos petites-filles à laquelle vous ne pensez pas encore et qui sera reine de Wurtemberg; en voilà une qui ne fait que de naître et qui sera reine des Pays-Bas. L'Impératrice aurait traité le prophète de fou.—De quoi me parlez-vous donc? Il n'y eut jamais de royaume de Wurtemberg ni des Pays-Bas etc. etc. etc. Et pourtant tout cela existe! Et bien, des choses plus extraordinaires encore. Bon Dieu, que nous avons vécu pendant ces 20 ans!

Mercredy, 15 IX-bre.

Bon Dieu, que dites-vous de ce général Doctorow? Samedy je dînai au club à côté d'un inconnu avec lequel je causai de bonne amitié, comme si nous nous étions vus toute la vie; je demandai à mon autre voisin qui il était? C'est le général Doctorow, me dit-on. Alors je parlai guerre, campagnes, France, et en un mot à la fin du dîner nous étions vieilles connaissances. Hier je disais à madame Tolstoï: quel excellent homme que ce général Doctorow! Elle me répondit: il est mort depuis 24 heures. Les bras m'en tombèrent. Comme depuis le club je n'étais pas sorti, je n'avais rien su. Jamais mort ne m'a étonné comme celle-là. Il était venu de la campagne pour la noce de la petite Obolensky qui eut lieu Vendredy; Samedy il me la conta d'un bout à l'autre, Dimanche il soupa chez le prince Obolensky, Lundy matin il mourut subitement. Sa femme était demeurée en arrière à cause des mauvais chemins, et on l'attendait précisement Lundy. Son frère fut l'attendre à la barrière pour la prévenir qu'elle ne trouverait plus ce mari qu'elle avait vu il y a cinq jours plein de vie et de santé. Vous jugez de son désespoir: elle reste avec cinq enfans, je crois, et très-peu de fortune. Voilà la vie, et nous faisons des projets! Ces choses me frappent plus encore dans la disposition d'esprit où je suis depuis quelque tems.

Mon voisin le prince Dolgorouky s'en va aussi, à ce qu'il paraît; il y a trois jours qu'il eut une défaillance complète; il dit aux demoiselles de la maison qui l'entouraient: Je crois que je vais partir, mais ne reveillez point Warinka (elle dormait après son dîner), il y aura du tems; au reste, soyez sûres que je meurs fort tranquille, *Warinka est en âge de se conduire*, elle débrouillera très-bien mes affaires. et je ne regrette rien; mais il faut s'en aller en bon chrétien. Qu'on aille chercher mon confesseur! Quand la princesse Gortchakow se reveilla, elle trouva son père avec le prêtre; le lendemain il fut communié, à présent il est mieux, et Schmidt se flatte de le tirer d'affaire encore une fois. Le vieillard n'en croit rien et n'a pas même l'air de le désirer: tant il est résigné ou indifférent à l'évènement. Il a raison de ne rien regretter de ce qui l'entoure. On ne reçoit aucune femme sans exception, et cet homme, qui a vingt parents qui ne le quitteraient pas, mourra entouré de mad. Alexéew, de Pouchkine, de Missori et autre gens de même sorte.

Jeudy, 16 IX-bre.

Vous parle-t-on de l'affliction du prince ***? Son sérail est en désarroi. Il vient de marier Sophie au chirurgien Launay; ce n'est pas là ce qui le chagrine; mais une autre belle, ci-devant danseuse à Pétersbourg, est à la mort d'un lait répandu; personne n'ose dire à ce vieux sultan qu'il n'y a plus d'espoir: tant son amour est extrême. Il y a amour sale et amour propre chez lui; le dernier vient de ce qu'il se croit père d'un enfant que les médisants prétendent être aussi éloigné de la principauté du côté du père que de celui de la mère. Mais pour lui, comme pour tout le monde, *croire* c'est *être*. Enfin, cela ne fait de mal à personne, pas même à Borinka, qui a bien son fait à part; et si cela fait rire les plaisants, c'est le droit du jeu, à l'âge du prince.

LXXXVIII.

St.-Pétersbourg, le 11 IX-bre 1816.

Je vous quittai dernièrement en vous annonçant une visite de m-r *le Grand*. Il vint en effet à 8 heures et resta jusqu'à 10 et demie. Il fut de très-bonne humeur, et je crus voir qu'il me traita ce soir-là avec plus d'amitié qu'il n'avait encore fait depuis notre connaissance. Il entra dans de certains détails fort intéressants qui regardent sa personne et me conta plusieurs choses que je ne savais que fort en l'air. Il cause si bien, que vous, qui en savez plus long que moi, eussiez été charmé de l'entendre: avec une facilité extrême de s'exprimer il fait un choix de mots fort heureux. Enfin, je suis désolée d'en dire tout le bien qu'il y a à dire, parce que vraiment cela peut passer pour de la flagornerie; mais je vous jure que je n'ai pas le moindre engouement et que je vous en parle avec le plus grand calme et comme je parlerais du plus simple des particuliers. A neuf heures et demie je fis donner du thé comme si j'étais seule; à l'exception d'une théière que j'avais empruntée chez ma voisine sous le prétexte d'en dessiner la forme, il n'y avait rien qui ne fût de tous les jours. Il me remercia de le traiter en bonne connaissance et me baisa la main avec un air de franchisse qui me toucha. Louise vint servir le thé; il lui fit quelque compliment sur son adresse, et après le thé la conversation continua avec beaucoup d'aisance. Quand il fut parti: je vous avoue, cher Christin, que je pensai à votre singulier horoscope; il est certain que vous avez

lu dans mon avenir d'une manière toute particulière, et j'aurais envie de faire chorus avec ma soeur, qui dans sa dernière lettre de Vienne me rappelle le tems où vous lui disiez la bonne aventure et lui annonciez un grand voyage, ce qui s'est trouvé fort juste. Catherine vous appelle *prophète*. Je pourrais, ma foi, en dire autant.

Au reste, il peut en advenir tout ce que vous voudrez, je vous répète encore que la seule chose que je demande à Dieu, c'est de ne pas m'attacher à ce qui peut m'échapper d'un moment à l'autre; de me tenir le coeur bien tourné à ne vouloir que ce qui peut servir à mon salut, et d'être fort prudente dans ma conduite à l'extérieur. J'ai si peur d'exciter l'envie, que je suis devenue plus humble que la violette. La première fois que monsieur le Grand vint me voir à Pawlowsky, cela se répandit en ville je ne sais comment, car je n'en avais parlé qu'à Galitzine du Synode et à m-r Gouriew de qui il m'avait parlé avec éloge et ce que j'eus grand plaisir à lui apprendre. Mais je suis sûre qu'ils n'en ont point parlé: ce sont gens accoutumés à se taire.

M-r le Grand a été aussi faire une visite à la princesse Boris Lundy matin et y resta près d'une heure, et tout le monde a été dans l'enchantement de son amabilité. Il m'a dit cependant qu'il avait trouvé les jeunes personnes avec un air composé et bien différent de celui de Kiew. Jusqu'ici je n'ai pas de reproches à faire à ma princesse: elle se conduit avec assez de mesure; mais je ne vous cacherai pas qu'elle m'a prié d'engager le seigneur à y retourner. Vous comprenez que je ne m'en mêlerai pas et que je lui laisserai faire ces sortes de choses par une autre que moi; aussi le lui ai-je dit sans façon.

Les Kourakine arrivent aujourd'hui pour dîner; ils ont couché à Ijora. La princesse Boris est très en peine de cette indifférence de Lise pour la religion, car vous savez qu'elle n'ouvre plus un livre et qu'on ne la voit jamais prier. Elle a supplié l'abbé Nicole de se charger de conduire sa fille, ce dont il a paru fort peu curieux; il a représenté qu'il n'est ici qu'en passant, qu'il va retourner à Odesse et il a conseillé de s'adresser à l'abbé Pingueli; celui-ci se meurt de peur que cela ne lui fasse quelque mauvaise affaire et jusqu'ici n'a dit ni oui, ni non. La princesse Boris jure ses grands-dieux que personne n'en saura rien, et moi je suis persuadée que son fils André ira le conter au premier venu. Je ne sais donc pas comment on s'arrangera; pour un prêtre grec il n'y faut pas penser. A propos d' *, il ne vous a pas dit un mot de vérité sur Veyer; j'en ai parlé à la princesse en lui conseillant de renvoyer les émeraudes à Choulguine; elle m'a répondu qu' * mentait, qu'il avait été bavarder sur cette affaire dans tous les coins de Moscou, chez Wiasemsky entr'autres et chez Gagarine; que tout ce

qu'il avançait n'avait pas le sens commun, qu'il était furieux, parce qu'elle lui avait refusé trois mille roubles et que c'est pour s'en venger qu'il débitait l'histoire en question. Elle est sûre d'avoir fait une bonne acquisition, et la princesse Youssoupow, qui s'y connaît, assure que les pierres sont belles et point très-chères.

LXXXIX.

Moscou, Samedy, 25 IX-bre 1816.

On m'assura hier que m-r Spéransky est ministre des lumières à la place du comte Razoumowsky; comme vous ne m'en dites rien, je crois que c'est faux.

Imaginez que le prince Georges Dolgorouky agonise depuis 15 jours sans pouvoir mourir. Schmidt assurait Samedy qu'il ne passerait pas la journée, et voilà que Sainte-Marie arrive avec ses gouttes merveilleuses, lui en fait avaler 3 ou 4 et le ranime miraculeusement. On croit pourtant que ce ne sera que pour bien peu de jours. Son sang-froid, son indifférence sur son état qu'il connaît parfaitement, sont une chose peu commune. Vendredy il disait: Je sens bien que cela tire à sa fin, je n'en ai pas pour jusqu'à demain; qu'on me fasse la barbe pour la dernière fois, je ne veux pas qu'on me rase, quand je serai mort. Cette toilette achevée, il regarde autour de sa chambre et dit: Voilà une porte par laquelle le cerceuil ne pourra point passer; qu'on abatte cette cloison. On voulut résister; il insista, et la cloison fut abattue sous ses yeux. Il parle de sa mort comme si c'était de celle de son palefrenier qu'il fut question. Tout cela est très-vrai. Divow, son neveu, me l'a conté tout à l'heure.

Est-il vrai que l'Empereur aille à Cazan après le 12 X-bre, et qu'il passera ici 48 heures? Cette dernière circonstance par exemple me semble tout-à-fait apocryphe, aussi bien que la guerre avec l'Autriche contre laquelle nos politiques de Moscou assurent que nous avons deux petites prétentions, savoir: Comme roi de Pologne, nous voulons seulement la Galicie; et comme chef de l'église Grecque, nous voulons réunir la Hongrie où les Grecs sont en grand nombre. C'est à lever les épaules d'entendre déraisonner messieurs du Club Anglais.

Est-il vrai que l'Empereur ait donné trois cent mille roubles à la princesse Mestchersky, qu'il soit allé lui porter l'oukase et qu'il ait fait ses fils officiers par la même occasion? C'est le frère de la princesse qui me l'a conté; mais ce frère est tant soit peu sujet à caution sur

l'article de la véracité. Il me contait sérieusement l'autre jour, qu'un oncle à lui, voyageant en calèche ouverte, il lui tomba une grosse carpe sur les genoux; c'était un oiseau de proye qui venait de prendre ce poisson dans quelque étang voisin et qui le trouvant trop lourd le làcha. La carpe était toute vivante et frétillante, remarquez bien ce point-là. Wséwolojsky vous dit de ces choses-là avec un sérieux imperturbable et les soutient vrayes comme l'Évangile.

XC.

St.-Pétersbourg, le 27 IX-bre 1816.

Il n'y a que vous au monde qui sachiez parler raison et qui compreniez le désir que j'ai de rester chez moi. Personne ici ne peut ou ne veut l'entendre;. on ne-pense pas que je ne suis plus jeune que je ne me soucie plus ni de bals ni de veilles, que je me trouve mille fois mieux dans mon coin que dans tous les salons de Pétersbourg. Je vivrais cent ans que je ne parviendrais pas à faire concevoir tout cela à ma chère princesse Boris, avec laquelle je crains de me brouiller justement pour cette cause. Cependant mon parti est pris et si bien pris que je l'ai annoncé dernièrement à l'Impératrice. Elle me demandait si j'avais été d'un bal qui eut lieu le jour de S-te Catherine chez Bazile Dolgorouky? Je répondis que je l'avais refusé.—Pourquoi?—Madame, pour n'être pas dans le cas d'être priée ailleurs, je suis décidée à ne plus aller au bal du tout.—Cette proscription s'étend-elle jusques sur les miens?—Votre Majesté ne peut pas le supposer; d'ailleurs, si j'ose le dire, il y a de la sagesse aux bals qu'elle donne: ils finissent à minuit, au lieu qu'en ville on les fait durer jusqu'à six heures du matin.—En ce cas je n'ai rien à répliquer; n'allez pas au bal, et pour les miens vous n'y viendrez qu'autant que cela pourra vous faire plaisir.—Vous sentez, chez Christin, que c'est une manière de m'obliger à y aller toujours; mais enfin ceux-là n'entrent pas en ligne de compte: c'est dans l'intérieur du château. *M-r le Grand* est bien de votre avis aussi. Il m'entend fort bien sur cet article et m'a fort approuvé de me dégager des soirées de la ville, et hier il est venu me demander comment j'arrangeais mes affaires. Je lui ai conté tout ce que je viens de vous dire, et il m'a fort engagé à persévérer. Sa visite d'hier a été encore assez longue; il est venu à six heures et demie et il m'a quitté à neuf. Il y avait soirée chez l'Impératrice. Il l'oublia apparemment, car il me la fit manquer. Je vous avoue aussi que je ne me suis pas

pressée de la lui rappeler, si bien que nous causâmes fort à l'aise. Le voyant si aimable pour moi, je pris mon courage à deux mains et je lui parlai de mes soeurs qui ne peuvent pas toucher les six milles roubles du Commité, faute d'hypotèques à présenter. Il se prit à rire de mon air confus, et avec cette grâce qui le caractérise, il me dit de le *laisser agir*, et me baisa la main en m'exhortant à lui parler toujours *en toute confiance*. Il est adorable! Mon Dieu que n'êtes vous ici! J'aurais pu vous faire part de mille choses qu'il est impossible de communiquer autrement que dans un tête-à-tête; vous eussiez pu être au fait d'une infinité d'observations que je suis dans le cas de faire, et je suis sûre aussi que vous eussiez partagé le sentiment d'admiration que je lui porte. Quand on le connaît, il est impossible de ne pas l'aimer de tout son coeur, et si on a le bonheur de l'approcher, je n'imagine pas comment on ne lui dit pas la vérité qu'il semble vouloir connaître. Je crois qu'il se fait à ma société: il a l'air très-content de m'entendre, et comme je ne mets aucune prétention à lui paraître fort aimable, il faut que mon genre naturel lui convienne.

Il y a quelques jours que la princesse Dolgorouky venant à me demander s'il continuait à me voir, j'ai nié le fait non pas pour en faire mystère, mais dans l'idée que si je disais oui, cela lui ferait de la peine. Voilà ce que j'ai été dans le cas de lui apprendre hier en le priant de ne pas me démentir si elle lui faisait la même question. Entre nous, cette bonne dame avait eu la pensée qu'il la verrait souvent, mais il s'est borné à une seule visite, et il m'a avoué hier que son projet n'était pas de la réitérer, parce qu'il ne se souciait pas de se répandre: „J'en ferai tout autant, me dit-il, pour la princesse Galitzine, mais je vous prie de lui faire mes compliments ainsi qu'aux jeunes personnes“. Il fit à cette occasion un nouvel éloge de ces dames et ajouta qu'il voudrait les voir bien mariées. Je m'acquiterai sûrement de la commission, mais je n'aurai garde, comme bien vous pensez, de parler de l'intention de ne plus revenir. Au reste, je dois convenir que la princesse Boris se tient beaucoup plus tranquille que la princesse Dolgorouky qui a déjà chargé plus d'une personne d'engager l'Empereur à venir la voir; je le sais de très-bonne part et je le trouve bien gauche: pour une femme qui se pique d'avoir du tact, c'est une école impardonnable.

J'ai eu des nouvelles de ma soeur par l'élégant Czernichew qui arrive de Vienne; il l'a vue trois ou quatre fois. Il assure que Tatiana a meilleure mine qu'elle n'a jamais eu ici et qu'à ce dîner de Stackelberg elle était jolie comme un coeur, et que malgré le peu de tems qu'elle est restée à Vienne, le bruit de sa beauté avait fait aller chez

elle la moitié de la ville. Czernichew a quitté Vienne le 8 de ce mois, et Potemkine en était déjà parti depuis 15 jours, ce qui me le fait supposer dans ce moment à Rome. A propos de Rome, la vieille comtesse Schouwalow y est morte; d'abord on l'a appris ici par la gazette, ensuite une lettre officielle de notre chargé d'affaire l'a annoncé à son fils. Cette pauvre femme est partie le plus subitement du monde. Elle était venue de la campagne (qu'elle habitait encore) en ville donner des ordres pour une fête qu'elle préparait pour l'arrivée de la princesse Michel. Mad. Dietrichtstein ne l'avait pas accompagnée; toute la soirée elle s'était occupée de son sujet avec quelques artistes et des personnes de la maison, elle soupa comme de coutume; en sortant de table voilà un tournement de tête, voilà des maux de coeur, on donne je ne sais quelles gouttes, nul effet, elle se sent encore plus mal, on court chez le médecin, celui-ci en arrivant ne lui voit plus figure humaine, il prend son bras, le pouls n'allait presque pas. „Madame, il ne vous reste qu'un moment, recommandez votre âme à Dieu"... et un quart d'heure après elle l'avait rendue! La princesse Diettrichstein arriva à Rome le lendemain; jugez ce qu'elle a dû éprouver. Quant à la princesse Michel, deux jours après on reçut d'elle un courrier pour annoncer qu'elle s'arrêterait encore douze jours de plus à Bergamo; peut-être y sera-t-elle restée, puisqu'elle aura appris la mort de la comtesse par le retour de ce même courrier. Son corps a été déposé en grande cérémonie dans je ne sais quelle église, mais Schouvalow le fait venir ici, et André Galitzine vient d'obtenir la permission de l'aller chercher. En attendant, on célèbre demain une messe funèbre à Newsky, et je vais l'entendre, car on m'a envoyé un billet. Voilà une mort qui vaut celle de Doctorow et du prince Dolgorouky. Elle est vraiment terrible, et je ne peux vous rendre l'effroi que je ressens chaque fois qu'il en arrive une de ce genre. Prions Dieu, cher Christin, d'en avoir une que nous voyons venir: autrement on n'est jamais en régle.

XCI.

Moscou, le 4 X-bre 1816.

C'est aujourd'hui votre fête, et je vous la souhaite toute des meilleures, vous n'en doutez pas!

A propos de cadeaux, je veux vous dire, parce que j'aime à ne vous rien taire, que Virginie en a reçu un fort joli de monsieur *le Grand* par cette poste-ci; c'est un fermoir d'une grosse amétiste entourée de brillants. Vous ne concevez pas à quel propos? A la suite d'une con-

versation sur sa fabrique, Virginie a envoyé de beaux couteaux et une belle lettre à *m-r le Grand*, et celui-ci a répondu par le fermoir accompagné d'une lettre fort polie et même obligeante. Si vous ne savez cela que de moi, n'en dites mot à personne: la pauvre femme n'en serait que plus mal traitée par *certaine clique*, et Dieu sait que sur ce sujet rien ne lui manque. La haine a redoublé depuis le mois d'août. Elle ne peut comprendre mon conseil qui est de demeurer tranquille dans son fauteuil et de laisser dire, sans vouloir savoir ce qu'on dit; mais cela n'est pas dans son caractère: il faut qu'elle s'agite et s'afflige des torts des autres. C'est un bien faux calcul.

Le comte Potemkine, après avoir fait sa paix avec sa mère mourante, en a obtenu une lettre pour le prince Troubetzkoy dans laquelle elle lui demande sa fille en toute forme. Muni de cette précieuse épître, il était parti pour la porter, mais sa mère étant beaucoup plus mal on lui a expédié un estafette pour le faire rebrousser; on l'attend aujourd'hui, et peut-être la comtesse est-elle morte à l'heure qu'il est. Voilà un monsieur riche de dix mille paysans, libre de se présenter quand bon lui semblera, et Lise à la veille d'avoir trois cent mille roubles de rente. Vous croyez sans doute l'affaire toute arrangée, et moi aussi je le croyais il y a 4 jours, mais point du tout: voilà un nouvel amoureux qui nous arrive à la traverse et qui met notre grande fille dans la position du monde la plus singulière. Cet amoureux est le prince Nicolas Dolgorouky, qui après une demi-douzaine de bals en est venu jusqu'à parler mariage; il a fait sa déclaration en toutes lettres à la jeune personne qui n'en paraît pas mécontente. En attendant elle vient de mettre la princesse Boris dans le même embarras qu'elle même: la p-esse Boris se voit de nouveau aux prises avec la princesse Dolgorouky, et elle se meurt de peur qu'on ne croye qu'elle a attiré Nicolas chez elle, et faible comme elle est, je la vois qui ne sait à quoi se résoudre. Je lui ai conseillé de parler à Dolgorouky tout franchement, de lui apprendre d'abord que Lise lui avait fait part de ses intentions, de le remercier de l'honneur qu'il faisait à sa nièce, mais de refuser toute démarche qui ne serait pas faite par la princesse Dolgorouky-mère et de le prier de ne plus revenir dans la maison qu'avec le consentement formel de cette mère de s'y présenter comme prétendant à la main de Lise.

Dites-moi un mot sur l'établissement de M., qu'est ce que c'est, et surtout qu'en pensez-vous? J'ai besoin de le savoir pour mon propre et privé compte. Il me semble qu'on y mettra tous les enfans de bonnes maisons d'après le petit Béloss. qu'on dit avoir extrêmement profité depuis qu'il y est. Madame Bobrinsky veut aussi y mettre ses fils. Il y

eut du nouveau Samedy dernier à notre société *Gatchinoise* chez l'Impératrice, car c'est ainsi qu'on distingue celle du Samedy. On y a fait une lecture, et c'est moi qui ai lu le „Médisant", comédie en trois actes de Gosse, envoyée depuis peu de Paris où elle a eu, dit-on, un grand succès. Peut-être, la scène la rend plus intéressante, le jeu des acteurs fait probablement disparaître le froid que j'ai trouvé dans le rôle des deux femmes; l'auteur a tout sacrifié à celui du „Médisant" qui rappelle le „Méchant" de Gresset. L'Impératrice a été fort contente de ma manière de lire. On m'avait arrangée une place séparée, on avait posé une petite table sur laquelle était de l'eau sucrée; le fou rire me prit, j'observai que je n'étais pas un lecteur assez important pour me donner ces airs; je demandais la permission de m'asseoir tout uniment auprès de la table ronde, de faire emporter le verre d'eau et de lire comme si j'étais dans ma chambre, ce qui me fut accordé. Je prévois que tous les Samedy ce sera la même chose; cela m'est fort égal: je lirai tant qu'on voudra, pourvu seulement qu'il ne soit pas question de jouer la comédie.

L'Empereur va passer trois jours à Tzarskoé-Célo; j'espère qu'il n'oubliera pas ce qu'il m'a promis pour mes soeurs: il m'a bien dit de le laisser faire. Cher Christin, que j'aurais de plaisir à faire encore quelque chose pour m-r Arséniew, c'est-à-dire pour ma tante dans la personne de son mari! Mais conseillez-moi comment et quoi. On l'a mis, comme vous savez, dans cette commission des bâtiments; ce serait peut-être une raison de représenter qu'après tant d'années qu'il a servi comme maréchal de la noblesse de Moscou il eût mérité plus de distinction, ce qui est vrai. D'un autre côté je sais que m-r Arséniew est fort gêné dans ses affaires, et il me semble que si on lui donnait des appointements cela lui serait plus utile qu'un bout de cordon; mais encore une fois comment s'y prendre pour ne pas faire une école?

XCII.

Moscou, le 7 X-bre 1816.

Je ne vous puis rien dire de positif sur l'établissement de M., n'ayant pas les renseignements suffisants pour prononcer avec connaissance de cause. Dans peu de jours je pourrai traiter ce sujet à fond avec m-r Joyeux, homme instruit et de mérite, et qui depuis une année ne quitte pas l'institut de M. où il accompagne le jeune comte Czernichew. Je vous dirai alors ce qu'il en pense. Quant aux éloges de la prin-

cesse Béloss., rien n'est moins concluant: E. ne peut encore avoir fait de progrès marquant; mais s'il a prouvé à sa mère que la circonférence d'un cercle équivaut à trois fois son diamètre, elle aura crié au miracle et chanté un Te-Deum en action de grâce. Nous savons ce que c'est que cet enthousiasme maternel. Je sais depuis Nijni que les moeurs ne sont pas soignées chez M. et que parfois sur certains vices il donnait le précepte et l'exemple. Mais peut-être aujourd'hui cela est-il mieux ordonné.

Qu'est ce que le voyage de l'Empereur? Dans cette saison trois jours de retraite ne peuvent être que pour travailler, à moins qu'il ne soit question de voir des régiments. Ne craignez pas qu'il oublie ce qu'il vous a promis: cela est impossible. Je suis bien à même de vous parler de votre oncle, car j'ai plus d'une fois traité avec lui le sujet de sa carrière. Le 30 août dernier on crut qu'il recevrait la S-te Anne; il n'eut rien du tout. Il me dit ce même jour là: „Que me ferait un cordon? On croirait m'avoir bien récompensé et l'on n'aurait rien fait. La seule chose qui me conviendrait, on ne me la donnera pas: c'est de l'argent. Trente mille roubles me mettraient à flot, et voilà à quoi je ne peux jamais prétendre". Dernièrement encore, quand il fut nommé à la commission, il marqua son étonnement à m-r de Tormassow en lui disant: „C'est sûrement à vous que je dois d'être nommé; car l'Empereur ne me connaît pas". Tormassow lui jura qu'il n'y avait aucune part. M-r Illiine qui était présent lui dit: „Je puis vous assurer, monsieur, que l'Empereur vous a nommé de son chef et qu'il connaît fort bien Moscou et les personnes à employer. Au reste, cette place est sans appointements, mais je crois pouvoir vous annoncer, continua Illiine, que sous peu vous recevrez une somme annuelle à titre d'argent de table". Je conclus, chère princesse, de ces deux conversations que ce qui ferait plaisir à l'oncle serait une somme de 30 mille r., ou une place fixe au Lombard ou ailleurs. Rien n'est plus pénible que de demander de l'argent, et je conçois que cela vous coûterait beaucoup. Mais je pense que soit chez la mère, soit chez le fils, vous trouverez l'occassion d'exprimer votre voeu si légitime de servir l'époux d'une tante qui vous chérit. Je dois vous dire que m-r Arséniew jouit d'une réputation parfaite et qu'il est du très-petit nombre d'hommes pour lesquels on peut parler hardiment. Mais, à chaque fois qu'il en sera question, ayez le plus grand soin de faire en sorte qu'on ne le confonde pas avec un autre Arséniew, aussi maréchal de la noblesse et qui est dans l'esprit du public sur un pied bien opposé. Même nom et même charge; de loin cela peut prêter à un fâcheux qui pro quo. Quand les

conversations amèneront à parler de vous et des vôtres, il me semble que vous pourrez facilement représenter que vous avez un oncle de 60 ans, fort peu riche, ayant servi aux gardes dans sa jeunesse, et dernièrement comme maréchal de la noblesse pour la ville et le district de Moscou pendant bien des années à la satisfaction générale; que cet oncle, jouissant d'une excellente réputation, est parfaitement capable de remplir une place de confiance et que vous demandez permission d'en parler à l'Impératrice-mère, en cas qu'il se trouve quelque vacance aux Enfans Trouvés dont elle est le chef suprême. Vous ajouterez que la position de m-r votre oncle, qui a perdu sa maison en 1812, exige qu'il recherche un emploi qui comporte logement et appointement selon le grade qu'il possède. C'est une explication qui ne pourra que faire plaisir quand elle viendra d'elle-même, et l'occasion ne peut tarder à se présenter. Mais au nom de Dieu, n'oubliez pas de dire en riant, que vous espérez qu'on ne confondra pas votre oncle avec l'autre Arséniew sur lequel l'Empereur a très-vraisemblàblement des renseignements peu satisfaisants. Que tout cela vienne comme de soi-même, et vous aurez plein succès, j'espère. Ah, comme je partagerais votre joye et que je vous trouverais heureuse d'avoir pu servir votre tante. Espérons et prions Dieu qu'Il bénisse une intention si pure, si naturelle, si fort à sa place.

XCIII.

Moscou, Dimanche soir, 10 X-bre 1816.

J'ai vu ce matin l'homme que j'attendais, sur la véracité duquel on peut compter; mais comme de raison il ne faudra jamais le citer, puisqu'il m'a parlé de confiance. Cet homme est fort instruit lui-même, et voit depuis une année les leçons de cette jeunesse et les progrès que font les écoliers. Son avis est que m-r M. jette de la poudre aux yeux et n'enseigne que la plus legère superficie des choses. Les écoliers les plus appliqués ne peuvent rien approfondir; trois leçons, selon M., doivent suffire pour ce qui demande trois mois de travaux assidus, quand on veut graver les choses et non les mots dans la mémoire d'un jeune homme. Joyeux tire sa preuve de ce que tous les écoliers de cet institut sont déroutés dès qu'on change un mot à une question mathématique en en conservant tout le sens. Leur scienne va à retenir quelques propositions et à y répondre juste, pourvu qu'on se serve des mêmes mots exactement, qu'ils ont appris en perroquet: passez la même

question en termes différents, l'écolier n'y est plus du tout. Enfin, il n'en peut sortir que des ignorants présomptueux, mais jamais un mathématicien. E. est gâté au-delà de ce qu'on peut dire, et la pauvre princesse est dans une erreur funeste quand elle s'applaudit d'avoir donné cet enfant à un homme qui le lui rendra perdu de moeurs. Cet article passe ce qu'on peut dire: monsieur M. a chez lui un sérail de gourgandines, il s'en vante, il les montre à ces jeunes gens et leur donne sous ce rapport et celui de l'ivrognerie les plus pernicieux exemples. Tout cela est digne de l'animadversion du gouvernement bien plus que de ses récompenses, et pourtant M. reçoit des lettres *supérieures*, où il est traité de *bienfaiteur de sa patrie*. Voilà ce que produit ici le charlatanisme. J'avais à peu près les mêmes renseignements à Nijni, j'avais su de madame Tolstoï que M. avait mené Alexis chez des filles, et Alexis avait 15 ans. Le père n'en fit que rire, et le jeune homme est retourné à l'institut jusqu'il y a trois semaines qu'enfin il s'y est passé tant d'abus que le comte est allé reprendre Alexis et a fait une scène à M. dont ce dernier s'est moqué, se croyant trop bien appuyé pour que son ancien général puisse lui faire aucun tort. Voilà, chère princesse, ce que vous avez voulu savoir pour votre propre compte; faites en votre profit, mais ne vous chargz pas d'instruire les autres: tout cela viendra au jour en son tems; la vérité finit toujours par surnager. J'avais écrit à Gillet pour prendre les mêmes informations près de lui, car il connaît aussi l'institut et je n'attendais pas Joyeux si fort à point nommé. Je vous enverrai le résultat de sa réponse, et de ces deux jugements vous pourrez former le vôtre.

J'ai été hier dans une fête bien conditionnée. La Marchioletti a chanté trois airs; puis mad. Xavier a déclamé la déclaration de Phedre à Hyppolite; Hyppolite était le petit Urbain, commis libraire, en habit noir et tenant à la main un Racine in folio pour lire son rôle. Ensuite une petite comédie française, et puis bal et souper; mais je me suis refusé ces deux derniers plaisirs et après la comédie je suis venu me coucher à onze heure. Devinez chez qui était cette fête; tous les tableaux, les bronses, la vaisselle et les gens de la comtesse Strogonow défunte y étaient étalés au grand scandale de ceux qui, comme moi, ne peuvent souffrir la légèreté à 65 ans. Y-êtes-vous? Toute la ville etait là. Le prince Youssoupow en sortit incommodé; aujourd'hui il est bien malade d'une attaque de gravelle.

Le prince Dolgorouky vit encore. On jouera la comédie Mercredy chez lui. Comment a-t-on eu l'idée de lui demander son théâtre, c'est ce que je ne conçois pas. Enfin, Kakochkine l'a demandé, l'a ob-

tenu et jouera sa traduction du Tancrède de Voltaire, et peut-être que le prince expirera pendant que les violons joueront à dix pas de lui.

XCIV.

St.-Pétersbourg, le 6 X-bre 1816.

J'ai reçu deux lettres de vous coup-sur-coup; ce sont les № 120 et 121. J'étais en peine de votre santé: les insomnies, la fièvre, le malaise, tout cela me trottait dans l'esprit, mais vous me rassurez en me disant que vous êtes mieux; continuez les bains et la douce-amère: j'ai grande foi dans ce régime et je crois qu'il finira par vous ôter cette fatale démangeaison qui vous dure depuis cinq ans. Il faut que vous ayez une grande âcreté dans le sang. Comment est-il possible que depuis tant de tems vous ne puissiez vous débarrasser de cette fièvre d'ortie? Pardon si je vous dis une chose, mais ne serait-ce pas un reste de quelqu'ancienne maladie que peut-être vous auriez négligée? Dans tous les cas la douce-amère doit être d'un bon effet.

Nous avons ici la petite du prince Alexandre Galitzine, âgée de dix ans et que l'Impératrice Élisabeth élève avec tant d'affection, malade à la mort d'une fièvre nerveuse. On vient de contremander le bal qui devait avoir lieu pour la fête du grand-duc Nicolas, parce que l'Impératrice est trop affligée pour paraître. Ce sera un grand malheur pour elle si elle perd cette enfant auquel elle s'est si vivement attachée et qui lui est une distraction et une occupation si agréable. On soutient cette petite avec du musc; les médecins de la cour ne la quittent ni jour ni nuit, Stoffregen et Chrigton l'ont veillée alternativement.

Je ne me suis donné pour le jour de ma fête ni tapis de votre part, ni porcelaines; je vous remercie d'y avoir pensé, mais c'est parfaitement inutile, et je trouve que c'est un vrai péché de dépenser son argent à ces objets de luxe; j'ai tout uniment de la belle terre anglaise, et j'emprunterai au besoin une théière sans le moindre scrupule. *M-r le Grand* peut même le savoir que cela ne m'embarrasse pas le moins du monde. Je suis absolument au-dessus de ces petites hontes. J'ai donné du thé noir mêlé avec du verd très-bon; on prétend que c'est ainsi qu'il le prend, mais à la première visite je lui demanderai comment il l'aime mieux, et s'il préfère *le green-poudestea,* je lui en servirai, car j'en ai d'excellent. Je pense moi que ce qui lui plait le plus c'est d'être traité simplement et sans apparat. Je l'ai rencontré une couple de fois cette semaine en allant chez la comtesse Lieven, et toujous il s'est

arrêté pour causer avec moi. Mon jour de fête s'est passé très-paisiblement chez madame de Litta; elle n'a reçu personne, parce que le matin elle avait fait dire une messe funebre pour feu sa soeur, la mère de Théodore qui s'appelait Barbe. Nous sommes donc restés en famille, c'est-à-dire entre mad. Chépélow et Serge Galitzine qui était arrivé la veille de Bielatzerkow. On le croyait sur le chemin de Venise ou de Rome, tandis qu'il était aux portes de Pétersbourg. Il est venu pour arranger ses affaires et veut aller dans l'étranger, quoique je fasse tout au monde pour l'en empêcher. De tous ces frères Galitzine c'est Wladimir et Serge que j'aime le mieux. Théodore est fort aimable sans contredit, mais il est prodigue par oisiveté et souvent indiscret par bavardage. Comme je le reconnais à ces changements qu'il fait faire dans sa maison de Moscou! Il faut de toute nécessité qu'il dépense à tort et à travers, et s'il savait le tort infini qu'il se fait par-là dans l'esprit du public, il serait vraiment étonné.

Où avez-vous donc pris que m-r de Maistre avait quitté Pétersbourg? Il n'a pas bougé de sa rue Makhawoy; plusieurs ministres m'ont dis qu'il serait rappelé, mais jusqu'ici il est encore à son poste. Ses filles dansent chez lord Cathcart, et quant à lui il va chaque soir s'endormir sur un fauteuil de la princesse Alexis. Madame Rosalie, qui apparemment a le talent de le tenir éveillé, me disait y a quelques jours combien elle le trouvait aimable, ce que par exemple je n'ai jamais trouvé moi. Le duc de Serra-Capriola est aussi de retour, heureux de se retrouver à Pétersbourg. Il a amené, comme attachés à sa légation, deux de ses petits-fils qui sont aussi ses neveux; car sa fille, si vous vous en souvenez, a épousé le marquis Maresca son oncle, frère de son père. Ces jeunes gens sont exactement deux singes; l'un d'eux a la tête penchée sur l'épaule gauche, l'autre sur la droite, et quoiqu'ils ayent 20 ans, ils semblent être des enfans: ils parlent d'une voix flûtée qui fait mourir de rire et qui prête à mille folies qu'on débite sur leur compte. Le fils du duc va retourner à Naples. Je me souviens que feue la vieille comtesse Apraxine (Anna Borissowna) se plaisait à déprécier les ministres étrangers qu'elle avait vu à Pétersbourg dans les derniers tems de Paul; elle regrettait ceux qu'elle avait connus dans sa jeunesse, et Dieu me pardonne, c'était le marquis de la Chétardie. Eh bien, je suis un peu comme Anna Borissowna, je trouve que ce que nous avons dans ce moment ne vaut pas ce qu'il y a eu. De tout ces messieurs il n'est que m-r de Bray qui soit véritablement aimable; tout le reste est peu récreatif. Ah, j'oubliais Lebzeltern, qui a beaucoup d'esprit et d'instruction; je le vis encore avant-hier chez Nesselrode, et nous causâmes fort agréablement. M-r de Lebzeltern est

resté trois ans à Madrid, puis il a été à Paris et en dernier lieu à Rome; c'est pour la seconde fois qu'il est en Russie où il était venu d'abord avec St.-Julien, mais aujourd'huy il y est ministre d'Autriche sur la demande que notre Empereur en a fait au sien.

Toutes vos nouvelles du Club Anglais sont fausses: il n'a jamais été question de guerre, non plus que du voyage à Cazan. L'argent donné à la princesse Mestchersky est la seule vérité qu'on ait dite, mais c'est folie de croire que l'Empereur l'ait porté lui-même quoi'qu'il ait été une couple de fois chez elle. Les fils sont pages de chambre comme ils l'étaient. J'en ai vu un il y a trois jours servir l'Impératrice; cet été je leur ai souvent parlé, et ils m'ont dit qu'ils devaient être officiers dans le courant de l'hyver avec plusieurs autres pages. Ainsi leur cher oncle a un peu monté en vous contant les succès de la famille.

M-r Svetchine ne manque pas d'esprit ni de sens, je l'ai souvent entendu soutenir contre sa femme des thèses où il avait tout l'avantage sur madame; mais il y avait quelque peu d'aigreur dans son fait, et s'il ne s'en est pas guéri à Moscou, c'est peut-être ce qui le rend taciturne; d'ailleurs, je ne l'ai jamais vu se livrer beaucoup à moins d'être avec des personnes très-connues. Sa femme est à Paris, recevant, je suppose, tous les gens de lettres et les savants, car c'est là sa manie. Elle se fait traiter par Gall, et je crois même qu'elle étudie son système.

XCV.

Moscou, le 14 X-bre 1816.

Ah mon Dieu, la mort de cette petite princesse Galitzine est une chose affreuse, et l'Impératrice Élisabeth a bien du malheur avec ses propres enfans et avec ceux qu'elle élève. Celui-ci était devenu, par les soins qu'elle lui donnait, l'objet de ses affections comme si elle en eût été la mère. Je partage son chagrin, et je sens toujours vivement ce qui touche le coeur!

Maisonfort m'écrit de Paris du 24 IX-bre: „Le fameux Rostap„chine est ici, fort choqué de n'y faire aucune sensation; il faudra qu'il „s'y accoutume, et je ne pense pas qu'il veuille brûler Paris pour ré„chauffer sa réputation. La comtesse Schouwalow fait des dettes et des „sottises; je crains bien que Pozzo-di-Borgo, fatigué de ses écarts, ne la „laisse un de ces jours coucher en prison. Madame Narychkine est re„venue de Londres; elle voit peu de monde et met beaucoup de dignité

„dans sa tenue, c'est à peu près la seule de vos dames russes qui ob-„serve cette mesure. Il y en a qui.... ah bon Dieu!"

Madame Tolstoï est indisposée, j'ai passé avant-hier chez elle; je l'ai trouvée dans son cabinet, dans un grand fauteuil appuyée contre le poële et faisant un petit dîner à l'huile, enfin tête-à-tête avec une religieuse de Jérusalem, tandis que Sophie tenait le haut bout de la table à la chambre à manger. Hier le hasard fit que j'y retournai à la même heure; que croyez-vous que je trouvai? Mad. Tolstoï dans le même fauteuil faisant le même dîner maigre en tête-à-tête avec une grosse *попадья*, femme de son confesseur. Je n'ai pu m'empêcher de rire et de la faire rire de ce goût de prêtraille; un jour je la trouverai avec la femme du diatchok, c'est chose sûre. Passe encore pour la religieuse du St.-Sépulcre, il y a mille choses intéressantes à lui demander; mais que peut-on trouver à dire à madame la confesseuse?

J'allai Lundy chez votre soeur; elle vous écrivait ses comptes 3430 roubles dans l'année. Elle en frémissait, et moi je m'étonne qu'on fasse le tour avec cela. Nous avons dit mille folies sur nos revenus et sommes convenus de faire en finances le mieux que nous pourrons chacun de notre côté, et d'envoyer paître les inquiétudes pour l'avenir bien sûrs que nous arriverons toujours au bout et que ce ne sera pas de faim que nous mourrons. Elle disait: si ma tante vient à mourir? Je répondais: si le comte Markow achève ses jours!—Cela dérangera toute mon existence en me privant d'un asile, dit Sophie.—Cela bouleversera la mienne en me mettant à la rue, ajoutai-je. Mais enfin, nous sommes d'accord sur ce qu'il arrivera quelque chose d'imprévu qui nous tirera d'embarras au besoin; car personne ne reste en chemin faute de moyen d'avancer; on va bien ou mal, mais on va toujours du même pas. Puissiez-vous, chère princesse, aller au gré de mes voeux, votre carrière serait douce comme votre âme, vos jours filés d'or et de soye. Il y a quelque chose de bien doux dans l'amitié que je vous porte, puisqu'elle fait que je vous mets sans hésiter au-dessus de moi pour les voeux que je fais.

XCVI.

Moscou, le 18 X-bre 1816.

Chère princesse, je ne vous écrirai qu'une toute petite lettre aujourd'hui, seulement pour vous parler des élections de Vendredy dont le résultat a été une terrible mortification pour le pauvre A., qui a été accablé de boules noires, honny et conspué dans cette assemblée de la noblesse, à la tête de laquelle il avait tout fait pour se faire élire. Ses grands dîners, ses beaux bals sont en pure perte. J'aurais pu, 24 heures avant l'assemblée, lui prédire son sort, car j'avais entendu clairement l'intention des opinants sur lui et sur sa femme. Pourrions-nous jamais choisir pour nous représenter un homme qui a fait eeci et cela à Smolensk (et les ceci et cela n'étaient certes pas des peccadilles), qui a fait cette vilainie au carousel, qui a fait telle autre chose comme starchina de l'assemblée etc. etc.? D'autres disaient: s'il veut qu'on le choisisse, qu'il conseille à sa femme d'être plus affable; elle donne des bals et ne daigne pas adresser la parole aux femmes qu'elle y invite si leurs maris ne marquent pas par des cordons ou de grandes places; nous lui ferons voir que ce ne sont pas les cordons seulement qui élisent les maréchaux de la noblesse. Enfin, chère princesse, cette rumeur était telle le Jeudy au club que je crus sérieusement que quelque charitable ami donnerait à m-r A. le bon avis de se retirer. Au lieu de cela les Titow et autres gens de sa trempe, à genoux devant la fortune, le grade et la mode, allaient briguant des voix et représentant, maladroitement, combien il serait flateur pour monsieur A. d'être maréchal du gouvernement à l'époque où la cour viendra à Moscou et de pouvoir dire à l'Empereur: la noblesse m'a choisi pour la représenter! Tout cela produisait un effet contraire à celui auquel on visait. Nous voulons, disait-on, un chef qui soigne nos intérêts, et non un homme qui ne nous représente qu'au profit de sa vanité. Tout ce que j'avais vu Jeudy m'empêcha d'aller aux élections le lendemain, ne voulant prendre parti ni pour ni contre. Voici ce qui s'y passa. Vous savez qu'on commence par élire les 13 maréchaux pour les districts, après quoi on choisit un de ces 13 pour le maréchal du gouvernement. M-r A. avait essayé il y a quelques années la bonne volonté de la noblesse de Dmitrow; s'étant voulu faire élire pas ce district, il n'eut qu'une boule blanche et toutes les autres noires. Cette fois-ci il a cru plus prudent de se présenter pour le district de Moscou qu'occupait votre oncle. Au premier tour de scrutin votre oncle a eu toutes les voix pour lui sans

une seule contre, ce qui est fort honorable; mais décidé pour la retraite, il a remercié la noblesse et refusé sa nomination. Alors on a ballotté les autres candidats et, malgré la bonne volonté de votre oncle, qui a fait ce qu'il a pu en faveur de m-r A., ce dernier a été rejetté par l'immense majorité; il a eu le moins de boules blanches de tous les candidats, et sur 200 votants on n'a pu lui rassembler que 18 voix. Jugez de l'effet! Le soir Titow au club en était dans une consternation tout-à-fait risible. Voyez ce que c'est que Moscou, me disait-il, ne y a-t-il pourtant une maison comme celle de madame A.? Y a t-il nulle part des bals comme les siens et des dîners comme ceux de son mari? A quoi peut-on se fier, et que veulent donc ces messieurs? J'aurais bien pu lui répondre: ils veulent moins de faste et plus d'aménité, et surtout moins d'orgeuil vis-à-vis la noblesse non titrée ou non décorée; car enfin dans un jour comme celui-ci le cordon bleu, propriétaire de dix mille paysans n'a qu'une voix comme le moins riche assesseur qui n'a pour lui que son titre de noble. Voilà ce à quoi l'orgeuil ne sut jamais se plier. Les élections sont un acte républicain et dans la république de Moscou comme dans celle d'Appenzel il faut plaire au plus grand nombre quand on veut parvenir au maréchalat. Je ne répondis pas un mot de tout cela: c'eût été le dire sur les toits que de le confier à Titow; je me contentai de sourire de sa consternation. Le pauvre A. hier à son bal en avait la figure décomposée, mais sa moitié rongeait son frein et n'en a paru que plus fière, à ce qu'on m'en a rapporté, car je n'y étais point. J'ai pensé que ces détails vous intéresseraient; comparez mon récit avec celui qu'on vous fera de chez votre oncle et vous pourrez juger l'opinion mieux qu'un autre, car de là on vous parlera comme partisan d'A. et moi (neutre pour ma personne) je vous donne ce que j'ai entendu dire au public qui lui est contraire. Enfin, m-r Obalianinow est maréchal du gouvernement, et le prince Barile Khavansky a la place de votre oncle pour le district de Moscou. Je n'ai vu ces jours-ci ni m-r Arséniew ni Sophie; je les verrai aujourd'hui, j'espère.

XCVII.

St.-Pétersbourg, le 14 X-bre 1816.

Le c-te Tolstoï est ici. Il m'a dit qu'il ne savait pas le tems qu'il resterait, que cela dépend de l'Empereur. Écoutez-donc: cette idée qui vous a passée par la tête l'autre jour sur le service que vous désireriez que je pusse rendre au comte, est-elle bonne? Je ne le crois pas; il me semble que ce contentement proviendrait d'un certain amour-propre. Nous aimons à nous mirer dans nos vertus, et dans ce cas on s'y exposerait. Je vous assure que le sentiment de reconnaissance que je lui conserve ne me pèse pas du tout; fussé-je au plus haut point des honneurs, jamais je n'en perdrai le souvenir. Il n'y a pas 8 jours que le grand-duc Michel me demandant depuis quand j'étais à la cour, je lui répondis: „Mon seigneur, ce fut en 1808 que le comte Tolstoï demanda pour moi le chiffre, c'est à lui que je dois le bonheur d'être ici et de faire votre partie de makao". Je l'ai dit tout haut en présence de quinze personnes, et chaque fois que je puis citer ce trait de sa part, je n'y manque jamais. Il me semble donc qu'il est plus méritoire de conserver cette reconnaissance que de profiter d'une occasion pour s'en affranchir! Me comprenez-vous bien? Peut-être m'expliqué-je mal. Vous avez tort de me menacer du changement de certaines personnes envers moi à raison de ce que vous me croyez *préférée* à deux femmes, très-médiocres d'ailleurs. Jamais cela ne peut arriver, parce que ma conduite est constamment la même; je vous répète que je ne tire aucune vanité de ce mouvement de préférence, je n'en prévois même pas la moindre conséquence pour l'avenir; il me paraît difficile que les relations soyent jamais autres que ce qu'elles sont, et croyez-moi ou non, c'est que je ne les veux pas différentes d'à présent. Enfin, je voudrais bien que vous vous ôtassiez de l'esprit que j'aye changé d'une ligne depuis l'an 1813 où je fis votre connaissance.

Le bal du 12 a été très-brillant; la sale de danse magnifiquement éclairée, celle du souper avec la décoration d'orangers, comme elle le fut aux noces de madame la grande-duchesse Anne, les toilettes très-recherchées des diamants, de l'or, de l'argent, des plumes, des fleurs, le corps diplomatique en grand gala. J'étais ce jour-là de service auprès de l'Impératrice-mère de sorte qu'entrant à sa suite, j'ai eu la facilité de bien jouir du beaucoup d'oeil de l'ensemble. On a dansé d'abord une trentaine de polonaises, après cela vinrent les valses et puis les quadrilles. Vous pensez bien qu'après les polonaises je me fuis

sur ma chaise, j'étais à côté de mad. Armfeldt et, à force de voir tourner les danseurs, je finis par avoir mal à la tête; heureusement que le souper nous conduisit dans une autre chambre où il faisait moins chaud et surtout moins clair. Je me trouvai à table entre la c-sse Strogonow et sa belle soeur Galitzine ce qui m'amusa plus que ma c-sse Suédoise.

Ce qu'il y a eu de plus intéressant ce jour-là, fut la grâce que l'Empereur a faite de doubler la paye de l'armée, c'est-à-dire depuis le général-en-chef jusqu'à l'enseigne, car le soldat reste sur le même pied; cela arrange principalement les officiers subaltarnes qui avaient tant de peine à se soutenir; le plus insignifiant des grades reçoit à présent six cent roubles de paye au lieu de trois cent. Vous n'imaginez pas combien cela a causé de plaisir. Il y a eu quelques promotions de généraux peu connus. Lambert, qui sert sous m-r Gouriew, a eu le cordon de S-te Anne; Ouvarow le second Wladimir; le comte Golowine a été nommé membre du conseil; m-lle Pachkow a eu le chiffre, et mad. Kosadawlew la cocarde de S-te Catherine.

Notre princesse Boris a été fort bien traitée au bal, les jeunes personnes aussi; l'Empereur a dansé avec toutes et même deux fois avec Alexandrine; j'ai été bien aise que cela se passât ainsi en présence de la princesse Dolgorouky si mal disposée pour la famille dans ce moment. Nicolas Dolgorouky n'a point paru; c'est une vraie poule mouillée, je suis sûre que la mère l'aura enfermé dans sa chambre pour l'empêcher de voir Lise à ce bal, et il s'est laissé faire. La princesse Boris a gardé scrupuleusement le silence vis-à-vis de moi sur les sottises qu'elle a faites, et pour ne pas l'humilier, je ne lui en ai point parlé non plus. Ses filles m'ont appris que le comte Potemkine, ayant vu que Dolgorouky s'était retiré, avait demandé à venir dans la maison et qu'il lui avait été assigné de se présenter aujourd'hui; il me suffit de le savoir pour n'y pas aller: elles n'ont qu'à se tirer d'affaire comme il leur plaira; je voudrais déjà que cette grande fille fût mariée une bonne fois pour qu'on ne s'agitât plus.

Des lettres de Paris annoncent la disgrâce complète de m-r de Talleyrand; l'entrée de la cour lui a été refusée. Dans un dîner chez un ministre il a fait une sortie des plus vives sur tout ce qui se passait; il a d'abord attaqué le ministère en général, puis le duc de Richelieu, et finalement le roi; deux heures après celui-ci en a été informé, et le lendemain comme Talleyrand voulait se présenter en qualité de grand-chambellan, il lui fut enjoint de se retirer et de ne plus paraître devant S. M. On prétend que m-r Pasquier est la cause de tout

cela, et que ce Pasquier est pourtant une créature de Talleyrand qui en 1814 lui fit donner les ponts et chaussées, et en 1815 le ministère de la justice. Ils se sont querellés à ce dîner, et telle en a été la conséquence.

XCVIII.

Moscou, le 21 X-bre 1816.

Le doublement de paye de l'armée est une mesure qui fait un plaisir général; mais qu'en pense m-r Gouriew? Supportera-t-il cet accroissement de dépense sans mettre un nouvel impôt? Personne ne s'inquiète où l'on prendra de l'argent et l'on se réjouit de cette augmentation de paye, sans penser qu'on en devra faire les fonds. Au reste, tant mieux qu'on ne s'occupe point des choses sous ce point de vue. Dans un gouvernement comme celui-ci le public ne doit ni raisonner ni prévoir, mais bien s'en remettre au Souverain pour peser les avantages ou les inconvénients de chaque nouveau réglement.

La disgrâce de Talleyrand est une justice tardive et une punition trop douce. Je suis de votre avis que cette chambre ne tiendra pas plus que la précédente, mais il serait trop injuste pour le coup d'accuser les émigrés au moment où on les écarte de toutes les places pour y mettre des amis et des créatures de Buonaparte. Sont-ce les émigrés qui ont envoyé le roi à Gand? Il n'est même plus question d'émigrés, ils se sont fondus dans le parti royaliste, lequel a été en dernier lieu injustement et impolitiquement opprimé, écarté, puni même de sa fidélité. Sous ce rapport, chère princesse, comme je ne suppose pas que vous ayez beaucoup médité, lu, ou suivi les évènements, leurs causes et leurs effets, je dois nécessairemment croire que vous voyez des gens qui sont dans de faux principes et que vous abondez dans leur sens par paresse bien plus que par conviction. Mais lisez Chateaubriand sur la charte et n'allez pas prendre sa brochure de Gand pour le livre que je vous recommande et qui est intitulé *de la monarchie selon la charte*. Lisez le avec attention et jugez si les royalistes voulaient le mal et si la mesure de dissoudre la chambre était prudente. Il annonce qu'on marche à une révolution nouvelle, et je me range tout-à-fait de son avis. Ce sont les ministres qui ne veulent pas de la charte, tout en ayant l'air de ne jurer que par elle. Les royalistes de la dernière chambre ne demandaient pas mieux que de la suivre et de rendre au roi toute l'autorité que cette charte comporte. Mais les ministres

veulent être despotes et ne point marcher *après les chambres*; le ministère veut être un corps administratif et légistatif; ils veulent reduire la représentation nationale à n'être que ce qu'étaient le senat et le corps législatif sous Buonaparte. Alors il ne fallait pas de charte, constituant les droits des députés; et c'est ce que Chateaubriand dit fort bien dès les premières pages de son livre. „Si vous pouviez gouverner par des édits, pourquoi avez-vous donné la charte?" Je vois fort en noir de ce côté-là et j'en apréhende de fâcheuses conséquences pour l'Europe.

Il y a un homme ici qui me croit sorcier, ou tout au moins en correspondance avec le pape. Je lui ai prédit depuis deux ans que le Saint-Père foudroyerait la société biblique comme il vient de le faire et comme cela ne pouvait manquer d'arriver pour mille et une bonnes raisons trop longues à déduire, mais qui sautent aux yeux. Cet homme, qui est ici un des coriphées de cette société, donnait bonnement dans le panneau en traduisant en Russe et faisant imprimer aux fraix de la société biblique un nombre infini de petites brochures pieuses composées en Anglais par la dite société, et tendantes toutes à détruire les dogmes les plus sacrés de l'Église Romaine et de la Grecque par conséquent, tels que la transubstantiation, le mariage comme sacrement, la confession, les ordres etc. etc. Et cependant ces ouvrages étaient des historiettes à la portée du peuple toutes remplies de morale, de piété et de louange de Dieu, opposant la simple oraison a toutes les cérémonies de l'Église Romaine qu'elles traitent de ridicules et surtout représentant la vénération des images comme une idolâtrie coupable. Je disais à cet homme, qui est Rounitch et qui m'assurait que le Saint Synode approuvait ces traductions: „Je ne sais ce que veut „le Saint Synode, je doute bien fort qu'il se soit jamais occupé de ces „brochures, on aura dit qu'elles sont pieuses, et cela aura passé sans „plus ample examen; mais c'est en prêchant l'Évangile que Luther et „Calvin ont renversé la réligion Catholique et ont fait un mal irréparable; vos brochures prêchent tout justement la doctrine de ces prétendus réformateurs; elles ne parlent point de l'Église Grecque; mais „cette église professe les même dogmes que la Romaine, reconnaît les „mêmes mystères et si le Saint Synode avait un *index*, il y mettrait „toutes vos brochures et toutes vos traductions de la Bible, traductions „tronquées et évidemment propres à nuire à la religion plutôt qu'à la „servir. De plus, vos brochures me prouvent aussi clair que le jour „que la société biblique a un but hostile contre la religion; ce but sera „connu *ici* tôt ou tard, mais bien plus tôt encore à Rome, quand le „pape pourra s'occuper des affaires de l'Église".

Le bon Rounitch se moqua de moi, et aujourd'hui que la bulle a été lancée, il commence à croire que je suis sorcier. Je lui réponds par la chanson: *faut pas être grand sorcier pour ça.* Vous ne me parlez point de cette bulle: l'ignoreriez-vous? Qu'en dit le prince Galitzine? Qu'en disent les bibliques? Pour ma part, toute intention secrète de cette société supposée nulle, et admettant qu'elle n'a d'autre but que celui qu'elle annonce, je n'ai jamais compris qu'on dépensât tant d'argent pour donner des bibles aux Kalmouks, aux Kirghis etc. au lieu d'employer ces mêmes fonds à former des prêtres capables de montrer le cathéchisme aux enfans du peuple qui n'en ont pas la première notion. Il y a tant et tant à faire dans l'intérieur du la Russie pour la religion, et ce qu'il y a à faire demande tant d'argent et de dépenses, qu'il me semble qu'on vole aux peuples Russes et Chrétiens tout ce qu'on employe à l'instruction de ces hordes sauvages et mahométanes ou idolâtres. Je compare la société biblique Russe à un riche propriétaire dont la maison aurait brûlé et qui au lieu de la rétablir laisserait ses enfans à la belle étoile et jetterait des matériaux à ses voisins pour leur procurer l'abri qui manque à sa famille. Je crois vous avoir écrit déjà tout cela l'année dernière.

Passons du pape de Rome au maréchal de Moscou, et je vous apprendrai que le cher A.... publie qu'il n'a jamais songé à se faire élire et que c'est votre oncle qui lui a joué le mauvais tour de le proposer. Votre oncle, justement choqué de l'accusation, montre à qui veut la voir, une lettre en toute forme que lui adressa A.... le matin même des élections et dans laquelle il lui apprenait que se trouvant incommodé il ne pouvait paraître à l'assemblée, mais qu'il le chargeait de dire à la noblesse qu'il était prêt à la servir et serait flatté de lui être utile. Cette lettre avait été précédée de prières verbales de le proposer, et je vous demande si après cela m-r Arséniew pouvait se dispenser de le mettre au nombre des candidats sans s'exposer au reproche de mauvaise volonté envers monsieur A.? Enfin, le pauvre oncle est le bon émissaire chargé d'expier la vanité blessée de la famille. Madame A. lui fait une mine affreuse, à ce qu'il m'a conté lui-même. Et votre soeur m'a dit que madame A.... lui disait hier: conçoit-on que quelqu'un veuille être maréchal de la noblesse de Moscou, cela peut-il entrer dans la tête d'un homme de bon sens! Sophie là-dessus veut paraître persuadée que m-r Arséniew s'est trompé et que jamais m-r A. n'a songé à rien. Je me suis moqué d'elle en lui demandant combien mad. A. lui donnait pour tenir ce langage. Elle a i, et *au fond* elle connaît *le fond*, tout comme moi.

XCIX.

St.-Pétersbourg, le 18 X-bre 1816.

Enfin, le sort de Lise Troubetzkoï est fixé: elle est promises au comte Potemkine. Comment la princesse Boris a-t-elle arrangé la chose dans une seule visite, je l'ignore; mais le fait est que le lendemain du bal de la cour, il est venu, il a parlé, et tout a été conclu. On ne m'en a rien fait savoir. Vendredy j'arrivai pour passer la soirée et je le trouvai établi à côté de Lise précisement sur le même canapé où dix jours auparavant je l'avais vue avec Nicolas Dolgorouky. Je vous avoue que je demeurai un peu surprise; la princesse me prit alors en particulier pour m'apprendre que je voyais là un promis en toute forme. Elle me conta qu'on avait eu les réponses de Nijni qui étant très-favorables, Lise s'était décidée de bonne grâce. Sans me permettre aucune réflexion, je fis mon compliment et je rentrai au salon. Hier j'ai revu les promis; ils ont l'air du monde le plus embarrassé, le monsieur ne trouvant rien à dire à la demoiselle et celle-ci ne cherchant pas à le mettre à son aise. Je la trouvai même fort triste. Sophie me dit à l'oreille que cela venait de ce qu'elle avait revu Dolgorouky la veille chez mad. Bobrinsky, qu'il y avait paru désespéré. J'ai répondu que j'étais fâchée de la rencontre, mais qu'il fallait tâcher de l'éviter à l'avenir et s'abstenir de toute comparaison; qu'il fallait au contraire lui citer l'exemple de Tatiana qui avait de la répugnance pour Alexandre avant le mariage et qui s'est mise à l'adorer dès qu'il a été son mari. Sophie m'a bien promis de parler dans ce sens là, Schoulépow aussi, et moi je n'y manquerai pas en toute occasion; avec cela j'espère que nous la mettrons en bon chemin. Actuellement que le parti est pris, il n'y a plus qu'à s'en tirer le mieux possible.

Le séjour de m-r le Grand à la campagne n'a d'autre but que d'y travailler à loisir; c'est la seconde fois qu'il y est allé cet hyver. Cette fois il ne s'est fait suivre que par Chernichew; m-r Arakchéew l'y a rejoint de sa campagne à lui. A propos de Czernichew, je vous assure qu'il est excellent; il a pris le plus grand intérêt au sort de mon vétéran, il l'a reçu avec beaucoup d'honnêteté, s'est fait remettre tous les papiers de cet homme et l'a renvoyé avec la promesse de lui obtenir une place qui puisse le soutenir. Ce pauvre vieux est venu me remercier en fondant en larmes, il ne pouvait assez me conter comment le général lui avait pris la main, l'avait fait asseoir et comme ensuite en le reconduisant il lui avait glissé de l'argent dans sa poche. J'en ai pour ma part une vraye reconnaissance qu'il me tarde de lui expri-

mer. Je crois que les favoris de nos jours valent mieux que ceux du tems passé; autrefois on n'avait pas l'idée de procédés aussi aimables. En général, je pretends qu'il s'est fait un grand mouvement vers le bien; on est devenu plus humain et plus charitable; je vais vous dire à ce sujet une anecdote. Il existait deux bons vieux Allemands que je connaissais autrefois beaucoup. Le mari broyait du tabac, la femme avait été bonne d'enfans dans la maison de madame de Ribeaupierre; au commencement de mon séjour à Pétersbourg je les voyais heureux. La femme, en quittant la maison Ribeaupierre, s'était établie avec son mari qu'elle aidait dans son commerce de tabac, et le petit menage gagnait tout doucement sa vie. Des années se sont écoulées sans que j'aye entendu parler de ces bonnes gens, mais voilà qu'il y a cinq ou six jours, au moment d'aller à la messe, Louise vint me dire qu'une pauvre femme m'attendait sur la porte; j'allai voir qui c'était. Qu'elle fut ma surprise de retrouver mon ancienne connaissance; nous nous embrassâmes du meilleur coeur possible, après quoi elle m'apprit qu'elle était tombée dans la misère la plus complète, que son mari, trop vieux pour travailler comme autrefois, ne gagnait presque plus rien, que tout étant devenu trop cher pour exister ils s'étaient vu dans la nécessité d'emprunter, qu'ils avaient contracté 200 roubles de dettes et qu'on les menaçait de la prison. Elle finit en me demandant cette somme qui une fois payée la mettrait dans le cas de quitter tout de suite Pétersbourg pour aller finir ses jours à la campagne de mad. Zybine, soeur de Ribeaupierre. Le soir même de ce jour, sans rien demander à personne, je me bornai à conter cette histoire dans une société où quelqu'un me donne deux ducats. Le lendemain on m'apporte un petit paquet en forme de lettre dont l'adresse était d'une écriture inconnue, j'y trouvai 50 roubles avec ces mots: pour les Allemands dont la princesse Tourkestanow s'occupe, *de la part d'un inconnu*. Le domestique qui avait apporté le paquet n'était plus là; jamais mes gens ne l'avaient vu. D'où me vient cet argent, je l'ignore; est ce quelqu'un qui m'a entendu conter, ou bien l'histoire a-t-elle été portée ailleurs? Le fait est qu'on a été touché et qu'on a secouru très-chrétiennement mes viellards. J'ai dans ce moment 125 roubles pour eux et je suis presque sûre d'avoir toute la somme dans une couple de jour. Eh bien, cher Christin, il me semble qu'autre fois il eût été plus difficile d'avoir cet argent.

C.

Moscou, le 25 X-bre 1816.

Je vous ai parlé l'autre jour de la bulle du pape à l'archévêque de Mohilew. J'en ai vu la copie; il me tarde de savoir quel parti prendra Sestrentsievietcz. Le pape lui dit en substance: „J'ai sous les „yeux ce que vous avez écrit à vos diocésains sur la société biblique; „vous n'avez pu agir d'une manière aussi contraire à la religion, vous „n'avez pu citer le concile de Trente, en le tronquant, que par ignoran„ce ou par mauvaise intention; dans l'un ou l'autre cas vous avez été „pierre d'achoppement et occasion de scandale, et je vous ordonne en „conséquence de vous rétracter publiquement sous peine d'encourir les „censures de l'Église. Vous ne pouvez pas ignorer que les bibles im„primées par la société sont défigurées, que le sens en est altéré et la „lettre même changée en plus d'un endroit; qu'elles renferment tous les „principes des erreurs de Luther et de Calvin et qu'elles sont plus pro„pres à nuire à la religion qu'à la servir, ce qui a été jugé dès long„tems par le sacré collége des cardinaux, en vertu duquel jugement „ces bibles ont été mises à l'index".

On croit qu'on ne permettra pas à Sestrentsieviectz de se rétracter et que Tourguéniew est une espèce d'antipape qui menace archévêque de perdre tout son temporel s'il ose obéir au pouvoir spirituel qui a droit de lui commander. Il sera curieux de voir comment la lutte s'engagera et se terminera. Nous avons eu ici dernièrement une preuve de l'esprit qui anime la société biblique. Un archévêque Géorgien, devant repartir pour Tiflis, s'adresse à la société pour faire une édition de Bible en lanque Géorgienne. L'archévêque se chargeait de tous les fraix et donna un modèle qui se trouva marginé, comme toutes les bibles slavonnes, pour indiquer les renvois et les jours où certaines psaumes ou certaines évangiles doivent être dits. L'ouvrage était à moitié fait, lorsqu'un certain Écossais, nommé Pinkerton et qui joue un grand rôle dans la société, arrive à Moscou, se rend à l'imprimerie, voit cette bible orthodoxe, jette les haut cris, ordonne au nom de la société biblique qu'on arrête cette édition orthodoxe et ne permet pas qu'il sorte de ses presses d'autres bibles que celles de Calvin sans marges, renvois ni concordance. On lui représent que l'archévêque a avancé de l'argent, et tout aussitôt il le fait rembourser et met son édition au pilon. Voilà un fait positif et qui me semble prouver bien des choses; car enfin, si la société ne voulait que propager les livres saints à bon

marché, elle ne refuserait pas d'en livrer de conformes aux éditions anciennes et regardées comme seules orthodoxes dans les pays où l'Église Grecque fleurit. Que pensez-vous de cela, chère princesse, et quelle est votre opinion sur la bule et sur s'archévêque Sestrentsieviectz? Que pensez-vous aussi de cette autorité d'un petit Écossais en Russie? La société biblique dépend donc d'une secte Anglaise et se trouve en dehors du pouvoir de l'Empereur et du Saint Synode. Cela aussi n'est-il par une chose tout-à-fait extraordinaire?

CI.

Moscou, le 28 X-bre 1816.

... Je n'ai qu'un seul sujet à traiter: c'est celui de Lise et Nicolas, qui fait la conversation de Moscou depuis l'arrivée du comte Potemkine et depuis une lettre de la princesse Dolgorouky-mère, dont on m'a fait le récit ce matin, Potemkine à conte aux Gagarines, et avec assez de vérité, l'épisode de Nicolas, et comment on aurait voulu ce Nicolas de préférence, et puis comment on était revenu à lui Potemkine après le non-succès de Dolgorouky. On a fait sentir à Potemkine que toute vérité n'est pas bonne à dire et que celle-ci n'est pas assez flatteuse pour lui pour qu'il ait à s'en venter. Voyez donc à quoi cette pauvre princesse Boris s'expose avec ces agitations! Savez-vous que cela peut même nuire à ses filles pour un établissement.

Madame Timoféew, soeur des comtesses Worontzow, a eu la semaine dernière une couche affreuse, un travail de 5 jours et 5 nuits dans le plus grand danger; enfin on l'a délivrée, et elle vit; l'enfant seul est mort. Il en est résulté peut-être la mort de la princesse Dolgorouky née Pachkow, femme de prince Woldemar: Richter effrayé de l'exemple de mad. Timoféew, a cru devoir, après 36 heures de travail de cette pauvre princesse, extraire l'enfant par une opération chirurgicale; il a réussi pour l'enfant qui vit *), mais la mere a expiré à l'instant même de l'opération. Le pauvre mari est dans un état à faire pitié.

*) C'est le fameux Bancal. P. B.

CII.

St.-Pétersbourg, le 24 X-bre 1816.

La santé de Tatiana se soutient jusqu'ici très-bien. Mon bon ami le chevalier Ohara a été heureux au possible de revoir et ma soeur et madame Potemkine, qu'il avait connue très-jeune à Vienne. Pendant les deux jours qu'elles sont restées à Venise, elles ont passé leurs soirées chez ce cher chevalier. Il m'écrit et ne tarit pas sur la beaùté de Tatiana. Elle a été faire un tour sur la place de St. Marc donnant le bras à Maurice Odonnel, et tout le monde s'empressait autour d'eux pour voir la belle Russe.

A Florence il y a une colonie Russe; notre ministre, le général Hitrow, y représente à merveille; il donne des bals de 400 personnes. Une Anglaise fort riche donne aussi des fêtes; enfin c'est tellement gay et surtout tellement dansant qu'on a vu mourir dernièrement une dame du pays à l'age de 73 ans, pour avoir trop dansé, et sa fille qui en a 55, loin d'être effrayée d'un si terrible exemple, ne quitte pas le parquet. Il semble, en un mot, que la Fée Cabriole ait passé les Appenins. J'attends maintenant une lettre de Rome et puis je saurai notre monde en place. Si m-r de Markow est encore à Naples, j'espère qu'on se verra. Je serais bien aise qu'il prît ma soeur en amitié.

Je suis demeuré huit jours en parfaite retraite sans voir personne que mad. de Lieven et ma voisine m-lle Kotchétow. Le tems m'a paru plus court encore qu'à l'ordinaire. J'ai fini ma retraite par communier Samedy, et le même soir j'ai paru à l'assemblée ordinaire de l'Impératrice. M-r Nélédinsky a lu je ne sais quel roman qu'à vous dire vrai je n'ai pas voulu entendre, aimant mieux encore la partie de macao où tout se borne à dire *carte s'il vous plaît.* J'ai emporté la poule.

C'est harassée de fatigue que je viens reprendre la plume; ah Seigneur! je suis demeurée deux heures de bout. La messe et le Te-Deum ont pris un tems infini. Il y a grand dîner à la cour, mais il n'y a que le service qui en soit, et c'est Sophie Galitzine qui le fait aujourd'hui près de l'Impératrice Élisabeth; par conséquent elle se trouve du dîner. Je lui ai remis votre lettre hier, et nous avons déploré le malheur qu'elle ne soit pas arrivée quelques heures plus tôt, car André Michel l'emporterait.

Lise Troubetzkoy est enchantée d'avoir vu partir son promis; elle est venue me dire qu'elle en était debarrassée pour quatre mois, et qu'il lui avait si fort déplu les trois derniers jours qu'il est resté avec elle, que c'est avec effroi qu'elle pense qu'au printems elle sera sa femme. Je l'ai prêchée de mon mieux, mais je crains bien que ce ne soit en

pure perte, et quelque fois l'idée me vient que ce mariage pourrait bien n'avoir jamais lieu.

M-r le Grand a été passer deux jours à la campagne, il en est revenu avant-hier soir. Je l'ai vu ce matin avec un plaisir extrême; il y avait huit jours que je ne l'avais rencontré.

Lundy 25 X-bre.

CIII.

St.-Pétersbourg, le 28 X-bre 1816.

La soirée de l'Impératrice Mardy fut contremandée à cause de la nouvelle reçue de la mort du grand-maréchal Tolstoï. Ce pauvre cher homme a eu de grandes souffrances: il a été trois jours entre la vie et la mort; sa fille, son gendre et son fils ne l'ont pas quitté une minute, il a eu sa connaissance jusques six heures avant de mourir. Il s'est occupé de Dieu avec un prêtre Grec qu'il a fait venir de Weymar, et il a eu la force encore de règler quelques affaires à lui. Le comte Pierre est sûrement bien affligé, et je serais allé le voir s'il n'était pas logé chez madame Ostermann, mais je vais lui écrire pour lui demander de ses nouvelles.

J'ai reçu dernièrement des nouvelles de Woldemar Galitzine de Mohilew où il est en quartier; il me fait la confidence d'un amour et vise à se marier; la d-lle est jeune, riche et jolie. Tout cela serait charmant si lui-même avait un peu plus de constance et moins de vivacité. Je lui ai écrit tout ce que l'amitié la plus vraye peut me dicter de plus raisonnable; j'ai pourtant ajouté que si mon avis venait trop tard, il eût bien vite à oublier ma lettre. Nous verrons ce qui en adviendra; je l'aime beaucoup Woldemar, et je voudrais que son sort s'arrangeât heureusement.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

въ 1883 году.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ особенно рекомендованъ для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. УЧЕБНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ училищъ.

Оставаясь вѣрнымъ первоначальной идеѣ, ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ и въ 1883 году будетъ главнымъ образомъ содѣйствовать ознакомленію дѣтей съ важнѣйшими эпизодами отечественной исторіи, біографическими чертами отечественныхъ дѣятелей и выдающихся по своему характеру личностяхъ, а также съ бытовыми сторонами русской жизни. Печатая почти исключительно оригинальныя статьи русскихъ писателей, редакція допускаетъ переводы и передѣлки иностранныхъ сочиненій только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобныя произведенія рѣзко выдѣляются своими достоинствами или вполнѣ соотвѣтствуютъ программѣ журнала.

Въ журналѣ помѣщаются: повѣсти, разсказы, біографіи, описаніе путешествій, статьи историческаго содержанія, историческіе анекдоты, стихотворенія и проч.

Въ будущемъ году журналъ будетъ выходить въ томъ же объемѣ, въ тѣже сроки и при тѣхъ же сотрудникахъ.

За два года существованія ДѢТСКАГО ОТДЫХА въ немъ были напечатаны между прочимъ произведенія слѣдующихъ авторовъ: **Графа Л. Н. Толстаго, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, В. П. Клюшникова, Евг. Туръ, Т. Толычевой, А. Г. Коваленской,** стихотворенія **С. Т.** и **К. С. Аксаковыхъ** и мн. др.

Иллюстрированный журналъ ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ выходитъ ежемѣсячно 15-го числа въ объемѣ отъ 7-ми до 8-ми листовъ печатнаго текста.

Цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ города за годъ 6 руб.
За первое и второе полугодіе отдѣльно по . . . . 3 р. 50 к.
Въ заграничныя государства съ пересылкой за годъ. . . 8 руб.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи журнала (**БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА**, домъ Алексѣева); въ конторѣ Университетской типогра-

фіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева на Страстномъ бульварѣ: «Новаго Времени», Мамонтова и Вольфа на Кузнецкомъ мосту. Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени и Фену.

Гг. Иногороднихъ просятъ обращаться съ требованіями исключительно въ редакцію журнала и контору Университетской типографіи.

Продолжается подписка на оставшіеся экземпляры журнала 1882 года. Цѣна за годъ 6 руб.

Продаются оставшіеся экземпляры за 1881 годъ по той же цѣнѣ.

Издательница Н. А. ИСТОМИНА.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.

Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**

Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.

Записки **И. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Письма императрицъ **Елисаветы Петровны Екатерины Второй,** имп. **Александра Перваго,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.

Бумаги **С. П. Шевырева.**

Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. И. Шипова.**

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.

Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.

Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.

Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.

Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** *(по новымъ документамъ).*

Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.

Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**

Бумаги **графа Н. И. Панина.**

Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**

Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.

Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.

Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.

Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и *Булгакову.*

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный *Пошехонецъ.*

Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—*Воспоминанія* Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—*Записки и бумаги Пушкина.*

КНИГА ТРЕТЬЯ. *Дидеротъ* и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

1881 годъ.

ЦѢНА **8** Р. СЪ ПЕРЕС. **9** Р.

КНИГА ПЕРВАЯ. Русскій паломникъ Барскій.—*Воспоминанія Н. И. Шенига.*—Александръ Полежаевъ.—Бумаги А. С. Пушкина. Со снимками.

КНИГА ВТОРАЯ. Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Подымовское дѣло, А. М. Жемчужникова.—Письма Грибоѣдова къ Ахвердовой.—Бумаги А. С. Пушкина.—Воспоминанія барона Ѳ. Ѳ. Торнова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Біографія графа А. П. Шувалова.—*Воспоминанія* А. С. *Норова* о 1812 годѣ.—Воспоминанія А. П. Бутенева.—Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Бумаги А. С. Пушкина.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.